ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ИСТОРИЯ ВКП(Б)

★

ИСТОРИЯ ВКП(Б)

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОСТАВИЛИ
Д. КИН, И. МИНЦ, С. ПИОНТКОВСКИЙ,
ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ И ДР.

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1929 ★ ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-32007. С. 51. Гиз 27728.
Заказ № 2481. Тираж 10000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» (Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 11. — «Об Октябрьской революции» (Речь в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов 26 октября 1917 г.).

... «не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции» (Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 279, изд. Института Ленина).

IV том Истории ВКП (б) подготовлялся к X годовщине Октябрьской революции, но по целому ряду причин запоздал на год. Он выходит, таким образом, на двенадцатом году существования Советского государства, когда можно и должно дать вполне объективное освещение революционных событий из жизни нашей партии за годы, когда мы делали «шаги к социализму». Тогда, в 1917 г., перед нами стоял вопрос: «гибель или тотчас решительные шаги к социализму» [1]). Ленин говорил тогда: «Начать ставшие безусловно необходимыми и неотложными шаги к социализму — таково определение нашей классовой политики теперь» [2]).

11 лет существования пролетарской диктатуры целиком оправдали линию нашей партии в 1917 году. «Шаги к социализму», сделанные рабочим классом тогда, привели к коренному политическому и экономическому переустройству страны. Правда, мы еще не имеем законченного социалистического строя, у нас еще существуют классы, в Советском государстве все еще существуют десятки миллионов мелких крестьянских хозяйств, из которых вырастают капиталисты и «капиталистики». Однако только слепой мог бы отрицать, что «командные высоты» пролетарской диктатуры не только сохранены пролетариатом: сохранение этих командных высот помогло Советскому государству, под руководством коммунистической партии, поставить во второе десятилетие существования диктатуры пролетариата задачу полной, глубокой реконструкции всего народного хозяйства СССР на началах индустриализации страны, на основе

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XXI, изд. Института Ленина, стр. 110.

[2]) Там же, стр. 111.

более высокой техники, электрификации, коллективизации сельского хозяйства и кооперирования десятков миллионов рабочих и крестьян. Гигантские задачи, которые тогда, в 1917 г., едва намечались, развертываются в это второе десятилетие во всю ширь.

Большевики «не дали себя запугать» в 1917 г., когда в среде руководящего состава партии нашлись оппортунисты, испугавшиеся трудностей взятия власти. Большевики не дали себя запугать и на другой день после революции, когда левые коммунисты, вместе с троцкистами, создали своим поведением кризис в партии, когда Ленин говорил про эту часть партии: «Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина» [1]). Большевики не дали себя запугать и в период гражданской войны, когда в тревожной обстановке Кронштадтского мятежа и крестьянских восстаний X съезд партии, под руководством Ленина, резко поставил вопрос о борьбе за единство партии против фракционеров, запрещал пропаганду внутри партии взглядов, отражающих мелкобуржуазные настроения в стране. Большевики не дали себя запугать и в последующие годы, после смерти Ленина, когда величайшие трудности восстановительного периода, связанные с отсталостью нашего хозяйства, с невероятным разорением периода послевоенной разрухи, породили в нашей партии ряд шатаний и колебаний. Большевики «не дадут себя запугать», и в этот новый период реконструкции советского хозяйства, когда трудности иного порядка, но не меньшие, порождают в свою очередь колебания у отдельных товарищей, в отдельных группах организованного пролетариата, и когда обломки различных фракций, осужденных ленинской партией, пытаются использовать эти трудности для новых атак на партию Ленина.

IV том Истории ВКП (б) выходит тогда, когда многих из участников и руководителей Октября — Ленина, Дзержинского, Свердлова и других — нет среди нас; когда политически умерли люди, бывшие с нами в октябре 1917 г., но не сумевшие итти на более продолжительный отрезок времени рука об руку с нашей партией [2]). Сошли с политической арены крупные буржуазные и буржуазно-демократические партии, и только жалкие их обломки доживают свой век в качестве эмигрантских кружков, где кощунственные надписи на «социалистических» знаменах II интернационала сплетаются с лозунгами фашистских монархических знамен. В главе об оценке характера и движущих сил Февральской революции мы дали характеристику этим партиям того времени, когда они играли крупную политическую роль.

---

[1]) VII съезд. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии, Гиз, 1928, стр. 23.

[2]) К XI годовщине Октябрьской революции друзья Троцкого издали в Нью-Йорке сборник произведений Троцкого последних годов, под редакцией одного из участников коршистского органа и «известного» Макса Истмэна, заклейменного самим Троцким именем клеветника. Сборник этот вышел под заголовком «Действительное положение в России» («The reul situation in Russia». By Leon Trotsky. Translated by Max. Eastman). А в феврале 1929 г. Л. Троцкий стал сотрудником империалистической реакционной печати, опубликовав в органе Черчилля «Дейли Экспресс» статьи, направленные к дискредитации ВКП(б), советской власти и Коминтерна, и тем окончательно разоблачил себя, как мелкобуржуазного политика.

IV том написан в значительной своей части на основании первоисточников. В нем использованы материалы, частично еще не опубликованные и мало разработанные. Составители этого тома стремились дать особенно тщательную картину внутрипартийных разногласий периода 1917—1920 гг. по вопросу о ленинской оценке движущих сил революции, потому что только такая оценка уясняет тактический план партии. Незачем доказывать, насколько необходимо такое освещение уроков Октября, на которых учится не только наша партия, но и Коминтерн, тем более что мы имеем налицо совершенно определенные попытки троцкистов фальсифицировать эти уроки Октября. Составители Истории ВКП (б), оттеняя новое [1]), что внесла империалистическая война в теорию ленинизма, по сравнению с 1905 годом, считали своей задачей разоблачение тех «историков», которые пытались представить дело так, что в 1917 г. ленинская партия «идейно перевооружилась» и что у Ленина в 1905 и 1917 гг. было два стратегических плана по вопросу о перерастании революции буржуазной в революцию социалистическую.

Именно ввиду того, что за 11 лет отдельные участники Октября сумели в достаточной степени исказить историю Октября, мы ставили своей задачей дать более полную картину распространения советской власти в России, дать решительный отпор теории распространения советской власти в стране силой бюрократической инерции, «приказом из столицы», как изображает это дело Л. Д. Троцкий. Ведь мы имеем дело не только с живыми участниками Октября,— на уроках Октября учатся молодые поколения, которые должны знать, кто и как руководил величайшей в мире пролетарской революцией.

IV том охватывает 1917 год и годы военного коммунизма, до введения нэпа. Он дает картину гражданской войны, впервые дает представление о состоянии нашей партии в подполье за эти годы в тылу противника и обрисовывает важную роль нашей партии в деле организации Красной армии, в деле мобилизации многомиллионных масс рабочих и крестьян для борьбы с буржуазно-помещичьей контрреволюцией. Наконец в главе о военном коммунизме составители тома останавливаются подробно на хозяйственной системе военного коммунизма, принимая во внимание, что в нашей среде этот период нередко трактуется одними как узко-героический в о е н н ы й период, а другие историки забывают о том, что это был период в о е н н о й борьбы, делая ударение на том, что это был период к о м м у н и з м а.

Мы стремились так же подходить в этом томе, — как мы подходим и в других томах, — к вопросам с максимальной исторической объективностью, строго соблюдая на протяжении всей работы «историческую перспективу». Но мы не должны забывать, что вопросы, освещаемые в этом томе истории партии, подверглись впоследствии, особенно в период создания оппозиционного блока (в 1925—1927 гг.), бешеному обстрелу со стороны последнего. Оппозиционный блок, по сути дела, подкапывался под ленинскую оценку характера и движущих сил Октябрьской революции. Вот почему анализ важнейших тем истории этого периода имеет в виду вопросы, которые служили предметом дискуссии

---

[1]) ... «Мы даем новое, потому что мы идем к социализму». (Л е н и н, Собр. соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 26).

в более поздние годы и связаны с 1917 годом и периодом военного коммунизма. Для нас история партии вовсе не является работой летописца. Мы рассматриваем свою работу как выполнение прежде всего боевой партийной задачи. Вот почему мы должны были показать, что оппозиционный блок 1925—1927 гг. склеен был на попытке создать единство взглядов по важнейшим вопросам истории нашей партии описываемого в этом томе периода, — по вопросам: 1) о характере движущих сил революции; 2) о так называемой возможности победы социализма в одной стране; 3) о международном характере русской революции; 4) о союзе с крестьянством и т. д.

* * *

Главная работа по составлению настоящего тома выполнена тт. Кином, Минцем и Пионтковским. В составлении этого гома, кроме того, принимали участие тт. Березин, Рахметов, Рубинштейн и Эльвов. Подбор иллюстраций и примечаний сделан тт. Бондаревым и Эльвовым. К сожалению, IV том выходит раньше других томов — II и III в значительной степени уже готовы: III том (империалистическая война) находится уже в печати, II том (1905—1907 гг.) написан целиком, мы рассчитываем, что в 1929 г. из печати выйдут все четыре тома, кроме последнего, V, охватывающего период нэпа и реконструкции советского хозяйства. V том также в настоящее время подготовляется.

Из небольшой группы, взявшейся за работу I тома, коллектив историков-марксистов, работающих над историей ВКП (б), вырос до 20 человек. Опыт вполне доказал, что только такой коллективной проработке под силу выполнение такой огромной задачи, как составление научно-популярной работы по истории партии, которая удовлетворяла бы требованиям комвузов и совпартшкол, при большом разнообразии их программ и различном уровне развития приступающих к серьезному изучению истории ВКП (б).

Критика, которой встретили I том истории партии [1]), единодушно отметила, что тип учебника намечен вполне правильно; но мы прекрасно сознаем, что при самой тщательной проработке вопроса, при освещении такой сложной эпохи, мы могли сделать те или иные упущения и ошибки, и уверены в том, что эти упущения и ошибки нам будут добросовестно указаны.

Ем. Ярославский.

---

[1]) Мы отбрасываем такую критику, как критика В. Ваганяна, как совершенно несерьезную.

ИСТОРИЯ ВКП(Б)

ВОПРОСНИК-ПЛАН К I ГЛАВЕ.

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА И ДВИЖУЩИХ СИЛ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Введение.

Социально-экономические и политические предпосылки революции (хозяйственное положение страны, классы и партии накануне революции, самодержавие перед революцией).

I. Февральская революция.

1) Соотношение классовых сил в Февральском перевороте;

2) буржуазия в революции: возглавить революцию, чтобы предать революцию. Буржуазия и основные вопросы революции: аграрный вопрос, восстановление народного хозяйства и отношение к войне;

3) мелкая буржуазия и вопрос о власти. «Добровольная» передача власти советом буржуазии.

II. Основные черты своеобразия Февральской революции в оценке большевиков, меньшевиков и Троцкого.

1) Меньшевики и оценка перспектив Февральской революции. Основные проблемы революции и мелкобуржуазный блок. Меньшевики и эсеры в вопросе об отношении к буржуазии. Смысл коалиции;

2) постановка большевиками вопроса об осуществлении у нас «до конца» буржуазно-демократической революции, о большевистском лозунге «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», о перерастании революции буржуазной в революцию социалистическую (Ленин — Каменев);

3) Троцкий и большевики в этот период; Троцкий о Февральской революции: вопрос о предвосхищении Троцким позиции Ленина в период Февраля; общая оценка в этот период большевиками Троцкого и Троцким большевиков;

4) позиция Ленина в вопросе о перспективах русской революции, намеченная во время войны в связи с постановкой вопроса о возможности победы социалистической революции в одной стране (показать извращение этих взглядов у оппозиционного блока, см. речи Зиновьева и Каменева на VII пленуме ИККИ).

Заключение.

1) Основная ошибка «правых большевиков» в этот период; освещение этих ошибок у Л. Д. Троцкого; верно ли, что большевизм в 1917 г. совершает идейное перевооружение в сторону троцкизма («разбольшевичивается»), становясь на точку зрения троцкистской теории перманентной революции?

2) Учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

ЛИТЕРАТУРА.

Ленин, Собр. соч., т. XIV,ч. 1-я: «Первый этап первой революции (Письма издалека)», «Луиблановщина». На семинарии желательно освещение преподавателем речей Керенского, Родзянко, Милюкова и других в этот период.

Шульгин, Дни.

Суханов, Записки о революции.

Мат. и док., в. I, «Великие дни русской революции» и др., где приводятся все эти речи.

Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я: «О задачах пролетариата в данной революции», «О двоевластии», «Письма о тактике».

Резолюции апрельской конференции не рекомендуются, чтобы не перегружать материалом, основные положения их приводятся в разбираемых материалах.

Троцкий — о большевизме в этот период.

Ленинский сборник № 4.

Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. 1-я, стр. 5—20, в особенности статью «От кого и как защищать революцию».

Сборник «За ленинизм».

«Уроки Октября», стр. 438—453, 428—432.

Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 172—198.

Хрестоматия Флиндер и Карпов, ч. IV, стр. 218: «Наши разногласия» [1]).

---

[1]) На эту заметку тов. Каменева в «Правде» тов. Ленин и отвечает «Письмами о тактике», поэтому ее следует читать до чтения «Писем» Ленина.

ГЛАВА I.

ХАРАКТЕР И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

а) РАССТАНОВКА КЛАССОВ ПЕРЕД ФЕВРАЛЕМ.

«В России капиталистический империализм новейшего типа в п о л н е показал себя... но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм», т. е. царизм [1]), так характеризовал Ленин результат того экономического развития, которое к концу XIX века поставило Россию в число капиталистических держав, а в XX веке, особенно к началу войны, стало превращать ее в страну империализма.

Перед войной монополистическая стадия капитализма — империализм — уже являлся той системой хозяйства, которая вела за собой всю промышленность страны, но не ему принадлежала руководящая роль в политике: управлял Россией попрежнему крепостник-помещик в лице своей политической организации — самодержавия.

Но капиталистическое развитие и вызываемая им социальная перегруппировка не только не прекращается во время войны, но, напротив, идет несравненно более быстрым темпом... «Война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать» [2]), подчеркивал неоднократно Ленин. Война, обострив социальные противоречия, причинив невиданные бедствия стране, вместе с тем ускорила процесс созревания империалистической буржуазии под крышкой самодержавия.

Миллионы военной прибыли, которые широким потоком текли в карманы русской буржуазии, увеличили ее экономическую мощь. Если принять 1913 год за 100, то только по 60 предприятиям прибыль выразилась в следующих цифрах [3]):

	Основной капитал.	Военная прибыль.	Дивиденд.
1914 г.	108,7	76	85,3
1915 »	110,8	188	132
1916 »	116,9	297	200

Прибыль буржуазии, для которой выбранные нами предприятия в общем типичны, увеличилась за годы войны в с р е д н е м в три раза, при-

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 99.

[2]) «Крестьяне и рабочие», т. XIV, ч. 2-я, стр. 81.

[3]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 31 за 1917 г.

чем она оставалась почти целиком у капиталистов: только в 1916 году правительство установило налог на так называемую военную сверхприбыль всего в 55 млн. рублей, но и эту незначительную сумму разразившаяся революция сохранила капиталистам.

Наряду с этим шел быстрый процесс концентрации промышленности и создания монопольных предприятий, небольшое количество которых в сравнении, например, с Германией дало право ряду исследователей отрицать в России существование империализма, «монополистического капитализма».

В одном только 1916 г. для переоборудования промышленности было ввезено около 20 тысяч станков, примерно, на 80 млн. рублей, а всего за 1914—1917 гг. на 518,7 млн. рублей [1]).

Правда, основная масса переоборудования падает на военную промышленность, а одновременно с ее укреплением целый ряд предприятий, особенно работающих для широкого потребления, закрывался, но тем не менее в результате этого двойственного процесса экономическая мощь буржуазии, как к л а с с а, в целом, неизменно росла.

Вот характерное свидетельство этому факту:

	1914 год			1915 год			1916 год		
	Число предприятий	Раб. в них	Число раб. на 1 завод	Число предприятий	Раб. в них	Число раб. на 1 завод	Число предприятий	Раб. в них	Число раб. на 1 завод
Предприятий закрывшихся . .	356	16 040	45,1	573	16 468	28,7	298	11 212	37,6
Вновь открывшихся	215	19 101	88,8	187	18 100	96,8	276	21 663	78,5

Если число вновь открывшихся предприятий в общем меньше закрывшихся, то зато число рабочих, втянутых в производство, непрерывно растет, все время оставаясь выше числа выброшенных из производства. Притом предприятия, вновь открывшиеся, оказывались несравненно более концентрированными, чем закрывшиеся: число рабочих на один открывшийся завод гораздо выше, чем на закрывшийся.

К тому же огромные суммы вкладывались и в старые предприятия с целью их переоборудования и расширения их производительной мощности.

Развитие России, таким образом, целиком подчинялось тому положению, которое развивал много раз Ленин:

«война причинила... неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она гигантски ускорила развитие капитализма...» [2]).

Непрерывно растущей экономической мощи русской буржуазии соответствовало и усиление ее политического значения. Через военно-промышленные

[1]) А. С и д о р о в, Империалистская война и русское народное хозяйство. Сб. Истпарта, т. I.

[2]) «Позабыли главное», т. XIV, ч. 2, стр. 45.

комитеты, через союзы городов и земств, через особые совещания, созданные при отдельных министрах, буржуазия получила возможность политически организовываться.

Съезды, совещания, заседания всех этих организаций облегчали возможность концентрации разрозненных сил, обмена мнений, выработки единства линии и т. п. Сводки охранного отделения за этот период полны донесениями об усиливающейся политической активности буржуазных кругов.

А что означала эта активность и целеустремленность, выболтал на съезде военно-промышленных комитетов один из капиталистов:

«Русская общественность показала, — говорил Жуковский, — что ее силы настолько выросли, что в момент грозного испытания она оказалась на месте не только словами, не только общими выражениями, но и продуктивной работой. Это дает основание вообще рассчитывать, что в мирное время она (т. е. буржуазия. Ред.) будет призвана к участию в строительстве русской государственности».

Участие во власти — вот та тайная надежда, которой жила «русская общественность», экономически резко выросшая и политически сорганизовавшаяся за время войны.

Но в политике «желать» не значит «мочь»: одно дело «рассчитывать» на призыв к участию во власти, другое — предпринимать шаги к участию.

В этом отношении для русской буржуазии законом стало то, что Энгельс писал о всякой буржуазии, наблюдая ее развитие после революции 1848 года [1]):

«Своеобразная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами состоит в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества, и в первую очередь ее капиталов, приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству: за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат».

За спиной русской буржуазии стоял русский пролетариат, притом пролетариат, который в славные дни революции 1905 года предъявил свои права на руководство движением, а с тех пор успел вырасти количественно и созреть политически: ленские события и июльские баррикады 1914 года были еще памятны.

Одно воспоминание о стоящем за спиной пролетариате заставляло буржуазию быть осторожной в ее слишком смелых мечтаниях:

«В борьбе с нашим врагом, — осторожно продолжает уже цитированный нами капиталист Жуковский, — теперь не время совершать переворот, нужно подвигаться к власти путем эволюции, а не путем революционных переворотов» [2]).

Однако даже подчеркнутый отказ от какого бы то ни было революционного действия со стороны буржуазии в ее продвижении к власти заставил насторожиться самодержавие. Самодержавие попрежнему оставалось в основном властью крепостников-помещиков. В послереволюционный период оно

---

[1]) Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии. Предисловие.

[2]) Подчеркнуто мною. «Я уже раньше указал, — сознался Родзянко, — что умеренные партии не только не желали революции, но просто боялись ее». «Архив русской революции», т. VI, ст. Родзянко.

пыталось сделать «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», но из этого ничего не вышло. Потому что, — писал Ленин [1]),—

«Этот шаг к новому сделан сохранившим свое всевластие, свою землю, свой облик и свою обстановку с т а р ы м...

И именно потому, что э т о т ш а г к новому сделан сохранившим свое всевластие старым, этот шаг не мог привести и не приведет ни к чему прочному. Напротив, он приводит... к нарастанию старого кризиса на иной более высокой ступени капиталистического развития России».

Единственное изменение в результате капиталистического развития предвоенного и военного периода состояло в том, что крепостнические помещики, возглавляемые Романовым, управляли страной в союзе с магнатами финансового капитала, «которым доставались» неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики» [2]). Но самодержавие попрежнему оставалось «главой крепостников-помещиков, главой старого чиновничества и генералитета».

Разговоры буржуазии о продвижении к власти звучали вызовом самодержавию. Брошенный вызов самодержавие приняло и не замедлило на него ответить. Как и полагается в эпоху, когда все рассчитывается на деньги, самодержавие попыталось ударить буржуазию «рублем»: весной 1916 г. был разослан циркуляр особого совещания по государственной обороне о том, чтобы общественным организациям (военно-промышленным комитетам, союзу городов и земств и т. п.) впредь не выдавались никакие авансы. Каким ударом это было для буржуазии, можно судить хотя бы по тому, что обычно выдавалось в качестве аванса до 30% стоимости всего заказа, а если требовалось дооборудование или переоборудование, то и все $^2/_3$ стоимости заказов. Притом, например, заводу «Промет» выдали аванс, хотя он имел еще только стены.

Той же весной (11 мая ст. ст. 1916 г.) совет министров постановил, чтобы военные заказы передавались отдельным крупным заводам, минуя общественные организации, т. е. минуя буржуазные организации, и т. п.

Совсем прекратить поток сверхприбылей в карманы промышленников не удалось (война требовала работы промышленности), но уменьшить его, дать ему желательное направление и тем поставить буржуазию в большую зависимость попытались.

Затем попробовали ударить «и дубьем»: запрещались съезды буржуазных организаций (III съезд военно-промышленных комитетов так и собрался только после революции), снимались с постов министры, почему-либо замешанные в связях с буржуазными кругами, и в министерство были введены представители крайне правых, крепостнических групп.

Документы, оставленные нам царскими архивами [3]), говорят, что самодержавие пыталось сделать и кое-какие шаги, чтобы занести удар над самой Государственной думой, буржуазные представители которой пытались очень робко критиковать самодержавную политику; даже Дума, созванная по сто-

---

[1]) Собр соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 257. Подчеркнуто мною.

[2]) Т. XIV, ч. 1-я, стр. 350.

[3]) «Монархия перед крушением», Гиз, 1927. Собраны В. П. Семенниковым.

лыпинскому закону, бралась под подозрение. Так как в 1917 году кончался срок деятельности Думы, то уже в 1915 году решили готовиться к новым выборам, причем характерно, какой состав хотели иметь в пятой Думе: «допустимы правые октябристы и желательны более консервативные группы» [1].

Правые октябристы только «допустимы», а «желательнее» крепостники-помещики, — таковы те социальные группы, которые предполагалось иметь в Думе.

Тем не менее из мелких аванпостных стычек на этой стадии борьбы не вышли: ни самодержавие не пошло на полный разрыв, ни буржуазия дальше «бунта на коленях» не пошла, да и не хотела итти.

Резкое изменение наступило примерно ко второй половине 1916 года, когда полностью проявились те процессы, которые постепенно накоплялись с начала войны. Хозяйство России не выдержало напряжения империалистической войны. Отвлечение миллионов людей от производительного труда, хищническая растрата производительных сил на войну, классовая политика господствующих классов, усугубляемая неумелым руководством, — привели к полному расстройству хозяйство страны. Через транспорт, на котором еще перед войной нехватало по крайней мере 2 000 паровозов и 80 000 вагонов [2], разруха поползла, как по каналу, по всему хозяйственному организму страны.

«Ведь в тылу идет полный развал... — писал в августе 1916 г. Гучков начальнику штаба Алексееву,—...надвигается поток, — а жалкая, дрянная слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик».

А генерал Алексеев в свою очередь докладывал царю:

«...заводы... переживают тяжелый кризис с рабочими. Забастовочное движение непрерывно растет; преступная пропаганда широко ведет свое убийственное дело...» [3].

Война обострила социальные противоречия до последнего предела: в дверь стучалась революция.

Что грядущая революция пойдет дальше, чем в 1905 году, было ясно даже для умов, меньше всего отличающихся способностью предвидения... «Политическая революция в России невозможна,— писал бывший министр внутренних дел П. А. Дурново Николаю II еще перед самым началом войны, — и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое» [4].

Подхлестываемая нарастающей революцией, буржуазия становится смелее в своих отношениях с самодержавием: дело идет уже не о справедливом дележе политической власти соответственно экономической силе, а о самом существовании и «власти» и «силы».

Но и самодержавие почувствовало горящую под ногами почву. С надвигающейся катастрофой попытались бороться старыми методами, испытанными

---

[1]) «Монархия перед крушением», Гиз, 1927. Собраны В. П. Семенниковым, стр. 228.
[2]) См. доклад Родзянко Николаю II, «Красный архив», т. X, стр. 75.
[3]) «Монархия перед крушением», стр. 262.
[4]) «Красная новь» за 1922 г., № 6, стр. 196.

в первой революции: взять все в узду. «Как на театре военных действий вся власть сосредотачивается у верховного главнокомандующего, так и во всех внутренних областях империи... — читаем мы в уже цитированном докладе генерала Алексеева, — власть должна быть объединена в руках одного полномочного лица».

«Лицо», притом облеченное «высоким доверием», а главное «полнотой чрезвычайной власти»,— т. е. военная диктатура,—и на этот раз должно было спасти положение.

Для «лица» разработан был и план, тоже идущий по старой проторенной дороге.

Предполагалось распустить Государственную Думу, а заодно и все буржуазные организации — «союзы», как их коротко называли в придворных кругах, — чтобы, сосредоточив всю власть в одних руках, быть уверенным «в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего» [1]).

Эта мысль, что внутренний враг опаснее внешнего и что, следовательно, центр борьбы следует перенести с немцев на своих подданных, все резче становится руководящей идеей самодержавной политики. Накануне своего падения самодержавие проявило больше дальновидности по сравнению с своим ближайшим противником — буржуазией: оказавшись перед двумя решениями — продолжать войну и ускорить тем обострение революции, или кончить войну и иметь дело с оппозиционной буржуазией — самодержавие выбрало второе, попытавшись заключить сепаратный мир с Германией [2]). Война из компресса, предохранявшего от слишком высокой температуры внутри страны, превратилась уже в пресс, выталкивающий рабоче-крестьянские массы в революцию.

Для промышленной буржуазии сепаратный мир означал прекращение миллионных прибылей, получаемых от работы на войну. Такой удар переполнил чашу терпения. Окрыляемая сознанием тяжести потери прибылей, подгоняемая буквально наступающей на пятки революцией, буржуазия решается на смелый шаг: опередить революцию, уступив заранее, соответствующим образом приспособив к своим интересам то, что будет так или иначе сметено первой же волной революции. Среди наиболее решительно настроенной части буржуазии зарождается мысль о смене монарха путем дворцового переворота. Предполагалось:

«захватить по дороге между ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью» [3]).

---

[1]) «Монархия перед крушением», стр. 98.

[2]) По вопросу о сепаратном мире существует уже значительная литература. Напр., Семенников, Политика Романовых накануне революции; Граве, Из истории классовой борьбы в России. Затем ряд мемуаров иностранных деятелей — Вильгельма II, канцлера Бетман-Гольвега и др.

[3]) «Падение царского режима», т. VI. Показание Гучкова, стр. 278.

Даже пойдя на столь решительный шаг, правда, не столько по охоте, сколько по неволе, буржуазия оставалась верна своей тактике не втягивать массы: дело шло о том, чтобы опередить их, и дворцовый переворот только являлся одной из форм опережения.

Но хоть буржуазия и осталась без масс, зато получила совсем как будто неожиданного союзника из другого лагеря.

Для англо-французских империалистов выход России из войны означал потерю десяти миллионов штыков на восточном фронте, а с ними и надежды на победу над Германией. Уже один факт смены министра иностранных дел Сазонова, слывшего ярым антантофилом, заставил союзников чуть ли не ультимативно потребовать у Николая повторения обязательства воевать до конца, а слухи о сепаратном мире вынудили пойти и на иные шаги.

«Что делать?.. — говорила за интимным завтраком одна из великих княгинь французскому послу Палеологу. — Кроме той, от которой все зло (императрица), никто не имеет влияния на императора. Вот уже пятнадцать дней мы все силы тратим на то, чтобы попытаться доказать ему, что он губит династию, губит Россию, что его царствование, которое могло бы быть таким славным, скоро закончится катастрофой. Он ничего слушать не хочет. Это трагедия... Мы, однако, сделаем попытку коллективного обращения, — выступления императорской фамилии. Именно об этом приходил со мной говорить великий князь Николай».

«Ограничится ли дело платоническим обращением? Мы молча смотрели друг на друга. Она догадывается, что я имею в виду драму Павла I, потому что она отвечает с жестом ужаса: «Боже мой! Что будет?..»

«... И она остается мгновение безмолвной, с растерянным видом. Потом она продолжает робким голосом: «Не правда ли, я могу в случае надобности рассчитывать на вас?»

«— Да» [1]).

Английские и французские империалисты, двухмиллиардный кредит которых помог расправиться с первой революцией, оказались объективно активными «пособниками» второй революции.

Пока, однако, наверху шла возня между самодержавием и оппозиционной буржуазией с целью обогнать революцию, революция обогнала их: снизу выступили рабочие и крестьяне и против тех и против других.

Ухудшившееся с началом войны положение рабочих и крестьян по мере продолжения войны становилось невыносимым. Вся тяжесть войны пала на плечи широких масс. Если в 1913 году налоги, главным образом косвенные, на предметы широкого потребления составляли 35% всего государственного бюджета, то к концу войны они составляли уже 52%. В то же время источники существования непрерывно уменьшались, так как ни заработная плата рабочих не поспевала за ростом товарных цен, ни крестьянское хозяйство не увеличивало своего размаха, — напротив, посевная площадь сократилась на 6,7% по сравнению с довоенным пятилетием.

Сверх того отвлечение громадного числа населения от производительного труда (всего было мобилизовано до 16 миллионов человек, т. е. 47,4% всего взрослого мужского населения), мобилизация лошадей (до 2 миллионов) и т. п., наконец, мобилизация промышленности для войны — привели к колоссальному сокращению товарной массы, которая во второй половине 1915 г. состав-

[1]) Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 297.

ляла 141,3% довоенной, в первой половине 1916 г. — 109,1, во второй половине 1916 г. — 84,5, а в первой половине 1917 г. — 68,8% [1]).

Если к этому прибавить разрушенный транспорт, что привело к полной дезорганизации рынка, когда, например, рожь в Центрально-земледельческом районе стоила 1 р. 68 к., а в Московском промышленном — 2 р. 64 к., когда в одном месте хлеба оказывалось с излишком (например, в Сибири), а в Петрограде число потребных вагонов пшеничной муки с 40 вагонов в день упало до 12, 10 и даже в некоторые дни до 2, то картина станет ясной. К старым противоречиям, не разрешенным 1905 годом, обостренным эпохой межреволюционного развития, прибавились новые, в сумме своей составившие горючее соединение такой мощности, что любой толчок мог вызвать революцию.

Но история, накопив за годы войны все эти противоречия, подготовила и достаточной мощности оружие для их разрешения. Концентрация промышленности привела к несравненно большей концентрации рабочего класса. По данным ЦСУ [2]) общее число рабочих к 1916 г. увеличилось на 13% по сравнению с довоенным уровнем, причем в некоторых отраслях промышленности — в военной промышленности — процент увеличения доходил до 70, а в абсолютных цифрах: в 1913 году было 400,1 тыс., а в 1916 г. — 638,8 тыс. рабочих.

Особенно резко шла концентрация по отдельным районам: в Петрограде число рабочих с 200 тыс. в сентябре 1914 г. поднялось до 400 тыс. (в круглых цифрах) к 1 января 1917 г., в Донбассе с 180 тыс. до 300 тыс. и т. п.

В отдельных центрах создавались мощные ударные отряды, достаточные для решающего натиска.

Притом основной недостаток революции 1905 года — затрудненность организации миллионов распыленных по громадному пространству крестьян — за годы войны был скинут с пассива революции: пятнадцать миллионов крестьян было собрано в одно место, чем значительно облегчился вопрос о гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству. Тем более, что в лице сотен тысяч рабочих крупных промышленных центров, прошедших годы длительной политической выучки и мобилизованных на войну близоруким правительством, крестьянство получило огромный кадр готовых руководителей и опытных организаторов.

А с другой стороны, сопротивляемость тканей государственного организма понизилась в силу потери на фронте старого кадрового офицерства и замены его выходцами из буржуазных кругов и разночинной интеллигенции, а также распада и гниения верхов аппарата. Наконец стал яснее самый объект удара, поскольку вольно (рабочие и крестьяне) и невольно (буржуазия и капиталистические помещики) все недовольство направлялось на правящую верхушку, ставшую воплощением ненависти широких кругов населения.

Все это привело к тому, что, начавшись голодной демонстрацией 8 марта (23 февраля), революция 12 марта (27 февраля) кончилась организацией Совета рабочих и солдатских депутатов.

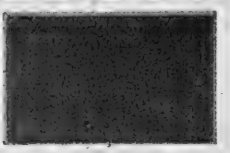
---

[1]) «Красный архив», № 10, Доклад Родзянко Николаю II, и «Пролетарская революция», № 2—3 от 1927 г., ст. Яковлева.

[2]) «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. I и II.

ЧИСЛО ВОССТАВШИХ В ПЕТРОГРАДЕ ВОЙСК С МОМЕНТА ПРИСОЕДИНЕНИЯ К НАРОДУ.

Восставшие войска
у Таврического дворца.



150

26 ФЕВ.

27 ФЕВ.

28 ФЕВ.-2 МАРТА.

«Крестьянство и рабочие — два социальные класса, которые сделали русскую революцию» — так характеризовал движущие силы Февральской революции свидетель, в объективности которого не приходится сомневаться, ибо имя его — «Биржевые ведомости» [1]).

Но рядом с Советом в тот же день был организован и буржуазный аппарат власти — Временный комитет Государственной Думы, принявший участие в создании Временного Правительства, в руки которого и перешла государственная власть.

Ряд обстоятельств предопределил захват государственной власти капиталистами.

К революции правительство готовилось долго и тщательно. Заранее был разработан план разгрома революции и заготовлены в соответствующих местах боевые отряды. Были оставлены специально для борьбы с революцией казачьи части, вопреки настойчивым требованиям фронта, нуждавшегося в кавалерии.

Но то, что произошло, было так неожиданно, так непривычно, что правительство буквально растерялось. Курьезным свидетельством этой растерянности может служить рассказ военного министра Беляева о мерах борьбы с революцией. На предложение вызвать пожарных для разгона демонстраций Беляев ответил отказом: «холодная вода... возбуждает» [2]), уныло пояснил министр.

Сопротивление старой власти растаяло, как тает снег на солнце, — быстро и незаметно, а остатки ее искали спасения в лагере своих недавних противников: смерть самодержавия примирила обоих соперников.

Буржуазия, не менее подготовленная, тоже давно ждала революции, но не того, что произошло. Революция была стихийной, но не в том смысле, в каком понимает ее буржуазия: для нее всякая революция, по крайней мере в эпоху господства буржуазии, есть хаос, безумие, стихия, бессмысленный бунт, беспредметный и бесцельный, хотя нет ничего более конкретного, чем лозунг «хлеба и мира». Революция была стихийной в смысле охвата масс настолько глубокого, что затруднен был самый факт организованного руководства им. В этом смысле революцией никто и не руководил. Именно факт отсутствия руководства едва ли не более чего другого явился неожиданным для буржуазии: в лице рабочей группы военно-промышленных комитетов, в лице гвоздевцев буржуазия готовила себе «своих» руководителей рабочего движения, которым ставилась задача «сдерживать настроение», с которыми легко можно было и спеться [3]), а революция пошла через голову «руководителей» и тем спутала все карты. Растаяли как дым всякие мысли о дворцовом перевороте. Как раз теперь нужна была крепкая испытанная рука, чтобы раздавить движение. Генерал Лукомский в своих воспоминаниях рассказывает, что при первых известиях о революции председатель Государственной Думы Родзянко просил Николая прислать войска, притом понадежней, и одновременно дать ряд

---

[1]) Крупный буржуазный орган. См. № 16128 от 10 марта 1917 г.

[2]) «Падение царского режима», т. II. Показание Беляева, стр. 226.

[3]) Стенографический отчет IV Государственной Думы; пятая сессия, заседание 25/II, стр. 1752. Речь Шингарева.

уступок, чтобы несколько успокоить взбаламученное море. Два-три дня с гигантской быстротой нарастающей революции показали трогательное единство новых союзников в попытке сохранить старое и вместе с тем подчеркнули, как слабы были все эти попытки: уступки не поспевали за событиями. Буржуазия требовала ответственного министерства, самодержавие соглашалось только на замену председателя совета министров Львовым, а в это время уже собрался новый зародыш власти — Совет; буржуазия дальше требовала под напором масс смены монарха («Династический вопрос стоит ребром», говорил по телефону генералу Рузскому Родзянко) [1]), самодержавие соглашалось «дать ответственное перед законодательными палатами министерство», а в это время уже достигнуто было соглашение о созыве Учредительного собрания. Революция пошла дальше всяких возможных уступок, приходилось приспосабливаться к новой обстановке. «Нам нельзя еще высказываться определенно,— говорил 11 марта (26 февраля) вечером Родзянко на небольшом совещании членов Государственной Думы, — так как мы еще не знаем соотношения сил» [2]). Но соотношение сил к этому времени уже явно было не в пользу буржуазии. Оставалось последнее: возглавить революцию, чтобы ее обезглавить.

Любопытно отметить, что, готовясь стать «во главе» революции, буржуазия сделала максимум возможного, чтобы все выглядело как можно более легально. Вот как был организован Временный комитет Государственной Думы, который временно должен был быть властью. На том же совещании, о котором уже упоминалось, князь Шаховской подчеркивал, что так как Дума распущена царем, то от ее имени неудобно организовывать комитет, но сеньоренконвент ведь не распущен, ему и можно поручить составление комитета.

Затем глава Временного Правительства, князь Львов, оказывается, предварительно был утвержден Николаем как председатель «первого ответственного перед палатами Совета министров и таким образом носил на себе преемственность власти, делегированной ему от лица еще несверженной верховной власти» [3]), точно так же, как «революционный» командующий Петроградским округом, генерал Корнилов, по представлению Временного комитета Государственной Думы, был назначен Николаем [4]). Наконец бывший сенатор проф. Э. Н. Берендт в своих недавних воспоминаниях сообщает, что Временным Правительством акты Николая и Михаила об отречении были посланы в сенат... на утверждение [5]).

Если и не удалось спасти монархию, то сделано было все, чтобы переход к новому выглядел как можно законнее и притом с сохранением побольше старого.

---

[1]) Ст. Покровского М. Н. «Исторический смысл Февраля». «Пролетарская революция» № 2—3 за 1927 г.

[2]) Цит. по «Каторге и ссылке», № 1, стр. 217.

[3]) «Архив русской революции», т. VI. М. В. Родзянко, «Государственная Дума и Февральская революция».

[4]) «Пролетарская революция», № 2—3 за 1927 г.

[5]) «Каторга и ссылка», № 1 за 1927 г., стр. 228.

Все это, однако, объясняет, почему буржуазия с т а л а у власти, но не объясняет, почему ее п о с т а в и л и у власти.

«Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его,— писал Ленин [1]), — вот одна из причин, почему революция, совершенная помимо и против буржуазии, все же передала власть буржуазии. Все организации рабочего класса были разгромлены еще во время войны, политические представители пролетариата — большевистская партия — были вне закона и загнаны либо в Сибирь, либо в эмиграцию, причем питерский комитет был снят в самый ответственный момент революции. Да и состав пролетариата в известной мере изменился к худшему в смысле стойкости и революционного опыта за счет вновь втянутых слоев, за счет потерь на фронте и т. п.».

Какое значение имеют новые кадры, Ленин давно отмечал [2]):

«Привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На обучение «рекрутов» рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени».

А в то же время на стороне капиталистических помещиков и буржуазии была годами выработанная организованность, усилившаяся за время войны (военно-промышленные комитеты, земгоры и т. п.). Один факт может дать представление об организованности буржуазии. Газета крупнейшего промышленника Рябушинского — «Утро России» — еще 13 августа ст. ст. 1915 г. опубликовала список «правительства победы», который желательно было получить от царя.

Бо́льшую часть в этом списке составляли те, кто в февральские дни вошел во Временное Правительство: Гучков, Милюков, Шингарев, Некрасов, Коновалов, Львов.

«Власть досталась в руки этой партии (капиталистам), — объяснял Ленин [3]), — не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 года и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации».

Другое обстоятельство крупного значения состоит в том, что Февральская революция была необыкновенно крутым переломом от царизма к широкой свободе. Десятки миллионов «обывателей» потянулись к политике, к участию в государственном строительстве. В такой мелкобуржуазной стране, как Россия, главную массу этих десятков миллионов составляет мелкая буржуазия, колеблющаяся между буржуазией и пролетариатом. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику», —

---

[1]) «Задачи пролетариата в нашей революции», т. XIV, ч. 1-я, стр. 42.

[2]) «Разногласия в европейском рабочем движении», т. XI, ч. 2-я.

[3]) «Уроки революции», т. XIV, ч. 2-я, стр. 34.

писал Ленин [1]), подчеркивая своеобразие противоречия движущихся сил революции и ее результата.

Эта мелкобуржуазная волна в свою очередь определила состав Совета, дав большинство в нем мелкобуржуазным идеологам. Последние к тому же закрепили свое преобладание организационными мерами: по постановлению Временного Исполнительного Комитета заводы избирали депутатов в Совет по 1 на 1 000, а заводы, имевшие меньше тысячи рабочих, избирали по одному депутату. При такой конституции крупнейшие заводы, концентрировавшие около 87% всех питерских рабочих, имели 424 депутата, а мелкие заводы и мельчайшие предприятия с 13% всех рабочих давали 422 депутата [2]). Руководители революционного движения — гиганты-заводы с огромнейшим политическим закалом тонули в мелких, зачастую ремесленного типа, предприятиях с несомненно меньшим революционным опытом. К этому следует прибавить депутатов от всяких служб, управлений, магазинов и т. п., кроме того сотни крестьян — солдат, представляющих армию, среди которых тонули представители революционных заводов.

Наконец не последней причиной перехода власти к буржуазии оказалось и содействие англо-французского империализма, пришедшего на помощь русской буржуазии и материально своими миллионами — американский посол чуть ли не на второй день после революции предложил Временному Правительству заем, — и идейно — опытом и многовековой организацией.

Все это вместе взятое определило то обстоятельство, что плоды победы революционных рабочих и крестьянских масс попали в руки буржуазии.

б) БУРЖУАЗНАЯ ОЦЕНКА ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Три основные задачи стояли перед революцией, требуя разрешения: война, аграрный вопрос и восстановление разрушенного производства.

Война принесла неисчислимые бедствия трудящимся, она вырвала миллионы жизней, разрушила в небывалых размерах производительные силы мира, поставив человечество на край гибели.

Но сама война не была случайностью: она — прямой результат всего предшествовавшего капиталистического развития, неизбежное следствие неравномерного развития капитализма, сбострившегося и получившего свои особенности во время империализма. Она подготовлялась и велась определенным классом, классом капиталистов. От того, какой класс у власти, какой класс занимает командное положение, зависело и дальнейшее отношение государства к империалистической войне.

---

[1]) «Задачи пролетариата в нашей революции», т. XIV, ч. 1-я, стр. 41.

[2]) Один автор приводит следующую очень интересную таблицу:

Предприятия	Число их	% раб. ко всей раб. массе	% депутатов к общему числу деп.
Свыше 1 000 раб.	78	77	42
от 400 до 1 000 раб. . .	61	10	7
» 100 » 400 » . .	175	10	21
» 100 » — » . .	247	3	30

Шелавин, Рабочий класс и ВКП (б) в Февральской революции, стр. 60.

У власти в России стали обуржуазившиеся помещики и буржуазия. «Мы, представители торгово-промышленной деятельности, — заявил в первые дни после революции В. И. Тимирязев на заседании Центрального военно-промышленного комитета, обращаясь к Гучкову, Терещенко и Коновалову, — с особой гордостью взирали на вас трех, потому что вы для нас не только доблестные русские граждане, но и лучшие, достойнейшие сыны торгово-промышленной России» [1]).

«Достойнейшие сыны торгово-промышленной России», чьи интересы вызвали войну, не могли отказаться от своих классовых интересов только потому, что со скамей «оппозиции его величества» пересели на место «его величества». Связанное интересами капитала правительство Гучковых, Львовых, и Милюковых вынуждено было продолжать разбойничью войну вопреки интересам широких трудящихся масс: война для первых оставалась источником чудовищных прибылей, для вторых — чудовищных бедствий.

Выход из грабительской империалистической войны мог быть только в борьбе революционных классов против господствующих классов.

Но те же классовые интересы «лучших сынов торгово-промышленной России» клали предел и решению аграрного вопроса. Дать землю крестьянам означало не только ударить по помещичьей собственности, но и по собственности капиталистической: огромная масса помещичьей земли была заложена и многократно перезаложена в капиталистических банках. Конфискация помещичьих латифундий вырывала многие миллионы из буржуазных карманов, не говоря уже об уменьшении политической мощи буржуазии, поскольку вырывался экономический фундамент из-под единственного союзника. Недаром чуть не на второй день революции буржуазные газеты, сообщая о крестьянских движениях и разгромах дворянских гнезд, видели в них «надвигающуюся серьезную опасность самой революции».

Но даже в наилучшем случае, если бы, пожертвовав часть для сохранения целого, буржуазное правительство дало землю крестьянству («Вообще говоря, — подчеркивал Ленин, — это возможно и без революции против капитала, путем соглашения капиталистов с богатой верхушкой крестьянства»), то земля попала бы, главным образом, в руки крестьянской верхушки, обладавшей и нужным инвентарем, но это не решило бы аграрного вопроса, ибо не дало бы земли трудящимся: разоренный крестьянин голыми зубами не стал бы грызть землю, его нужно было бы снабдить материальными средствами для овладения землею, — скотом, инвентарем, капиталом, а добиться этого можно было только революционными мерами против капитала.

«Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, — писал Ленин, — а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма... что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия не сможет ограничиваться рамками капитализма».

---

[1]) «Торгово-промышленная газета» от 9/III 1917 г.

При таких условиях национализация земли есть уже не только «последнее слово буржуазной революции, но и шаг к социализму» [1]).

Но не менее революционные меры против капитала нужны были и для организации разоренного производства. Нельзя было вырваться из рук голода, нависшего над страной, оставаясь целиком на почве буржуазных отношений, не двигаясь вперед, не делая шагов по пути к социализму.

Понимание того, что по-старому жить нельзя, в известной мере проникло и в сознание правящего класса. Временно управляющий министерством торговли и промышленности В. Степанов оставил нам докладную записку, написанную им для Керенского 21 (8) июня 1917 г. Записка, подготовлявшая материал для правительственной декларации по экономическому состоянию страны, подробно рассказывая о грозящем крахе, останавливается, главным образом, на том, почему в России невозможно ввести социализм. Уже одна та роскошь доказательств, с которой аргументирует министр против социализма, говорит о том, как трудно было доказать «невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства». Тут и техническая отсталость страны, и современное «оскудение», и необходимость привлечения иностранных капиталов, которые не пожелают итти в социалистическую страну, тут и меры «социально-педагогического характера», чтобы отвести «мысли и волю русского общества» от «русла рассуждений об идеальном хозяйственном порядке». Тут, наконец, и довод, повторяемый социал-демократией и почерпнутый оттуда современным оппозиционным блоком:

«Социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет; на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия в сущности еще не приступала; наконец переход к социалистическому строю в рамках одного государства даже и невозможен» [2]).

Единственным средством спасения может явиться только государственный контроль над промышленностью, однако, как подчеркивает министр, «без колебания принципа частной собственности и без отстранения личной заинтересованности», т. е. по существу все остается по-старому, раз контроль остается в руках все того же капиталистического класса, который, таким образом, явится судьей в своем собственном деле.

Что сущность торжественно провозглашенного принципа государственного контроля, подхваченного «реалистически настроенной революционной демократией», очень прозаична, это выболтал и сам Степанов:

«Здесь — в контролируемой промышленности — пользование правом стачек и локаутов, во имя блага страны, приостанавливается в своем действии».

---

[1]) Ленин, т. IX, стр. 749. Подчеркнуто Лениным. «Всю землю крестьянам — это осуществимо и без революции против капитала путем блока, союза капиталистов с богатыми крестьянами. Всю землю трудящимся — это неосуществимо без революции против капитала». «Ленинский сборник», 4, стр. 296—297. Подробнее см. также, т. XIV, ч. 1-я, Речь на первом всероссийском съезде крестьянских депутатов, стр. 170—173.

[2]) Проект правительственной декларации по вопросам экономической политики. «Красный архив» № 10, стр. 93.

Под организацией производства мыслилось ограничение возможности для пролетариата бороться стачками за улучшение существования — не больше.

«Организация производства, — характеризовал Ленин декларацию Временного Правительства, — либо обман (и новое обогащение капиталистов), либо утопия без революции против капитала». [1]).

Итак, класс, ставший у власти, не мог выполнить задач, властно требовавших своего разрешения. Он не мог уже сделать ни одного решительного шага, чтобы вести страну вперед.

«Мы были рождены и воспитаны, — сознался Шульгин [2]), — чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас»...

но не решать революционные задачи. Революция должна была итти дальше к передаче власти другому классу, который смог бы взвалить на свои плечи эту непосильную для «революционеров от монархии» работу.

«Революция опоздала лет на пятнадцать,— жаловалась одна буржуазная газета в дни Февраля [3]), наблюдая быстрое революционизирование широких масс, — она дала первые осязательные результаты лишь теперь, когда капиталистическое хозяйство успело уже развиться, когда в его недрах сплотился рабочий класс, для которого невыносимо стеснительными стали не только политические рамки старого порядка, но и условия существования в рамках буржуазного государства».

Перед лицом пролетариата, которому не только объективно тесно стало «в рамках буржуазного государства», но в руках у которого имелось и могучее орудие борьбы за изменение «условий существования» — массовая организация советов, сплотились все буржуазные группировки вокруг одной политической партии — кадетов.

Еще в первую революцию, характеризуя партию кадетов, Ленин предсказал, что наступит время, когда все буржуазные партии, представляющие различные групповые интересы одного и того же класса, сольются в одну классовую партию.

«Октябрист — это кадет, который применяет в деловой жизни свои буржуазные теории. Кадет — это октябрист, мечтающий в свободные от грабежа рабочих и крестьян часы об идеальном буржуазном обществе. Октябрист немножечко еще научится парламентарному обхождению и политическому лицемерию с игрой в демократизм. Кадет немножечко еще научится деловому буржуазному гешефтмахерству, и они сольются неизбежно и неминуемо сольются...» [4]).

Такой момент был уже налицо в Февральской революции: вместо борьбы за перераспределение прибавочной стоимости между отдельными группами господствующего класса, вопрос стоял о существовании всего класса, только что получившего первые политические плоды революции — правительственную

---

[1]) «Ленинский сборник», 4, стр. 297.

[2]) Шульгин, Дни, Гиз.

[3]) «Торгово-промышленная газета» от 10/III 1917 г., ст. «Революция и народное хозяйство».

[4]) Ленин, т. VII, ч. 2-я, «Опыт классификации русских политических партий», стр. 90.

власть. Но в том именно и состояла задача, что, по одному меткому замечанию, став партией правительственной, буржуазия не стала партией правящей: бессильная выполнить задачи, стоявшие перед революцией, буржуазия нуждалась во власти, чтобы не дать выполнить их другим. Фактическая власть находилась в руках у вооруженного народа, органом власти которого являлся Совет. Один пример покажет, какой силой являлся в тот период Совет. В первый же день своей организации Совет постановил изъять все денежные средства из распоряжения старой власти и передать их под охрану революционных караулов, причем провести в жизнь это постановление было поручено Временному комитету Государственной Думы [1]).

Власть была фактически в руках Совета. Налицо было двоевластие. Взять власть от Совета силой, получить всю полноту власти на данной стадии развития событий, к тому же без союзников, для буржуазии не представлялось никакой возможности, хотя она прекрасно понимала, как рано или поздно использует свою силу народ.

Надо было искать другие возможности.

На заседании представителей съездов торговли и промышленности 7 марта Е. Л. Любович, развивая программу деятельности буржуазии, подчеркивал, что

«политическая революция теперь стоит уже за нашей спиной, но не следует забывать, что впереди стоит социальная революция, и поэтому промышленность должна напрячь все силы для того, чтобы суметь защитить свои интересы» [2]).

Грядущая «социальная» революция требовала максимального объединения всех сил и мобилизации всех средств. Организация — прежде всего, — таково то средство «защиты своих интересов», за которое деятельно принимается буржуазия. Всероссийский чрезвычайный съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства решил в этих целях реформировать существовавшие до сих пор представительные и совещательные учреждения по торговле и промышленности «на началах принудительного участия в них всего торгово-промышленного класса». Решение съезда было подхвачено Москвой, а затем и целым рядом провинциальных городов, созывавших для этой цели свои съезды. Всюду шла лихорадочная организация, мобилизация всех сил. Мобилизация сил шла раньше всего направо, где находились те группы буржуазии, которые были ближе к старому аппарату власти. С этой стороны любопытно отметить состав самого Временного Правительства (см. табл.). Самые важные посты в нем — председательство, министерство внутренних дел, министерство военное, т. е. командование армией, полицией, всем бюрократическим аппаратом — достались Львову и Гучкову, правым политическим представителям буржуазии, из которых первый попал и на пост премьера с ведома и благословения Романова, а второй — соучастник столыпинского законодательства. Кадетам, или, как говорил

---

[1]) «Пролетарская революция» № 2—3, стр. 103.

[2]) «Торгово-промышленная газета» от 10/III 1917 г., ст. «Объединение промышленников».

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ОБРАЗОВАНО 2 МАРТА 1917 ГОДА.

Это представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, — класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Это «коалиционное» «национальное» (т. е. приспособленное для ведения империалистской бойни и для надувания народа» «парламентское» правительство.

Крупные землевладельцы. Агенты крупной буржуазии. Мелк. буржуазия.

Ленин, «республиканцам вчерашнего дня, республиканцам поневоле», были предоставлены посты, если не менее важные, то непосредственного отношения «к командованию над народом и к аппарату государственной власти не имеющие» [1]): министерство иностранных дел — Милюкову, народного просвещения — Мануйлову и земледелия — Шингареву. Наконец Керенскому отдали совсем невинный пост министра юстиции. Такое распределение портфелей не только доказывало, как много стремились сохранить старого в этой передвижке, но и облегчало гибкость дальнейшего поведения: пожертвовав одним-двумя наиболее откровенными сторонниками старого, можно было сохранить большинство портфелей в руках буржуазии. Попутно с этим шла нелегальная подпольная подготовка боевых сил: организация офицерских союзов под различными названиями, всяких обществ и т. п. Генерал Деникин в своих воспоминаних рассказывает о том, что некий господин М., — нетрудно догадаться, что речь идет о Милюкове, т. е. об одном из членов правительства, — фактически был идейным руководителем «республиканского офицерского союза», поставившего боевую силу корниловскому восстанию.

Союзник в лице остатков старого порядка, монархического элемента, был дан самой Февральской революцией, как мы уже говорили. Но это было недостаточно: это давало буржуазии командный состав, офицерство, но нужны были массы; без массы добиться полноты власти было невозможно, массы можно было взять только слева. Уже до революции, учитывая настроение масс и будущую ситуацию, Шингарев говорил Шульгину, что «если власть на нас свалится, придется искать поддержки расширением... налево» [2]). В целях такого «расширения налево» и был введен Керенский в первое же правительство. Страховка оказалась, однако, недостаточной: первая же попытка Временного Правительства вести определенно империалистическую линию — заявление Милюкова о продолжении войны в полном согласии с союзниками — встретила такой бурный протест широких масс Питера, что и Милюков и Гучков принуждены были покинуть правительство в апреле 1917 года. «Заложник демократии», как называли Керенского, не дал массовой поддержки — приходилось расширяться дальше налево. Не будучи в состоянии покончить с двоевластием силой, надеялись победить его коалицией: мелкобуржуазные вожди должны были дать и массы.

«Она (коалиция), — писал Милюков, — во всяком случае дает возможность надеяться на достижение двух главных целей настоящего момента — усиления власти и перелома настроения в армии».

Платформой такой коалиции должна была стать война. Если что-либо вообще оправдывало «участие» буржуазии в революции с ее собственной точки зрения, то это была война.

«Февральскую революцию, — писал тот же признанный идеолог буржуазии Милюков [3]) — мы называли «бескровной» и считали национальной и разумной. Это был плод порыва всех частей нации и всех политических групп, — включая и консервативные, —

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1-я, стр. 38.

[2]) Шульгин, Дни, раздел: «1917 г.», месяцы: январь — февраль.

[3]) П. Милюков, Россия в плену у Циммервальда, стр. 10.

к освобождению от устаревшей политической формы, мешавшей объединить все силы нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага».

Февральская революция в оценке буржуазии была самообороной, только, конечно, не от внешнего врага, как втирает очки немецкому читателю Милюков[1]), а в целях продолжения войны. «Война убьет революцию или революция убьет войну» — эта крылатая фраза, брошенная Мартовым, определила и всю тактическую линию буржуазии в этот период революции — борьбы за массы. Миллионные прибыли, получаемые от войны, толкали буржуазию к продолжению войны. С другой стороны, война велась на деньги англо-французских капиталистов; у них брались миллиардные займы, по которым нужно было платить грандиозные проценты. Буржуазия тем самым вынуждена была продолжать войну, подтвердив старые царские договоры. Наконец продолжение войны разрешало еще одну проблему. Война требует единства руководства. Во всех даже самых демократических странах во время войны власть перешла в руки военного командования. Продолжение войны в России тоже означало концентрацию власти в руках военщины. Тем самым уничтожалось двоевластие и вся полнота власти переходила в руки буржуазии. Под шум войны можно было к тому же отложить, с тем, чтобы потом и совершенно снять, социальные вопросы — аграрный и рабочий, в сумме своей составлявшие то, что сама буржуазия называла социальной революцией.

«Наступление, — писал Ленин [2]), — означало фактическое возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны».

Не избежав революции, буржуазия ставила своей задачей раздавить ее, остановив ее на данной «национальной и разумной» стадии, пока еще не прояснилось классовое сознание революционных масс. Лозунгом данного периода должно было стать: «война до победного конца».

Рельефнее всего программа буржуазии была выявлена в декларации ЦК кадетской партии, выражавшей интересы всей буржуазии. Основные пункты декларации: 1) упрочение авторитета и укрепление власти правительства — «полнота и действенность этой власти»; 2) власть не может опираться на один только моральный авторитет и на добровольное повиновение граждан, ей должна быть обеспечена и сила, поэтому «необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся перед применением всех... мер принуждения», с элементами, «ставящими себе прямою целью разрушение всякого порядка и посягательство на чужие права»; 3) восстановление полной дисциплины в армии; 4) война до победного конца, или, как завуалировано, «неразрывное единение с союзниками, направленное к соблюдению обязательств и к ограждению прав, достоинства и жизненных интересов России», 5) не разрешать до Учредительного Собрания «ни социального, ни национального, ни конституционного вопросов».

---

[1]) Милюков, Россия на переломе, т. I, Париж, 1927 г., стр. 39.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 417.

Милюков, вероятно, исходил из перефразированной пословицы: «что русскому здорово, то немцу — смерть», раз позволил себе выразить эту мысль через 10 лет после революции и грандиозной литературы, выявившей позиции всех классов. Новая книга Милюкова написана была для немцев.

Но путь выполнения этой решительной программы мог быть только один, притом далеко не такой же решительный: уступки, лавирование, обещания, рассыпаемые щедрой рукой, короче — пользование мероприятиями, «способствующими ослаблению классовых конфликтов», как выразился один представитель буржуазии [1]), потому что явное насилие только отбрасывало массы под руководство пролетариата.

Следующие примеры могут служить яркой иллюстрацией этой вынужденной тактики.

24 (11) марта под напором революционных рабочих, явочным порядком вводивших 8-часовой рабочий день на заводах, Совет рабочих депутатов заключил соглашение с обществом петроградских заводчиков и фабрикантов о введении 8-часового рабочего дня, но уже 29 (16) марта на совещании у министра торговли и промышленности А. И. Коновалова представитель общества петроградских заводчиков и фабрикантов Ефрон разъяснил, что «достигнутое в Петрограде соглашение является лишь временной уступкой».

Далее, 28 (15) марта на заседании Особого совещания по топливу по предложению председателя Васильева было решено всю прибыль, получаемую углепромышленными предприятиями сверх 15%, обратить в пользу государства [2]). Решение это, конечно, никогда в жизнь проведено не было.

Классовый смысл всех таких решений выболтал при посещении московской биржи министр торговли и промышленности Коновалов:

«Моральное значение проведения декрета о лимитации (ограничении) прибылей чрезвычайно важно не только для смягчения недоброжелательного отношения к торгово-промышленному классу, но и для правительственной власти. В руках ее оказалось бы новое убедительное доказательство готовности торговли и промышленности нести всевозможные жертвы для общего блага, доказательство, парализующее предъявление новых требований» [3]).

Задачи всех этих мероприятий — уступкой опередить новые более резкие требования и усыпить тем бдительность рабочих.

Обещания — единственная вещь, которая, по выражению Ленина, очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны, — должны были сыграть роль масла, успокаивающего разбушевавшиеся волны, чтобы выиграть время, собраться с силами, а затем... «сделаем поворот и пойдем правым гальсом», как цинично заявил Шингарев [4]).

Революция, свершенная помимо и против буржуазии, должна была вернуть к министерским скамьям буржуазию под охраной императорского караула.

---

[1]) «Торгово-промышленная газета» от 8/III 1917 г.

[2]) «Торгово-промышленная газета» от 16/III 1917 г.

[3]) «Торгово-промышленная газета» от 17/IV 1917 г. Подчеркнуто мной.

[4]) «Февральская революция». Мемуары. Гиз. 1925 г., стр. 68.

в) ФЕВРАЛЬ В ОЦЕНКЕ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ.

При первом взгляде на многообразие политических течений подпольной России накануне Февральской революции может показаться, что большевики составляли только крайне левое крыло среди остальных течений. В самом деле, среди одних лишь социал-демократов мы имели следующие группы и группки: оборонцы, делившиеся на крайне правых (Плеханов, Алексинский и др.), по существу разве только остатками марксистской терминологии отличавшиеся от либеральной буржуазии, и более умеренные оборонцы, группировавшиеся вокруг сборника «Самозащита» (Либер, Маслов, Потресов); «центр» (Дан, Церетели), возглавляемый Организационным Комитетом (меньшевистский ЦК), причем «центр» в свою очередь распадался на правый и левый «центр»; наконец, так называемые меньшевики-интернационалисты (Мартов, Мартынов), к которым очень близка была группа Троцкого [1]).

Но такое впечатление получается лишь при первом и притом беглом взгляде. На деле все эти течения делились на две резко обособленные группы— революционные интернационалисты и оборонцы, в своих программах и тактической платформе отражавшие два разных класса: пролетариат и мелкую буржуазию.

Россия по составу своего населения страна мелкобуржуазная. Наряду с различными слоями сельской мелкой буржуазии в стране насчитывались огромные массы городской мелкой буржуазии: ремесленники, кустари, интеллигенция и т. п., к которым нужно присоединить рабочих, поставленных в наиболее мелкобуржуазные условия существования или сохранивших мелкобуржуазные взгляды. Такое богатое разнообразие социального состава определяло и обилие политических партий мелкой буржуазии, своим правым крылом уходивших в буржуазные партии, а левым приближавшихся к пролетариату. Чем выше подымалась революционная волна, чем решительнее выступал гегемоном движения пролетариат, тем больше выдвигала мелкая буржуазия свое левое крыло, под которым на время скрывались все остальные течения. Но стоило стихнуть революционной буре, революционному приливу уступить место отливу, как левое крыло сворачивалось и на гребне спадающей волны появлялись другие политические представители мелкой буржуазии — правые партии. Но и в том и в другом случае существо политических течений оставалось неизменным: социальной базой продолжала быть мелкая буржуазия.

В Февральскую революцию все оттенки мелкобуржуазных партий скрылись под так называемым революционным оборончеством. Этим термином

---

[1]) То же наблюдалось и среди эсеров. Мы в дальнейшем остановимся лишь на меньшевиках, ибо с точки зрения отношения к пролетарской революции между ними и эсерами существенной разницы нет.

«Что это — одно течение, — писал Ленин, — что разница между меньшевиками и эсерами, с точки зрения их отношения к борьбе между буржуазией и пролетариатом, несущественная, это доказали особенно убедительно и особенно наглядно события русской революции с февраля 1917 года. Меньшевики и эсеры, — разновидности мелкобуржуазной демократии, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения» (т. XV, стр. 520, ст. «Ценные признания Питирима Сорокина»).

покрывались как меньшевики, так и эсеры, так что Советы рабочих и солдатских депутатов, в которых господствовало революционное оборончество, фактически представляли собой партию всей мелкой буржуазии, или «революционной демократии», как называл ее блок меньшевиков и эсеров. Сходство Советов с политической партией усугублялось тем, что Советы зачастую выступали во время тех или иных выборов с своими самостоятельными списками, и в этом случае другие меньшевистские или эсеровские списки не фигурировали. Этот факт вынуждена была подчеркнуть конференция меньшевиков, в особой резолюции о Советах, заявив, что «социал-демократия должна бороться с этой тенденцией, устраняя своей политической практикой заместительство себя Советами».

Для «революционных оборонцев» Февральская революция была революцией буржуазной. «Мартовская революция 1917 г., — писал один из органов меньшевиков, — является буржуазной революцией в полном, классическом смысле этого понятия. Государственная власть, вырванная из рук бюрократии и части дворянства, перешла к крупной и отчасти средней буржуазии... Одним словом сущность революции — ее социальное содержание и ее историческая тенденция — буржуазно - капиталистического характера. Иной она и быть не может по всему социально-историческому положению страны» [1]).

Но, определив характер революции, как революции буржуазной, меньшевики, как и в 1905 г., механически сделали вывод по вопросу о движущих силах и перспективах революции. «На данном уровне нашего экономического развития буржуазии не может не принадлежать руководящая роль в экономической жизни страны», — так определил роль и значение буржуазии официальный орган меньшевиков [2]), а виднейший меньшевик Потресов со свойственной правым меньшевикам прямолинейностью еще резче подчеркнул гегемонию буржуазии в революции:

«Даже в наше время, являющееся предисловием к мировой социалистической истории, в общественно-отсталой стране, в особенности же в такой исключительно отсталой, как Россия, к моменту буржуазной революции наиболее социально и психологически подготовленной для решения общенациональных задач оказывается все та же буржуазия. То есть все тот же класс, которому на ближайший, хотя бы и короткий период истории, на время укрепления в стране порядка развитого капиталистического строя уготована роль хозяина-распорядителя» [3]).

В этой оценке революции между правыми и левыми меньшевиками не было никакой разницы. Вот что писал стоявший на левом фланге мелкобуржуазного блока Суханов:

«Власть, идущая на смену царизма, должна быть только б у р ж у а з н о й. Трепова и Распутина должны и могут сменить только заправилы думского «прогрессивного блока». На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся, и революция погибнет» [4]).

---

[1]) «Дело» № 3, 1917 г., стр. 23.

[2]) «Рабочая газета» № 1, 1917 г.

[3]) «Дело» № 3—6, 1917 г.

[4]) Н и к. С у х а н о в, Записки о революции, стр. 17.

А объясняя свою позицию, «левый» Суханов развил ту же аргументацию, которую мы слышали от «правого» Потресова: демократия распылена, пролетариат не сплочен и притом не в состоянии управлять страной, если бы он взял в свои руки власть. Мало того. Установление демократической власти в обход «прогрессивного блока» означало бы сплочение рядов «всей имущей России против демократии и революции». Короче, в основе лево-сухановской аргументации лежала все та же старая меньшевистская боязнь, как бы пролетариат своими решительными действиями не оттолкнул буржуазию.

С этой точки зрения едва ли не самую любопытную страницу во всей книге Суханова представляет его разговор с Милюковым в первые дни революции. Суханов в разговоре набросал яркую картину событий. Революция все разворачивается и идет гигантскими шагами вперед; ускорять движение ни для кого уже нет нужды, оно и так быстро катится под гору; сдержать его в определенных рамках стоило бы огромных усилий...

«Во всяком случае, надо тщательно установить те границы, в которых было бы разумно пытаться направлять движение, — говорил Суханов Милюкову, — а для этого необходимо знать, чего именно можно достигнуть этими рискованными попытками... Можно ли рассчитывать, что при таких условиях эти (милюковские.—Р е д.) круги образуют революционную власть, способную закрепить новый строй»... [1]).

Боясь, что пролетариат своими неумеренными требованиями может запугать буржуазию, Суханов забегает вперед и сам запугивает буржуазию, чтобы заставить ее взять власть. А когда собеседник Суханова, прекрасно понимающий настроение мелкого буржуа, чтобы не продешевить и добиться максимума льготных условий, начинает вилять и оттягивать согласие на взятие власти, ссылаясь на «прогрессивный блок», без которого кадеты, мол, не возьмутся за организацию правительства, Суханов разразился следующей фразой:

«В этом ответе, как в капле воды отразился весь наш либерализм, с его лисьим хвостом и волчьими зубами, с его трусостью, дряблостью и реакционностью [1])...

Трусость, реакционность, — такие резкие отзывы вырвались из уст мелкого буржуа, даже наиболее «левого», по адресу хозяина, когда ему показалось, что хозяин может не взять власти и ему самому придется стать во главе революции. Но раз гегемоном революции остается буржуазия, а впереди «России предстоит еще долгий период буржуазно-демократического развития» [2]), то в силе остается и тактика, намеченная на этот случай еще в 1905 г.

В брошюре «Две диктатуры», давшей развернутый план всей меньшевистской тактики, задачи партии были определены следующим образом:

«Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца... Пролетариат будет оказывать свою моральную поддержку хотя бы самым умеренным либералам, пока и поскольку они

---

[1]) Ник. Суханов, Записки о революции, кн. 1-я, стр. 17.

[2]) «Рабочая газета» № 6, ст. «Временное Правительство и рабочий класс».

находятся в оппозиции, он восстанет и восстановит против них более радикальные элементы буржуазного общества, как только они обнаружат примирительные поползновения... Только таким образом крайняя оппозиционная тактика пролетариата будет последовательно двигать революцию вперед»... [1])

Эту тактику меньшевики целиком перенесли на революцию 1917 года. Советы рабочих и солдатских депутатов, по мнению меньшевиков, как раз являлись той формой организации, через которую, оставаясь крайней оппозицией, можно было производить давление на буржуазное правительство, толкая его вперед по пути революции.

«Наше дело, — развивали меньшевики свою тактику применительно к конкретной обстановке 1917 года, — помочь ему (Временному Правительству) довести революцию до конца и в то же время препятствовать попыткам с его стороны эту революцию задержать или повернуть назад. Но и эту вторую задачу мы лучше всего осуществим не криками об измене и не попытками захвата власти пролетариатом, а организованным давлением на правительство и неустанной проповедью наших взглядов в отсталых слоях населения» [2]).

Итак, буржуазная революция не закончилась. Закончить ее должна сама буржуазия, как класс, «наиболее социально и психологически подготовленный для решения общенациональных задач», как класс, которому предстоит роль хозяина-распорядителя. Но хозяин к выполнению своих задач сам по себе мало расположен. Отсюда обязанность крайней оппозиционной партии напоминать буржуазии о ее роли, подталкивая ее легонько вперед.

Когда же буржуазия пыталась оказать активное сопротивление этому, даже и легкому, толканию, иногда уходя совсем из правительства, как это позже сделал Гучков, меньшевики отнюдь не пересматривали своей тактики, а взамен ушедших искали более покладистых или более «демократических» по меньшевистской терминологии.

На заседании депутатов всех четырех Государственных Дум 27 апреля на попытку крепостника-монархиста Шульгина защитить такого же зубра Гучкова Церетели ответил, что, к счастию, идеи депутата Шульгина не являются идеями всей русской буржуазии, в противном случае «в России не осталось никакого пути спасения, кроме отчаянной попытки теперь же объявить диктатуру пролетариата и крестьянства, потому что эти идеи — это и есть единственная реальная опасность гражданской войны» [3]).

С этой точки зрения, точки зрения незаконченной буржуазной революции, закончить которую предстоит подталкиваемой вперед буржуазии, подходили меньшевики к решению всех основных задач революции.

Понимая, что революция в значительной степени направлена и против войны, меньшевики вынуждены были принять лозунг мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Но конкретная действительность

---

[1]) А. Мартынов, Две диктатуры, 1918 г., из-во «Книга», стр. 78.

[2]) «Рабочая газета» № 6, та же статья. «Не бороться за его устранение (Временного Правительства), не бороться за его замену правительством, состоящим из представителей демократов, но оказать на него максимальное давление для проведения демократических требований и звать к этому давлению организующуюся демократию», — так писала передовая в «Рабочей газете» № 1.

[3]) Речи Церетели, стр. 60.

поставила революцию не перед вопросом, к а к о й лозунг должен быть сформулирован на данном этапе развития, а к а к этот лозунг может быть претворен в жизнь. Тот метод, при помощи которого меньшевики решали проблему, целиком совпадал с тактикой буржуазии. Верные своей тактике — подталкивать буржуазию вперед, меньшевики своей основной задачей в борьбе за мир считали — добиться от Временного Правительства лишь обещания стремиться к скорейшему заключению мира на демократических условиях.

Наряду с этим меньшевики проектировали настойчивое обращение к пролетариату всех воюющих стран с призывом оказать давление на свои правительства, чтобы присоединиться к программе российского Временного Правительства и тем самым открыть мирные переговоры. Наконец в состав меньшевистской программы мира входил созыв международного социалистического конгресса для согласования усилий пролетариев всех стран в борьбе за мир.

Во всех этих пунктах мелкая буржуазия целиком оставалась на почве буржуазных отношений, ибо такая программа, если бы она и была принята буржуазными правительствами, не дала бы нужного всем мира; она означала заключение империалистского мира, отнюдь не избавлявшего человечество от новой империалистской войны, и открывала возможность сговора, оттяжки, отвлечения внимания широких масс.

Но меньшевики постарались даже и эту, не выходившую за рамки буржуазных требований программу свести на-нет, приняв следующий пункт:

«Пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боеспособности русской армии для всесторонней защиты страны от угрожающих ей внешних опасностей» [1]).

В переводе на язык конкретных отношений это означало, что, пока будет итти закулисная подготовка к мирным переговорам, меньшевики поддерживают продолжение империалистской войны. Так это и поняло буржуазное Временное Правительство, подготовившее и начавшее при поддержке мелкобуржуазных политиков наступление 18 июня.

И тут опять-таки между «правыми» и «левыми» меньшевиками никакой существенной разницы не было.

Суханов, который во время войны, правда, крайне неуверенно и непоследовательно, выступал против войны, прекрасно понимал, что создание демократической власти «о з н а ч а л о б ы н е м е д л е н н у ю л и к в и д а ц и ю в о й н ы со стороны демократической России» [2]). Именно поэтому «левый» Суханов выступил против создания демократической власти, которая неминуемо приступит к ликвидации войны.

«С о з д а н и е у с л о в и я д л я л и к в и д а ц и и, а не самая ликвидация войны,— писал Суханов, вскрывая свою капитулянтскую позицию в вопросе о войне,—вот основная задача переворота. И для этого была необходима не демократическая, а буржуазная власть».

---

[1]) Всероссийская конференция меньшевиков и объединенных организаций РСДРП, Петроград, 1917 г. Резолюция о войне.

[2]) Н и к. С у х а н о в, Записки о революции, кн. 1-я, стр. 20.

Еще резче буржуазный характер меньшевистской тактики сказался в решении аграрного вопроса. Меньшевики сохранили свою аграрную программу 1906 года, внеся больше конкретности только в вопрос о конфискации помещичьей собственности. Крупнейший меньшевистский теоретик аграрного вопроса П. Маслов, у которого К. Каутский черпал доводы в своей атаке против большевиков, выступил с кадетским предложением выкупа земельной собственности.

«Против бесплатного отобрания помещичьих земель в общественную пользу, — аргументировал П. Маслов, — резонно говорят, что несправедливо у одних отбирать их имущество, когда у других богатых людей имущество останется: останется оно у городских домовладельцев, у денежных капиталистов. Кроме того помещичьи земли заложены в банках, и это же может расстроить банки, разорить мелких капиталистов и т. д.» [1]).

Вместо конфискации Маслов предложил выкуп, причем «или государство должно взять единовременный налог (это очень трудно) со всех капиталистов в уплату за землю, или наложить на них налог, рассроченный на несколько лет». Что аргументация Маслова не была случайной, доказывает тот факт, что и Н. Рожков, занимавший более левую позицию, повторил ту же аргументацию в своей брошюре [2]).

В основе рассуждений обоих теоретиков, делавших доклады на всероссийской конференции меньшевиков в мае 1917 г., лежало признание того факта, что капиталистическое развитие деревни шагнуло так далеко, что крепостнические латифундии в основном уже стали капиталистическими или перешли к капиталистам, и к такой земле следует подходить как ко всякой частной собственности.

Конференция меньшевиков не рискнула закрепить в резолюции этот взгляд, уклонившись от всякой аграрной резолюции по существу: она лишь подчеркнула, что земельная реформа может быть совершена только Учредительным Собранием, а это было простым повторением буржуазных требований, настойчиво пропагандировавших отсрочку всех социальных реформ до далекого Учредительного Собрания.

То же повторилось и с попыткой меньшевиков разрешить экономический кризис — третьей основной задачей, стоявшей перед революцией.

Первый же вопрос, с которым они столкнулись на этом пути, был вопрос о введении 8-часового рабочего дня. В ответ на бурный процесс явочного перехода фабрик и заводов к 8 часам работы официальный орган меньшевиков выступил со статьей против общего введения 8-часового рабочего дня.

«Вот сейчас у нас, — писала газета, — идет борьба за свободный политический строй. Восставший народ быстро занял важные политические позиции. Как же быть дальше? Иные подсказывают: перейти к борьбе за иное требование — 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах. Что это значит? Это значит бросить занятую политическую позицию и перейти на новую — экономическую. Но разве так делают на войне? Нет, там, завоевав позицию, на ней хорошо окапываются, ее старательно укрепляют... А закрепив демократические свободы и организовавшись, рабочий класс может перейти к планомерной борьбе с своими экономическими противниками»... [3])

---

[1]) П. Маслов, Что делать с землей?, 1917 г., стр. 13.

[2]) Н. А. Рожков, Экономические и социальные задачи революции, М. 1917 г.

[3]) «Рабочая газета» № 4, ст. «Не разбивайте сил».

Выступив против введения 8-часового рабочего дня, меньшевики оказались более буржуазными, чем сами капиталисты: в тот момент, когда писалась эта статья, петербургские фабриканты и заводчики подписывали соглашение о введении 8-часового рабочего дня.

Это отнюдь не было случайной ошибкой тактики, напротив, это было лишь частичное проявление целой системы.

В самом деле. На всероссийской конференции меньшевиков 20 (7) мая 1917 г. была принята специальная резолюция по рабочей политике. Подчеркнув, что буржуазная революция в России происходит на базе высокого развития производительных сил, что рабочий класс поэтому не может остановиться на достижении политических свобод, а будет требовать и ряда социальных реформ, меньшевики, однако, заявили в резолюции, что надо избегать «всякого проявления экономической борьбы рабочего класса или радикальной реформы в области рабочего законодательства». «Такие требования,— разъясняет дальше резолюция,— могут быть использованы контрреволюционными силами в целях политической изоляции рабочего класса путем противопоставления его классовых интересов общенародному делу».

Таким образом вся рабочая политика меньшевиков подчиняется не интересам пролетариата, а ставится в зависимость от интересов господствующих классов. Буржуазия определяет характер и размер тех требований, которые меньшевики будут ставить в интересах пролетариата. Размер этих требований должен быть таким, чтобы буржуазия сама не чувствовала необходимости оттолкнуть от себя пролетариат.

Положительная программа меньшевиков сводилась не к углублению классовой борьбы, даже не к продолжению ее, а, как определял меньшевистский официальный орган, к борьбе с наиболее темными сторонами существующего строя.

«Наша революция — политическая революция, — писала «Рабочая газета» (№ 1, статья «Возобновление работ»). — Мы разрушаем бастионы политического самовластия, но устои капитализма остаются на месте. Но на этих устоях у нас в России высятся варварские способы эксплоатации, и с этим варварством мы поведем решительную борьбу».

Меньшевики, следовательно, ставили перед собой задачей не борьбу с эксплоатацией, а только с крайними проявлениями этой эксплоатации. Но ведь та же задача стояла и перед буржуазией, как классом в целом. Ее политические идеологи — кадеты — уже давно поняли, что нужно отказаться от столыпинских методов командования рабочим классом и перейти на рельсы «европейской» эксплоатации пролетариата.

Революция 1917 года доделала то, что не успел сделать 1905 год. Передовые представители пролетариата, партия большевиков, уже в 1905 году понимали, что меньшевики являются проводниками буржуазного влияния в среду пролетариата. Но широкие массы еще были далеки от такого понимания, а некоторые группы пролетариата продолжали еще плестись за меньшевиками.

1917 год рассеял все иллюзии, подточенные к тому же всем периодом реакции, подъема, а особенно войны. В революции 1917 года меньшевики вы-

ступили в роли левого крыла буржуазии, поделив с ней обязанности по командованию широкими массами.

В то время как буржуазия вырабатывала политическую линию поведения в тиши буржуазного аппарата, а за спиной народа собирала свои силы для дальнейшего наступления, меньшевики выступали перед широкими массами в качестве пропагандистов этой линии. Куда не мог появиться буржуа, туда посылали меньшевика. Так было, например, в Кронштадте, когда революционные массы еще в мае 1917 года попытались установить власть Советов: Временное Правительство приняло решение поставить на колени революционный Кронштадт, а уговорить кронштадтцев подчиниться этой линии послали Церетели.

В линии поведения меньшевиков в революциях 1905 и 1917 годов можно отметить только одну разницу: в первой революции они были проводниками буржуазного влияния лишь объективно, во второй революции они выступили в роли левого крыла буржуазии вполне сознательно. Доказательством, и притом наиболее ярким, может служить отношение меньшевиков к участию в буржуазном правительстве.

Из меньшевистской оценки характера и движущих сил буржуазной революции вытекала их тактика воздержания от участия в правительстве. Оставаясь партией крайней оппозиции, меньшевики считали нужным окопаться в таких организациях, как революционные самоуправления, рабочий съезд, Советы и т. п., чтобы оттуда давить на буржуазию, толкая к власти один за другим более прогрессивные слои буржуазии. Так именно поступили меньшевики в 1905 году. Такую же линию вели они и в первые два месяца революции 1917 года. В своих официальных органах, на своих совещаниях и конференциях они неизменно придерживались старой тактики: толкать к власти отдельные группы буржуазии, оставаясь партией крайней оппозиции в Советах.

Положение резко изменилось к маю, после первого крупного кризиса во Временном Правительстве — ухода Гучкова и Милюкова. Буржуазия, убедившись в невозможности управлять страной, не имея за собой масс, потребовала вхождения мелкобуржуазных лидеров в правительство. На ультиматум буржуазии, грозившей уйти от власти, меньшевики, не мыслившие себе буржуазной революции без буржуазии, ответили согласием. За участие в буржуазном правительстве высказался сначала ряд совещаний, а затем и всероссийская меньшевистская конференция.

Вот как мотивировали меньшевики свой отказ от старой тактики в пользу участия в буржуазном правительстве в особой резолюции о Временном Правительстве:

«В процессе революции, развязавшем глубокие социальные конфликты, правительство, созданное в первые дни революции, оказалось не в силах справиться с возникшим на почве затянувшейся войны расстройством всей хозяйственной жизни страны и дезорганизацией армии. Неспособное ни к достаточно энергичным революционным шагам в области внутреннего строительства, ни, в особенности, к последовательному проведению политики мира в области международных отношений, оно возбуждало недоверие к себе широких демократических масс. Поэтому оно не обладало всей

необходимой полнотой власти и значительная доля ее все более и более переходила к Советам» [1]).

Советы, однако, не могут взять власти, ибо, по мнению конференции, для этого нет еще объективных условий, — остается войти в правительство социалистам, т. е. меньшевикам и эсерам.

Авторитетный орган меньшевиков — всероссийская конференция — резко определял мотивы, заставившие меньшевиков принять участие в правительстве: власть мало-по-малу переходила в руки Советов, а меньшевики, таким образом, пошли наперерез революционным массам, чтобы задержать переход власти в их руки.

«Могла ли она (т. е. демократия) отказаться от контроля власти (в данном случае имеется в виду участие во власти. — Ред.) и таким своим отказом, — писал один из видных меньшевиков в 1919 году [2]), — решить вопрос о своем уходе в небытие, предоставив массам ринуться в лавину, как это и произошло в октябре 1917 года.»

Меньшевики вступили в правительство, чтобы удержать массы от Октября, — таково признание самих меньшевиков. Они выполнили ту роль, которую еще в 1885 году предсказывал старик Энгельс, имея в виду германских меньшевиков. В ближайшей революции, — писал Ф. Энгельс [3]), —

...«мелкобуржуазная демократия... должна стать у кормила правления, как спасительница общества от коммунистических рабочих».

Чтобы взять власть и вести революцию вперед, коммунистические рабочие в России должны были снести последнюю баррикаду капиталистического общества — мелкобуржуазный блок меньшевиков и эсеров.

г) ПРОЛЕТАРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

«Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса, — писал Ленин в апреле 1917 г. [4]), — есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия».

После февраля власть из рук крепостников-помещиков перешла в руки другого класса — буржуазии и обуржуазившихся помещиков. С этой точки зрения буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России была закончена.

Но Февральская революция не выполнила всех задач буржуазной революции, она не расчистила путей от всяких полукрепостнических элементов, она не решила аграрного вопроса, хотя передала власть новому классу.

Новый же класс, который хотел «только сместить» или даже «попугать Николая II»[5]), а силой конкретных обстоятельств очутился у власти, подорвал

---

[1]) Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, Петроград, 1917 г.

[2]) Мих. Кричевский, Опыты освещения истории русской революции, журнал «Мысль», Харьков, июнь, 1919 г.

[3]) Маркс и Энгельс, т. III, Исторические работы, стр. 420.

[4]) Ленин, Письма о тактике, т. XIV, ч. 1-я, стр. 28. Подчеркнуто Лениным.

[5]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 350.

власть крепостников-помещиков — самодержавие, но не добил монархии: напротив, новое буржуазное правительство вело переговоры с Михаилом Романовым о восстановлении царской власти в России, оно немедленно вступило в самый тесный блок со всеми царистскими элементами. Новое правительство сохранило весь старый романовский командный состав в армии, сохранило экономическую базу самодержавия, оставив нетронутым помещичье землевладение. Новое буржуазное правительство не только не собиралось решать всех объективных задач буржуазной революции, но и власть взяло, чтобы всячески затянуть какое бы то ни было решение революционных задач. Выполнить задачи буржуазной революции, не говоря уже о ликвидации империалистской войны, было уже не по плечу буржуазии, связанной узами частной собственности, — это мог сделать только новый класс: завершить буржуазно-демократическую революцию в широком смысле этого слова, «устранить самую почву, способную родить буржуазную революцию», мог только пролетариат совместно с беднейшим крестьянством.

Вот почему, писал Ленин, «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [1]).

Своеобразие момента, таким образом, в переходе, или, как Ленин сам определял, в перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, ибо передача власти пролетариату и беднейшему крестьянству и есть социалистическая революция, так как переход государственной власти в руки другого класса есть первый и основной признак революции. Только власть пролетариата и беднейшего крестьянства могла довести до конца буржуазную революцию, выполнить все задачи, поставленные перед революцией, полностью разрушить монархию и помещичье землевладение: без победы пролетариата крестьянство не могло победить помещика и отобрать его земли, ибо помещик тесно объединился с капиталистом в один контрреволюционный блок.

Значит ли это, однако, что перед пролетариатом стояла задача только закончить буржуазную революцию, что главная суть предстоящей пролетарской революции в довершении буржуазно-демократической революции? — Отнюдь нет.

Едва ли в какой другой вопрос было внесено больше путаницы, чем в вопрос об отношении буржуазной революции к социалистической. Руководящим началом для меньшевиков всегда было утверждение, что между социалистической и буржуазной революцией лежит целая эпоха: сначала буржуазная революция расчищает дорогу для капиталистического развития, затем идет длительный период самого капиталистического развития, подготовляющий победу крупного производства над мелким, превращение основной массы населения в пролетариев, полное завоевание сельского хозяйства капитализмом, полное расслоение крестьян на фермеров-предпринимателей и сельских

---

[1]) Ленин, Тезисы, «О задачах пролетариата в нашей революции», т. XIV, ч. 1-я, стр. 18.

пролетариев. Только после этой длительной подготовки наступает социалистическая революция. Такая постановка вопроса отодвигает социалистическую революцию в такие далекие времена, что снимает революцию совершенно со счетов практическо-политической деятельности, делая ее чисто теоретической проблемой.

Ленин и в этот вопрос внес исчерпывающую ясность.

Уже в целом ряде статей 1905 года Ленин неоднократно подчеркивал, что «к о н е ц, высший предел буржуазной революции, есть в то же время начало революции социальной» [1]).

Но Ленин, помимо отдельных замечаний того же периода, оставил нам произведение, которое для нашей эпохи играет такую же роль, какую играло знаменитое «обращение центрального комитета к союзу», написанное Марксом и Энгельсом в 50-х годах прошлого столетия. Мы с тем большим правом процитируем из него большие выдержки, что Троцкий на XV конференции нашей партии ссылается на него, как на доказательство согласия Ленина с Троцким.

В этом произведении, ставшем, к сожалению, известным партии только в 1925 г. [2]), Ленин, говоря о развитии и перспективе революции, набрасывает следующие этапы в ходе революции:

П е р в ы й э т а п. — Пробуждение рабочего класса.

В т о р о й. — Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу.

Т р е т и й. — «Рабочее движение разгорается в прямую р е в о л ю ц и ю, причем либеральная буржуазия уже сплотилась в партию к.-д. и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но «радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции»...

Ч е т в е р т ы й. — «Рабочее движение побеждает в д е м о к р а т и ч е с к о й революции, при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке к р е с т ь я н с т в а. Плюс радикальная, республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана».

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

П я т ы й. — «Либеральная буржуазия, выжидательная в третьем периоде, пассивная в четвертом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату».

Ш е с т о й.— «На почве отношений, сложившихся в период пятый, растет и разгорается новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849—1850 гг. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., е с л и б ы на помощь российскому пролетариату не пришел е в р о п е й с к и й с о ц и а л и с т и ч е с к и й п р о л е т а р и а т.

«Итак в этой стадии либеральная буржуазия и зажиточное (отчасти среднее) крестьянство организуют контрреволюцию. Российский пролетариат п л ю с европейский пролетариат организует революцию.

«При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет с о ц и а л и с т и ч е с к и м п е р е в о р о т о м в Е в р о п е.

---

[1]) Т. VI: «Они не оправдали ни надежд, ни опасений!», стр. 420.

[2]) См. «Ленинский сборник» № 5, подготовленный тов. Крамольниковым, стр. 451.

«Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот».

Тут с чрезвычайной сжатостью и поразительной яркостью Ленин набрасывает свое понимание перерастания буржуазной революции в социалистическую.

Сначала пролетариат борется вместе со всем крестьянством против самодержавия, против крепостничества, парализуя притом неустойчивость буржуазии. Борьба завершается победоносным концом — установлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Но после разгрома самодержавия перед пролетариатом вырастает уже новый враг — буржуазия. В среде единого противокрепостнического крестьянства происходит раскол. Те группы крестьянства, которые больше связаны с частной собственностью, уходят в лагерь контрреволюции.

Пролетариат от союза со всем крестьянством переходит к союзу с беднотой и ведет борьбу уже против буржуазного блока за социалистическую революцию, парализуя при этом неустойчивость или «нейтрализуя» середняка.

Весь этот процесс смены классовых отношений происходит, однако, не в изолированной или отдельно взятой стране. Он разворачивается на международном фоне высоко развитого капитализма, перерастающего в империализм, в котором все экономические предпосылки и социальные отношения настолько созрели, что непосредственно уперлись в социалистический переворот. Любой революционный сдвиг в какой-либо даже отсталой стране может и должен вызвать соответствующий революционный ответ и в чреватых революцией высокоразвитых европейских странах.

Чем резче в них будет отзвук революции, чем выше будут в них вздыматься волны революции, тем полнее и решительнее будет победа революции и в отсталой стране, тем гарантированнее в ней победа и тем быстрее переход к новой социалистической революции. Для Ленина западно-европейская социалистическая революция — не обязательное условие, без которого невозможна не только победа, но и сама революция в России. Исходным пунктом для него остается процесс классовых сдвигов внутри страны, смена внутренних классовых отношений, а международная социалистическая революция—г а р а н т и я от р е с т а в р а ц и и, условие, способствующее и обеспечивающее о к о н ч а т е л ь н у ю и п о л н у ю победу революции [1]). Так представлял себе Ленин процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую.

«Пытаться поставить искусственную китайскую стену, — писал Ленин позже, возвращаясь к тому же вопросу [2]), — между той и другой (т. е. между буржуазной и социалистической революциями), отделить их друг от друга чем-либо иным, к р о м е степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом».

Степень п о д г о т о в к и пролетариата и степень о б ъ е д и н е н и я его с деревенской беднотой, а значит и соответствующее отношение его к остальным группам крестьянства — «нейтрализация» середняка в социали-

[1]) Подробнее см. т. VII, часть I. — Доклад об об'единительном с'езде.

[2]) Л е н и н, т. XV, стр. 508—509. Подчеркнуто Лениным.

стической революции, взятые, конечно, на фоне международного высокоразвитого капитализма, таковы условия, отделяющие буржуазную революцию от социалистической. Чем выше эти условия, чем выше подготовка пролетариата и теснее его объединение с беднотой деревни, тем л е г ч е и тем б ы с т р е е идет перерастание буржуазной революции в социалистическую. А как будет итти этот самый процесс перерастания, решит борьба; это будет зависеть в конечном счете от хода классовой борьбы.

Как раз в эти два условия последнее девятилетие перед революцией внесло целый ряд существенных изменений, повысивших и степень подготовки пролетариата и его объединение с беднотой, а значит и сблизивших обе революции. Столыпинские реформы, имевшие задачей разорвать единый фронт революции, революцией «сверху» снять наиболее жгучие вопросы, не удались: антагонизм между крестьянством и помещиками усилился и во много раз обострился, — это должны были признать даже либеральные историки. В то же время столыпинщина усилила расслоение крестьянства, усилила классовую борьбу в нем и тем самым ближе подвинула сельскую бедноту к городскому пролетариату.

Усиление расслоения в деревне частично развязало внутренний рынок промышленности, вызвав наряду с целым рядом других причин промышленный подъем. Подъем втянул новые кадры пролетариата в промышленность, ускорил концентрацию промышленности и, следовательно, концентрацию пролетариата. А классовая борьба, развернувшаяся на базе промышленного подъема, повысила степень подготовки пролетариата.

То же десятилетие принесло с собой и такой грандиозный социальный взрыв, как империалистическая война. Война чрезвычайно ускорила все развитие капитализма, а с другой стороны, небывало обострила классовые противоречия, что опять-таки резко подняло и степень подготовки пролетариата и степень его объединения с беднотой, т. е. приблизило социалистическую революцию.

«Не будь войны, — писал Ленин [1]), — Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции п р о т и в к а п и т а л и с т о в. При войне это объективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов. Так стоит вопрос. Так он поставлен жизнью».

Перерастание буржуазной революции в социалистическую — «своеобразие текущего момента» — было подготовлено и у с к о р е н о всем ходом исторического развития страны.

Для пролетариата, идущего в союзе с беднотой, основной задачей стало совершение социалистической революции, ибо только класс, лишенный цепей частной собственности, мог вырвать страну из тупика, мог спасти миллионы трудящихся от кошмаров империалистской бойни. Довершение буржуазной революции, т. е. полная ликвидация монархии, сословности, и окончательное уничтожение основной базы крепостничества — помещичьего землевладения— и т. п. являлось для него делом побочным, которое пролетариат свершит «походя, мимоходом». Выполняя основную задачу, решающую все противоречия

[1]) Л е н и н, т. XIV, ч. 1-я, «О твердой революционной власти», стр. 178.

революции, проводя социалистическую революцию, пролетариат одновременно решал и задачи, оставленные на его долю буржуазной революцией.

Мы набросали здесь бегло, как Ленин представлял себе переход от буржуазной революции к социалистической, или, говоря в классовых терминах, как Ленин представлял себе переход после Февральской революции от союза со всем крестьянством при «нейтрализации» буржуазии к союзу с беднотой при «нейтрализации» середняка.

Что, однако, Ленин понимал под «нейтрализацией» середняка?

Термин «нейтрализация» не совсем точно передает мысль Ленина. Строго говоря, трудно себе представить класс, который в эпоху социалистического переворота или гражданской войны, когда нация делится на два враждебных лагеря, мог бы сохранять нейтралитет: он неизбежно будет втянут в драку.

Ленин большей частью термин «нейтрализация» берет в кавычки и в своих работах пользовался, обычно, другим термином: в буржуазную революцию — «парализовать неустойчивость» буржуазии, в социалистическую революцию — «парализовать неустойчивость» среднего крестьянина. Этот термин несравненно лучше передает мысль Ленина.

Но «неустойчивость» буржуазии и крестьянства разная. Буржуазия представляет собой класс консолидировавшийся, единый, цельный. В нем есть, конечно, разные группы, которые ведут друг с другом борьбу за перераспределение прибавочной стоимости, но роль их всех в производстве одна — владельцы средств производства, и источник прибыли один — прибавочная стоимость.

Среднее крестьянство несравненно менее однородно. Его положение двойственное: как труженик, крестьянин ближе к пролетариату, как собственник, хоть и мелкий, он полон мелкобуржуазных предрассудков, он консервативен, цепляется за частную собственность на землю и колеблется в сторону буржуазии.

«Неустойчивость крестьянства, — писал Ленин еще в 1905 году [1]), — коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии...»

А раз неустойчивость этих двух классов разная, то, значит, и парализовать эту неустойчивость надо поразному.

Вот как Ленин предлагал парализовать неустойчивость буржуазии в революции 1905 года. В брошюре «Две тактики», возражая Мартынову, Ленин писал в июле 1905 г., когда буржуазия уже политически оформилась и предъявила свои права на гегемонию в революции:

«... Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить ее отшатнуться», чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»)» [2]).

«Нейтрализовать» буржуазию значит, по Ленину, заставить ее в определенный момент отшатнуться от революции, отбросить ее от масс, которые она

[1]) Собр. соч., т. стр. 369.

[2]) Там же, стр. 371.

затуманивает всякими иллюзиями, заставить ее занять такую ясную позицию, чтобы массы видели ее предательскую роль.

Иначе Ленин предлагал подходить к крестьянству. Ни на одну минуту не надо забывать его двойственной природы и тщательно изучать в конкретной обстановке, какая сторона преобладает в крестьянстве.

Как раз в 1917 году в среднем крестьянстве преобладала та сторона, которая сближала его с пролетариатом. Аграрный вопрос решен не был, поэтому крестьянин был заинтересован не столько в охране своей частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли. Мало того, не была еще закончена война, которая всей тяжестью навалилась на него, как мелкого собственника и поставщика живой силы в армию. Увиливание, вернее, нежелание буржуазии решать эти основные вопросы, не делало крестьянина социалистическим, но толкало его к пролетариату, как единственному классу, способному разрешить все эти вопросы.

Как раз на эту педаль можно было нажать в предстоящем перевороте. «Нейтрализовать» среднего крестьянина в этот период — значило вырвать его из-под буржуазного влияния и итти вперед в революции, итти к власти, использовывая его неотработанные пары, выполняя не разрешенные для крестьянства вопросы. Вот почему, перейдя в апреле 1917 года от союза со всем крестьянством к «нейтрализации» середняка, как увидим позже, Ленин вовсе не думал вносить немедленно раскол в крестьянство.

Но такова была стратегическая установка, стратегический лозунг, т. е. намечение конечной цели всего процесса, расстановка сил для всего периода в целом. Это вовсе не значило, что этим общим лозунгом партия могла руководиться в своей практическо-политической работе на каждом отдельном этапе борьбы.

Из того, что своеобразие текущего момента революции состояло в переходе от власти буржуазии к власти пролетариата и беднейших крестьян непосредственно, вовсе не следовало немедленное и притом вооруженное свержение буржуазного правительства.

Непосредственно предстоящая борьба требовала перехода от общего стратегического лозунга к частному тактическому.

Чтобы понять этот переход, понять, как общий лозунг претворяется в политическую действительность, как происходила «нейтрализация» середняка и присоединение бедноты, надо заняться тщательным анализом конкретной ситуации.

Характерная особенность этой ситуации состояла в том, что, как мы уже упоминали, рядом с Временным Правительством — диктатурой буржуазии — стал Совет — диктатура рабочих и крестьян.

Еще в 1905 году большевики доказывали, что доведением до конца буржуазно-демократической революции будет «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Эта формула вовсе не означала характеристику того политического учреждения, которое будет реализовано победоносной революцией. Дело не в том, что после победы революции организуется правительство, в котором четвертая часть мест, например, будет принадлежать уполномоченным большевистской партии, а три четверти

мест крестьянству. Наша партия, весьма возможно, добивалась бы как раз большинства для своих представителей в будущем правительстве.

Эта формула только означала, что революция будет свершена и доведена до конца только при определенном соотношении классов, именно: пролетариат и крестьянство, под руководством первого, выполнят все объективные задачи, стоящие перед революцией, и тем самым доведут ее до конца.

В частности этого не понял Л. Д. Троцкий, который писал в период первой революции:

«Я не совсем ясно представляю себе, что понимают товарищи из большинства под демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Я не хотел бы им навязать неправильное представление о содержании этой коалиционной «диктатуры», но, если они рисуют себе дело так, что социал-демократия в формальном союзе с крестьянской партией, может быть даже при численном перевесе этой последней, образует правительство, которое учреждает демократический режим, после чего один из союзников, пролетариат, мирно переходит в оппозицию, то я могу по поводу такого воззрения лишь повторить то, что писал в своих «Итогах и перспективах» и т. д. [1]).

Для Троцкого демократическая диктатура пролетариата и крестьянства— это комбинация партий, правительство, в котором представители того или иного класса имеют большинство, но как раз не то, что подчеркивал Ленин: особое соотношение, особая расстановка классов в революции.

Наметив общую классовую расстановку, основное соотношение классов в революции, Ленин не считал нужным заняться гаданием о том, какое конкретное выражение получит это соотношение классов — это зависело от хода вещей в дальнейшем развитии революции. Практическая действительность развернувшейся революции в 1905 году выдвинула конкретный орган, в котором было реализовано сотрудничество этих двух классов — это были Советы.

Февральская революция подтвердила старый большевистский анализ, ибо революция и была совершена тем соотношением классов, о котором большевистская партия говорила с 1905 года: пролетариатом и крестьянством. И это фактическое соотношение сил в революции и было закреплено организацией Советов: Советы рабочих и солдатских депутатов — это и есть «осуществленная жизнью революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [2]).

Мы подчеркнули в словах Ленина «осуществленная жизнью», чтобы отметить, что основная линия большевистских идей и лозунгов подтвердилась, что основное направление развития революции, намеченное партией, оказалось верным, но, как и всякая теория, воплощающаяся в жизнь, как и всякая идея, осуществляемая действительностью, подтвердилась с некоторыми особенностями, внесенными реальным ходом событий. Самое важное видоизменение состояло в том, что, в силу причин, уже указанных, «революционно-демократическая диктатура» сама себя ограничила, войдя в добровольное соглашение с Временным Правительством о передаче ему формальной власти.

---

[1]) Троцкий, В защиту партии, СПБ 1907 стр. 141—142.

[2]) Ленин, Письма о тактике, т. XIV, ч. 1-я, стр. 34.

Итак, характерная особенность своеобразия переходного момента в двоевластии, в наличии двух диктатур: диктатуры буржуазии и «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Но в государстве две диктатуры рядом существовать могут не долго: либо одна, либо другая должна уступить место. Буржуазия соответственно своему классовому положению будет добиваться единовластия своей диктатуры — Временного Правительства, пролетариат выступит за единовластие Советов.

«Власть Советам» — таков тот тактический лозунг, т. е. лозунг непосредственно предстоящей борьбы, который выдвинул Ленин для партии на данной стадии развития революции.

Что означал этот лозунг и какую он открывал возможность для перерастания буржуазной революции в социалистическую? Речь шла о переходе власти к данным Советам, к тем Советам, которые организовались в ходе революции рядом с правительством Гучковых и Милюковых. Но в этих Советах преобладали партии мелкой буржуазии, партия Чхеидзе, Церетели, партия Чернова. А эти партии были сплошь оборончески настроены и притом не случайно[1]).

Правительство, составленное из этих «вождей», продолжало бы свою старую оборонческую линию, свое соглашение с буржуазией. Один из этих «вождей», Дан, и выразил это, когда на Всероссийском Совещании Советов сказал, обращаясь к большевикам: «Неужели вы думаете, что, став у власти, мы будем проводить вашу политику?»

Для большевиков было понятно, что даже правительство из одних Керенских и Чхеидзе, правительство по классовому признаку демократически-бур-

---

[1]) Вот как характеризовал настроение этих групп Станкевич, сам видный участник блока:

«Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными бантами и ходили под красными знаменами... Дамы устраивали для солдат питательные пункты. Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа и «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине — ужасались, содрогались, чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем».

В другом месте Станкевич так определяет задачи партии в Совете:

«Я сперва воспринимал события так же, как Керенский, и для себя лично счел наиболее соответствующим вести борьбу с анархией в самом гнезде ее. Поэтому я предложил офицерам нашего батальона послать своего представителя в Совет».

Все это целиком увязывалось с «шовинистическими» настроениями идеологов мелкой буржуазии, боявшихся революции не менее, чем «хозяева» — крупная буржуазия.

У Станкевича же читаем:

«Какого-нибудь участия в заговорщических кружках того времени я не принимал. Лишь в конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне-левые русла, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды».

(Станкевич, Воспоминания 1914—1919 гг., изд. И. Ладыжникова, Берлин, стр. 64, 70, 75).

жуазное не в состоянии было бы выйти из империалистской войны и дать мир. Опыт всех революций, опыт исторического развития показал, что в эпоху капитализма мелкая буржуазия не может править самостоятельно, не может вести самостоятельной политики, что она руководима либо крупной буржуазией, либо пролетариатом, «что в капиталистической стране можно стоять за капитал, можно стоять за труд, но посередине стоять нельзя». Поэтому лозунг «власть Советам» означал вовсе н е у с т р а н е н и е буржуазных министров и о р г а н и з а ц и ю «м и н и с т е р с т в а и з п а р т и й с о в е т с к о г о б о л ь ш и н с т в а». Такое министерство только тоньше продолжало бы старую линию, ибо ему легче на время отвлекать революционной фразой внимание трудящихся от существа дела.

Мало этого, если бы какой-нибудь из «советских» министров или даже все «с о в е т с к о е п р а в и т е л ь с т в о», т. е. министерство из советских партий, искренне пыталось бы провести какую-нибудь демократическую меру, то при сохранении старого аппарата управления они встретили бы грандиозное сопротивление всей министерской машины. Фактическая работа управления находится в руках чиновников, тысячью нитями связанных с господствующими классами. Все это либо прямые выходцы из буржуазно-помещичьих слоев, либо экономически тесно зависящие от них, либо, особенно верхи чиновничества, прямо участники прибылей крупных предприятий, владельцы акций, директора банков и правлений. Старый русский аппарат знал целую эпоху, когда крупные чиновники оставляли свои департаменты для места в каком-нибудь акционерном обществе, не теряя при этом связей и влияний в своем бывшем департаменте, или когда в крупные чиновники назначались банковские воротилы. В тенетах такого аппарата любая демократическая мера застряла бы надолго или приняла бы вид самой скромной и мелкой реформы.

Сохранение старого аппарата с любым «советским» министром во главе означало и сохранение п о л н о й с в я з и с буржуазией. Ход революции полностью подтвердил эту мысль Ленина, когда ряд «советских» министров, ставленников Совета, после нескольких месяцев упорной попытки протащить тот или иной демократический законопроект принужден был уйти из правительства, унося с собой свой проект, как Чернов, Пешехонов и другие.

«Власть Советам» означала прежде всего полную ликвидацию старого чиновничьего аппарата, передачу всех функций управления демократическим Советам, тесно связанным с массами, с выборными чиновниками, находящимися под постоянным контролем снизу, быстро и легко сменяемыми. «Власть Советам» означала организацию нового государства по типу Парижской коммуны, т. е. уничтожение старой государственной машины, стоящей над народом, и создание новой, «с л и в а я полицию, армию и бюрократию с поголовно вооруженным народом» [1]).

Министерство из советских партий означало с в я з ь с буржуазией, «власть Советам» — с в я з ь с массами.

«М и н и с т е р с т в о и з п а р т и й с о в е т с к о г о б о л ь ш и н с т в а, — писал Ленин, растолковывая лозунг «власть Советам», — это значит перемена в составе

[1]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 349.

министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эсеров и меньшевиков значатся.

«Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно-демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований» [1]).

В первом случае сохранение буржуазного аппарата в силу несамостоятельности мелкой буржуазии, колеблющейся постоянно между буржуазией и пролетариатом, облегчало бы колебание мелкобуржуазных партий в сторону буржуазии.

Во втором случае власть Советам, означая полный отрыв от буржуазии, выход из-под буржуазного влияния, облегчала бы колебание мелкой буржуазии в сторону пролетариата или, во всяком случае, обеспечивала бы более сильное влияние пролетариата на мелкую буржуазию.

Само собой разумеется, что один факт передачи власти Советам мало что изменял в сущности мелкобуржуазных партий, колебание их сохранилось бы, но оно происходило бы непосредственно на глазах широких масс трудящихся, имеющих право прямого и частого отзыва своих колеблющихся представителей из состава Совета.

Колебание мелкобуржуазных партий и вождей, неспособных выполнить задач, стоявших перед революцией, неспособных ни ликвидировать крепостнические остатки, ни отобрать земли у помещиков и т. п., в этом случае так быстро дискредитировало бы их, так быстро разоблачило бы их антиреволюционную сущность, что масса мелкой буржуазии, масса крестьянства быстрее изживали бы свои иллюзии, быстрее отдавали бы руководство собой пролетариату, единственно способному выполнить их стремления.

В Советах, оторвавшихся от буржуазного влияния, сбросивших с себя буржуазное руководство, класс, вышколенный многолетней борьбой, полный огромного политического опыта, — пролетариат — получил бы возможность бороться за свое руководство, чтобы вместе с беднотой вести революцию вперед.

Расслаивая своей решительной политикой мелкую буржуазию, сплачивая вокруг себя мало-по-малу беднейшие слои крестьянства, «нейтрализуя» массу средних крестьян, пролетариат получил бы большинство в Совете, чтобы, преодолевая сопротивление остатков буржуазии и части мелкой буржуазии, перейти к выполнению задач революции.

Перед пролетариатом и его партией открылась бы широкая перспектива деятельности. Пролетариат в союзе с беднотой добился бы прежде всего выхода из империалистской войны, заключения мира, действительного демократического мира, которого может добиться только класс, не связанный с буржуазией, не заинтересованный в империалистской войне.

Одновременно с этим пролетариат перешел бы к решительному разрешению аграрного вопроса, затягиваемого буржуазией, к немедленной конфискации помещичьей земли и национализации всей земли.

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2-я, «Один из коренных вопросов революции», стр. 104.

Затем, отнюдь не ставя себе задачей немедленное введение социализма, пролетариат в союзе с беднотой предпринял бы ряд шагов — контроль над производством и распределением, слияние всех банков в один и его национализация, национализация ряда наиболее концентрированных синдикатов и т. п.,— что наряду с национализацией земли еще не являлось бы социализмом, но в своей сумме было бы переходом к социализму, «который непосредственно, сразу, без переходных мер в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер» [1]).

Таков был г е н е р а л ь н ы й план, т. е. общий, указывающий основную линию развития. Конкретный ход действительности показал бы, какие видоизменения потребовал бы план в процессе своего выполнения. Но не делать этих шагов, не итти вперед при тех условиях, в какие была поставлена страна, значило вести ее к гибели.

«... война, — писал Ленин в послесловии [2]) к брошюре «Аграрный вопрос в конце XIX века», — причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия не с м о г у т ограничиваться рамками капитализма.

Жизнь уже пошла дальше этих рамок, поставив на очередь дня регулирование производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщую трудовую повинность, принудительное синдицирование (объединение в союзы) и т. п...»

Говоря о перспективах развития деятельности Советов, порвавших связь с буржуазией, отдавших руководство пролетариату, Ленин на апрельской конференции большевистской партии остановился на примере одного углекопа [3]).

«Один углекоп говорил замечательную речь, в которой он, не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них возник вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте».

Ленин здесь подчеркивал ту мысль, что, получив власть, Советы, толкаемые действительностью, будут шаг за шагом продвигаться по пути решения задач революции: одна задача будет тянуть за собой другую, а в совокупности они составят систему мер, переходных к социализму. Те материалы, которые имел в своем распоряжении Ленин о деятельности Советов на местах, только подтверждали его мысль. «М е с т а становятся образцом», писал Ленин, указывая на полное разоружение буржуазии в некоторых местных, особенно рабочих, Советах, на повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, обеспечение продовольствием, начало контроля над производством и распределением, на революционную инициативу крестьянства в вопросе о земле. Из Пензенской губернии, например, сообщали, что крестьяне отобрали у помещика землю, конфисковали помещичий инвентарь, причем постановили не делить его по дворам, а обратить в общественную собственность, установив очередь пользования им и т. п.

---

[1]) «Ленинский сборник» № 5, стр. 396, «Письма издалека», письмо 5-е.

[2]) Л е н и н, т. IX, стр. 749.

[3]) Протоколы, стр. 51.

«Причина успеха революции на местах, — подчеркивает Ленин, — это нужно разъяснить массам рабочих, крестьян и солдат, — есть единовластие и диктатура пролетариата» [1]).

Такой ход перерастания буржуазной революции через промежуточный этап—власть Советам—в социалистическую намечал Ленин для этого периода.

Но в борьбе за власть Советов, в борьбе за единовластие Советов, как этапе на пути перерастания буржуазной революции в социалистическую, и пролетариат, и буржуазия были ограничены теми условиями, которые создала обстановка.

Страна после переворота пользовалась максимумом свободы. Россия, где, по выражению Герцена, «каждый частный пристав — некоронованный монарх, а монарх — коронованный частный пристав», сразу от тюремного режима самодержавия, от каторг и скорострельных судов Столыпина-вешателя, от издевательств полиции и жандармерии перешла к почти полной политической свободе. Даже Англия, чей демократизм давно вошел в пословицу, во время войны перешла к диктатуре военщины, всячески преследовавшей и сажавшей по тюрьмам людей, заподозренных в нарушении гражданского мира (или в каком-нибудь, «образе мыслей»), а в России широкой свободой агитации пользовались представители самых крайних политических течений.

К тому же Советы объединяли огромную массу пролетариата и крестьянства, подавляющее большинство всех трудящихся, притом вооруженных, что делало Советы не только политическими представителями большинства народа, но и фактическими обладателями силы.

Сверх того послефевральская Россия отличалась отсутствием насилия в управлении. Как много раз подчеркивал Ленин, буржуазия вообще управляет двояким образом: либо силой, либо обманом, чаще комбинацией того и другого. Не имея силы, лицом к лицу с вооруженным народом, буржуазия после Февраля тщательно избегала всего того, что могло напомнить народу об оружии, находящемся в его руках. Самая незначительная попытка применения насилия вызывала такой резкий отпор со стороны масс, что ставила под угрозу существование самих виновников насилия. Отсюда та легкость, с которой правительство раздавало обещания, рассчитанные на усыпление революционного сознания, но отнюдь не на их выполнение.

Наконец, что является едва ли не наиболее важным, современный момент характеризовался наличием так называемого «революционного оборончества». Это понятие принадлежит к числу тех привычных словесных комбинаций, которые очень уютно укладываются в сознании, не требуя его напряжения. А между тем оно отнюдь не покрывается обычным понятием оборончества: массовое оборонческое настроение, которое охватило миллионы крестьян и рабочих, резко отличается от оборончества мелкобуржуазных вождей и партий. Под оборончеством вообще принято понимать сознательное участие некоторых групп и классов — мелкой буржуазии, части рабочего класса— в защите буржуазного отечества. Экономической базой такого оборончества является заинтересованность этих групп в сверхприбылях, получаемых империалистами от грабежа слабых народов и колоний.

---

[1]) «Ленинский сборник» № 4, стр. 285.

Классовыми же источниками того оборончества, которое охватило в России все народнические партии и меньшевиков, а также беспартийных революционеров, являются, с одной стороны, интересы зажиточных крестьян и части мелкой буржуазии, противоречия которой по отношению к труду гораздо глубже, чем к капиталу, — интересы верхушек крестьянства и мелкого хозяйчика, «который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковских прибылях и который свято хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами»[1]). С другой стороны «революционное оборончество» есть плод обмана буржуазией части пролетариев и огромной массы крестьянства, которые по своему классовому положению абсолютно не заинтересованы ни в капиталистической сверхприбыли, ни в империалистической войне. Вовлеченные в политику резким скачком от самодержавной тюрьмы к свободе, окруженные со всех сторон буржуазной агитацией и агитаторами, тучей буржуазных газет и листовок, не будучи связаны с пролетарской партией, которая не в состоянии в короткий период охватить все эти массы, — они поддаются влиянию психологии и идеологии оборонческой волны: их оборончество результат добросовестного заблуждения в противовес классовому оборончеству мелкобуржуазных вождей.

«Массовые представители революционного оборончества, — писал Ленин [2]), — добросовестны — не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают. Это не то, что буржуа и гг. «интеллигенты, прекрасно знающие, что нельзя отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа».

Добросовестность этого заблуждения объясняла то обстоятельство, что каждый политический акт сразу обнаруживал противоречие между классовым положением заблуждающихся и их оборонческой идеологией.

Все эти условия в совокупности создавали очень редкую в истории революций ситуацию, в которой мог происходить процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую — мирное развитие революции. Власть из рук Временного правительства Советы могли взять мирно.

В обстановке почти полной политической свободы, отсутствия насилия со стороны буржуазии, наличия добросовестного заблуждения широчайших трудящихся масс достаточно было использовать каждый факт в ходе революции для разоблачения буржуазного правительства, для разъяснения ошибок мелкобуржуазных партий, для выявления противоречия между классовым положением пролетариата и беднейшего крестьянства и захлестнувшей его оборонческой фразой, чтобы выяснить, что фактическая сила находится на стороне Советов, объединяющих огромное большинство народа. Во-первых, разъяснять, во-вторых, разъяснять и, в третьих, наконец, опять-таки разъяснять, — так можно, перефразируя слова известного революционера Дантона,

---

[1]) Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции, т. XIV, ч. 1-я, стр. 44.

[2]) Там же, стр. 45. Подчеркнуто Лениным.

охарактезовать поведение большевистской партии в борьбе за переход власти к Советам.

«Это кажется «только» пропагандистской работой, — возражал Ленин [1]) товарищам, упрекавшим его в сужении политической деятельности партии рамками пропагандистского кружка, — на деле — это самая практическая революционная работа, ибо нельзя двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте» не из-за внешних помех, не из-за насилия со стороны буржуазии (Гучков только еще грозится пока применить насилие против солдатской массы), а из-за доверчивой бессознательности масс».

Боевая пролетарская партия, каковой являлась большевистская партия, привыкшая быть в первых рядах в борьбе за социализм, попадала в непривычную обстановку выжидания, медленной кропотливой пропагандистской работы, имея в то же время в руках оружие и огромное влияние в пролетарских районах и солдатских массах. Это и объясняет то обстоятельство, что ряд большевиков, не поняв своеобразия момента, ставили вопрос о немедленном свержении Временного Правительства.

Ленин требовал от партии ясного классового анализа конкретной особенности исторического развития, а такой особенностью было появление на политической сцене миллионов людей без всякого политического опыта, находящихся под влиянием традиций и сознательного обмана.

Но в революции каждый день стоит многих месяцев мирного органического развития. Сознание масс проясняется, растет и ширится с головокружительной быстротой, именно поэтому надо уметь выждать этого прояснения, направляя только массы постоянной неослабной разъяснительной работой на те факты, которые ускоряют процесс роста политического сознания.

«Мы сейчас в меньшинстве, — говорил Ленин на апрельской конференции партии [2]),— массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать: они будут переходить на нашу сторону, когда правительство им себя покажет. Колебания правительства могут их оттолкнуть от себя, и они хлынут в нашу сторону, и учитывая соотношение сил, мы тогда скажем: наше время пришло».

Но мирное развитие революции означало не только мирный переход власти к Советам, фактически владевших оружием, не только то, что ни одна сила, никакой класс серьезно не мог противодействовать переходу всей власти к Советам, но и то, что смена партий и классов внутри Советов,— т. е. дальнейшее перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, — могла бы итти наиболее мирно.

«Если бы полнота власти была у Советов, — разъяснял Ленин [3]), — главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный враг их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, итти мирно... Связь всех советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией».

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1-я, та же статья, стр. 42.

[2]) См. протоколы, стр. 46.

[3]) Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 13—14.

Само собой разумеется возможность мирного развития революции и в смысле перехода власти к Советам и в смысле дальнейшей борьбы за революцию внутри Советов не означала устранения вооруженного восстания в борьбе за власть: эта проблема могла встать при определенных условиях в ходе революции.

Но и для этого периода Ленин подчеркивал, что мирное развитие революции не означает отказа от гражданской войны. Он лишь разъяснял, что для данного момента революции, для переходного момента революции «эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду».

Вот как развивал свою мысль Ленин на петроградской общегородской конференции [1]):

«У некоторых является мысль, не отреклись ли мы от себя: ведь мы пропагандировали превращение империалистической войны в гражданскую, а теперь мы говорим против нас самих. Но в России первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы, несомненно, впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом.[2]) Можно свергать того, кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилием берут сейчас, а обманом и кричать сейчас о насилии нельзя, это бессмыслица. Надо уметь стоять на точке зрения марксизма, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не на субъективных. Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока. Оружие сейчас у солдат и рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно».

Но учение Маркса требовало от пролетарской партии не только выжидания поворота в массах, но и уменья на основе учета всей обстановки вызывать этот переворот. Чтобы подвести революцию от «этапа, давшего власть буржуазии... к этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства», партия должна была иметь поддержку большинства. Ленин подчеркивал, что даже ввести в России «государство-коммуну», т. е. передать власть в руки Советов, нельзя, не имея большинства депутатов во всех или в большинстве Советов, понявших всю ошибочность тактики мелкобуржуазных вождей, а большинство депутатов принадлежало крестьянству. В силу неразвитости, отсталости бедноты, пролетарских и полупролетарских слоев крестьянства, составляющих большинство в нем, руководство попало в руки верхушки крестьянства, в руки кулаков и мелких хозяйчиков, что и определило господство мелкой буржуазии, господство меньшевиков и эсеров. Именно широкие массы крестьянства предстояло убедить в гибельности политики мелкой буржуазии, отвоевать от эсеров и меньшевиков, а значит,

---

[1]) «Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП.», Гиз, 1925 г., стр. 48.

[2]) Курсив наш.

от буржуазного влияния, чтобы в союзе с ними и опираясь на них перейти к решению задач революции.

Многолетний опыт большевистской партии показал, что в борьбе не так страшен прямой враг, ясно видимый, осязаемый, занимающий определенную позицию по ту сторону баррикад, сколько промежуточные слои, колеблющиеся между обоими противниками, перебегающие с одной стороны баррикады на другую. Соглашательские элементы ослабляют боевое настроение; размагничивают волю к борьбе и тем помогают одержать победу противнику.

Что империалистская буржуазия есть прямой враг пролетариата и крестьянской бедноты, что пролетариат в союзе с беднотою может выполнить задачу революции, только свергнув буржуазию, — это было понятно даже малосознательному пролетарию. Каждому было ясно и без длительной работы пропаганды, по английской пословице, «чье ухо кулака просит», и достаточно было указать это ухо, чтобы рука сама собой сжималась в кулак. Но в том-то и дело, что в борьбе за крестьянство между пролетариатом и его главным врагом — буржуазией — мелкобуржуазные партии занимали соглашательскую позицию.

Они играли роль приводного ремня, подводящего крестьянство под руководство империалистской буржуазии. Чтобы свалить буржуазию, надо было изолировать мелкобуржуазные партии. По ним надо было открыть огонь, чтобы завоевать крестьянство на свою сторону.

Перед крестьянством вообще могло быть две перспективы. Можно было предположить, что крестьянство «возьмет всю землю и всю власть», т. е. отделится от буржуазии, освободится от ее влияния, не будет поддерживать ее меры, направленные в конечном счете к подавлению революции. Это был бы новый этап буржуазно-демократической революции, ушедшей дальше вперед по пути выполнения задач революции, это была бы «чистая» революционно-демократическая диктатура без добровольной сдачи власти буржуазии. В этом случае пролетариат вел бы работу в новых условиях, в условиях осуществившейся в чистом виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ведя дальше революцию вперед по пути к социалистическому перевороту.

Не исключена была и другая возможность: крестьянство могло продолжить свою сделку с буржуазией, сохранить «сделку, заключенную ими сейчас через посредство Советов Р. и С. Д. не только формально, но и фактически» [1]).

Широкие массы крестьянства, пролетарские и полупролетарские его слои, могли остаться под руководством верхушки крестьянства, под руководством сельской буржуазии, тянувшей к соглашению с крупной буржуазией и тем облегчавшей ей возможность победить вреволюции. И в этом случае пролетариату пришлось бы действовать применительно к новой обстановке.

Тактика партии и есть уменье приспособлять свою принципиальную линию, не теряя ни на минуту из виду своей классовой цели, сохраняя верность

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1-я — «Письма о тактике», стр. 31.

своим принципам, своей революционной задаче, к условиям практической действительности: уметь одерживать победу (теми средствами, которые дает данный этап) на каждом отдельном этапе революции, подготовляя общую конечную победу революции.

Фактом была «своеобразно осуществившаяся», а не «чистая», «революционно-демократическая диктатура» добровольно отдавшая власть буржуазии, вступившая с ней в соглашение.

Поэтому свою тактику надо было строить не на возможностях, а на конкретном факте. Не ждать «чистой» революционно-демократической диктатуры, а исходить из той «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», которая уже имела место, переплетаясь с диктатурой буржуазии.

Еще в 1905 году, говоря о перспективах революционно-демократической диктатуры, Ленин писал:

«...У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Самодержавие, правда, еще не добитое, ушло в прошлое. Первая же волна «революционно-демократической диктатуры» смела самодержавие. На первый план поэтому выдвигалось подготовление раскола внутри уже существующей «революционно-демократической диктатуры», раскола между пролетарскими и полупролетарскими элементами с одной стороны и мелкобуржуазными — с другой, «ибо интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на деле уже разошлись, притом по такому важному вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистской войне» [1]).

Бороться с мелкобуржуазными иллюзиями, бороться с соглашательской ролью меньшевиков и эсеров, разъясняя их ошибки по каждому вопросу революции, нужно было путем выделения пролетарских элементов в Советах, создания коммунистической партии, свободной от всяких соглашательских элементов, стоящей на чисто интернационалистской позиции, путем полного прекращения каких бы то ни было объединений не только с оборонцами, но и с колеблющимися. С другой стороны — подготовлять выделение пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве, создание Советов батрацких депутатов, отдельно Советов крестьян, не продающих хлеба и т. п. Настаивая особенно на организации Советов батрацких депутатов, Ленин подчеркивал, что в деревне развернется борьба за мелкое и частью среднее крестьянство, причем помещики, опираясь на зажиточных крестьян, постараются подчинить его себе, наша же партия, опираясь на сельских рабочих и бедноту, будет вести его к союзу с пролетариатом. Сверх того Совет батрацких депутатов при грядущем земельном преобразовании, отстаивая интересы своего класса, обеспечил бы передачу земли не только крестьянству, т. е. его верхушке, которая в силу своей экономической роли в деревне захватила бы львиную долю земли, но и трудящимся.

[1]) Ленин, «Письма о тактике», т. XIV, ч. 1-я, стр. 35.

Так или иначе тактика выделения пролетарских элементов целиком отвечала интересам рабочего класса при двух возможных путях развития крестьянства:

«... и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между нею и нами» [1]).

Самостоятельная классовая линия, отделение пролетарских элементов от мелкобуржуазных в первом случае могло так наэлектризовать атмосферу, что буржуазия предпочла бы сама сдать власть мелкобуржуазным лидерам, ибо последние были не за страх, а за совесть оборонцами. Сплочение пролетарских элементов могло, кроме того, как писал Ленин, «сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях п р и д е т с я взять власть».

Выделение пролетарских элементов, сплочение последовательных интернационалистов ускоряли рассеивание оборонческого поветрия, ибо как раз слитость масс, и пролетарских и непролетарских, была одним из немаловажных условий оборонческого настроения и влияния мелкобуржуазных партий. И в этом случае эта линия опять-таки облегчала взятие власти пролетариатом в союзе с пролетариями и полупролетариями деревни для выполнения задач революции.

Именно выделение пролетарских элементов в Советах, разъяснение необходимости организации батрацких Советов, самостоятельной организации или, по крайней мере, создания отдельных фракций мелких крестьян, не продающих хлеба и т. п., непрерывная, неустанная борьба с партиями мелкой буржуазии — с эсерами и меньшевиками — по всем вопросам политической действительности, противопоставление неизбежному колебанию мелкой буржуазии, неуклонно соскальзывающей в лагерь буржуазии, непримиримой линии пролетариата, — как раз и была тактика не простого выжидания, пока большинство станет на сторону пролетариата.

Это — тактика, можно сказать, не п а с с и в н о г о, а а к т и в н о г о выжидания или, как охарактеризовал ее Ленин:

«... в о о р у ж е н н о е в ы ж и д а н и е, в о о р у ж е н н а я п о д г о т о в к а более ш и р о к о й базы для более в ы с о к о г о этапа». [1])

д) ФЕВРАЛЬ В ОЦЕНКЕ ТРОЦКОГО.

На кризис 1915 г., вновь и притом остро поставивший в порядок дня революцию, отозвался и Л. Д. Троцкий. В ряде статей, помещенных в парижской газете «Наше слово» [2]), Троцкий попытался оценить грядущую революцию,

---

[1]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 292. Подчеркнуто Лениным.

[2]) См. статьи: «Военная катастрофа и политические перспективы», «Наше слово» от 26 августа, 1, 2, 3, 4 сентября 1915 г. (перепечатана в книге «Война и революция», т. I, стр. 238, Гиз, 1924), а также: «Борьба за власть» в той же газете от 17 октября 1915 г. (перепечатана в книге «1905 г.», стр. 287, Гиз, 4-е изд.).

охарактеризовать ее классовый смысл, классовую расстановку сил в самой революции и перспективы ее будущего развития.

«Основное противоречие исторически запоздалой революции 1905 г., — писал Троцкий, — состояло в том, что в то время как непосредственной объективной задачей переворота являлась расчистка путей для буржуазного развития страны, главной движущей силой революции оказался пролетариат» [1]).

В то время как французская революция, расчищавшая дорогу капиталистическому развитию, опиралась на третье сословие, ядром которого была городская мелкая буржуазия, в России это третье сословие давно оказалось расчлененным на свои составные социальные части: «пролетариат противостоял крупной буржуазии, а социальный вес и политическое значение мелкой буржуазии представляли собою незначительную величину».

Так было в 1905 году, но последние 10 лет капиталистического развития,— развивал свою мысль Троцкий,— годы послереволюционной депрессии и предвоенного промышленного подъема принесли с собой дальнейшее усиление крупной промышленности, дальнейшее развитие техники, концентрации промышленности, а значит и усиление роли и значения крупной буржуазии. Те же экономические условия последних 10 лет, убийственно отразившись прежде всего на мелкой и средней буржуазии, вместе с тем усилили пролетариат, его численность, его классовую организацию и классовое сознание. Что же касается крестьянства, писал Троцкий, то

«опыт русской революции, как и реакции, говорит нам, что сейчас менее, чем в 1905 году, можно надеяться на самостоятельную, а тем более решающую роль крестьянства в развитии революционных событий» [2]).

В послереволюционный период диференциация среди крестьянства сделала крупный шаг вперед и странно было бы ожидать, чтобы десятилетие непрерывного расслоения крестьянства увеличило его роль.

«Такое предположение, — в другом месте повторяет Троцкий, — шло бы явно наперекор и теоретическим соображениям и всему историческому опыту» [3]).

Что же произошло во время войны? Война, отвечает Троцкий, только усилила все эти процессы: мелкая буржуазия либо поглощена, либо подчинена крупной, интеллигенция целиком перешла на сторону буржуазии, которая фактически сплотилась вокруг правительства, а «на революционную роль крестьянства, как сословия, опять-таки несравненно меньше надежд, чем в 1905 году», писал Троцкий ровно за месяц до того, как крестьянство, одетое в серые шинели, вместе с пролетариатом одержало победу над старым порядком [4]). Все это, заключает Троцкий, «резюмируется в ярко определившейся сейчас изолированности пролетариата» [5]).

---

[1]) «Война и революция», т. I, стр. 247.

[2]) Там же, стр. 248.

[3]) См. «Борьба за власть» в «Нашем слове» от 17 октября 1915 г. См. «1905 г.», стр. 290.

[4]) Газета «Новый мир» от 20 января 1917 г., Нью-Йорк.

[5]) «Война и революция», т. 1, стр. 250.

Таким образом основное соотношение классов не изменилось с 1905 г., старое противоречие проявилось только глубже и резче. Попрежнему пролетариат противостоит буржуазии и «уже в первых своих выступлениях он будет иметь против себя могущественнейшие силы буржуазной нации». Теперь, подчеркивает свой вывод Троцкий,—

«...национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием буржуазной демократии. Время национальных революций прошло — по крайней мере для Европы — так же как время национальных войн... Мы живем в эпоху империализма: это не только система колониальных захватов, но и определенный внутренний режим. Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации» [1]).

Но если осталась старая группировка классов, старая расстановка боевых сил, та самая, которая легла в основу «теории перманентной революции», то остался в силе и старый основной лозунг, которым партия должна руководиться в своей тактической деятельности: «без царя, — а правительство рабочее». В самом деле, Троцкий, не собираясь изменять законам обычной логики, именно этот лозунг и выдвинул:

«Вопрос идет, стало быть, — продолжает свою мысль Троцкий, оценивая в 1915 г. грядущую революцию, — не просто о «временном революционном правительстве» (пустая форма, которую историческому процессу предоставляется заполнить неизвестно каким содержанием), а о революционном рабочем правительстве, о завоевании власти российским пролетариатом» [2]).

С такой оценкой готовился встретить революцию Троцкий.

Как раз на эту статью, в которой Троцкий, вооруженный своей прежней теорией и старой стратегической установкой, пытался выяснить соотношение классов в предстоящей революции, отвечал Ленин.

«Эту задачу, — писал Ленин, — неправильно решает в «Нашем слове» Троцкий, повторяющий свою оригинальную теорию 1905 г. и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории. Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, диференцировалось, его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция... Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию! [3]).

Так оценил Ленин разногласия с Троцким по вопросу о характере грядущей революции.

Ленин подчеркнул здесь, что Троцкий подошел к вопросу со старой своей схемой, с своей старой «теорией перманентной революции», целиком сохранив свои старые теоретические позиции.

Что разногласия эти имели место, этого не скрывал и сам Троцкий. Уже после Октября, перепечатывая свои старые статьи, Троцкий писал, что

---

[1]) Ст. «Борьба за власть», «1905 г.», стр. 289. Подчеркнуто нами.

[2]) Подчеркнуто Троцким.

[3]) «О двух линиях революции», т. XIII, стр. 213.

«... было три пункта, где «Наше слово»... не сходилось с «Социал-демократом» [1]). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей революции... «Наше слово» стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. «Социал-демократ» продолжал оставаться на позиции «демократической» диктатуры пролетариата и крестьянства» [2]).

«Но, — закончил свою мысль Троцкий, — мартовская революция ликвидировала эти разногласия».

Эта последняя мысль может означать одно из двух.

Разногласия ликвидируются потому, что снимается со счетов самый объект разногласий, т. е. исчезает предмет спора. В этом случае разногласия имеют только историческое значение и интерес: их нужно изучить, чтобы понять, имели ли разногласия случайный характер или они вытекают из всей системы мышления; с ними нужно знакомиться, чтобы объяснить и всю дальнейшую позицию автора, но сейчас они теряют свой практически-политический характер. Либо разногласия ликвидируются признанием одного из спорящих своей ошибки. Только тогда и стоит говорить о ликвидации разногласий, когда определенно подчеркнуто, в каком смысле следует ее понимать.

В данном случае объект разногласий — характер революции — не снят, напротив, развернувшаяся революция требовала ответа на вопросы, откуда выросла, как идет и куда ведет революция. Революция отнюдь не остановилась на устранении самодержавия.

Стало быть речь идет о признании кем-нибудь своей ошибки. Кто-нибудь из двух ошибся, не могут же две взаимно противоречащие друг другу схемы революции оправдаться. Посмотрим, как решает этот вопрос Л. Д. Троцкий.

Троцкий, переиздавая свои послереволюционные статьи 1917 г., писал в предисловии к ним:

«Первый этап революции и ее перспективы освещены в статьях, написанных в Америке. Думаю, что во всем существенном они вполне согласуются с тем анализом революции, который дан Лениным в его «Письмах издалека» [3]).

Тут нет прямого признания своей ошибки; здесь подчеркнуто лишь совпадение оценки Троцкого с ленинским анализом революции. Судить о том, есть ли здесь вообще какое-нибудь признание ошибки и отказ от старой точки зрения, можно, только познакомившись с «американскими» статьями Троцкого.

«Улицы Петрограда, — характеризует революцию Троцкий в одной из этих статей, — снова заговорили языком 1905 г. Как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира, свободы. Как и тогда, не движутся трамваи и не выходят газеты. Рабочие выпускают пары из машин, покидают свои станки, выходят на улицы. Правительство выводит своих казаков. И опять, как в 1905 г., только эти две силы и видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска» [4]).

В то время как Ленин в своих «Письмах издалека» неоднократно повторяет, что пролетариат и крестьянство являются главными силами, что союз

[1]) Центральный орган большевистской партии, руководимый Лениным.

[2]) «Война и революция», т. I. Введение, стр. 27. Написано в 1922 году.

[3]) «Уроки Октября», «1917 г.», ч. I, стр. XV.

[4]) Там же, стр. 3, ст. «У порога революции». Подчеркнуто нами.

этих двух классов дал решительную победу, что буржуазия была вынуждена присоединиться к революции, чтобы использовать победу революционного народа, что все это вместе дало решительную победу над самодержавием, у Троцкого, как и в его старой схеме 1905 г., как и в статьях 1915 г., на улице только две силы: царизм с поддерживающей его буржуазией и пролетариат.

Можно было бы отнести эту оценку за счет слабой информации, полученной в Нью-Йорке, но вот следующая статья, написанная через неделю после победы революции — 6 марта по старому стилю (19 марта) [1]), в тот самый момент, когда Ленин уже набросал свой «Набросок тезисов 17 марта» и писал первое «Письмо издалека».

«Внутренняя история развертывающихся событий, — анализирует Троцкий внутренние силы русской революции, — нам знакома только по осколкам и намекам, проскальзывающим в официальных телеграммах. Тем не менее можно и сейчас уже наметить два пункта, которые будут все больше противопоставлять революционный пролетариат и либеральную буржуазию».

На сцене опять-таки только две силы, конфликт между которыми определяет собой переживаемый революцией момент. Среди факторов, определяющих ход и исход революции, снова отсутствует крестьянство. А из такой классовой расстановки вытекает один только вывод, который привычно и формулирует Троцкий:

«Только революционное рабочее правительство будет обладать волей и способностью уже во время подготовки Учредительного Собрания произвести радикальную демократическую чистку в стране, перестроить сверху донизу армию, превратить ее в милицию и на деле доказать крестьянским низам, что их спасение только в поддержке революционного рабочего режима» [2]).

Здесь не только ход мыслей, но и формулировки те же, с которыми мы встречались, когда еще «мартовская революция не ликвидировала разногласий». Тут и старое «пролетариат противостоит буржуазии», тут и знакомый нам лозунг «революционного рабочего правительства». Короче, по «доброй, старой» схеме: «без царя, — а правительство рабочее». Писать после этого, как делают товарищи, составлявшие, по приглашению Троцкого, примечания к его статьям, что они «почти до деталей» совпадают с тем, что дал Ленин, можно только всерьез приняв, как говорил один профессор у Чехова, что «не Шекспир важен, а примечания к нему!..»

Оценка Февральской революции у Троцкого есть попытка изложить факты революции строго по схеме «перманентной революции».

Но факты, по английской пословице, упрямая вещь. В какую бы стройную логическую систему их ни заковать, они прорвут ее и будут продолжать свое развитие по свойственным им законам. Наперекор системе, факты твердили,

---

[1]) «Уроки Октября», стр. 12, ст. «Нарастающий конфликт». (Внутренние силы русской революции.)

[2]) Там же, стр. 13. Подчеркнуто нами. Или из другой статьи, стр. 16: «Дальнейшее развитие революционной борьбы и создание революционного рабочего правительства, опирающегося на подлинный народ»... или дальше, стр. 19: «Выполнить эту работу в полном объеме сможет только опирающееся на пролетариат революционное правительство, которое отстранит Гучковых и Милюковых от власти»...

что расчет строился на песке, что крестьянство играло несравненно большую роль, чем отведено ему было по схеме, что политическое значение его и вес оказались больше, чем показывали весы «перманентной революции». И если бы творец теории «перманентной революции» был только «творцом», ему оставалось бы лишь философски согласиться с тем мыслителем, который в подобном же случае сказал: «тем хуже для фактов» и продолжать логические ухищрения для преодоления неудачно сложившихся фактов. Но Троцкий был политическим революционером, для которого факты революции были почвой практической деятельности. Оставалось либо стать на почву фактов и отбросить свою теорию, либо остаться при своей теории, но объяснить противоречие между теорией и практикой. Троцкий выбрал второе, взявшись оправдать свою теорию перед судом фактической истории.

Что революция пошла не по пути, указанному перманентной революцией, — рассуждает Троцкий, — виновата война. Она объединила крестьянство, автоматически организовала его, связала его военной связью в полки, дивизии, армии. Благодаря этому крестьянские массы получили возможность играть в революции ту роль, которая «не по плечу этим распыленным и отсталым классам в невоенное время» [1]). Не будь войны, события развивались бы так, как они наметились в июльские дни 1914 г., когда пролетариат начал строить баррикады в Петербурге:

«Если бы победоносная революция развернулась, — писал Троцкий через 8 лет после революции в «Уроках Октября», — по тому пути, началом которого были июльские события 1914 г., низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный приход к власти революционных рабочих Советов (т. е. без царя,—а правительство рабочее. — Ред.), которые, через посредство (на первых порах!) левых народников, вовлекали бы в свою орбиту крестьянские массы» [2]).

Мы остановились на этой оценке, данной через несколько лет после Октября, только для того, чтобы подчеркнуть, что и за годы послереволюционные ход мыслей у Троцкого остался без перемен. Но и в самой революции в течение 1917 г. и после нее попытка оправдать свою теорию повторялась всякий раз, когда Троцкий возвращался к этому вопросу [3]).

Итак, только война, вызвавшая неожиданно новую группировку классовых сил, помешала развернуться и осуществиться теории «перманентной революции». Но, несмотря на с ударением сказанное «только», эта мысль и факти-

---

[1]) «1917 г.», ч. 1, стр. 63, ст. из еженедельника «Вперед», № 1, 1917 г.

[2]) «1917 г.», ч. 1, стр. XIX. Любопытно, что в том же томе помещена статья «Центральная задача», которая до этого нигде не была напечатана, а найдена редактором в архиве Троцкого. В ней мы находим следующее место: «Рабочие массы, ниспровергшие старое правительство, только после первой победы стали создавать свое собственное революционное представительство в лице Советов рабочих, солдатских, а впоследствии и крестьянских депутатов. Значение этой организации в том, что она опирается на действительно движущие силы революции, на пролетариат и солдатско-крестьянские массы» (!). Не заметить противоречия между этой, не увидевшей света статьей и прежде напечатанными можно только, искренне находясь в плену своей собственной иллюзии, что статьи Троцкого до деталей совпадают с анализом Ленина. См. также речь Троцкого на I съезде Советов по вопросу о войне, (9 июня).

[3]) См., напр., брошюру, написанную в период Бреста: «Октябрьская революция», стр. 5.

чески и методологически неверна. Война могла у с к о р и т ь процесс революционизирования крестьянства, она могла о б л е г ч и т ь вовлечение крестьянства в революционное движение, н о н е с о з д а т ь причины участия крестьян в революции: причины эти коренились в социально-экономических и политических условиях существования крестьянства и без войны толкали бы его к борьбе против старого порядка; война только обострила эти условия. С другой стороны война не только усилила классовые противоречия, подготовив тем самым субъективные факторы революции, но и в значительной степени повлияла на объективные факторы революции: Ленин, — мы об этом уже говорили, — подчеркивал, что война, в огромной степени усилив капиталистическое развитие, переход монополистического капитализма в государственно-капиталистический, причинив вместе с тем неслыханное разорение, сделала невозможным выход из тупика без постепенного перехода к социализму.

Но Троцкий не только оправдывает себя, объясняя, почему теория «перманентной революции» не подтвердилась практикой, но и доказывает, что и ленинская схема не нашла своего подтверждения: то, что сложилось в процессе Февральской революции, вовсе не есть демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, как учил Ленин.

«Правда, — пишет Троцкий, — Ленин и н о г д а говорил, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в первую эпоху Февральской революции осуществляли собой до известной степени революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства» [1]).

Мы уже видели, что Ленин не и н о г д а, т. е. случайно, а всегда говорил о своеобразно осуществившейся в Феврале демократической диктатуре, что именно такая диктатура есть факт, из которого следует исходить в намечении линии, а Троцкий настаивает на том, что «демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма, — к а к т е н д е н ц и я, н о не как факт» [2]).

Не поняв всего значения войны, выпячивая вперед только автоматическое соединение войной крестьянства, Троцкий отрезал себе путь к пониманию диалектики ленинской оценки революции.

Однако в революции нужно не только о ц е н и в а т ь, но и д е й с т в о в а т ь, притом действовать на той почве и в том окружении, какое сложилось после победы над царизмом: эта почва дана наличием двоевластия, наличием власти Временного Правительства и Советов, объединявших и пролетариат и передовую часть крестьянства. Троцкий, исходя из этого, отказывается от своего лозунга — революционное рабочее правительство, на котором он настаивал и в 1915 г. и в первый период Февраля, и целиком принимает лозунг Ленина — вся власть Советам.

Но, и приняв этот лозунг, притом нигде не оговорив, что он с н и м а е т свой неправильный лозунг и соглашается с лозунгом Ленина, Троцкий не понял Ленина: и тут «старое держало новое», — старая схема Троцкого довлела над ним, заставляя его и в правильный лозунг вкладывать неправильную суть.

---

[1]) «Уроки Октября», «1917 г.», ч. 1, стр. XX. Подчеркнуто нами.

[2]) Там же, стр. XXI.

В то время как Ленин учил, что переход власти к Советам может осуществиться в результате долгого постепенного убеждения масс в отсутствии другого пути, терпеливого разъяснения неизбежности перехода власти к Советам, предостерегая от каких бы то ни было поспешных шагов, Троцкий говорил:

«Следовательно, уже с е й ч а с, н е м е д л е н н о, революционный пролетариат должен будет противопоставить свои революционные органы, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, исполнительным органам Временного Правительства. В э т о й б о р ь б е (п р о т и в о п о с т а в л е н и е значит б о р ь б а. Р е д.) пролетариат, объединяя вокруг себя поднимающиеся народные массы, должен ставить своей п р я м о й ц е л ь ю завоевание власти» [1]).

Это можно было бы отнести опять-таки на счет малой осведомленности, недостаточной ориентировки в событиях, но Троцкий нигде этого не оговорил, напротив, через 8 лет после Февраля, имея достаточно времени, чтобы обдумать происшедшее, Троцкий пишет:

«Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством».

Это не совсем так: не апрельская манифестация в целом взяла «левее», а некоторые товарищи попробовали выкинуть лозунг о взятии власти, но не в этом дело.

«Ленин, — продолжает Троцкий, — проделав разведку, снял лозунг н е м е д л е н н о г о н и з в е р ж е н и я Временного Правительства, но снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей.».

Как видим, Троцкий упорно считал, что вся партия стояла на точке зрения немедленного низвержения Временного Правительства [2]).

Свое неправильное понимание лозунга партии Троцкий приписывает и Ленину.

Ленин не мог дать такого лозунга. Задолго до апрельской демонстрации в целых 5 из 10 пунктов своих «тезисов» Ленин объясняет, почему такой лозунг несвоевременен. Навязывать Ленину лозунг «немедленного» свержения Временного Правительства значит навязывать ему и свою теорию, логическим выводом из которой и является этот лозунг.

Мало того, не поняв тактического применения лозунга «власть Советам», когда, в каких условиях его осуществлять, Троцкий не понял самого характера лозунга. В самом деле, в «Уроках Октября» он пишет:

«Мое чисто полемическое «предположение» I съезду советов... составить правительство из двенадцати Пешехоновых толковалось кое-кем — кажется Сухановым — не то как личное благоволение мое к Пешехонову, не то как линия, отличная от ленинской...

«Когда наша партия требовала, чтобы Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, взяли власть, то этим самым о н а «т р е б о в а л а» м и н и с т е р с т в а П е ш е х о н о в ы х: в конце концов между Пешехоновым, Черновым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату... Д ю ж и н а П е ш е х о н о в ы х о з н а ч а л а п р а в и т е л ь с т в о и з д ю ж и н н ы х п р е д с т а в и т е л е й м е л к о б у р ж у а з н о й

[1]) «Нарастающий конфликт» — «1917 г.», ч. 1, стр. 13.

[2]) «Уроки Октября» — «1917 г.», ч. 1, стр. XXVII.

демократии, вместо коалиции... Никакой особой линии тут не было, — это была линия, которую Ленин формулировал не раз». [1])

Не собираясь обвинять Троцкого в особом благоволении к Пешехонову, считаем, однако, не боясь быть обвиненными в сухановщине, что это не ленинская линия.

В сущности то, о чем говорит тов. Троцкий, в известной мере имело место. Накануне июльских дней, да некоторое время и после них, когда кадеты ушли из правительства, оставшиеся в общем и составили министерство, очень близкое к пешехоновскому, ибо представители буржуазии, вроде Некрасова, так мало отличались от Пешехонова, что вряд ли могли сами сказать, в чем, собственно, состоит разница между ними. А между тем никому не приходила мысль счесть это правительство за осуществление лозунга «власть Советам».

Основное, что подчеркивал Ленин в лозунге «власть Советам», состояло в том, чтобы оторвать Советы от влияния буржуазии. Дело шло не о передаче власти новому кабинету «советских» министров, а Советам, как определенным политическим учреждениям, т. е. о разрушении правительственного аппарата власти, бюрократической машины буржуазии, тормозившей самые «благие» начинания любого министра. Если бы, скажем, тот же В. Чернов, министр земледелия во Временном Правительстве, стал бы заведующим земельным отделом Всероссийского Совета после взятия Советами власти, то закон о запрещении купли-продажи крестьянской земли, так и застрявший в чиновничьих портфелях буржуазного аппарата, под давлением советских масс увидел бы свет. А для развития революции это имело бы большое политическое значение.

Самая передача власти Советам ничего не изменила бы в мелкобуржуазной сущности Черновых и других, но отрыв их от буржуазии, наличие постоянного напора снизу облегчали бы ход революции и задачу пролетарской партии. В таких Советах нам легче было бы бороться за массы, чем при сохранении старых министерств со всем буржуазным охвостьем, но с дюжиной Пешехоновых во главе. Это осталось непонятым Троцким, или если было понято, то признано очевидно неправильной тактикой, хотя общий лозунг для всего периода был один и тот же: «власть Советам».

Таким образом оценка первого этапа революции, вопреки утверждению Троцкого, не совпадает с ленинской: Троцкий не по-ленински определил своеобразие этого этапа, не по-ленински охарактеризовал условия борьбы за «власть Советам» и не-ленинское содержание вкладывал в понятие «власть Советам». Но мало, однако, взять власть, хотя это и составляло главную задачу пролетарской партии, надо уметь использовать эту власть, надо наметить перспективы дальнейшего развития революции.

С точки зрения широкой политической перспективы, на первый взгляд, конечная цель пролетарской партии и у Ленина и у Троцкого одна и та же: и тот и другой держали курс на передачу власти пролетариату, правда, у Троцкого неверно проанализированы этапы, через которые пролетариат придет к власти.

---

[1]) «Уроки Октября», стр. LXVI.

Но и это кажется совпадением только на первый поверхностный взгляд.

Мы помним, что по Ленину пролетариат в союзе с беднотой должен взять власть и приступить к практическим мерам по организации разрушенного производства,—мерам, в совокупности своей составлявшим переход к социализму. Что такая социалистическая организация производства вполне возможна в рамках отдельно взятой страны, — это не вызывало сомнений у Ленина.

В своем месте нам придется об этом подробнее говорить, а сейчас отметим, что Ленин вступил в революцию не только с анализом движущих сил, но и с разработанной перспективой революции.

В 1915 г., когда впервые с начала войны появились признаки революции, Ленин, дав анализ классовых сдвигов в революции и тактике нашей партии, специально остановился и на вопросе о победе социализма в одной стране.

Возражая против лозунга соединенных штатов Европы, ставшего программным лозунгом троцкизма, Ленин особо оговорил причину этого возражения. Лозунг этот неправилен потому, что «он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране, и об отношении такой страны к остальным» [1]). И дальше Ленин развивает свою мысль. Так как капитализм, а тем более империализм, когда все капиталистические процессы особенно обостряются, развивается неравномерно и экономически и политически, то вполне возможно, что одна какая-нибудь страна, используя удачную обстановку, сможет вырваться из империалистской цепи, экспроприировать своих капиталистов, организовать у себя социалистическое производство и выступить тогда против остального капиталистического мира. Страна, построившая у себя социализм, выступит против капитализма в других странах, чтобы вместе с их пролетариатом сделать победу социализма полной и окончательной, т. е. не оставляющей возможности возвращаться обратно к капитализму.

Позже, когда революция из возможности превратилась в конкретность и партия стала перед необходимостью, употребляя известное выражение Маркса, сменить оружие критики буржуазного правительства на критику оружия, Ленин в статье «Удержат ли большевики власть?» снова возвращается к этому вопросу, но уже под другим углом зрения, — с точки зрения технической отсталости России для перехода к социализму. Что такое социализм, — спрашивает Ленин и отвечает:

« ...социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией». [2]).

Есть ли в России также монополии?

«Что в России тоже капитализм, — продолжает Ленин, — стал монополистическим, об этом Продуголь, Продамет, сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм».

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 133.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 208.

Итак, каков технический уровень страны, достаточный для перехода к социализму, никому, конечно, знать не дано. Известно только, что самое удачное восстание, — разъяснял Ленин, — не создает социализма, если он не созрел экономически. Россия — страна технически отсталая по сравнению с Англией, с Германией и другими. Поэтому в ней труднее будет строить социализм. Но в России есть то, что составляет «полнейшую материальную подготовку социализма... преддверие его» — капиталистические монополии и монополии, перерастающие в государственно-капиталистические, притом составляющие не случайное явление, а ту часть промышленности, которая ведет за собой всю промышленность.

Взять капиталистическую монополию в руки революционного пролетариата и направить работу предприятия в интересах всех трудящихся — «это и есть шаг к социализму», а передача всех или большинства крупнейших предприятий в руки пролетариата в совокупности с целой системой других революционных мер, постепенно проводимых пролетариатом, будет переходом к социализму.

Анализ Ленина приводил к тому, что победа социализма в перспективе грядущей вперед революции в отдельно взятой и притом технически отсталой стране, как Россия, вполне возможна.

А по Троцкому?

« ...Если бы в одной из стран Европы, — писал Троцкий в своей программной статье [1]),— пролетариат вырвал из рук буржуазии власть, он был бы вынужден, хотя бы только для того, чтобы удержать эту власть в своих руках, немедленно поставить ее на помощь революционному движению в других странах. Иными словами: установление прочного режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимо только на протяжении всей Европы... национальное государство пережило себя — как рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы, и, тем самым, как государственная форма диктатуры пролетариата».

«... Не дожидаясь других, — развивает свою мысль Троцкий, — мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствует и опыт истории, и теоретические соображения, — что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».

По Троцкому пролетариат должен взять власть, чтобы взорвать революцию на Западе и затем вместе со всем европейским пролетариатом перейти к строительству социализма. Русский пролетариат выступает здесь только в роли горящего факела, поднесенного к пороховой бочке империализма. Но если пороховая бочка не взорвется, если центростремительные силы империализма, силы сцепления окажутся сильнее центробежных сил, разрывающих систему империализма, если западно-европейская буржуазия, пользуясь всем своим многолетним опытом, и на этот раз найдет выход из революции, тогда русский пролетариат будет раздавлен.

---

[1]) «Программа мира» «1917 г.», ч. 1, стр. 88. Переиздана Троцким по приезде в Россию отдельной брошюрой.

«Если там (на Западе. Р е д.),—говорил Троцкий на I Всероссийском Съезде Советов 22 (9) июня, — не развернется революция трудящихся масс, то весь капитал Европы через месяц, год или позже объединится, чтобы затянуть петлю на шее русского народа» [1]).

Русская революция либо вызовет мировую революцию с тем, чтобы вместе строить социализм, либо погибнет, превратившись «в подавленную распятую колонию европейского или, еще вернее, американского империализма» [2]), — таково то противоречие, к которому привела Троцкого его теория. Выход из этого противоречия он видит в фаталистической вере в немедленный взрыв мировой революции, которая не может не произойти.

«Те скептики, которые не верят в революцию европейского пролетариата, — сваливал Троцкий на съезде с больной головы на здоровую свой фатализм, — тем самым говорят, что карта русской революции, а может быть и всей страны — бита историей».

Троцкий не понимает диалектического выхода из противоречия: русский пролетариат, если не вызовет немедленно мировой революции, то, опираясь на внутренние силы страны, используя противоречия внутри империалистических стран, пролетариат которых своей борьбой против капитализма окажет неизбежную помощь русской революции, перейдет к строительству, а затем и построению социализма в своей стране.

Итак, и анализ д в и ж у щ и х с и л Февраля, и п е р с п е к т и в ы революции у Троцкого есть чистой воды «теория перманентной революции». Как в 1905 году, так и в 1917 движущие силы революции и соотношение классов остались теми же, а значит остались и старые перспективы: «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата (т. е. без европейской социалистической революции) рабочий класс не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру»,— эта мысль Троцкого эпохи первой революции [3]) осталась руководящей идеей для него и в Февральской революции 1917 года.

Как раз то, против чего столько раз предупреждал Ленин, случилось с Троцким. Выступая против товарищей, не понявших характера Февральской революции, Ленин писал:

«Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм — в желании «перепрыгнуть» через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: «без царя, — а правительство рабочих» — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это... Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой и г р ы в захват власти рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры»... [4])

На апрельской конференции Ленин снова несколько раз возвращается к этому вопросу [5]): «Троцкизм — «без царя, — а правительство рабочих». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя»...

---

[1]) «Программа мира», — 1917 г.», ч. 1, стр. 90.
[2]) Из той же речи.
[3]) «Наша революция», стр. 249—259.
[4]) Собр. соч., т. XIV, ч. 1 стр. 32.
[5]) См. протоколы, стр. 17 и 76.

Этому предупреждению Ленина не внял Троцкий, перенесший свою «оригинальную» теорию и на революцию 1917 года. Но, перенеся целиком свою теорию, Троцкий перенес и все ее порочные места, всю ошибочность. В чем главный грех «теории перманентной революции»? «Основная ошибка Троцкого, — писал Ленин, — отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции (т. е. буржуазной. Ред.) к революции социалистической» [1]). Троцкий не понял тех этапов, через которые должна пройти революция, не понял перерастания буржуазной революции в социалистическую, не понял роли и значения крестьянства в этом перерастании, не понял всего того экономического развития страны, которое сблизило эти две революции и ускорило процесс перерастания. Это и привело к тому, что формальное совпадение задач пролетарской партии, сформулированное одинаково и у Троцкого и у Ленина,— переход власти в руки пролетариата — Троцкий принял за совпадение и обоих теоретических анализов.

Но так как, как мы помним из вышеизложенного, Троцкий сам не менял своей старой точки зрения, то, очевидно, это должно было случиться с Лениным, Именно к такому выводу пришел Троцкий, когда ему пришлось от неопределенной фразы: «мартовская революция ликвидировала все разногласия» перейти к конкретному определению условий ликвидации.

«Этого (т. е. разгрома революции при сохранении Лениным большевистских позиций. Ред.), как известно, не случилось, так как под руководством т. Ленина (значит и Ленин тоже. Ред.) большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т. е. до завоевания власти» [2]).

Старые разногласия между большевизмом и троцкизмом ликвидировались потому, что Ленин большевистскую теорию заменил троцкистской: «большевики разбольшевичились», так записал Ленин выступление Троцкого на конференции «межрайонцев» 23 (10) мая против предложения немедленно слиться с большевиками [3]).

Спасти свою теорию можно было, только извратив Ленина.

---

[1]) Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 226—227.

[2]) «1905 г.», 4-е изд., стр. 285.

[3]) «Ленинский сборник», № 4, стр. 303. Не следует забывать, как сам Ленин оценивал вопрос об объединении с Троцким. При первых же известиях о революции Ленин писал: «По-моему, главное теперь не дать себя запутать в глупые объединительные попытки с социал-патриотами (или еще опаснее, колеблющимися вроде Орг. Комитета, Троцкого и К-о) и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе» («Ленинский сборник» № 2, стр. 292). А на апрельской конференции по вопросу о блоках в петроградскую городскую думу Ленин говорил: «С кем мы будем блокироваться... Чхеидзе есть худшее прикрытие оборончества. Троцкий, издавая газету в Париже, не договорил за он или против Чхеидзе. Мы всегда говорили против Чхеидзе, так как он является тонким прикрытием шовинизма. Троцкий до конца не договорил»... (Протоколы, стр. 34.)

ВОПРОСНИК-ПЛАН КО II ГЛАВЕ.

ТАКТИКА ПАРТИИ ОТ НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИИ ДО КОРНИЛОВЩИНЫ.

I. Основы тактики партии до июльских дней.

1) Состояние партии к началу революции; колебания в партии в важнейших тактических проблемах революции; приезд В. И. Ленина. Апредьские тезисы.

2) Оценка Временного Правительства; отказ от лозунга непосредственного свержения Временного Правительства; необходимость завоевания масс.

3) В. И. Ленин о возможности перехода власти к Советам «мирным путем» (значение лозунга «вся власть Советам» в этот период).

4) Борьба за крестьянство и армию. Братание. Решения апрельской конференции по аграрному и национадьному вопросам.

5) Отношение к мелкобуржуазным партиям (меньшевиков и эсеров).

ЛИТЕРАТУРА.

Литература к предыдущей главе.

Дополнительно: Речи Ленина на питерской и всероссийской конференциях партии в апреле 1917 года. Л е н и н, Собр. Соч., т. XIV, ч. 1, стр. 40—45.

II. Тактика партии после июльских дней до корнилоещины.

1) Июльское выступление как переломный момент в ходе революции; ликвидация двоевластия; вопрос о лозунге «вся власть Советам» в этот период.

2) Участие партии в июдьских событиях.

3) VI съезд партии и курс на восстание.

4) Вопросы партийного строительства на VI съезде.

Заключение:

Партия на путях к восстанию.

ЛИТЕРАТУРА:

Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, ст.ст. «К лозунгам». «Начало бонапартизма», «Ответ».

ВКП (б) в резолюциях, стр. 140—143, 146—147, 152—156.

ГЛАВА II.

ТАКТИКА ПАРТИИ ОТ НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИИ ДО КОРНИЛОВЩИНЫ.

а) БОЛЬШЕВИКИ В ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКИЕ ДНИ.

Разгром большевистских партийных организаций во время войны не мог не сказаться в дни Февральского переворота. Бюро ЦК, находившееся в Питере и состоявшее из В. Молотова, П. Залуцкого и А. Шляпникова, вследствие плохих связей с партийными (весьма, правда, немногочисленными) организациями и быстрого перехода от глубокого подполья к открытой революционной борьбе миллионных масс рабочих и солдат, не в состоянии было так быстро овладеть развернувшимся революционным движением.

Еще задолго до Февральского переворота Лениным была ясно и определенно намечена перспектива перерастания империалистской войны в войну гражданскую во всем мире и конкретно намечен этот процесс в России, как в одном из слабейших звеньев международного империализма, где социально-экономические противоречия достигли наивысшего напряжения. Лениным в военных статьях и в тезисах была не только развита перспектива свержения царизма, т. е. демократическая революция, но и намечен немедленный переход к борьбе против господства империалистской буржуазии и за социалистическую революцию в России, как и во всем мире. Ленин в «Нескольких тезисах» указал на то, что в условиях развития массовой политической стачки и победоносного восстания «Советы могут принести прочную пользу», являясь органами восстания и революционной власти.

Этими указаниями Ленина в общем руководилось Бюро ЦК, поддерживавшее во время войны, несмотря на все трудности, довольно тесную связь с заграничным центром большевиков. Однако Бюро ЦК не сумело охватить ленинскую позицию в период империалистской войны во всей ее широте.

(26 февраля) 11 марта был издан манифест ЦК РСДРП. Этот манифест намечал программу демократической революции, призывая к созданию временного революционного правительства из рабочих и крестьян, которое, наряду с осуществлением программы демократической революции, должно было установить сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы всех народов против угнетателей, «против царских и капиталистических клик», для «немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая

БЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО НОМИТЕТА

Р.С.Д.Р.П./БОЛЬШЕВ./

В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 г.

П ЗАЛУЦКИЙ

В. МОЛОТОВ-СКРЯБИН

А. ШЛЯПНИКОВ

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

навязана порабощенным народам». «Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска, — гласил манифест Бюро ЦК, — должны немедленно выбрать своих представителей во Временное Революционное Правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии».

Это был старый большевистский лозунг периода 1905 г., не вполне удачно примененный к обстановке революции 1917 г., не учитывавший, между прочим, даже и того опыта организации Советов, который усвоила партия большевиков еще в период первой революции, — манифест обходил молчанием вопрос о Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, хотя на заводах уже шли выборы в Петроградский Совет Рабочих Депутатов [1]).

Как сообщает А. Г. Шляпников в своих воспоминаниях о 1917 г., деятели Бюро ЦК предполагали, что Временное Революционное Правительство должно быть создано «из недр революционной демократии, организованной в Совете», но полной ясности в вопросе о Совете у Бюро ЦК, очевидно, не было, иначе это отразилось бы в манифесте. Характерно, что в № 1 «Правды», вышедшем 18 (5) марта, руководящие статьи не шли дальше манифеста Бюро ЦК РСДРП. Лишь в одной статье чисто организационного характера говорилось о том, что политическая программа РСДРП должна стать наказом рабочего класса и революционной армии Советам Р. и С. Д. Причиной этой осторожности «Правды» послужило повидимому то немаловажное обстоятельство, что Исполнительный Комитет попал в руки оборонцев. Произошло же это потому, что рабочие делегаты в Совете с первых же дней революции были подавлены численно преобладавшими делегатами от солдатской массы, иначе говоря, крестьянским элементом, с другой стороны, революционным оборончеством в первый период революции была захвачена и часть рабочих, даже тех, которые во время войны не поддались угару оборончества. Однако в том, что с первого же момента оборонцы сумели окопаться в Исполнительном Комитете, была доля вины и большевиков. В дни февральских боев большевики, работники ЦК, бросились в гущу масс, чтобы руководить их борьбой против самодержавия, а меньшевистско-народническая интеллигенция поспешила в Таврический дворец и создала Исполнительный Комитет. Большевики в февральско-мартовские дни в Петрограде действовали только «снизу», в то время когда нужно было действовать и «сверху» и «снизу». Увлеченные практической борьбою, большевики в Петербурге сделали очень мало для общего руководства политической борьбой в первые дни революции. Об этом рассказывал позднее на апрельской общегородской конференции В. Шмидт, об этом же повествует член первого легального ПК В. Залежский в своих воспоминаниях [2]). Таким образом пекисты, проявив себя отличными революционерами, все же обнаружили себя недостаточно опытными и искушенными политиками. ПК, например, при открытии Петроградского Совета медлил с присылкой своих представителей в Исполнительный Комитет. Большевиков в нем оказа-

---

[1]) Между прочим Ленин в своем «Докладе о задачах РСДРП в русской революции», сделанном в Швейцарии, не имея вполне точных сведений о содержании манифеста, говорил о том, что манифест призывает всех рабочих, крестьян и солдат посылать делегатов в Совет (см. т. XX, 2-е изд., стр. 63). Вот этого-то призыва и не было в манифесте.

[2]) «Пролетарская революция» № 1 (13), стр. 137.

лось незначительное меньшинство. Неорганизованность большевиков, как впрочем и других партийных групп, была настолько заметна, что никакого совещания фракции не удалось созвать на первом заседании Совета. То же, кстати сказать, наблюдалось и в Московском Совете. Лишь в № 4 «Правды» от 22 (9) марта появилось сообщение Бюро ЦК о совещании членов Совета — сторонников «Правды».

Свое преобладание в Совете меньшевики и эсеры сумели закрепить в первый период революции благодаря тому, что в лице солдатской массы, впервые проснувшейся к сознательной политической жизни, они нашли себе до поры до времени известную опору. Соглашатели эксплоатировали в свою

Часть инициативной группы, организовавшей в 1917 г. легальный партийный комитет.

пользу всеобщее опьянение и демократические иллюзии, распространившиеся в массах и неизбежно связанные с первым периодом революции.

Двоевластие, создавшееся в первые дни революции, было важнейшим фактом, из которого нужно было исходить во всех политических построениях. Бюро ЦК отстаивало, в основном, линию, провозглашенную в манифесте, но так как классовые взаимоотношения и политическая ситуация по сравнению с моментом выпуска манифеста более определились, то Бюро ЦК пыталось более определенно выявить свое отношение к Совету и Временному Правительству.

Судя по материалам, приводимым А. Г. Шляпниковым в его книге, позиция Бюро ЦК по этим вопросам сводилась к следующему. Признавая буржуазно-помещичий характер Временного Правительства и его неспособность

к выполнению основных революционных требований народа, Бюро ЦК считало главной задачей создание Временного Революционного Правительства, которое выполнило бы эти требования. Резолюция считала контроль над Временным Правительством, установленный СР и СД, паллиативной мерой и требовала, чтобы Совет сохранил за собой полную свободу в выборе средств осуществления основных требований революционного народа и, в частности, в выборе способов воздействия на Временное Правительство. Эта резолюция не была, однако, нигде опубликована. Давая правильную оценку классовой сущности Временного Правительства и советского контроля над ним, резолюция эта все же не ставила вопроса о власти Советов, тем более о борьбе за государство Советов, и ограничивалась идеей воздействия на Временное Правительство; таким образом в этом пункте позиция Бюро ЦК была близка к идее давления на Временное Правительство, которой ошибочно держалась подавляющая часть партийных организаций в первый период революции.

На заседании ПК 18-(5) марта, где обсуждался вопрос об отношении к Временному Правительству, представитель Бюро ЦК В. М. Молотов предлагал резолюцию, близкую к той, о которой сообщает Шляпников. В этой резолюции Временное Правительство было охарактеризовано как контрреволюционное и выдвигалась задача создания Временного Революционного Правительства, которое должно осуществить программу демократической революции. Резолюция оказалась не вполне приемлемой для ПК, ее поддерживало лишь меньшинство, большинством же голосов была принята иная резолюция, гласившая, что, исходя из создавшихся взаимоотношений между СР и СД и Временным Правительством, ПК не противодействует его власти, поскольку оно будет вести борьбу против попыток восстановления монархии [1]). Позднее, однако, Бюро ЦК согласилось с резолюцией ПК, как это было сообщено на заседании ПК 26 (13) марта. Тем самым Бюро ЦК сделало несомненный шаг назад по сравнению с резолюцией, оглашенной В. М. Молотовым 18 (5) марта [2]). Первая директива Ленина, в которой говорилось о «недоверии Временному Правительству, особенно Керенскому, о надежде на поддержку вооруженного народа», была оглашена на расширенном заседании Исполнительной Комиссии ПК (26) 13 марта. С ленинскими «Письмами издалека» в России могли ознакомиться еще позднее, ибо первое письмо было напечатано в № 14 и 15 «Правды» от 3 и 4 апреля (21 и 22 марта).

При отсутствии выработанного коллективного мнения партии и значительной разобщенности каждой организации в отдельности приходилось намечать политическую линию в создавшейся сложной обстановке. А нужно помнить, что во многих местах в начале революции создались объединенные организации большевиков и меньшевиков.

«Это был период крутой ломки старых позиций, — пишет т. Сталин. — Старая платформа — прямое свержение правительства — теперь уже не отвечала действительности. Теперь уже нельзя было итти на немедленное свержение правительства, связанного с Советами, ибо кто хотел свергнуть тогда Временное Правительство, тот должен был свергнуть и Советы. И нельзя было также вести политику поддержки Временного Правительства,

[1]) Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. Протоколы ПК, стр. 18, 19.

[2]) Там же, стр. 41.

ибо это правительство являлось правительством империализма. Нужна была новая ориентировка партии. Немудрено, что большевики, разбросанные царизмом по тюрьмам и ссылкам и теперь только получившие возможность съехаться с разных концов России для выработки новой платформы, не смогли в один присест разобраться в новом положении. Немудрено, что в поисках новой ориентировки, партия остановилась тогда на полдороге в вопросе о мире и власти Советов. Понадобились знаменитые апрельские тезисы Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу» [1]).

«Правда», восстановленная на средства рабочих и солдат, в первых номерах, хотя и не шла дальше позиции завершения буржуазно-демократической революции, однако проводила ясную революционно-интернационалистическую позицию по вопросу о войне и давала верную характеристику классового характера Временного Правительства.

Но начиная с девятого номера «Правда» отступает от этой линии. В этом сказывается влияние прибывших из ссылки товарищей, в особенности Л. Б. Каменева, который занимал среди приехавших товарищей крайнюю правую позицию и оформил, заострил полуменьшевистские тенденции, наблюдавшиеся среди некоторых слоев большевиков. Ошибочную позицию в основных вопросах занимали и тт. Муранов и Сталин, но они довольно быстро выправили свою позицию, в то время как Каменев продолжал и еще более «углубил» свою ошибочную позицию. «В процессе обсуждения, — рассказывает т. Шляпников, — тт. Сталин и Муранов отказались от позиции, занятой т. Каменевым» [2]).

В № 9 «Правды» от 28 (15) марта в передовой статье «Без тайной дипломатии», написанной Л. Б. Каменевым, говорилось:

«Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное «долой войну!» — наш лозунг: давление на Временное Правительство, с целью заставить его открыто перед всем миром демократии немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый остается на своем боевом посту».

«Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно».

Тот же Л. Б. Каменев выступает с резкой критикой позиции ПК, которую он считал слишком левой, и здесь впервые развертывает во всей полноте ту свою линию, с которой Ленину впоследствии пришлось вести жестокую и систематическую борьбу на протяжении всего 1917 года.

« ...[Если мы] правы, называя Вр[еменное] Пр[авительство] — контрреволюционным, [то] для этого, ясно, надо свергнуть его и основать новое — революционное. Следовательно, или объявить открыто войну Вр[еменному] Пр[авительству], или же надо занять [по отношению] к этому Пр[авительству] иное положение. Последнее как раз необходимо. Созрели ли мы, чтобы создать диктатуру пролетариата? Нет. Неважно — взять [власть], важно — удержать. Этот момент придет, но нам выгодно его оттянуть, сейчас наши силы еще недостаточны. [Докладчик] отмечает характерное явление, что Вр[еменное] Пр[авительство] не успело еще подчинить

[1]) И. Сталин, На путях к Октябрю. Предисловие.

[2]) А. Шляпников, Семнадцатый год, ч. 2, стр. 185.

себе фронт. Нам же, не обеспечив себе поддержки со стороны провинции, нельзя спешить к власти. Переходит к критике слов резолюции П[етербургского] К[омитета] об отношении к Вр[еменному] Пр[авительству]... (пропуск в протоколе. Ред.) не противодействует (пропуск в протоколе. Ред.). Не может партия занимать позицию нейтралистскую. Мы содействуем, но не противодействуем; конечно неизвестно, долго ли будем поддерживать, сделаем ли это своим лозунгом—другой вопрос, но принимать тактику нейтралистскую нельзя [1]).

Надо отметить, что в ПК Каменев получил отпор, хотя и недостаточно резкий. Особенные нападки вызвала поддержка Каменевым революционного оборончества в «Правде». И действительно, подобного рода «полуоборонческие» статьи перестали появляться в «Правде».

Нельзя понять состояния партии в февральско-мартовский период, если забыть об объединительном угаре, охватившем ряды большевиков, главным образом в провинции, особенно районы, непромышленные по своему характеру, слабо развитые в классовом отношении, с незначительными партийно-большевистскими традициями. Но было бы неверно представлять дело таким образом, будто «объединительных» попыток не было среди рабочих и большевиков в пролетарских центрах с развитой партийно-политической жизнью. Революция застигла во многих отношениях врасплох даже такие организации, как питерская и московская, она явилась глубочайшим переломом во всем укладе политических отношений. Иллюзия общенационального единения захватила не только отдельные слои рабочих, но проникла и в среду большевиков.

Московский работник т. Игнатов так характеризует положение в Московском Совете в первые недели:

«Фракций никто не организовывал, да и у рабочих настроение было не особенно благоприятное для фракционной работы. Это настроение было сильно не только среди беспартийных, но и партийных товарищей... Военный угар и шовинизм не успели еще остыть в массах, особенно в солдатской среде, и с этим приходилось на первых порах весьма серьезно считаться всем партиям. Было не до разногласий. Кроме того сами партийные организации занимались лихорадочной работой по организации и собиранию своих распыленных сил [2]).

Эти настроения проявлялись и в других городах. Партийные организации, вследствие своей слабости, не сумели во многих местах сыграть серьезной роли в конструировании и оформлении Советов. Это приводило к расплывчатости и недифференцированности политических отношений внутри Советов, что, в свою очередь, оказывало обратное влияние на партийные организации, усиливая среди них объединительско-хвостистские настроения. В некоторых случаях массы вмешивались в партийную борьбу с целью добиться объединения с.-д. Вот, например, какой случай рассказывает т. Антонов-Саратовский [3]):

---

[1]) Протоколы легального ПК, стр. 50 Разрядка наша.

[2]) Е. Игнатов, Московский совет в 1917 году, стр. 35. Разрядка наша. Ред.

[3]) «Пролетарская революция» № 4 (27), 1924 г.—ст. Антонова-Саратовского. «Саратов с Февраля по Октябрь 1917 г.».

«Еще в начале мая (в Саратове. Р е д.) массовые собрания рабочих железнодорожных мастерских требовали объединения всех большевистских и меньшевистских групп и даже избирали комиссии для исследования газет и самих комитетов, кто, мол, из них, на деле стоит на «площадке Циммервальд-Кинталя».

Харьковский «Социал-демократ» приводит резолюции рабочих митингов с требованием создания единой с.-д., хотя все же на митингах раздавались громкие голоса и против слияния большевиков и меньшевиков.

Помимо влияния революционного оборончества одним из источников «объединенчества» в среде больщевиков было то, что организационные связи с меньшевиками сохранились в ряде городов в виде наследия от дореволюционного, в частности военного, периода.

Нужно принять также во внимание прилив попутчиков, особенно в те организации, где в первые месяцы революции не было строгого отбора вступающих в партию. В тех местах, где партийные большевистские традиции были очень слабы и где с.-д. организации были вызваны к жизни революцией, сначала создавались бесформенные с.-д. группы (а иногда и вообще беспартийные социалистические организации), и только позже, в связи с ростом классовой борьбы и деятельностью приезжавших на места партийных работников, происходило выделение большевистских групп.

Одним из очень важных источников примиренчества и объединительных тенденций нужно признать также известную неоформленность теоретических взглядов среди большевиков и полуменьшевистские воззрения отдельных товарищей и групп на характер революции и тактику партии.

В большинстве пролетарских центров с развитой политической жизнью и напряженной классовой борьбой и в тех местах, где традиции большевистской партийности были сильны и до революции, с начала революции существовали самостоятельные большевистские организации, и колебания первых недель революции без большого труда были преодолены. В крупнейших главным образом промышленных городах, являвшихся опорными пунктами партии, как Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск, Самара, Саратов, отчасти Урал, Харьков, Екатеринослав, Луганск, Мариуполь, Ростов, Киев, с первых дней революции существовали чисто-большевистские организации.

В России до приезда Ленина вопрос об отношении к меньшевикам и объединении с ними в общероссийском масштабе стоял на мартовском совещании большевиков, которое было приурочено к Всероссийскому Совещанию Советов, назначенному в конце марта (по ст. стилю).

Бюро ЦК в ряде заседаний обсуждало основные вопросы, стоявшие на совещаниях советском и партийном — о войне и об отношении к Временному Правительству. 8 апреля (26 марта) в «Правде» были опубликованы резолюции Бюро ЦК. В резолюции о Временном Правительстве Советы характеризовались как зачатки революционной власти, готовые в дальнейшем — в определенный момент развития революции — осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией для проведения в жизнь полностью требований восставшего народа. Далее говорилось о том, что Советы должны будут взять на себя ряд функций государственно-экономического характера. Резолюция требовала всеобщего вооружения народа и немедленного создания Красной

рабочей гвардии. Таким образом в вопросе о власти Бюро ЦК занимало довольно четкую революционную позицию. Однако резолюция Бюро ЦК, в отличие от ленинской постановки вопроса о переходе всей власти к Советам и организации государства по типу Парижской Коммуны, говорила о частичном переходе государственных функций к Советам.

По вопросу о войне и мире резолюция дала правильный анализ природы войны и намечала путь к борьбе за превращение империалистской войны в войну гражданскую. Но, наряду с революционно-интернационалистской формулировкой взгляда на войну, в резолюции проглядывала известная непоследовательность в тактике борьбы за мир. Резолюция говорила о давлении на Временное Правительство с той целью, чтобы оно не только само отказалось от всяких завоевательных планов, но и формулировало волю народов России к демократическому миру на началах самоопределения наций. Резолюция упускала то, что было бесполезно обращаться с этим к империалистскому Временному Правительству и что борьбу за всеобщий демократический мир нужно было бы повести лишь после свержения Временного Правительства. Однако, несмотря на неверные ноты, резолюция в основном отстаивала большевистскую точку зрения в вопросе о войне.

Партийное совещание открылось 9 апреля (28 марта) и происходило в Таврическом дворце. На совещании присутствовало более 100 человек. Помимо представителей Бюро ЦК, ПК и большевистской части Исполнительного Комитета СРД, на совещании принимали участие 40 делегатов-большевиков, приехавших на Всероссийское Совещание Советов, и 26 представителей провинциальных организаций, специально посланных на партийное совещание от провинциальных организаций.

Партийное совещание целиком отразило организационную слабость и неоформленность партии в этот период и влияние революционного оборончества, проникшего в отдельные слои рабочего класса. На совещании выявилась довольно сильная оборонческая группа, среди которой было большое число лиц, скоро совершенно отошедших от партии — вроде Авилова, Войтинского, Севрука и других. Полуцентристские настроения значительной части делегатов проявились в резолюции по вопросу о войне, которая была принята большинством 50 голосов против 14. Резолюция эта, подчеркивая ту мысль, что характер войны может измениться лишь при условии перехода власти в руки пролетариата и революционной демократии, заканчивалась полуоборонческим выводом: «До этого момента необходимо сохранение мощи армии и недопустима ее дезорганизация».

Точка зрения, выраженная Л. Каменевым в «Правде» и начинавшая было терять под собою всякую почву, как это видно было из резолюций ЦК и ПК по вопросу о войне, получила известную поддержку среди части делегатов. При обсуждении вопроса об отношении к Временному Правительству точно так же выявилось определенное правое оборонческое крыло, которое считало необходимым поддерживать Временное Правительство, как отстаивал это Каменев на заседании ПК.

Резолюция партийного совещания была все же далека от решения о поддержке Временного Правительства. В основу была принята резолюция Бюро

БОЛЬШЕВИКИ
ЧЛЕНЫ ИСПОЛКОМА ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА. ИЗБРАННЫЕ СОВЕТОМ

Залуцкий

Шляпников

Красиков

ДЕЛЕГИРОВАННЫЕ ПАРТИЕЙ ОТ ЛАТЫШ. С-Д

Молотов

Сталин

Стучка

ОТ ПОЛЬСК. С-Д ДЕЛЕГАТЫ СОЛДАТСКОЙ СЕКЦИИ

Козловский

Падерин

Садовский

ЦК о Временном Правительстве, но она была ухудшена дополнительным пунктом о контроле над Временным Правительством, причем характеристика Советов, как зачатков революционной власти, готовых в определенный момент осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией, была заменена расплывчатой, по существу ничего не говорящей характеристикой Советов, как «единственных органов революционного народа». Таким образом в основных вопросах совещание сделало ряд значительных шагов назад по сравнению с резолюциями Бюро ЦК. Мартовское совещание высказалось положительно по вопросу об объединении с.-д.

На Всероссийском Совещании Советов, где в качестве главного оратора большевистской части совещания выступал Каменев, был сделан ряд еще более значительных отступлений даже по сравнению с партийным совещанием. Так было почти по всем вопросам, обсуждавшимся на совещании, но особенно ярко сказалось это в вопросе об отношении к Временному Правительству. Под влиянием обнаружившейся даже из доклада Исполнительного Комитета картины контрреволюционной тактики Временного Правительства и критики делегатов с мест Исполнительным Комитетом была предложена резолюция, в которой говорилось о необходимости постоянного контроля над Временным Правительством и поддержке его постольку, поскольку оно будет выполнять взятые им на себя обязательства.

После оглашения резолюции Исполнительного Комитета, т. Каменев огласил резолюцию большевиков лишь для сведения, мотивируя это тем, что основные моменты резолюции большевистской фракции вошли в резолюцию Исполнительного Комитета, и сообщил, что он, Каменев, счастлив заявить, что большевики снимают свою отдельную резолюцию.

Правая часть большевиков во главе с Каменевым тащила партию вспять. Не даром Ленин, находясь еще за границей, так опасался каменевской линии в партии. В письме к Ганецкому от 30 (7) марта т. Ленин писал:

«И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К°, или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К°... Доверять ни Чхеидзе с К°, ни Суханову, ни Стеклову и пр. — нельзя. Никакого сближения с другими партиями, ни с кем!.. Непримиримейшая пропаганда интернационализма... Организация нашей партии, в этом суть. Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность» [1]).

Как следил Ленин еще за границей за всем, что могло дать козырь в руки «объединителей», можно судить по следующему факту, рассказанному М. Харитоновым. После Февральского переворота Ленин, находясь в Швейцарии, отказался от совместного выступления с меньшевиком Мартыновым на одном митинге, чтобы не дать возможности меньшевикам в России использовать этот факт для объединительной игры.

«Самая большая опасность, которая угрожает русской революции — это объединение большевиков с меньшевиками», — говорил Ленин [2]).

[1]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 372. Курсив наш.

[2]) «Правда», 12 марта 1927 г., статья «Ленин и Февральская революция».

б) ПРИЕЗД ЛЕНИНА В РОССИЮ. АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ. РАЗНОГЛАСИЯ ПАРТИИ ВОКРУГ АПРЕЛЬСКИХ ТЕЗИСОВ.

Еще до окончания Всероссийского Совещания Советов вернулся из Швейцарии в Россию после многолетней эмиграции т. Ленин. Возвращение из эмиграции В. И. Ленина, Г. Зиновьева и других большевиков и интернационалистов вообще встретило огромные затруднения, так как правительства Англии и Франции совместно с П. Н. Милюковым всемерно препятствовали проезду в Россию революционеров-эмигрантов, занимавших антишовинистическую позицию и внесенных в особые международные контрольные списки, составленные еще до революции представителями царской власти при участии английского и французского генеральных штабов, якобы в целях борьбы с военным шпионажем.

Приезд Ленина в изображении буржуазии.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях с художественной простотой и задушевным юмором рассказывает о переживаниях Ильича перед возвращением из эмиграции:

«Ильич метался. Он попросил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел. Надо искать другого пути... Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит. «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась. «Не выйдет, можешь во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед»... [1]).

На телеграфное предложение группы товарищей, находившихся в скандинавских странах, ехать в Россию через Англию Ленин ответил: «Англия никогда меня не отпустит, скорее интернирует»... Вместе с тем условия поездки из Англии по морю особенно для эмигрантов — не плехановцев, были связаны с опасностью для жизни. Эмигранты Карпович и Браун, возвращавшиеся из Англии на частном не нейтральном пароходе, погибли, так как судно было пущено ко дну.

19 марта в Берне при первых известиях о революции состоялось совещание эмигрантов для обсуждения вопроса о возвращении в Россию. В совещании

[1]) Н. К. Крупская, Из эмиграции в Питер, приложение к брошюре Ф. Платтена «Ленин из эмиграции в Россию».

участвовали: большевик Зиновьев, меньшевик-интернационалист Мартов, эсер-интернационалист Бобров-Натансон и бундовец Коссовский. На этом совещании Мартовым был предложен план возвращения через Германию на основе обмена эмигрантов на интернированных в России германцев и австрийцев. Секретарю Циммервальдской международной социалистической комиссии Роберту Гримму было предложено завязать по этому поводу сношения с швейцарским правительством. Но швейцарское правительство отказалось взять на себя роль посредника, боясь обвинения в нарушении нейтралитета. Гримм тогда решил связаться непосредственно с представителем германского правительства в Швейцарии. Условием переговоров ставилось требование, чтобы был допущен проезд эмигрантов независимо от их взглядов на вопросы защиты отечества, продолжения войны и заключения мира. Только большевики соглашались на проезд через Германию, в то время как представители других партий заявили, что они настаивают на получении согласия на этот план со стороны Петрограда. Однако, как предсказывали большевики, эти надежды на Петроград были необоснованы. В частности попытки большевистского бюро ЦК в России добиться, при содействии Исполнительного Комитета, разрешения на возвращение эмигрантов-интернационалистов, и в частности Ленина, не приводили ни к каким реальным результатам, и заявления передавались в пресловутую «контактную комиссию». В письме к Ганецкому от 30 марта Ленин писал, что надеяться на Милюкова нечего, ибо он пойдет на любой обман и предательство, чтобы не пропустить интернационалистов в Россию. В своем заявлении от имени заграничного Бюро ЦК Ленин и Зиновьев 31 марта сообщили, что считают колебания в вопросе о проезде через Германию даже без согласия Временного Правительства вредными для дела революции и приступают к немедленной организации проезда через Германию большевиков и всех желающих примкнуть к ним. Переговоры о поездке были возложены на швейцарского интернационалиста Фр. Платтена, ввиду двусмысленной тактики Роберта Гримма. Против поездки через Германию началась усиленная агитация среди эмигрантов в Швейцарии и в России. В заграничных газетах появились сообщения о том, что Временное Правительство собирается предать суду всех намеревающихся проехать через Германию. Все это вместе взятое вызвало различные опасения и колебания у некоторых членов Бюро ЦК в России. 6 апреля Ганецкий, содействовавший в Стокгольме возвращению Ленина в Россию, получил от Шляпникова телеграмму следующего содержания: «не форсируйте приезда Владимира Ильича. Избегайте риска» [1]). Однако несмотря на то, что, как пишет Н. К. Крупская, не было даже уверенности, что Германия действительно пропустит и не интернирует большевиков, решено было все же ехать немедленно.

«Ильич, — рассказывает Н. К. Крупская, — ... старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самой малейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить» [2]).

Фр. Платтен заключил с германским представителем следующее соглашение:

---

[1]) Там же, статья Ганецкого, стр. 134.

[2]) Там же, стр. 114.

1. Пропуск дается всем эмигрантам без различия взглядов на войну.

2. Вагон, в котором едут эмигранты, пользуется правом экстерриториальности и не подвергается контролю и проверке.

3. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на интернированных австро-германцев.

Ленин отлично понимал, что, давая пропуск интернационалистам — противникам империалистической войны — на проезд в Россию, германское правительство рассчитывает усилить таким образом агитацию против войны в России. Точно так же большевики отлично понимали, что факт проезда их через Германию даст возможность буржуазии и ее подголоскам использовать этот факт для борьбы против интернационалистов; но все же они считали своим долгом игнорировать эти обстоятельства, решая вопрос с точки зрения революционной целесообразности. Расчеты же германских империалистов были близоруки, как они сами позднее стали признаваться. Ген. Гофман в своих мемуарах объясняет причины согласия германского правительства на поездку Ленина через Германию тем, что это было для них средством для усиления революционных беспорядков в России.

«Лично я ничего не знал о перевозке Ленина, — говорит Гофман, — но все же, если бы меня об этом спросили, то я вряд ли стал бы делать какие-либо возражения против этого, потому что в то время ни один человек не мог предвидеть, какие несчастные последствия должно иметь выступление этих людей для России и всей Европы» [1] —

Для капиталистической России и капиталистической Европы, можем мы добавить к словам Гофмана.

Решение Ленина и других большевиков о поездке через Германию встретило полную поддержку и сочувствие среди интернационалистских меньшинств иностранных партий, подписавших протокол о проезде, в котором они подтверждали свою солидарность с едущими.

Это были Пауль Леви — немецкий социалист, Анри Гильбо (Франция), Платтен (Швейцария), Чильбум, Линдхаген, Штрем, Норман (Швеция), Гансен (Норвегия).

Попытки немецких с.-д. большинства (шовинистов) вступить в переговоры с едущими отклонялись последними самым решительным образом. Среди уехавших из Швейцарии 9 апреля 32 эмигрантов, принадлежавших к различным партиям, было 19 большевиков, 6 бундовцев, 3 сторонника парижской интернационалистской газеты «Наше слово». Следует попутно отметить, что эмигранты, отказавшиеся ехать с первой партией, очень скоро (30 апреля) постановили, по возвращении других политических эмигрантов, проехать тем же путем в Россию, так как выяснилось, что иначе в Россию попасть невозможно.

Пролетарские и солдатские массы Питера и партийные организации встретили Ленина, приехавшего 16(3) апреля вечером с огромным революционным подъемом и необычайным торжеством.

Основная задача Ленина заключалась в том, чтобы «влить уксуса и желчи в розовую водицу» мещанских иллюзий, которые создались в

[1]) «Война упущенных возможностей», Гиз 1925 г., стр. 148.

первый период революции и поддерживались оборонцами и правой частью большевиков. К борьбе против мелкобуржуазных иллюзий Ленин приступил немедленно, как только очутился в Питере. Чрезвычайно интересно с этой стороны сухановское описание встречи Ленина. Оно настолько характерно, что стоит его привести целиком:

«... Ждали же мы долго. Поезд сильно запаздывал. Но в конце концов он подошел. На платформе раздалась громовая марсельеза, послышались приветственные крики... Мы оставались в «царских» комнатах, пока у вагона обменивались приветствиями генералы большевизма. Затем слышно было шествие по платформе, под триумфальными арками, под музыку, между шпалерами приветствовавших войск и рабочих. Угрюмый Чхеидзе, а за ним и мы, остальные, встали, вышли на середину комнаты и приготовились к встрече. О, это была встреча, достойная... не моей жалкой кисти!

В дверях показался торжественно-спешащий Шляпников, в роли церемониймейстера...

Вслед за Шляпниковым, во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в «царскую» комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с иззябшим лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую «приветственную речь», хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения:

«Товарищ Ленин, от имени Петербургского Совета Р. и С. Деп. и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели»...

Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности: как же, собственно, отнестись к этому «приветствию» и к этому прелестному «но»?... Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось, — осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской» комнаты, поправлял свой букет (довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, «ответил» так:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища, Карла Либкнехта, народы обратят оружие против своих эксплоататоров-капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче-завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Это был, собственно, не только не ответ на «приветствие» Чхеидзе. Это был не ответ, это не был отклик на весь «контекст» русской революции, как он воспринимался всеми — без различия — ее свидетелями и участниками. Весь «контекст» нашей революции (если не Чхеидзе) говорил Ленину про Фому, а он прямо из окна своего запломбированного вагона, никого не спросясь, никого не слушая, ляпнул про Ерему...

Очень было любопытно! Нам, неотрывно занятым, совершенно поглощенным будничной черной работой революции, текущими нуждами, насущными сейчас, но незаметными «в истории» делами — нам вдруг к самым глазам, заслоняя от нас все, чем мы «были живы», поднесли яркий, ослепляющий, экзотического вида светильник... Голос Ленина, раздавшийся прямо из вагона, был «голос извне». К нам в революцию ворвалась—правда, нисколько не противоречащая ее «контексту», не дисонирующая, но н о в а я резкая, несколько ошеломляющая нота» [1]).

[1]) Н и к. С у х а н о в, «Записки о революции», 1922 г., стр. 13—16.

И уже по дороге с Финляндского вокзала в Петербургский Комитет Ленин в своих речах к многотысячной процессии рабочих, солдат и матросов, собравшихся для его встречи, призывал к борьбе против империалистской войны и провозгласил лозунги социалистической революции.

На собрании партийных работников в помещении ПК (дворец Кшесинской) Ленин выступил с речью, в которой критиковал позицию, занятую руководящими товарищами.

На следующий день Ленин выступал на совместном заседании большевистских фракций Всероссийского Совещания Советов и Петроградского Совета, а затем, по просьбе объединенцев и меньшевиков, Ленин повторил свою речь на объединительном собрании всех с.-д. участников Всероссийского Совещания Советов.

Здесь Ленин прочел тезисы о задачах пролетариата в революции, сопровождая их комментариями (см. таблицу № 2).

Ленин заявил, что тезисы характеризуют его личные взгляды, так как они не были еще обсуждены на собрании большевиков. Ленинские тезисы произвели среди собрания впечатление разорвавшейся бомбы. Бывший большевик (позднее снова вернувшийся в партию) Гольденберг-Мешковский говорил на собрании: десятки лет пустовавший после Бакунина трон занят Лениным. Даже среди многих большевиков наблюдалось недоумение и некоторое смятение в связи с намеченным в тезисах тактическим поворотом.

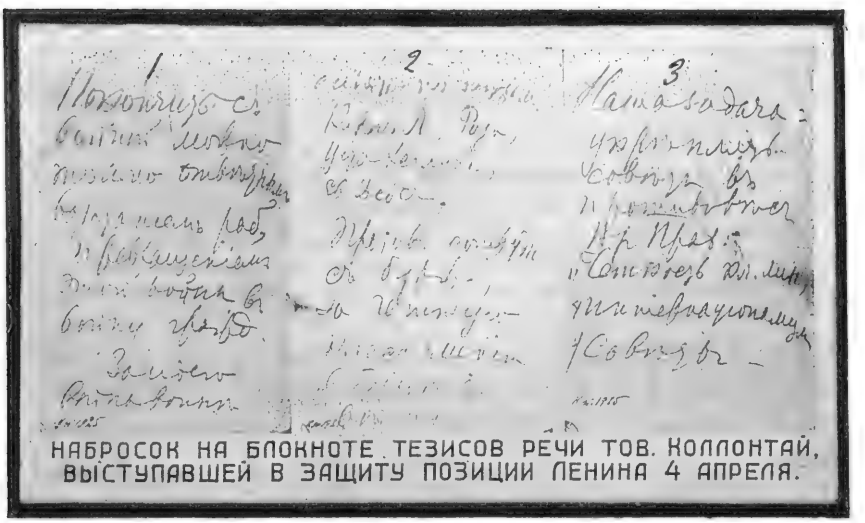
Противники Ленина изображали апрельские тезисы, провозглашавшие идею власти Советов и перемену старого названия партии и старой программы на новые как отход от марксизма к анархизму, как нечто неожиданное, мало связанное даже со всей предыдущей историей большевизма, нечто такое, что Ленин сочинил в вагоне в один присест. Нет совершенно нужды повторять доводы в пользу того, что апрельские тезисы, намечавшие пути перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, целиком и полностью вытекали из основной сути учения большевизма. Интересно проследить сейчас историю написания Лениным апрельских тезисов, которые, не будучи «перевооружением» большевизма, как ложно утверждал Л. Троцкий, все же знаменовали переход к новому этапу, крупнейший поворот в истории большевизма и революции, являвшийся событием всемирно-исторического значения. Получив первые известия о революции, Ленин в письме к А. М. Коллонтай от 16 марта писал [1]):

«Ну что же! Этот первый этап первой (из порожденных войной) «революций» не будет ни последним, ни только русским... Все наши лозунги те же... Республиканская пропаганда, борьба против империализма, по-прежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции с завоеванием власти «Советами Рабочих Депутатов».

Здесь есть в основном то, а отчасти почти в тех же выражениях, о чем Ленин писал в своем еще первом «Письме издалека», в котором он уже чрезвычайно близко подходит к формулировкам апрельских тезисов. Говоря в письме

[1]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 289. Курсив наш.

Коллонтай.



НАБРОСОК НА БЛОКНОТЕ ТЕЗИСОВ РЕЧИ ТОВ. КОЛЛОНТАЙ, ВЫСТУПАВШЕЙ В ЗАЩИТУ ПОЗИЦИИ ЛЕНИНА 4 АПРЕЛЯ.

Коллонтай о том, что «все наши лозунги те же», Ленин имеет в виду лозунги, выставленные в «Социал-Демократе» № 47—в известных «Нескольких тезисах», опубликованных еще в 1915 г. и формулировавших основные тактические взгляды большевиков в классовой борьбе в период империалистской войны [1]).

17 марта Ленин совместно с Зиновьевым делает набросок тезисов, в которых они основываются прежде всего на «нескольких тезисах», опубликованных в 1915 г. [2]).

В наброске тезисов 17 марта, которые не были опубликованы в 1917 г., Ленин, располагавший скудными, запоздалыми и нередко искаженными сведениями, исходил (как и в первом «Письме издалека», заметим) из того, что монархия еще не добита, в связи с чем перед пролетариатом стоит задача сорганизоваться, вооружиться, «укрепить и развить свой союз со всеми слоями трудящейся массы в городе и деревне, чтобы оказать беспощадное сопротивление царской реакции и раздавить до конца царскую монархию» [2]). Это соответствовало продолжающейся и еще не закончившейся буржуазно-демократической революции. Далее в тезисах от 17 марта Ленин говорит о том, что новое правительство не сумеет дать народу хлеба, мира и свободы, а сумеет его дать лишь «рабочее правительство, опирающееся, во-первых, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестян, во-вторых, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран». Ленин в то же время требует вооружения рабочих, организации Советов рабочих депутатов и отдельной классовой организации сельскохозяйственных рабочих. Таким образом Ленин, располагавший недостаточными сведениями о революции, лишь нащупывает подход к той программе революции, которая была дана им позже в апрельских тезисах.

Попробуем сравнить формулировки по основным вопросам — о власти Советов и путях перехода к диктатуре пролетариата и социализму, данные Лениным в письмах и апрельских тезисах. Указание в тезисах на переходный характер революции, как главное своеобразие революции, и призыв к полному отказу от какой бы то ни было поддержки Временному Правительству, проходят красной нитью и через «Письма издалека», написанные за границей. Одним из центральных пунктов апрельских тезисов является идея, что Совет рабочих депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства [3]). Впервые эту мысль Ленин формулирует по приезде в Россию. Но интересно проследить за тем, как он намечает подход к ней еще в «Письмах».

В первом «Письме издалека» Ленин говорил: «Совет рабочих и солдатских депутатов — зародыш рабочего правительства». И далее: «Единственная

---

[1]) Об этих тезисах, опубликованных в № 47 «Социал-Демократа», Ленин впоследствии писал в письме к Ганецкому от 30 марта, что он требует их скорейшего переиздания в Питере: «Эти тезисы теперь архиважны. Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за 1½ года до революции. Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией» («Ленинский сборник» № 2, стр. 370).

[2]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 319. Курсив наш.

[3]) Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 18.

г а р а н т и я свободы и разрушения царизма до конца есть в о о р у ж е н и е п р о л е т а р и а т а, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих и солдатских депутатов» [1]).

Таким образом в Советах, как определенной форме революционного пролетарско-крестьянского правительства, Ленин видит е д и н с т в е н н у ю гарантию от реставрации монархии и наиболее высокую форму осуществления свободы, демократии низов.

«Не парламентарная республика, а Республика Советов Рабочих, Батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху», говорит Ленин в апрельских тезисах. Разумеется, эта мысль, являющаяся одним из центральных пунктов тезисов, их «гвоздем», была со всей четкостью и полнотой поставлена Лениным лишь в апреле, когда Ленин воочию убедился в том, что представляют собой новые Советы. Никогда, ни в ближайшие годы после революции 1905 г., ни во время войны, ни с момента революции до приезда в Россию, Ленин не формулировал с такой ясностью вопрос о значении системы Советов, как нового типа государства, организации пролетарской диктатуры. Однако в «Письмах издалека» он чрезвычайно близко подходил к этой мысли, когда в четвертом письме «О пролетарской милиции» писал:

«Пролетариат, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен «р а з б и т ь», выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, с л и в а я п о л и ц и ю, армию и бюрократию с п о г о л о в н о в о о р у ж е н н ы м н а р о д о м. Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революцией 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить в с е беднейшие, эксплоатируемые части населения, чтобы они с а м и взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, с а м и с о с т а в и л и учреждения этой власти» [2]).

При внимательном чтении третьего «Письма издалека» бросается в глаза то, что для Ленина идея пролетарской милиции была мостом к идее государства Советов, государства типа Парижской Коммуны.

Развивая идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, Ленин говорил в тезисах:

«Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов». «Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны СРД» [3]).

Таким образом Ленин здесь с полной четкостью намечает систему переходных мероприятий на пути к социалистической революции. Ту же систему переходных мер он намечает в письме «О пролетарской милиции», связывая ее с осуществлением «революционно-демократической диктатуры п р о л е т а р и а т а и б е д н е й ш е г о к р е с т ь я н с т в а [4]).

---

[1]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 331. Курсив наш.

[2]) Там же, стр. 349.

[3]) Л е н и н, т. XIV, ч. 1, стр. 19.

[4]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 353. Заметим, что Ленин здесь говорит уже не о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, а о демократической диктатуре пролетариата и б е д н е й ш е г о крестьянства. Отсюда уже намечается переход к прямой постановке вопроса о диктатуре пролетариата..

«...Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы в с я к и й трудящийся т о т ч а с увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни...

...Такие меры (т. е. меры организации распределения в интересах рабочего класса, р е д.) е щ е не социализм. Они касаются разверстки потребления, а не переорганизации производства. Они не были бы еще «диктатурой пролетариата», а только «революционно-демократической диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». Не в том дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко понятой «теории», вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего р у к о в о д с т в о к д е й с т в и ю...

...На очереди дня о р г а н и з а ц и о н н а я задача, но никоим образом не в шаблонном смысле работы над шаблонными только организациями, а в с м ы с л е п р и в л е ч е н и я н е в и д а н н о-ш и р о к и х м а с с у г н е т е н н ы х к л а с с о в в о р г а н и з а ц и ю и в о п л о щ е н и я с а м о й э т о й о р г а н и з а ц и е й з а д а ч в о е н н ы х, о б щ е г о с у д а р с т в е н н ы х и н а р о д н о-х о з я й с т в е н н ы х» [1])...

Тут интересен также переход Ленина от идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к идее диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, что соответствовало уже началу перехода к следующему этапу—социалистической революции.

Таким образом, если в апрельских тезисах Ленин с необычайной и небывалой еще до того конкретностью, четкостью и полнотой формулирует программу борьбы за социалистическую революцию, то еще за границей он в основном подходит к программе, намеченной в апрельских тезисах, подчеркивая в то же время преемственность идей, развиваемых в письмах, с тем, что Ленин высказал в 1915 г. в «Нескольких тезисах» [2]).

Через несколько дней после приезда Ленина, 21 (8) апреля Л. Каменев в статье «Наши разногласия», подчеркивая, что «тезисы» являются л и ч н ы м мнением Ленина, выражал уверенность в том, что в широкой дискуссии ему удастся отстоять свою точку зрения, как «единственно возможную для революционной социал-демократии, поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов».

Каменев, Рыков, Калинин, Ногин и другие противники точки зрения Ленина в своей полемике против него приводили доводы якобы от старого большевизма, подчеркивали необходимость признания, в отличие от Ленина, что буржуазно-демократическая революция еще не закончена.

Ленин в «Письме о тактике» и в дальнейшей полемике подчеркивал, что доводы от старого большевизма ничего не стоят, ибо эти так называемые «старые большевики» застыли на 1905 годе и не усвоили того, что основным содержанием старобольшевистской формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства являлась идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«...Ошибка т. Каменева в том, что он и в 1917 г. смотрит только на п р о ш л о е революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А для нее на д е л е уже

[1]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 353, 354. Курсив наш.

[2]) См., например, 3-е «Письмо» — «Ленинский сборник» № 2, стр. 348.

началось б у д у щ е е, ибо интересы и политика наёмного рабочего и хозяйчика н а д е л е у ж е разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистской войне.

Он (Каменев) упрекает меня в том, что моя схема «рассчитана» на немедленное перерождение этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую.

Это неверно. Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в с о ц и а л и с т и ч е с к у ю, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8... «Н е» введение «социализма, как наша н е п о с р е д с т в е н н а я з а д а ч а».

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма?..» [1]).

ПЕТРОГРАДСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. С.-Д. Р. П. (БОЛЬШЕВИКОВ) С 14 ПО 22 АПРЕЛЯ.

Глебов.

Молотов.

Ленин.

Зиновьев.

Равич.

Сулимов.

Группа участников общегородской конференции.

Силою своих доводов Ленин опрокидывал карточные построения т. Каменева, который воображал, что возводит против Ленина мощные бастионы для защиты подлинного большевизма.

Тезисы Ленина после ряда совещаний было решено перенести на широкую и открытую дискуссию в партии, обсудив все имеющиеся разногласия. Результаты дискуссии должны были послужить материалом для всероссийской партийной конференции в апреле.

---

[1]) Л е н и н, т. XX, изд. 2-е, стр. 100, 101, 106.

В первые дни после приезда Ленина партийные организации не сумели разобраться в ленинской позиции. Когда на заседании ПК 21 (8) апреля были поставлены на голосование тезисы Ленина, за них голосовало только двое, при 13 против и 1 воздержавшемся [1]). Под влиянием быстрого революционизирования пролетарских масс, колебания в отношении к ленинской позиции были вскоре отброшены, хотя и не были совершенно ликвидированы, ибо на каждом решительном тактическом повороте и шаге партии эти разногласия снова обнаруживались. Недаром позднее на заседании ПК 12 июля (30 мая) по вопросу об органе ПК Ленин говорил: «Я жалею, что ЦК не принял резолюцию по поводу шатания в ПК и в ЦК». На общегородской петроградской конференции, открывшейся 27 (14) апреля, картина была уже иная, чем в ПК.

Не лучше дело обстояло и в московской организации. Здесь и общегородская конференция приняла резолюцию, свидетельствовавшую, что москвичи не шли дальше позиций 1905 г.

Группа участников Моск. областн. конференции.

О Саратове Антонов-Саратовский рассказывает, что, когда были опубликованы тезисы товарища Ленина, немногие из руководителей саратовской организации приняли их ц е л и к о м, часть же товарищей совершенно отвергала их.

Однако это состояние неопределенности не носило затяжного характера.

«Разноязычному состоянию нашей организации, — говорит т. Антонов-Саратовский, — положила конец сама партийная масса и прежде всего ее рабочая часть, — она стала на точку зрения Ленина и заставила подтянуться к себе нашу интеллигенцию и полуинтеллигенцию» [2]).

Всероссийская апрельская конференция явилась переломным моментом. На самой всероссийской апрельской конференции многие товарищи, занимавшие

[1]) Протоколы ПК за 1917 г., стр. 88.

[2]) «Пролетарская революция» № 4 (27), 1924 г., ст. А н т о н о в а - С а р а т о в с к о г о.

ранее отличную от ленинской точку зрения, меняли свои взгляды и примыкали к Ленину [1]).

Так было, например, с частью делегации от киевской общегородской конференции, которая вначале целиком состояла из «возражающих», по выражению Е. Б. Бош [2]).

Л. Б. Каменев оказался плохим пророком, когда в статье «Наши разногласия» предсказывал поражение ленинской позиции в широкой партийной дискуссии и победу своей точки зрения на всероссийской партийной конференции.

Характерно, что сколько-нибудь проницательные меньшевики не обманывали себя насчет позиции большевиков, стоявших до приезда Ленина на точке зрения демократической революции.

Так, например, бывший большевик Рожков, с 1910—1911 гг. меньшевик, писал в открытом письме к московской конференции большевиков, опубликованном в меньшевистской газете «Вперед» № 27 от 21 (8) апреля:

«Позиция МК и моя, — писал Н. А. Рожков, — в отношении к возможности социалистической революции также различна. Раз провозглашается фактическое (захватное) осуществление чуть ли не всей программы-минимум до Учредительного Собрания, то, очевидно, имеется в виду переход Учредительного Собрания к социалистическим преобразованиям... Я считаю социалистическую революцию в высокой степени вероятной, почти неизбежной при данных обстоятельствах. Но она возможна и осуществима лишь в международном масштабе».

И потому Рожков решительно осуждал тактику большевиков, которая вела к перерастанию демократической революции в социалистическую.

Старый, прожженный ликвидатор В. Левицкий также подчеркивал, что отделить большевиков от «крайнего» Ленина нельзя. В газете «Вперед» от 22 (9) апреля он писал:

«Взгляды Ленина идут гораздо дальше того, что проповедывали до сих пор в России его партийные единомышленники. Но надо прямо сказать: эти взгляды есть естественный неизбежный вывод из развиваемых ими воззрений о необходимости борьбы с «контрреволюционным» Временным Правительством и замены его диктатурой пролетариата и крестьянства».

Тезисы Ленина нанесли удар полуменьшевистской путанице, кое-кем вносимой в партию, а тем самым и объединительным тенденциям. Нужно было лишь известное время, чтобы партия могла до конца осмыслить всю глубину ленинских тезисов и сплотиться крепкими рядами вокруг своего вождя. Борьба с меньшевиками за руководство рабочим классом требовала, чтобы примиренческим тенденциям правых группировок в партии был нанесен решительный удар.

В этом смысле значение апрельских тезисов было огромно, ибо они намечали четкую революционно-классовую линию, которую нельзя было подвергнуть кривотолкам.

---

[1]) См. Майоров, Из истории революционной борьбы на Украине, X. 1922 г.

[2]) Бош, Год борьбы, стр. 36.

в) ТРАВЛЯ БОЛЬШЕВИКОВ И „ПРАВДЫ". АПРЕЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

Травля большевиков и «Правды», носившая резкий характер и до приезда Ленина, приняла после приезда Ленина и его выступлений самые дикие формы. Если прежде в этой травле участвовала, главным образом, буржуазная печать, то теперь в ней стала принимать участие и пресса «революционной демократии». Особенно отличалось в этом смысле плехановское «Единство», в выступлениях которого все громче и определеннее стал слышаться провокационно-погромный дух. Правда, «Единство» весьма условно можно отнести к числу органов мелкобуржуазной «революционной демократии», ибо оно целиком примыкало к буржуазно-империалистской позиции, несмотря на свою с.-д. марку. От «Единства» отрекались даже такие матерые ликвидаторы, как Левицкий. Ленин придавал большое значение борьбе с Плехановым и его «Единством» не потому, чтобы Плеханов и его группа имели за собой какие-нибудь массы, а потому, что в глазах солдат и наиболее отсталой части рабочих агитация группы, возглавляемой такими именами, как Плеханов и Засулич, могла иметь известный успех. «Ловля простаков» при помощи декоративных бабушек и дедушек русской революции и прочих «икон», широко практиковалась соглашателями на почве солдатско-крестьянского примитивизма. Помимо того Ленин предвидел, что не только открытые, но и скрытые оборонцы в лице сторонников меньшевистского ОК быстрым темпом станут усваивать дух желтого плехановского «Единства» и его методы борьбы с большевиками.

И, действительно, позже, в июльские дни, линия «Единства», линия Плеханова и Алексинского целиком восторжествовала в меньшевистско-народническом блоке.

Беснования буржуазной печати, антибольшевистская агитация мелкобуржуазной печати усиливалась, главным образом, по той причине, что Ленин, вопреки ожиданиям многих, не оказался «изолированным», как пророчила меньшевистская печать.

После кратковременных разногласий в редакции, «Правда» приобрела ленинское лицо.

В деле травли «ленинцев» установилось известное «разделение труда». В то время как буржуазная печать призывала к расправе с ленинцами и «Правдой», социалистическая печать, печать «революционной демократии», внешне отмежевываясь от травли, ведущейся буржуазно-черносотенной прессой, призывала к «идейной» борьбе с большевиками. Однако и в социалистической печати под влиянием буржуазии наблюдался известный сдвиг в сторону все более беззастенчивой травли большевиков, хотя все же советские демократы старались еще держаться рамок приличия. Попытка буржуазии внести раздор между рабочими и солдатами путем клеветы на рабочих, будто бы желающих лишить и фронт и армию снабжения и предъявляющих непомерные требования, не удалась. И контрреволюция перешла к новым методам натравливания солдат против революционного пролетариата и большевиков. Наряду с разговорами о «пломбированном вагоне» были пущены в ход басни о том, что «ленинцы» ведут агитацию за сепаратный мир с Германией, призывают к насилиям против

Совета. Ильин-Женевский рассказывает, что в Гельсингфорсе в апреле, когда уже немалая часть матросов была распропагандирована большевиками, им все же зачастую трудно было выступать на собраниях, распространять свои газеты. Большевистскому комитету угрожал разгром, и в апреле, перед всероссийской конференцией, эта угроза едва не была приведена в исполнение [1]). В Питере шла травля и против революционного Кронштадта, который буржуазная печать изображала как царство анархии и самосудов.

26 (13) апреля состоялось собрание большевистской военной организации с участием ЦК. Было выяснено, что среди солдат ведется подготовка к разгрому «Правды» и «дворца Кшесинской». В связи с этим на заседании общегородской петроградской конференции 27 (14) апреля была принята от имени ЦК и ПК резолюция «против погромщиков» в форме воззвания, в котором излагалась история проезда Ленина через Германию и ответственность за могущие произойти насилия над «Правдой» и партией большевиков возлагалась на буржуазную печать, причем подчеркивалось участие в этой травле Временного Правительства» [2]).

Советская «революционная демократия» не только не дала отпора буржуазным клеветникам и погромщикам, но сама приняла посильное участие в этой кампании травли.

29 (16) апреля в газетах была напечатана резолюция Исполнительной комиссии Совета солдатских депутатов, в которой дезорганизаторская пропаганда «ленинцев» признавалась «не менее вредной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Резолюция отдавала дань чисто внешнему признанию демократизма, указывая, что пока ленинцы ограничиваются агитацией, с ними следует бороться не репрессивными мерами, а идейной пропагандой. Однако суть резолюции, заключавшаяся в приравнивании большевистской агитации к контрреволюционной, слишком явно выпирала наружу. Особенное беспокойство в буржуазно-соглашательском лагере вызывала агитация большевиков, направленная к разоблачению иллюзий добросовестного оборончества и шаткости позиции Исполнительного Комитета в вопросе о давлении на Временное Правительство в целях проведения политики мира. И Всероссийское Совещание Советов и Минский съезд депутатов армий и тыла Западного фронта, открывшийся 21 (8) апреля, несмотря на принятие ими резолюций в духе революционного оборончества и доверия Временному Правительству, все же не дали удовлетворения ни советским лидерам, ни тем более Временному Правительству. Они свидетельствовали о непреодолимой воле масс к миру, об их решительном осуждении захватнической наступательной политики. Между тем Временное Правительство требовало от советских лидеров поддержки в деле восстановления боевого духа армии и удовлетворения требований союзников в смысле прекращения пацифистской пропаганды и выполнения обязательств перед Антантой. Мелкобуржуазно-оборонческий блок эсеров и меньшевиков, смертельно боявшийся пролетарской революции, был загипно-

[1]) А. Ф. Ильин-Женевский, От Февраля к захвату власти, стр. 46—48.

[2]) «Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП (б) в апреле 1917 г., Госиздат, М. — Л. 1925, стр. 18, 19. В дальнейшем эта книга будет называться ради краткости «Протоколы».

тизирован идеей о том, что нужно во что бы то ни стало сохранить добрые отношения с союзниками. В этом ярко сказывалась зависимость современной мелкой буржуазии от финансового капитала. Находясь в экономическом и идеологическом плену у крупной буржуазии, у русского, — а тем самым и антантовского — империализма, мелкая буржуазия надеялась осуществить в России политические идеалы западно-европейской демократии при помощи и при поддержке стран «передовой демократии»—Англии и Франции. Мелкая буржуазия руководилась тем, что с точки зрения экономических и политических интересов России очень важно для предотвращения «большевистской анархии», т. е. пролетарской диктатуры, избегать всего, что может повести к разрыву с союзниками.

Однако поддержка доброго мира с союзниками требовала сохранения единого фронта в войне. Русская буржуазия поэтому постаралась в вопросах о войне и сохранении добрых отношений с союзниками подчинить себе целиком мелкобуржуазную демократию.

Представители революционной демократии, в особенности Керенский и Церетели, в которых буржуазия с первых дней распознала своих верных слуг, вели работу, расчищавшую путь к единовластию буржуазии и откровенно империалистской политике Временного Правительства. Церетели на Минском фронтовом съезде 8 апреля произнес речь, в которой он не только старался усыпить бдительность масс по отношению к Вр. Правительству, но и подготовить солдатские массы к будущему наступлению на фронте [1]).

Из среды Временного Правительства шел нажим и в вопросе о поддержке Советами кампании за реализацию «займа свободы», который был намечен в размере 5 миллиардов рублей для нужд обороны страны. Исполнительный Комитет Петербургского СР и СД торговался с Временным Правительством по вопросу о декларировании демократических принципов и реформах, но все же обещал оказать поддержку «займа свободы». 20 (7) апреля Исполнительный Комитет вынес резолюцию о поддержке «займа». Позиция меньшевиков и эсеров в Исполнительном Комитете по вопросу о «займе свободы» встретила решительное сопротивление со стороны большевиков.

Как подчеркивал Ленин, меньшевики и эсеры из Исполнительного Комитета, несмотря на все колебания, своими обещаниями поддержать заем для целей империалистской войны «привязали себя к буржуазии», стали на путь западно-европейских социал-шовинистов.

С приходом буржуазии к власти, зависимость и подчинение России союзническому империализму не только не уменьшились, но еще более возросли. Временное правительство, зависимое от Советов, за которыми шли вооруженные и организованные массы, должно было все больше уповать на поддержку союзников в борьбе против революции. Осуществить свои захватнические планы русская буржуазия точно так же могла только при условии милостивого и благосклонного отношения к России союзников. Финансовое положение Временного Правительства было весьма затруднительное. Суточный расход на войну с 15,7 млн. руб. в 1914 г. поднялся в 1917 г. до суммы свыше

[1]) «Речи И. Г. Церетели», изд. «Луч», П. 1917 г.

60 млн. руб. (перед Октябрем 69 млн. руб.). Курс рубля очень сильно упал, именно, с 66 коп. на 31 января 1917 г. до 32 коп. на 23 сентября 1917 г., ибо пассивный торговый баланс за первые три месяца 1917 г. составлял 400 млн. руб. против 262 млн. руб. за те же месяцы в 1916 году. Государственный долг с $33^1/_2$ млрд. руб. на 1 января 1917 г. вырос до 44 млрд. руб. на 1 июля того же года и до 60 млрд. — на 1 янв. 1918 г. [1]). Не будучи в состоянии справиться с финансовым кризисом собственными силами, Временное Правительство возлагало все свои надежды на внешние займы. Все это не могло не усилить подчинение Вр. Правительства Лондону и Парижу.

Помимо всего в политике затягивания войны империалистская буржуазия руководилась не только планами осуществления захватнической программы, но и тем, что затягивание войны может убить революцию. Политика продолжения войны подавала надежды на то, что удастся восстановить дисциплину в армии, провести милитаризацию тыла, а может быть, путе разжигания великодержавного шовинизма и проповеди наступления, подавить революционные стремления масс.

Однажды В. Набоков в беседе с П. Милюковым высказал мысль о том, что революция — результат усталости армии и народа от войны, и потому целесообразно было бы поскорее разрешить вопрос о войне. На это Милюков решительно возразил: «Кто его знает, может быть благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось» [2]).

Однако это были близорукие расчеты, ибо и рабочий класс и основная масса бедняцкого и середняцкого крестьянства были заинтересованы в совершенно обратном. Тяга к миру росла необычайно, настроения добросовестного оборончества в массах, не имея под собой никакой экономической базы в массе трудящихся, быстро рассеивались.

По одной 5-й армии цензура установила возрастание числа антивоенных писем солдат от января до мая с 350 до 12 413 [3]).

В связи со всем этим открыто-империалистская тактика и заявления Милюкова беспокоили Исполнительный Комитет, так как неминуемо должны были вызвать движение недовольства в массах. Исполнительный Комитет СРД стал добиваться от Временного Правительства заявления об отказе от аннексий и контрибуций, обещая за это поддержку во внешней и внутренней политике Правительства. Эта декларация Временного Правительства должна была подкрепить воззвание Исполнительного Комитета «К народам всего мира». Однако 5 апреля (23 марта) Милюков в беседе с журналистами о целях войны заявил, что «обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России», и русская дипломатия должна эти свои национальные интересы отстаивать на будущем мирном конгрессе.

«Правда» в связи с заявлением Милюкова развила энергичную разоблачительную кампанию, находившую живой отклик в массах. Все это вынуждало Исполнительный Комитет настойчивее добиваться через контактную ко-

---

[1]) «Россия в мировой войне», ЦСУ, М. 1925, стр. 46—48.

[2]) «Архив русской революции» И. В. Гессена, т. I, стр. 41.

[3]) «Солдатские письма», Гиз, 1927 г., стр. 42, предисловие М. Н. Покровского, стр. 12.

миссию от Временного Правительства издания декларации о внешней политике, тем более, что в конце марта предстояло Всероссийское Совещание Советов.

9 апреля (28 марта) к моменту открытия Всероссийского Совещания Советов (открылось на следующий день) было опубликовано обращение «К гражданам России» (а не к союзникам), в котором Временное Правительство заявляло, что «русской народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах»... Эту дипломатическую формулу можно было при случае толковать и в аннексионистском духе. Однако декларация «К гражданам», опубликованная Временным Правительством 9 апреля (28 марта), в союзнической прессе

Братание на фронте.

была истолкована, как отказ России от права на Константинополь и другие территориальные приобретения. Милюков, носившийся в это время с планами высадки русского десанта в Дарданеллах, счел необходимым выступить с разъяснением, которое положило бы предел подобным толкованиям союзниками обращения «к гражданам». Свою «разъяснительную» ноту, отправленную вместе с обращением «К гражданам», Милюков приурочил к 1 мая (18 апреля).

Почва для подобного рода аннексионистских выступлений была чрезвычайно неблагоприятна. На фронте развивалось массовое дезертирство солдат, о чем с тревогой извещало Временное Правительство в своем обращении от от 20 (7) апреля. Сообщения с фронта говорили о тяжелом материальном

положении фронта, об упадке «нравственной упругости и боеспособности войск». В армии в связи с продовольственными затруднениями предполагалось сокращение продовольственного пайка: на фронте до 2 фунтов и в тылу до $1^1/_2$ фунтов. В Петрограде по предложению Исполнительного Комитета 5 апреля (24 марта) была введена карточная система.

Не мало значения имело то, что нота была приурочена к интернациональному празднеству 1 мая (18 апреля), когда лозунг мира в связи с первомайским празднеством широко популяризировался даже соглашательской прессой. На фронте 1 мая не было военных действий и происходило братание с немецкими солдатами.

Красная гвардия на Дворцовой площади 1 мая 1917 г.

В таких-то условиях, через день после 1 мая, стала известна массам нота Милюкова. Нота вызвала огромное возмущение в рабочих и солдатских массах. Добросовестному оборончеству был нанесен решительный удар. Выступление Милюкова привело к стихийному движению пролетарских и солдатских масс Питера, Москвы и всей страны. Позже Ленин характеризовал демонстрацию как движение «бурно-стихийное, совсем не организованное» [1]).

Днем 20 апреля выступил с лозунгом протеста против политики Милюкова Финляндский полк под руководством беспартийного интеллигента прапорщика Ф. Линде, выведшего полк по своей личной инициативе. Но Линде

[1]) Собр. соч., т. XX, ч. 2, 1-е изд., стр. 137.

в данном случае выражал подлинное возмущение солдатских масс. Вслед за Финляндским полком выступили и другие воинские части, несколько маршевых рот, матросы. Все они шли с плакатами, на которых красовались надписи: «Долой Милюкова», «Милюкова в отставку», «Мир без аннексий и контрибуций» и т. д.

Настроение солдат было крайне возбужденное. Они говорили, что идут арестовать Милюкова и все Временное Правительство. На заводах и фабриках, в районах возмущение выражалось в не менее резкой форме, здесь шли митинги, собрания протеста. После окончания работы начались массовые рабочие манифестации под лозунгами протеста против империалистской политики Милюкова и недоверия Временному Правительству. Вечером начались и манифестации буржуазных элементов, организованные кадетами. В них участвовали чиновники, офицерство, студенты, часть из которых была вооружена. Это было первое выступление будущей белой гвардии. Из рядов белогвардейско-кадетской демонстрации раздавались выкрики: «Арестовать Ленина», «Долой большевиков» и т. д. Буржуазные манифестации шли под лозунгами «Доверия к Временному Правительству», «Долой Ленина», «Да здравствует Милюков». На Невском проспекте произошло столкновение рабоче-солдатской и буржуазной манифестаций. Уличные митинги происходили всю ночь. На следующий день возбуждение ничуть не улеглось. Весь день происходили митинги и демонстрации враждебных сторон. Демонстрации носили, с одной стороны, по преимуществу рабочий характер, с другой — чисто буржуазный. Рабочие манифестации шли под большевистскими лозунгами: «Да здравствует III Интернационал», «Да здравствует власть Совета» и др. Наряду с этим нередко встречались лозунги «Долой Временное Правительство». Буржуазия пыталась путем провокации вызвать рабочих на вооруженное столкновение. Однако благодаря выдержке рабочих, провокация буржуазии не удалась. В некоторых районах наблюдались случаи, когда солдаты пытались разоружить рабочих и даже стреляли в манифестацию [1]). Буржуазия пыталась натравить солдат на рабочих под тем предлогом, что рабочие и большевики хотят начать гражданскую войну и захватить власть.

Ген. Корнилов, главнокомандующий Петербургским Военным Округом, пытался вывести войска и артиллерию и подавить вооруженной силой выступление, но его приказ о выступлении был отменен Петербургским Советом [2]).

Во время апрельской демонстрации советские лидеры принимали меры к тому, чтобы успокоить солдат и заставить их вернуться в казармы.

Вместе с тем в радиотелеграмме во все Советы Исполнительный Комитет сообщал о своем отрицательном отношении к ноте Милюкова и о переговорах с Временным Правительством по вопросу о ноте. В этом сказывалось влияние рабоче-солдатских манифестаций и давление большевиков. Временное Правительство издало разъяснение ноты Милюкова в том духе, что оно, мол, не противоречит декларации от 8 апреля (27 марта), опубликованной 9 апреля.

---

[1]) «Правда» № 38 от 22 апреля (5 мая) 1917 г.

[2]) Н. А в д е е в, Революция 1917 года. Хроника, т. II, стр. 54—55.

В разгаре апрельских событий мелкобуржуазный блок отклонился в сторону от буржуазии, ибо ясно было, что инициатива гражданской войны, которой так боялась мещанская демократия, принадлежала буржуазии, а опасность пролетарской революции не была еще так явственна, как в июльские дни.

Однако на следующий же день, как мы это увидим, блок социал-оборонцев снова начал колебаться вправо, совершая зигзагообразный путь к политике коалиции.

Пленум Совета 4 мая (21 апреля) послал приветствие революционной демократии Петрограда, которая на своих митингах и демонстрациях выразила тревогу по поводу «возможного» (!) уклона Временного Правительства «в старое русло захватного империализма», но признал разъяснение, в основном, удовлетворительным. Собрание постановило воспретить демонстрации, появление вооруженных на улицах и призывы к вооруженным выступлениям. 5 мая (22 апреля) пленум Совета голосовая за поддержку «займа свободы». 9 мая (26 апреля) Исполнительный Комитет обсуждал вопрос о коалиционном правительстве и пока еще отрицательно отнесся к созданию его, чтобы спустя несколько дней санкционировать политику коалиции.

Ленин, характеризуя апрельскую демонстрацию, отмечал, что она началась как демонстрация солдатская с несознательным, противоречивым лозунгом «Долой Милюкова». В этом сказывалась ограниченность мелкобуржуазной массы, требовавшей смены л и ц, несмотря на то, что политика Милюкова была политикой Временного Правительства. Характерно, что соглашатели восхваляли апрельское движение за то, что оно смело Милюкова, поддерживая, таким образом, иллюзии о том, что после устранения Милюкова с империалистской политикой Временного Правительства покончено. Однако все же выступление свидетельствовало о том, что мелкобуржуазные массы колебнулись в сторону революционного пролетариата, что колебание мелкобуржуазных масс выразилось также и в колебаниях мелкобуржуазных социалистов, в том числе и большинства Исполнительного Комитета. Исполнительный Комитет осуждал внешнюю политику Временного Правительства, отдавая дань антиимпериалистскому настроению масс. Петроградский Совет пытался первоначально отказаться от пути коалиции с буржуазией. Однако на сколько-нибудь активную революционную политику Исполнительный Комитет не решался, боясь развязать революционную стихию, которая могла отбросить руководство мелкобуржуазных социалистов или навязать им, доктринерам буржуазной революции, путь к революционной диктатуре рабочих и крестьян, а от нее и к пролетарской революции.

Апрельский кризис произошел в результате наступательной тактики буржуазии, стремившейся открыто проводить империалистскую политику, но он обнаруживал беспочвенность и слабость буржуазии, власть которой опиралась только на поддержку соглашательского большинства Советов. При первом же колебании мелкой буржуазии на арену борьбы выступили крайние непримиримые фланги — пролетариат и буржуазия; «средние», мелкобуржуазные группировки, стушевались. Буржуазия пыталась начать гражданскую войну, толкнуть отсталые элементы солдат на усмирение рабочих, но кроме отдельных случаев провокации ничего из этого не получалось. Буржуазия

встретила отпор не только со стороны организованного пролетариата и партии большевиков, осудившей путь немедленной гражданской войны, но и со стороны мелкобуржуазных социалистов. Однако последние, понимая, что руководство массами, как это стало ясно на примере апрельских дней, может перейти к пролетариату и его партии, в сторону которой колебнулись солдатские массы во время апрельской демонстрации, направили весь свой авторитет на то, чтобы обуздать революционное движение. Мелкобуржуазные демократы предпочли лучше пойти на коалицию с буржуазией, чем на союз с революционным пролетариатом. Ограниченность и несознательность солдатских масс, их доверие к советским лидерам облегчили им переход к политике коалиции. Налицо еще не было достаточно глубокого и широкого движения народных масс, которое могло бы послужить основой для свержения Временного Правительства. Апрельский кризис власти закончился гнилым компромиссом между оборонцами и буржуазией. Однако этот компромисс не разрешил кризис власти, массы не признали «инцидент исчерпанным», как признал Петроградский Совет. Это показало дальнейшее развитие революции. Какова же непосредственная роль и позиция партии в дни апрельской демонстрации, которая являлась первым опытом движения широких масс, правда, пока еще только против открыто империалистской политики буржуазии?

В апрельских тезисах была дана основная линия в деле завоевания партией и пролетариатом власти. Это путь разоблачения мелкобуржуазного революционного оборончества, терпеливого разъяснения массам их заблуждений, пацифистских иллюзий и доверия к буржуазии в лице Временного Правительства.

На общегородской петроградской конференции Ленин говорил на первом заседании (14) 27 апреля в докладе по текущему моменту:

«Правительство должно быть свергнуто, но не все правильно это понимают. Если власть Временного Правительства опирается на Совет рабочих депутатов, то свергнуть его «просто» нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в Советах» [1]).

Петроградская конференция приняла резолюцию об отношении к Временному Правительству, в которой, подчеркивая контрреволюционный буржуазно-помещичий характер Временного Правительства, указывала, что контрреволюция начала уже атаку против пролетариата. Здесь имелась в виду не только политика торможения в основных вопросах революции — о всеобщем вооружении народа, о земле, 8-часовом рабочем дне, созыве Учредительного Собрания и т. д., но и прямая подготовка к расправе с революционным пролетариатом, о чем имелись определенные сведения (контрреволюционная агитация верхов командного состава армии против солдат и т. д.). Подчеркивая, что Правительство опирается на доверие и соглашение с Петербургским СР и СД, объединяющего заведомое большинство рабочих и солдат, конференция подчеркивала задачу укрепления рядов партии, прояснения сознания рабочей массы, сплочения пролетарских элементов города и деревни и борьбы за влияние внутри Советов. Каменев на заседании конференции внес резолюцию, в которой предлагал признать лозунг «свержения правительства» в настоящий

[1]) Протоколы, стр. 10.

момент дезорганизующим и призывал к осуществлению бдительного контроля над Временным Правительством. Все поправки т. Каменева были большинством отклонены. Произошло это по той причине, что принятие резолюции Каменева направило бы внимание партии в сторону угашения растущего недовольства масс против политики Временного Правительства. Линия партии в резолюции была дана вполне отчетливо, она исключала бланкизм, тактику преждевременных выступлений революционного меньшинства, но в условиях мобилизации контрреволюционных сил против революционного пролетариата нельзя было принимать решений, которые хоть сколько-нибудь затушевывали контрреволюционный характер Временного Правительства и идею подготовки к его свержению.

Центральный Комитет партии, обсудив вопрос о ноте Милюкова, принял резолюцию (20 апреля) 3 мая, в которой указывалось, что нота Милюкова не является случайностью, никакие перемены личного состава Временного Правительства не изменяют его политики. «Только взявши, при поддержке большинства народа, всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии закончить войну истинно демократическим путем».

Общегородская петроградская конференция, происходившая во время апрельских событий, обсуждая ход событий, вынесла резолюцию, в которой предлагала принять меры к организованному выражению рабочими и солдатами солидарности с ПК и ЦК и «организации давления рабочих и солдат на политику Совета Р. и СД. в смысле отказа Совета от политики соглашения с Временным Правительством» [1]). Эта политика соглашения Совета с Временным Правительством нашла себе выражение в переговорах в Мариинском дворце.

На конференции, в связи с обнаружившимися среди некоторых руководящих товарищей из ПК попытками взять «чуточку левее» ЦК и его резолюции от 3 мая (20 апреля), раздавались предостерегающие голоса, призывы отказаться от такой политики, которая может повести к перепрыгиванию через Совет Р. Д. «Не нужно быть «левее самого Ленина». «Нельзя думать пока о свержении Временного Правительства вооруженным давлением. Пока не перетянем мелкобуржуазные элементы на свою сторону, ничего не добьемся. Если Милюков спровоцирует нас на бестактное выступление, все же без Совета РД мы не обойдемся».

«Не арест Временного Правительства и вооруженное восстание, а вызвать солидарность с нашей позицией», такие речи раздавались на конференции.

Предостережения были не напрасны, ибо часть товарищей, поддавшись стихийному порыву масс, бросила лозунг «Долой Временное Правительство». Во время событий собрался ПК, который поручил члену ПК С. Богдатьеву написать листовку. В листовке был дан лозунг «Долой Временное Правительство», и хотя листовка не была утверждена ПК, она была все же

---

[1]) Протоколы, стр. 32.

выпущена за подписью ПК. Лозунг «Долой Временное Правительство» был особенно решительно подхвачен Выборгским районом. Несомненно, что вина за выпуск листовки лежала отчасти на ПК, но все же она являлась личным выступлением С. Богдатьева, по поводу которого ПК начал следствие [1]).

Вместо того, чтобы выпятить лозунг перехода власти в руки Советов Р. и СД., товарищи из ПК взяли «чуточку левее», не согласовав своей линии с Центральным Комитетом.

Тов. Шмидт на Всероссийской апрельской конференции подчеркивал, что ПК в целом дальше плана мирной демонстрации не предполагал итти [2]). Тем более это следует сказать о ЦК. ПК вынес 4 мая (21 апреля) постановление о том, что партийные ораторы и агитаторы должны опровергать лживые сообщения буржуазной прессы о мнимых угрозах большевиков начать гражданскую войну. ЦК возлагал ответственность за происшедшие насилия во время демонстраций на Временное Правительство и предлагал народное голосование по вопросу о власти, призывал массы к переизбранию делегатов в СР и СД. 5 мая (22 апреля) ЦК принял резолюцию, в которой отмечал, что мелкая буржуазия сначала колебнулась в сторону рабочих, а через день снова пошла за соглашательскими вождями, тянувшими к компромиссу с буржуазией. Лозунг «Долой Временное Правительство» потому неверен сейчас, что без прочного (т. е. сознательного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристского характера. Резолюция предлагала всем членам партии выполнять постановление СР и СД о воспрещении в течение двух дней всяких уличных митингов и манифестаций. Таким образом ЦК, для того, чтобы исправить ошибку товарищей из ПК, взявших «чуточку левее», что грозило для партии величайшей опасностью, резко выправил линию для того, чтобы положить конец бланкистским тенденциям отдельных товарищей. Картина классового соотношения сил была такова, что шаг «левых» товарищей мог привести к совершенно обратным результатам, и преждевременным выступлением толкнуть колеблющиеся мелкобуржуазные массы в сторону буржуазии. А такие колебания были не только в соглашательской верхушке, но и в массах.

Этим и объясняется линия ЦК, которую позже пробовал критиковать «слева» т. Каменев на Всероссийской апрельской конференции в своем содокладе по вопросу о текущем моменте.

«Теперь мне кажется, — говорил Л. Б. Каменев, — что после того как ЦК во вчерашней резолюции должен был признать, что лозунг немедленного свержения Временного Правительства является лозунгом авантюристского характера, что, по-моему, является сильным преувеличением и произошло вследствие того, что раньше не приняли во внимание мои слова о том, что лозунг «Долой Временное Правительство» может сыграть дезорганизующую роль, — мы принуждены были сразу рвануть назад, мы упустили время предупредить массы о дезорганизующем значении этого лозунга и поставили себя под обстрел мелкой буржуазии, сказав, что этот лозунг авантюристского характера».

---

[2]) См. «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.», Госиздат, М. — Л. 1927, стр. 100 и сл.

[3]) Протоколы, стр. 127, доклад т. Шмидта.

Л. Каменев критиковал тезисы Ленина в той их части, где говорилось о терпеливом разъяснении массам сущности политики Временного Правительства для подготовки их к сознанию необходимости свержения Временного Правительства и перехода власти в руки Советов.

«Если же лозунг «Долой Временное Правительство» есть единственный лозунг, то зачем вы резолюцию ПК называете авантюристским шагом. Тогда нужно сказать ясно, что курс на мировую пролетарскую революцию у нас в России заключается в том, что начинается кампания за свержение Временного Правительства, в таком случае этот лозунг нельзя считать авантюристским» [1]).

Критика Л. Каменевым резолюции ЦК от 5 мая (22 апреля), где лозунг немедленного свержения Временного Правительства признавался авантюристским шагом, отлично увязывалась со всей системой взглядов Каменева.

Ленин на апрельской конференции в заключительном слове по вопросу о текущем моменте возражал т. Каменеву:

«Тов. Каменев ловко сел на коньке об авантюризме. Необходимо остановиться на этом. Тов. Каменев убежден и утверждает, что, говоря против лозунга «Долой Временное Правительство», мы проявили колебания. Я согласен с ним: колебания от линии революционной политики, конечно, были и этих колебаний надо избегнуть... В чем состоял наш авантюризм? Это была попытка прибегнуть к насильственным мерам. Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, и вопрос был бы другой, если бы она колебнулась сильно. Мы дали лозунг мирных демонстраций, некоторые товарищи из ПК дали лозунг иной, который мы аннулировали, но задержать не успели — массы пошли за лозунгом ПК. Мы говорим, что лозунг «Долой Временное Правительство» — авантюристский, что свергать сейчас Правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций. Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не делать свержения, а ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление. Организационный аппарат оказался некрепок: не все проводят наши постановления. Вместе с правильным лозуном «Да здравствует СР и СД» был дан неправильный: «Долой Временное Правительство». В момент действия брать «чуточку полевее было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию. Мы не остались бы ни минуты в ЦК, если бы сознательно допустили этот шаг. Произошло это из-за несовершенства организационного аппарата. Да, у нас в организации были недостатки. Поставлен вопрос об улучшении организации» [2]).

Л. Троцкий в своих «Уроках Октября» пытается утверждать, что апрельская демонстрация взяла левее, чем полагалось по инициативе Ленина, что дало якобы основание ряду товарищей обвинять Ленина в бланкизме. Л. Троцкий пишет:

«Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного Правительства, но снял его на недели или на месяцы в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей» [3]).

Несомненным извращением фактов является утверждение, будто Ленин выставил лозунг немедленного свержения Временного Правительства. Вся постановка Лениным вопроса о свержении власти Временного Правительства и завоевания власти пролетариатом свидетельствует против попытки Троцкого

[1]) Протоколы, стр. 74.

[2]) Протоколы, стр. 75. Курсив наш.

[3]) Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. XXVII. Курсив наш.

по-своему истолковать слова Ленина на конференции. Ленин говорил о завоевании большинства народа, как об условии перехода к социалистической революции и диктатуре пролетариата. «Сорвать ее (пролетарскую линию) преждевременным выступлением желают контрреволюционеры», говорил Ленин на апрельской конференции [1]). В самой же апрельской демонстрации Ленин боролся против нетерпеливых товарищей «слева», бросивших неверный лозунг немедленного свержения Временного Правительства. Изображая шаги т. Ленина в виде скоропалительных шагов, Л. Троцкий повторяет то, что говорили соглашатели о большевиках в 1917 г.

«Большинство партии мелкобуржуазного блока, царящего в Петроградском Совете, — говорил Ленин, — представляет нашу политику в отличие от своей как политику скоропалительных шагов. Наша политика отличается тем, что мы требуем прежде всего точной классовой характеристики происходящего» [2]).

С гениальным стратегическим планом, раскрывавшим смелые, широчайшие перспективы, Ленин сочетал гибкую осторожную тактику, чуждую бланкизма, левого фразерства. Характерно, что некоторые «левые» товарищи из ПК, выбросившие в апрельской демонстрации лозунг немедленного свержения Правительства, занимали действительно правую позицию, разделяя точку зрения Л. Каменева, по которой буржуазно-демократическая революция еще не закончилась [3]).

Урокам «апрельских дней» Ленин придавал огромное значение. Апрельская демонстрация показала силу стихийного движения и такое быстрое развитие событий, к которому партия еще не была подготовлена. Движение носило характер демонстрации, перерастающей в вооруженное восстание, т. е. высшую форму революционного движения. Наряду с мелкобуржуазным лозунгом «Долой Милюкова» выступил более сознательный лозунг «Долой Временное правительство», за которым пошли рабочие массы.

В Выборгском районе демонстрация еще резче подчеркнула значение вопроса о войне и внешней политике Временного Правительства в деле завоевания мелкой буржуазии на сторону пролетариата. Вместе с тем она подтвердила правоту Ленина, защищавшего путь терпеливого разъяснения массам задач большевиков и завоевания большинства народа на пути к установлению диктатуры пролетариата. Всякая попытка перескочить через этот этап являлась авантюризмом.

Вместе с тем апрельские дни обнаружили недостатки нашей партийной организации. С одной стороны, партия еще накануне не вполне улавливала быстро растущую мощь движения, с другой стороны, когда помимо партийного руководства вспыхнуло стихийное движение, часть товарищей обнаружила революционное нетерпение. Для того чтобы овладеть массовым стихийным движением и привести его к победе, нужно было укреплять партийную организацию, развивать и расширять ее. И это было тем более необходимо, что массы

---

[1]) Протоколы, стр. 46.

[2]) Там же, стр. 44.

[3]) Речь идет о т. Богдатьеве, см. его речь на Всероссийской апрельской конференции.

в апреле обнаружили, что они довольно быстро усваивают лозунги партии, и поэтому необходимо гибкое организованное проведение их в жизнь.

«Нам нечего бояться правды, — писал Ленин. — Да, товарищи рабочие, кризис обнаружил недостатки нашей организации. За работу для исправления ее!

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. С.-Д. Р. П. БОЛЬШЕВИКОВ С 24/IV — 27/IV 1917 Г.

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА.

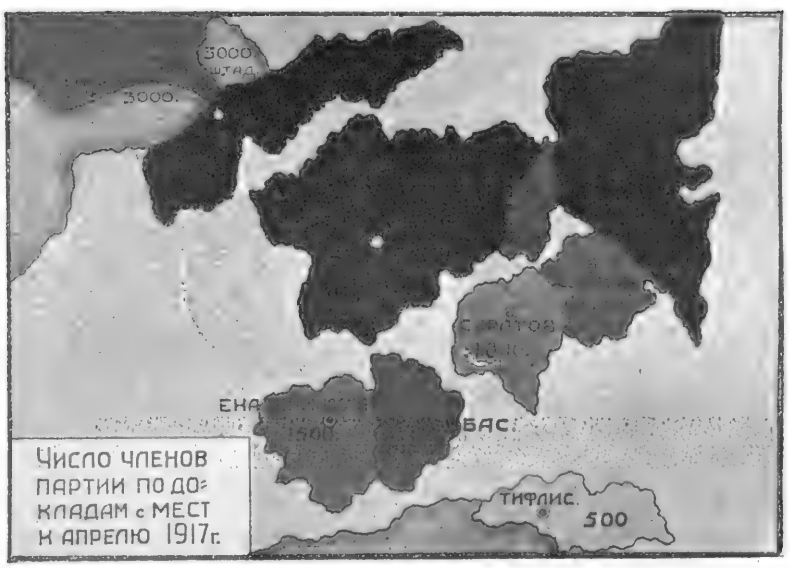
Муранов.

Зиновьев.

Ленин.

Свердлов.

Федоров.



ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Доклад Ленина о текущем моменте (о Врем. Правит. и войне).
2. Содоклад о том же Каменева.
3. Вопрос об отношении к Совету Раб. и Солд. Депут.
4. Доклад Ленина по аграрн. вопросу.
5. Доклад Ленина о пересмотре партийной программы.
6. Доклад Сталина по национальному вопросу.
7. Содоклад Пятакова по национальному вопросу.
8. Доклад Зиновьева о положении в Интернационале.
9. Организационные вопросы.

Кризис обнаружил очень слабые попытки взять «чуточку полевее» нашего ЦК. Наш ЦК не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстановляется и притом добровольное, сознательное, — самое полное. В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать как один человек. От каждой такой организации должны быть прямые нити к центру, ЦК, и нити эти должны быть крепкие, чтобы враг не мог разорвать их первым ударом, нити эти должны быть постоянные, ежедневно, ежечасно укрепляемые и проверяемые, чтобы враг не мог нас застать врасплох» [1]).

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 115, ст. «Неумное злорадство».

г) АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

Всероссийская апрельская конференция происходила с 7 по 12 мая с (24 по 29 апреля). (См. таблицу). Она собралась после апрельской демонстрации, когда обнаружились и глубокий кризис власти и растущее недовольство масс против Временного Правительства. Несомненно, что происшедший кризис помог партии найти быстрое и правильное решение по основному вопросу революции — вопросу о власти, ибо апрельская демонстрация показала, что при правильном руководстве партии пролетариат сумеет повести за собой пока еще колеблющуюся и лишенную ясной перспективы массу мелкой буржуазии.

Всероссийская апрельская конференция, на которой присутствовали делегаты от крупнейших пролетарских районов, по своему значению была равна съезду первостепенной исторической важности. Ее значение измеряется не только тем, что это было первое широкое всероссийское собрание партийных делегатов, представлявших 79 204 члена большевистской партии, собрание, каких не было до революции 1917 г., в условиях нелегального существования партии [1]). Апрельская конференция была, как подчеркивал Ленин на открытии, первой конференцией партии революционного пролетариата, собравшейся не только в обстановке российской, но и нарастающей международной пролетарской революции. Это должно было определить характер и историческое значение конференции большевистской партии, непосредственно открывающей эру борьбы за международную социалистическую революцию. Конференция должна была привести к выработке коллективного решения партии по вопросу о задачах и тактике в революции и тем заложить основу для сплочения пролетарского авангарда и беднейших масс крестьянства в борьбе за диктатуру пролетариата и социализм.

«Отделение пролетарской классовой линии — образование пролетарской партии в массовом масштабе», — так характеризовал Ленин в плане брошюры об апрельской конференции стоящую перед большевиками задачу. Партия должна была прежде всего выделиться из мелкобуржуазного болота «революционной демократии», которая по Ленину в условиях закончившейся буржуазной и начинающейся пролетарской революции была по существу реакционной демократией. Нужно было преодолеть шатания и мелкобуржуазные тенденции

---

[1]) По данным мандатной комиссии на Лондонском съезде РСДРП, к моменту которого число членов партии было наиболее велико за весь нелегальный период, из представленных на нем 150 тыс. членов разных организаций большевиков было 46 тыс. Эту цифру, однако, оспаривают. Е. Смиттен полагает, что в 1907 г. членов партии большевиков насчитывалось 20 тыс. человек. Она же, судя по результатам переписи 1922 г., полагает, что ко времени апрельской конференции 1917 г. в партии было 46 000 членов. (Е. Смиттен, Состав ВКП (б), Гиз, 1928, стр 6.) Эта цифра установлена, главным образом, путем подсчета членов партии со стажем с апреля 1917 г. и ранее, числившихся в партии к моменту переписи. Однако следует помнить, как значительна была текучесть членов партии в 1917 г. К тому же убыль части членов партии с дореволюционным стажем была в разные годы за время революции очень велика, и, главное вряд ли размер убыли за эти годы мог быть полностью учтен. Вот почему цифра представленных на конференции 80 тыс. более близка к истине, чем цифра 46 тысяч членов, исчисленная Е. Смиттен.

в среде самих большевиков. Ленин характеризовал следующим образом «новые условия» партийной работы:

α) неслыханная легальность
β) Десятки миллионов перед нами...
γ) Канун краха невиданной величины (главное)...
(война и голод)
(отсюда): Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний
— Влиять на массы убеждением, «р а з ъ я с н е н и е м».
— Готовиться к краху и революции в 1 000 р а з с и л ь н е е Февральской».
«Н о в ы е с и л ы (б е з л ю д ь е).
(α) Большие собрания членов партии (как это) — (Ленин, очевидно, имеет в виду апрельскую конференцию. Р е д).
(β) удесятерение коллегий агитаторов + пропагандистов + о р г а н и з а т о р о в».
«(γ) Максимум марксизма — максимум популярности и простоты»... [1]).

Ленин на апрельской конференции, набрасывая перспективу революции «в 1000 раз сильнее февральской», призывал выделить пролетарскую линию, оставаясь даже в меньшинстве, что неизбежно на первых порах, когда приходится плыть против течения, чтобы затем завоевать «десятки миллионов».

«Да, мы в меньшинстве, — говорил Ленин на апрельской конференции, — ну что же. В это время угара шовинизма быть социалистом — быть в меньшинстве, а быть в большинстве — значит, быть шовинистом» [2]).

Ленин выражал эту свою мысль еще следующими словами: «Один Либкнехт лучше тысячи Стекловых». Не начинать партийной работы с погони за большим количеством членов партии, как это делали меньшевики, эсеры, а с выработки ясной революционной линии,—такова была ленинская линия в то время, как колеблющаяся часть большевиков боялась того, что партия останется кучкой пропагандистов — эта боязнь говорила о наличии «хвостистских» тенденций в определенной части партии. Никаких компромиссов в основных вопросах тактики, решительная борьба против колеблющихся, тянущих к союзу с реакционной мелкобуржуазной демократией.

Ленину, отстаивавшему платформу апрельских тезисов, нужно было преодолеть на апрельской конференции серьезнейшее сопротивление со стороны довольно значительных групп в партии. Уже на общегородской петроградской конференции, которая являлась «репетицией» всероссийской конференции, выяснилось, по какой линии будут итти споры на всероссийской конференции. Резолюция ЦК по докладу Ленина, сформулированная Лениным на общегородской конференции, получила 24 голоса из 36, остальные воздержались или в числе 6 голосовали за поправки т. Каменева, уничтожавшие смысл резолюции ЦК. Эти цифры свидетельствовали не только о том, что даже в передовой питерской организации сильны были колебания, но гораздо более о том, что большинство пролетариев-большевиков в организации пойдет за Лениным.

На всероссийской конференции насчитывался 151 делегат, представлявших, как уже упоминалось, около 80 тысяч членов партии, из них было:

---

[1]) «Ленинский сборник» № 4, стр. 288—291.
[2]) Протоколы, стр. 75.

1) в Питере 14 595, 2) в Москве 7 000 членов, 3) на Урале 14 600, 4) в Донецком бассейне —5 423. Таким образом в основных пролетарских районах было свыше половины общего числа членов партии во всей стране. На конференции присутствовали делегаты не только от чисто большевистских организаций, но и от большевистских фракций объединенных с.-д. организаций.

На конференции разбирались следующие вопросы: 1) текущий момент (война и Временное Правительство), 2) мирная конференция, 3) отношение к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, 4) пересмотр партийной программы, 5) положение в Интернационале и наши задачи, 6) объединение с.-д. интернационалистических организаций, 7) аграрный вопрос, 8) национальный вопрос, 9) Учредительное Собрание, 10) организационный вопрос, 11) доклады по областям, 12) выборы ЦК.

Наибольшие разногласия на конференции вызвал вопрос о текущем моменте. По существу речь шла о таких принципиальных вопросах, как вопросы о характере и движущих силах революции, о проблеме власти и основной тактической линии в борьбе за власть. По этому вопросу выявились две основные линии: линия, развитая т. Лениным, и контр-линия, сформулированная в докладе т. Каменева. Наряду с этим можно наметить и «промежуточную» группу товарищей, которые в ряде вопросов отмежевывались от позиции Каменева, но, несмотря на ряд более «левых» оценок, в ряде пунктов сходились с Каменевым. Взгляды т. Каменева были поддержаны, как это ни кажется парадоксальным, группой товарищей, считавших себя «левыми».

Следующий вопрос, вызвавший наибольшие разногласия, — вопрос национальный. Здесь в основном наметились также две линии — ленинская и группы товарищей, считавших себя «левыми». По вопросу об Интернационале разногласия выявились лишь в зародыше, но они предвосхитили будущие разногласия между ленинской позицией и позицией, наиболее ярко выраженной т. Каменевым.

Доклады т. Ленина по текущему моменту на петроградской и всероссийской конференциях представляли собой одно целое и дополняли друг-друга. Притом если на петроградской конференции Ленин по преимуществу останавливался на общих вопросах о характере революции, ее движущих силах, то на всероссийской конференции Ленин гораздо более подробно развил тактическую линию партии в связи с оценкой характера революции и текущего момента [1]).

Ленинской позиции на апрельских конференциях была противопоставлена позиция Л. Б. Каменева, Ногина, Рыкова и др. Взгляды, развитые Каменевым и Рыковым, представляли собой по-своему довольно стройную схему и на конференции были охарактеризованы как «центристские», каутскианские.

Каменев прежде всего решительно возражал против того положения, что буржуазно-демократическая революция закончилась. «Социальное объяснение, данное революции, — это гигантская роль мелкой буржуазии при малочисленном сравнительно пролетариате. Может ли это измениться с сегодня на завтра?» — говорил т. Каменев еще на петроградской

[1]) См. главу I — «Пролетарская концепция Февральской революции».

конференции [1]). Исходя из того, что преобладание мелкой буржуазии не изменится с сегодня на завтра, Каменев считал гибельным разрыв договора между Временным Правительством и Советами и провозглашение лозунга свержения Временного Правительства. По мнению Каменева необходимо было поддерживать блок с мелкобуржуазной «революционной демократией». Далее Каменев развивал, по существу, меньшевистский взгляд по вопросу о движущих силах революции, говоря, что если буржуазно-демократическая революция еще не закончилась, то нужно блок сохранять нерушимым, если же буржуазная революция уже закончилась, то блок с мелкой буржуазией нужно вообще рвать.

Исходный пункт разногласий правых большевиков с Лениным выражен был в следующей формулировке, данной на конференции т. Рыковым. «Откуда взойдет солнце социалистического переворота?.. По всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма. Мы должны сделать так, чтобы дать размах началу» [2]).

Ленин в своем ответе возражал Рыкову:

«Тов. Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Это не марксизм, а пародия на марксизм»

Тов. Каменев занимал в вопросе об отношении к Временному Правительству настолько оппортунистическую позицию, что пытался на общегородской конференции в Петрограде смягчить оценку контрреволюционной деятельности Временного Правительства. При разборе п. 5 резолюции о Временном Правительстве, где говорилось о грехах последнего, т. Каменев говорил:

«Некоторые грехи внутренней политики мне кажутся сомнительными. Например относительно попустительства монархистам. Затем оттягивание созыва Учредительного Собрания Временным Правительством: можно думать, что Временное Правительство скорее заинтересовано в скорейшем созыве Учредительного Собрания... Перечень грехов излишне ставить. Предлагаю выбросить» [3]).

На Всероссийской апрельской конференции т. Каменев, разумеется, не мог уже так замазывать контрреволюционную сущность Временного Правительства, как он делал это на общегородской конференции, ибо политика Временного Правительства обнаружилась довольно ясно, особенно в связи с апрельской манифестацией. Но идею контроля т. Каменев продолжал отстаивать.

Логическим выводом из позиции, занятой Каменевым на конференции, являлись взгляды, развивавшиеся т. Ногиным. Тов. Ногин, как и т. Каменев, не отрицал того, что партия, вообще говоря, должна иметь перед собой перспективу социалистической революции и перехода к диктатуре пролетариата, но не как задачу актуальную, задачу, за которую следует бороться немедленно

---

[1]) Протоколы, стр. 26.

[2]) Протоколы, стр. 72. Речь т. Рыкова. Курсив наш.

[3]) Протоколы, стр. 27.

же, сейчас же, а как задачу более или менее отдаленного будущего, которое еще неизвестно, когда наступит. Нельзя отрицать того, что будет созвано Учредительное Собрание, а за ним и парламент, говорил Ногин. В них большинство будет принадлежать рабочим и крестьянам. Это будет связано с отмиранием государственных функций Советов. Советы будут постепенно передавать свои функции партиям, профессиональным союзам, городским и земским учреждениям. «Однако это не значит, что Советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции», успокаивал конференцию т. Ногин.

Таким образом Каменев и Ногин выступали против того, что Советы в силу своей природы, по самой сути своей, должны стать государственными органами, органами власти. Оба товарища ограничивались благочестивой, по существу никчемной позицией контроля, наблюдения, превращения Советов в отдушины для революционного настроения масс.

Ленин, возражая т. Каменеву, так квалифицировал его позицию:

«Тов. Каменев переходит на политику Чхеидзе и Стеклова... Контроль в революционное время есть обман... Искать правды в контактном комитете нет возможности. Контролировать без власти нельзя. Контролировать резолюциями и пр., чистейшая ерунда» [1]).

Позиция Каменева на конференции, хотя и представляла собой серьезную опасность, однако, не нашла сколько-нибудь значительного числа сторонников.

Ряд делегатов, не вполне согласных с ленинской линией, все же решительно отмежевывались от позиции т. Каменева.

Заметную поддержку точке зрения Каменева и Рыкова оказывали представители московской организации, т. Ногин и другие; именно группа московских делегатов, поддержанная еще рядом товарищей, поручила Каменеву сделать доклад на конференции. Однако не все «москвичи» в одинаковой мере поддерживали т. Каменева. Резолюция, предложенная представителем Московского Областного Бюро от имени областной конференции Центрально-промышленного района, сходилась с точкой зрения Каменева в ряде существенных пунктов — в постановке вопроса о контроле над Временным Правительством со стороны Совета вообще. Резолюция областников (как и москвичей) говорила о доведении до конца пролетарско-крестьянской революции, оперировала расплывчатым термином «революционная демократия», не анализируя классового содержания этого понятия, но вместе с тем она делала по сравнению с позицией Каменева известный шаг вперед. Резолюция Московского Областного Бюро ясно говорила о переходе всей государственной власти в руки Советов при условии «прояснения классового пролетарского сознания и сплочения пролетариев города и деревни против колебания мелкой буржуазии». Самый контроль резолюция представляла несколько иначе, чем Каменев, который решительно противопоставлял лозунг контроля лозунгу свержения Временного Правительства. Резолюция говорила о контроле над всеми революционными органами для разоблачения политики Временного Правительства. «Этот контроль, гласила резолюция, в развитии победоносной пролетарско-крестьянской революции

[1]) Протоколы, стр. 27.

неизбежно превратится в контроль за всеми элементами государственной жизни и явится этапом пути захвата всей государственной власти организованными массами пролетариата и крестьянской бедноты».

Представитель Московского Областного Бюро т. Бубнов говорил, защищая резолюцию: «Я бы сказал, что буржуазная революция закончилась, а пролетарско-крестьянская в разгаре, а может быть уже и начинается момент перехода к осуществлению своеобразных переходных форм к социалистической революции».

Тов. Бубнов разъяснял, как понимают областники контроль. «Контроль, о котором говорю я, ничего общего не имеет с тем, что предлагает т. Каменев, это не бумажный контроль, а контроль масс... Это будет не контактная комиссия, а стальная линия рабочей политики». Тов. Бубнов приводил примеры того, как массы, в лице Советов, проводя контроль в Иваново-Вознесенске, Самаре и Юрьеве, очищают созданные революцией общественные организации от черносотенных элементов, накладывают руку на общественное производство и на распределение продуктов, от контроля переходят к реквизиции предприятий и расширяют круг действий Советов на все области жизни.

Прав был поэтому т. Сталин, когда говорил:

«То, что предлагает т. Бубнов, имеет в виду и резолюция т. Ленина. Тов. Ленин не отбрасывает массовых выступлений — демонстраций. Но не в этом теперь дело. Разногласие в вопросе о контроле. Был контроль, было соглашение. Что дал контроль? Ничего... Совет отступает. Говорить о контроле после этого — значит говорить впустую. Вот почему я предлагаю поправку о контроле не принимать» [1]).

И, действительно, резолюция о Советах, принятая на конференции, предусматривала: необходимость поддержать движение Советов на местах, направленное к самочинному устранению на местах старых властей, введение контроля рабочих за фабриками, установление надзора рабочих за распределением продовольствия, переход всех земель в руки крестьянства и т. д. Такого рода мероприятия предполагали, что Советы выступают, как полновластные органы, опирающиеся на массы.

Представитель Самары т. Милютин, развивая в основном те же взгляды, что и представитель москвичей, говорил:

«Когда я слушал т. Каменева, мне казалось, что основной ошибкой было то, что он исходил из нашего внутреннего положения и что он нашу тактику определяет, исходя из наличий блока... Мы говорим, что эпоха, переживаемая нами, есть переходная к социалистическому строю».

Линия Каменева на конференции, характеризовавшаяся отказом от большевизма в ряде основных вопросов, не имела сколько-нибудь серьезной поддержки, но все же число несогласных с точкой зрения Ленина в целом было довольно значительно.

Резолюции по вопросу об отношении к Временному Правительству и о коалиционном министерстве были приняты довольно единодушно: первая — всеми против 3 при 8 воздержавшихся, вторая — единогласно при 7 воздер-

---

[1]) Протоколы, стр. 68.

жавшихся. Первая резолюция разоблачала контрреволюционность Временного Правительства даже с точки зрения буржуазно-демократической революции, указывая, что оно не выполняет обещанной программы, тормозит ход революции. Ответственность за события 19—21 апреля резолюция возлагала на правительственную партию кадетов. Резолюция о коалиционном правительстве указывала, что правительство капиталистов, бессильное само по себе вести империалистскую войну, стремится вовлечь в министерство вождей Совета, чтобы эксплоатировать в своих интересах доверие народных, особенно солдатских, масс к вождям мелкобуржуазной демократии. Партия пролетариата будет разоблачать беспринципную игру в парламентаризм и попытки затушевать классовую борьбу, борясь за коренную перемену всей политики Советов и переход всей власти к ним.

По вопросу о войне на конференции не обнаружилось серьезных разногласий. Резолюция была принята всеми против 7 воздержавшихся. С возражениями против резолюции Ленина выступил т. Каменев. Своей первоначальной позиции революционного оборончества он не защищал, но выставлял лозунг «борьбы за мир на тот период, пока еще власть не перешла в руки пролетариата» (стр. 57), т. е. еще при господстве буржуазии. Отсюда вытекала идея давления на Временное Правительство с целью добиться мира, повторявшая прежнюю позицию Каменева и других до приезда Ленина. Тов. Зиновьев, критикуя позицию Каменева, говорил:

«Я хотел возразить т. Каменеву. Он говорил о том, что резолюция, принятая на петроградской конференции, страдает абстрактностью и выдвигал необходимость, главным образом, политической борьбы за мир... Но то, что предлагает т. Каменев, звучит как речи представителей «центра», который теперь сложился во всей мировой социал-демократии... Мы держим курс на мировую пролетарскую революцию. Кто держит такой курс, тот не согласится со многими и многими положениями речи т. Каменева» [1]).

По аграрному вопросу на конференции было также достигнуто довольно значительное единодушие. Если в начале революции ряд организаций стоял на той точке зрения, что вопрос о земле должен быть разрешен Учредительным Собранием, то к моменту апрельской конференции многие организации, как, например, московская, значительно выправили свою линию, чему содействовала «Правда».

Выступая с докладом на петроградской конференции, Ленин указывал, что аграрная революция может произойти двояко: либо крестьяне отнимут землю у помещиков и классовая борьба между беднотой и кулачеством не вспыхнет, что мало вероятно, либо в деревне разовьется борьба между пролетарскими и капиталистическими элементами. Именно на это партия должна держать курс. Нужно создавать Советы батрацких депутатов. Разбирая вопрос о программе, Ленин подчеркивал, что ходом революционного движения меньшевистская программа муниципализации земли полностью опровергнута. Большевистская программа национализации земли опирается на стремление крестьян добиться уничтожения помещичьего землевладения, устранения путаницы и пестроты форм землевладения, создавшихся в силу переплетения остатков

[1]) Протоколы, стр. 69, 70.

феодализма с новыми буржуазными формами, выросшими на уродливой основе полукрепостнических отношений в деревне. Национализация земли, хотя и является мерой буржуазной революции, но она представляет собой мощное вторжение в частнособственнические отношения, сильнейший удар и по капиталистическим отношениям, ибо в силу переплетения помещичьей собственности с банковым капиталом, а тем самым и со всей системой международного финансового капитала, ликвидация помещичьего землевладения приобретает серьезное значение с точки зрения пролетарской революции в России и во всем мире.

Нужно отбросить путь мирного соглашения, полюбовной сделки помещиков с крестьянами и откладывания реформы до Учредительного Собрания, как того добиваются Временное Правительство, меньшевики и народники. Нужно брать землю немедленно организованным путем, помнить, что масса беднейшего крестьянства не может быть удовлетворена получением земли, будучи лишена средств производства. Нужно учесть инициативу самого крестьянства, которое в ряде мест берет помещичий инвентарь, но не делит его по дворам, а обращает в общую собственность. Партия должна добиваться того, чтобы пролетарские и полупролетарские элементы деревни создавали в помещичьих имениях крупные образцовые хозяйства, которые велись бы за общественный счет советами сельскохозяйственных рабочих. Таким образом доклад и резолюция, намечая программу развертывания аграрно-крестьянской революции в деревне под руководством пролетариата, намечали пути перехода к пролетарской революции в деревне.

Национальный вопрос, докладчиком по которому выступил т. Сталин, вызвал на конференции дискуссию, которая являлась как бы продолжением той дискуссии, которая происходила во время войны между Лениным и «левыми», вроде Ю. Пятакова, польскими социал-демократами — редакцией «Газеты Роботничей» [1])—и немецкими лево-радикалами, сторонниками Розы Люксембург, объявлявшими «иллюзорной» борьбу за несуществующее право на самоопределение наций (слова Радека в статье «Аннексии и социал-демократия», помещенной в октябре 1915 в швейцарской с.-д. газете «Berner Tagwacht»).

Дискуссия по национальному вопросу на апрельской конференции, несмотря на ее высокотеоретический интерес, имела не только теоретическое, но и весьма практическое актуальное значение. По существу речь шла о том, как должна относиться партия революционного пролетариата к империалистской политике Временного Правительства по отношению к угнетенным народам Финляндии, Украины и т. д., политике, поддерживаемой социал-оборонцами. Уже ко времени апрельской конференции обнаружилось, что Временное Правительство буржуазии не хочет итти навстречу даже требованиям широкой автономии Финляндии, Украины, не говоря уже о предоставлении им права на самоопределение вплоть до отделения,—требования, которого пока еще не предъявляли Финляндия и Украина.

В своем докладе по национальному вопросу т. Сталин исходил из ленинского положения, что

---

[1]) См. по этому поводу ряд статей, помещенных в Собр. соч., т. XIII.

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [1]).

В борьбе против империализма, против угнетательского Временного Правительства за пролетарскую революцию необходимо мобилизовать все разрушительные силы, в том числе и национальное движение среди угнетенных народов, направленное против великодержавного империализма буржуазии. Тов. Сталин подчеркивал, что вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения наций в тот или иной момент, но выступать против права выделения наций в самостоятельные государства — значит лить воду на мельницу империалистов. Национальная программа партии должна быть такова: а) признание за народами права на отделение; б) для остающихся в пределах государства — областная автономия; в) гарантия свободного развития национальных меньшинств; г) единая нераздельная партия для всех национальностей данного государства.

С содокладом и особым проектом резолюции по национальному вопросу выступил от имени секции по национальному вопросу Ю. Пятаков. Ю. Пятаков развивал свои прежние взгляды, которые Ленин охарактеризовал в свое время как «карикатуру на марксизм» и «империалистический экономизм».

Ошибка Пятакова заключалась в том, что, не понимая сущности закона неравномерного развития капитализма, Пятаков изображал международную пролетарскую революцию в виде одновременного взрыва, который ближайшим образом приводит к образованию «социалистически организованного хозяйства», которое «должно охватывать весь мир, или достаточно большую часть мира». В эпоху единого мирового хозяйства «право наций на самоопределение» есть просто фраза, ибо независимость наций при империализме неосуществима. Нельзя говорить о воле нации, а можно говорить только о воле класса. Метод социалистической революции есть метод борьбы под лозунгом «долой границы».

Такая постановка вопроса основывалась на смешении двух вопросов — вопроса об экономическом, объективном расчленении общества на классы с вопросом о политической диференциации классов, с сознательным выделением и отделением класса в процессе классовой борьбы внутри нации; она игнорировала тот факт, что политическая, идеологическая диференциация внутри нации, выявление классовых противоречий идет с большими трудностями, и для того, чтобы ускорить процесс идеологической эмансипации угнетенного класса, необходимо уничтожить национальное угнетение, которое толкает к созданию межклассового национального блока и способствует затушевыванию классовых противоречий.

«Метод социалистической революции под лозунгом «прочь границы» есть полная путаница, — говорил Ленин, критикуя речь Пятакова... Мы стоим за необходимость государства,

---

[1]) Ленин, т. XIII, ст. «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».

а государство предполагает границы. Государство может, конечно, вмещать буржуазное правительство, а нам нужны Советы. Но и для них стоит вопрос о границах» [1]).

Вопрос о возможности самоопределения наций в современную эпоху тесно связан с вопросом о возможности социалистической революции в отдельной стране, ибо, если стать на точку зрения «левых» с их недиалектическим пониманием сущности эпохи империализма и механическим представлением о единстве мирового хозяйства и «неразрывности» связей капиталистических стран между собой, то нужно признать, что не только самоопределение наций вплоть до отделения невозможно, но и социалистическая революция в отдельной стране также невозможна. Отказ от поддержки национального движения вплоть до отделения, подчеркивал Ленин, ведет к тому, что пролетариат лишает себя возможности использовать движение угнетенных народов в качестве резервов в борьбе против империализма за социалистическую революцию.

Резолюция, предложенная т. Сталиным, была на конференции принята 56 голосами против 26 при 18 воздержавшихся. Резолюция Пятакова была отвергнута 48 голосами против 11 при 19 воздержавшихся.

Вопрос об отношении к другим партиям и в частности к меньшевикам встал еще на общегородской апрельской конференции в Петрограде, встал в первую очередь в связи с предстоящей кампанией муниципальных выборов. И уже здесь с необычайной резкостью Ленин выступал против всяких блоков с мелкобуржуазными группировками и за самостоятельное выступление на городских выборах, четко намечая чисто-классовую линию.

Вся сила революционного презрения к шовинистам и колеблющимся и железная решимость итти хотя бы и в меньшинстве «против течения», захватившего трудящиеся массы в первый период революции, сказались в словах Ленина. Ленин подчеркивал, что единственный путь к завоеванию масс — это выступление с открытым забралом против всех грабителей-империалистов и тех, кто прикрывает грабителей красивыми словами. В связи с разговорами об объединении с отдельными группами меньшевиков-интернационалистов, а также в частности в ответ на предложение т. Калинина объединиться на выборах с меньшевиками против кадетов Ленин говорил:

«Раз у нас есть пропорциональные выборы, то, следовательно, к чему блок, меньшинство обеспечено... Малейшая мысль о блоке с мелкой буржуазией, поддерживаемой капиталистами, это — предательство социализма... Чхеидзе есть худшее прикрытие оборончества. Троцкий, издавая газету в Париже, не договорил, за он или против Чхеидзе... Троцкий до конца не договорил. Почему же мы знаем, что Ларин (изд. «Интернационала») не такой же тактики?»

И далее:

«Я решительно за то, чтобы вставлять в наши списки кандидатов меньшевиков, рвущих с шовинизмом. Это не блок» [2]).

---

[1]) Протоколы, стр. 136. Как указывает т. Скрыпник в своем очерке по истории КП (б) У, помещенном в сборнике статей «Октябрьская революция», X, 1922, неленинская позиция Пятакова в национальном вопросе проявилась на практике рядом ошибок в тактике Пятакова и его сторонников на Украине, тактике, затруднившей ход пролетарской революции на Украине.

[2]) Протоколы, стр. 34, 35.

Ленин был не только против всяких объединений с меньшевиками, но и против совместных выступлений с ними. Вместе с тем, однако, Ленин стоял за то, чтобы отрывать от меньшевиков здоровые революционно-интернационалистские элементы, вовлекая их в большевистские ряды. Такой тактики партия держалась в дальнейшем, борясь против «объединительного» угара.

Резолюция, вынесенная по докладу т. Зиновьева на петроградской конференции «об отношении к социалистическим партиям других толков», говорила о недопустимости объединения с партиями, проводящими политику поддержки Врем. Правительства, революционного оборончества и пр. Вместо этого партия намечала создание единого фронта пролетариата снизу, высвобождения рабочих из рядов меньшевиков и завоевания их на основе большевистской партийности.

«По отношению к отдельным местным группам рабочих, — гласила резолюция, — примыкающих к меньшевикам и т. п., но стремящихся отстоять позицию интернационализма против «революционного оборончества», против голосования за заем и т. п., политика нашей партии должна состоять в поддержке таких рабочих групп, в сближении с ними, поддержке объединения с ними на началах безусловного разрыва с мелкобуржуазной изменой социализму» [1]).

Резолюция на общегородской конференции была принята единогласно, и это уже до известной степени предуказывало, в каком направлении будет разрешен вопрос на всероссийской партийной конференции. На всероссийской конференции вопросы объединения заняли в обсуждении незначительное место, несмотря на присутствие большого числа представителей провинциальных партийных организаций.

По вопросу об «объединении интернационалистов против мелкобуржуазного блока» голосами всех при 10 воздержавшихся, конференция приняла резолюцию, в которой признавала невозможным объединение с партиями и группами, поддавшимися революционному оборончеству, но признавала возможным сближение с интернационалистами, разрывающими с политикой мелкобуржуазной измены социализму.

На конференции разбирался также доклад Зиновьева о положении в Интернационале, в связи с чем была принята резолюция, устанавливавшая наше отношение к шовинистам, центристам и колеблющимся элементам во II Интернационале. При обсуждении доклада и резолюции, предложенной т. Зиновьевым, где говорилось, что «наша партия остается в циммервальдском блоке, ставя себе задачу отстаивать там тактику циммервальдской левой, и поручает ЦК приступить немедленно к шагам по основанию III Интернационала», т. Ленин выступил с принципиальной поправкой, в которой говорил, что мы остаемся в циммервальдском блоке «только с информационной целью», указывая, что и т. Зиновьев в своем докладе признавал это. Ленин подчеркивал, что нужно об этом определенно заявить, чтобы покончить со всеми иллюзиями о том, что Циммервальд в большинстве своем может послужить основой для создания III Интернационала.

Поправка т. Ленина была большинством отклонена, но она характерна для позиции Ленина в вопросе об отношении ко всем колеблющимся «центристским» группировкам с.-д.

---

[1]) Протоколы, стр. 37.

На апрельской конференции была избрана программная секция, занимавшаяся вопросом о пересмотре программы.

Вопрос о пересмотре программы был поставлен Лениным вплотную еще в апрельских тезисах, наряду с предложением об изменении названия партии. В тезисах задача была сформулирована следующим образом:

«Перемена программы партии, главное: 1. Об империализме и империалистической войне. 2. Об отношении к государству и наше требование «государства - коммуны». 3. Исправление отсталой программы-минимум» [1]).

На Всероссийскую апрельскую конференцию Лениным был внесен проект изменения теоретической и политической частей программы. Проект был передан на рассмотрение специально избранной для этой цели секции. На конференции была принята внесенная Лениным резолюция о необходимости переделки программы, и тогда же наметились два предложения по вопросу о программе. Ленин предлагал добавить в конце принципиальной части программы представленный им проект дополнения, посвященный характеристике империализма, эпохи империалистических войн и социалистической революции, требованию разрыва с официальными социалистическими партиями и центром. Помимо того, Ленин предложил заменить части программы-минимум, касающиеся вопроса о политических требованиях пролетариата, требованием демократической пролетарски-крестьянской республики и замены парламентарно-представительных учреждений Советами представителей народа (от разных классов и профессий или от разных мест), совмещающими законодательные и исполнительные функции. Изменения касались также вопросов о праве народов на самоопределение, аграрной программы и т. д. Программная секция избрала комиссию в составе тт. Ломова (Оппокова), Боголепова, Сокольникова, которая, ознакомившись с предложениями Ленина, нашла, что необходимо не ограничиваться «механическими» добавлениями (как характеризовали члены комиссии предложения Ленина) к общей части программы, а переработать ее заново и сделать ряд других изменений, с которыми Ленин не согласился. Материалы, рассматривавшиеся в программной секции апрельской конференции, были изданы отдельной брошюрой для широкого обсуждения их в партии.

В виде итога апрельской конференции Ленин писал в плане брошюры о ней: «Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных влияний».

Апрельская конференция явилась важнейшим этапом в борьбе против объединительного угара. Однако должно было пройти еще некоторое время, чтобы резолюция по вопросу об объединении была претворена в жизнь. Роль апрельской конференции в деле идейного и организационного оформления партии являлась решающей. Прения на апрельской конференции по ряду вопросов показали, что в партии существуют шатания как по основному вопросу о характере революции и ее дальнейшем развитии, так и по отдельным вопросам стратегии и тактики партии. На апрельской конференции победила ленинская линия, изложенная им в апрельских тезисах.

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1 стр. 19.

Это предопределило в значительной степени направление всей партийной деятельности в дальнейший переходный период.

д) БОРЬБА ПРОТИВ КОАЛИЦИОННЫХ ИЛЛЮЗИЙ.

В дни, когда происходила апрельская конференция шел торг между буржуазией и социалистами из Совета. Уход Милюкова в результате апрельских событий не разрешил кризиса власти.

В апрельские дни целиком обнаружилось бессилие Временного Правительства. Министр-председатель Львов, по отчету вечерних «Биржевых ведомостей» от 4 мая (21 апреля), сказал буквально следующее:

«До сих пор Временное Правительство встречало неизменную поддержку со стороны руководящего органа С. Р. и С. Д. Последние две недели отношения эти изменились. Временное Правительство взято под подозрение. При таких условиях оно не имеет никакой возможности управлять государством, так как в атмосфере недоверия и недовольства трудно что-либо сделать. При таких условиях лучше всего Временному Правительству уйти. Оно слишком хорошо сознает лежащую на нем ответственность перед родиной и во имя ее блага готово сейчас же уйти в отставку, если это необходимо».

В апрельские дни обнаружилось совершенно ясно, что войска подчиняются только Совету, в связи с чем ушел в отставку командующий петроградским военным округом генерал Корнилов.

И точно так же, как в февральские дни, буржуазия пустила в ход страшную для мелкобуржуазных догматиков буржуазной революции угрозу, что она отстранится от власти, так и теперь она устами князя Львова заявила о готовности «сейчас же уйти в отставку», на деле стремясь добиться полного единовластия. Соглашательские лидеры Совета готовы были предоставить буржуазии единовластие, но давление революционных масс было слишком сильно. И вот, стремясь разрешить кризис, в основе которого лежало двоевластие, соглашатели решились пойти на организацию коалиционного правительства из представителей буржуазии и социалистов. Идея коалиции, которая прежде во время Всероссийского Совещания не встречала поддержки у меньшевиков и эсеров, снова всплыла.

На заседании Исполнительного комитета ПСР и СД 9 мая (26 апреля) был поставлен вопрос о коалиционном правительстве, но предложение о нем было отвергнуто большинством всего лишь одного голоса — 23 против 22. Правая часть буржуазии в лице Гучкова и Милюкова была против коалиции, требуя буржуазной диктатуры. Гучков и другие считали, что нужно прекратить зависимое положение правительства от Совета, от желания или нежелания Совета поддержать его, как это было в вопросе о коалиции. Уход Гучкова был демонстрацией против зависимости Временного Правительства от Совета, так ярко обнаружившейся в дни кризиса. Либеральная буржуазия в лице князя Львова стояла за привлечение в правительство социалистов. В связи с отказом Совета пойти на коалицию, буржуазия применила испытанный прием — вымогательство и запугивание мелкобуржуазного блока в Совете. Шли разговоры о том, что все Временное Правительство подаст в отставку. В ночь с 13 на 14 (1—2) мая состоялось экстренное заседание Исполнительного Комитета, на котором снова был поставлен вопрос о коалиции в связи с новым кризисом

власти. Исполнительным Комитетом была принята резолюция о создании коалиционного правительства большинством 44 голосов против 19 при 2 воздержавшихся. Против резолюции голосовали 12 большевиков, 3 меньшевика-интернационалиста, 4 эсера. Мелкобуржуазные демократы в дни апрельского кризиса пытались изображать монтаньяров, партию «Горы», но эта «Го а» родила коалиционную мышь. От имени большевиков и всего меньшинства, голосовавшего против вступления в Правительство, было внесено заявление, в котором указывалось, что коалиция неспособна дать спасение народам России, которого можно добиться лишь при условии перехода всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов. Это заявление соответствовало резолюции Всероссийской апрельской конференции по вопросу о коалиционном правительстве.

В ней, как известно, подчеркивалось, что в создании коалиционного правительства заинтересована только буржуазия. Широкие народные массы, в особенности солдаты, теряя доверие к Временному Правительству, питают еще иллюзии будто можно исправить дело путем вхождения представителей Совета во Временное Правительство. Резолюция указывала, что всей своей политикой вожди Петроградского Совета поставили себя в положение министров без портфеля, и поэтому они вынуждены взять на себя и формальную ответственность за правительство капиталистов.

В духе резолюции и проводила партия свою политику в вопросе коалиции. С вхождением представителей Совета во Временное Правительство значение Советов не могло не уменьшиться. Между тем, как подчеркивал Ленин, в дни апрельского кризиса свержение Временного Правительства и переход власти к Советам мог совершиться наиболее безболезненно, ибо Временное Правительство висело тогда в воздухе. Оно удержалось лишь благодаря меньшевикам и эсерам.

Классовое содержание коалиции заключалось в том, что прикрытое сотрудничество соглашателей с капиталистами, наблюдавшееся и до создания коалиционного правительства, приняло открытые формы. Если прежде Совет являлся органом контроля над Временным Правительством, то, выделив своих «представителей» в него, он из органа «контроля народа» над Временным Правительством становился органом «контроля» Временного Правительства над народом. Значение коалиции заключалось в том, что, явившись формой открытого сотрудничества меньшевиков и народников с буржуазией, она давала возможность скорее разоблачить обманчивую политику мелкобуржуазной демократии. Пользуясь еще неокончательно изжитым, хотя и очень сильно поколебавшимся доверием мелкобуржуазных и наиболее отсталых малосознательных рабочих масс к Временному правительству, социалисты, давая широкие обещания, изображая из себя в правительстве, делегатов от «народа» которые выполняют пожелания народных масс, получили возможность спасти положение буржуазии. Но этот шаг социалистов был чреват серьезными последствиями для них, ибо для них уже трудно было попрежнему играть в оппозицию к правительству, что помогало советским лидерам сохранить доверие к ним масс. С созданием коалиции лидеры советского большинства нисколько не усилили своего влияния на власть, не будучи в состоянии порвать с основами политики

капиталистов, но зато они взяли на себя полную ответственность за всю политику буржуазии. Лидеры Совета имели столько же сил, сколько во времена контактной комиссии. «Народники и меньшевики, Чернов и Церетели, перенесли контактную комиссию из соседней комнаты (с той, где заседали министры) в самую министерскую комнату. Таково и только таково чисто политическое значение события: новое министерство», — писал Ленин в «Правде» № 50 от 19 (6) мая.

Получив в лице меньшевиков и народников поддержку городской мелкой буржуазии, небольшой группы рабочей аристократии, кулачества, Временное Правительство не получило действительной поддержки ни со стороны широких масс крестьянства, ни тем более со стороны пролетариата.

С созданием коалиции буржуазия начала осуществлять при помощи социалистов—«делегатов революционной демократии» во Временном Правительстве—ту политику, которую она прежде была не в силах проводить. Программой коалиционного правительства являлось обуздание экономических требований рабочего класса, организация наступления на фронте, оттяжка решения основных вопросов революции вообще. Разумеется с созданием коалиционного правительства двоевластие еще не прекратилось. Ленин писал в статье «Исчезло ли двоевластие» в Правде» № 62 от 2 июня (20 мая):

«Двоевластие остается. Правительство капиталистов остается правительством капиталистов, несмотря на придаточек к нему в виде меньшинства народников и меньшевиков. Советы остаются организацией большинства. Народнические и меньшевистские вожди беспомощно мечутся, желая усесться между двух стульев».

Ленин указывал, что эти метания отражают колебания мелкой буржуазии между пролетариатом и крупным капиталом. Но теперешнее двоевластие долго держаться не может... «Либо назад к всевластию капиталистов, либо вперед к демократии на деле...»

В этом Ленин оказался прав: двоевластие удержалось не долго. Создание коалиции, которая явилась продуктом двоевластия, было началом конца двоевластия и привело к превращению Совета в прямой придаток к буржуазной власти. Вместе с тем, как указывал Ленин:

«Коалиционное министерство означает такой «опыт», который всему народу поможет с особенной быстротой и з ж и т ь иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами» (т. XIV, ч. 1, стр. 177).

В этих условиях перед партией большевиков стояла основная, решающая задача вбить клин между революционными массами и мелкобуржуазным соглашательским блоком, отвоевать Советы у меньшевистско-народнического большинства, поскольку соглашательские Советы являлись главной опорой буржуазии.

С момента образования коалиции буржуазия, учтя уроки апрельского кризиса, начала под прикрытием социалистической ширмы Керенского, Церетели, Скобелева, Переверзева, Чернова готовить контратаку против революции. Революция сплачивает контрреволюцию. Не слабость, а именно растущая сила революции заставляла буржуазию «спешить на перерез» поднимающемуся к власти пролетариату.

РОСТ ЧИСЛА ЧЛЕНОВ
ГЛАВНЕЙШИХ ПРОФСОЮЗОВ
ПЕТРОГРАДА
С АПРЕЛЯ ПО АВГУСТ 1917 Г. (В ТЫСЯЧАХ)
„ТОРГ. ПРОМ. ГАЗЕТА" N 190 2/IX-17 Г.
КОЖЕВЕН. ПРОИЗВОДСТВА
ТОРГОВ. ПРОМ. СЛУЖАЩИХ
ДЕРЕВО-ОБДЕЛОЧН.
ТЕКСТИЛЬН. ПРОИЗВОДСТВА
РАБ. ПЕЧАТНОГО ДЕЛА.
СОЮЗ РАБОЧ. МЕТАЛЛИСТ
4
5
7
10
12
15
12
18
54.5
25
15
25
70
28
82
17
30
20
30
26
138
АПРЕЛЬ
МАЙ
ИЮНЬ
ИЮЛЬ
АВГУСТ

В первую очередь буржуазию беспокоили растущий подъем экономического движения рабочего класса и успехи большевиков в армии. Апрельские дни неожиданно обнаружили рост политического влияния большевиков на массы. Партии предстояло укрепить свое влияние в рабочем классе на почве руководства мощным экономическим движением его.

Еще в первые дни революции большевики заняли решительную позицию по вопросу о 8-часовом рабочем дне, и несомненно благодаря этому буржуазия вынуждена была пойти так быстро на уступки в этом вопросе, несмотря на готовность меньшевиков замять борьбу за 8-часовой рабочий день [1]).

С первых же дней революции начался бурный рост фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. В этой кампании деятельнейшее участие приняли большевики. О быстром росте профсоюзов можно судить по тому, что за два месяца — март и апрель — в Петербурге и Москве образовалось свыше 130 союзов, а по всей России свыше 2 000. По данным анкетной комиссии III Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся в конце июня 1917 г., на ней присутствовало около 220 делегатов с решающими и 27 с совещательными голосами. Они представляли 976 союзов с общим числом всех членов 1 475 429 человек, причем эти данные скорее были преуменьшены [2]).

Главная волна профессиональной организации падает на первый период революции: за первые два месяца революции союзы организовались в 74 производствах и профессиях, за май — июнь — в 35 производствах, а во втором полугодии только в 12 [3]).

Влияние большевиков в фабрично-заводских комитетах и профессиональных союзах беспрерывно росло, причем большевики решительно и очень успешно боролись против мелкобуржуазно-реакционной идеи меньшевиков о «нейтральности» профсоюзов в политическом движении и «независимости» профсоюзов от политических партий.

Особенно сильны были позиции большевиков в наиболее близких к самим массам организациях — в фабрично-заводских комитетах, сыгравших выдающуюся роль в революции 1917 г. [4]).

Фабзавкомы и профсоюзы, если не считать, разумеется, Советов, имевших первостепенное значение, являлись важнейшими проводниками влияния партии на стихийное движение пролетарских масс. Вот почему завоеванию, большевизации этих органов и мобилизации революционных масс вокруг них партия придавала огромное значение.

Значение фабзавкомов и профсоюзов определялось и тем, что они являлись органами, посредством которых рабочий класс проводил борьбу против разрухи и дезорганизации производства и саботажа капиталистов.

---

[1]) «Рабочая газета» 23(10 марта), учитывая «опыт революции 1905 г.», высказалась даже против развертывания экономической борьбы против буржуазии, чтобы не сорвать «единый фронт против реакции».

[2]) АОР, «Рабочее движение в 1917 г.», Гиз, 1926, стр. 83—85.

[3]) А. Панкратова, Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г.,стр. 53, Гиз,1927 г.

[4]) На петроградской конференции фабзавкомов, открывшейся 12 июня (30 мая) и руководимой большевиками во главе с Лениным, за резолюцию большевиков о рабочем контроле, о передаче власти Советам голосовало 335 человек из числа 421 делегата. К моменту конференции $^3/_4$ фабзавкомов шли за большевиками.

Буржуазия, будучи еще не в силах политически подавить рабочий класс, ибо не обладала всей полнотой власти, пыталась дезорганизовать пролетариат по линии производственной, экономической, стремилась задушить рабочий класс «костлявой рукой голода». Отсюда вытекала политика саботажа и локаутов явных и скрытых.

С марта по август 1917 г., по несомненно преуменьшенным данным министерства торговли и промышленности, прекратили работу 537 предприятий с 104 372 рабочими. Но месяцами картина представляется в следующем виде [1])

Месяцы	Число закрытых предприятий	Число рабочих
Март	74	6 646
Апрель	55	2 816
Май	108	8 701
Июнь	125	38 455
Июль	216	47 754

Из этой таблицы видно, что после того, как к власти пришло коалиционное правительство, разруха увеличилась, причем она коснулась более крупных предприятий, чем в первые месяцы революции.

Это свидетельствовало не только о росте хозяйственных затруднений, но и об усилившемся при коалиции нажиме на пролетариат, в частности путем умышленного закрытия предприятий.

Помимо локаутирования рабочих начался нажим и на заработную плату рабочих, причем этот нажим сопровождался громкими воплями о непомерных, неслыханных требованиях рабочих.

В действительности, в первом полугодии номинальная зарплата росла сравнительно быстро. Это объясняется тем, что за время войны уровень зарплаты чрезвычайно сильно отстал по сравнению с ростом дороговизны, истощение рабочей силы достигло высокой степени, и поэтому требования рабочих естественно должны были возрасти, чтобы прекратить деградацию пролетариата, усилившуюся за время войны. Однако реальная зарплата в связи с ростом дороговизны увеличивалась очень незначительно, а в массе случаев положение рабочих еще в первом полугодии заметно ухудшилось.

По данным Московской биржи труда зарплата в Москве повысилась в среднем на 53% и лишь в очень редких случаях до 100%. Повышение цен на предметы первой необходимости достигает в среднем 112%, причем ржаной хлеб и картофель за то же время дорожает на 150—175% [2]).

Несомненно в 1917 г. наблюдалось заметное падение производительности труда, но уровень зарплаты снизился еще больше, в чем и находит свое объяснение факт падения производительности труда [3]).

[1]) «Торгово-промышленная Газета» № 213. Приводим по ст. З. Лозинского «Временное Правительство в борьбе с промышленной разрухой». «Пролетарская революция» № 10(69), 1927, стр. 145.

[2]) А. Панкратова, Фабзавкомы России в борьбе за социал. фабрику, стр. 218.

[3]) См. об этом «Пролетарскую революцию» № 10(69), ст. З. Лозинского, стр. 154.

Неспособность буржуазии справиться с разрухой в промышленности и ее сознательный саботаж вызывали вмешательство рабочих в ход и управление производством. Однако дезорганизовать рабочий класс буржуазии не удалось, наоборот, своей политикой буржуазия заставляла в наиболее короткий срок проходить предварительную школу овладения производством. Ленин еще в апрельских тезисах указал, по какому пути должен пойти рабочий класс на первых порах, чтобы предотвратить экономический развал страны в результате империалистской войны и хозяйничания правящих классов России: это был путь рабочего контроля. «Рабочий контроль», объединяемый и организуемый Советами, был возможен еще в тот период, когда буржуазия стоит еще у власти, благодаря «общеизвестности и легкости мер контроля» [1]). Но проведению его мешала соглашательская политика меньшевиков и эсеров, которые отлично понимали, что рабочий контроль—один из путей, ведущих к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую, прямое осуществление которого Ленин связывал с переходом власти к Советам.

Идея «рабочего контроля» приобрела широкую популярность в рабочем классе, и поэтому «капиталисты», как отмечал Ленин, поспешили «наперерез» пролетариату по линии контроля над производством.

5 мая появилось в газетах сообщение о том, что по соглашению Совета Р. и С. Д. с союзом инженеров и с санкции Временного Правительства будет образован Центральный Комитет «по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях и организации над всеми промышленными предприятиями постоянного деятельного общественного контроля».

Этот комитет, составленный по большей части из представителей буржуазных общественных организаций, по меткому замечанию Ленина напоминал «сенатские и прочие чиновничьи комиссии «доброго старого», царистского времени», комиссии, которые создавались для успокоения общественного мнения [2]).

29 (16) мая Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих Депутатов принял резолюцию по вопросу об экономической политике, в которой признавал необходимость государственного регулирования народного хозяйства, введения государственного контроля над банками, фиксации цен, ограничения прибылей и т. д. Меньшевик-министр труда Скобелев в своей речи заявил, что необходимо для улучшения положения трудящихся забрать прибыль у буржуазии путем увеличения налоговых ставок на прибыль до 100%.

Однако «левые» фразы и «левые» прожекты коалиционеров были лишь формулой перехода к правым делам. «Левые» фразы отражали еще продолжавшиеся колебания мелкой буржуазии между пролетариатом и крупным капиталом, попыткой итти по какой-то средней линии, которая была невозможна в условиях острейшей классовой борьбы, в условиях революционного кризиса.

Критикуя всю шумиху, поднятую соглашателями из Исполнительного Комитета и новоиспеченными министрами-социалистами, Ленин подчеркивал,

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 181.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 179.

что без перехода власти в руки Советов все эти меры ни к чему не приведут и даже в лучшем случае, т. е. если предположить, что они начнут осуществляться на деле, весь смысл их заключается в том, чтобы сохранить основы капитализма.

«Долой все это лганье! — писал Ленин. — Долой эту шумиху бюрократического и буржуазного прожектерства, провалившегося всюду с треском! Долой эту манеру класть дело под сукно. Рабочие должны требовать немедленного осуществления контроля на деле и притом обязательно через самих рабочих. Это главное для успеха дела, дела спасения от катастрофы. Раз этого нет, все остальное — обман» [1]).

Буржуазия, обеспокоенная ростом рабочих организаций и движением под лозунгом «рабочего контроля», готовила контратаку и расправу с организациями рабочих в предприятиях.

30 (17) мая министр внутренних дел князь Львов, заручившись поддержкой министров-социалистов, признавших непомерный характер требований рабочих, издал циркулярное письмо о борьбе против нарушения порядка на фабриках и заводах. Ушел в отставку Коновалов, заявивший протест против плана введения общественно-государственного контроля, который Временное Правительство намеревалось объявить в своей декларации, и против «насаждения демократических органов в промышленности». Это свидетельствовало о кризисе коалиции.

Вместе с тем пресловутый товарищ министра торговли и промышленности Пальчинский начал подготовлять осуществление плана разгрузки предприятий в Петербурге, мотивируя трудностью подвоза сырья и топлива к Петербургу. ЦК партии в своей резолюции следующим образом охарактеризовал сущность этого плана. «Разгрузка Петербурга, говорилось в резолюции, имеет целью разгрузить столицу не столько от промышленных предприятий, сколько от революционных элементов рабочего класса». Эти попытки шли в соответствии с попытками разгрузить столицу от революционных воинских частей. Подготовка к разгрузке Питера вызывала недовольство и волнения среди рабочих. В сравнительно короткий срок коалиционное правительство, которое во всех сколько-нибудь значительных конфликтах труда с капиталом занимало позицию открытой защиты интересов магнатов буржуазии, сделало все для того, чтобы подорвать к себе всякое доверие в рабочем классе. Пролетариат все больше и больше убеждался, что необходимо произвести революцию против капиталистов, для того, чтобы спасти промышленность от полного краха, к чему неминуемо вела экономическая и рабочая политика Временного Правительства.

К пониманию необходимости совершить революцию против капиталистов пролетариат подходил и с другого конца. Для него становилось ясно, что нельзя ничего серьезного сделать для улучшения своего экономического положения и спасения промышленности от разрухи до тех пор, пока война не будет окончена. История с эвакуацией и разгрузкой Петрограда от части предприятий лишний раз подчеркнула то, что русский рабочий класс усвоил еще в годы войны до революции, а именно, что война ради «защиты отечества» служит для буржуазии основанием, прикрытием для самой дикой эксплоатации и удушения рабочего класса, а теперь и для расправы с революцией. Самодержавие было сверг-

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1 стр. 196.

нуто, но война продолжалась. Под прикрытием разговоров о войне буржуазия попрежнему усиливала нажим на рабочий класс. Войну необходимо было ликвидировать, чтобы вывести промышленность из тупика разрухи, но ликвидировать ее нельзя было без того, чтобы не покончить с империалистской буржуазией и ее адвокатами в лице соглашателей. Лозунг перехода власти к Советам и революции против капиталистов на почве обостряющейся экономической борьбы, катастрофического роста хозяйственной разрухи, затягивания империалистской войны делался понятным для самого отсталого рабочего.

Центральная военная организация большевиков 1917 г. стоят: Голька, Кедров, Потошкин, Тарасов-Родионов; сидят: Орлов, Мехоношин, Невский, Подвойский, Дашкевич, Раскольников (Ильин).

Партия большевиков проделывала в Советах, профсоюзах и фабзавкомах огромную работу в смысле идейной и организационной подготовки рабочего класса к социалистической революции.

По мере того как росло сплочение и осознание рабочим классом большевистских лозунгов, перехода власти к Советам, «рабочего контроля», — все резче вставала перед партией пролетариата задача популяризации идеи р е в о л ю ц и и п р о т и в к а п и т а л и с т о в среди тех слоев народа, которые не могли проникнуться идеями социализма и сознательно стать на сторону пролетарской революции, но которые могли поддержать восстание против крупного капитала, видя в последнем главную движущую силу империалистской войны и виновника экономической разрухи в стране. Без поддержки

широких солдатских масс и неимущего крестьянства нельзя было рассчитывать на победоносную антикапиталистическую, антиимпериалистическую революцию.

«По инстинкту, по чувству, по влечению революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения, именно пролетарии и полупролетарии, т. е. рабочие и беднейшие крестьяне. Но ясного сознания еще нет, нет в связи с этим и решимости. Развивать их — наша главная задача», — писал Ленин в статье «О твердой революционной власти» в «Правде» № 50 (от 19—6 мая) [1]).

На основе разоблачения классовой сущности хозяйственной, военной и аграрной политики коалиционного правительства партия большевиков за-

Группа рабочих завода Михельсона, организовавшая летом 1917 г. отправку большевистской литературы на фронт.

воевывала не только пролетариат, но и крестьянскую бедноту на сторону лозунга революции против капиталистов. Служебное значение в этом смысле играл лозунг «Долой десять министров-капиталистов». Именно благодаря своей негативной форме, направленной против буржуазии, этот лозунг легко усваивался не только рабочим, но и солдатом, крестьянином, который начал осознавать, что главное зло в капиталистах, но не мог еще по достоинству оценить Церетели, Скобелевых и Пешехоновых. Лозунг «Долой десять министров-капиталистов» вплотную подводил к лозунгу перехода всей власти к Советам. Большевики в своей пропаганде разъяснили массам, что пока власть Советом еще не

[1]) Курсив наш.

утеряна, можно было бы сравнительно безболезненно устранить представителей капитала из Правительства и создать «советское» правительство. Агитационное значение лозунга «Долой десять министров-капиталистов» было поэтому очень велико. Оно способствовало разоблачению соглашательских лидеров, которые упорно отстаивали сохранение десятка «министров-капиталистов». Это давало возможность постепенной изоляции советских лидеров. Задача отвоевания мелкой буржуазии от капиталистов и соглашателей и нейтрализация ее приобретала первостепенное решающее значение для победы пролетариата. В первую очередь борьба шла за армию.

В этом направлении большевики развили бешеную работу. Успехи революционно-интернационалистической пропаганды большевиков в армии тревожили буржуазию не меньше, если не больше, чем экономическое движение рабочих. Для буржуазии было ясно, что судьба революции зависит от того, кто овладеет армией. Братанье на фронте принимало огромные размеры. На Пасху (апрель) на антигерманском и антиавстрийском фронтах военные действия приостановились. Впоследствии развились формы братанья в виде посылки делегаций из окопов в окопы. Партия вела агитацию за то, чтобы братанье носило организованный характер, происходило под контролем армейских комитетов и без участия офицеров с обеих сторон. И хотя буржуазная пресса в России кричала о том, что немцы поддерживают братанье, в действительности братанье настолько обеспокоило германо-австрийское командование, что оно начало быструю переброску войск с Восточного фронта на Западный [1]).

Военная организация партии, учрежденная еще в начале апреля из военной комиссии при ПК, превратилась к началу лета в очень влиятельную среди солдатских масс организацию, которая объединила вокруг себя не только части питерского гарнизона, но и связалась с фронтом и воинскими частями, расположенными в других городах. Военная организация из организации при ПК стала всероссийской и начала подготовлять конференцию большевистских организаций фронта и тыла. Эта конференция действительно состоялась 28 (15) июня. Военная организация завоевала в Питере влияние в 1-м пулеметном полку, саперных частях, в петроградском и московском полках и т. д. и с 28 (15) апреля начала издавать газету «Солдатская правда», расходившуюся в количестве 50 тысяч экземпляров.

На совещании в ставке, состоявшемся 29 (16) июня, накануне наступления на фронте, генерал Деникин, основываясь на данных «Московского военного бюро по снабжению литературой», сообщил, что с конца марта по 1 мая (ст. ст.) в армию было направлено около 8 тысяч экземпляров «Правды», 2 000 экземпляров «Солдатской правды», свыше 30 тысяч экземпляров московского «Социал-демократа», а уже с 1 мая по 11 июня около 7 000 экземпляров «Правды», 61 525 экземпляров «Солдатской правды», 32 711 экземпляров «Социал-демократа». И это несмотря на то, что в Риге, Киеве, Минске большевистские газеты не пропускали и сжигали, в киосках «Земского союза» большевистских газет не держали и т. п.

---

[1]) См. БСЭ, т. VII, ст. Н. Крыленко «Братанье».

Подготовка к наступлению на фронте велась особенно усердно после назначения Керенского военным министром, сопровождалась усиленной борьбой против братания и за восстановление дисциплины на фронте. 24 (11) мая Керенским был издан приказ о правах и обязанностях военнослужащих, который был в большевистской печати назван «декларацией бесправия солдата». Эта декларация давала командирам право в боевой обстановке принимать вооруженные меры против неисполняющих приказы. Декларация прав полностью отметала требование выборности командиров, выставленное партией большевиков. Декларация обострила недовольство солдатских масс. «Случилось что-то нехорошее»,— так выражено было в одном из солдатских писем общее мнение солдат о декларации [1]).

Скоро началась и кампания расправы с якобы недисциплинирован-

Крестьянский митинг 3 апреля 1917 г. в Орловской губ., Севского уезда.

ными, а фактически большевистски настроенными частями. За отказ 45, 46, 47 и 52-го полков 12 и 13-й дивизий выступить на фронт, они были приказом Временного Правительства, опубликованным 8 июня (26 мая), расформированы.

Еще 15 (2) мая к походу против братания присоединился Петроградский Совет рабочих депутатов. В своем воззвании Совет повторял все те обвинения против братания, которые выдвигала буржуазная пресса. Но воззвания оказалось недостаточно. Керенский в июне издал два приказа: о расформировании

[1]) «Солдатские письма 1917 г.», Гиз, 1927, стр. 54.

неподчиняющихся полков и специальный приказ против братания, грозивший виновным преданием «суду для наказания по всей строгости законов» [1]).

В Черноморском и Балтийском флоте среди матросов шло еще более сильное брожение, чем в армии. Керенский, разъезжая по фронту, заявил в Могилеве генералу Деникину: революционизирование страны и армии закончилось, теперь должна наступить созидательная работа [2]).

Эта «созидательная» работа проявилась в том, что представитель коалиционного правительства «социалист» Керенский при поддержке советских лидеров решительными мерами готовил армию к наступлению, чего не был в силах сделать буржуазный министр Гучков. И это в то время, когда главнокомандую-

Разгром помещичьей усадьбы. С картины Владимирского.

щий генерал Брусилов писал на рапорте генерала Деникина, назначенного тогда главнокомандующим Юго-западного фронта, на котором подготовлялось наступление: «При таком настроении стоит ли тут подготовлять удар?» [3]).

На настроении армии очень заметно отразились растущие недовольство и нетерпение крестьян, приводившие к усилению крестьянского движения.

Движение в деревне росло из месяца в месяц. Если в марте крестьянским движением было охвачено 34 уезда, то в апреле 174, в мае 236, в июне 250, в июле

[1]) «Новая жизнь» от 1 июня 1917 г.

[2]) «Красная летопись» № 6.—«На фронте в предоктябрьские дни. Отчет о совещании в ставке».

[3]) Центрархив. «Разложение армии в 1917 г.», Гиз, 1925, стр. 91.

325 уездов. По сведениям Главного управления по делам милиции в июне аграрное движение затронуло 383 помещичьих имения [1]). Временное Правительство, оттягивая решение земельного вопроса, имело помимо всего специальную цель, которую выболтал эсер Маслов:

«Первое время, — писал он, — в первые дни революции, когда в армии среди солдат разнеслась молва, что будто бы там, на родине, происходит раздел земли, многие из опасения остаться обделенными стали рваться домой, усиливая дезертирство» [2]).

Отсюда вытекала политика оттягивания рсшения вопроса о земле до открытия Учредительного Собрания. Зажим в деревне соответствовал зажиму в армии. Аграрное движение в этот период носит еще сравнительно «мирные» формы. Объяснялось это тем, что надежды крестьян на Временное Правительство, а затем о с о б е н н о на «мужицкого» министра Чернова были еще крепки. Чернов обещал провести ряд мероприятий в пользу крестьянства, но его главная работа выразилась в борьбе против аграрного движения и против большевистских лозунгов в аграрном вопросе.

Линия большевиков в отношении агитации в деревне сводилась к тому, что партия требовала немедленного и организованного захвата земли земельными комитетами, отмены частной собственности на землю, иначе говоря, национализации земли, перехода помещичьего инвентаря в руки крестьянских комитетов для общего пользования нуждающегося крестьянства. Партия призывала в то же время к созданию отдельных организаций батраков и бедноты наряду с крестьянскими комитетами и в виде фракций в крестьянских советах. Интересы сельскохозяйственных рабочих, подчеркивали большевики, могут быть обеспечены только при условии создания Советами батраков и бедняцкими организациями крупных образцовых хозяйств на основах общей обработки земли. Все эти требования были связаны с переходом власти в руки Советов.

В резолюции, предложенной Лениным 4 июня (22 мая) на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, говорилось (пункт 2): «Крестьянство должно организованно, через свои Советы Крестьянских депутатов, брать всю землю на местах немедленно для хозяйственного распоряжения ею, нисколько не предрешая этим окончательного установления земельных распорядков Учредительным Собранием или Всероссийским Советом Советов...» Резолюция предлагала отмену частной собственности на землю в форме национализации земли будущей центральной государственной властью в лице Совета Советов. Вместе с тем резолюция подчеркивала необходимость особой организации крестьянской бедноты. В статьях и выступлениях Ленин разоблачал фальшивые речи о том, что «большевики призывают к самочинному захвату земель». Одним из доводов против большевистского плана немедленной передачи земли крестьянским комитетам было то, что при этом будут обойдены интересы бедняков и фронтовиков. Ленин на эти доводы отвечал, что именно соглашение помещиков с крестьянами, которое предлагают эсеры и либералы, направлено против бедноты,

---

[1]) Ст. С. М а с л о в а в № 10 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов», привожу по ст. Л е н и н а, т. XIV, ч. 1, стр. 206.

[2]) Архив Октябрьской революции, «Крестьянское движение в 1917 г.» Предисловие Я. А. Я к о в л е в а.

служит интересам кулака. Переход помещичьей земли в руки крестьянских комитетов при особой организации сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты обеспечит интересы малоимущих слоев крестьянства, в том числе и тех, кто находится на фронте. В 30 000 крупных имений Ленин предлагал организовать образцовые хозяйства, будущие «совхозы и колхозы».

«Хозяйство на отдельных участках... — это не выход из ужасного кризиса, из всеобщего разрушения, это не спасение... Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах; без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя...» говорил Ленин на крестьянском съезде (т. XX, стр. 417).

Идейно-политическое влияние большевиков на неимущие слои деревни и на основные массы крестьянства заметно возрастало, причем главными проводниками этого влияния были рабочие, солдаты и партийные агитаторы, отправлявшиеся в деревню. Однако непосредственные связи партии большевиков с деревней были не очень сильны, но военная организация все же при содействии солдат проводила свое влияние на деревню. Точно так же проводилась партией работа через зародившиеся с начала лета рабочие землячества [1]).

Ударяя по большевикам, мелкобуржуазная демократия все больше и больше сходила со «средней» линии, которую она пыталась проводить в политике, пытаясь нажать на буржуазию и обуздать революционные массы, и все более и более превращалась в орудие борьбы буржуазии против революции. Борьба революционных масс под руководством большевиков за власть Советов, за рабочий контроль, за конфискацию помещичьей земли, рост идей интернационализма в армии — все это ускоряло процесс превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую. Нажимом на массы и подготовкой наступления буржуазия стремилась изменить в свою пользу соотношение сил в стране, и мелкобуржуазная демократия всемерно помогала ей в этом.

е) ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. ИЮНЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ. НАСТУПЛЕНИЕ 1 ИЮЛЯ (18 ИЮНЯ).

С момента образования коалиционного правительства партия провела ряд успешных политических кампаний. Партия выставила лозунг перевыборов в Совет, проводя свою линию на завоевание большинства в Советах путем настойчивой пропаганды и изживания массами мелкобуржуазных иллюзий на опыте революции, на опыте классовой борьбы труда и капитала. В Питерском Совете большевики заметно укрепились, получив около половины мест в рабочей и около $^1/_4$ в солдатской секции.

На муниципальных выборах в Петербурге большевики из 800 тысяч голосов получили около 20%, целиком завоевав Выборгскую районную думу.

---

[1]) См. об этом статьи А. Шестакова в «Пролетарской революции» и брошюру его же «Большевики и крестьянство в революции 1917 г.», Истпарт, Гиз, 1927г.

Укрепление позиций большевиков в Петрограде на фоне обостряющейся классовой борьбы в стране вызывало серьезные опасения среди руководителей Совета. Буржуазия задумала очень сложную и рискованную операцию очистки Петербурга от революционных элементов рабочих и солдат. В связи с этим начата была кампания против революционного Питера, который будто не отражал настроения всей страны. «Петроград должен стать $^1/_{83}$ России» — брошен был лозунг в агитационной кампании соглашателей.

Политика коалиции, проводимая советским большинством, точно так же нуждалась в поддержке широкой «советской демократии», особенно в связи с тем,

СОСТАВ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ И ИЗБРАННОГО ИМ ВЦИКа

Ф. И. Дан (меньш.), член президиума.

Н. С. Чхеидзе, председ. съезда.

Л. Хинчук (меньш.), член президиума.

Б. О. Богданов.

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ СЪЕЗДА (832 ДЕЛ.).

Социалистов-революционеров	285
Социал-демократов (бунд., меньш.)	258
Социал-демократов (большевиков)	105
Интернационалистов	73
Об'единенных социал-демократов	10
Остальных	56
Неизвестных	45

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ ВЦИКа (257 ДЕЛ.).

Социал-демократов (бунд., меньш.)	108
Социалистов-революционеров	100
Социал-демократов (большевиков)	35
Объединенных социал-демократов	8
Остальных	6

что Петроградский Совет начал терять доверие среди авангарда революции — петербургского пролетариата.

Темп развития революции в стране был крайне неравномерным, и если в одних городах, как, например, Кронштадте, дело доходило до принятия власти Советом и устранения правительственного комиссара, то в непролетарских центрах темп революции значительно отставал от питерского. А таких пунктов было еще преобладающее большинство. Медленно развивалась и революция на

фронте. Все это давало лидерам Петроградского Совета надежду на то, что они сумеют получить поддержку на Всероссийском Съезде Советов и создать тот авторитетный орган всероссийского значения, который в случае необходимости можно было бы противопоставить революционному Питеру. Лидеры Петроградского Совета надеялись во всероссийском советском центре найти орудие своей соглашательской политики. И действительно, I Съезд Советов знаменовал отступление советского большинства даже от тех революционных позиций, которые оно занимало в момент Всероссийского Совещания Советов, и обнаружил глубокий отрыв меньшевистско-народнического блока от революционизирующихся масс пролетариата и передовых слоев армии.

БОЛЬШЕВИКИ ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ.

(ВСЕГО ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА БЫЛО 23).

Г. Е. Зиновьев

В. Ногин

Л. Б. Каменев

А. В. Луначарский

Н. В. Крыленко

Б. З. Шумяцкий

Перед открытием съезда под влияние агитации меньшевиков было созвано объединенное собрание всех с.-д. делегатов съезда. Существование ряда объединенных организаций в провинции и еще неизжитые объединенческие настроения среди части большевиков-делегатов съезда привело к тому, что такое совещание с.-д. состоялось. Руководящие круги большевистской партии пошли на это совещание лишь с той целью, чтобы показать объединенчески настроенным элементам большевиков, насколько велика пропасть между позицией революционного пролетариата и меньшевиками и как неосновательны надежды найти общий язык даже с «интернационалистическими» элементами меньшевиков, не говоря уже об оборонцах.

14 (1) июня состоялось объединенное собрание всех с.-д. Ни по одному вопросу, однако, объединенное совещание не сумело найти общий язык и тем более вынести общие резолюции.

Съезд Советов открылся 16 (3) июня. На нем насчитывалось около 800 делегатов, причем большевики располагали на съезде приблизительно сотней голосов. Большинство «революционной демократии» шло еще за меньшевистско-народническим блоком. Съезд заседал с 16 июня до 7 июля (н. ст.). Он проходил в беспокойной обстановке и сопровождался рядом важнейших событий, приведших к обострению борьбы мелкобуржуазного большинства Советов

против партии большевиков и всего революционного пролетариата. На съезде дважды выступал Ленин с большими речами, ставшими центром внимания всего съезда.

Съезд Советов полностью и целиком обнаружил пропасть, выросшую за время господства коалиции между лидерами советского большинства и передовыми революционными рабочими и солдатскими массами Питера. Особенно

ПРЕЗИДИУМ БЮРО ВЦИКа ПОСЛЕ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ.

ОТ СОЦИАЛ.-РЕВОЛЮЦ.

А. Р. Гоц.

ОТ БОЛЬШЕВИКОВ

Л. Б. Каменев.

ОТ МЕНЬШЕВИКОВ.

Ф. П. Дан.

Н. С. Чхеидзе.

М. И. Либер.

А. В. Никольский.

обнаружилось это в вопросе о так называемой июньской демонстрации и в связи с историей выселения анархистов и рабочих организаций с дачи Дурново в Петербурге.

Еще в начале июня в военной организации РСДРП возникла мысль об организации демонстрации. Эта мысль встретила поддержку у Ленина [1]). Как сообщил на заседании ПК 19 (6) июня один из руководителей военной организации, т. Невский, в солдатских массах шло брожение на почве недовольства декларацией прав солдата и приказами Керенского. Он сообщал, что если ЦК не возьмет в свои руки организацию демонстрации, то она может произойти

[1]) Н. И. Подвойский, Военная организация ЦК(б) и ВР К-т 1917 г., «Красная летопись» № 6, 1923 г.

стихийно и пойти мимо партии. 18 (5) июня состоялось совещание ЦК, ПК и военной организации для обсуждения вопроса о настроениях рабочих и солдатских масс. Решено было еще раз созвать совещание 21 (8) июня. В Центральном Комитете среди части членов ЦК раздавались возражения против демонстрации, но Ленин был согласен с руководителями военной организации и считал, что демонстрация должна, с одной стороны, явиться проверкой влияния партии в массах, а с другой стороны, способствовать популяризации лозунгов партии. Против демонстрации выступали в ЦК Зиновьев, Каменев, Ногин [1]). Большинство членов ЦК высказывалось за то, что нецелесообразно устраивать солдатскую демонстрацию, необходимо привлечь рабочие массы. В рабочих массах, в связи с планами разгрузки части предприятий из Петрограда, ухудшением экономического положения и готовящимся наступлением на фронте, точно так же происходило брожение, хотя и не такое, как в солдатских массах в связи с приказами Керенского и планом вывода ряда воинских частей из Питера. Поводом к взрыву возмущения в рабочих массах было требование Временного Правительства очистить дачу Дурново, захваченную анархистами и рабочими организациями.

Совещание ЦК, ПК и представителей районов 21 (8) июня (всего 150 человек) решило приурочить демонстрацию к 23 (10) июня. Эта мирная демонстрация должна была выявить перед съездом Советов волю пролетарско-солдатских масс к передаче власти в руки Советов. В тот же день на Выборгской стороне начались волнения в связи с событиями на даче Дурново. Министр юстиции Переверзев потребовал удаления с дачи анархистов. Приказ его упал на раскаленную почву и вызвал движение протеста и возмущения среди рабочих Выборгской стороны, сопровождавшееся забастовками на ряде заводов, вынесением резолюций протеста и т. д. Авторитет Петроградского Совета к этому времени был уже в известной степени подорван и Совет не сумел сам принять меры к ликвидации инцидента. Вопрос о захвате дачи был перенесен на съезд Советов, где решено было обратиться с воззванием к питерскому пролетариату, с призывом выполнить приказ Временного Правительства. Разумеется этот маневр, приводивший к тому, что в роли приказчика Временного Правительства должен был выступить съезд Советов, еще более подлил масла в огонь.

22 (9) июня в рабочих кварталах была расклеена большевистская прокламация, дававшая лозунги движению. Прокламация в ярких выражениях характеризовала надвигающуюся разруху и голод, политику затягивания войны, контрреволюционную политику Временного Правительства вообще. Основные лозунги были таковы: «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть Советам», «Рабочий контроль над производством», «Против политики наступления», «Пора окончить войну», «Хлеба, мира, свободы». Помимо того прокламация выставляла популярное среди рабочей и солдатской массы требование об отмене деклараций и приказов, направленных против солдат, протест против плана разоружения рабочих, ярким сторонником которого выступал Церетели. Эти лозунги, сформулированные партией, отражали глубинные настроения революционных масс.

---

[1]) «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.», стр. 138.

В июньские дни, как и в апрельские, резко проявился стихийный подъем революционного настроения масс. Возбуждение рабочих и солдатских масс Питера било через край. Но если в апреле партия еще не вполне улавливала нарастание стихийного движения масс, то теперь она была гораздо более подготовлена к тому, чтобы овладеть ими и направить в русло организованной мирной демонстрации, закрепляя все больше свое влияние. Время для вооруженного выступления с целью захвата власти еще не настало, ибо рабочие и солдатские массы во всей стране еще отставали в смысле сознательности от питерских пролетариев и солдат. Съезд Советов свидетельствовал о том, что обаяние керенщины было еще очень велико в массах. Если в Питере, в условиях, где массы могли непосредственно наблюдать и быстро реагировать на политику коалиции, сотрудничество социалистов с буржуазией обнаружило в глазах масс свои предательские черты, то в провинции вера в чудотворные способности коалиции была еще велика. В провинции не было помимо всего таких моментов открытого проявления контрреволюции, как попытка эвакуации Питера от революционных рабочих и солдат. Среди отсталых солдатских и крестьянских масс наблюдалось еще несколько недоверчивое выжидательное отношение к революционному Питеру, что являлось плодом демагогии буржуазии, меньшевиков и эсеров, натравливавших рабочих и солдат провинции и на фронте против питерских рабочих и солдат своими разговорами о том, что питерцы чрезмерно требовательны, что питерские воинские части засиделись в тылу, «окопались», не хотят итти на фронт. В деревнях кулаки, эсеровские агитаторы, всемерно возбуждали крестьянство против рабочего класса и большевиков и это еще оказывало известное влияние на массы. Вот почему преждевременно было ставить вопрос о вооруженном восстании в целях захвата власти. Ленин впоследствии говорил о том, что большевики в апреле и в июне проводили тактику мирных демонстраций,

«ибо мы хорошо знали тогда, что Советы еще не наши, что крестьяне еще верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинство народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно» [1]).

22 (9) июня, в день выхода прокламации, Исполнительный Комитет Петроградского Совета обсуждал вопрос о манифестации и постановил не допускать ее, поручив комиссии разработать план противодействия манифестации и вопрос о ней передал на рассмотрение съезда Советов. Вопрос о демонстрации обсуждался на съезде. Здесь был опубликован проект воззвания, озаглавленного: «Не слушайте провокационных призывов». Воззвание увещевало рабочих и солдат не слушать призывов большевиков и не итти на демонстрацию, так как «нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся контрреволюционеры». Гегечкори, зачитывавший воззвание, сообщил, что президиум съезда создал бюро для решительной борьбы с выступлениями, которые «служат темным силам». Таким образом большинство съезда, не ограничиваясь клеветническими и демагогическими нападками против большевиков, подготовляло активную борьбу против революционных масс. Съезд принял резолюцию, воспрещавшую всякие манифестации в течение трех дней.

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 284.

Совещание ряда членов ЦК, ПК и военной организации решило вечером того же дня отстаивать право оппозиционной партии на демонстрацию. Когда же съезд вынес постановление о запрещении демонстрации, мотивируя его тем, что контрреволюционеры хотят им воспользоваться для своих целей, ситуация резко изменилась. Стало известно также, что Временное Правительство готовится применить насилие против манифестации, о чем на следующий день был опубликован приказ.

Вопрос о демонстрации обсуждался в большевистской фракции, где многие настаивали на отмене демонстрации. На заседании фракции многие выражали недовольство по поводу того, что ЦК, назначая демонстрацию, не согласовал с фракцией своего решения. Фракция высказалась за отмену демонстрации и обратилась в ЦК с просьбой пересмотреть это решение.

Поздно ночью ЦК в связи с создавшимся положением решил отменить демонстрацию, поручив провести это решение на собрании представителей заводов на даче Дурново, где был самочинно образован Временный Революционный Комитет. О решении ЦК был извещен Исполнительный Комитет Петроградского Совета. Призыв к демонстрации был вырезан из матриц «Правды», и вместо него было помещено сообщение об отмене демонстрации. Перед большевиками стояла трудная задача провести в жизнь решение об отмене демонстрации, к которой массы были подготовлены и которой они все время так настойчиво требовали. В течение утра представители военной организации были разбросаны по воинским частям. Несмотря на то, что многие работники ПК предсказывали рискованность попытки удержать массы от выступления на улицы, партия все же добилась своего. Это был первый опыт проведения сложного и труднейшего маневра организованного отступления в условиях, когда стихийное недовольство, казалось, било через край.

После отмены демонстрации меньшевистско-эсеровская и буржуазная печать возобновила бешеную травлю большевиков. Эсеры выпустили воззвание, в котором обвиняли большевиков в том, что они играют на руку контрреволюции. Но эсеры собственно повторяли лишь те обвинения, которые предъявляли партии и меньшевики.

24 (11) июня в помещении кадетского корпуса состоялось торжественное заседание для политического суда над большевиками. В заседании участвовали члены Исполнительного Комитета ПСР и СД, члены президиума съезда Советов, все члены бюро фракций съезда. Собрание было заранее подготовлено специальной комиссией, от имени которой выступил с докладом и резолюцией Дан. Его предложения «Правда» называла «исключительным законом против партии большевиков». Дан требовал, чтобы в будущем демонстрации отдельных партий допускались только с ведома и разрешения Советов. Воинские вооруженные части могут вызываться на демонстрации также только с разрешения Советов. Не выполняющие эти требования партии не могут оставаться в Советах. Церетели назвал манифестацию «заговором большевиков для низвержения правительства и захвата власти».

Крики о заговоре (которые позднее повторил в своих «записках» о революции Н. Суханов, ссылавшийся на сведения, полученные им из якобы близких к большевистским руководителям кругов) понадобились Церетели и К° для того,

чтобы облегчить себе расправу с большевиками. Никакого конспиративного заговора в действительности, разумеется, не было. Путь захвата власти посредством конспиративного заговора, независимо от подготовки масс к вооруженному восстанию, был для партии Маркса и Ленина исключен. Если в подготовке июньской демонстрации были моменты конспирации, то это была предусмотрительность со стороны партии, не желавшей, чтобы меньшевики и эсеры проведали о демонстрации и сорвали ее, как они на самом деле и поступили 22 (9) июня. 23 (10) июня, как это видно из протоколов совещания ЦК, ПК и военной организации, решено было провести не восстание и захват власти, а мирную, хотя и вооруженную, демонстрацию, вооруженную на случай, если на демонстрацию нападут, как это было в апреле. Большевики не играют восстанием, не шутят с огнем, и если бы они назначили восстание для захвата власти, то не отступили бы от своего плана, ибо отступление от заранее намеченного плана восстания могло бы погубить партию и смять ряды революционного пролетариата. Иное дело демонстрация: демонстрацию можно было и следовало отменить при создавшейся обстановке. Несомненно, что в партии, особенно в военной организации, были товарищи, которые, выражая настроение наиболее нетерпеливых революционных масс, пошли бы, может статься, на вооруженное выступление, но партия и ее Центральный Комитет были против подобного пути. Большевистская дисциплина и организация дали возможность провести это решение в жизнь.

24 (11) июня на заседании ПК обсуждался вопрос об итогах отмены демонстрации. В своем докладе Ленин, обосновывая необходимость отмены демонстрации тем, что иного выхода после запрещения ее съездом не было, подчеркивал, что наступает новая полоса революции, требующая иной тактики:

«Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения съезда, — это наше право, — а нас обвиняют, что мы устроили заговор. Ответом со стороны пролетариата может быть максимум спокойствия, осторожности, выдержки и памятования, что мирные демонстрации — это дело прошлого. Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они... Жизнь за нас... — говорил Вл. Ильич. [1]).

Мелкобуржуазная демократия, соглашательская верхушка революционных масс, в лице большинства съезда Советов, напуганная призраком пролетарской революции, захвата власти большевиками, резко колебнулась вправо. Этот факт свидетельствовал о том, что мирный путь развития революции, к которому большевики призывали, надеясь прийти к победе наиболее безболезненно, если не исключен уже, то во всяком случае делается все менее и менее вероятным. Уже в период июльской демонстрации стало определенно выясняться, что большевикам одним придется вероятнее всего взять на себя руководство революцией и организацию власти, так как «революционная демократия» в июльские дни представляла собой сплошную трусливо-обывательскую, мелкобуржуазную массу.

На крайнем левом фланге эсеров еще только начало формироваться радикальное крыло. Партия же меньшевиков насквозь прогнила, и ее так назы-

[1]) Протоколы легального ПК, стр. 154. Курсив наш.

Петроградская демонстрация 18 июня 1917 года.

ваемое интернационалистское крыло мало чем, помимо фразеологии, отличалось от правоверного меньшевизма. Свое бессилие и зависимость от оборонцев меньшевики-интернационалисты скоро обнаружили целиком. Демонстрацию большевиков съезду удалось отменить, однако несоответствие настроений большинства съезда и питерских рабочих и солдат слишком резко било в глаза. Делегаты съезда, разъехавшись по фабрикам и заводам для успокоения масс, убедились, что влияние большевиков в массах очень сильно и что нет абсолютно никаких гарантий, что народные массы в провинции не заразятся теми же настроениями, что и питерские рабочие и солдаты. Советские лидеры, которые еще не вполне разучились прислушиваться к голосу масс, поняли, что настроению революционных масс Питера нужно дать известный выход. В связи с этим встал вопрос о назначении демонстрации на другой какой-либо день. Однако мелкобуржуазная демократия, назначив демонстрацию, нисколько не укрепила этим своего влияния на массы. Объявив манифестацию на 1 июля (18 июня) соглашатели допустили большой просчет и сильно промахнулись. Манифестация укрепила не соглашателей, а большевиков, победу над которыми преждевременно праздновали соглашатели, прикрывавшиеся авторитетом съезда.

25 (12) июня съезд Советов постановил назначить манифестацию на 1 июля (18 июня), чтобы дать выход настроению масс и попытаться повести массы под лозунгами советского большинства. ЦК и ПК решили принять участие под теми лозунгами, которые были первоначально намечены к демонстрации. Состоявшаяся 1 июля (18 июня) демонстрация свидетельствовала о быстро растущем влиянии большевиков на массы. В Питере по сведениям «Правды» участвовало около полумиллиона демонстрантов, 90% из которых шли под лозунгами большевиков. «Известия» отмечали, с какой злостью демонстранты рвали изредка попадавшиеся знамена с выражением доверия Временному Правительству. В Москве и в большом числе крупных главным образом, пролетарских, центров демонстрации происходили почти целиком под большевистскими лозунгами.

Уроки 23 (10) июня и 1 июля (18 июня) свидетельствовали о росте организационного и идейно-политического влияния партии на стихийное движение широких слоев рабоче-солдатских масс. Революционное движение деревни еще сильно отставало от движения передовых масс. Июньские дни (если считать по старому стилю) обнаружили явный переход лидеров советского большинства на сторону контрреволюционной буржуазии. Мелкобуржуазные социалисты, спасшие власть буржуазии своим выступлением в коалиционном правительстве, так запутались в своей политике сотрудничества с капиталом, так привязали себя к капиталистам политикой сделок с буржуазией, что им ничего не оставалось, как стать на путь открытых заявлений, пока еще в форме угроз, о готовности применить насилие против передовых революционных масс и их партий. Насилие было, действительно, очень скоро применено после неудачного опыта наступления.

Свои угрозы оставить большевиков за пределами советской демократии и объявить их врагами революции Церетели и либералам не удалось провести в жизнь, как они того хотели, ибо они не встретили поддержки даже среди не-

большевистской части съезда, не говоря уже о том, что такого рода выпад против большевиков означал бы открытый и полный разрыв с революционными массами Питера.

ж) РЕВОЛЮЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ. ПАРТИЯ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

Если в первые месяцы после февраля революция на местах ушла дальше, чем в Ленинграде, то уже к июню соотношение стало меняться в сторону столиц: Москва, а особенно Ленинград, вновь ушли вперед, давая пример революционного настроения всей стране. Здесь острее кипела классовая борьба, здесь резче наметился водораздел между отдельными классами и их партиями, здесь, наконец, сконцентрировались наиболее выдержанные кадры большевистской партии. Все это вело к тому, что пролетариат столиц и ближайших округов быстрее освобождался от мелкобуржуазных иллюзий и яснее разбирался во всех сложных классовых взаимоотношениях. Уже встреча питерского пролетариата с представителями провинциальных Советов на I Съезде Советов показала, как далеко ушел Петроград от остальной России: перед съездом прошли десятки делегаций, приветствовавших съезд от многих сотен тысяч питерского пролетариата и требовавших передачи власти Советам, а сотни делегатов съезда упрямо продолжали голосовать за резолюции мелкобуржуазного блока, настаивавшего на соглашении с буржуазией. Особенно резко сказалось это противоречие в демонстрации 1 июля (18 июня), назначенной президиумом съезда, когда разве только одни делегаты съезда скромной кучкой шли под мелкобуржуазными знаменами, вся же остальная пролетарская и солдатская (крестьянская) масса шла под большевистскими лозунгами.

Но если Петроград ушел дальше в революции, чем провинция, то это отнюдь не значит, что на местах революция остановилась и революционный пыл иссяк. Напротив, объективный ход вещей создавал революционное настроение и на местах, все время толкая его вперед. Ни одна задача революции еще не была решена. Разруха, начавшаяся задолго до революции, не только не прекратилась в связи с переменой класса, ставшего у власти, но продолжала усиливаться. Она резче чувствовалась трудящимися массами по мере того, как им яснее становилось, что и оружие в руках у них, а значит, и фактическая власть у них же. Весь май, а особенно июнь, непрерывно шли стачки под лозунгами введения 8-часового рабочего дня и улучшения экономического положения рабочих масс. Донбасс не выходил из перманентного конфликта между рабочими и предпринимателями, Урал переживал волну забастовок, в Нижнем-Новгороде бастовало 20 000 рабочих Сормовских заводов, в Московском районе были настолько частые забастовки, что Московский Совет рабочих депутатов на своем пленарном заседании от 2 июля (19 июня), подчеркнув нарастание экономической борьбы, постановил принять ряд экстренных мер для борьбы с экономической разрухой и надвигающейся безработицей [1]).

Забастовочная волна разливалась на фоне непрерывно развивающейся аграрной революции: к июню уже 43 губернии были охвачены движением крестьян, подымавшихся против помещиков через голову своих руководителей, сидевших в Совете.

[1]) «Революция 1917 г.», т. I, стр. 33—34.

Рабочее и крестьянское движение в свою очередь влияло на армию, где к этому имелись и свои причины, создавшие движение в армии, главным образом — продолжение войны. «То один полк отказывается выступать из резерва на передовые линии, — сообщал комиссар 12-й армии военному министру в сводке от 7 по 29 июня ст. ст. [1]), то дивизия требует вне очереди смены, мотивируя усталостью, то части наотрез отказываются от занятий, боевой подготовки, и постоянно назревают непредвиденные случаи, которые приводят к самым острым выступлениям частей». Другие сводки сообщают о массовом дезертирстве из армии, о самовольных разжалованиях офицеров в рядовые солдаты, о повсеместном братании, о полном нежелании подчиняться командному составу. Армия уплывала из рук своих командиров, все резче становясь, как и вся страна, в оппозицию к буржуазному правительству, неспособному справиться с разрухой, продолжающему старую политику и войну.

Ленинград только о с т р е е чувствовал напряжение борьбы и яснее понимал, благодаря руководству большевистской партии, в чем причина зла.

После июньской демонстрации, показавшей, какая сила таится в пролетариате, ленинградские рабочие уже не прекращали своей борьбы. Не проходило ни одного дня без выступления по тому или иному поводу, причем все выступления неизменно принимали политическую окраску, за редкими исключениями, большевистского цвета. Газета «Правда», чутко следившая за настроением масс, сообщает краткую сводку рабочего движения за июнь: 15 (2) июня «Скороход» требует передачи власти Советам, 21(8) Обуховский завод на общем собрании заявил, что выход из кризиса в переходе власти к Советам, 23 (10) старый Парвиайнен настаивает на передаче власти Советам, 26 (13) 19 представителей заводских коллективов и 3 войсковых частей одобрили линию большевиков и т. д.

Среди рабочих, особенно металлистов, зрела и получала все большее распространение мысль о всеобщей стачке. Только собрание всех районных правлений союза металлистов совместно с представителями Совета, ВЦИК и всех политических партий 14 (1) июля удержало рабочих от стачки, считая ее несвоевременной. «Свергли старое правительство, сковырнем и Керенского»,— так характеризовал один солдат общее настроение ленинградских масс. Движение переливало уже через край, достаточно было малейшего толчка, чтобы взорвать накаленные массы и бросить их против Временного Правительства, правительства буржуазии.

Что корень зла в буржуазии — это буржуазия понимала не меньше, чем партия пролетариата. Едва ли меньше она также понимала, что в данный период революции силой ничего не добьешься: без чьей-либо, притом массовой, поддержки единовластия не установить. Наступление на фронте показало, что эту поддержку можно найти в мелкобуржуазных партиях.

Наступление вдвойне было выгодно буржуазии. Удастся оно — тогда восстановится полное доверие со стороны союзнической буржуазии, а внутри страны можно будет повернуть к старому: нельзя же вести войну, не имея зажатого в кулак тыла. Не удастся наступление — вину можно будет свалить на

---

[2]) Центрархив. «Разложение армии в 1917 г.», стр. 108.

большевиков и, расправившись с ними, двинуться дальше по пути «успокоения» страны.

Положение на фронте стало известно буржуазии из сводки генерала Брусилова: наступление, предпринятое с негодными средствами, проваливалось, катастрофа могла разразиться с минуты на минуту. Приходилось действовать наспех, пока еще плачевные результаты наступления не стали известны широким массам. Действовать приходилось еще потому, что близки были выборы в Учредительное Собрание: созыв Учредительного Собрания был назначен на 13 октября (30 сентября), а проваливающееся наступление и зловещие сведения из подымающейся деревни не оставляли сомнения в том, что крестьянское большинство Учредительного Собрания на много будет левее своих официальных вождей.

Придравшись к случайному поводу — несогласие с политикой Керенского и Терещенко в украинском вопросе, — кадеты, главная партия буржуазии, отозвали своих представителей из Временного Правительства 15 (2) июля. Шаг этот был рассчитан на то, что вожди мелкобуржуазных партий, хорошо осведомленные и в общем положении страны и в ближайшей военной катастрофе, побоятся взять власть в свои руки, будут цепко держаться за буржуазных представителей и потому согласятся на любые условия со стороны кадет. Среди этих условий основным было — разоружение народа, вывод революционных войск из Ленинграда и, главное, разгром большевиков. С этой целью уже давно был разработан обычный для буржуазии план, который собирались осуществить, как только явится удачный момент. Какой-то прапорщик 16-го Сибирского полка, позже оказавшийся охранником, показал, что еще 25 апреля по новому стилю он был переброшен немцами, к которым он попал в плен, «в тыл 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения мира с Германией». Он показал дальше: «Офицеры германского генерального штаба... ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России... и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Временному Правительству». На основании этого показания было сфабриковано дело по обвинению Ленина в шпионаже и вообще в деятельности в пользу Германии. Эти материалы еще 29 (16) мая были переданы Временному Правительству, но там их опубликование задержали до более подходящего случая.

Важно было, вызвав кризис в Правительстве, добиться от перепуганных мелких буржуа полноты власти, а затем, как в Париже в период революции 1848 г., спровоцировать выступление рабочих масс на улицу и одним ударом расправиться с рабочим движением.

Дело, однако, сложилось несколько иначе, чем рассчитывала буржуазия: кадетам пришлось встретиться не с кризисом в Правительстве, а с кризисом в стране. Известие об уходе кадетов из Временного Правительства было той искрой, которая взорвала настроение ленинградских масс. 16 (3) июля утром в 1-м пулеметном полку на собрании ротных и полкового комитетов, посвященном выборам делегатов в Исполком Совета, раздались голоса о необходимости обсудить вопрос о вооруженном выступлении. Предложение было подхвачено большинством присутствующих, которые

немедленно переизбрали председателя и открыли митинг. Настроение было настолько приподнятым, что после небольшого числа зажигательных речей было решено выступить в 5 часов вечера того же дня. Одновременно, вопреки попыткам большевиков удержать толпу от выступлений, были посланы делегаты во все другие полки, на ряд крупнейших заводов и в Кронштадт.

Делегаты всюду находили почву подготовленной.

«3 июля, около 2 часов дня, — рассказывает рабочий завода «Новый Парвиайнен» [1]),— пришло несколько товарищей из 1-го пулеметного полка и обратились с просьбой дать грузовик для пулеметов и поддержать их выступление против Временного Правительства... Созвали общее собрание рабочих. Собрание было очень бурное. Горячо и убедительно доказывали това-

Рабочие на демонстрации.

рищи-пулеметчики своевременность и необходимость свержения Временного Правительства и Керенского. Рабочие массы были настроены крайне революционно, забурлили как лава... Я уехал на квартиру за оружием. Когда приехал обратно, уже из ворот завода выезжали грузовики, на которых находились пулеметчики и часть наших рабочих».

Та же самая картина повторялась и на других заводах. К путиловцам тоже около 2 часов дня прибыла делегация пулеметчиков, рассказавшая о намерении Временного Правительства разгрузить Ленинград от революционных войск.

«Услышав это, — передает один участник митинга, — собравшиеся рабочие (около 10 тысяч) закричали: «Долой таких министров!» Далее пулеметчики заявили, что они сегодня высту-

[1]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 г.», Гиз, 1924, стр. 54.

пают в 4 часа на автомобилях с пулеметами. «Двинем, двинем», — закричали рабочие; члены заводского комитета пробовали убедить собравшихся, что надо действовать более организованно. Рабочие настаивали итти и вот в 4 часа собрались на улицах [1]).

Путиловский завод, насчитывавший более 30 тыс. рабочих, двинулся к Таврическому дворцу с женами и детьми, увлекая с собой по дороге другие заводы и воинские части.

Массы, стихийно вышедшие на улицу, однако, с самого начала движения пытались организоваться. Движимые постоянной привычкой к организованности, рабочие быстро избирали себе руководителей, создавали охрану, раздобыв для нее оружие, и немедленно вступали в связь с солдатами, внося и в их среду организованность.

«Кучка рабочих, — вспоминает другой участник событий, — подошла к баракам 180-го пехотного полка... там уже были рабочие Балтийского и других заводов Васильевского острова. Устроили митинг... Решили рабочим и солдатам выступить совместно и итти в центр города с лозунгом: «Долой войну и министров-капиталистов». Среди солдат было некоторое разногласие: брать ли оружие или выступать безоружными; победило первое мнение, и солдаты быстро разобрали винтовки и выстроились. Дежурный по полку прапорщик отказался вести полк, тогда быстро выбрали руководителя и командиров и тронулись в путь с плакатами: «Долой войну!» [2]).

Демонстранты направлялись обычно к дворцу Кшесинской, где помещался ЦК и ПК большевистской партии, а оттуда к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК, выбирали наскоро делегации, которые передавали ВЦИКу требование масс взять власть в руки Советов.

Всего в демонстрации приняло участие около 500 тыс. человек, подавляющая масса ленинградского пролетариата и крестьянской армии.

Партию большевиков это движение не застало врасплох. Как сознательная выразительница настроения рабочих масс, партия знала о процессах, происходящих в толще пролетариата. Мало того, партия готовила и поддерживала революционное настроение в массах, но не она вызвала массы на улицы именно в этот момент развития революции: большевики были против немедленного выступления. Еще 5 июля (22 июня) было созвано совещание из ЦК, ПК и военной организации [3]), на которое собрались не все представители, почему совещанию и был придан частный характер. Это совещание решило, что, несмотря на настроение солдат и рабочих масс, сейчас бой принимать невыгодно.

Осторожно и внимательно следя за маневрами своего противника, партия понимала, что кадетам выгодно вызвать на улицу неорганизованное движение и раздавить его до того, как оно охватит самые широкие массы трудящихся. Исторический опыт классовой борьбы учил партию большевиков, что в момент, когда движение только нарастает и имеет все шансы на дальнейший рост и вовлечение новых масс, невыгодно начинать драку. «Стреляйте первыми вы, господа генералы!» — говорил старик Энгельс прусскому правительству, когда, после отмены законов против социалистов, бурно росла германская социал-демократия и некоторым горячим головам казалось, что пришло время

---

[1]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 г.», Гиз, 1924.

[2]) Там же, стр. 47, 71.

[3]) «Пролетарская революция», № 5 (17) за 1923 г., стр. 111.

атаки. «Начинайте первыми вы, господа Столыпины», — твердил Ленин, когда, после разгона I Государственной Думы, по всей стране росло и ширилось возмущение рабочих и крестьянских масс. Партия, учитывая общую объективную обстановку, учитывая соотношение классов и настроение, сама должна выбрать наиболее удобный, стратегически и тактически, момент, когда взять инициативу в свои руки. В самое тяжелое положение попадает партия, принимающая бой, навязанный ей противником, занявшим наилучшее исходное положение. Перед июлем партия как раз столкнулась с таким положением: движение неудержимо шло вверх, втягивая все новые слои; каждый день революции приносил новые факты, разоблачавшие сущность Временного Правительства и роль при нем эсеров и меньшевиков; все новые пласты отрывались от мелкобуржуазного блока, убеждаясь в его соглашательской роли. Перед партией стояла задача охватить руководством вновь просыпающиеся слои, сплотить их вокруг единственного класса — пролетариата, способного решить задачи революции, поддерживать в них революционное настроение и не дать вовлечь себя в какое-нибудь выступление, не отвечающее интересам пролетариата.

«Социалистический пролетарит и наша партия, — писал Ленин незадолго до июльских дней, — должны собрать все свое хладнокровие, проявить максимум стойкости и бдительности: пусть грядущие Каверьяки начинают первыми... Пролетариат Петрограда... будет выжидать, копя свои силы и готовясь к отпору, когда эти господа решатся перейти от слов к делу» [1]).

Позже Ленин снова и снова успокаивает товарищей, чья разгоряченная кровь звала их в преждевременный бой:

«...мы понимаем горечь, мы понимаем возбуждение питерских рабочих. Но мы говорим им: товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции. Ближайшее время принесет крах политике правящих партий меньшевиков и эсеров, которым верит еще большинство народа. Необходимо суметь выждать этого времени. Силы нашей партии, силы интернационализма растут» [2]).

С другой стороны Ленинград не Париж, который в 1848 г. и даже в 1871 г. фактически представлял основную массу французского пролетариата. Как ни велик был удельный вес ленинградского пролетариата среди рабочих России, он один не мог решить судьбы всей революции. Думать, что Ленинград один может взять власть без таких рабочих центров как Урал, Донбасс, Центрально-промышленная область, без армии, где сконцентрированы миллионы солдат, — значит за деревьями Ленинграда не видеть леса всей России.

Был, наконец, еще один довод, который удерживал партию от выступления. Партия, как авангард пролетариата, понимала, что передать власть Советам можно было только через голову мелкобуржуазных вождей, что меньшевики и эсеры будут не меньше буржуазии протестовать против передачи власти Советам. Возможно пришлось бы даже не останавливаться перед арестом ряда виднейших членов обоих ВЦИКов, шедших на поводу у буржуазии,

[1]) т. XIV, ч. 1-я, стр. 257. Подчеркнуто нами.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 283. Подчеркнуто нами.

чтобы взять власть. Даже среди ленинградских рабочих и солдат не было полного сознания необходимости этой меры, существовали еще некоторые колебания, рабочие же и крестьянские массы провинции и армии полны были доверия к мелкобуржуазным вождям Совета. Армия ускользала из рук буржуазии, она у ж е не доверяла Временному Правительству, но е щ е находилась под большим влиянием своих комитетов, сплошь состоявших из меньшевиков и эсеров. Там, где командный состав бессилен был что-нибудь сделать, там комитетам еще удавалось ликвидировать конфликты и успокаивать солдатские массы. Поднять армию против ее комитетов, т. е. против нынешних руководителей Советов, было еще трудно. А настроение армейских комитетов полностью выразилось в постановлении, например, комитета третьей армии от 5 июля:

«Решительно протестуя против таких выступлений меньшинства, во главе с первым пулеметным полком, — гласит резолюция,— ясно представляя себе, чем руководствуется оно, выставляя крайние лозунги, что только трусость и страх перед окопами заставляют их выходить на улицу с оружием в руках, что голос действующей армии, неоднократно уже доходивший до них, не возымел надлежащего действия, опасаясь, что и впредь наши призывы останутся тщетными, мы, представители всей третьей армии, выражая свое полное доверие Центральному Исполнительному Комитету и тому Правительству, которое действует с ним в полном согласии, и з ъ я в л я е м с в о ю г о т о в н о с т ь в н у ж н ы й м о м е н т, п о з о в у Ц И К п о д д е р ж а т ь е г о, х о т я б ы и с и л о й о р у ж и я...» [1]).

Пусть резолюция не отражает полностью настроения солдатских низов, — в глубинах армии шел процесс отрезвления и высвобождения из-под влияния мелкобуржуазных партий, но на данном этапе революции этот процесс еще не закончился, и комитеты имели возможность привести в исполнение свою угрозу: как раз части, прибывшие с фронта и подавили окончательно июльское выступление.

Тот же процесс изживания мелкобуржуазных иллюзий шел и в провинции; в одних местах, где сильно было влияние пролетарской партии, он зашел уже далеко вперед, в других — только начинался. Один исследователь, изучавший июльские дни [2]), приводит резолюцию, принятую 15 (2) июля на общем собрании 2 000 углекопов в присутствии 5 000 человек после речей питерских меньшевиков:

«... с коленопреклонением и обнаженными головами, с поднятием правой руки мы все и 5 000 чел. совершаем величайший акт клятвы, мы клянемся своими детьми, богом, небом и землею и всем святым, что есть для нас на земле, что мы никогда не упустим добытую 28 февраля 1917 г. кровью свободу, веря в социалистов-революционеров и с.-д. меньшевиков, клянемся никогда не слушать ленинцев, потому что они, большевики-ленинцы, ведут своей агитацией Россию к гибели, тогда как с.-р. и с.-д. меньшевики, совместно в одном союзе, говорят: «земля народу, земля без выкупа, капиталистический строй после войны должен рухнуть, а вместо капитализма должен быть строй социалистический». Приветствуя блок с.-д. и с.-р., мы даем клятву следовать вперед за этими партиями, не останавливаясь перед смертью».

Исследователь, приведший резолюцию, конечно, прав, когда говорит, что от этих меньшевистских резолюций несет большевистским духом, но

---

[1]) «Центрархив, Разложение армии в 1917 г.», стр. 107.

[2]) Л и д а к, Июльские дни, «Очерки по истории Октябрьской революции», т. II.

п о к а рабочая масса продолжала верить меньшевикам, которые сумели бы их увлечь на разгром большевистского выступления.

Если бы выступление и оказалось удачным, а самый Ленинград захватить можно было легко,—то удержать за собой столицу и увлечь остальную страну — шансов было мало.

«... 3—4 июля восстание было бы ошибкой, — оценивал Ленин июльские дни [1]), — мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо д р а т ь с я, у м и р а т ь за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

2-я ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ 1/VII—3/VII.

ГРУППА УЧАСТНИКОВ

Володарский.

Томский.

Бокий.

СОЗДАВШИЙСЯ КРИЗИС ВЛАСТИ НЕ БУДЕТ РАЗРЕШЕН В ИНТЕРЕСАХ НАРОДА, ЕСЛИ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ГАРНИЗОН ТВЕРДО И ОПРЕДЕЛЕННО НЕМЕДЛЕННО НЕ ЗАЯВИТ О ТОМ, ЧТО ОНИ ЗА ПЕРЕХОД ВЛАСТИ К СОВЕТАМ Р. и С. Д. С ЭТОЙ ЦЕЛЬЮ РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ РАБОЧИХ И СОЛДАТ НА УЛИЦУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ВЫЯВЛЕНИЕ СВОЕЙ ВОЛИ. **(Из резолюции, принятой в 11 ч. 40 м. вечера 3/VII 1917 г.)**

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция... могли пойти и пошли бы на Питер».

За нами не было еще большинства к л а с с а, способного вести революцию, за нами не было еще большинства н а р о д а, готового поддерживать его, вот почему партия была против немедленного выступления.

Как раз в июльские дни [(14 (1)—16 (3)] заседала 2-я общегородская конференция петербургской организации. Когда получились первые сведения о стихийном выступлении масс на улицу, конференция заслушала информацию представителя ЦК т. Томского, сообщившего о ходе правительственного кризиса, о нараставшем движении и директиве ЦК. 16 (3) июля в 4 часа состоя-

[1]) Л е н и н, т. XIV, ч. 2, стр. 238.

лось заседание ЦК, на котором было решено воздержаться от каких бы то ни было выступлений и демонстраций. Сейчас же было написано небольшое воззвание и отправлено в «Правду» с тем, чтобы оно появилось в свет 17 (4) июля, а члены совещания и делегаты конференции, выполняя директиву ЦК, бросились по районам поставить в известность о решении большевиков и удержать массы от выступления. Но это оказалось уже невозможным: движение разворачивалось и разрасталось со скоростью лавины. Когда два товарища попробовали удержать солдат Московского полка и рабочих ближайшего района, то получили ответ: если бы мы лично вас не знали, то выгнали бы, как выгнали меньшевиков [1]).

У Нарвской заставы группа большевиков, организовав митинг, попробовала остановить уже вышедших рабочих, но рабочие, выслушав речи, в ответ двинулись к Таврическому дворцу, увлекая с собой и уговаривавших. Стало ясно, что движения не остановить, оно уже вышло из берегов. Надо было принимать какое-нибудь новое решение.

Рядовые члены партии, работавшие на выступивших заводах, часто на свой страх и риск принимали решение, подчеркивая тем самым насколько политически выросла партийная организация. Классовое чутье подсказало им, что стихийно вылившееся движение, предоставленное самому себе, будет разгромлено буржуазией, которая за минуты и часы тревоги расправится с неорганизованным движением с неменьшей жестокостью, чем французская буржуазия в июньские дни 1848 г. Рядовые члены партии, исчерпав все доводы против выступления, становятся во главе движения, берут в свои руки все руководство движением, окружают демонстрацию вооруженной красной гвардией, чтобы отбить охоту у буржуазных агентов спровоцировать бой, и быстро связываются с другими отрядами рабочих и солдат [2]).

Часам к 10 вечера во дворце Кшесинской снова собрались члены ПК, члены общегородской конференции и товарищи, вернувшиеся из районов с информацией. Было решено отказаться от старого решения и принять участие в движении, придав ему мирный и организованный характер, чтобы вывести рабочие и солдатские массы с наименьшими потерями из-под удара. Несколько позже в Таврическом дворце состоялось совещание членов ЦК, ПК, военной организации и междурайонного комитета. Совещание после непродолжительных прений, получив сведения о состоянии районов и решении общегородской конференции, отменило старое постановление ЦК, решило принять участие в движении и сообщить о новом постановлении в районы. Так как прежнее воззвание уже было отпечатано, то 17 (4) июля «Правда» вышла с белым листом, а новое воззвание, с призывом к мирной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам», вышло особым листком.

Руководство движением перешло в руки большевиков, а военная организация партии взяла на себя все руководство демонстрацией.

Меньшевиков и эсеров известие о выступлении рабочих и солдатских масс застало на заседании, посвященном вопросу об уходе кадет из правительства.

---

[1]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов, в 1917 г.», стр. 68.

[2]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов, в 1917 г.», стр. 57.

«Открывалась возможность, — характеризует момент официальный орган меньшевиков [1]), — поставить на место кадет людей, настроенных более демократически, людей, с которыми наши товарищи-социалисты могли бы с большей легкостью добиваться разрешения очередных задач революции.

И кто смел сомневаться, что наши товарищи, только что облеченные доверием Всероссийских Съездов... не сумеют использовать эту возможность, не сумеют добиться более демократического правительства.

А вместо этого?

Вместо этого мы получили попытку вооруженных солдат нескольких полков заставить и товарищей министров и ЦИК разрешить кризис по рецепту «Правды», — по рецепту, только что отвергнутому огромным большинством Всероссийского Съезда Советов»...

Мелкобуржуазные вожди собирались вести революцию вперед путем изменения персональных комбинаций в правительстве — вместо кадета, оказавшегося более правым, посадить кадета чуточку полевее — и тем «добиться более демократического правительства», когда с улицы ворвался революционный шторм — живое свидетельство идущей вперед революции.

Расчеты кадет в отношении меньшевиков и эсеров более чем оправдались. Мелкобуржуазный блок не только согласился помочь кадетам разгромить революцию, но сам выступил в активной роли палачей революции. Уже в первых всплесках революционного выступления меньшевики и эсеры разгадали объективный смысл движения. 18 (5) июля на объединенном заседании ЦИКов член президиума Саакиан разболтал это.

«Тов. Мартов не знает психологии Петрограда, — говорил этот социалист, — сегодня низвергнут трех министров-капиталистов, а завтра Чернова и Церетели, а послезавтра и нас, вместе с т. Мартовым. Положение петроградского пролетариата тяжелое — это взрывчатый материал. В Петрограде авторитетны Ленин, Коллонтай, Троцкий, но провинция с ними не помирится».

Почувствовав под ногами раскаленную почву, мелкобуржуазные вожди заметались в поисках вооруженной силы. Весь день 16 (3) июля, — сознался в этом другой видный член ВЦИКа, меньшевик Войтинский, — ушел на то, чтобы стянуть войска к Таврическому дворцу.

«Мы вызывали их, — говорил он, — не демонстрировать броневики, а как боевую силу. У нас было твердое решение в случае насилия со стороны вооруженной банды — о т к р ы т ь огонь».

В тот же день была послана армейскому комитету 5-й армии телеграмма с требованием прислать войска с фронта для подавления движения. Меньшевики и эсеры в вопросе снятия войска с фронта для разгрома революции меньше колебались, чем Николай Романов в последние дни своего царствования: взбешенные мелкие буржуа проявили больше реакционности, чем старые представители реакции.

Одновременно была принята резолюция и разослана во все части Петрограда [2]):

«... выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна

[1]) «Рабочая Газета» от 5 июля 1917 г., № 98, ст. «Где выход?».

[2]) «Известия» от 4 июля 1917 г.

воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами.

Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы объявим изменниками и врагами революции. К исполнению настоящего постановления будут приняты все меры, находящиеся в нашем распоряжении».

Воззвание, в котором рабочие и солдаты назывались контрреволюционерами, сыграло роль масла, подлитого в огонь: на улицу 17(4) июля высыпал весь рабочий и солдатский Ленинград. Массы, организованные военной организацией партии большевиков, шли со всех концов города к Таврическому

дворцу, выделяли делегацию для передачи своих требований и, после митинга, также организованно расходились по районам.

На объединенном заседании ЦИКов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, шедшем весь день 17 (4) июля, присутствовало 90 представителей от 54 заводов и фабрик. Дадим слово только одному из них:

«Я тоже представитель 54 заводов. Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах. Каковы решения, вынесенные рабочими? Вы знаете эти резолюции. На заводах нам грозит голод. Мы требуем ухода 10 министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи министры-социалисты пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты — наши кровные враги. Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учрежден контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим нам голодом» [1]).

[1]) Архив Октябрьской революции, «Рабочее движение в 1917 г.», стр. 144.

Вид сотен тысяч демонстрантов, ощетинившихся штыками, не предрасполагал к особенно решительным действиям меньшевиков и эсеров, не имевших к тому же еще вооруженной силы. Приходилось маневрировать и выжидать поддержки. Вместо резкого отпора, какой следовало ожидать после вчерашней резолюции, заседание приняло поздно ночью несколько уклончивую резолюцию:

«...обсудив кризис, созданный выходом из состава правительства трех министров, объединенное собрание... признает, что уход кадетов ни в коем случае не может считаться поводом для лишения правительства поддержки революционной демократии, но что вместе с тем уход этот дает демократии основание для пересмотра своего отношения к организации правительственной власти. (Не беря на себя решение) собрание постановляет: созвать через две недели полное собрание Исполнительного Комитета с представителями мест для решения вопроса об организации новой власти... Вместе с тем, охраняя волю всероссийской демократии, собрание подтверждает, что до нового решения полным составом Исполнительного Комитета вся полнота власти должна оставаться в руках теперешнего правительства... Если бы революционная демократия признала необходимым переход всей власти в руки Советов, только полному собранию Исполнительных Комитетов может принадлежать решение этого вопроса» [1]).

Принимая эту резолюцию, рассчитанную на усыпление революционного настроения, на выигрыш времени, блок за спиной демонстрантов развил самую бешеную работу по стягиванию боевых сил.

В Архиве Октябрьской революции сохранилась часть документов, рисующая всю закулисную подготовку мелкобуржуазных вождей [2]). Весь день, куда только можно было, рассылались требования на броневики, вооруженные отряды, даже на пушки. За подписью самого Чхеидзе в орудийный завод прибыла записка выдать 3-дюймовое орудие с передком и снарядами.

По мере того, как выяснялись ход подготовки вооруженного подавления демонстрации и переброска войск с фронта, росла и решимость меньшевиков и эсеров. Лучше всего характеризует рост этой решимости факт, рассказанный т. Раскольниковым, руководителем кронштадтских моряков [3]). Уже после решения ЦК прекратить демонстрации, т. Раскольников явился в «военную комиссию», назначенную ВЦИКом, чтобы договориться с ней об отправке матросов в Кронштадт. Там он договорился с членом комиссии Богдановым, что кронштадтцы, сложив оружие на подводы, без оружия пойдут по городу к пристани, где сядут на пароходы. Соглашение было утверждено всей «военной комиссией». Однако через некоторое время т. Раскольникова снова вызвали в «комиссию», где Либер, председательствовавший в ней, предложил им новый ультиматум: к 10 часам следующего утра сдать оружие. Ссылка на только что заключенное соглашение прошла мимо ушей.

Скоро, однако, т. Раскольников снова был вызван в комиссию, которая сократила срок ультиматума до 2 часов. Наконец его вызвали в третий раз и заявили, что срок ультиматума вовсе отменяется, и ответ должен быть дан немедленно.

Прибытие войск позволило прекратить игру и перейти к действию. К концу дня бюро ВЦИКов одобрило все мероприятия правительства «по вос-

---

[1]) Архив Октябрьской революции, «Рабочее движение в 1917 г.», стр. 142.

[2]) Опубликованы в «Красном архиве» № 18, стр. 216—219.

[3]) «Пролетарская Революция» № 5 (17) за 1923 г., стр. 80—83.

становлению и поддержанию революционного порядка в Петроградском военном округе» и для «согласования действий в намеченном направлении» с Временным Правительством выделило Авксентьева и Гоца.

Наделив Временное Правительство чрезвычайными полномочиями для разгрома движения, меньшевики и эсеры указали, куда следует бить, чтобы вернее разгромить революцию. На соединенном заседании обоих ЦИКов после июльских дней Дан выступил с следующим заявлением:

«То, к чему призывал нас т. Керенский,— говорил он,— нами уже исполнено. Мы не только готовы поддержать Временное Правительство, мы не только делегировали ему всю полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью Правительство пользовалось... Сегодня утром в заседании фракций с.-р. и меньшевиков... была принята резолюция, которую мы предлагаем собранию и уверены, что оно ее примет» [1])...

Дальше была оглашена резолюция с требованием суда над большевиками, явки на суд Ленина и Зиновьева, отстранения всех подлежащих суду из состава Советов и безусловного подчинения всех членов Совета решению его большинства.

Вся глубина падения мелкобуржуазных партий выразилась в этом акте. Он, однако оказался не единичным. В реакционном органе буржуазии «Но-

вом времени» 21 (8) июля появилась статья «Надо отмежеваться!» [2]) с требованием «решительными мерами отмежеваться от преступного большевизма и поставить себя выше подозрений в товарищеском покровительстве Ленину». А уже 24 (11) июля под радостный вой буржуазии [3]) меньшевики опубликовали воззвание ко всем членам партии [4]) от имени Организационного Комитета (игравшего роль ЦК) РСДРП.

«Преступная авантюра, затеянная ленинским штабом, могла приобрести такие размеры и стать опасной для дела революции только потому, что за этим штабом пошли значительные слои рабочих и что с.-д. оказалась слишком слабой, чтобы парализовать демагогию своим ор-

[1]) Цитируем по «Новой жизни» № 74 от 14 (27) июля 1917 г. Подчеркнуто нами.
[2]) «Новое Время» № 14821 от 8 (21) июля за подписью Гофштетер.
[3]) См. «Новое Время» № 14824 от 12 (25) июля, ст. «С.-д. отрекаются от Ленина».
[4]) Перепечатано в «Рабочей Газете» от 11 июля, № 103.

ганизованным вмешательством... Пора уже сказать громко и ясно, что «большевизм», выразителем и вождем которого является Ленин, настолько далеко ушел от социал-демократии, настолько пропитался анархо-синдикалистскими идеями, что только по недоразумению, по какой-то силе инерции прикрывается еще знаменем РСДРП».

Меньшевики и эсеры закончили полный цикл своего развития, завершив период соглашения с буржуазией окончательным переходом в лагерь буржуазии.

Мы уже говорили, что в расчеты буржуазии составной и очень веской частью входило спровоцировать выход народных масс на улицу, чтобы разом покончить с движением. То обстоятельство, что демонстрации подверглись обстрелу в ряде районов с особо-приспособленных мест (обыски, произведенные демонстрантами, обычно кончались находкой пулеметов или другого огнестрельного оружия офицеров, открывших стрельбу), подтверждало наличие провокации: исполнители в длительной заблаговременной подготовке хорошо изучили свою роль и начали игру без руководства режиссеров, не ожидавших такого развития событий. Но буржуазия предполагала провести в жизнь свой план вызова масс на улицу после получения полноты власти и после подготовки вооруженной силы; она предполагала действовать с полной уверенностью в успехе, но в данный момент оказалась как раз наименее подготовленной. Лидер буржуазии Милюков, чаще других настаивавший на решительных мерах против революции, рассказывает, как мало буржуазия оказалась подготовленной именно в этот момент.

Ленин, загримированный рабочим.

«Был момент, — пишет он [1]), — когда положение Правительства казалось безнадежным. Преображенцы, семеновцы, измайловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили Правительству, что они сохраняют «нейтралитет».

Не было частей, на которые можно было опереться.

Если бы правительство собиралось вызвать массы в эти дни, то прежде всего позаботилось бы отрезать Питер от Кронштадта, бывшего почти полностью в руках революционных масс. Единственной мерой оказалась телеграмма

[1]) Милюков, История второй русской революции, т. I, стр. 243.

помощника морского министра Дудорова, приказавшего подводным лодкам топить всякое судно, которое попытается выйти из Гельсингфорса, где стоял весь флот. Но и это была частная инициатива, Правительство же не попыталось даже установить пушки на берегу морского канала, чтобы закрыть вход кронштадтцам, ехавшим в Питер на густо набитых безоружных пароходах.

Но положение спасли меньшевики и эсеры. Под их прикрытием буржуазия, растерявшаяся вначале, собралась с силами, а затем перешла в атаку. Давно заготовленное оружие пускается в ход: в полках, соблюдавших нейтралитет, читаются фальшивки о Ленине и Зиновьеве, как немецких агентах. В специально выпущенной газетке бывший большевик Алексинский, давно скатившийся в лагерь контрреволюции, опубликовывает эти документы, а на следующий день, убедившись в том, какое сильное впечатление это произвело на малосознательную массу, буржуазия печатает документы во всех газетах.

Нейтралитет полков с помощью мелкобуржуазных лидеров удается сломить, а к вечеру 17 (4) июля пришли с фронта кавалеристы, казаки и из ближайших районов юнкера.

Начались репрессии. 18 (5) июля группа юнкеров разгромила редакцию «Правды», арестовав часть караульных и служащих, а на другой день произведен был и разгром большевистской типографии «Труд» [1]), купленной на деньги, собранные у рабочих. 19 (6) июля занимается дом Кшесинской, где помещаются все большевистские центры, и в тот же день отдается приказ об аресте Ленина и Зиновьева.

Дальше все идет по плану, разработанному уже давно. Петроград освобождается от революционных войск: 20 (7) июля Временное Правительство постановило расформировать все воинские части, «принявшие участие в мятеже 3, 4 и 5 июля... и личный состав их распределить по усмотрению военного и морского министра». Одновременно буржуазия приступает и к планомерному разоружению всех заводов и фабрик, тщательно вылавливая всех заподозренных в большевизме.

Это была, однако, только часть плана — разгром большевиков. Используя удачно сложившуюся обстановку, буржуазия кует пока горячо, лихорадочно закрепляя свои позиции.

На совещании членов Государственной Думы, вновь воскресшей, депутат А. М. Масленников громко высказал то, что тайно давно подготовлялось:

«Нужно найти пути спасения России. Страна гибнет, армии нет, промышленность дезорганизована... В этом виноваты фантазеры, сумасшедшие люди... предатели, вроде Ленина и К°, продавшие Россию немцам...

Благодаря Думе, действительно, совершилась революция, но в этот великий трагический момент истории к революции примазалась кучка фанатиков, проходимцев и предателей, назвавших себя Исполнительным Комитетом Советов Р. и С. Д. Спасти Россию может только Дума. И я рекомендую... вызвать всех членов Государственной

---

[1]) Любопытно отметить, что к этому делу в известной мере приложили руку и советские лидеры: заведующий типографией, заметив группирующихся вокруг здания хулиганов, обратился в Исполнительный Комитет с просьбой прислать караул. Взвод кавалеристов с 2 офицерами, присланный Исполкомом Совета, собственно... и произвел разгром типографии.

Думы не на частное, подпольное где-то заседание, а на настоящее заседание Государственной Думы. Потребовать, чтобы сюда явилось все Правительство целиком и доложило о состоянии страны» [1]).

Дело идет уже о разгроме всех завоеваний революции, не только о разгоне большевиков. Через несколько дней после июльских дней под подозрением очутились и сами обвинители: из Временного Правительства уходит министр Чернов, против которого началась травля буржуазных газет.

Вся полнота власти перешла, наконец, в руки буржуазии.

В чем, однако, значение июльских дней?

Движение, кончившееся поражением, оказалось победой одержанной революцией на пути перерастания ее от стадии буржуазной в социалистическую. Буржуазия несколько переоценила свой успех: за внешними, поверхностными, легко уловимыми перестановками она не заметила глубокого внутреннего процесса в расстановке классов. Как самодержавие в январские дни 1905 г., разгромив мирную демонстрацию, расстреляло не рабочее движение, а веру рабочих в царя, так и буржуазия, подавив июльское выступление, разбила не рабочую революцию, а доверие, даже не к себе — оно давно было утеряно, — а к мелкобуржуазным лидерам.

Среди сотен тысяч демонстрантов огромная масса была рядовых эсеров и меньшевиков. Эта масса вместе с многими тысячами беспартийных, доверчиво относившихся к мелкобуржуазному блоку, увидела в неприкрытом виде все его предательство. Июльские дни вбили клин между верхами и низами: в то время как верхи скатились в лагерь буржуазии, низы колебнулись в сторону пролетариата, в сторону единственной партии, оставшейся с народными массами. Ряды большевистской партии начали быстро пополняться. До июля на фабрике «Скороход» было около 100 большевиков, после июля это число увеличилось на 100% [2]).

В Ленинграде за три недели число членов партии увеличилось на 2 500 человек [3]).

Рост партии и ее влияние среди рабочих видны и по выборам на фабриках и заводах на различные должности. Выборы уполномоченных в больничную кассу заводов Нового и Старого Лесснера дали такие результаты: из 100 уполномоченных было выбрано 15 эсеров, 5 меньшевиков и 80 большевиков. До этого большевиков среди уполномоченных было меньше половины.

На заводе Эриксон из 60 уполномоченных избрано было 7 меньшевиков, 14 эсеров и 39 большевиков.

На заводе «Треугольник» из 100 уполномоченных избрано 65—70 большевиков, а раньше большинство было в руках эсеров.

Те же результаты дали и перевыборы в Советы.

На Франко-русском заводе избрали трех депутатов-большевиков, вместо прежних эсеров и меньшевиков.

На заводе Лангензиппен вместо прежнего депутата-эсера избран был большевик и т. д. [4]).

---

[1]) Цитируем по «Единству», № 93 от 19 июля 1917 г.

[2]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть, в 1917 г.», стр. 49.

[3]) Из доклада т. Володарского на VI съезде партии. Протоколы, 1919 г., стр. 44.

[4]) См. «Новая жизнь» № 91 от 3 (16) августа 1917 г.

Рабочие рвут с обанкротившимися партиями и уходят к большевикам. Если они еще и не входят в партию, чему виной бешеные репрессии, обрушившиеся на партию, то значительно освобождаются от своих мелкобуржуазных иллюзий, от доверия к мелкобуржуазным лидерам.

В провинции события развернулись иначе. В Москве, например, где большевики никак не могли связаться ни по телеграфу, ни по телефону с Ленинградом, Совет получил сведения о движении от лидеров ВЦИКа, в руках которых остался и телефон и телеграф. Предупрежденный ими Московский Совет успел подготовиться и запретил всякие демонстрации. Демонстрация, организованная большевиками, все же состоялась, хотя и в очень невыгодных условиях: демонстрация была окружена враждебно-настроенной толпой, среди которой много было эсеров и меньшевиков и даже членов Совета.

Более удачно прошли демонстрации, проведенные по директиве Областного Комитета, в Центрально-промышленном районе: в Иваново-Вознесенске демонстрировало 40 000 чел., в Шуе — 15 000, в Коврове — 20 000 и т. д., причем в Иванове власть в эти дни фактически находилась в руках рабочих [1]). Демонстрация поддержки питерского пролетариата состоялась в Красноярске, в ряде городов Поволжья, в Грозном, в Риге и т. д.

Результат всюду был один и тот же: рабочая масса после первых дней разгула репрессий как бы уходила в себя, а затем, поразмыслив, мало-по-малу переходила к большевикам.

«Сделали доклад о питерских событиях, — рассказывал депутат из Грозного на VI съезде, — и что же? Со стороны эсеров и меньшевиков ни единого звука: они были побиты. После этого травля прекратилась, и, больше того, эсеры стали записываться в нашу организацию. Июльские события как бы откристаллизовали нашу партию: записываться шли убежденные рабочие, которые от партии не откажутся».

«Эсеры имеют большое значение, — докладывал представитель Донбасса, — но после событий 3—5 июля замечается отлив рабочих и из эсеровских организаций к нам... Видные эсеры перешли в нашу организацию и говорили, что правящие классы предали интересы рабочих» [2]).

Свидетельством разложения мелкобуржуазных партий является и рост в них оппозиции: у меньшевиков усиливается левое крыло, лидер которого Мартов даже выступал в дни движения с предложением передать власть Советам; среди эсеров крепнет и усиливается течение левых эсеров.

Июльские дни, таким образом, явились образцом умело проведенной тактики единого фронта: показав массам буржуазную сущность их лидеров, партия большевиков оторвала много рядовых работников от вождей эсеров и меньшевиков.

Июльское движение вызвало то, что потом часто повторялось в истории партии: классовым чутьем почуяв опасность, грозящую пролетарской партии, пролетариат теснее сплачивается вокруг своей партии. За июлем последовала первая «партийная неделя», когда пролетариат массами стал вливаться в партийные ряды.

---

[1]) Доклад т. Бубнова на VI съезде. Протоколы, стр. 71. См. также: «Рабочее движение в 1917 году».

[2]) Протоколы VI съезда, стр. 84 и 48.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФРОНТОВЫХ И ТЫЛОВЫХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Р. С.-Д. Р. П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

Г. Е. Зиновьев

Н. В. Крыленко

И. В. Сталин

Делегаты от 43 фронтовых 17 тыловых организаций, всего 107 делег. представ. 26.000 членов партии.

В. И. Ленин

Порядок дня конференции

	Докладчики:
1. Доклады с мест.	
2. Отношение к резолюции Всерос. конфер. Р. С.-Д. Р. П.	Зиновьев
3. Организация власти и Советы Раб. и Солд. Деп.	Ленин
4. Война, мир, наступление.	Крыленко и Розмирович
5. Национальное движение и национальные полки.	Сталин
6. Демократизация армии.	Крыленко
7. Цели, задачи и форма военной организации.	Подвойский и Невский
8. Аграрный вопрос.	Ленин
9. Общероссийская солдатская и крестьян. газета.	Невский
10. Всеобщее вооружение народа.	Дашкевич

Н. И. Подвойский

Невский

Дашкевич

Розмирович

Но июльские дни, вместе с тем, показали и политическую зрелость партии большевиков. Тот крутой и резкий поворот в ходе революции, каким были июльские дни, не мог не вызвать разногласий в массовой партии. Были отдельные товарищи, особенно среди работавших в солдатской массе, которые считали возможными более решительные действия вплоть до захвата власти.

Тов. Подвойский рассказывает, что на Всероссийской конференции военных организаций 29 (16) июня, где было 160 делегатов, представлявших 26 000 организованных в ячейки солдат, «часть петербургского гарнизона готова была видеть в конференции же и тот орган, который должен стать во главе восстания, и усиленно агитировала в этом смысле на конференции» [1]).

Что среди работников «военки», как называлась военная организация, было такое настроение, подтверждает и отношение к ней рабочих.

«После июльского поражения, — пишет один путиловец [2]), — на военку посматривали не очень дружелюбно не только товарищи из верхов нашей партии, но и некоторые районные партийные комитеты».

На VI съезде партии т. Ларин, выступавший от той части меньшевиков-интернационалистов, которая окончательно порвала с оборонцами и решила слиться с большевиками, тоже подтвердил невыдержанный характер выступлений ряда членов военной организации.

«У нас есть элементы, — говорил т. Ларин на съезде, — опасающиеся слишком большой уступчивости большевиков по отношению к военной организации. Мы знаем, что во время движения 3—5 июля политическая власть партии агитировала против выступления, военная организация призывала к выступлению» [3]).

Само собой разумеется, что на категоричность, с которой т. Ларин говорил о призыве военной организации к выступлению, не мало влияния оказали меньшевистские слухи и обывательские размышления (например у Суханова), противопоставлявшие военную организацию центральным органам партии. Даже следственный материал Временного Правительства все свое обвинение строил на каких-то документах военной организации, захваченных в доме Кшесинской.

Но несомненно, что отдельные товарищи из военной организации, отражая нетерпение крестьянских масс, владевших оружием и считавших это самым веским доказательством зрелости и подготовленности выступления, стояли, вопреки мнению ЦК, за немедленное выступление.

Наряду с этим находились товарищи, которые, не понимая сущности движения, высказались за воздержание партии от участия в движении, отдавая его тем самым на расправу буржуазии.

«Он, — пишет т. Флеровский о выступлении т. Каменева на заседании партийных центров 16 (3) июля в Таврическом дворце [4]), — предлагал ограничить выступление митингами в районах».

Но организованного оформления, даже вообще какого-нибудь серьезного влияния, эти взгляды не получили. В эти бурные дни, полные сложнейшей ситуации, партия действовала дружно и быстро: те десятки тысяч новых членов партии, которые вошли в нее после Февраля, настолько быстро переварились в партии, что ей было обеспечено полное единодушие в ее труднейших тактических маневрах.

---

[1]) «Красная летопись» № 6 за 1923 г., стр. 77.

[2]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 г.», стр. 43.

[3]) Протоколы, стр. 64.

[4]) «Пролетарская революция» № 7, 1926 г., стр. 75.

ШЕСТОЙ СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П. (БОЛЬШЕВИКОВ) 26 ИЮЛЯ (3 АВГУСТА) 1917 ГОДА.

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА

1) Ломов, 2) Ольминский, 3) Свердлов, 4) Сталин, 5) Юренев.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ (НАХОДИВШИЕСЯ В ТЮРЬМАХ ИЛИ ПОДПОЛЬЕ)

Ленин.

Луначарский.

Каменев.

Зиновьев.

Троцкий.

Коллонтай.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ:

«УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО РАБОЧЕГО КОНТРОЛЯ... В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С ТАЙНЫМИ И ЯВНЫМИ ЛОКАУТАМИ, ИЗДАНИЕ ЗАКОНА С ЗАПРЕЩЕНИЕМ ЗАКРЫТИЯ ФАБРИК ИЛИ СОКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ, ПРОФСОЮЗОВ И ЦЕНТРАЛЬНОГО ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО КОМИТЕТА».

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ:

«ЛОЗУНГ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ СОВЕТАМ, ВЫДВИНУТЫЙ ПЕРВЫМ ПОДЪЕМОМ РЕВОЛЮЦИИ... БЫЛ ЛОЗУНГОМ МИРНОГО РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ... ПРАВИЛЬНЫМ ЛОЗУНГОМ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МОЖЕТ БЫТЬ ЛИШЬ ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ДИКТАТУРЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ»...

Наконец июльские дни наглядно ответили широким рабочим и крестьянским массам на коренной вопрос всякой революции, — в чьих руках власть? До этого времени трудно было сказать, где собственно власть. Своеобразие момента как раз и состояло в наличии двоевластия: формальная власть находилась в руках Временного Правительства, которое без утверждения Совета, представлявшего вооруженные массы, не могло предпринять ни одного решения. Это и определяло всю тактику нашей партии, рассчитывавшей на мирное развитие революции: Советы могли взять власть мирно.

Июльские дни коренным образом изменили всю обстановку: власть перешла в руки буржуазии, что осязаемо ощутили массы рабочих и крестьян.

«Движение 3 и 4 июля было последней попыткой, — оценивал июль Ленин [1]), путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Выработкой новой тактики для этого нового периода революции занялся VI съезд партии.

3) VI СЪЕЗД ПАРТИИ И КУРС НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

VI съезд партии собрался и работал в Ленинграде с 8 августа (26 июля) по 16 (3) августа 1917 года. К этому времени партия представляла собою огромный коллектив в четверть миллиона членов, распределенных по областям следующим образом:

Ленинград (в ПК — 36 000, у междурайонцев — 4 000, в военной организации — 1 000)	41 000	членов
Москва с районами	50 000	»
Урал	24—25 000	»
Донецкий бассейн	16 000	»
Киев с районами	10 000	»
Кавказ	9 000	»
Финляндский район	12 000	»
Прибалтийский край	14 000	»
Поволжье	13 000	»
Одесский район	7 000	»
Сибирь	10 000	»
Минский район	4 000	»
Военные организации	26 000 [2])	»
Архангельский район	1 500	»

Все эти цифры, указанные т. Свердловым на съезде, являются минимальными, но и они говорят о бурном росте партии: на апрельской конференции было представлено 78 организаций с 80 000 членов партии, а к VI съезду в партии насчитывалось 162 организации с 240 000 членов. За каких-нибудь 3 месяца

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 50.

[2]) В докладе т. Свердлова указана цифра 22 000, мы пользуемся цифрой докладчика военной организации.

партия выросла втрое. К этому же времени партия имела 41 печатный орган с ежедневным тиражем в 320 000 [1]).

О влиянии партии на рабочую и крестьянскую массу можно судить по тому, например, что Московская организация, насчитывавшая 15 000 человек, при выборах в Думу, в условиях травли большевиков, собрала 75 000 голосов. Если даже брать меньшую пропорцию, то, не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что круг сочувствующих партии и поддерживающих ее лозунги уже перевалил за миллион.

О размахе работы, глубине проникновения в гущу рабочих и охвате широких масс дают представления доклады с мест, которым съезд уделил добрую часть своего времени.

Больше всего сил и внимания партия уделяла работе в Советах, в этих массовых политических организациях.

Ставя себе задачей завоевать большинство в Советах, партия использовывала всякий политический момент, чтобы разоблачить мелкобуржуазных руководителей Советов в глазах широких масс. Постоянная, длительная, бьющая в одну точку работа мало-по-малу вскрывала противоречие между классовым положением объединенных в Советы рабочих и крестьян и их добросовестным заблуждением в роли меньшевиков и эсеров. Там, где большевики получили большинство в руководящих органах Советов, там Советы давно перешли к творческой работе. Так Красноярский Совет взял в свои руки борьбу с экономическим кризисом: Совет ввел карточную систему не только на продукты питания, но и на мануфактуру и др. предметы первой необходимости. Эта мера, не увеличив, понятно, количества продуктов, задержала, однако, рост цен, чем и внесла успокоение в настроение населения.

Но и там, где партии не удалось получить большинство в руководящих органах Совета, партия уже вела за собой массы, заставляя и мелкобуржуазных лидеров отступать под напором рабочих. Московский Совет, например, целиком находился в руках мелкобуржуазного блока и тем не менее голосовал за большевистскую резолюцию протеста против смертной казни, — настолько сильно было возмущение рабочих против введенной Временным Правительством меры.

С какой настойчивостью завоевывала партия массы, показывают съезды Советов в Финляндии. На I съезде из 106 делегатов только шесть было большевиков, на II — из 147 уже 19, причем уже на самом съезде продолжался рост влияния партии: за первую большевистскую резолюцию голосовало 19 человек, за вторую — 23, а за третью — 30 и за четвертую — 40 [2]).

Против идущего снизу напора масс мелкобуржуазные лидеры имели только одну плотину, тщательно ее оберегая: лидеры всячески оттягивали или задерживали перевыборы Советов, потому что при перевыборах они теряли свое большинство.

Но партия умела обходить и это препятствие, заставляя настроение масс переливать через плотину.

---

[1]) Протоколы, стр. 130.

[2]) Протоколы, стр. 68.

Москвичи, например, создали себе опорные пункты против Московского Совета в районных Советах. Из 10 районов 6 находились под непосредственным влиянием большевиков, принося крайне неожиданные решения оборонческому Московскому Совету. «За последнее время, — докладывал также делегат из Финляндии, — Областной Исполнительный Комитет принимает такие резолюции, что лидеры меньшевиков рвут на себе волосы» [1]).

Тот политический капитал, который приобрела партия за годы упорной работы в рабочих массах, приносил теперь огромные проценты: рабочие, видевшие, что и в период наступления и в момент отступления их пролетарская партия всегда с ними, отдавали руководство собой партии большевиков и массами вливались в партийную организацию.

Другим пунктом, которым овладела партия, были профессиональные союзы и, особенно, заводские комитеты.

Профессиональные союзы после Февральской революции росли с неимоверной быстротой, вовлекая в свой состав огромные кадры рабочих. Уже к июлю месяцу союз металлистов в одном Ленинграде насчитывал 130 тысяч членов, а по всей России более 400 тысяч.

Бедная силами, к тому же на $^2/_3$ пополнившаяся новым набором, партия не имела еще возможности бросить на профработу многих своих членов. Но профсоюзы, сталкиваясь постоянно с практическими потребностями рабочего движения, самим ходом событий становились на большевистскую платформу. Так воззвание ЦК партии с призывом к июньской демонстрации было подписано и Центральным Бюро профсоюзов. Это было подчеркнуто и отношением к профсоюзам со стороны буржуазии: наряду с разгромом большевистских организаций, были разогнаны и районные организации профессиональных союзов, как поддерживавшие большевиков. Заводские же комитеты находились под безраздельным руководством партии. Не случайно, когда после июльских дней стал вопрос, кому возглавить движение вместо обанкротившихся Советов, Ленин останавливал свой выбор на фабрично-заводских комитетах. Руководство ими облегчалось тем, что партии не приходилось выделять специальных работников: тот, кто работал на заводе, тем самым входил в работу своего заводского комитета, а непосредственная связь комитета, решавшего самые насущные нужды, с рабочей массой, делала и доступ к ней членов партии особенно удобным.

Большое внимание уделяла партия и работе в муниципалитетах. На городские думы падала непосредственная работа по хозяйственной жизни города. Если завкомы и профсоюзы обеспечивали партии связь с рабочими массами, то через думы партия связывалась с мелкобуржуазными слоями трудящихся. В думах было особенно удобно на мелочах городского хозяйствования, затрагивавшего всю бытовую жизнь трудящегося, показать, что меньшевики и эсеры — социалисты только на словах; на деле они предают интересы не только рабочих, но и трудящихся слоев мелкой буржуазии.

Большевистская фракция Московской Думы потребовала, чтобы Дума, где большинство имели социалисты, конфисковала немедленно все монастырские и церковные имущества. Меньшевики и эсеры испугались этого предложения,

---

[1]) Протоколы, стр. 68.

но не принять его побоялись: предложение было сдано в комиссию. Другое требование фракции касалось введения карточной системы при распределении помещений, реквизиции особняков для переселения в них неимущих и т. п. Все эти требования были великолепным материалом для разоблачения буржуазной политики так называемых социалистов перед широкими массами, а в то же время партия расширяла круг поддерживающих ее политику за счет трудящихся слоев и накопляла одновременно большой опыт по управлению хозяйством городов. Насколько пригодился этот опыт, показало потом быстрое и умелое налаживание городского хозяйства, которым занялась партия после Октября.

Для расширения базы, на которую можно будет опираться в своей борьбе, партия вела огромную работу среди крестьян. Мы уже видели, какое огромное значение придавала партия работе военных организаций. Военные организации работали среди крестьянской армии, являясь, таким образом, приводным ремнем между пролетариатом и крестьянством. Втягивая тысячи новых членов партии из крестьянской бедноты, военная организация не только пополняла большевистские ряды, но и создавала крестьянских агитаторов для партии. После демобилизации армии эти агитаторы рассыпались по всему пространству России, всюду разнося большевистские идеи и большевистскую организованность. Как раз эти демобилизованные большевики, группируя вокруг себя распропагандированных солдат той же части, перенесли в 1918 г. социалистическую революцию из города в деревню. Но помимо этой огромной работы в крестьянстве через посредство армии, партия связывалась с крестьянством и непосредственно. На Урале делегаты от крестьянских волостей являлись на большевистские конференции за руководством. В Сибири существовал ряд крестьянских большевистских организаций. Большой размах приняла работа среди крестьян в Поволжьи. Крестьянство шло за большевистской аграрной программой.

Связям с крестьянством помогала и партийная работа среди национальных меньшинств, где особенно был велик процент крестьянства. Из 41 печатного органа, издаваемого партией, 14 издавалось на 7 национальных языках. Правильно взятый курс в национальном вопросе толкал массы к большевикам, по мере того как выяснялся великодержавный характер политики Временного Правительства и увиливание мелкобуржуазного блока от ответа на вопрос о самостоятельности национальных меньшинств. На VI съезде делегат от Финляндии, говоря о доверии к большевикам, приводил факт назначения праздника братания финнов с русскими солдатами и матросами, всецело находившимися под влиянием большевиков.

Наконец огромным влиянием пользовалась партия среди молодежи. В Питере, как только началось движение среди молодежи, они обратились за содействием к ПК, который выделил специальную комиссию для работы среди молодежи. К съезду в Ленинграде уже насчитывалось 50 000 членов Союза молодежи, находившихся под полным руководством партии большевиков. Такой же рост, в общем, наблюдался и в других областях и районах.

Доклады с мест, выслушанные съездом, показали, что партия, если еще и не имеет большинства в массах, то во всех решающих местах имеет крепкие

опорные пункты. А блестяще проведенное выступление в июльские дни подтверждало, что при правильной политике эти опорные пункты станут центрами, вокруг которых соберется большинство рабочего класса и большинство народа. Выяснению этой правильной политики и были посвящены работы съезда: центральным вопросом стал вопрос о тактике партии после июльского выступления.

Что изменили в объективной обстановке июльские дни? Власть из положения неустойчивого равновесия, в котором она находилась с Февральской революции, качаясь между Временным Правительством и Советами, перешла в положение устойчивого равновесия: двоевластие сменилось единовластием буржуазии. А с переходом единовластия к буржуазии к ней вернулась и возможность применения старых методов управления. Недавняя свобода, характеризовавшая весь предшествовавший период, уступила место «исключительным законам» против большевиков. Наступил период репрессий, гонений на революционную печать, травли и арестов всех интернационалистических элементов. Самое оружие, наличие которого в руках народа сдерживало ретивость буржуазии, было отнято у революционных масс: революционные полки были расформированы, а Красная гвардия была загнана в подполье.

Все условия, которые в совокупности создавали возможность мирного развития революции, исчезли, а вместе с тем стал невозможным и мирный ход революции. Вести революцию вперед можно было только вырвав власть с и л о й из рук буржуазии.

Но взять власть силой мог только один класс — пролетариат вместе с беднотой. Советы, запутавшиеся в своей соглашательской политике, скатились окончательно в лагерь буржуазии и на этой стадии революции могли только выступить в роли пособников контрреволюции. Поэтому лозунг «власть Советам» после июля был вдвойне неверен. Он неверен был потому, что м и р н о передать власть стало невозможно: надо было свергнуть настоящих носителей власти — буржуазию, что без применения с и л ы не сделать. Лозунг этот был неверен еще и потому, что Советы, руководимые эсерами и меньшевиками, неспособны были взять власть.

«В данную минуту, — писал Ленин, — эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы т е п е р ь бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана»[1]).

«В настоящее время, — говорит резолюция, предложенная т. Сталиным VI съезду, на котором он делал доклад по поручению ЦК партии, — мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь п о л н а я л и к в и д а ц и я д и к т а т у р ы к о н т р р е в о л ю ц и о н н о й б у р ж у а з и и. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема» [2]).

---

[1]) Л е н и н, т. XIV, ч. 2, стр. 18.

[2]) Протоколы VI съезда, стр. 220.

Само собой разумеется, новый курс вовсе не означает, что партия должна немедленно звать на восстание против буржуазии: это как раз и означало бы поддаваться на провокацию буржуазии, которая все усилия прилагала к тому, чтобы вызвать пролетариат на преждевременный бой. Партия указывала только направление взятого курса, а самый натиск на контрреволюцию связывала с новым подъемом революции.

«Партия должна взять на себя роль передового борца против контрреволюции, — намечал съезд конкретные шаги для подготовки нового подъема, — энергично отстаивать все завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные права; отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (Советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; всеми силами сохранять и укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистским крылом, энергично бороться за влияние в них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией».

Резолюция, предложенная т. Сталиным, вызвала ряд разногласий на съезде, которые, в общем, можно разбить на две группы.

Одни товарищи, особенно из тех, которые на местах добились большинства в Советах, либо заставили итти Советы по революционному пути, говоря о Советах имели в виду формы организации рабочего класса. Снятие лозунга «власть Советам» они воспринимали как изменение формы организации рабочего класса.

«Тов. Сталин, — говорил один из этих товарищей [1]), — отождествляет Советы с Центральным Исполнительным Комитетом. Это — перенесение петербургских условий в провинцию. Если ранее провинциальные Советы выражали взгляды ЦИКа, то теперь они не отражают его настроения. Например, в Баку, несмотря на то, что мы не можем добиться перевыборов, несмотря на то, что в Совете... на 300 было всего 20—25 большевиков, до 3—5 июля все наши резолюции проходили, и фактически мы главенствовали... Я кончаю настойчивым указанием на то, что для успеха революции необходимо предвидеть и организационные формы, и, пока не предложено лучших, я высказываюсь за существующие».

Другие товарищи из той же группы, которую можно было бы назвать «добросовестно заблуждающейся», так как первые же разъяснения докладчика рассеяли их недоумения, исходили из того, что снятие лозунга «власть Советам» отождествляли с лозунгом «долой Советы».

Первой группе товарищей докладчик разъяснил, что речь идет не о форме организации. Как форма организации Советы являлись незаменимыми — это показал и 1905 г. и 1917 г., — и на новом подъеме революции их роль останется прежней.

«Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции,— подчеркивал Ленин в специально написанной брошюре «К лозунгам» [2]), — но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов».

Сейчас речь идет не о форме организации («будет революционный подъем, создадутся и организационные формы», говорил на съезде т. Сталин), а о том, к какому классу должна перейти власть. Снимая лозунг «власть Советам»,

---

[1]) Там же, стр. 110.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 18. Подчеркнуто Лениным.

мы тем самым подчеркиваем, что никакой блок в Советах с теми слоями, которые представляют оборонцы, немыслим, что власть берет пролетариат и беднейшее крестьянство без какого-либо блока с другими классами.

«Именно революционный пролетариат, — писал в той же брошюре Ленин, — после опыта июля 1917 года и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть,— вне этого победы революции б ы т ь н е м о ж е т. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, — вот единственный выход»...

В этой постановке вопроса заключался и ответ товарищам, которые поняли снятие лозунга «власть Советам» как «долой Советы». Партия не только не собиралась уходить из Советов даже из ЦИКа, но она все силы бросит на поддержку их, на завоевание их. Но эта борьба будет иметь смысл, если партия ни на одну минуту не выпустит из виду, что, даже получив большинство в Советах, надо брать власть силой из рук буржуазии, что власть должен и может взять только пролетариат в союзе с беднотой.

Другая группа, персонально связанная с оппозицией «старых большевиков» на апрельской конференции, развернула на съезде теоретическую формулировку своих разногласий целиком в старых терминах.

«В чем разница между резолюцией т. Сталина и резолюциями апрельской конференции?— спрашивал на съезде т. Ногин.— Тогда мы находили, что еще стоим перед переходом к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?» [1]).

События бурно развивающейся революции ничему не научили «старых большевиков». Вместо учета нового соотношения классов — упрямое повторение старых большевистских лозунгов о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». «Разрыв между буржуазией и крестьянством неизбежен, и он поставит ребром вопрос, в чьих руках будет власть», повторял т. Ногин свою старую мысль о незаконченности буржуазной революции, упорно не замечая, что в крестьянстве уже произошел раскол, что верхушка его ушла в буржуазный лагерь.

Точно так же, как и на апрельской конференции, т. Ногин не понимал, что разруха в условиях продолжающейся войны резко поставила вопрос о необходимости шагов к социализму, что шаги эти может сделать только пролетариат вместе с беднотой. Он попрежнему не понимал, что дело не в «прыжке», т. е. не в созревании производительных сил за какие-нибудь 2 месяца, а дело в новой комбинации классов, поставившей все движение революции перед необходимостью передачи власти наиболее революционному классу.

Если революция не научила «старых большевиков», то и они, однако, никого не научили за время революции: резолюция т. Сталина была принята единогласно при 4 воздержавшихся [2]).

Съезд, таким образом, наметил новую тактическую линию на новый период революции:

---

[1]) Протоколы, стр. 113.

[2]) Наиболее активные защитники сохранения лозунга (тт. Ногин и Юренев) не голосовали, так как присутствовали на съезде с совещательным голосом.

«...бороться за полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества» (последний пункт резолюции) [1]).

Но такая линия означала, что партия р в е т со всеми теми, которые не понимают, что спасение революции в захвате власти пролетариатом совместно с беднотой. Съезд подчеркнул это в двух резолюциях: в резолюции об объединении партии и о предвыборной кампании в Учредительное Собрание. Еще апрельская конференция подчеркивала, что объединение может состояться только с социал-демократами, порвавшими с оборонцами. Практически вопрос мог итти об объединении с междурайонцами, группой «Новой жизни» и меньшевиками-интернационалистами. Междурайонцы вошли в состав партии фактически до съезда. Группа «Новой Жизни» продолжала колебаться между революционной фразеологией и оппортунизмом, перед VI съездом выдвинув идею созыва «объединительного съезда» на предмет создания единой социал-демократии. Меньшевики-интернационалисты, в лице Л. Мартова и Астрова, прислали съезду письмо с приветствием, но свое вхождение в партию обусловили непринятием съездом резолюций о новом курсе...

«...мы не сомневаемся, — писали мартовцы в письме к съезду, — что ваш съезд в той мере явится плодотворным для всего русского социалистического движения, в какой решения его будут проникнуты сознанием, что... не должна быть допущена подмена задачи завоевания власти большинства революционной демократии задачей завоевания власти в борьбе с этим большинством и против него. Мы уверены, что уход интернационалистического меньшинства в эту сторону неизбежно привел бы к усилению утопических и анархистских элементов в российском рабочем движении»...[2]).

Стало ясно, что мартовцы, узнав о решениях съезда (письмо прислано к концу работ съезда), снова колебнулись к оборонцам. Съезд поэтому, утвердив слияние с междурайонцами, высказался против лозунга «объединительного

---

[1]) Протоколы, стр. 214. Уже на VI съезде мы имеем зародыш тех разногласий, которым позже суждено было создать в партии так называемую «новую оппозицию». Именно против этого пункта выступил Преображенский, как против пункта, говорящего о возможности победы социализма в одной стране. «Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму...» Против предложения, считавшего, что к социалистическому строительству в России можно приступить т о л ь к о после победы пролетариата на Западе, выступил резко т. Сталин: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой абсолютной свободой, какая была в России, не пробовала осуществить контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего». Съезд отверг поправку Преображенского: недавние споры Ленина с Троцким по этому вопросу не были еще никем забыты. Можно судить после этого, чего стоит сплетня о том, что Сталин и Бухарин в ы д у м а л и теорию о победе социализма в одной стране.

[2]) Протоколы, стр. 168.

съезда», противопоставив свой лозунг: «единство всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами».

Ту же мысль съезд подчеркнул в резолюции об Учредительном Собрании. Пункт IV требовал:

«...блоки допускаются лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма, не на словах, а на деле порвавшими с оборонцами. Соглашения допустимы и с беспартийными революционными организациями, полностью принимающими нашу программу» [1]).

Порвав не только с оборонцами, но и с колеблющимися элементами, вроде «Новой жизни», меньшевиков-интернационалистов и т. п., организационно, съезд, однако, не успел закрепить этот окончательный разрыв и в программе: полулегальная обстановка, в которой работал съезд, помешала ему пересмотреть старую программу социал-демократии и внести в нее то новое, что дал опыт борьбы в условиях новейшего развития капитализма. Съезд подтвердил постановление апрельской конференции о необходимости переработки программы, самую же переработку предложил перенести на специально созванный партийный съезд. Для целей же практической работы партии съезд полагал необходимым руководствоваться резолюциями данного съезда и неотмененными постановлениями апрельской конференции.

Взяв курс на передачу власти пролетариату совместно с беднотой, политическим руководителем которых выступала партия большевиков, съезд с особой тщательностью проработал вопрос о руководящей силе в революции — об организации партии. Предстоящая решительная борьба ставила остро вопрос о четко работающем аппарате партии; новый этап борьбы требовал, чтобы партия представляла собой единый, цельный организм, умеющий быстро маневрировать и круто поворачивать в зависимости от часто меняющейся обстановки. Съезд выработал и утвердил устав партии, подтвердив в нем все те организационные принципы, которые выработал большевизм за долгие годы борьбы. В новый устав целиком перешел и тот параграф устава о членстве партии, который был исходным пунктом раскола и создания большевистской партии, и тот принцип строительства партии, который обеспечивал партии единство руководства наряду с широкой демократией: пункт 5 устава говорил, что «все организации партии строятся на началах демократического централизма».

Обеспечив инструмент революции — организационный аппарат партии, — съезд занялся и подготовкой резервов для грядущей борьбы. На одном из заседаний съезда был заслушан доклад и принята резолюция о профсоюзах и партии. Резолюция подвела итог той борьбе, которая много лет шла в профсоюзах по вопросу о «нейтральности» их. Война с особой наглядностью подтвердила, что нейтральность профсоюзов в вопросах политической борьбы означает полное подчинение союзов буржуазии. Союзы, как и политические партии, во время войны разделились на два лагеря, тем самым доказав неосуществимость нейтральности. Практическая действительность заставила союзы итти в тот или иной лагерь, причем союзы, пытавшиеся стать на точку зрения «примирения классов», попали в лагерь

[1]) Там же, стр. 224.

предателей пролетариата. Отпал и главный довод в пользу нейтральности союзов — легкость привлечения широких масс рабочих в нейтральные союзы: многомиллионные союзы Германии и Англии оказались на службе у империалистов. Империалистическая война и эпоха революций ставила перед союзами только две возможности: либо откинуть нейтральность во всех тех областях, где идет классовая борьба, и вместе с революционными интернационалистами стать в главе борьбы пролетариата, либо уйти в лагерь буржуазии. Чтобы вести союзы по первому пути — пути революционной борьбы, — съезд принял следующие решения: 1) всемерно содействовать сплочению всех рабочих в союзы; 2) отстаивать принцип взаимного представительства партии и союзов, проводя это представительство в союзах, уже стоящих на революционно-интернационалистских позициях и подготовляя это представительство в остальных союзах через фракции; 3) всем членам партии войти в союзы и 4) бороться в союзах за создание международной организации из союзов, отвергающих поддержку империалистской войны и стоящих на точке зрения классовой борьбы.

Эта резолюция и твердо проведенная линия, намеченная ею, обеспечили партии руководство рабочим классом.

Крестьянским резервам съезд не посвятил особой резолюции, но вопрос решался на 3/4 в резолюции «о текущем моменте и войне». Дав краткий исторический очерк развитию борьбы за мир и предательскому поведению партий меньшевиков и эсеров, поддерживавших в известной мере наступление для осуществления буржуазной цели «войны до победного конца», съезд указал и тот единственный выход, который может дать мир измученному долгой войной многомиллионному крестьянству.

«Единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата является поэтому завоевание им власти, — гласил последний пункт резолюции, — а в России—завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством. Только эти классы будут в состоянии порвать с капиталистами всех стран и способствовать на деле росту международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство».

Наконец, подготовляя резервы, съезд отдельно остановился на работе среди молодежи.

«В настоящее время, — говорила резолюция о работе среди молодежи, — когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания».

Учитывая опыт западно-европейского юношеского движения, где опекаемые партией организации были использованы буржуазией, а неопекаемые оказались с революционным крылом социал-демократии, съезд высказался против опеки над союзами и за создание организаций, организационно не подчиненных, но духовно связанных с партией. Но вместе с тем съезд подчеркнул, что партия должна стремиться сделать эти союзы с самого начала социалистическими, имеющими задачу развивать классовое самосознание у молодых рабочих и работниц и вести их нога в ногу с революционным авангардом пролетариата.

Установив ближайшую цель революции, съезд имел возможность заняться и планом экономического строительства партии. Остановившись на той разрухе и экономическом кризисе, который к тому же непрерывно усиливался деятельностью буржуазного правительства, съезд в резолюции об «экономическом положении» снова пришел к выводу, что только переход власти к пролетариату и беднейшему крестьянству может вывести страну из тупика.

«Единственным выходом из критического положения, — говорила резолюция, — является ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян.

Такое урегулирование производства в России может быть проведено лишь организацией, находящейся в руках пролетариата и полупролетариев, что предполагает переход в их руки и государственной власти».

Далее съезд разработал ряд решительных экономических мероприятий, которые в совокупности своей вели не только к выходу из экономического кризиса, но и давали материал для повседневной агитационной работы партии, для лозунгов, отражающих насущные экономические интересы широких масс трудящихся. Съезд выдвигал национализацию и централизацию банкового дела, национализацию ряда синдицированных предприятий (например, нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта).

Затем, съезд предлагал «организацию правильного обмена между городом и деревней, опирающегося на кооперативные и на продовольственные комитеты, в целях снабжения города необходимыми продуктами сельского хозяйства и деревни необходимыми фабрикатами, с.-х. орудиями, машинами и т. п.». Съезд настаивал на установлении действительного контроля, который должен был постепенно перейти в полное регулирование производства. В качестве предварительных мер к проведению рабочего контроля съезд намечал отмену коммерческой тайны, периодический учет запасов и публикацию отчетов для всеобщего сведения, а для борьбы с тайными и явными локаутами — «издание закона с запрещением закрытия фабрик или сокращения производства без разрешения Совета рабочих депутатов, профсоюзов и центральных фабрично-заводских комитетов».

С такой же детализацией резолюция остановилась на финансовых мероприятиях и на вопросах поднятия производительных сил и распределения рабочей силы.

Не трудно видеть, что все эти меры при условии перехода власти к пролетариату и полупролетариям (Октябрь выполнил почти все экономические решения съезда) в сумме своей являются переходом к социализму. Но они настолько понятны широким массам, настолько близко касаются их нужд, что каждая из них в отдельности становилась лозунгом, мобилизовавшим вокруг партии огромные массы трудящихся.

Беглое знакомство с резолюциями съезда показало каким единством и целеустремленностью отличалась его работа. В этом отношении VI съезд напоминает собой III съезд.

III съезд партии был п е р в ы м большевистским съездом эпохи буржуазной революции. VI — был п е р в ы м большевистским съездом эпохи социалистической революции.

III съезд заседал непосредственно перед революцией, подчинив все свои постановления и решения одной цели — подготовке к руководству революцией. VI съезд заседал перед новым подъемом в революции и все свои решения сконцентрировал вокруг одной генеральной установки — передать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

III съезд прошел под прямым и непосредственным руководством Ленина, подготовившим и разработавшим проекты всех его резолюций. На VI съезде т. Ленин, волею Временного Правительства и поддерживавших его меньшевиков и эсеров, не присутствовал, но все решения съезда являлись только детальной проработкой идей Ленина, все постановления съезда наполнены духом Ленина.

Единство и цельность работ первого съезда эпохи буржуазной революции, если не обеспечили победу революции, то принесли победу партии: после революции 1905 года пролетариат шел в своей подавляющей массе под знаменем большевистской партии.

Целеустремленность работ первого съезда эпохи социалистической революции, разработавшего стратегическую установку и расстановку боевых сил революции, обеспечила победу социалистической революции.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К III ГЛАВЕ.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

I. Корниловское восстание и завоевание масс большевиками.

1. Тактика партии в период Корниловского восстания и его подавления.
2. Борьба за овладение Советами в городах. Завоевание большинства в главнейших Советах.
3. Революционизирование деревни и армии.

ЛИТЕРАТУРА.

Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 95—97, 102—109, 133—135, 135—140, 259—266, 268—271, 271—288.

II. Подготовка и проведение Октября.

1. Военно-Революционный Комитет и его тактика. Учение Маркса — Ленина о стратегии и тактике восстания.
2. В чем выразился план восстания для захвата власти.
3. Разногласия в ЦК накануе Октября. Позиция тт. Зиновьева, Каменева и др.
4. Искажение и неправильное освещение истории подготовки Октября у Троцкого.

ЛИТЕРАТУРА.

Карпов и Флидчер, ч. 3, стр. 400—408.
За ленинизм, сб., стр. 13—16, 152—156.
Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 169—172.
Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 215—257.
Троцкий, т. III, ч. 1. Уроки Октября со слов: «Вокруг Октябрьского переворота» и до конца или в сборнике «За ленинизм» то же самое.
Протоколы XIV съезда партии, стр. 136, со сл.: «Теперь позвольте, копались здесь в моем прошлом» и т. д.

ГЛАВА III.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

а) КОРНИЛОВЩИНА И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ.

События 3—5 июля изменили всю постановку проблемы власти. После событий 3—5 июля вопрос о власти принял новый характер и новые формы. «Суть дела, — писал Ленин, — состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадет и на монархистов» [1]). После 3—5 июля вокруг Временного Правительства вырос объединенный фронт контрреволюционной буржуазии и помещиков, мелкой буржуазии, меньшевиков и эсеров. Этот объединенный фронт все силы, весь огонь направлял против большевиков и пролетариата. Непосредственным исполнителем и руководителем являлись контрреволюционный генералитет и офицерство, выписанные в Петроград Керенским и ЦИКом. Внутри объединенного фронта помещиков и буржуазии вопрос о власти был далеко не решен, и вокруг проблемы власти шла жестокая борьба. Подбиравшаяся вплотную к аппарату власти крупная буржуазия и помещики стремились уничтожить правительство меньшевиков и эсеров, провозгласить свою собственную диктатуру. Для крупной буржуазии меньшевики и эсеры являлись далеко не надежными слугами. Попытка Керенского удержаться, балансируя между классами, попытки, как называл их Ленин, первых шагов бонапартизма, не встречали поддержки со стороны помещиков и крупной буржуазии: они сами стремились выдвинуть на смену Керенскому своего собственного Бонапарта в виде военного диктатора. Оказав военную помощь, защитив Временное Правительство от пролетариата и крестьянства, буржуазия пыталась получить приз за свои услуги, захватить в свои руки командные посты, захватить в свои руки части государственного аппарата, овладеть аппаратом власти. Уже 7 июля командующий юго-западным фронтом генерал Корнилов особой телеграммой потребовал от Временного Правительства: «введения смертной казни и учреждения полевых судов на театре военных действий». Будущий кандидат в Банапарты стремился уже объявить свою диктатуру, и прежде всего пытался захватить армейский аппарат в свои руки. Временное Правительство

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 15.

идет на уступки, оно склоняется перед волей Корнилова и 12 июля издает приказ о введении смертной казни на фронте. Временное Правительство издает обязательное постановление об обезоружении пролетариата, Временное Правительство отступает перед буржуазией. Буржуазия не ограничивается требованием введения смертной казни, для нее смертная казнь на фронте лишь орудие в борьбе за установление своей диктатуры. Со всех сторон представители и сторонники буржуазии предъявляют требования Временному Правительству. 16 июля объединенная торгово-промышленная организация в особой декларации формулировала свои требования Временному Правительству, свои условия принятия участия во власти, свои желания и формы разрешения проблемы власти. Она требовала создания правительства, независимого ни от какой «общественной, классовой или политической организации в стране». Она требовала от Временного Правительства отказа «предпринимать коренную ломку существующих социальных отношений до Учредительного Собрания». Она требовала создания правительства диктатуры, охраняющей и защищающей интересы крупных собственников, промышленников и помещиков. Эти требования буржуазии не оставались без влияния на действия правительства. Уже 9 июля ЦИК по докладу Церетели постановил признать Временное Правительство «Правительством спасения революции» и считать его полномочия «неограниченными... для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всеми проявлениями контрреволюции и анархии и для проведения всей той программы положительных мероприятий, которые намечались в декларации». Полномочия Временного Правительства не удовлетворяли буржуазию, и она упорно не желала принимать участия во власти. В погоне за участием буржуазии во власти правительство Керенского фактически провело в жизнь требования декларации торгово-промышленных организаций; 21 июля Временное Правительство передало всю полноту власти единолично Керенскому. По инициативе Временного Правительства 21 июля состоялось собрание центральных комитетов всех партий, представителей Государственной Думы, на котором представители буржуазии всячески приветствовали установление единоличной диктатуры Керенского. Князь Львов на этом совещании заявил, что они «видят спасение в сильной власти с Керенским во главе, с условием, что он привлечет в Правительство лиц по своему выбору, вопреки желаниям партий и организаций». Его поддержали Годнев, Терещенко, Милюков, предлагая предоставить Керенскому «составить кабинет из тех лиц, которых он сочтет нужным пригласить». От кадет и представителей буржуазии и помещиков не отставали меньшевики и эсеры. Гоц и Дан от имени Центрального Комитета эсеров и меньшевиков заявили о полном доверии Керенскому, о поручении ему образовать Временное Правительство, о поддержке этого правительства, «если оно будет стоять на платформе декларации Временного Правительства 8 июля». Таким образом после 3—5 июля власть не только переходила в руки контрреволюционных элементов, но власть принимала форму единоличной диктатуры Керенского. Учреждая единоличную диктатуру, правительство Керенского в то же самое время ставит перед собою задачу созвать особое совещание буржуазии с целью столковаться и совместно разрешить проблему власти. Но в тот момент, когда

Временное Правительство, правительство диктатуры Керенского, пытается столковаться с крупной буржуазией и помещиками и разрешить в их пользу проблему власти, крупная буржуазия и помещики, участвуя в переговорах с Керенским, участвуя в установлении единоличной диктатуры Керенского, уже готовят заговор для установления своей собственной диктатуры. Буржуазные организации в этот момент открыто готовятся к свержению Временного Правительства, к установлению единоличной диктатуры. На собрании офицеров в Зале Армии и Флота открыто говорится об анархии в стране, о том, что «Временное Правительство — это комбинация из трех пальцев». Корниловский переворот, вооруженное выступление буржуазии, открыто назначалось на середину августа. Князь Львов в своих «Воспоминаниях» рассказывает о переговорах с министром Временного Правительства Терещенко. Он спросил его, кто лучше — Керенский или Корнилов? На это Терещенко, член Временного Правительства, ему определенно и резко ответил: «Конечно Корнилов». Буржуазия и помещики готовились к совершению переворота, их организации обнаруживали живую деятельность. Связанные с заговором министры были в самом правительстве В Москве собралось 8 августа частное совещание общественных деятелей во главе с Родзянко и Рябушинским. На нем присутствовало до 300 человек. Это собрание послало приветствие Корнилову, заявляя, что в его лице оно видит единственное спасение: «Вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой». В Ставке Корнилова шла спешная подготовка к выступлению. Корнилов сам выступал в роли пропагандиста и агитатора. Деникин рассказывает о своем разговоре с Корниловым по поводу заговора. Разговор происходил в Ставке в конце июля, после совещания командующих. Корнилов, изложив Деникину свои цели, спросил: «Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку? В полной мере», — ответил Деникин» [1]). Подготовка заговора шла быстрым темпом. Буржуазия и помещики знали, чего они хотели и к чему стремились, и на государственное совещание, которое готовилось собрать Временное Правительство, буржуазия шла вполне подготовленной. Подготовляя Государственное Совещание, меньшевики и эс-еры попытались оказать буржуазии последнюю услугу: не дать возможности выступить на Совещании большевикам и тем самым помешать вскрыть перед пролетариатом и крестьянством истинную сущность и истинные цели созываемого Совещания. Готовя Совещание, Бюро ВЦИКа 10 августа постановило, что члены ВЦИКа не имеют право выступать на Совещании от своего имени, в состав делегации ВЦИКа могут входить лишь те группы и лица, которые обязуются выступать на Совещании не как представители партий, а как представители ВЦИКа. Тем самым меньшевики и эсеры пытались вырвать у большевиков возможность выступить на Государственном Совещании и открыть пролетариату и крестьянству глаза на истинную сущность собираемого Совещания.

12 августа в Москве открылось это Совещание. К моменту открытия на него собрались представители всех четырех Государственных Дум в числе 487 человек, представители

---

[1]) Деникин, Очерки Русской смуты, т. II, стр. 198.

земств, представители торговопромышленных кругов и банков — 150, представителей научных организаций и трудовой интеллигенции — 182, армии и флота — 17, духовенства, национальных организаций, продовольственных комитетов, сельскохозяйственных обществ, городов, кооперативов, профсоюзов, военного ведомства, правительственных комиссаров, сословных учреждений. Лишь небольшую группу на этом Совещании составляли представители Советов. Уже сам состав Совещания говорит о том, кто съехался. Собрались представители крупной и мелкой буржуазии, технической интеллигенции, мелкой буржуазии, обслуживающей аппарат, собрались представители давно не существующих, умерших организаций. Не было представителей пролетариата и крестьянства, представителей тех классов, против которых сосредоточивался объединенный огонь всей крупной и мелкой буржуазии, собравшейся на свой контрреволюционный съезд.

Цели Совещания были очерчены резко и определенно. Буржуазия и помещики стремились создать, говоря словами Набокова, «единую власть, независимую, твердую и сильную». На Совещание явился, вопреки разрешению Временного Правительства, в сопровождении отряда текинцев, главнокомандующий ген. Корнилов, потребовавший, в унисон всем речам буржуазии, уничтожить «разницу между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима». Но буржуазия не только выступала на совещании, собранном в Большом театре, она выступала в день Совещания и за стенами его. Из Финляндии к Петрограду двигались конные части. В Можайске был остановлен, неизвестно кем вызванный в Москву, казачий полк. В военных училищах среди юнкеров велась агитация о необходимости поддержки вооруженной рукой стремлений буржуазии к установлению единоличной диктатуры Корнилова. Правительство Керенского на Государственном Совещании пыталось столковаться с буржуазией. На торжественных заседаниях оно обменивалось с ней рукопожатиями, а в тишине буржуазия и помещики не столько думали столковаться с Временным Правительством, сколько успешно заканчивали подготовку своего будущего выступления. С Государственного Совещания Правительство Керенского ушло еще более одиноким, чем оно туда пришло. Помещики и буржуазия ушли с него более организованными, чем были до тех пор. Все основные линии заговора были выработаны, срок был назначен. В момент самого Государственного Совещания, как рассказывает Деникин, в вагоне у главнокомандующего всеми войсками Врем. Правительства происходил замечательный разговор между Корниловым и Алексеевым. Два генерала решали вопрос о том, кто из них станет во главе переворота в качестве будущего диктатора. «— Михаил Васильевич, — говорил Корнилов Алексееву, — придется опереться на офицерский союз, дело ваших рук, — Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше. — Нет, Лавр Георгиевич, вам, будучи Верховным, это сделать легче» [1]). Тот же Деникин говорит о том, что Корнилову обещали помочь и Милюков и Рябушинский, обещали помогать и деньгами и пустить в ход печать — вести агитацию, обещали и поддержку союзников в случае успешного установления военной

[1]) Деникин, Очерки Русской смуты, стр. 29.

диктатуры. В тот момент, когда на Государственном Совещании Церетели и Бубликов, представители крупной и мелкой буржуазии, обменивались рукопожатиями, представители крупной буржуазии, помещики и генералы договаривались о последних шагах подготовки военного переворота. Правительство Керенского отлично знало, что буржуазия готовит заговор, поскольку ряд представителей правительства, и не только из буржуазии, входил в состав заговора. Зная о заговоре, который готовил Корнилов, Керенский потребовал присылки войск к Петрограду. Разногласия были лишь относительно командира посылаемого конного корпуса. Корнилов стремился поставить во главе его верных себе генералов и тем самым, с разрешения и ведома правительства, подтянуть к Петрограду верные себе войска, а правительство Керенского, стремясь подтянуть к Петрограду войска и поставив во главе их своих генералов, старалось подготовиться к готовящейся расправе с растущим революционым движением пролетариата. После Государственного Совещания конный корпус быстро подвигался к Петрограду, а вслед за ним летели требования Корнилова.

26 августа Корнилов, найдя, что почва давно подготовлена, порвал с Временным Правительством. 27 он обратился ко всей стране с призывом поддержать его и помочь ему захватить власть в свои руки. Заявив о своих целях, Корнилов уничтожил сам себя. Пока заговор буржуазии таился в подполье, он еще мог иметь кредит у Временного Правительства. Он мог еще внушать страх. Правительство Керенского еще могло входить с ним в соглашения и столковываться. Но когда заговор буржуазии и стремление верховного главнокомандущего захватить в свои руки диктатуру над всей страной всплыли наружу, они встретили такой дружный и единодушный отпор всего пролетариата и крестьянства, что правительству Керенского не оставалось ничего иного, как выступить против диктаторских стремлений Корнилова. Партия пролетариата, большевики задолго предупреждали пролетариат о возможном выступлении буржуазии с целью захватить аппарат власти. Уже сама обстановка созыва Государственного Совещания заставляла партию тревожно прислушиваться к тому, что творится кругом, предупреждать пролетариат о готовящейся комедии, о готовящейся попытке составить под покровом громких фраз заговор против революции. 8 августа Центральный Комитет по поводу Государственного Совещания вынес резолюцию, в которой заявлял, что в Москве собирается «гнездо контрреволюции», что самым созывом «Московского Совещания организуется центр контрреволюционной буржуазии», что Совещание стремится лишь к поддержке и укреплению «контрреволюционной политики».

Партия большевиков призывала в день открытия Государственного Совещания в Москве провести всеобщую забастовку. Орган Московского Комитета большевиков «Социал-демократ» писал: «Пусть не работает ни один завод, пусть станет трамвай, пусть погаснет электричество, пусть окруженное темнотою будет заседать собрание мракобесов контрреволюции». В день Совещания в Москве прокатилась волна забастовок нескольких сот тысяч московских рабочих. Забастовка встретила ряд откликов по всей России. Отстраненный от участия в работах Государственного Совещания пролетариат заявил

о том, как он на него смотрит, как оценивает заговор буржуазии, как отнесется он к нему тогда, когда этот заговор из закоулков и закрытых заседаний выйдет на открытую сцену. И тогда, когда Корнилов разослал свои воззвания, а полки третьего конного корпуса появились под Петроградом, пролетариат и революционное крестьянство под руководством партии большевиков первыми очутились на позициях. В дни корниловщины партия большевиков приняла энергичное участие в борьбе. Ленин обратился с особым письмом в Центральный Комитет, в котором указывал тактику, которую должна осуществлять и осуществляла партия в этот момент. Корниловщина, по словам Ленина, «есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий». Корниловщина была неожиданна в такой форме для партии потому, что партия, загнанная в подполье, под ударами со всех сторон реакции, естественно не знала с точностью о том, что готовит буржуазия. Выступление Корнилова создало широкий фронт противников корниловщины, но этот фронт противников корниловщины, по мнению большевиков и Ленина, не мог означать поддержки правительства Керенского. Нужно было, борясь с Корниловым, продолжать борьбу и с Керенским, вскрывая всю сущность керенщины, породившей Корнилова. «Мы будем, — писал Ленин, — воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость». Главная задача в момент корниловщины — не немедленное свержение Керенского, а как говорил Ленин: «разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) с л а б о с т ь и ш а т а н и я Керенского». Требования, которые выставляла партия—разгон буржуазных организаций, уничтожение буржуазных газет — эти требования приобрели для масс огромную ясность и осязательность. Корниловщина своим выступлением вскрыла классовую сущность не только буржуазии, но и правительства Керенского, под покровом которого вырос заговор Корнилова. Это приближало разрешение проблемы власти: «Агитировать н а д о с и ю м и н у т у, — писал Ленин, — не столько прямо против Керенского, сколько к о с в е н н о против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей войны с Корниловым. Развитие этой войны, одно только может нас привести к власти» [1]). Большевики в войне с Корниловым оказались той руководящей силой, которая сплотила массы пролетариата и крестьянства, которая снова подняла на ноги Советы, которая окружила правительство Керенского железной стеной и заставила его вести борьбу с Корниловым. Заставив его бороться с Корниловым, большевики в то же самое время вскрыли перед всем пролетариатом и крестьянством истинную роль и сущность правительства Керенского.

Отпор Корнилову был единодушен и силен, он заставил эсеров и меньшевиков на время отмежеваться от буржуазии и тем самым в момент корниловщины поставил по-новому проблему власти. Объединенный фронт противников генеральской диктатуры делал возможным создание правительства без буржуазии, опирающегося на Советы, выдвигая, как писал Ленин, «возврат к до-июльскому требованию: вся власть Советам» и «ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков».

[1]) Л е н и н, т. XIV, ч. 2, стр. 95—96.

На фоне объединенного фронта борьбы с Корниловым «в течение нескольких дней или на 1 — 2 недели» могло бы мирно создаться новое правительство. Это был бы компромисс. Но задача революционной партии — не отказ от компромиссов, а умение их использовать: «через все компромиссы... уметь провести верность своим принципам, своему классу...» Такой компромисс в момент корниловщины мог обеспечить «мирное движение вперед всей революции».

Корниловщина, пытаясь разрешить проблему власти силами буржуазии, приблизила разрешение этой проблемы силами пролетариата и крестьянства. Борьба эсеров и меньшевиков с Корниловым не превратила их в борцов с буржуазией, не заставила их отказаться от буржуазной революции. Ситуация момента оказалась не использованной. Мирный путь исчез так же быстро, как и появился, лишь заострив следствия корниловщины, лишь заострив проблему власти, обострив борьбу за власть и оголив цели буржуазии и истинную роль меньшевиков и эсеров.

Корниловщина имела чрезвычайно важные следствия. Она являлась переломным моментом революции 1917 года. Она с необыкновенной резкостью, ясностью и глубиной вскрыла перед миллионными массами сущность и цели буржуазии и правительства Керенского и доказала этим массам правильность прогноза и оценки революции, которую давала партия большевиков. Корниловщина во всю ширь поставила перед пролетариатом и крестьянством проблему власти, проблему, к разрешению которой все время призывали пролетариат и крестьянство большевики. Стремление буржуазии и помещиков захватить в свои руки власть встретило могучий отпор со стороны пролетариата и крестьянства. Корниловщина вскрыла роль и сущность контрреволюционной буржуазии, роль и сущность эсеров, меньшевиков и мелкой буржуазии. Она указала пролетариату и крестьянству как на единственного вождя рабочего класса в революции — на партию большевиков. Первым следствием корниловщины был рост влияния партии большевиков. После корниловщины волны пролетарского движения начинают быстро и неуклонно расти, и этот рост выражается прежде всего в росте влияния партии.

Большевизация пролетариата идет быстро и интенсивно. Низовые пролетарские организации, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, переходят в руки большевиков. Советский аппарат в ряде местностей и районов завоевывается большевиками. Партийный состав Советов начинает меняться. Провинциальные Советы переходят в руки большевиков. В составе Саратовского Совета, например, до сентября меньшевики в рабочей секции имели 120 голосов, эсеры — 50, большевики — только 40. В начале сентября происходят перевыборы Советов и число меньшевистских голосов падает до 72, а число голосов большевиков поднимается до 164. Солдатская секция Совета почти сплошь становится большевистской, эсеры из нее исчезают. 19 сентября заканчивается переход в руки большевиков Московского Совета рабочих депутатов и его председателем выбирается большевик Ногин. 22 сентября Петросовет окончательно переходит в руки большевиков. Переход в руки большевиков центральных советских организаций в центральных промышленных районах означает переход огромных масс пролетариата промышленных

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМПАТИИ КРЕСТЬЯН В 1917 ГОДУ.

центров на платформу большевиков. За Петросоветом идут Советы Гельсингфорса, Кронштадта, Выборга, Ревеля.

В начале октября там, где проходят перевыборы в городские думы, большевики одерживают победу. Большевизация пролетариата, переход в руки большевиков массовых пролетарских организаций означает мобилизацию и

организацию сил революции, подготовляет и создает аппарат осуществления восстания, борьбы за власть и аппарат власти.

Процесс большевизации, процесс перехода под знамена большевиков происходит не только среди пролетариата. Вслед за пролетариатом от мелкой буржуазии, от меньшевиков и эсеров после корниловщины быстрее отрывается и крестьянство. В сентябре — октябре крестьянство вступает в открытую борьбу с Временным Правительством. Достаточно сопоставить цифры крестьянских выступлений за время революции, чтобы понять, что волны крестьянской революции растут: в марте было 49 выступлений, в сентябре 803. Количественный рост сопровождается, что самое главное, изменением форм движения: крестьянство ребром ставит вопрос о существовании монополии на землю. В первые месяцы революции, в течение летних месяцев 1917 года, крестьянские организации пытались разрешить земельный вопрос мирным путем, не прибегая к полному уничтожению помещичьего землевладения, но в сентябре — октябре формы борьбы меняются: поджоги и погромы имений растут и основной целью крестьянской борьбы становится полнейшее уничтожение помещичьего землевладения. Там, где крестьянские организации остаются в руках собственнических группировок деревни — массовое крестьянское движение идет помимо них, против них, идет стихийно. Монополистическое землевладение в деревне вырывается с корнем, имения разрушаются, сжигаются, средства и орудия производства расхищаются, развозятся по домам. Партийные организации пытаются придать этому стихийному движению организованность и планомерность, уложить стихийное уничтожение крестьянством феодальных пережитков в организованные формы, связать с основной задачей — революционной борьбой за власть. Теряющее почву под ногами Временное Правительство, пытаясь отстоять свои позиции и защитить интересы собственников, бросает против восставшего крестьянства воинские части, предписывая им «действовать энергично». Против крестьян посылают кавалерийские части, отряды с пулеметами, объявляют военное положение. Крестьянское движение все более и более обостряется, и крестьянство ведет открытую войну с Временным Правительством.

После корниловских дней чрезвычайно интенсивно и быстро идет рост влияния большевиков в армии. Низовые армейские организации, ротные, батарейные, батальонные комитеты переходят в руки большевиков. Вокруг партийных организаций в армии собираются новые кадры. Партия становится признанным вождем и руководителем рабоче-крестьянского состава армии.

Рост влияния большевиков, рост сил партийного аппарата, переход в руки большевиков массовых, низовых аппаратов пролетарских, армейских, крестьянских — следствие корниловщины.

Рост классовых противоречий, оформление классовых противоположностей, резкое противопоставление стремлений и целей пролетариата и крестьянства стремлениям и целям буржуазии и Временного Правительства становятся ясными миллионам трудящихся. Партия большевиков с первого момента Февральской революции учила, пропагандировала и доказывала, что основным вопросом революции является вопрос о власти. Борьба за власть — это основное

содержание революции. И в апрельских тезисах и в резолюциях апрельской конференции партия призывала пролетариат и широкие массы крестьянства бороться за переход власти в руки Советов, в руки организаций рабочего класса. В корниловские дни и после корниловщины вопрос о власти приобрел новую остроту. В корниловские дни пролетариат и крестьянство начинают пробовать собственными силами и средствами разрешить эту проблему. Борьбу с корниловщиной пролетариат и идущее за ним крестьянство вели не во имя сохранения Временного Правительства, правительства меньшевиков и эсеров, а помимо этого правительства, очень часто вопреки ему. Там, где пролетарские организации были сильны. где сильно среди них было влияние партии большевиков, пролетариат, пытаясь вести борьбу с попыткой бур-

жуазии захватить в свои руки власть, создавал особые организации, которые в процессе борьбы с корниловщиной захватывали власть в свои руки. В промышленных центрах пролетариат создавал ВРК, боевые штабы, которые, имея своей целью борьбу с корниловщиной, в то же самое время стихийно, в процессе борьбы, брали в свои руки власть.

б) ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Это правительство в течение сентября теряет свой социальный фундамент и организационно разваливается. Но, организационно разваливаясь, теряя социальный фундамент, теряя силы, правительство меньшевиков и эсеров и идущие за ним отряды мелкой буржуазии пытаются организовать сопротивление растущему движению пролетариата и крестьянства и по-своему разрешить проблему власти. Попытки Временного Правительства, меньшевиков и эсеров, попытки мелкой буржуазии столковаться с крупной

буржуазией, которые делались на Московском Государственном Совещании, кончились крахом. Эта неудача не отучила меньшевиков и эсеров от стремления базироваться на буржуазию, не заставила их отказаться от стремления удержать страну в рамках буржуазно-демократической революции. После того, как крупная буржуазия и помещики попытались совсем отодвинуть меньшевиков и эсеров, захватить в руки власть и утвердить свою диктатуру, меньшевики и эсеры попрежнему стремились удержать страну, пролетариат и крестьянство в рамках буржуазно-демократической революции, стремились вырвать у растущей революционной армии основную цель борьбы — власть, защитить интересы и позиции буржуазии. Как и после 3—5 июля, меньшевики и эсеры, после корниловщины, пытаются расширить сузившийся социальный базис Временного Правительства, собрать вокруг него падающие, рассыпающиеся силы, укрепить его и направить движение и растущую революционную энергию пролетариата и крестьянства по руслу буржуазно-демократической революции. С этой целью меньшевики и эсеры собирают в Петрограде Демократическое Совещание.

Демократическое Совещание основной своей целью имело разрешение проблемы власти — оно все время в своей меньшевистско-эсеровской части думало о том, как бы привлечь буржуазию к своему союзу. Перед ним стояла задача сконструировать и укрепить разваливающуюся после корниловского выступления власть Временного Правительства, расширить ее социальный фундамент, укрепить ее базис, остановить растущее революционное движение пролетариата и крестьянства, разрешить меньшевистско-эсеровскими методами проблему власти путем создания коалиционного правительства, правительства крупной и мелкой буржуазии, правительства буржуазно-демократической революции.

3 сентября ВЦИК постановил собрать на 12 сентября в Петрограде съезд всей организованной демократии и разослал пригласительные телеграммы ряду организаций. На этот съезд приглашались исполнительные комитеты областных Советов, исполнительные комитеты Советов крестьянских депутатов, кооперативы, профсоюзы, железнодорожные союзы, торгово-промышленные, почтово-телеграфные, учительские и военные организации, служащие Земгора, земств, национальные группы, крестьянский союз, — все представители верхушечных давно не переизбиравшихся мелкобуржуазных организаций. 14 сентября Чхеидзе открыл первое заседание Всероссийского Демократического Совещания. (См. таблицу № 7). С приветствием выступил от Временного Правительства Керенский, от Совета крестьянских депутатов — Авксентьев. Основную цель Демократического Совещания его устроители видели в разрешении вопроса о власти, в конструкции власти. Свою политику ближайшего прошлого и ближайшего будущего один из сторонников коалиции изложил в таких словах:

«Мы знали, — сказал член правительства социал-демократ Скобелев, — что ближайшим наследником самодержавного строя являются буржуазные элементы. И в первые дни революции мы всю силу своего влияния употребили на то, чтобы помочь буржуазным имущим элементам оправиться от смущения перед неизвестностью за судьбы страны и притти к власти».

Расчищая дорогу к власти буржуазии в прошлом, Скобелев призывал Демократическое Совещание укреплять власть буржуазии и в будущем.

«Без привлечения промышленной буржуазии, — заявил он, — мы с промышленной и хозяйственной деятельностью не справимся». «Без демократии, без цензовых элементов будет власть однородных социалистов, а может быть и товарищей большевиков».

Демократическое Совещание было совещанием, основной целью которого заключалась в создании такой формы власти, которая предохранила бы буржуазию от торжества пролетарской революции. Пытаясь втащить пролетариат и крестьянство на парламентарный путь, удержать его в рамках буржуазно-демократической революции, вновь воссоздать Временное Правительство и с помощью его дождаться Учредительного Собрания, меньшевики и эсеры тем самым пытались избежать пролетарской социалистической революции, вырвать из рук пролетариата разрешение проблемы власти, укрепить позиции крупной и мелкой буржуазии, подменить открытую классовую борьбу за власть парламентар-

ными разговорами о власти. Власть и после Демократического Совещания осталась в руках меньшевиков и эсеров, но голосование вопроса о власти на совещании показало, насколько пролетариат далек от меньшевиков и эсеров, насколько лозунг «вся власть Советам» стал общенародным. При голосовании вопроса о власти на Демократическом Совещании за коалицию высказалось 83 из советских представителей против 192, из представителей крестьянских Советов — 102 за коалицию, 70 — против. Учитывая состав Советов вообще приходится признать, что пролетариат и огромная масса мелкой буржуазии против коалиции, на стороне большевистских лозунгов, — а это говорит о том, что классовый фундамент Временного Правительства суживается, что пролетариат против него, что масса мелкой буржуазии идет за пролетариатом. Это говорит о том, что волны революционного движения пролетариата растут, вслед за ним развивается революционная борьба крестьянства, между меньшевиками и эсерами, держащими в своих руках центральный аппарат власти и многомиллионным крестьянствам вырастает глубокая пропасть, идет открытая гражданская война. В момент Демократического совещания становится ясно, что революционный блок пролетариата и крестьянства, под руководством большевистской партии, вплотную подходит к разрешению проблемы власти.

В момент открытия Демократического Совещания партия должна была сказать определенно и ясно, на какой путь она вступает, каков, по ее мнению, прогноз ближайшего будущего, к чему призывает она революционную армию пролетариата и идущего за ним крестьянства.

в) ВОПРОС О ПРОГНОЗЕ РЕВОЛЮЦИИ В ЦК.

Созыв Демократического Совещания являлся сам по себе поворотным пунктом революции и естественно требовал от Центрального Комитета и всей партии четкого и ясного указания, что делать, прогноза ближайшего будущего, точной установки целей партии и методов их осуществления в жизни. Как на апрельской конференции, столкнулись два стратегических и тактических плана революции, две оценки мировой и русской обстановки, так и вокруг вопроса о Демократическом Совещании на заседании Центрального Комитета опять столкнулись две оценки, — одна, которую возглавлял Ленин, исходила из тех положений, которые были признаны большинством партии на апрельской конференции, другая, которую возглавлял Каменев, исходила из тех же положений, какие защищала эта группа против ленинского плана на апрельской конференции. 3 сентября на заседании Центрального Комитета был поставлен вопрос об отношении к Демократическому Совещанию. Центральный Комитет единогласно решил разослать по всем партийным организациям телеграфные сообщения с предложением провести через местные Советы наиболее полное представительство партии на Демократическое Совещание с тем, чтобы полнее отразить истинное настроение рабочих, крестьян и солдат. Несколько раз Центральный Комитет возвращался к вопросу об организации представительства на Демократическое Совещание. 6 сентября Центральный Комитет обсуждал вопрос о

составе делегации на Демократическое Совещание, наметил список кандидатов, которые должны были быть проведены от Петросовета и ВЦИКа, выдвинул кандидатуру находящихся в подполье Ленина и Зиновьева, решил провести по Петрограду и по всем пунктам страны широкую агитационную кампанию, организовать широкое представительство на Совещание депутаций от фабрик и заводов с изложением требований большевиков. Наконец решил приурочить к моменту созыва Совещания созыв пленума Центрального Комитета и совещание со съехавшимися на Демократическое Совещание партийными работниками. ЦК выделил комиссию из пяти человек — Сталина, Рыкова, Милютина, Каменева и Троцкого — для выработки декларации и резолюции на Демократическом Совещании. Но если техническая сторона организации Демократического Совещания не встречала больших споров и разногласий, то отношение к Демократическому Совещанию, вопрос о том, с чем итти на Демократическое Совещание и как к нему относиться, вызвали резкое разногласие внутри Центрального Комитета. Вопрос об отношении к Демократическому Совещанию таил в себе ряд вопросов, он требовал оценки расположения классовых сил мировой и русской революции, требовал разрешения задач ближайшего будущего, выяснение методов разрешения основного вопроса революции — проблемы власти. Вопрос сводился не столько к тому, как вести себя в момент Совещания сколько к выработке стратегических мероприятий на ближайший период, а в центре всех мероприятий стоял вопрос о власти. Меньшевистский и эсеровский ВЦИК, собирая Демократическое Совещание, стремился этим путем разрешить проблему власти. Центральный Комитет большевиков, идя на Демократическое Совещание, должен был дать ясный и четкий ответ на вопрос об отношении к разрешению проблемы власти на ближайший период. Лозунг «вся власть Советам» требовал конкретного ответа, как его практически разрешать и осуществлять. Все эти вопросы естественно вызывали широчайшую дискуссию в Центральном Комитете. Уже краткая протокольная запись заседания 31 августа говорит о том, что председатель объявил генеральную дискуссию, в которой принимали оживленное участие все присутствующие. Каково содержание этой дискуссии, можно судить по резолюции, которая от имени фракции большевиков была обнародована на заседании ВЦИКа и Исп. К-та С. Кр. Деп. 31 августа. В этой резолюции требовалось решительно порвать с политикой коалиции. Резолюция требовала создать власть «из представителей революционного пролетариата», декретировать объявление республики, отмену частной собственности на землю, введение рабочего контроля, разрыв тайных договоров и предложение всем воюющим народам демократического мира. Для меньшевиков и эсеров и эта буржуазно-демократическая по существу программа революции оказывалась неприемлемой. Вопрос о необходимости разрешить проблему власти, дать ясный и четкий ответ по вопросу о власти подчеркивался Лениным в его письмах. 15 сентября Ленин обратился со своими письмами в Центральный Комитет и во фракцию предпарламента. В этих письмах — «Марксизм и восстание», «Большевики должны взять власть» — Ленин требовал от Центрального Комитета решительной постановки вопроса о власти, указывал методы разрешения проблемы власти. Разрешение проблемы власти разрешало и вопрос об отношении к Демократическому Совеща-

нию и выросшему из недр его предпарламенту. Демократическое Совещание, как оценивал его Ленин, является организацией, искусственно представляющей лишь меньшинство народа. Оно является парламентарным органом, и вопрос об отношении к нему связывался с общей оценкой расположения классовых сил революции. По мнению Ленина классовые силы революции в начале сентября определенно росли. Рост классовых сил революции, разрыв между силами революции и теми группами, которые держали в своих руках Демократическое Совещание, указывали на то, что разрешение проблемы власти лежит не в Демократическом Совещании, а вне его. Отсюда вытекали оценка самого Демократического Совещания и отношение к нему. В одном из своих писем Ленин определенно заявил: «играть с Демократическим Совещанием преступно». А дальше он объяснял, почему преступно играть с Демократическим Совещанием.

«Величайшей ошибкой,—писал Ленин,—величайшим парламентарным кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию как к парламенту, ибо даже если бы оно и объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает. Решение лежит вне его в рабочих кварталах Питера и Москвы. Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами исключительные выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, — этой самой мучительной вещи на свете» [1]).

Исходя из этих предпосылок, Ленин видел в участии в Демократическом Совещании ошибку. По мнению Ленина, на Демократическом Совещании меньшевики и эсеры занимались «обкрадыванием демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма». Участие большевиков «в этом гнусном подлоге» имело, по Ленину, лишь то же оправдание, как и участие в Третьей Государственной Думе, с той лишь разницей, что, говоря словами Ленина,

«III Дума созывалась при заведомом упадке революции, а теперь заведомо идет нарастание новой революции». «Использование парламентаризма, — писал Ленин, — особенно в революционные времена, состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы учить массы на примере гнилья» [2]).

Ленин считал, что революционные силы растут и назревают, что рост революционных сил идет помимо Демократического Совещания и предпарламента. В дни Демократического Совещания Ленин призывал партию к разрешению проблемы власти. В момент работ Демократического Совещания Ленин в «Рабочем пути» писал:

«Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти». «Середины нет, опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина». «Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов... Власть Советам — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта» [3]).

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 138.
[2]) Там же, стр. 143, 144.
[3]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 102, 106, 108.

Петроградский Комитет на заседании 10 сентября принял резолюцию, напечатанную в «Рабочем пути» 13 сентября, с требованием немедленного разрыва с политикой соглашения и создания власти Советов. Ленин в своих письмах 15 сентября в Центральный Комитет не только сформулировал отношение к Демократическому Совещанию, но и давал конкретный план разрешения проблемы власти. Вопрос был поставлен ребром. Необходимо, говорил Ленин, разрешить судьбу революции, а разрешение судьбы революции, проблемы власти Ленин считал возможным только вооруженной рукой. Необходимо, писал он, «на очередь дня поставить вооруженное восстание». Указывая на необходимость приступить к вооруженному восстанию, Ленин, особенно в письме «Марксизм и восстание», подробно обосновывал отношение марксизма к восстанию. К этому вопросу он возвращался и в начале октября. Первый раз 15 сентября в письме «Марксизм и восстание» Ленин дал конкретный план осуществления восстания. Марксисты относятся к восстанию, доказывает Ленин, как к искусству. К восстанию нужно не только призывать, но восстание нужно организовать. Восстание нужно провести, осуществить в определенный момент. Только тем, по учению Ленина, восстание в постановке марксизма и отличается от бланкизма, что организованное восстание тесно связано со всем расположением классовых сил в момент восстания, связано с революционными классами, идущими на восстание. Восстание можно осуществить лишь в определенный переломный момент, когда на стороне

восстания наибольшее количество сил, когда оно опирается на передовой класс, когда силы передового класса растут, увеличиваются и когда противники этого класса переживают наибольшие колебания.

«Но раз есть на лицо эти условия, — пишет Ленин, — то отказаться от отношения к восстанию как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции».

Ленин старался теоретически доказать необходимость отнестись к восстанию, как к искусству; он не только доказывал, анализируя и русскую и мировую обстановку революции, необходимость восстания, успешность восстания, в своих письмах он намечал и тактический план осуществления восстания. Он требовал сплотить фракцию Демократического Совещания, бросить всех на заводы, и в казармы, повести там горячую агитацию, призывая пролетариат, крестьянство и солдат к восстанию.

«Сосредоточив, — писал Ленин, — всю фракцию на заводах и в казармах, мы правильно учтем момент для начала восстания».

Создать, организовать штаб восстания, распределить силы, двинуть верные полки для занятия командных пунктов столицы, занять командные пункты — Петропавловку, Александринку, Генеральный штаб, арестовать Временное Правительство, захватить в свои руки телеграф и телефон. В письме «Большевики должны взять власть» Ленин указывал на то, что необходимо начать восстание сразу и в Питере и в Москве, захватить в свои руки промышленные центры, промышленные районы и от них и через них развернуть борьбу.

«История, — писал Ленин, — не просит промедления революционерам, которые могли победить сегодня и наверняка победят сегодня, рискуя потерять много завтра, рискуя завтра потерять все».

Письма Ленина были оглашены на заседании Центрального Комитета. При обсуждении их группа членов Центрального Комитета во главе с Каменевым, предлагая отвергнуть практические предложения Ленина, развила основные положения своей платформы. Каменев внес резолюцию, которая не была принята Центральным Комитетом. В этой резолюции интересно то, что она пыталась заставить Центральный Комитет скрыть от партии ту оценку задач текущего момента, расстановки классовых сил и вытекающих из нее задач, которые давал Ленин. Каменев предлагал Центральному Комитету в своей резолюции заявить, что

«Центральный Комитет, обсудив пасьма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в такой момент совершенно недопустимым какие бы то ни было выступления на улицу».

Наряду с этой резолюцией, отвергающей все практические предложения, выдвинутые в письмах Ленина и тем самым пытающейся удержать партийную линию и партию на позиции, затушевывающей ответ на стоящие конкретные вопросы и тем самым позволяющую захватить инициативу в свои руки меньшевикам и эсерам и тянуть партию с помощью Демократического Совещания на парламентарный путь развития, — Каменев предлагал Ленину разработать

в особую брошюру поставленные в его письмах вопросы и сохранить их только в одном экземпляре, т. е. уничтожить, скрыть от партии поставленные в них вопросы. Это была попытка не дать партии приступить к разрешению вставших перед нею конкретных задач. Большинство Центрального Комитета на это не пошло. В противовес этому предложению т. Сталин предложил разослать письма Ленина в наиболее важные организации с предложением обсудить их. За сохранение только в одном экземпляре писем высказались 6 против 4 и 6 воздержались. Вопрос, затронутый в письмах Ленина, было решено перенести на ближайшее заседание Центрального Комитета. А Центральный Комитет на заседании 15 сентября в заключение прений по вопросам, возбужденным письмами Ленина, постановил поручить «членам Центрального Комитета, ведущим работу в военных организациях и в ЦК, принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах». Вопрос о разрешении проблемы власти неразрывно срастался с вопросом об отношении к Демократическому Совещанию и к предпарламенту. Большинство Центрального Комитета решило с Демократического Совещания не уходить. Центральный Комитет на заседании 21 сентября большинством 9 голосов против 8 постановил не выходить из предпарламента. Фракция Демократического Совещания большинством 77 голосов против 50 решила принять участие в предпарламенте. Участие в предпарламенте снимало в значительной степени проблему вооруженный борьбы за власть с порядка дня. Недаром горячими защитниками участия в предпарламенте были Каменев и Ногин. Против участия в предпарламенте выступали Сталин и Троцкий. Троцкий при этом занимал промежуточную позицию, высказываясь против активного бойкота предпарламента. Горячим противником участия в предпарламенте естественно был Ленин, поскольку он считал, что задача сводится не к участию в предпарламенте, а к практическому разрешению проблем власти. Борьба Ленина за разрешение конкретного вопроса революции, вопроса о власти, кончилась 5 октября, когда Центральный Комитет решил уйти из предпарламента. Это было поворотным моментом. После жестоких дискуссий Центральный Комитет решил приступить к разрешению проблемы власти вооруженною рукою. Противники организации подготовки восстания, пытавшиеся втянуть революцию на путь парламентаризма, естественно должны были попытаться вновь дать отпор принятому Центральным Комитетом решению. Они отчетливо понимали, что решение Центрального Комитета знаменует собою торжество определенной политической линии, знаменует переход к практическому осуществлению этой линии. Каменев 5 октября подал на заседании Центрального Комитета особое заявление, в котором он протестовал против решения партии о выходе из предпарламента. В этом письме Каменев резко подчеркивал расхождение своей политической линии с принятым ЦК решением. В своем письме Каменев заявил:

«Дорогие товарищи. Я полагаю, что ваше решение о выходе с первого же заседания Совета Республики предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии. Подчиняясь решению партии, я вместе с тем прошу товарищей освободить меня от обязанностей представительных органов и поручить мне какую-либо другую работу».

В тот момент, когда Центральный Комитет решил приняться за подготовку восстания, Каменев, стремящийся втянуть революцию на буржуазно-демократический путь, заявлял о своем отказе от ответственной работы в представительных органах пролетариата.

Ленин 5 октября обратился с особым письмом, которое было оглашено на заседании Петроградского Комитета, в котором он призывал партию приступить немедленно к организации восстания. Ленин давал анализ расстановке классовых сил, пролетарской армии в международном масштабе, указывал в этом письме на рост революционных сил в России, на рост сил в Германии и во всем мире и требовал немедленно приступить к взятию власти.

«Ждать — преступление. Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас же». Взятие власти тотчас же спасет судьбу и мировой и русской революции. Для взятия власти необходимо «итти на восстание тотчас же».

С 5 октября партия начинает горячо обсуждать вопрос не о том, участвовать или не участвовать в работах предпарламента, а вопрос о подготовке вооруженного восстания.

Вопрос, поставленный Лениным, горячо обсуждался всей партией и вызвал горячую борьбу внутри ЦК. Внешний ход событий обрисовывается в таких чертах: первая фаза событий — это борьба внутри ПК и ЦК по вопросу о восстании. Вопрос этот обсуждался на заседании ПК 5 октября и на заседании ЦК 10 октября. 10 октября Ленин пишет письмо — обращение к ЦК, ПК и МК. 11 октября Зиновьев и Каменев выпускают «Письмо к текущему моменту». 11 октября происходит заседание петроградского актива. 15 — заседание ПК, и наконец 16 — заседание ЦК, решившее окончательно вопрос о восстании, его организации и осуществлении. После этого борьба внутри ЦК принимает новый характер и ведется за новые цели. Это вторая фаза событий после решения ЦК 16 октября приступить к организации восстания. 17 октября Ленин опубликовывает «Письмо к товарищам», в котором разбирает подробно «Письмо к текущему моменту». 18 — Каменев выступает с «Письмом» в «Новой Жизни», меньшевистко-интернационалистской газете, с призывом к партии и пролетариату воздержаться от восстания. 19 — Ленин пишет в ЦК письмо с горячим протестом и с требованием немедленной кары тт. Зиновьеву и Каменеву за их выступление. Внешняя сторона событий указывает на то, что внутри ЦК борьба носила резкий характер, и в процессе борьбы в нее втягивались широкие массы партийцев ПК и петроградского актива. Борьба велась вокруг основных вопросов революции. Борьба велась вокруг оценки момента, оценки движущих сил революции, оценки сил врага. С одной стороны, стояло все большинство ЦК во главе с Лениным, с другой стороны — резко выступали Зиновьев и Каменев, а их поддерживали примиренчески настроенные Рыков и Ногин и член ПК Володарский. Уже на заседании ПК 5 октября противник линии большинства ЦК, горячий защитник позиции Каменева Володарский в своей речи выявил основное положение противников восстания и заострил прения вокруг тех вопросов, которые потом обсуждались на заседаниях ЦК, ПК и в прессе. По словам Володарского сил на стороне революции было далеко еще не достаточно. Сил же на стороне Временного Правительства было больше, чем

думали сторонники восстания. Эта недооценка своих собственных сил и переоценка сил врага — характернейшая черта всех выступлений противников восстания. Володарский попытался дать анализ возможностей использовать для целей восстания боевые силы флота, армии, революционные силы Петрограда и Финляндии. Он доказывал, что физических сил, имеющихся в распоряжении революции в Петрограде, далеко не достаточно, и они не смогут противостоять тем силам, которые может двинуть Временное Правительство с фронта. «Имеем ли мы, — говорил он, — действительные силы в Петрограде и в Финляндии? Я утверждаю, что их нет, что флот не может оказать нам поддержки. На флот мы рассчитывать не можем. Петроград и Финляндия — не вся Россия, и я утверждаю, что даже в этом узком вопросе у нас сил недостаточно в сравнении с теми, которые будут двинуты на нас с фронта». Недостаточность сил требовала отказа от попытки взять власть в свои руки. При той ситуации, которая имелась налицо, по мнению Володарского, «взять власть мы можем только в состоянии отчаяния». Взявши власть, по его мнению, мы ее быстро потеряем. «Я думаю, — заявлял он, — что мы, партия подлинной революции, не можем брать власть, чтобы продержаться один-два месяца». Это была в общих чертах та платформа, которая защищалась Зиновьевым и Каменевым на заседаниях ЦК 10 и 16 октября и которую они подробно обосновали в своем «Письме к текущему моменту». Вся политическая оценка обстановки, даваемая Зиновьевым, Каменевым и их сторонниками, сводилась к недооценке своих собственных сил, переоценке сил врага и к вытекающему отсюда стремлению тащить партию, пролетариат и всю страну на парламентарный путь развития. Это была не случайность, а рецидив «апрельских настроений». В «Письме к текущему моменту» Зиновьев и Каменев утверждали, что в стране большинство сил не на стороне революции. Если относительно пролетариата они не спорили, то мелкая буржуазия, по их словам, определенно была «гораздо ближе к буржуазии, чем к нам». Недостаточность сил внутри страны сопровождалась недостаточностью сил и в международном масштабе.

«Говорят, — заявляли они, — за нас уже большинство народа в России и за нас большинство международного пролетариата. Увы, ни то, ни другое неверно, и в этом все дело».

Международный пролетариат не подготовлен к восстанию. Тем самым они утверждали, что мировая революция еще не назрела. В то же самое время, по словам «Письма к текущему моменту» и по речам Зиновьева и Каменева на заседании ЦК 16 октября, сил у Временного Правительства было гораздо больше, чем у нас. Не только вся мелкая буржуазия еще на его стороне, но и организационно Временное Правительство сильнее и устойчивее. Аппарат восстания, по словам Каменева, еще не был создан, а у Временного Правительства аппарат еще сохранился и не обнаруживает тенденции к распаду. На заседании 16 октября Каменев заявил: «Аппарата восстания у нас нет, у наших врагов этот аппарат (организационный) гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос». Таким образом сил для успешного восстания, по мнению Зиновьева и Каменева, не было. Отсюда естественно, что само решение ЦК о вооруженном восстании в их глазах было неверным и опасным и от него нужно было отказаться во что бы то ни стало. Это решение, — как заявляли они в «Письме к текущему

моменту», — «ставит на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». Происходившую борьбу между ними и сторонниками восстания Каменев оценивал как борьбу двух тактик — тактики заговора и тактики веры в силы русской революции. Исходя из своей оценки классовых сил, Зиновьев и Каменев требовали отказа от лозунга восстания. По их словам, приступить сейчас к восстанию — значит итти на авантюру.

«Назначение восстания есть авантюризм, — заявлял Каменев, — мы обязаны разъяснить массам, что в эти три дня на наступление не зовем, но считаем, что восстание неизбежно».

Зиновьев и Каменев предложили ЦК напечатать в центральном органе заявление от имени ЦК с призывом не предпринимать никаких выступлений до съезда Советов и с отказом от восстания. Не добившись поддержки своей точки зрения, они внесли предложение немедленно созвать по телеграфу пленум ЦК для обсуждения вопроса о восстании. Взамен организации и осуществления восстания и взятия власти в свои руки Зиновьев и Каменев предлагали отказаться вообще от восстания, как от метода действия. По их мнению, при отсутствии достаточных классовых сил бой принимать невыгодно, гораздо выгоднее держаться оборонительной тактики и стремиться через Учредительное Собрание, выборы в которое приближались, провести в жизнь свою программу. Это был полный отказ от власти Советов и попытка втянуть снова страну на парламентарный путь развития. Созыв Учредительного Собрания, заявляли они в своем «Письме к текущему моменту», неизбежен. Срыв Учредительного Собрания оттолкнул бы мелкую буржуазию от Временного Правительства. «Поэтому, — заявляли Каменев и Зиновьев, — Учредительное Собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственного учреждения, к которому мы идем». Во имя создания этого комбинированного типа Зиновьев и Каменев отказывались от самой идеи восстания. «Сорвать Учредительное Собрание, — писали они, — для буржуазии становится все более невозможным. Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии. Буржуазия поставлена в такое положение, что если б она вздумала сорвать Учредительное Собрание, она опять толкнула бы мелкую буржуазию к нам, и курок револьвера был бы спущен. Учредительное Собрание становится тем запалом, через который можно провести, реализовать на практике требования пролетариата и крестьянства».

На заседании Центрального Комитета 16 октября Зиновьев и Каменев потерпели полное поражение. Исчерпав все средства борьбы, Каменев подал заявление в Центральный Комитет о своем выходе из состава Центрального Комитета по принципиальным соображениям. «Не имея возможности защищать, — писал он, — точку зрения, выразившуюся в последних решениях Центрального Комитета и определяющую весь характер его работ, и находя, что эта позиция ведет партию и пролетариат к поражению, прошу ЦК считать, что я более членом ЦК не состою». Таким образом свое несогласие с принципиальной линией Центрального Комитета сам Каменев понимал как полный разрыв. Исчерпав все средства борьбы внутри Центрального Комитета, Каменев заявил о своем выходе из состава руководящего органа партии, взявшего курс

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПО РУКОВОДСТВУ ВОССТАНИЕМ.

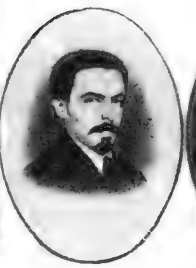
ПОЛИТБЮРО.

Бубнов.

Ленин.

Сталин.

Зиновьев.



Сокольников.

Каменев.

Троцкий.

ИЗБРАН 10 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА НА ЗАСЕДАНИИ ЦК.

КРОМЕ ТОГО НА ЗАСЕДАНИИ ПРИСУТСТВОВАЛИ

Коллонтай.

Свердлов.

Дзержинский.

Урицкий.

Ломов.

ЗА РЕЗОЛЮЦИЮ ЛЕНИНА О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ ГОЛОСОВАЛО 10, ПРОТИВ — 2.

на восстание. В то же самое время, сложивши с себя звание члена ЦК, Каменев не прекращает борьбы с принятой партией линией. Через голову партии он пытается апеллировать к массам и переносит свою борьбу на суд беспартийной массы. 18 октября появляется в «Новой Жизни» письмо Каменева, где он предупреждает пролетариат и крестьянство о гибельности принятого партией курса. В этом письме Каменев указывал, что он и Зиновьев находят, что «взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом». Восстание в этот момент обречено на поражение. Восстание поставило бы сейчас все на карту, а это, по мнению Каменева, «значило бы совершить шаг отчаяния».

Это письмо появляется в прессе, враждебной партии, ведущей неустанную борьбу с большевиками, в тот момент, когда для всего пролетариата и всей страны становится ясной неизбежность пролетарского восстания. Тем самым Каменев не только предупреждает пролетариат, пытаясь вырвать его из рук Центрального Комитета и дезорганизовать пролетарскую армию, он предупреждает своим выступлением и буржуазию о готовящемся пролетарском восстании.

Позиция Зиновьева и Каменева на заседании ЦК 10 и 16 октября, а особенно их «Письмо к текущему моменту» вызвали особенно резкий отпор со стороны Ленина. Еще до заседания ЦК 10 октября Ленин написал письмо в ЦК, МК, ПК и членам Петроградского и Московского Советов — большевикам, в котором призывал приступить энергично и немедленно к подготовке восстания. В этом письме Ленин заявлял, что «промедление становится положительно п р е с т у п л е н и е м... «Ждать — преступление перед революцией». 16—17 октября, в ответ на вторичное выступление Зиновьева и Каменева на заседании ЦК, Ленин в «Письме к товарищам» сделал подробный разбор платформы Зиновьева и Каменева, как она была выражена в их «Письме к текущему моменту». В «Письме к товарищам» Ленин заявлял, что так как «парочка товарищей, растерявших свои принципы, может внести смуту в партийные ряды, то необходимо разобрать их заявление». Разбирая шаг за шагом «Письмо к текущему моменту», Ленин указывал, что все положения, какие выставляют авторы письма, не соответствуют ни классовому соотношению сил, ни большевистской тактике. Самый отказ от восстания в данный момент является полной ликвидацией революции.

«Отказ от восстания, — писал Ленин — есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» собрать Учредительное Собрание». ...«Промедление в восстании смерти подобно».

В то же время по поводу выступления тов. Каменева в «Новой Жизни» Ленин обратился с письмом к членам партии большевиков, в котором писал:

«Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая Жизнь», то я отказался верить этому... Что же это такое выходит?

По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в непартийной печати и притом именно в такой газете, которая по данному

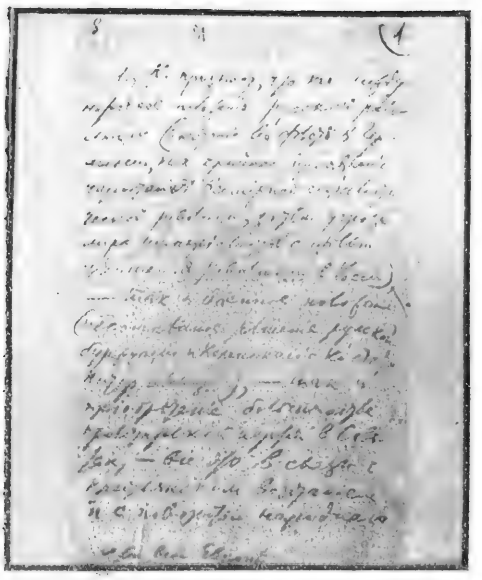
вопросу идет о б р у к у с б у р ж у а з и е й п р о т и в р а б о ч е й п а р т и и, в такой газете нападают на неопубликованное решение центра партии!

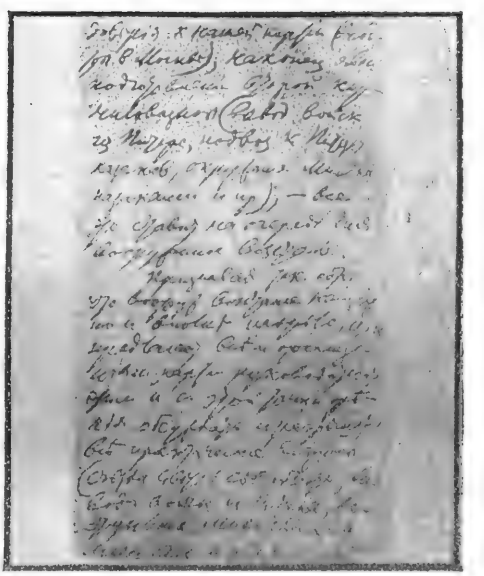
Да ведь это в тысячу раз подлее и в м и л л и о н р а з в р е д н е е всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти!

И по такому вопросу, п о с л е принятия центром решения, оспаривать это н е о п у б л и к о в а н н о е решение перед Родзянками и Керенскими в газете непартийной, — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии».

Ленин обратился к Центральному Комитету партии с требованием исключить немедленно Зиновьева и Каменева из партии.





«Каменев и Зиновьев, — писал Ленин, — в ы д а л и Родзянко и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузною ложью перед капиталистами в ы д а л и им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК: Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии» [1]).

Эта позиция противников восстания встретила жесточайший отпор и в ЦК, и в ПК, и во всей партии. В противовес их оценке сил революции и сил Временного Правительства большинство ЦК выдвинуло другую оценку расстановки классовых сил, исходя из которой считало необходимым немедленно приступить к организации восстания. Принципиально вопрос был решен уже на заседании ЦК 10 октября. На этом заседании с докладом о текущем моменте выступал Ленин. По его докладу ЦК большинством против двух принял ре-

[1]) Л е н и н, т. XXI, изд. 3-е, стр. 355.

золюцию, в которой указывал на то, что силы революции растут как в русском, так и в международном масштабе. Центральный Комитет считал, что момент решительного боя наступает, к нему готовятся силы контрреволюции, подготовляя вторую корниловщину, готовят сдачу Питера немцам, т. е. уничтожение русской революции силами штыков германских империалистов. В то же время растут революционные силы в Германии, растут роль и значение партии в России, растет крестьянская война внутри страны. Все это показывает на рост революционных сил как в русском, так и мировом масштабе, на необходимость приступить к решительным действиям и организовать и совершить революцию. Исходя из всего этого, Центральный Комитет заявил: «Вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело. Центральный Комитет предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы». На заседании Центрального Комитета 16 октября, после обсуждения вопроса о восстании на заседании петроградского актива, после появления «Письма к текущему моменту», после заседания ПК 15 октября, ЦК снова подтвердил свои прежние решения и, исходя уже из принятой принципиальной линии, приступил к обсуждению связанных с вопросом о восстании технических вопросов. После заслушания докладов о военных и профессиональных организациях ЦК обсуждал вопрос о текущем моменте. За необходимость приступить к технической организации восстания высказались Ленин, Сталин, Дзержинский и Свердлов. Сторонники восстания указывали, что все силы на стороне восстания. Сталин в своей речи противопоставил оценке движущих сил революции, данной Зиновьевым и Каменевым, ту оценку, из которой исходило все время большинство Центрального Комитета. «До каких же пор ждать, — говорил он, — если не будет военного нападения?! То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективо приводит к возможности контрреволюции сорганизоваться: мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию. Почему бы нам не предоставить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контрреволюции... Тут две линии. Одна линия держит курс на победу революции и озирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказавшись санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского». Ту же мысль развивал и Свердлов, указывая, что соотношение сил в стране в пользу восстания, и нужно осуществить на практике резолюцию ЦК от 10 октября о восстании. Ленин в своей речи заявлял, что политически восстание неизбежно. Исходя из оценки сил и неизбежности восстания, Сталин касался и вопроса о дне восстания. «День восстания должен быть выбран целесообразно». В результате 19 голосами против двух, при четырех воздержавшихся, была принята резолюция, подтверждающая решение ЦК от 10 октября, и постановлено призвать все организации партии к усиленной подготовке восстания. В этой резолюции было сказано:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке, созданного для этого ЦК центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные

ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ РУКОВОДСТВУ ВОССТАНИЕМ ИЗБРАН НА ЗАСЕДАНИИ ЦК 16 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

И. В. СТАЛИН

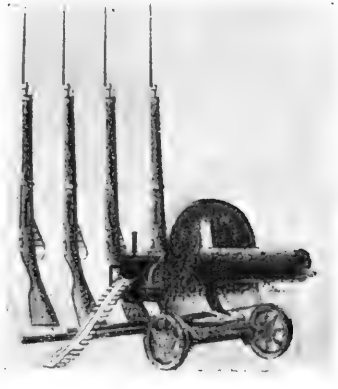
М. С. УРИЦКИЙ

А. С. БУБНОВ

Я. М. СВЕРДЛОВ

НА ЗАСЕДАНИИ 16 ОКТЯБРЯ ПРИСУТСТВОВАЛИ ЧЛЕНЫ ЦК, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ФАБЗАВКОМОВ, ПРОФСОЮЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ,—ВСЕГО 25 ЧЕЛОВЕК. В ЧИСЛЕ ПРИСУТСТВОВАВШИХ НЕ-ЧЛЕНОВ ЦК СЛЕДУЮЩИЕ ТОВАРИЩИ:

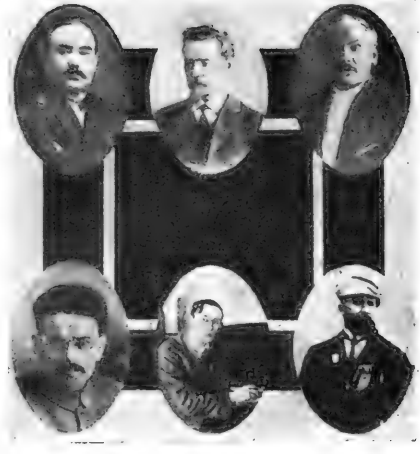
Шляпников. Шотман. Крыленко.



ГОЛОСОВАНИЕ РЕЗОЛЮЦИИ ЛЕНИНА:

ЗА ВОССТАНИЕ . . . 20
ПРОТИВ 2
ВОЗДЕРЖАЛИСЬ . . 3

СОБРАНИЕ ВПОЛНЕ ПРИВЕТСТВУЕТ И ВСЕЦЕЛО ПОДДЕРЖИВАЕТ РЕЗОЛЮЦИЮ ЦК, ПРИЗЫВАЕТ ВСЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ВСЕХ РАБОЧИХ К ВСЕСТОРОННЕЙ И УСИЛЕННЕЙШЕЙ ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ, К ПОДДЕРЖКЕ СОЗДАВАЕМОГО ДЛЯ ЭТОГО ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ ЦЕНТРА И ВЫРАЖАЕТ ПОЛНУЮ УВЕРЕННОСТЬ, ЧТО ЦК И СОВЕТ СВОЕВРЕМЕННО УКАЖУТ БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ И ЦЕЛЕСООБРАЗНЫЙ СПОСОБ ВЫСТУПЛЕНИЯ. Из резолюции совещания ЦК и активных.



Калинин. Володарский. Лацис.

способы наступления». На этом заседании ЦК выделил военно-революционный центр в составе пяти товарищей: Джержинского, Свердлова, Сталина, Бубнова и Урицкого. (См. стр. 203). Этот центр должен был войти в состав советского Военно-Революционного Комитета.

Вопрос об отношении к Зиновьеву и Каменеву был поставлен на заседании Центрального Комитета 20 октября. Здесь обсуждалось конкретно, провести ли предложение Ленина в жизнь. Большинство ЦК решило принять отставку Каменева, относительно же исключения обоих из партии было решено в данный момент этого не приводить в исполнение. При обсуждении этого вопроса Сталин, заявляя, что «Каменев и Зиновьев подчинятся решению ЦК», доказывает, что все наше положение противоречиво, считает, что исключение из партии — не рецепт, нужно сохранять единство партии. Предлагает обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить их в ЦК. Центральный Комитет, несмотря на защиту Сталина, решил принять отставку Каменева и вменить в обязанность Зиновьеву и Каменеву не выступать ни с какими заявлениями против решения Центрального Комитета и намеченной им линии. На заседании 21 октября Центральный Комитет решил не издавать отдельной брошюрою писем Ленина ко всем членам партии большевиков и к Центральному Комитету по поводу выступления Зиновьева и Каменева.

г) ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ.

Вопрос о восстании партией после резолюции ЦК от 10 и 16 октября был поставлен в плоскость практического осуществления. Партийные организации приступили к непосредственной подготовке восстания.

Петроградский Комитет на заседании 15 октября выработал целый ряд мер, необходимых для подготовки партийного аппарата к восстанию. Петроградский Комитет считал необходимым улучшить существующие способы связи партийных комитетов с фабрично-заводскими комитетами, организовать сеть дежурств в центре и на местах, выделить и устроить боевые технические информационные центры при районных комитетах и улучшить связь с железнодорожниками и телеграфными служащими, усилить агитацию, усилить работу по обучению рабочих владеть оружием, усилить связь с солдатскими частями.

Московское Областное Бюро на заседании 14 октября подтвердило свое полное присоединение к резолюции Центрального Комитета и приняло ряд мер к подготовке восстания. Московское Областное Бюро наметило товарищей, которые должны были оповестить партийные организации Владимирской, Нижегородской, Смоленской, Тверской, Костромской, Ярославской и других губерний. Как общую директиву, Московское Областное Бюро предложило всем местным организациям связать свои выступления с выступлением в центрах — Петрограде и Москве, наряду с тем Московское Областное Бюро дало общую директиву и сообщило партийным организациям о готовящемся восстании. Московские партийные организации воспользовались происходившим с 14 октября в Москве VII Всероссийском Съездом Союза городов для того, чтобы предупредить фракцию большевиков этого съезда о решении ЦК держать

курс на восстание и о необходимости подготовить свои местные организации к осуществлению на практике решения Центрального Комитета.

Петроградский Комитет и Центральный Комитет провели большую работу по подготовке партийных организаций, лежащих вокруг Петрограда, Гельсингфорса, Кронштадта, Северо-западного фронта, к участию и осуществлению на практике вооруженного восстания. На фракции съезда Советов Северной области обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Тот же вопрос был поставлен на секретном заседании большевистской фракции Петросовета.

На Северо-западный фронт был делегирован Антонов-Овсеенко, который предупредил чрезвычайный съезд большевиков Латвии, состоявшийся в Валках, о решении ЦК о необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Директива ЦК партийным организациям фронта заключалась в создании сил для поддержки Петросовета и недопущении во что бы то ни стало эшелонов верных правительству войск в Петроград. После доклада Антонова-Овсеенко Центральным Комитетом большевиков Латвии был организован подпольный Военно-Революционный Комитет. 12-я армия, парторганизации Гельсингфорса и Кронштадта были предупреждены о решении ЦК держать курс на восстание, и Петроградский и Московский Комитеты определенным шифром должны были известить о начале восстания. Гельсингфоргская и Кронштадтская организации должны были приготовить воинские части для поддержки начавшегося в Петрограде восстания.

Партийные организации готовились осуществить на практике решение ЦК от 10 и 16 октября. ЦК, ПК и МК готовили связанные с ними организации к восстанию, устанавливая связи, мобилизуя технические средства, выработали шифр, чтобы известить организации о начале восстания, указывали стратегический момент для местных выступлений и тактические способы этих выступлений. Наряду со всем этим партийный аппарат развивает энергичную кампанию по подготовке петроградских рабочих и солдат к восстанию. В Петрограде ведется энергичная работа по созданию и оформлению организационного руководства, организационные центры восстания связываются с массами.

Последние перед восстанием заседания ЦК 21 и 24 октября были посвящены подготовке и организации восстания. После доклада Свердлова о положении на Северном фронте на заседании 21 октября обсуждался вопрос об отношении к Исполнительному Комитету Петросовета, куда для работы решено было ввести группу товарищей. Особое внимание Центрального Комитета на заседании 21 октября привлек к себе вопрос о собирающемся II Съезде Советов. Сталин предлагал распределить доклады по отдельным темам: о войне, о власти, о контроле, о национальном вопросе, о земле. Доклады было поручено подготовить о земле, о войне и о власти — Ленину, о рабочем контроле — Милютину, о национальном вопросе — Сталину и о текущем моменте — Троцкому. Свердлову было поручено сделать на съезде доклад о регламенте съезда. По предложению Свердлова для работ в большевистской фракции II Съезда Совета была выделена особая тройка в составе Свердлова, Сталина и Милютина. На заседании Центрального Комитета 24 октября, последнем заседании перед восстанием, присутствовал Ленин. В порядок дня этого заседания было поставлено три вопроса: доклад о ВРК, о съезде Советов, о пленуме Центрального Комитета

и был заслушан доклад о переговорах с представителями штаба Временного Правительства. На этом заседании ЦК сделал последние организационные постановления перед восстанием. Было поручено отдельным членам Центрального Комитета следить за захватом в свои руки отдельных министерств. Дзержинскому были поручены почта и телеграф; Бубнову — железные дороги; Милютину — организация продовольственного дела; непосредственное наблюдение за Временным Правительством и его ликвидация были поручены Свердлову. Ленину и Каменеву было поручено вести переговоры с левыми эсерами. Было решено создать запасный штаб в Петропавловской крепости, а постоянную связь с ним было поручено поддерживать Свердлову. Утром 24 октября состоялось заседание Петроградского Комитета с участием активных партийных

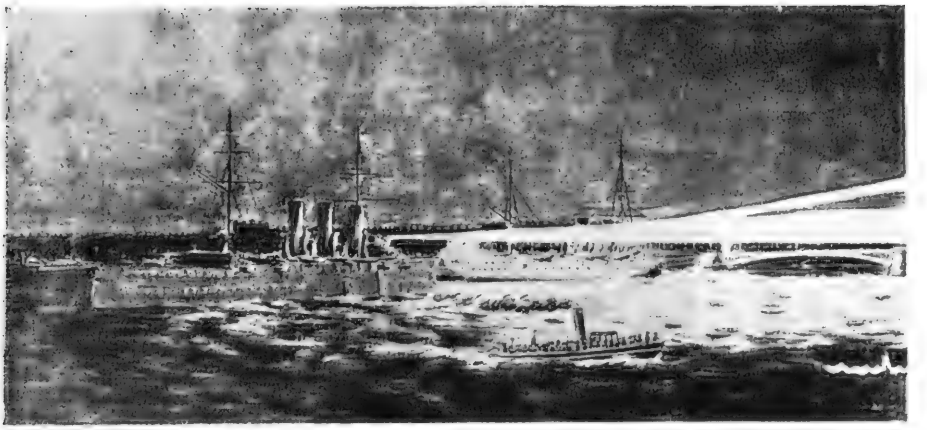
работников. На заседании обсуждался только один вопрос: текущий момент в связи с политикой Временного Правительства. Петрокомитет вместе с активными работниками вынес на этом собрании краткую резолюцию. Они заявляли, что считают необходимым «немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах» [1].

д) ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

В ночь на 25 разрыв между Временным Правительством и ВРК совершился, и под руководством партии петроградский пролетариат, а за ним и петроградский гарнизон пошли на штурм власти Временного Правительства. Партия подготовила Октябрьский переворот в Петрограде. Партия вела

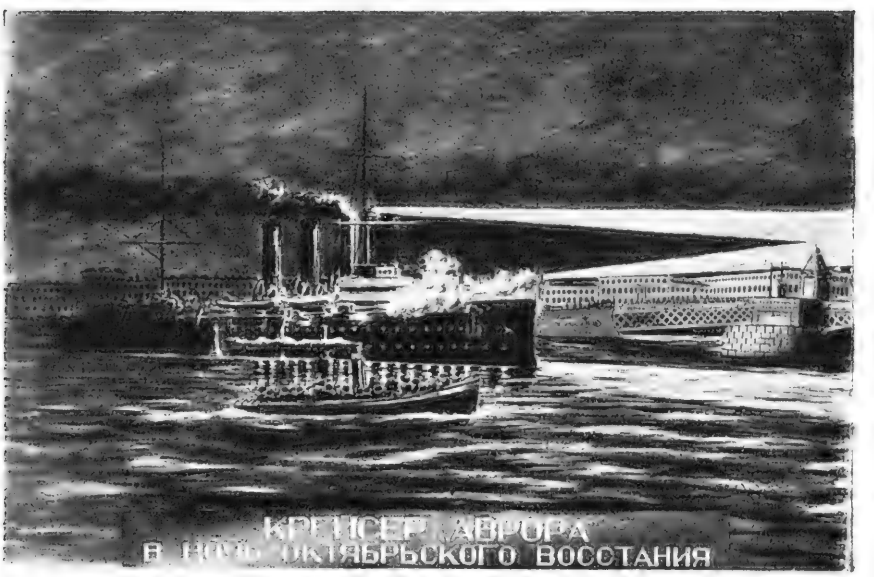
[1]) Первый легальный ПК, стр. 326.

неустанную работу в массах, подготовляя петроградский пролетариат и армию к последнему штурму Временного Правительства. Партия взяла в свои руки созданный Петросоветом ВРК. Через него и вокруг него она объединила петро-



Выстрел с крейсера «Аврора».

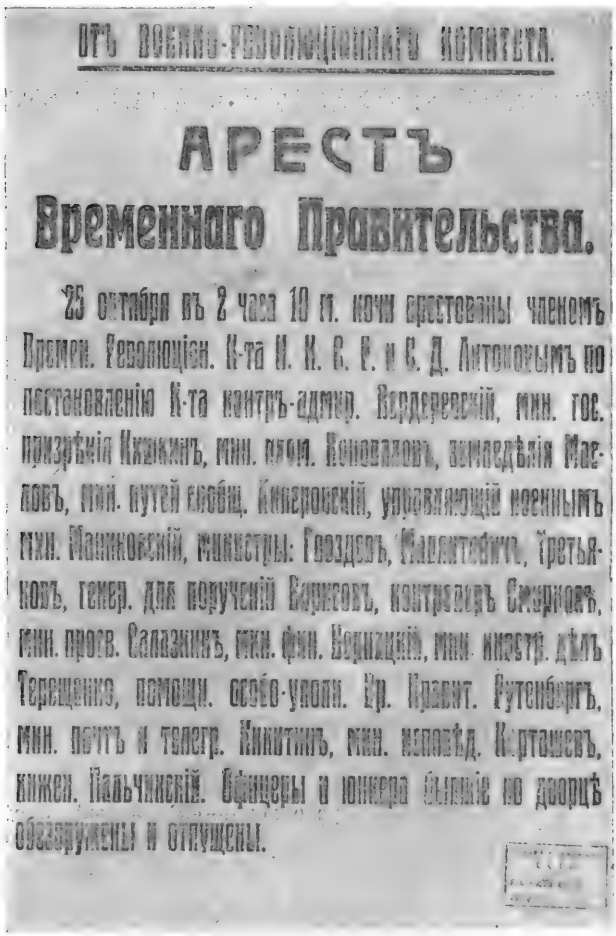
градский пролетариат и гарнизон. Провела организованно и планомерно этот штурм, закрепила за собою взятую власть. ВРК окончательно сконструировался 16 октября. В его состав, за исключением небольшой группы левых эсеров и нескольких анархистов, сплошь входили большевики. В него был вклю-



чен и тот боевой штаб, который был выделен на заседании 16 октября Центральным Комитетом для руководства революцией. ВРК был орудием в руках партии, руководившей через него восстанием.

Учитывая то, что восстание надвигается, Временное Правительство энергично готовилось к отпору. Оно собирало силы, подтягивало к Петрограду войска

с фронта, готовило войска в Петрограде, стремилось вырвать из рук революции вооруженную силу, выбросить часть петроградского гарнизона на фронт, ввести в Петроград верные Временному Правительству полки, обезоружить Кронштадт. ВРК возник в процессе борьбы за петроградский гарнизон, для контроля над действиями военного штаба Временного Правительства. Для выяснения необходимости вывода петроградского гарнизона на фронт Петросовет решил создать ВРК. Но в тот момент, когда ВРК был создан 16 октября, ему пришлось заниматься уже не столько контролем над действиями Временного Правительства, сколько готовить петроградских солдат и петроградский пролетариат к непосредственному штурму Временного Правительства. ВРК, окончательно созданный 16 октября, с 16 по 24 октября провел огромную организационную работу. Опираясь на проведенную партией работу, он сплотил вокруг себя отряды Красной гвардии, связался со всеми воинскими частями Петрограда, организовал их вокруг себя, захватил всю вооруженную силу в свои руки. Под техническим руководством ВРК и идейным — большевистской партии петроградский пролетариат и армия вступили в бой с Временным Правительством. Готовясь к наступлению на пролетариат и крестьянство, Временное Правительство пыталось взять в свои руки инициативу и первым перешло в наступление. В ответ на это, защищаясь, ВРК двинул свои силы, которые быстро смели власть Временного Правительства. 25 ВРК были заняты командные пункты столицы: телеграф, телефон, вокзалы, мосты, фабрики и заводы, банки, министерства. Все было захвачено войсками ВРК, Красной гвардией и петроградским гарнизоном. Комиссары ВРК — большевики руководили массами, отрядами красногвардейцев, вносили организацию и планомерность в действия солдатских частей, вели их за собой. Густые массы петроградского пролетариата по призыву ВРК встали под его знамена и залили улицы Петрограда.



ОТЪ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННАГО КОМИТЕТА.

АРЕСТЪ

Временнаго Правительства.

25 октября въ 2 часа 10 м. ночи арестованы членомъ Времен. Революціон. К-та И. К. С. Р. и С. Д. Антоновымъ по постановленію К-та контръ-адмир. Вердеревскій, мин. гос. призрѣнія Кишкинъ, мин. плем. Коноваловъ, земледѣлія Масловъ, мин. путей сообщ. Киперовскій, управляющій военнымъ мин. Маниковскій, министры: Гвоздевъ, Малянтовичъ, Третьяковъ, генер. для порученій Борисовъ, контроверъ Смирновъ, мин. просв. Салазкинъ, мин. фин. Бернацкій, мин. иностр. дѣлъ Терещенко, помощн. особо-уполн. Вр. Правит. Рутенбергъ, мин. почтъ и телегр. Никитинъ, мин. исповѣд. Карташевъ, инжен. Пальчинскій. Офицеры и юнкера бывшіе во дворцѣ обезоружены и отпущены.

Октябрьские бои в Петрограде и окрестностях затянулись на несколько дней и кончились полным поражением сторонников Временного Правительства. Октябрьские бои начались в ночь на 25 октября и кончились пленом Краснова и бегством Керенского 1 ноября. В Петрограде бои шли сначала вокруг Зимнего дворца, где отсиживалось Временное Правительство. Правительство меньшевиков и эсеров, послав Керенского на фронт собирать армию против пролетариата и крестьянства, пробовало в пустом Зимнем дворце отсидеться от революции и переждать ее грозу. Вокруг Временного Правительства в Зимнем дворце сосредоточены были небольшие отряды войск. Отправляя Керенского

Штаб Октябрьской революции — Смольный. Здесь помещались ЦК партии большевиков и Петроградский Совет.

на фронт за войсками, Временное Правительство связалось с представителями Франции и Англии, убеждая их ни в коем случае не признавать диктатуры пролетариата, подождать некоторое время, пока правительство соберет силу и войско и силою оружия сметет большевиков. Стремясь отсидеться в Зимнем дворце, Временное Правительство думало тем самым сохранить аппарат власти до той поры, когда в его руках окажутся преданные ему воинские части, с помощью которых оно надеялось укрепить свое положение. Осада Зимнего дворца, где засело Временное Правительство, велась под непосредственным руководством большевиков, членов ВРК. Ленин требовал скорейшего взятия Зимнего, так как арест Временного Правительства имел огромное политическое значение, разрушая центральные организации власти Временного Правительства, разрушая и

уничтожая тот орган, который мог бы стать во главе борьбы против поднявшейся пролетарской революции.

В то время, когда Временное Правительство отсиживалось в Зимнем, Керенский маячил под Петроградом. Ожидая наступления революции, Временное Правительство подтягивало к столице войска. По его расчетам войска должны были появиться под Петроградом 24—25 октября. Поэтому, выезжая под американским флагом из Петрограда, Керенский надеялся встретить идущие на Петроград войска и вместе с ними начать борьбу с пролетарской революцией. Но под Петроградом Керенскому войск встретить не удалось. Он нашел лишь одного командира 3-го конного корпуса, того самого корпуса,

Красногвардейцы у входа в Смольный.

который в свое время шел на Петроград с Корниловым. Генерал Краснов, командир 3-го конного корпуса, выступил вместе с Керенским на защиту Временного Правительства. Им удалось собрать не более пяти-семи сотен казаков, и с такими силами они двинулись под Петроград. В первый момент наступление Краснова-Керенского развертывалось без всяких противодействий. Они заняли Гатчину, заняли Царское Село, подошли к Пулкову. Между отрядами Керенского-Краснова и сторонниками власти Временного Правительства в Петрограде установилась тесная связь. К моменту похода Керенского-Краснова к Петрограду Временное Правительство было низвергнуто и арестовано. Вместо него в Петрограде на свободе существовали лишь осколки Временного Правительства. Товарищи министров Временного Правительства, перешедшие на нелегальное положение, объявили себя властью. Комитет

защиты родины, эсеры и меньшевики тоже претендовали на власть и все вместе пытались организовать восстание во имя защиты и восстановления только что свергнутого правительства. Контрреволюционные силы пытались взять обратно Петроград комбинированным ударом извне и изнутри. Извне удар должен был быть нанесен войсками Краснова-Керенского, внутри готовили вооруженное восстание сторонники Временного Правительства — юнкерские училища, казачьи части. Между Петроградом и войсками Краснова-Керенского установилась тесная связь. Эсеровские вожди-цекисты — Гоц, Чернов, Фейт — устремились навстречу Керенскому, уговаривая гарнизоны, расположенные под Петроградом,

Охрана Смольного.

стать на защиту Временного Правительства. Навстречу Керенскому помчался Станкевич, к отряду Краснова приезжали представители союза казачьих войск. Сторонники власти Временного Правительства были далеко не единодушны. В отряде Краснова-Керенского, вокруг самого Краснова отслаивалась группка, которая думала о том, чтобы сбросить не только большевиков, но выбросить за борт и Временное Правительство в лице Керенского и создать генеральскую диктатуру, диктатуру крупной буржуазии. С другой стороны, вокруг Керенского роились эсеровско-меньшевистские группки, лишенные внутреннего единства и спайки. Эсеры сами точно не знали, чего они хотят. В то самое время, когда и в командном составе отрядов Краснова-Керенского не было единодушия, рядовая масса казачьих сотен, двинутая под Петроград, чувствовала себя далеко не на месте. Она была одинока. Огромные массы пехоты, занявшие

Гатчину, Царское Село, не поддержали ее, не выступили на защиту Временного Правительства. Казачий отряд терялся среди многотысячной массы молчаливых противников Временного Правительства и активных сторонников советской власти. Рабочие, железнодорожники активно сочувствовали создавшейся советской власти и всячески саботировали продвижение отрядов Краснова. Солдатская масса отказалась поддержать казаков. Отряд чувствовал себя неустойчиво, тыл его был не обеспечен. Попытка эсеровской группы создать в захваченных районах подобие власти и путем развертывания агитационной работы привлечь на свою сторону молчаливую массу солдат кончилась крахом. В солдатские казармы бросались эсеровские вожди и от имени ВЦИКа, от имени Советов и партии эсеров заклинали массы выступить на защиту Временного Правительства. Но все, чего достигли они своей агитацией, это лишь

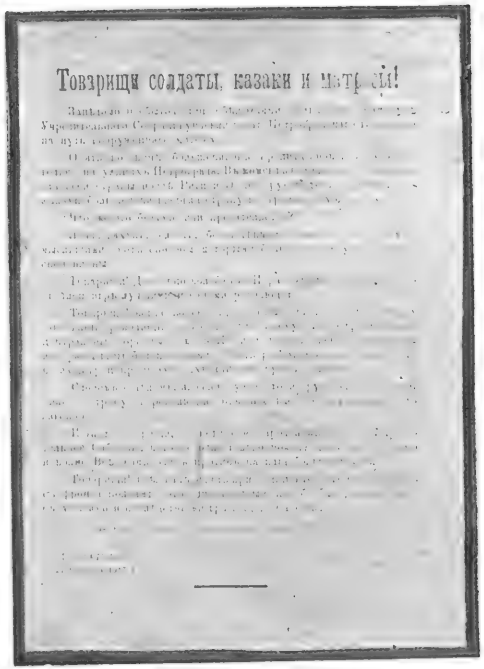
Проверка пропусков у Смольного.

личная неприкосновенность: их выслушали и им позволили уйти. На защиту Временного Правительства не поднялась ни одна рука. Окруженные со всех сторон враждебной стихией, без всякой помощи, казачьи отряды Краснова-Керенского стали быстро расслаиваться, а их руководящая верхушка, не имеющая ни единства действия, ни единства классовой физиономии и целей, не способствовала их внутренней устойчивости. Силы сторонников Временного Правительства не росли, не увеличивались, а наоборот, сокращались и падали.

В то самое время, как отряды Краснова-Керенского действовали под Петроградом, ВРК, взявший власть в свои руки, 27, 28, 29 провел огромную организационную работу в Петрограде. Он обратился ко всему петроградскому пролетариату и всем солдатам с призывом грудью встать на защиту вновь созданной советской власти. Для рытья окопов ВРК мобилизовал 20 000 петроградских рабочих. Он занимался созданием армии, мобилизовал средства передвижения, оружие, людей, собрал в короткий срок в одном месте ядро пролетар-

БУРЖУАЗИЯ, ВМЕСТЕ С МЕНЬШЕВИКАМИ И ЭСЕРАМИ, ОРГАНИЗУЕТСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ С РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЛАСТЬЮ.

ВОЗЗВАНИЕ ЭСЕРОВ.


Товарищи солдаты, казаки и матр[illegible]!

ЧЛЕН ЦК ПАРТИИ ЭСЕРОВ

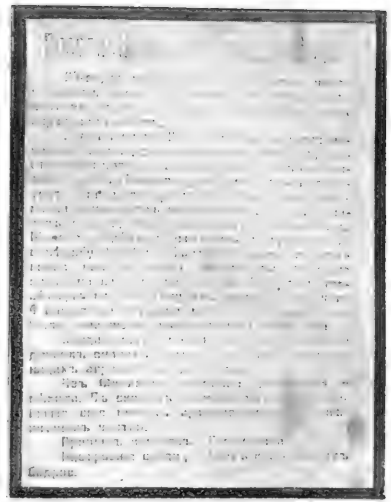
Авксеньтьев.
Председ. Предпарл.

ЧЛЕН ЦК ПАРТИИ ЭСЕРОВ

Гоц.

МЕНЬШЕВИК

Богданов



24 октября 1917 г. на заседании городской думы был образован комитет общественной безопасности. В ночь на 26 этот Комитет переформировался в Всероссийский комитет спасения родины и революции. В состав его вошли представители ЦК партии эсеров, военной организации эсеров, Совета Республики, эсеровско-меньшевистского старого ЦИКА, меньшевиков, группы «Единство», партии эсеров и Петроградской городской думы. Председателем К-та был эсер Гоц; вместе с ним комитет спасения возглавлялся членом ЦК партии эсеров Авксентьевым и меньшевиком Богдановым. Военный руковод. был полк. Полковников. Восстание началось 29 октября. Были захвачены Михайловский инженерный замок и телефонная станция. Предполагалось захватить Петропавловскую крепость, Смольный и затем остальные пункты города. Через несколько часов восстание было подавлено. Последним убежищем юнкеров было Владимирское училище на Б. Гребецкой улице.

От Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ населенію Петрограда.

Къ свѣдѣнію Рабочихъ, Солдатъ и всѣхъ гражданъ Петрограда объявляемъ:

Въ интересахъ защиты революціи и ея завоеваній отъ покушеній со стороны контръ-революціи, нами назначены комиссары при воинскихъ частяхъ и особо важныхъ пунктахъ столицы и ея окрестностей. Приказы и распоряженія, распространяющіеся на эти пункты, подлежатъ исполненію лишь по утвержденіи ихъ уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, какъ представители Совѣта, неприкосновенны. Противодѣйствіе комиссарамъ есть противодѣйствіе Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Совѣтомъ приняты всѣ мѣры къ охраненію революціоннаго порядка отъ контръ-революціонныхъ и погромныхъ покушеній. Всѣ граждане приглашаются оказывать всемѣрную поддержку нашимъ комиссарамъ. Въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, имъ надлежитъ обращаться къ комиссарамъ Военно-Революціоннаго Комитета въ близлежащую воинскую часть.

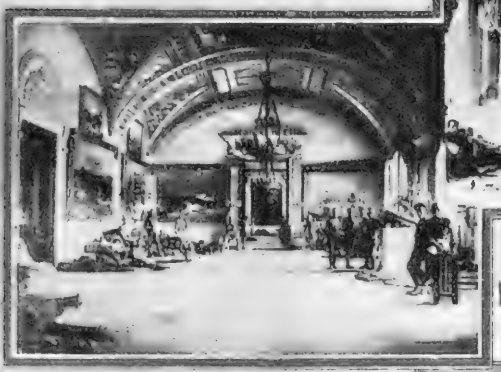
Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

23-го Октября 1917 года.

Типографія «Копѣйка», Петроградъ, Саблинъ пер., 6, соб. домъ.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Юнкера в Зимнем дворце
накануне взятия его



Последняя опора
Временного правительства
-женщины ударницы

От Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Солдаты! Рабочіе! Граждане!

Враги народа перешли ночью въ наступленіе. Штабные корниловцы пытаются стянуть изъ окрестностей юнкеровъ и ударные батальоны. Ораніенбаумскіе юнкера и ударники въ Царскомъ Селѣ отказались выступать. Замышляется предательскій ударъ противъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Газеты «Рабочій путь» и «Солдатъ» закрыты, типографіи опечатаны. Походъ контръ революціонныхъ заговорщиковъ направленъ *противъ Всероссійскаго съѣзда Совѣтовъ* наканунѣ его открытія, *противъ Учредительнаго Собранія, противъ народа.* Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ стоитъ на защитѣ революціи. Военно-Революціонный Комитетъ руководитъ отпоромъ натиску заговорщиковъ. Весь гарнизонъ и весь пролетаріатъ Петрограда готовы нанести врагамъ народа сокрушительный ударъ.

Военно-Революціонный Комитетъ постановляетъ:

1) Всѣ полковые, ротные и командные комитеты, вмѣстѣ съ комиссарами Совѣта, всѣ революціонныя организаціи должны *засѣдать непрерывно,* сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ свѣдѣнія о планахъ и дѣйствіяхъ заговорщиковъ.

2) Ни одинъ солдатъ не долженъ отлучаться безъ разрѣшенія комитета изъ своей части.

3) Немедленно прислать въ Смольный институтъ по два представителя отъ каждой части и по пяти отъ каждаго районнаго Совѣта.

4) Обо всѣхъ дѣйствіяхъ заговорщиковъ сообщать немедленно въ Смольный институтъ.

5) Всѣ члены Петроградскаго Совѣта и всѣ делегаты на Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ приглашаются немедленно въ Смольный институтъ на экстренное засѣданіе.

Контръ-революція подняла свою преступную голову.

Всѣмъ завоеваніямъ и надеждамъ солдатъ, рабочихъ и крестьянъ грозитъ великая опасность. Но силы революціи неизмѣримо превышаютъ силы ея враговъ.

Дѣло народа въ твердыхъ рукахъ. Заговорщики будутъ сокрушены.

Никакихъ колебаній и сомнѣній. Твердость, стойкость, выдержка, рѣшительность.

Да здравствуетъ революція!

Военно-Революціонный Комитетъ.

24 октября 1917 г.

ХОД СОБЫТИЙ 24 ОКТЯБРЯ.

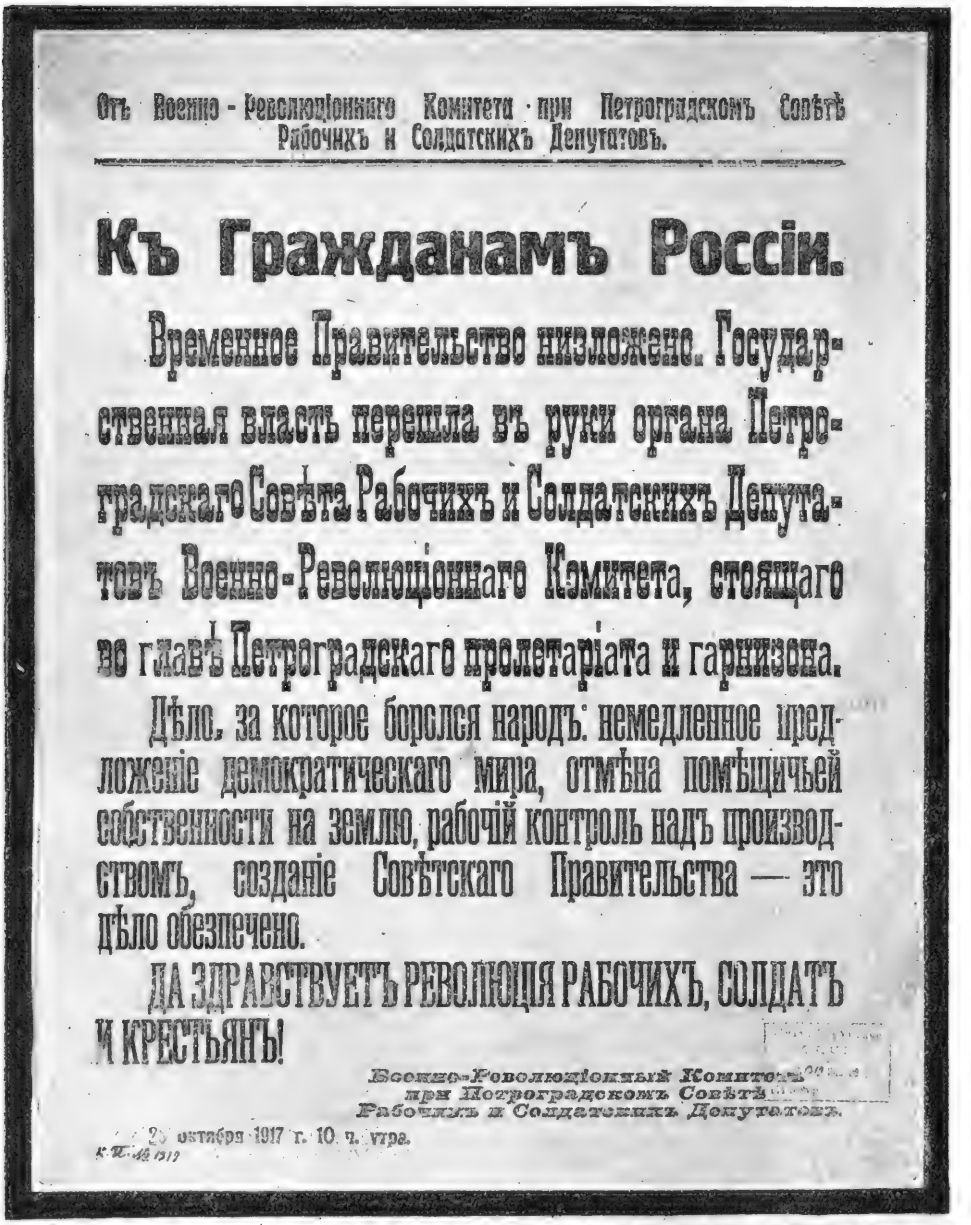
ской армии, успешно вооружал растущие день ото дня отряды Красной гвардии, вызвал войска из Кронштадта и Гельсингфорса и всю эту массу бросил на защиту Петрограда и на уничтожение поднявших было голову юнкерских частей в Петрограде. В то самое время, как силы Временного Правительства количественно падали и качественно разлагались, революционная армия, группирующаяся вокруг ВРК, и количественно и качественно росла. Под знамена ВРК встали сотни тысяч. ВРК создал твердую организацию, создал аппарат не только управления войсками, но успел создать и аппарат снабжения и аппарат распределения. Он смог не только двинуть на позиции многотысячную армию, но сумел снабдить ее всем необходимым, сумел удержать ее на позиции. Организационная мощь и сила пролетариата решили дело. После того, как отряд Краснова-Керенского, не встречая большого сопротивления, подошел к Пулковским высотам, здесь он встретил созданную ВРК пролетарскую армию. От одного удара он покатился назад, а вслед за ним шли многотысячные отряды пролетариата и солдат, которые затопили занятые отрядом Краснова-Керенского районы, заставили бежать Керенского и взяли в плен Краснова.

е) ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ДНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Деятельность партии в Октябрьские дни была — боевая, организационно-оперативная и организационно-политическая. Боевая деятельность партии в Октябрьские дни состояла в том, что партия всеми своими силами, всем своим людским составом принимала непосредственное участие в боях за власть. Партия являлась организатором боевых колонн пролетариата и руководителем этих колонн. Все члены партии принимали участие в Октябрьских боях. На низах, в отрядах Красной гвардии, в солдатских, в армейских отрядах, в полках под Гатчиной, под Михайловским училищем, под Зимним дворцом — всюду дрались, организовывали и руководили большевики. Лидеры большевиков работали в Военно-Революционном Комитете, большевики обслуживали Военно-Революционный Комитет в качестве комиссаров, представителей, уполномоченных. Не было такого участка, такого места во время Октябрьских боев, где не присутствовали бы большевики. 29 октября на заседании Петроградского комитета в докладе с мест указывали, что по некоторым районам все наличные силы партии брошены на боевую работу. Из Нарвского района сообщали: «Партийная работа падает и организационно-партийная работа отодвинута в сторону. Работники отвлечены — кто в Красную гвардию, кто в другие места».

Из Невского района сообщали: «В партии работы прекратились и перешли в другие места». Все силы партии были брошены в бои. Весь низовой аппарат партии был мобилизован на борьбу.

Тов. Ленин принимал энергичное участие в работах Военно-Революционного Комитета. По воспоминаниям Подвойского, тов. Ленин чрезвычайно напряженно следил за выступлением Керенского, отлично учитывал критическое положение на позициях, требовал регулярных себе докладов и объяснений, следил по карте за развивающимися операциями и старался оказать помощь



От Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Военно-Революціонный Комитетъ при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

к. № 42 1917

ИЗВЕЩЕНИЕ О ПЕРЕХОДЕ ВЛАСТИ К ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ КОМИТЕТУ.

и дать руководящие указания. Тов. Ленин потребовал, чтобы ему поставили в штабе Подвойского стол для участия в работах. Ленин собрал в Военно-Революционном Комитете ряд товарищей и, по словам Подвойского, каждые несколько минут присылал все новых и новых людей. Тов. Ленин, рассказывает Подвойский, постепенно принялся давать непосредственные распоряжения, то одному, то другому [1]). Это сообщение указывает на то, какую организационную роль играл Ленин в осуществлении самого Октябрьского восстания. Он заседал в Военно-Революционном Комитете, он лично издал ряд приказов, он собирал людей вокруг Военно-Революционного Комитета, сплачивал силы; он обращался к петроградскому пролетариату и солдатам, стремясь создать вокруг Военно-Революционного Комитета массовый аппарат помощи и обслуживания. 27 октября Раскольников имел продолжительную беседу с Лениным относительно количества судов, какое можно двинуть из Кронштадта на помощь Петрограду и на защиту Октябрьской революции. Тов. Ленин сделал распоряжение сформировать на помощь Октябрю в Петрограде отряды кронштадтцев. Ленин же и послал в Кронштадт за помощью Раскольникова.

Каждый шаг Октябрьской революции в Петрограде был обдуман и выношен большевиками. Руководителем боев был Военно-Революционный Комитет, руководителями боевых отрядов были большевики. Скрепляющим, цементирующим составом отдельных отрядов были большевики. Партия большевиков сверху донизу организовывала и руководила Октябрьскими боями в Петрограде. В самые трагические моменты, когда разбушевавшаяся стихия иногда выходила из берегов, партия большевиков вносила планомерность и организованность.

Когда после юнкерского восстания солдаты и матросы требовали немедленного расстрела снятых на телеграфе юнкеров, Антонов-Овсеенко, угрожая расстрелом всякому, не допустил самосуда и добился того, что юнкера были организованным порядком препровождены в Петропавловскую крепость, и никакие самосуды не совершались.

На позициях под Гатчиной руководителями и организаторами движения были большевики. На заводах и фабриках первыми призывали к восстанию, к выступлению, к оружию опять-таки большевики. О том, как протекала Октябрьская революция на заводах и фабриках Петрограда, имеется целый ряд воспоминаний. На Трубочном заводе, например, 23 октября к Красной гвардии обратился с призывом представитель районного комитета. Его призыв встретил горячий отклик. На Колпинском заводе по предложению большевиков был создан Военно-Революционный Комитет.

Наряду с участием в революции и организацией революции центральному органу партии в момент Октябрьских боев приходилось разрешать и ряд политических вопросов. Противниками Октября выступали меньшевики и эсеры. К ним примкнул ряд организаций — Викжель, Почтово-телеграфный союз.

Меньшевики и эсеры создали боевой орган для борьбы с революцией — Комитет защиты родины и свободы. По инициативе Викжеля и по его настояниям были организованы переговоры между большевиками и меньшевиками

---

[1]) «Красная Летопись» № 8, стр. 39.

и эсерами. Викжель ультимативно потребовал приступить к таким переговорам и создать однородное социалистическое правительство.

Вопрос о переговорах, о соглашении, о возможности уступок обсуждался на заседании ЦК партии и вызвал ожесточенную борьбу внутри Центрального Комитета между большинством, идущим за тов. Лениным и занимавшим непримиримую позицию, и небольшим меньшинством во главе с Каменевым и Зиновьевым, стремившимся заключить соглашение с меньшевиками и эсерами и тем самым капитулировать перед ними. (См. об этом подробнее следующую главу. Ред.)

ж) ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПО РОССИИ.

Восстание в Петрограде было хорошо подготовлено и разыграно партией как по нотам. Одновременно с революцией в Петрограде разыгралась революция и в центрально-промышленных районах — в Москве, в Иваново-Вознесенске, на Урале, в Донбассе. В промышленных районах вокруг Петрограда и Москвы партия давно готовила пролетариат к восстанию, ждала момента восстания, и известие о начале выступления в Петрограде здесь встретило готовую почву, готовые организованные силы. В промышленных районах восстание разыгралось дружно и единодушно. На стороне восстания были огромные массы пролетариата, организованные, руководимые партией, идущие к одной определенной, резко поставленной цели. Успех петроградского восстания обеспечил успех московскому восстанию, а успешный ход восстания в Петрограде и в Москве и в примыкающих к ним районах решил судьбу Октябрьской революции не только в центрально-промышленных районах страны, но и во всей необъятной России. Из промышленных центров революция перебросилась в деревню. Промышленные центры обеспечивали и укрепляли тыл пролетарского восстания в торгово-капиталистических районах. В общем ходе Октябрьской революции в России можно выделить следующие моменты: Октябрь в промышленных центрах страны, Октябрь в торгово-капиталистических и административно-хозяйственных центрах и Октябрь в торгово-капиталистических мелкобуржуазных районах. Октябрь в промышленно-капиталистических центрах прошел быстро и дружно, одновременно с Октябрьской революцией в Петрограде и Москве. Его отличительными чертами здесь были — организованность и большое число участников. Октябрь проходил под руководством партии, был подготовлен партией. За партией шел весь пролетариат и огромные массы трудящихся. Противники Октября в промышленных центрах были сметены дружным и быстрым натиском революционной армии. Непосредственным руководителем революции здесь был ВРК, созданный в момент борьбы для руководства и организации борьбы, взявший в свои руки власть после победы. Как правило почти для всех районов России Октябрьской революцией руководили ВРК, созданные из одних большевиков, выделенные иногда партийным комитетом, иногда соответствующими широкими рабочими организациями совместно с Советами, если в них преобладали большевики или сторонники Советов. ВРК всегда выступали с лозунгом «Власть Советам» против созданных крупной и мелкой буржуазией организаций, защищавших Временное Правительство, и против Советов, если они поддерживали Временное Правительство. Во многих

центрах к моменту Октябрьской революции Советы находились полностью в руках большевиков, но в советских аппаратах участвовали еще в большом числе меньшевики и эсеры, а в некоторых промышленных центрах, например, в Екатеринбурге, меньшевики и эсеры имели в Совете почти равное количество голосов с большевиками. Партийный состав Советов не точно отражал действи-

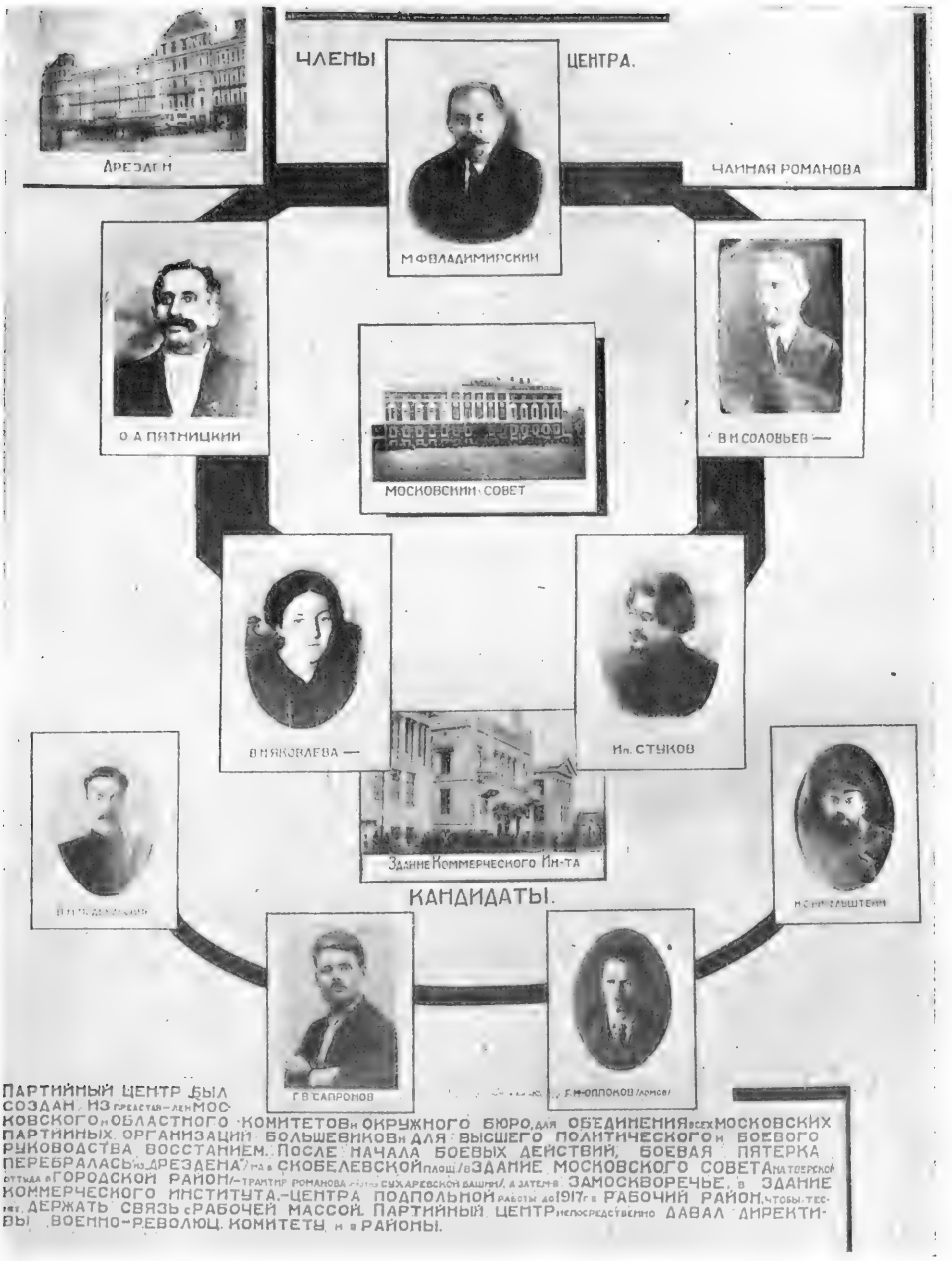
РЕДАКЦИЯ „СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА“ ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ 1917 года.

СОСТАВ ИЗБРАН НА РЕДАКЦИОННОМ СОВЕЩАНИИ С.-Д.
(Протокол МК от 22 августа 1917 г.)

тельное соотношение сил в момент Октября. Успех Октябрьской революции влек за собою сейчас же и в промышленных центрах и в центрах торгово-капиталистических перевыборы Советов.

В центрах торгово-капиталистических, административно-хозяйственных, вроде Иркутска, Омска, Нижнего, Саратова, наряду с концентрацией обособ-

ПАРТИЙНЫЙ ЦЕНТР. БОЕВАЯ ПЯТЕРКА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ В ДНИ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.



ленных и устойчивых масс пролетариата существовали большие промежуточные слои, большие группы торговой крупной и мелкой буржуазии и большая масса обслуживающих административный механизм. В этих районах Октябрьская революция встретила упорное сопротивление. Здесь армия Октябрьской революции не была достаточно подготовлена, не была достаточно воору-

жена и организована, руководящие пролетарские организации находились по большей части в руках меньшевиков и эсеров и иногда, как например в Пензе, определенно выступали против Октябрьской революции. В этих районах ход Октябрьской революции тормозился и замедлялся. Силы революции и буржуазии организовывались, росли, и между ними устанавливалось некоторое равновесие, как это, например, было в Смоленске, и только успех Октябрьской революции в центрально-промышленных районах решил дело. В центрально-промышленных районах образовалось множество отдельных фронтов благодаря тому, что в первый момент революции к противникам революции примкнули группы, обслуживающие органы связи, и тем изолировали отдельные районы. Там, где на стороне революции была подготовленная армия и достаточно средств, партия внесла в нее стойкость, обеспечила единство выступления, в районах же торгово-капиталистических силы революции оказались изолированными, окруженными со всех сторон врагами, пытающимися удержать в своих руках организации и создать общероссийский контрреволюционный фронт. Быстрый ход Октябрьской революции в центрах промышленного района облегчал и ускорял ход революции в отдаленных пунктах промышленных районов и увеличивал силы революции в торгово-капиталистических районах.

Своеобразен был ход Октябрьской революции в районах торговой мелкой буржуазии, в деревнях. Пламя революции заброшено было сюда с заводов и фабрик отдельными партийцами, рабочими, солдатами, пришедшими с фронта. Здесь революция хронологически затянулась. В момент Октября все крестьянство целиком пыталось своими старыми средствами разрешить вековой спор о земле и навсегда покончить со всякой монополией на землю. Эта революция антипомещичья, антифеодальная совершалась всем крестьянством целиком. Она совершалась во многих местах стихийно, неорганизованно, выливалась в погромы помещичьих усадеб, уничтожение, разграбление живого и мертвого инвентаря. В то же время в деревне было и другое, пролетарское, социалистическое течение революции, в котором участвовала главным образом крестьянская беднота, пролетарии и полупролетарии деревни. В тот момент, когда крестьянское море устремилось против помещичьих имений, крестьянская беднота, пролетарии и полупролетарии деревни под руководством партии, отдельных товарищей, отдельных рабочих из промышленных центров вели борьбу за завоевание и укрепление власти. Сельские, волостные, уездные и тому подобные комитеты и организации находились в руках тех групп крестьян, которые поддерживали Временное Правительство. Антипомещичья революция в деревне шла помимо них, через них, вопреки им. Пролетарии и полупролетарии деревни прежде всего захватывали в свои руки крестьянские организации, они создавали власть на местах, забирали в свои руки советские организации деревни, создавали вокруг них вооруженные отряды Красной гвардии, вставшие грудью на защиту завоеванной власти. Захватив в свои руки крестьянские организации, сельский пролетариат пытался придать организованность и планомерность всему крестьянскому движению. Он пытался организованно и планомерно уничтожить помещичье землевладение в деревне, взять его на учет, планомерно национализировать, избежать погромов, поджогов и грабежей. Пролетарские группы деревни вносили организацию и указывали цель крестьянской стихии. Они вносили

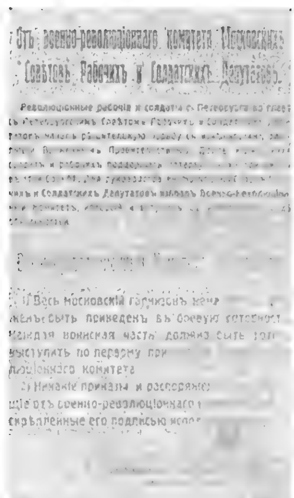
МОСКОВСКИЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Муралов. Ломов. Усиевич. Смирнов. Аросев.

Игнатоз. Смидович. Ногин.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ РЕЗОЛЮЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

ЗА 304
ПРОТИВ 106
ВОЗДЕРЖАЛОСЬ . . 23

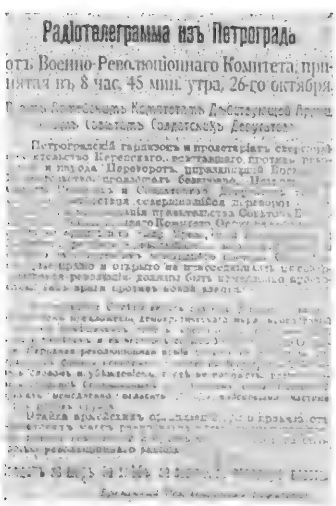


Отъ Военно-революцiоннаго Комитета Московскихъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

«МОСКОВСКИЕ СОВЕТЫ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ВЫБИРАЮТ НА СЕГОДНЕШНЕМ ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ИЗ 7 ЛИЦ. ИЗБРАННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ НЕМЕДЛЕННО, СТАВЯ СЕБЕ ЗАДАЧЕЙ ОКАЗЫВАТЬ ВСЕВОЗМОЖНУЮ ПОДДЕРЖКУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ КОМИТЕТУ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА Р. и С. Д.». (Из резолюции, предложенной большевиками.)

Из 7 человек, избранных в Военно-Революционный]Комитет, было 4 большевика: Муралов, Ломов, Усиевич и Смирнов. Приняли участие в работе только большевики. Военно-Революционный Комитет (кроме избранного в кандидаты т. Аросева) кооптировал следующих большевиков:

Розенгольца.
Рыкунова.
Игнатова.
Кушнера.
Смидовича.
Ногина.
Пупко.
Будзинского.
Мельничанского
и Мостовенко.



Радiотелеграмма изъ Петроградъ
отъ Военно-Революцiоннаго Комитета, принятая въ 8 час. 45 мин. утра, 26-го октября.

МАНИФЕСТЪ
Военно-Революцiоннаго Комитета Московскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
Ко всѣмъ гражданамъ Москвы.
ТОВАРИЩИ и ГРАЖДАНЕ!

планомерность и организацию в борьбу с феодальными пережитками и они являлись основной и руководящей силой пролетарской социалистической революции. По примеру центрально-промышленных районов деревенские пролетарии и полупролетарии, захватившие в свои руки в деревне власть, называли свои руководящие органы ВРК, собирали вокруг них силы, передавали им в руки власть до момента перевыборов советских организаций и перехода их в руки большевиков.

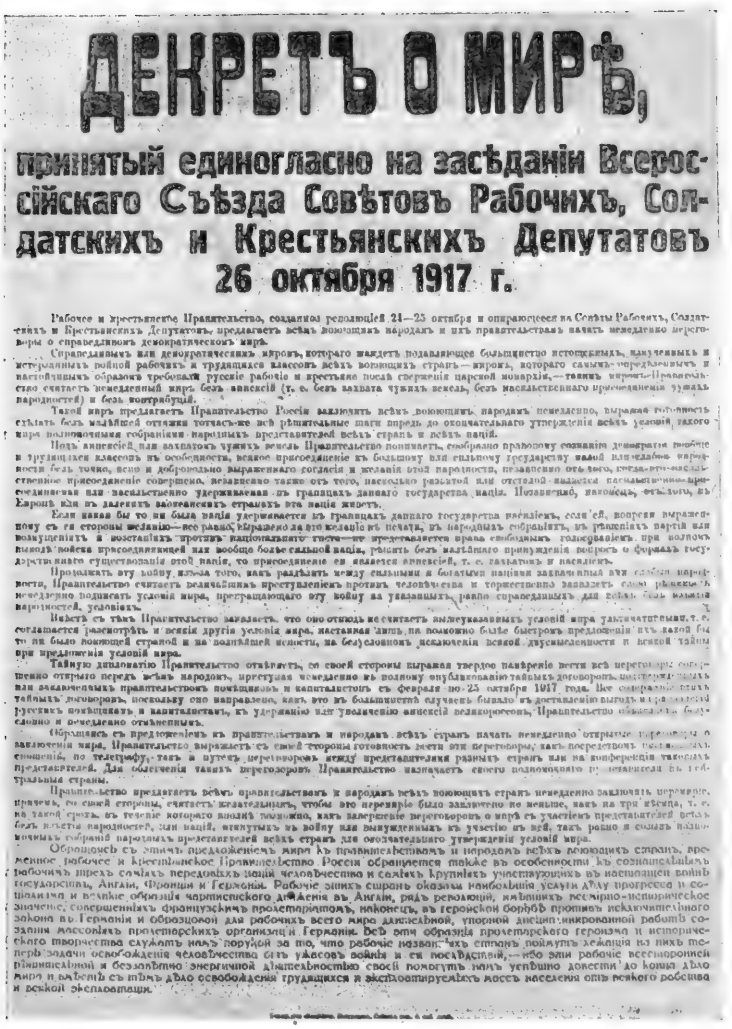
Общий ход Октябрьской революции по России указывает на организующую руководящую роль партии, на организующую руководящую роль пролетариата и полупролетариата, указывает на то, что революция, ставившая себе основной целью завоевание власти, очень часто принуждена была входить в конфликт с теми организациями, которые назывались Советами. Революция проходила не в рамках советской легальности, а вопреки ей, иногда против существующих Советов, которые меньшевики и эсеры пытались использовать против революции. К моменту Октябрьской революции на стороне революции стояли огромные массы пролетариата, деревенской бедноты и всего крестьянства, но советский аппарат далеко не находился целиком и полностью в руках этих многомиллионных масс, особенно в торгово-капиталистических районах он был еще в руках меньшевиков и эсеров. Отсюда на собранном в момент Октябрьской революции II Съезде Советов, на котором абсолютное большинство голосов принадлежало большевикам, все же была еще группа меньшевиков и эсеров.

з) II СЪЕЗД СОВЕТОВ.

Первое заседание съезда Советов состоялось 25 октября в 10 часов 40—45 минут вечера в актовом зале Смольного Института. На съезде присутствовало 626 делегатов. Большевиков было 382, беспартийных, сочувствующих большевикам — 31, левых эсеров — 70, анархистов — 5; сторонников Октябрьской революции было таким образом 488. Ярых противников Октябрьской революции было — меньшевиков 21, правых эсеров и центра 52 человека. По другим данным присутствовало до 900 человек. После ухода меньшевиков и эсеров в работах съезда принимало участие 625 из 670 зарегистрированных к началу работ съезда. Огромное большинство съезда было на стороне большевиков. Интересно сопоставить партийный состав II Съезда с партийным составом I Съезда Советов. На I Съезде Советов большевики представляли собой ничтожную горсточку; огромное большинство участников съезда принадлежало меньшевикам и эсерам. Всего на I Съезде было 1 090 делегатов, большевиков из них было 105, меньшевиков и эсеров — 533. На II Съезде Советов, наоборот, большевики и идущие за ними представляли огромное большинство, а меньшевики и эсеры представляли жалкую горсточку. Состав съезда ярко отражал настроение пролетариата и крестьянства России.

За период от I до II Съезда пролетариат всей своей массой перешел под большевистские знамена. С большевиками шло и крестьянство. Это отразилось и на составе съезда. Съезд был открыт председателем старого меньшевистского Центрального Исполнительного Комитета Даном. В президиум съезда вошли: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Склянский, Ногин, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муралов, Луначарский и Стучка. Руководство съездом перешло к большевикам. В порядок дня съезда

было поставлено 3 вопроса: вопрос о власти, вопрос о войне и мире и вопрос об Учредительном Собрании. На первом же заседании съезда представитель меньшевиков Хинчук, а вслед за ним представитель эсеров Гендельман объявили от имени своих партий об отказе принимать участие в работах съезда... Революцию, совершающуюся в Петрограде, они назвали военным заговором, заявили, что она является «преступлением перед родиной и революцией, знаменует начало гражданской войны и срыв Учредительного Собрания и грозит гибелью революции». Меньшевики и эсеры покинули II Съезд Советов, перешли в лагерь офицеров, юнкеров и казаков, занялись поддержкой Керенского и отрядов Краснова, занялись организацией юнкерского восстания в Петрограде, организацией саботажа чиновников, разложением армии революции. С ответом меньшевикам и эсерам на заседании съезда Советов выступал Троцкий.



ДЕКРЕТЪ О МИРѢ,

принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

Рабочее и крестьянское Правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран — миром, которого самым настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки только-что все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитая или отсталая нация насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насильно, если, вопреки выраженному ею со стороны желанию — все равно, выраженному ли в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решать без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без малейших исключений наций, условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира таким-то ультимативным, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, целиком подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это во большинстве случаев бывало к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает от своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем, со своей стороны, считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше, как на три месяца, т. е. на такой срок, в течение которого можно закончить, как заключение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей, или наций, вошедших в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созвать полномочный собрания народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское Правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим шести самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран больше всех способны успешно взяться за дело прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряда революций, имеющих всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работы создания массовых пролетарских организаций в Германии. Всё эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран сумеют правильно понять лежащие на них теперь задачи освобождения человечества ото ужасов войны и ее последствий, — что они рабочие всесторонней планомерной и беззаветно энергичной длительностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от рабского гнета и всякой эксплоатации.

Меньшевики и эсеры в течение всего 1917 года поддерживали буржуазию и систематически помогали ей обманывать пролетариат и крестьянство. Уход меньшевиков и эсеров со съезда не влечет отрыва от пролетариата и крестьянства никакой силы, не ослабляет Советов, наоборот, усиливает, очищая от контрреволюционных примесей. Съезд постановил обратиться с воззванием ко всему населению России. В этом воззвании, обращенном ко всем рабочим, крестьянам и солдатам, съезд заявил, на какие силы он опирается и что он намерен делать. В этом воззвании он заявил о переходе всей власти в руки Советов. Опираясь, сказано было

в этом воззвании, на «волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки». Съезд намерен добиваться заключения мира, вырвать пролетариат и крестьянство из империалистической войны, передать крестьянству землю, ввести рабочий контроль, уничтожить угнетение национальностей и провести полную демократизацию армии. Эта программа была формулирована съездом таким образом: «Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных, монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдат, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревни, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, полное право на самоопределение». Съезд призывал пролетариат и крестьянство взять на местах власть в руки Советов. Своим воззванием съезд стремился сплотить вокруг себя силы, оформить союз пролетариата и крестьянства. Съезд взял в свои руки власть, приступил к созданию рабочего контроля, делая тем самым шаги к строительству нового мира. В то же самое время съезд стремился довести до конца, исчерпать до конца буржуазно-демократическую революцию, уничтожить феодальные пережитки в деревне, уничтожить монополию на землю, уничтожить угнетение национальностей.

На второй день своей работы съезд приступил к разрешению вопроса о мире и о земле. Декрет о мире был предложен тов. Лениным. Декретом о мире съезд обращался ко всем воюющим народам и их правительствам с предложением немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире. Съезд заявлял о своей готовности рассмотреть любые условия мира, настаивая лишь на том, чтобы это обсуждение началось как можно скорее, происходило в полнейшей ясности при отсутствии всякой тайны. Декрет о мире являлся орудием борьбы за мир и мировую революцию. Он весь был построен таким образом, чтобы сразу ударить по империалистам, поднять против капиталистического мира пролетариат и крестьянство, выявив перед ними завоевательные стремления капиталистов.

Огласив декрет о мире, тов. Ленин произнес речь, обосновывающую этот декрет. В своей речи Ленин вскрыл стратегическую сущность декрета о мире.

«Наше обращение,—сказал он, — должно быть направлено и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собою, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира».

Нужно было создать невозможность для буржуазии скрыть предложение советского правительства о мире, прикрывшись неприемлемостью предложения.

Декрет о мире, принятый съездом Советов поднял на поддержку Советской власти пролетариат всего мира, он организовал и сплотил его вокруг первой диктатуры пролетариата. Он в то же самое время сплотил вокруг

А.И.РЫКОВ —
Н.ЛЕНИН /В.УЛЬЯНОВ./
Л.Д.ТРОЦКИЙ
Н.В.КРЫЛЕНКО
М.Ф.ДЫБЕНКО
В.А.ОВСЕЕНКО/АНТОНОВ/
—В.П.МИЛЮТИН
В.П.НОГИН —
СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, постановляетъ:
Владиміръ Ульяновъ (Ленинъ);
А. И. Рыковъ;
В. П. Милютинъ;
А. Г. Шляпниковъ;
В. А. Овсѣенко (Антоновъ), Н. В. Крыленко и Ф. М. Дыбенко;
В. П. Ногинъ;
А. В. Луначарскій;
И. И. Скворцовъ (Степановъ);
Л. Д. Троцкій (Бронштейнъ);
Г. Н. Оппоковъ (Ломовъ);
А. Теодоровичъ;
Н. П. Авиловъ (Глѣбовъ);
И. В. Джугашвили (Сталинъ)
Г.Н.ОППОКОВ-/ЛОМОВ/
А.Г.ШЛЯПНИКОВ
А.В.ЛУНАЧАРСКИЙ
И.А.ТЕОДОРОВИЧ
Н.П.АВИЛОВ/ГЛЕБОВ/
И.И.СКВОРЦОВ/СТЕПАНОВ/
И.В.СТАЛИН —

диктатуры пролетариата в России многомиллионные массы исстрадавшегося в войне пролетариата и крестьянства, он упрочивал союз пролетариата и крестьянства. Декрет о мире связывал в единое целое борьбу русского пролетариата и крестьянства и борьбу мирового пролетариата с империалистической войной. Он прорывал фронт империализма, помогая мировому пролетариату превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Вслед за декретом о мире Лениным был оглашен декрет о земле, написанный им самим. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин писал декрет о земле.

«Я помню, — пишет он, — когда он (Ленин) написал закон о земле, который был принят на II съезде... утром он встал и говорит: если успеем объявить этот закон, то пусть кто-нибудь попробует взять его обратно» [1]).

В своей речи, обосновывающей декрет о земле, Ленин указывал, что этот декрет является выражением требования народных низов, выражением требований многомиллионного крестьянства. Декрет о земле уничтожил навсегда полностью и целиком частное помещичье землевладение в России. Уничтожил монополию на землю. В своей речи в защиту этого декрета Ленин сказал:

«Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны: мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

Таким образом декрет о земле довел до конца буржуазно-демократическую революцию. Феодальные пережитки в деревне были уничтожены полностью и целиком, уничтожены взявшим в свои руки власть пролетариатом.

Последним вопросом, решенным съездом, был вопрос о конструкции власти. Представители интернационалистов и левых эсеров предлагали создать коалицию внутри демократии. Большевики отвергли это предложение, и от имени фракции большевиков был оглашен проект декрета об организации власти, принятый съездом. Декрет объявлял об учреждении Совета Народных Комиссаров. В состав Совета Народных Комиссаров по постановлению II Съезда Советов вошли: в качестве председателя — Ленин, комиссаром внутренних дел — Рыков, земледелия — Милютин, труда — Шляпников, торговли и промышленности — Ногин, народного просвещения — Луначарский, финансов — Скворцов-Степанов, иностранных дел — Троцкий, юстиции — Ломов, продовольствия — Теодорович, почт и телеграфов — Авилов, по делам национальностей—Сталин и по военно-морским делам был образован комитет в составе Антонова-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко. Таким образом II Съезд Советов провозгласил диктатуру пролетариата, переход власти в руки Советов, выявил в основных чертах программу, во имя которой пролетариат в союзе с крестьянством под руководством партии начал революцию. Съезд провозгласил создание власти

---

[1]) «Пролетарская революция». № 10, 1929 г., стр. 71.

пролетариата, организацию новой системы экономических отношений, введение рабочего контроля, уничтожение частной собственности на землю и поднял знамя восстания всего мирового пролетариата против гнета империалистского мира.

и) МЕНЬШЕВИКИ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Меньшевики упорно и систематически боролись с надвигающейся Октябрьской революцией. Жесточайшую кампанию вели они вокруг созыва II Съезда Советов. Всевозможными страхами грозили они пролетариату и крестьянству, если те пойдут за большевиками и возьмут власть в свои руки. Заклинания и причитания меньшевиков не помогли. Октябрьское восстание вспыхнуло 25 октября. В момент, когда восстание уже началось и Временное Правительство перешло в наступление, меньшевики в своей газете опять обратились к массам с призывом не принимать участия в революции.

Меньшевики призывали пролетариат оказать давление на съезд Советов, заставить съезд, как сказали они в газете, «дрогнуть», остановить надвигающееся восстание. Для борьбы с надвигающейся революцией меньшевики предложили образовать Комитет общественной безопасности.

Днем 25 октября, когда Октябрьское восстание еще только началось, меньшевики полностью сформулировали свою октябрьскую тактику. Они стремились создать организации для борьбы с революцией путем давления на Временное Правительство, стремились заставить Временное Правительство пойти на уступки и рядом мероприятий отколоть от большевиков массы. Они стремились, путем организационного давления на II Съезд Советов, сломить волю пролетариата и крестьянства, расслоить их ряды, остановить пролетариат. 25 октября на II съезде, на первом его заседании, в те часы, когда власть Временного Правительства в Петрограде пала, а Керенский мчался к войскам, меньшевики огласили свою резолюцию. Они квалифицировали Октябрьскую революцию как военный заговор авантюристов. Единственным выходом из положения в момент взятия власти пролетариатом меньшевики считали отказ пролетариата от власти и полную капитуляцию перед доживавшим свои последние минуты в пустом Зимнем дворце никому не нужным Временным Правительством.

28 октября Центральный комитет меньшевиков призывал граждан сплотиться вокруг Комитета спасения родины и революции, задачей которого были «ликвидация большевистской авантюры и продолжение внешней политики в связи с союзниками в целях скорейшего достижения мира». В момент торжества революции, когда власть в Петрограде перешла в руки пролетариата в лице ВРК, меньшевики не нашли ничего лучшего, как предложить ВРК полную капитуляцию перед Комитетом спасения родины и революции, обещая взамен этого личную неприкосновенность всех участников восстания до разрешения о них вопроса в Учредительном Собрании. ВРК, сказано в резолюции, должен

«...немедленно сложить оружие, отказаться от захваченной власти и призвать идущие за ним воинские части к подчинению власти Временного Правительства, взамен чего всем участникам восстания должна быть гарантирована личная неприкосновенность впредь до разрешения вопроса об организации суда над ними в Учредительном Собрании».

Меньшевики 27, 28 и 29 октября, т. е. в те дни, когда Керенский с войсками появился под Петроградом, а в Петрограде шла борьба с выступавшими юнкерами, употребили все усилия на то, чтобы поддержать юнкеров и буржуазию в Петрограде и Керенского под Петроградом. Меньшевики 28 и 29 октября выпустили ряд воззваний, прокламаций к петроградским рабочим и солдатам с призывом не поддерживать большевиков, а тем самым, следовательно, поддерживать наступающего на Петроград Керенского и выступающих в Петрограде юнкеров.

Единственное спасение пролетариата и крестьянства меньшевики видели в отказе от власти.

«Не надо обманывать себя, — писали они. — Нам еще предстоит в дальнейшем упорная и систематическая борьба за социализм. В настоящем нам надо спасти завоевания революции, надо спасти страну от разгрома и разорения... Такая власть вызывает против себя только ненависть и возмущение. Большевики, действующие якобы во имя социализма, только пачкают своим поведением знамя социализма и отталкивают народные массы от социализма. Чтобы этого не случилось, чтобы народ не сделал ответственным рабочий класс и социализм за все преступления большевиков, сознательные рабочие должны решительно отгородиться от большевистской затеи... «Поражение большевиков неизбежно».

Необходимо, чтобы поражение большевиков не явилось поражением рабочего класса, и с этой целью меньшевики, в момент отчаянной борьбы пролетариата за власть, когда пролетариат бросил все свои силы на защиту завоеваний власти, призывали пролетариат сплотиться вокруг Комитета спасения родины и революции и выйти из боя.

«Товарищи,— писали они,— в эти часы, быть может, решается судьба революции, судьба той свободы, которая куплена борьбою целого ряда поколений, судьба рабочего движения на ближайшие годы. К вашему сознанию, к вашей выдержке обращаемся мы. Не дайте спровоцировать себя, и приложите все усилия, чтобы предотвратить кровавое столкновение и гражданскую войну. Помните, что нам нужно обеспечить созыв Учредительного Собрания и во имя этой задачи сплотитесь сомкнутыми рядами вокруг Комитета спасения родины и революции».

Меньшевики были правы только в одном: в эти дни действительно решалась судьба русской революции и судьба рабочего класса на долгие годы. Но меньшевики в этот момент стояли с теми, кто стремился набросить на рабочий класс только что разбитые пролетариатом цепи. Упорство рабочего движения в Октябрьской революции начало пробивать и меньшевистские мозги, и 30 октября Центральный Комитет меньшевиков высказался в пользу попытки соглашения с большевиками. Меньшевики воображали, что этим путем они смогут остановить революцию, прекратить гражданскую войну, прекратить бои под Гатчиной. Меньшевики предъявили требование заключения перемирия между отрядами Красной гвардии и войсками Керенского.

Все меньшевики одинаково оценивали Октябрьскую революцию как заговор. Но часть меньшевиков считала, что с этим заговором нужно бороться вооруженной рукой, а часть думала, что, уцепившись за фалды пролетарской революции, попыткой заключить с ней соглашение она сможет удержать пролетариат и крестьянство, убедить их отказаться от власти. 3 ноября состоялось заседание меньшевистской фракции Совета Республики, съезда Советов и Петросовета при участии членов ЦК партии меньшевиков.

ПРЕЗИДИУМ:

БОЛЬШЕВИКИ.

II Съезд Советов открылся в Смольном 25 октября 1917 года, в момент восстания, и принял власть из рук Военно-Революционного Комитета. Сделавшись правительством, II Съезд первым делом, по предложению т. Ленина, издает декреты, разрешавшие вопросы о мире, о земле и затем об учреждении Совета Народных Комиссаров. Съезд работал беспрерывно с 10 ч. 40 м. вечера 25 октября до 5 ч. утра 27 октября, и после выработки основных декретов члены съезда разъехались, чтобы на местах руководить революционным захватом власти пролетариатом. Любопытно, что со съезда ушли и перешли в лагерь контрреволюции только верхушки эсеров и меньшевиков. Ушла со съезда ничтожная часть рядовых членов этих партий.

ЛЕВЫЕ С.-Р.

КАРЕЛИН.

СПИРИДОНОВА.

КАМКОВ [1]).

«МЫ НЕ ХОТИМ ИТТИ ПО ПУТИ ИЗОЛЯЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ, ИБО ПОНИМАЕМ, ЧТО С СУДЬБОЙ БОЛЬШЕВИКОВ СВЯЗАНА СУДЬБА ВСЕЙ РЕВОЛЮЦИИ. ИХ ГИБЕЛЬ БУДЕТ ГИБЕЛЬЮ РЕВОЛЮЦИИ. ВСЯКУЮ ПОПЫТКУ НОВОЙ ВЛАСТИ НАЛАДИТЬ РАБОТУ ПО РАЗРЕШЕНИЮ НЕОТЛОЖНЫХ ВОПРОСОВ ДНЯ МЫ БУДЕМ ПОДДЕРЖИВАТЬ, НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МЫ ГОЛОСУЕМ ПРОТИВ ОБРАЗОВАНИЯ ВЛАСТИ СОВЕТОВ... НАША ЗАДАЧА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРИМИРИТЬ ВСЕ ЧАСТИ ДЕМОКРАТИИ».

«НАДО ИСКАТЬ СОГЛАШЕНИЯ С УМЕРЕННОЙ ЧАСТЬЮ ДЕМОКРАТИИ».

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАМЕЧЕННЫЙ СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗДА:

Большевиков	14	
Эсеров	7	Отказались войти.
Меньшевиков	3	
Интернационалистов	1	

В ПРЕЗИДИУМ ВОШЛИ:

Большевиков	14
Левых эсеров	6

РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА:

Отмена смертной казни на фронте. Освобождение солдат, посаженных корниловцами в тюрьмы. Во все Советы отдано распоряжение об освобождении из тюрем членов земельных и крестьянских комитетов, арестованных Керенским.

Приняты меры к поимке Керенского. Всем, кто окажет ему поддержку, грозит тяжкое наказание.

---

[1]) Кроме того принимали участие тт. Заде, Каховская и Мстиславский.

«Первый день заговора,—говорит Дан,—была еще надежда, что он может быть ликвидирован военной силой, но попытки подавления оказались неудачными. Нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата. Социалистическая партия не может принимать участия в подавлении рабочего класса. Поэтому мы стали на точку соглашения, которого требуют широкие народные массы».

Соглашение заставит большевиков отказаться от идеи власти Советов, произведет раскол внутри большевиков, создаст концентрацию сил демократии. Эта надежда была, конечно, надеждой маниаков, хотя повод к надежде на раскол большевиков и давался той группой, которая тянула ЦК большевиков на переговоры и соглашение. Когда на месте расслоившихся и разбежавшихся отрядов Керенского на подступах к Петрограду оказался весь рабочий Петроград, Абрамович и Дан не нашли ничего лучшего, как попытаться путем соглашения расстроить и разложить пролетарские ряды и тем самым предать пролетариат в руки буржуазии и контрреволюции, которой с помощью Керенского не удалось овладеть Петроградом. Противоположная группа меньшевиков, не усваивая иезуитизма и тонкого политиканства Дана, предлагала продолжать открытую борьбу с большевиками. «По отношению к большевистскому правительству, — говорили они, — у нас те же задачи, как и по отношению к царизму». Докладчик Центрального Комитета Дан предлагал резолюцию, поддерживающую соглашение. Большинство участников собрания стало на точку зрения активной борьбы с Октябрьской революцией. Меньшевики обратились в своей газете от 5 ноября с требованием в ВРК.

«Мы требуем немедленного, — писала «Рабочая Газета» 5 ноября, — освобождения всех без исключения по политическим делам, а также захваченных при вооруженном столкновении как в окрестностях Петрограда, так и на улицах его. Прекращения системы террора во что бы то ни стало, свободы печати, слова, собраний, союзов, стачек и неприкосновенности личности и жилища, объявления перемирия везде, где происходит гражданская война, передачи в распоряжение городского самоуправления вооруженной силы, достаточной для охраны порядка и предотвращения возможных погромов, грабежей и насилия».

Меньшевики участвовали во всех организациях, ставивших себе целью активную борьбу с Октябрьской революцией. Они принимали участие в Комитете спасения и в ушедшем в подполье ЦИКе первого созыва. В своей прессе они вели травлю всех начинаний советской власти, поддерживая всячески организации, ведущие борьбу с Советами, вплоть до идеологического оправдания саботажников. Они вытащили на сцену в новой интерпретации легенду о продаже большевиками России немцам и доказывали всем и всячески, что большевики, желая спасти свою собственную шкуру, предают и Россию, и Европу, и интересы мировой революции и мирового пролетариата.

Центральный Комитет Российской социал-демократической партии меньшевиков освятил своим авторитетом саботаж чиновников государственного банка и министерств, несущий разруху государственного аппарата, несущий развал и голод стране.

Центральный Комитет меньшевиков в резолюции, напечатанной 12 ноября 1917 года, заявил о своем негодовании и возмущении приемами борьбы пролетарского государства с забастовкой служащих государственных учреждений, одобряя выступление саботажников. ЦК меньшевиков призывал «всех рабочих

и всех граждан оказывать моральную поддержку всем служащим государственных учреждений против покушений на права коалиции со стороны большевиков». Глупость и измена, измена и глупость — были основным содержанием этой резолюции Центрального Комитета меньшевиков. Сложив с себя ответственность на съезде Советов за создание власти пролетариата, меньшевики взяли на себя

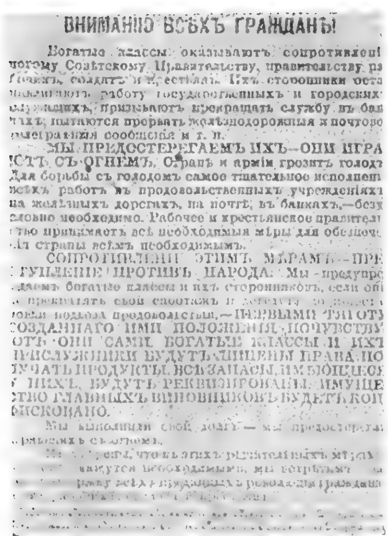
САБОТАЖ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА.

ГЛАВАРИ САБОТАЖА.

АРЕСТОВАННЫЕ И ВЫПУЩЕННЫЕ НА СВОБОДУ.

Графиня С. В. Панина. С.-д.-меньшевик К.А. Гвоздев. С.-д.-меньш. Прокопович. Эсер Маслов.

27 ОКТЯБРЯ В РАЗЛИЧНЫХ МИНИСТЕРСТВАХ СОСТОЯЛИСЬ МНОГОЛЮДНЫЕ СОБРАНИЯ ЧИНОВНИКОВ, ПОСТАНОВИВШИХ НЕ ПОДЧИНЯТЬСЯ БОЛЬШЕВИКАМ, И ЕСЛИ ПОЯВЯТСЯ НАЗНАЧЕННЫЕ БОЛЬШЕВИКАМИ МИНИСТРЫ, ТО ЧИНОВНИКИ ОБЪЯВЯТ ЗАБАСТОВКУ. (Сведения английской газеты «Русские Новости Дня» № 735 за 1917 г.)



ВНИМАНІЮ ВСѢХЪ ГРАЖДАНЪ!

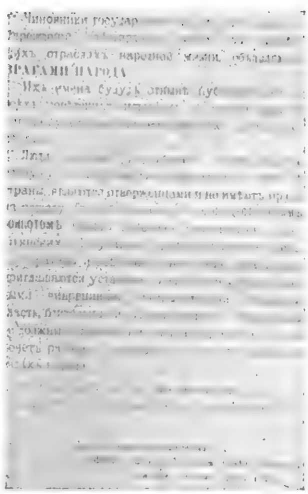
Богатые классы оказываютъ сопротивленіе новому Совѣтскому Правительству, правительству рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. Ихъ сторонники останавливаютъ работу государственныхъ и городскихъ служащихъ, призываютъ прекращать службу въ банкахъ, пытаются прервать желѣзнодорожныя и почтово-телеграфныя сообщенія и т. п.

МЫ ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ИХЪ—ОНИ ИГРАЮТЪ СЪ ОГНЕМЪ. Странѣ и арміи грозитъ голодъ. Для борьбы съ голодомъ самое тщательное исполненіе всѣхъ работъ въ продовольственныхъ учрежденіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на почтѣ, въ банкахъ,—безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія страны всѣмъ необходимымъ.

СОПРОТИВЛЕНІЕ ЭТИМЪ МѢРАМЪ—ПРЕСТУПЛЕНІЕ ПРОТИВЪ НАРОДА. Мы предупреждаемъ богатые классы и ихъ сторонниковъ, если они [illegible] подвоза продовольствія,—ПЕРВЫМИ [illegible] СОЗДАННАГО ИМИ ПОЛОЖЕНІЯ ПОЧУВСТВУЮТЪ ОНИ САМИ. БОГАТЫЕ КЛАССЫ И ИХЪ ПРИСЛУЖНИКИ БУДУТЪ ЛИШЕНЫ ПРАВА ПОЛУЧАТЬ ПРОДУКТЫ. ВСѢ ЗАПАСЫ, ИМѢЮЩІЕСЯ У НИХЪ, БУДУТЪ РЕКВИЗИРОВАНЫ. ИМУЩЕСТВО ГЛАВНЫХЪ ВИНОВНИКОВЪ БУДЕТЪ КОНФИСКОВАНО.

Мы выполнили свой долгъ — мы предостерегли играющихъ съ огнемъ.

[illegible]



Чиновники государ[illegible]

[illegible] отраслях народной жизни, объявл[illegible] ВРАГАМИ НАРОДА.

[illegible]

всю ответственность за организацию борьбы против пролетариата и крестьянства. В своей озлобленной борьбе против диктатуры пролетариата, стараясь изолировать большевиков, меньшевики изолировали самих себя и, бросив в лицо пролетарской диктатуре кличку авантюристов и заговорщиков, сами обратились к организации заговоров чиновников, пытающихся путем утайки ключей от касс и сокрытием секретных дел остановить победоносный ход пролетарской диктатуры, сломить и разгромить революцию и уничтожить власть пролетариата.

к) ЭСЕРЫ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

26 и 27 октября эсеры также повели энергичную кампанию против только что народившейся власти пролетариата. 26 октября от имени Центрального Комитета партии эсеров было издано воззвание, в котором эсеры извещали рабочих, крестьян и солдат:

«Вас подло и преступно обманули! Захват власти произведен одними большевиками... Голос трудового крестьянства не был выслушан... Захват власти приведет страну к гибели, он несет за собою голод и разруху, несет за собою гражданскую войну, предает Россию в руки Германии, лишив крестьянство земли. Большевики ведут к закрытию фабрик и заводов, к безработице и голодной смерти. Вам обещали немедленный мир и дали новую революцию, с которой никто не считается — ни враги, ни союзники. Посольства уезжают. Большевики развязали союзникам руки, чтобы те заключили с германцами мир лишь за счет России. Вам обещали немедленный мир, а вместо того дадут новую, тягчайшую войну на фронте и новую гражданскую войну в стране. Вам обещали землю и волю, но контрреволюция использует посеянную большевиками анархию и лишит вас земли и воли».

Единственное спасение, которое могла партия эсеров рекомендовать пролетариату и крестьянству, было уничтожение только что созданной рабоче-крестьянской власти. Единственный путь к спасению — сплотиться вокруг комитетов спасения родины и революции, главной задачей которых была борьба с народившейся советской властью.

28 октября «Дело Народа» в статье «О позиции нашей партии» заявляло, что пролетарского государства они не признают, что то государство, какое строит Ленин, это не пролетарское государство. В строительстве диктатуры пролетариата эсеры категорически отказались принимать какое бы то ни было участие. Ленин «предлагает строить пролетарское государство, — писало «Дело Народа». — Немедленной передачей земли можно построить лишь государство пролетариата, государство нищих. Мы не участники в такой борьбе». Эсеры предлагали немедленную ликвидацию «большевистской авантюры» и создание, вместо советской власти, однородного социалистического министерства без большевиков и без цензовых элементов. Программой новой власти должна была быть передача земли в ведение земельных комитетов, политика в пользу скорейшего заключения мира, созыв Учредительного Собрания.

Для борьбы с диктатурой пролетариата эсеры использовали все возможности. Член Центрального комитета партии эсеров Авксентьев 9 ноября н. ст (28 октября) помчался к английскому послу Бьюкенену. Авксентьев уверял этого посла, что большевики «продержатся немного дней», что они уже «совершенно изолированы». Член ЦК партии эсеров почти в первый день Октябрьской революции всячески упрашивал посла английской буржуазии поддержать борьбу партии эсеров с пролетариатом и крестьянством. Вслед за попыткой обеспечить себе союз с буржуазией Англии и Франции эсеры пытались наладить борьбу с народившейся советской властью.

Члены ЦК партии эсеров Гоц и Фейт были брошены в отряд Краснова. В отрядах Краснова присутствовал Керенский, там был ряд эсеровских боевиков. Эсеры всячески поддерживали Комитет спасения. Всем военным социалреволюционерам Петрограда и окрестностей партия эсеров предлагала

отказаться от участия в борьбе за большевиков и призывала к этому всех солдат, в особенности сочувствующих партии эсеров.

Партия эсеров пыталась авторитетом своего знамени прикрыть борьбу с большевиками, с пролетариатом и крестьянством, которая велась казаками и контрреволюционным офицерством. В то же время партия эсеров, так же как и меньшевики, пыталась переговорами добиться уступок от большевиков, изолировать большевиков, принудить их отказаться от власти. Когда это не удалось, 3 ноября партия эсеров заявила о своем полном разрыве с большевиками, о непреклонной упорной непримиримой борьбе с советской властью и большевиками.

Во всех мероприятиях, во всех вооруженных выступлениях против Октябрьской революции, которые совершались в момент Октября, которые происходили в ноябре и декабре, которые происходили с 1917 года и до последнего периода—во всех этих выступлениях энергичное участие принимала партия эсеров. 3 ноября партия эсеров уже приступила к организации заговора и террористических отрядов для нападения на руководителей большевиков. Особым постановлением от 14 ноября 1917 года партия эсеров сформулировала все те требования и цели, во имя которых она решила вести дальнейшую борьбу с большевиками. Партия эсеров требовала уничтожения советской власти, создания однородного социалистического правительства из представителей тех партий, которые разделяли программу, выработанную партией эсеров. Партия ставила своей задачей бороться за создание Временного Правительства, которое должно было существовать до созыва Учредительного Собрания. 27 октября один из крупнейших лидеров партии, эсер Зензинов, объявил большевиков врагами народа. В статье «Кто они» Зензинов писал:

«Они называют себя защитниками народа, но в действительности они являются лишь отщепенцами народа, совершившими над ним насилие, пролившими его кровь. И народ, борющийся за свободу и революцию, должен отвернуться от них, должен ответить им на их призыв проклятием. И чем скорее сомкнутся ряды всех, кто видит в них лишь насильников и узурпаторов, тем скорее будет закончена эта безумная и преступная авантюра, которая губит страну, губит революцию. Мы призываем всех к дружному отпору против большевиков. Ничего общего с врагами народа».

Эта изумительная статья, провозгласив Октябрьскую революцию изменой рабочему делу, объявила ей непримиримую борьбу.

В тот момент, когда эсеры объявили большевиков изменниками народа, измену народу совершала как раз партия эсеров. В тот момент, когда эсеры призывали к полной изоляции большевиков, пролетариат и крестьянство изолировали партию эсеров.

л) СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В Октябрьской революции, как говорил Ленин, «своеобразно сливались пролетарская революция против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков». В Октябре по движущим силам и по содержанию было две революции — пролетарская социалистическая революция, во имя которой шли на штурм власти пролетариат и полупролетарий и пролетарий деревни, и буржуазно-демократическая, которую доделывали, совершая свою основ-

ную революцию, рабочие и пролетарии и полупролетарии деревни совместно со всем крестьянством. Пролетариат доводил до конца буржуазную революцию, одновременно осуществляя на практике свою основную революцию, — революцию социалистическую.

Буржуазный строй вырастает в недрах феодального общества, вырастает весь целиком с командным аппаратом, системой производства и т. д. Между буржуазией, творящей свою революцию, и феодальным обществом нет той разницы, какая существует между пролетариатом и буржуазией. Отношения собственности объединяют и связывают буржуазные элементы, держащие в своих руках средства и орудия производства, и собственнические элементы феодального общества. Этим объясняется, что буржуазные революции не были доведены до конца. Социалистический строй не вызревает полностью и целиком в рамках капиталистического общества. В рамках капиталистического общества создаются лишь все элементы, необходимые для уничтожения капиталистического общества и для строительства нового мира: создается класс, лишенный средств и орудий производства, создается своеобразная организация производства, в которой командную часть занимает буржуазия, а рабочую силу дает противоположный класс — пролетариат.

Между пролетариатом и буржуазией не существует тех отношений, какие существуют между буржуазией и феодалами. Отношение собственности резко противопоставляет друг другу пролетариат и буржуазию. Буржуазный строй вырастает в недрах феодального общества готовый со всей командной верхушкой и срастается с частью феодальных собственников; пролетарская же социалистическая революция разрывает весь буржуазный мир, опрокидывает его. Опрокидывая буржуазный мир, разбивая, ломая его аппарат власти, пролетариат стремится создать свой собственный командный состав и приступить с помощью аппарата власти к переустройству всех экономических отношений.

Только пролетариат может довести до конца буржуазную революцию, поскольку он может уничтожить все цепи, опутывающие землю и подкрепляющие существование буржуазного общества. Содержанием буржуазно-демократической революции, той революции, которую довел до конца в Октябрьские дни пролетариат, было уничтожение остатков феодального общества полностью. Приступив к строительству социализма, пролетариат довел до конца буржуазно-демократическую революцию.

«Мы, — писал Ленин, — вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже, чем Великая Французская революция свыше 125 лет тому назад».

Что означает буржуазно-демократическая революция? Каково ее содержание?

«Содержание этой революции,—писал Ленин,—это значит очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма».

Содержанием буржуазно-демократической революции в России было уничтожение сословности, уничтожение монополии на землю сословного землевладения и феодальных форм землепользования, уничтожение угнетения национальностей, раскрепощение женщин и т. п.

Пролетариат, захвативши власть в свои руки, ставит перед собой задачу строительства нового мира, задачу организации и строительства новой системы экономических отношений, задачу строительства социализма.

Строительство социализма немыслимо при существовании феодальных пут, охвативших земельные отношения, при существовании частной собственности на землю. Борясь за власть, пролетариат разрывает феодальные связи, опутывающие землевладение и землепользование, доводит до конца буржуазно-демократическую революцию в деревне. Перед пролетариатом в русских условиях 1917 года стояла задача вырваться из цепей империалистической войны и вырвать из них все крестьянство. Выполняя это, пролетариат вступал в схватку со всем буржуазным миром, сливал две революции в одну основную мировую пролетарскую социалистическую революцию. Буржуазно-демократические преобразования, говорил Ленин, «есть побочный продукт пролетарской социалистической революции». Основной в Октябре была революция пролетарская, социалистическая. Походя и мимоходом она совершила и довела до конца буржуазно-демократическую революцию, связывая тем самым с пролетарской социалистической революцией огромные многомиллионные массы мелкой буржуазии, укрепляя союз пролетариата с крестьянством.

Мировое значение Октябрьской революции в том, что она, прорвав империалистический фронт в его слабейшем звене, объявила борьбу всей мировой буржуазии, призвала пролетариат всего мира к борьбе с своей собственной буржуазией.

Октябрьская революция наглядно показала мировому пролетариату те формы и те цели, к которым стремится пролетариат. Она вырвала из рук буржуазии огромные массы в России, тем самым она не только уничтожила одну из составных частей армии буржуазии, но подорвала устойчивость и силу самого существования буржуазии. Октябрьская революция изменила лицо мира. Она обострила процесс классовой борьбы внутри империалистического мира, начала превращать империалистическую войну в войну гражданскую, в войну классовую.

На фоне империалистической войны мировая буржуазия увидела нового врага, выстраивающего против буржуазии всех стран пролетариат всего мира. Буржуазия от борьбы за продолжение войны приступила к борьбе за свое собственное существование. Защищать свое собственное существование буржуазии приходилось от своего собственного пролетариата, а подавить и разбить свой собственный пролетариат буржуазия прежде всего могла, разбивши и уничтоживши диктатуру пролетариата в России.

Октябрьская революция, будучи мировой пролетарской социалистической революцией, самым фактом своего существования меняла содержание, цели и формы классовой борьбы пролетариата всего мира. С момента создания первой диктатуры пролетариата империалистическая война превратилась в войну гражданскую, и всякая классовая борьба внутри империалистического мира перерастает и переливается в гражданскую войну. Успех пролетарской борьбы всего мира зависит от крепости и устойчивости существования Республики Советов. Для того чтобы попрежнему эксплоатировать пролетариат своей

собственной страны, буржуазия должна стремиться к уничтожению республики Советов.

Мировой пролетариат, стремясь как можно сильнее нанести удар своей собственной буржуазии, должен более всего стремиться к тому, чтобы укрепить, защитить от натиска буржуазии Республику Советов.

Октябрьская революция в России, исчерпав до конца буржуазно-демократическую революцию, установила диктатуру пролетариата, приступила к строительству социализма, она сосредоточила вокруг социалистической революции в России огромные массы пролетариата и крестьянства, превратила борьбу всего мирового пролетариата в борьбу за укрепление и расширение диктатуры пролетариата.

м) УРОКИ ОКТЯБРЯ.

Ход Октября является необходимейшим уроком для мирового пролетариата, стоящего перед совершением своего Октября.

Изучение того, как, каким образом прошла Октябрьская революция, почему она прошла успешно, кто и как ее организовал, является полезнейшей наукой для всего мирового пролетариата. Успешность Октябрьской революции тов. Ленин объяснял тем, что во главе Октябрьской революции стояла дисциплинированная железная партия большевиков. Большевики имели за собой громадное большинство пролетариата, они имели за собой пролетариат, закаленный в долгой упорной борьбе, имели могучий ударный кулак в столицах и главнейших промышленных центрах России. На стороне большевиков сосредоточивались огромные массы народа.

Октябрьская революция соединила захват власти пролетариатом с окончанием империалистической войны, что привязало к Октябрьской революции огромные массы пролетариата, многомиллионное крестьянское море — море мелкой буржуазии. Объединив под руководством партии огромное большинство населения, Октябрьская революция имела возможность на некоторое время использовать смертельную борьбу мировых империалистических хищников.

Октябрьская революция была организована партией, имела за собой огромное большинство населения, весь пролетариат и огромную массу крестьянства. Судьба Октябрьской революции была прежде всего решена в промышленных центрах, где на ее стороне имелся колоссальный перевес сил. За Октябрьской революцией пошел весь пролетариат и крестьянство России.

Таковы были уроки Октября, так рассматривал ход Октябрьской революции Ленин. Но не так рассматривает ход Октябрьской революции один из активных участников Октябрьской революции, председатель Петросовета в Октябрьские дни, член ВРК Троцкий. Он тоже стоит на той позиции, что изучать Октябрьскую революцию необходимо, что ее опыт лучше всего другого показывает на практике, чья теория о том, как нужно совершать революцию, правильна.

«Теперь, — говорит Троцкий, — несколько лет после Октября заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 года — значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые

системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции, совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду» [1]).

История Октябрьской революции отвечает на вопрос, как и где нужно делать революцию правильно.

Троцкий видит четыре силы, которые участвовали в совершении Октябрьской революции: ЦК партии, Петросовет, петроградский гарнизон и массы. Хотя Троцкий и говорит, что массы были готовы к совершению революции, что в массах было сознание того, что борьба идет не об отдельных выступлениях, а о власти, но о массе и о петроградском гарнизоне Троцкий много не говорит. Для успешного совершения восстания, как указывает Троцкий, нужна была армия. Петроградский гарнизон представлял собою армию, не желавшую итти на фронт. Временное Правительство, пытаясь выбросить петроградский гарнизон из Петрограда на фронт, хотело более всего вырвать воинские силы из рук большевиков. Солдаты не желали итти на фронт.

Большевики, по мнению Троцкого, дали этому естественному нежеланию политическое выражение. Таким образом была создана воинская сила революции. В то самое время, как массы были уже готовы к совершению революции, а гарнизон, не желавший воевать, переходил на сторону революции, вопрос о судьбах революции решался в ЦК и Петросовете. В Центральном Комитете, как описывает Троцкий, творились странные дела. Там шла ожесточенная борьба. Тов. Ленин вел в ЦК жестокую борьбу с противниками восстания, указывал место и срок восстания. Тов. Ленин указывал, что восстание желательно начать с Москвы, начать его раньше созыва II Съезда Советов, начать силами партии. Словом, Ленин развертывал такой стратегический план, который не был осуществлен на практике, — восстание началось не в Москве, а в Петрограде.

Пока Ленин воевал в ЦК с противниками восстания, вопрос о восстании был решен Петросоветом. В Петрограде развернулся конфликт по поводу вывода Петроградского гарнизона на фронт. В процессе этого конфликта 16 октября Петросовет окончательно создал ВРК, который должен был контролировать все распоряжения военного штаба Временного Правительства. Это, как говорит Троцкий, было уже само восстание, которого не заметил никто. Ленин просмотрел это восстание, воюя в ЦК с противниками Октябрьского восстания.

«С того момента — пишет Троцкий, — как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении». «Исход восстания 25 октября, — продолжает Троцкий, — был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона. Создали ВРК (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров».

Таким образом, в то время как происходили заседания ЦК 10 и 16 октября, когда происходили собрание петроградского актива и собрания Петроградского и Московского партийных комитетов и шла борьба вокруг вопроса о восстании, шла организационная подготовка восстания, — восстание уже совершилось. ЦК и партия не заметили совершившегося восстания.

[1]) Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. XVI.

Когда ЦК решило создать революционный штаб для руководства восстанием, восстание уже произошло. Советы, которые давал в этот момент тов. Ленин о необходимости начать восстание в Москве, могли привести только к краху уже начавшегося победоносного восстания. Восстание началось тогда, когда Петросовет под председательством Троцкого создал ВРК. Троцкий точно указывает это историческое число — 16 октября. 25 октября происходило уже не восстание, а дополнение к восстанию. Октябрь, по мнению Троцкого, совершался в два приема. Октябрь совершился 16 октября, когда петроградский гарнизон отказался итти на фронт, и 25 октября, «когда понадобилось уже только небольшое дополнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности».

Так рисует Троцкий ход Октября в Петрограде. По России Октябрьская революция, по его словам, прошла еще проще. Узнав о восстании в Петрограде, массы совершили Октябрь по России. Троцкий говорит: «бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду. Она это сделала в феврале. Она повторила это в октябре». Непонятно только одно, каким же образом бюрократическая провинция оказалась сторонницей Октябрьского восстания. Октябрьская революция в России совершена не теми, кто держал в своих руках бюрократический аппарат, а пролетариатом и крестьянством. Бюрократическая же провинция, привыкшая равняться по Петрограду, в Октябрьские дни подобно Петрограду сопротивлялась Октябрьской революции, организовала комитеты спасения, организовала белую гвардию, провела ряд упорных боев.

Октябрьская революция по плану Ленина могла была совершиться только под руководством партии, была организована и подготовлена партией. В концепции Троцкого партия совершенно отсутствует. Ее роль неизвестна. Из концепции Троцкого видно только одно, что пока в ЦК шла возня и тов. Ленин воевал с противниками восстания, Петросовет под руководством Троцкого вел Октябрьскую революцию, вел ее не силами партии, не силами организации, а силами советской легальности, перебрасывая от Петросовета, от центральной организации, лозунг к массам, минуя все посредствующие организации. Троцкий не только замалчивает, спутывает роль партии, но он сознательно подчеркивает, что совершить революцию под лозунгом и руководством партии и совершить ее под лозунгом защиты съезда Советов — две совершенно разные вещи. «Устраивать, — пишет Троцкий, — вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией — одно, а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда Советов — совсем другое». Восстание было, по учению Троцкого, создано и осуществлено в рамках советской легальности, под видом защиты съезда Советов, а не так, как предполагал и как оценивал Октябрьскую революцию тов. Ленин.

Концепция Октябрьской революции, данная Троцким, резко отличается от той оценки Октябрьской революции, которую давал тов. Ленин и дает партия большевиков. Историческая концепция Октябрьской революции, данная Троцким, ставит вопрос о том, какую силу представлял сам Троцкий в момент революции. Подъем революционной волны повлек за пролетариатом массы мелкой буржуазии, втянул в пролетарскую партию представителей мелкобуржуазных слоев и течений; Троцкий был принят

в партию большевиков. Поворот революции, рост строительства социализма отбросил от пролетариата представителей мелкой буржуазии, Троцкий ушел от партии. Индивидуалистическая оценка Октября — лишь иллюстрация социальной сущности Троцкого—представителя мелкой буржуазии.

По мнению Ленина и по мнению партии Октябрьская революция была организованной революцией, — в ней на практике было осуществлено учение марксизма о восстании, как искусстве. Партия подготовила и партия руководила каждым шагом Октябрьской революции. Она указала момент совершения революции. Она указала тактический план проведения на практике революции. Она шла в первых рядах революции. По мнению же Троцкого, партия в лице ЦК, о котором он говорит, занималась какой-то странной возней, и лишь уступая напору тов. Ленина, решила вопрос о восстании. В то время как ЦК партии все свои силы употребил на внутрипартийную борьбу вокруг вопроса о восстании, незаметно для партии, помимо партии, восстание было совершено Петросоветом, председателем которого в эти дни был Троцкий.

Таким образом Октябрьская революция была совершена Троцким, руководителем Петросовета, Петросоветом и массами. Вождь, с помощью популярного советского аппарата, бросил подготовленным сильной агитацией массам лозунг, а подготовленные массы и солдаты, не хотевшие воевать, подхватили этот лозунг и совершили революцию. Лишь для вящшего эффекта происходит второе действие Октября — Октябрьское восстание 25 октября.

Такова историческая оценка того, как шла Октябрьская революция, у Троцкого, и таковы уроки о том, как нужно совершать Октябрьскую революцию. Октябрьская революция была совершена по Ленину. Октябрьские революции будут совершаться мировым пролетариатом под руководством революционной партии, подготовляющей и организующей революцию.

Октябрьская революция была первой революцией на фоне империалистической войны. Это оказало огромное влияние на расстановку классовых сил в международном и русском масштабе в момент самой революции.

Буржуазия принуждена была всю силу своего аппарата и всю свою хозяйственную мощь бросить на фронт империалистической войны.

Война приковывала к себе внимание буржуазии Франции, Англии, Германии, Австрии, и тем самым она временно освобождала Октябрьскую революцию от непосредственных столкновений с мировой буржуазией. Война подняла буржуазию на новую организационную ступень ее существования и в то же время организационно ослабила, расшатала аппарат власти, напрягла все силы буржуазии, обострила классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией.

Война заставляла буржуазию Франции, Англии, Германии, Австрии внимательно прислушиваться к тому, что происходит в рядах ее собственного пролетариата. Война мешала мировой буржуазии броситься на Октябрьскую революцию, и война в то же самое время заставляла буржуазию усиленно интересоваться Октябрьской революцией.

Пролетариат и крестьянство благодаря войне поднялись на новую организационную ступень своего существования. Классовые противоречия между пролетариатом, крестьянством и буржуазией значительно обострились. Содержа-

ние пролетарской борьбы приняло новый характер. Борьба пролетариата, как класса, борьба за власть встала перед всем мировым пролетариатом.

Война организовала пролетариат и крестьянство в многомиллионную армию, снабдила оружием. Война сосредоточила в немногих центрах армию — силу, могущую уничтожить весь буржуазный мир целиком. Война обострила революционное движение пролетариата всего мира, направив его в момент Октября против своей собственной буржуазии, и тем самым облегчила устойчивость Октябрьской революции.

Русская буржуазия в период войны поднялась на высшую ступень экономического существования, но организационно аппарат власти распадался и разваливался, тем самым сопротивляемость буржуазии ослабевала. Ослабление сопротивляемости сопровождалось обострением стремления буржуазии удержать свои классовые позиции, достигнуть в войне осуществления своих классовых целей.

Пролетариат и крестьянство оказались в армии организованными в большие компактные массы. Блок между пролетариатом и крестьянством в армии принял новое организационное оформление. Цель борьбы — борьба за власть, ясно и открыто встала перед всем пролетариатом и идущим за ним крестьянством России.

Партия организовала Октябрьскую революцию, скрепила, организационно выявила, оформила союз между пролетариатом и крестьянством. Партия подняла пролетарское движение, поднимая отсталые массы пролетариата. Партия подняла на высшую ступень крестьянское движение, придавая его стихийной силе организованную форму и давая твердо и ясно поставленную цель. Организованность наряду с массовой силой — характерная черта Октябрьской революции.

Пролетариат и крестьянство дали Октябрьской революции массовую армию, стихийную силу, а партия большевиков внесла в нее планомерность и организованность. Партия организовала боевые батальоны пролетариата и крестьянства, партия установила момент революции, правильно учла момент штурма буржуазного мира, указала характерные черты самой революции, учла момент наивысшего напряжения революционной энергии и революционного движения масс, его наивысшую организованность и стойкость, и наивысший момент организационного распада и развала буржуазии.

Учитывая внешнюю обстановку, выгодную для успешной победоносной революции, партия выделила руководящие центры революции, организационно подготовила руководство совершения самой революции. Партия руководила непосредственно боями, участвуя и совершая Октябрьскую революцию со всем пролетариатом и крестьянством. Для планомерного организованного стойкого руководства революцией со стороны партии требовалось стойкое железное единство мысли и единство действий.

В Октябрьские дни внутри центральных органов партии шла борьба небольшого меньшинства, готового капитулировать перед трудностями революции, и большинства руководящих органов, ведущих неуклонно партию к победоносной революции. Большинство своей непримиримой стойкостью, своим упорством обеспечило партии единство мысли в руководящих органах партии,

а тем самым обеспечило партии и единство мысли на практике. Устойчивость партийного руководства, его упорство, единство, монолитность, железная дисциплина партийных рядов, сковывающая всю партию в одно целое, заставляющая ее осуществлять на практике одну цель, одну волю и тем дающая возможность партии руководить миллионами пролетариата, а вслед за ним и через

Красногвардеец и моряк.

него многомиллионными массами крестьянства — вот характернейшие черты Октябрьской революции.

Пролетариат дал Октябрьской революции силу, сознающую цель борьбы, силу, привыкшую к планомерным организованным выступлениям. Пролетариат являлся организованной массой, организованным ядром армии революции, через пролетариат перекидывался мост революции к мелкой буржуазии. За пролетариатом пошли армейские части обеих столиц. В своем стремительном штурме твердынь буржуазии он заставил колеблющиеся отряды мелкой буржуазии,

организованные воинские единицы пойти за собой. Он внес в ее массы устойчивость, оформил цель движения. Пролетариат перекинул Октябрьскую революцию из города в деревню. Укрепляя и завершая ход своей победоносной борьбы в промышленных центрах, он расчистил путь буржуазно-демократической революции в деревне.

Пролетариат облегчил путь борьбы за доведение до конца буржуазно-демократической революции, внес организацию и планомерность в массы, стихийно совершающие буржуазно-демократическую революцию. Он уложил их движение в определенные рамки и формы, указал им ясно цель.

Крестьянство своими многомиллионными колоннами составило огромную армию, совершившую под руководством пролетариата Октябрьскую революцию. И в промышленных центрах и в деревне крестьянство всей своей массой стремилось к уничтожению феодальных пережитков, к исчерпанию до конца буржуазно-демократической революции. Полупролетарии и пролетарии деревни ставили перед собою задачу, наряду с довершением до конца буржуазно-демократической революции, совершить социалистическую революцию, взять в свои руки власть. Соглашательские мелкобуржуазные партии в момент Октябрьской революции оказались злейшим врагом пролетариата и крестьянства. Все попытки русских меньшевиков и эсеров в момент совершения Октябрьской революции сводились к попыткам удержать власть в руках буржуазии.

В момент самой революции меньшевики и эсеры старались расслоить борющуюся за совершение революции армию пролетариата и крестьянства и тем самым усилить армию буржуазии, стремящуюся удержать власть в своих руках, защитить и сохранить свои позиции. В момент Октябрьской революции меньшевики и эсеры являлись злейшими врагами революции. Буржуазия боролась с Октябрьской революцией открыто. Меньшевики и эсеры свою борьбу с пролетарской социалистической революцией прикрывали разговорами о социализме и интересах пролетариата и крестьянства. Они пытались внести разложение и смуту в боевые колонны, оторвать от них колеблющихся, расслоить их ряды, предать пролетариат и крестьянство в руки буржуазии, обеспечив ей победу. Политика меньшевиков и эсеров в Октябрьские дни, в случае неудачи Октябрьской революции, могла лишь увеличить число кровавых жертв, которыми расплатились бы пролетариат и крестьянство за попытку навсегда освободиться от власти буржуазии.

Октябрьская революция, совершенная объединенными силами российского пролетариата и крестьянства, совершенная под руководством большевистской партии, организованная партией, имела мировое значение, поскольку она, уничтожая господство буржуазии в России, прорвала тем самым фронт империализма в его слабейшем звене, усиливала и обостряла борьбу международного пролетариата с своей собственной буржуазией.

Самым фактом своего существования Октябрьская революция меняла характер и цели пролетарской борьбы всего мира. Прорыв фронта империалистического мира в его слабейшем звене и создание первой в мире Республики Советов не только усиливали волны революционного движения пролетариата, но вносили в него новое содержание. Теперь уже перед пролетариатом всего мира стояла задача не только свержения господства своей собственной буржуазии, но

III ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ.

В. ЛЕНИН.

10—18 ЯНВАРЯ 1918 ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ.

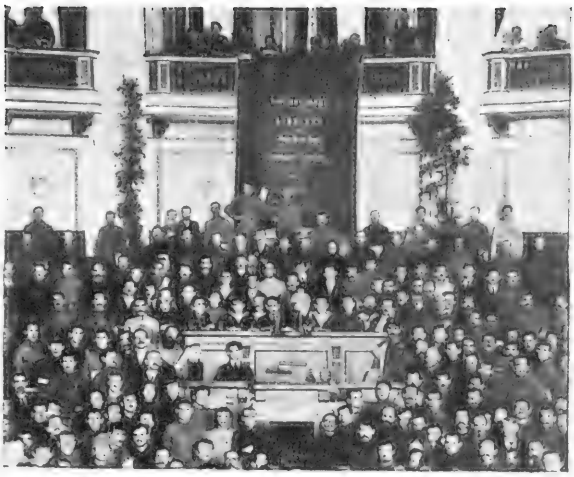
742 ДЕЛЕГАТА С РЕШАЮЩИМ ГОЛОСОМ.
104 ДЕЛЕГАТА С СОВЕЩАТ. ГОЛОСОМ.

«АКТ РОСПУСКА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ МЫ ДОЛЖНЫ СОПОСТАВИТЬ С СОЗЫВОМ III ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ — ЭТОГО ВЕРХОВНОГО ОРГАНА, КОТОРЫЙ ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНО ОТРАЖАЕТ ИНТЕРЕСЫ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН». (Из речи Свердлова.)

Я. СВЕРДЛОВ.
Председатель съезда

«Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам».

Пленум съезда.



Объединенное заседание крест. съезда и съезда Сов.

«ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СЪЕЗДА Я ХОЧУ ВАМ СКАЗАТЬ, ЧТО ТОВАРИЩИ КРЕСТЬЯНЕ ПРИШЛИ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ С ВАМИ...

СЪЕЗД КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ИМЕЕТ ОДНО УСЛОВИЕ, ОДНО ТРЕБОВАНИЕ, ОДНУ ПРОСЬБУ К ВАМ: ЧТОБЫ ДАННЫЙ СОСТАВ СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ НЕ ВЫШЕЛ ИЗ ЭТОГО ЗАЛА, ПОКА НЕ ВЫНЕСЕТ ЗАКОНА О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ». (Из речи Спиридоновой.)

«ФРАКЦИЯ ЛЕВЫХ С.-Р. III СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ВЫРАЖАЕТ ЦИК И СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СВОЕ ПОЛНОЕ ДОВЕРИЕ И ПРИЗЫВАЕТ ТРУДОВЫЕ МАССЫ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ОКАЗАТЬ ВСЕМЕРНУЮ ПОДДЕРЖКУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ». (Из резолюции левых С.-Р.)

«ЕСЛИ КРЕСТЬЯНЕ ХОТЯТ ОСУЩЕСТВИТЬ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ЗЕМЛИ В СОЮЗЕ С РАБОЧИМИ, КОТОРЫЕ ПРОИЗВЕДУТ НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ БАНКОВ И СОЗДАДУТ РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ — ОНИ НАШИ ВЕРНЫЕ СОТРУДНИКИ, ВЕРНЕЙШИЕ И ЦЕННЕЙШИЕ СОЮЗНИКИ». (Ленин).

М. СПИРИДОНОВА.
Лидер лев. с.-р.

СОСТАВ ЦИК, ИЗБРАННОГО НА СЪЕЗДЕ.

МЕНЬШЕВИКИ	2
С.-Р. ПРАВЫЕ	7
С.-Р. МАКСИМАЛИСТЫ	7
АНАРХ.-КОММУН.	3
МЕНЬШ.-ИНТЕРН.	2
С.-Р. ЛЕВЫЕ	125
БОЛЬШЕВИКИ	160

Группа левых с.-р.

и защита, поддержка и укрепление первой Республики Советов, первой страны диктатуры пролетариата. Защита и укрепление первой страны диктатуры пролетариата становилось тем самым для пролетариата каждой страны укреплением и улучшением своего собственного положения. Рост и усиленный напор мирового пролетариата на свою собственную буржуазию отвлекал ее от борьбы с Советской Россией, облегчал и укреплял положение Советского Союза.

Буржуазия, стремясь удержать власть в своих руках, стараясь упрочить и усилить свое положение, стремилась к уничтожению диктатуры пролетариата, к уничтожению Советской Республики. Мировой пролетариат в борьбе за свое собственное освобождение связывался и сливался с борьбою российского пролетариата и крестьянства за укрепление и защиту Советского Союза. Укрепляя и защищая Советский Союз от натиска буржуазии, российской пролетариат и крестьянство давали отпор мировой буржуазии. Международный пролетариат, напирая на свою собственную буржуазию, вступая в схватку со своей собственной буржуазией, не только облегчал свое положение, но тем самым укреплял и усиливал положение первой диктатуры пролетариата.

н) БОЛЬШЕВИКИ И ПОДГОТОВКА III ИНТЕРНАЦИОНАЛА [1]).

Борясь за социалистическую революцию в России и осуществляя ее, большевистская партия продолжает в 1917 г., как и прежде, возглавлять ортодоксально-марксистские левые социал-демократические организации во всем мире, подготовлять создание III Интернационала.

Деятельность большевиков на международной арене до 1917 г. выразилась в оформлении циммервальдской левой на Циммервальдской и Кинтальской международных конференциях 1915 и 1916 г.г. Ведя беспощадную и д е й н у ю борьбу против каутскианцев, троцкистов, мартовцев и других правых циммервальдистов и центристов, большевики оставались еще 1915—1916 г.г. организационно в е д и н о й циммервальдской организации.

Иначе стал вопрос в конце 1916 и начале 1917 г. [2]).

В программной брошюре «Задачи партии в нашей революции», написанной в апреле 1917 г., Ленин писал объ «идейно-политическом крахе Циммервальдского Интернационала», ибо «в с я циммервальдская правая, все циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму» [3]).

Отсюда вытекала задача — взять на себя «инициативу создания революционного Интернационала, Интернационала против с о ц и а л - ш о в и н и с т о в и п р о т и в «ц е н т р а» [4]), разорвать с Циммервальдом и приступить к организационным шагам по оформлению Третьего Интернационала.

---

[1]) Настоящей главой заканчивается определенный период в истории нашей партии — период непосредственной борьбы за социалистическую революцию и установление пролетарской диктатуры в России. История этого периода однако была бы неполной без освещения деятельности большевиков по подготовке создания III Интернационала. Подробное изложение предыстории Коминтерна будет дано в пятом томе нашей работы, посвященном истории Коминтерна, пока же мы в интересах полноты картины даем лишь краткое освещение деятельности большевиков на международной арене в 1917 г. Р е д а к ц и я.

[2]) См. т. III, гл. II.

[3]) Собр. соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 129.

[4]) Апрельские тезисы, Собр. соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 89. Курсив наш.

Эту же линию защищал Ленин и на апрельской конференции, предложив формально заявить, что мы остаемся в Циммервальде «только с информационной целью». Против этого предложения выступал Зиновьев, отстаивавший устаревшую уже линию на организационное единство с центристами на международной арене.

Соглашаясь с тем, что наша партия должна «приступить к практическим шагам по организации III Интернационала», Зиновьев считал, однако, необходимым пока что о с т а в а т ь с я в циммервальдском блоке. Конференция приняла предложение Зиновьева. Наряду с этим она приняла резолюцию об отказе от участия во всяких конференциях с участием социал-патриотов. Эта резолюция была ответом на попытки созвать конференцию социалистов всех стран с участием социал-патриотов. О такой конференции, так наз. Стокгольмской (по предполагаемому месту ее созыва) усиленно хлопотали каутскианцы еще с 1916 г. Специально для ее созыва был создан социалистами нейтральных стран так наз. Голландско-Скандинавский Комитет, назначивший конференцию на 15 мая. Одновременно Интернациональная Социалистическая Комиссия (руководящий орган Циммервальдского объединения) назначила на 31 мая конференцию циммервальдистов.

В середине мая 1917 г. инициатива созыва обеих международных социалистических конференций, и социал-соглашательской и циммервальдистской, перешла к России. С одной стороны, Исполком Петроградского Совета Р. и С. Д. взял на себя инициативу созыва Международной Социалистической конференции, так называемой Стокгольмской. С другой стороны, в Россию приехал председатель Интернациональной Социалистической Комиссии Гримм, поставивший вопрос о созыве Циммервальдской конференции на совещании с представителями всех русских социалистических партий (28—29 мая).

Основным вопросом этого совещания было отношение к Стокгольмской конференции социал-соглашателей. Представители большевиков высказались за бойкот циммервальдистами Стокгольмской конференции, меньшевики — за участие в ней. Большевики воспользовались этим совещанием, чтобы провести более четкий водораздел между центристами и действительными интернационалистами. Они внесли предложение осудить вступление меньшевиков Скобелева и других в коалиционное министерство Керенского. Но циммервальдское большинство отказалось вынести такую четкую политическую резолюцию и тем показало свое центристское лицо. Вопрос был отложен «до опроса заинтересованных партий».

Вопрос об участии на Стокгольмской конференции был одним из главных вопросов, окончательно расколовших Циммервальд. Этот вопрос усиленно обсуждался на всех совещаниях циммервальдистов летом 1917 г. Многие делегаты центристских социалистических партий (немецкие независимые, русские меньшевики-интернационалисты) не только высказывались за участие, но прямо приезжали на конференцию, имея одновременно два мандата — на Стокгольмскую конференцию соглашателей и на Третью Циммервальдскую конференцию. Наоборот, большевики категорически настаивали на том, что Циммервальд должен отказаться от участия в конференции собирающихся в Стокгольме соглашателей. В этом духе была принята резолюция и апрельской кон-

ференцией и VI Съездом партии. ЦК партии неоднократно подтверждал в специальных резолюциях правильность этой линии.

Против четкой большевистской линии по этому вопросу выступал только один т. Каменев. На заседании ВЦИКа 19 (6) августа при обсуждении доклада меньшевика Розанова о Стокгольмской конференции Каменев выступил с речью, в которой отстаивал необходимость пойти на Стокгольмскую конференцию. В своей речи он, между прочим, заявил, что партия большевиков прежде высказывалась против участия на Стокгольмской конференции, но что «теперь это решение должно пересмотреть» и принять участие в Стокгольмской конференции, ибо «Стокгольм перестал быть только орудием политической интриги. Теперь этот период прошел. В настоящее время Стокгольм есть некоторое знамя пролетариата».

Заявление т. Каменева, ревизующее постановления апрельской конференции и VI Съезда партии, было тут же опротестовано представителем большевистской фракции т. Кураевым.

«Наши отношения изменились к конференции не в том отношении, что мы пойдем на эту конференцию. Мы еще больше, чем когда-либо заявляем, что мы не можем пойти на эту конференцию. Борьба за мир, которая теперь начата почти во всех странах Европы, была предвидена нами. Не может быть борьбы за мир на Стокгольмской конференции, на которой будет происходить собрание палачей», заявил он.

Еще резче поставил вопрос Ленин. В специальном письме в ЦО партии «Пролетарий», он писал:

«Речь т. Каменева в ЦИКе 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков.

«В первой же фразе своей речи т. Каменев сделал заявление формального характера, которое придает его выступлению прямо чудовищный характер. Тов. Каменев оговаривается, что выступает от себя лично, что «наша фракция этого вопроса не обсуждала».

«Во-первых, с каких это пор в организованной партии по важным вопросам выступают отдельные члены «от себя лично»? Раз фракция вопроса не обсуждала, т. Каменев не имел права выступать. Вот первый вывод из его же слов.

«Во-вторых, какое право имел т. Каменев забыть, что есть решение ЦК партии против участия в Стокгольме. Если это решение не отменено съездом или новым решением ЦК, то оно остается законом для партии. Если оно отменено, тогда бы т. Каменев не мог бы умолчать об этом, не мог бы говорить в прошлом времени — «мы, большевики, до сих пор относились к Стокгольмской конференции отрицательно».

«Опять-таки вывод тот, что Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю, не упоминая ни словом об обязательном для него решении ЦК...

«Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничанием с проделками социал-империалистов русских и немецких,

с проделками министров буржуазного империалистского правительства Черновых, Скобелевых и К°.

«Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществлять это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад, к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма!»

ЦК партии в специальном постановлении также признал линию т. Каменева неправильной, а ЦО «Пролетарий» в ряде статей разоблачил неправильность утверждений, будто большевики могут пойти на Стокгольмскую конференцию.

Стокгольмская конференция, несколько раз откладывавшаяся, в конце концов так и не состоялась. Однако назначенную накануне ее третью Циммервальдскую конференцию собрать удалось (5—14 сентября 1917 г. нов. ст.).

Основным вопросом этой конференции был вопрос об участии на общих конференциях с социал-соглашателями. Присутствовавшие центристы-меньшевики категорически заявили, что если Циммервальд не даст своей подписи под приглашением на Стокгольмскую конференцию, то они покинут конференцию циммервальдистов, а затем привели эту «угрозу» в исполнение.

Большинство же конференции отвергло всякое участие на общих конференциях с соглашателями. Однако окончательного решения разорвать с социал-патриотами конференция не приняла. Она приняла только воззвание о всеобщей стачке в знак солидарности с русской революцией и борьбы за мир Предложение же большевиков заклеймить тактику русских соглашателей, поддерживающих бонапартистское правительство Керенского, было отвергнуто конференцией.

После третьей Циммервальдской конференции большевики все еще оставались формально в рядах Циммервальда. Ленин считал это серьезной ошибкой. «Надо уйти из Циммервальда т о т ч а с,—писал он. — ...Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же... — с о з ы в а е м к о н ф е р е н ц и ю л е в ы х, поручаем это стокгольмским представителям» (ЦК партии — Воровскому и Семашко, присутствовавшим на третьей Циммервальдской конференции).

Хотя формально большевики и не вышли осенью 1917 года из Циммервальда, но фактически они уже порвали всякую связь с ним. Представительство русского ЦК за границей по существу было уже в это время организационным центром по созыву конференции революционных марксистов — сторонников III Интернационала.

Октябрьская революция сильно облегчила организационную работу большевиков по созданию III Интернационала. 22 декабря 1917 г. ВЦИК принял постановление о посылке делегации из представителей большевиков и левых эсеров за границу с целью «принять подготовительные шаги к созыву международной конференции представителей левого крыла Интернационала, стоящих на точке зрения советской власти и необходимости борьбы против империалистических правительств внутри каждой из воюющих стран». В январе 1918 г. в Петербурге состоялось совещание представителей шведской, норвежской, британской, польской, румынской, югославской и американской партий, стоявших на платформе III Интернационала. Это совещание приняло существен-

ную поправку к условиям вступления в III Интернационал. «Международная социалистическая конференция... должна быть созвана при следующих двух условиях: 1) согласие партий и организаций стать на путь революционной борьбы против своих правительств за немедленный мир; 2) поддержка Октябрьской российской революции и советской власти», — гласила резолюция совещания.

Как видим, к старым требованиям, предъявлявшимся к участникам Циммервальдского объединения, теперь прибавилось еще одно, и немаловажное — «поддержка Октябрьской революции и советской власти». Международное коммунистическое движение тесно связало свою судьбу с судьбой русской революции и Советской Республики.

Таковы были первые организационные мероприятия по подготовке Коммунистического Интернационала.

Через год, на первом конгрессе Коминтерна, Циммервальдское объединение было формально объявлено ликвидированным. Работа большевиков на международной арене увенчалась созданием Коммунистического Интернационала.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К IV ГЛАВЕ.

ПАРТИЯ ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА.

I. Внутрипартийные разногласия после Октября.

1) Вопрос о характере революции и о взаимоотношениях с крестьянством.
2) Вопрос о соглашении с мелкобуржуазными («социалистическими») партиями.
3) Укрепление советской власти по России.
4) Левые эсеры и Викжель.
5) Шатания так называемых «правых большевиков».

ЛИТЕРАТУРА.

Ленин, т. XVIII, ч. 1, изд. 2-е, стр. 334—340, изд. 1-е, стр. 363—370 (статья к 4-летней годовщине Октябрьск. революции).

Ленин, том. XV, стр. 11—12, 13—16, 18—20, 23—24, 33—37, 41—52.

II. Попытки мелкобуржуазной контрреволюции противопоставить советской власти «единый фронт».

1) Эсеры и ставка.
2) Эсеры и петлюровская рада.
3) Тактика к-д и правых.
4) Попытки создания единого фронта «демократической» контрреволюции.
5) Концентрация буржуазно-помещичьей контрреволюции на Дону. Каледин.
6) Большевики. Учредительное собрание.

ЛИТЕРАТУРА.

Протоколы РСДРП, стр. 144—178 за 1917—1918 гг.
Вардин, Меньшевизм и большевизм, стр. 12—15.
Ленин, т. XV, стр. 52—58.

ГЛАВА IV.

ПАРТИЯ ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА.

1.

Советская власть после Октябрьской победы в Питере «прошла триумфальным маршем» по всей России. Это «триумфальное шествие советской власти» облегчалось прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, обострение империалистской борьбы между союзниками и Германией не позволило империалистам бросить достаточные силы для подавления социалистической революции в России: «международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма» [1]). Во-вторых, победа социалистической революции произошла у нас «так легко, мирно, быстро, спокойно» потому, что большинство мелкой буржуазии «в решающие минуты в решающих пунктах» склонилось на сторону пролетариата [2]).

Этой благоприятной обстановкой партия воспользовалась для укрепления пролетарской диктатуры и расширения ее территории. Но здесь внутри партии выявились разногласия по вопросу о возможности успешного социалистического строительства в отсталой крестьянской России, — разногласия, обозначавшиеся еще на апрельской конференции и VI Съезде [3]).

Программой большевистского правительства, равно как и всей партии во главе с Лениным, были «постепенные, но твердые и неуклонные шаги к социализму» [4]). Партия исходила из того, что в России имеются налицо предпосылки для успешного строительства социализма. Эту мысль очень четко формулировал Ленин накануне Октября, заявив, что Россия может при условии перехода власти в руки пролетариата [5]) догнать и перегнать передовые капиталистические страны не только политически, но и экономически.

Наоборот, противники ленинской линии отрицали возможность успешного строительства социализма в России и говорили только о з а в е р ш е н и и демократической революции, о «закреплении уже завоеванных позиций», а не о дальнейшем продвижении вперед, к социализму.

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XV, стр. 127.

[2]) Там же, стр. 228.

[3]) См. особенно речь тов. Рыкова на апрельской конференции 1917 г. (Протоколы, стр. 47) и речь Бухарина на VI Съезде (Протоколы, Гиз, 1927).

[4]) Из обращения ЦК «Ко всем членам партии» от 20(7) ноября.

[5]) См. т. XIV, ч. 2, стр. 213.

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 5—6 ЯНВАРЯ 1918 ГОДА В ПЕТРОГРАДЕ

ЧЕРНОВ.
Председ. учред. Собр.

«Установление демократической республики, основанной на всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве».

«В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ ПОЛУЧИЛА БОЛЬШИНСТВО ПАРТИЯ ПРАВЫХ СОЦ.-РЕВ. ПАРТИЯ КЕРЕНСКОГО, АВКСЕНТЬЕВА - ЧЕРНОВА. ЭТА ПАРТИЯ, НАЗЫВАЮЩАЯ СЕБЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ, РУКОВОДИТ БОРЬБОЙ БУРЖУАЗНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОТИВ РАБОЧЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЯВЛЯЕТСЯ НА ДЕЛЕ ПАРТИЕЙ БУРЖУАЗНОЙ И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ».
(Из декларации большевиков.)

ВИШНЯК.
Секр. Учр. Собр.

«ВСЯ ВЛАСТЬ ЦЕЛИКОМ БЕЗУСЛОВНО НАХОДИТСЯ В РУКАХ РАБОЧЕГО-КРЕСТЬЯНИНА И СОЛДАТА, А НЕ В РУКАХ, ТАК НАЗЫВАЕМЫХ, ОБЩЕНАРОДНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ГДЕ РЯДОМ С НАРОДОМ СИДЯТ И УБИЙЦЫ НАРОДА».
(Из речи Бухарина.)

Заседание Учредительного Собрания.

Таврический дворец.

«УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В ЕГО НЫНЕШНЕМ СОСТАВЕ ЯВИЛОСЬ РЕЗУЛЬТАТОМ ТОГО СООТНОШЕНИЯ СИЛ, КОТОРОЕ СЛОЖИЛОСЬ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. НЫНЕШНЕЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ БОЛЬШИНСТВО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ, ИЗБРАННОЕ ПО УСТАРЕВШИМ ПАРТИЙНЫМ СПИСКАМ, ВЫРАЖАЕТ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ И ПЫТАЕТСЯ ВСТАТЬ ПОПЕРЕК ДОРОГИ РАБОЧЕМУ И КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ».
(Из декларации большевиков.)

РАСКОЛЬНИКОВ
Огласивший декларацию большевиков

СОСТАВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

Правые с.-р.	323
Кадеты	14
Левые с.-р.	39
Украинские с.-р.	69
Большевики	156

У Таврического дворца.

Вопрос о возможности победоносного социалистического строительства в России упирался в оценку классовых сил и в первую очередь — в вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства.

Взгляды большинства партии на роль крестьянства в социалистическом строительстве, на необходимость привлечения большинства трудящихся крестьян к этому строительству четко формулировал Ленин:

«Коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян нет, — писал он. — Социализм вполне может удовлетворить интересы тех и других. Только социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость «честной коалиции» между пролетариями и трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами» [1]).

Характер этой «честной коалиции» определялся своеобразием социалистической революции в России, которая походя, мимоходом ликвидировала пережитки крепостничества и довела до конца демократическое переустройство страны. Это обеспечило Октябрьской революции поддержку мелкобуржуазных слоев, страдавших от гнета крепостников. Осенью 1917 г. все крестьянство и значительные массы городской мелкой буржуазии, увидя, что «без диктатуры пролетариата им не победить помещиков, объединившихся с капиталистами», выступало единым фронтом под знаменем советской власти.

Пролетариат выступал в Октябре 1917 г. «как представитель всей нации, всего живого и честного во всех классах, гигантского большинства мелкой буржуазии» [2]), как вождь и руководитель всего крестьянства в борьбе с помещиками, как освободитель всех угнетенных народов России от великороссийского национального угнетения.

«До лета 1918 г., до основания комитетов бедноты, мы держались как власть потому, что опирались на все крестьянство в целом. Ни в одной капиталистической стране это невозможно» [3]), — писал позднее Ленин об этом своеобразии Октября.

Раскол в деревне произошел летом и осенью 1918 г., когда пролетариат перенес социалистическую революцию в деревню. Кулаки подняли против Советов ряд вооруженных восстаний; середняки заколебались между пролетариатом и буржуазией, беднота осталась прочной опорой пролетариата в деревне. Однако в октябре 1917 г. этот раскол деревни был еще впереди, деревня шла еще единым фронтом против помещиков. Большевики считали поэтому необходимым использовать революционную энергию всего крестьянства в борьбе с пережитками крепостничества.

ЦК большевиков с самого начала Октябрьских боев заявлял о желательности соглашения с основной массой крестьянства, «коалиции с огромным большинством населения России» [4]), но настаивал на том, что эта коалиция должна быть подчинена основной цели — сохранению пролетарской диктатуры и строительству социализма.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 33. Курсив наш.

[2]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 225. Курсив Ленина.

[3]) Собр. соч., т. XVI, стр. 133—134. Курсив наш.

[4]) Резолюция ЦК от 15 (2) ноября.

Здесь не было «раздела власти» с крестьянством, не было ограничения пролетарской диктатуры; соглашение с крестьянством было заключено в Октябре 1917 г. на основе программы социалистической революции, сохранения и укрепления пролетарской диктатуры. Оно не требовало поэтому обязательной коалиции с специальной крестьянской партией.

«Неверно думать, — писал позднее Ленин, — что союз с средним крестьянством означает непременно союз с левыми эсерами. Ничего подобного. Мы декрет о социализации земли провели тогда, когда никакого соглашения с левыми эсерами у нас не было. А главное в этом декрете — это соглашение с середняком» [1]).

Большевики не отказывались от соглашения с левыми эсерами, они хотели этого соглашения, ибо у левых эсеров был еще тогда большой авторитет в деревне среди середняков и даже бедноты, не говоря уже о кулаках, но большевики не считали, что от этого соглашения зависит судьба революции. Ибо ход событий от Февраля до Октября уже разоблачил представителей мелкобуржуазных партий и обеспечил большевикам сочувствие мелкой буржуазии. «Большевикам обеспечено сочувствие крестьян... Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство» [2]), писал Ленин еще за месяц по победы Октябрьского восстания.

Когда 8 ноября (26 октября) на заседании ЦК большевиков обсуждался вопрос о составе правительства, на это заседание были приглашены три виднейших представителя фракции левых эсеров II Съезда Советов — Спиро, Камков и Карелин, — и им предложено было войти в Совнарком. Левые эсеры тогда еще не порвали связи с правыми и входили в одну партию с Керенским, Черновым и Авксентьевым; поэтому предложение большевиков было адресовано не организации левых эсеров, не ЦК их партии, который тогда еще не был формально создан, а персонально «трем виднейшим членам группы левых эсеров». Тем не менее вопрос о вхождении в правительство оживленно обсуждался левыми эсерами 8 ноября, как на фракции II Съезда Советов, так и на всякого рода совещаниях, причем в некоторых из этих совещаний принимали участие и правые эсеры и центристы, еще бывшие товарищами левых по партии.

Предложение большевиков принять участие в образовании Совнаркома было отвергнуто 8 ноября левыми эсерами, причем здесь дело не обошлось без давления со стороны правых. II Съезд Советов утвердил Совнарком, состоящий из одних большевиков [2]).

Большевистскому правительству пришлось с первых же дней вести борьбу на два фронта. Если правые эсеры и меньшевики в союзе с буржуазно-помещичьей контрреволюцией организовывали вооруженную борьбу с Советами, то левые эсеры, выдвигая соглашательские лозунги и сохраняя видимость признания советской власти, пытались свести на-нет ее сущность. О том, как потерпела крах попытка Керенского и Краснова при помощи оружия разгромить Советы, уже говорилось [3]). Сложнее обстояло дело с левыми эсерами, потому, что их соглашательская политика была поддержана частью правых большевиков.

---

[1]) Ленин, Письмо к елецким товарищам, «Советская газета» от 11 августа 1918 г.
[2]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 134.
[3]) См. предыдущую главу.

Уже 9 ноября левые эсеры поставили вопрос о вхождении в Совнарком и соглашении с большевиками, но выдвинули при этом условие «образования правительства из всех социалистических партий — от большевиков до народных социалистов включительно». А еще через пару дней они официально заявили, что принимают активное участие в работах ВРК. Большая часть меньшевиков также высказалась за переговоры с большевиками об образовании власти. Их план при этом заключался в том, чтобы путем этих переговоров облегчить Керенскому и Краснову вооруженную борьбу против Советов и свержение диктатуры пролетариата.

Особенно ярко выявил позицию левой части мелкобуржуазных партий Викжель в резолюции, принятой им 11 ноября (29 октября) и оглашенной в тот же день вечером на заседании ВЦИКа.

«В стране нет власти, и идет ожесточенная борьба за власть. Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силою оружия... Временное Правительство, возглавляемое Керенским, оказалось не в силах удержать в своих руках власть. Образовавшийся в Петрограде Совет народных комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране», так начиналась эта резолюция.

«Единственным средством достижения мира внутри страны» Викжель считал «однородное правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно». Угрожая немедленным объявлением всеобщей забастовки, Викжель требовал «немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционного социалистического правительства».

В тот же день, 11 ноября, ЦК большевиков, собравшись — правда, в неполном составе (отсутствовал даже Ленин) — обсуждал вопрос о пополнении правительства [1]); единогласно было принято решение: «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможное изменение его состава». Это решение тут же было расшифровано: «ЦИК должен быть пополнен представителями ушедших со съезда партий в пропорциональном количестве» и «в ЦИК должны быть введены представители железнодорожников, почтово-телеграфного союза и других тому подобных организаций». Было принято также решение о допустимости взаимного отвода кандидатур. Как видим, ЦК партии соглашался на «коалицию с огромным большинством населения России». Но соглашаясь, он выдвигал определенные условия соглашения: подтверждение принятых II съездом декретов, ответственность правительства только перед ЦИКом Советов, который и создает его.

В дополнение было принято постановление о том, что вся власть в центре и на местах принадлежит Советам. В том же духе было принято решение и ВЦИКом — вечером того же 11 ноября — пойти на переговоры с Викжелем об образовании власти на указанных условиях. Однако больших надежд на переговоры большевики не возлагали.

«Переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий», говорил Ленин [2]). С той же целью

---

[1]) См. Протоколы ЦК за 1917 — 1918 гг., Гиз, 1929, протокол № 30. стр. 144 — 148.

[2]) Протокол ЦК № 31 от 14 ноября, стр. 152.

шли на переговоры и противники большевиков. «Так как нам было ясно, что положение Керенского на фронте не блестяще... мы вынуждены были пойти на все уступки, лишь бы достигнуть соглашения и остановить гражданскую войну», писал представитель Петербургской городской думы на переговорах — Ан—ский [1]). Точно так же стоял вопрос и на совещании у Краснова, когда там обсуждались предложения Викжеля. За переговоры был не только трудовик Станкевич, доказывавший необходимость соглашения с большевиками и образования коалиционного министерства с ними, но и сам Краснов, говоривший о быстром разложении своих войск и необходимости получить отсрочку. Было решено послать в Питер предложение о заключении перемирия и соглашении с большевиками [2]).

Да и сами викжелевцы за переговорами о расширении правительства не забывали своей главной цели — добиться перемирия. Соответствующая резолюция, требующая окончания гражданской войны, была принята на совещании при Викжеле уже в самом начале заседания 12 ноября.

Кое-где эта резолюция уже проводилась даже в жизнь. В Москве, где среди части большевиков сильны были примиренческие настроения, вооруженные бои сменились перемирием между войсками ВРК и белогвардейцами.

Подробное описание Октябрьских событий в Москве не входит в нашу задачу. Однако сказать о них несколько слов необходимо, особенно потому, что в Москве смогли ярче проявиться, больнее отразиться на работе партии те правые настроения некоторых партийных товарищей, которые в Питере были быстро парализованы, главным образом под влиянием выступлений Ильича.

Но прежде всего здесь следует опровергнуть одну весьма распространенную легенду, будто бы московские большевики были вообще против восстания. Что у некоторых руководителей МК партии были в этот период колебания — бесспорно, но это не значит, что московская организация была против восстания. О позиции Московского областного Бюро, поставившего вопрос о восстании еще в конце сентября (на заседании 27—28 сентября ст. ст.) и в середине октября разработавшего конкретный план восстания, у нас шла уже речь [3]). Но и Московская городская организация в лице общегородской конференции 23 (10) октября приняла резолюцию, предложенную в известном ленинском письме к питерской и московской общегородским конференциям [4]), закончив эту резолюцию такими словами: «Конференция поручает МК принять меры к уяснению вышеуказанного (т. е. того, что вооруженное восстание назрело — Ред.) и к приведению революционных сил в боевую готовность».

---

[1]) Архив русской революции, т. VIII, стр. 50.

[2]) Милюков, История второй русской революции, т. I., вып. III, стр. 267—268.

[3]) См. предыдущую главу.

[4]) Это письмо Ленина считается адресованным только Питерской конференции, но в архиве Истпарта, в делах МК за 1917 г., мы нашли резолюцию Ленина, оканчивающуюся так: «...Конференция постановляет поручить МК...» и т. д. Отсюда можно сделать вывод, что письмо Ленина было адресовано не только к питерцам, но был кроме того экземпляр, адресованный москвичам.

7 ноября утром в Москве был создан партийный боевой центр в составе представителей Московского Областного Бюро, МК, Московского Окружного комитета Военной организации и т. д. 7 ноября вечером на заседании Совета был избран Военно-Революционный Комитет, в состав которого наряду с 4 большевиками вошло 2 меньшевика и 1 объединенец, прямо заявившие, что они вошли исключительно для того, чтоб «мешать большевикам проводить решения, противные интересам рабочих масс (?!)».

Соглашательские настроения части московских товарищей выразились уже в том, что они допустили меньшевиков в ВРК, т. е. пытались провести восстание, сохраняя единый фронт с мелкобуржуазными партиями. Ярко формулировал эту мысль тов. Ногин.

«Я был уверен, — заявил он на заседании Исполкома Московского Совета 8 ноября, — что во время Октябрьской революции, как это было и в Феврале, все социалисты будут в одном лагере, что другие партии не изменят нам, не предадут нас, оставив итти нас одинокими под расстрел. Я был убежден, что на съезде Советов все партии постараются объединиться и найти общий язык» [1]).

В большевистской части Московского ВРК все время происходила борьба между сторонниками ленинской линии и некоторыми соглашательски-настроенными товарищами. 8 ноября командующий войсками Московского военного округа Рябцев предложил ВРК заключить перемирие. При обсуждении этого предложения в ВРК выявились две точки зрения: «1) гражданская война начата, поздно итти назад; надо порвать переговоры с Рябцевым и начать наступление на Думу; 2) у нас мало сил, мы не знаем, на кого опереться, нужна передышка для организации сил». Победила вторая точка зрения (9 против 5) и было заключено перемирие с Рябцевым. «Это было решительное, в известном смысле историческое голосование, ибо оно предопределило затяжной характер Октябрьской борьбы в Москве», говорил об этом голосовании позднее докладчик Московского Областного Бюро на его пленуме 22 (9) ноября [2]).

Через день, усилившись и организовавшись, штаб МВО предъявил новый ультиматум: распустить ВРК и сложить оружие. После этого «будет организовано следствие о причинах, вызвавших гражданскую войну, и те организации и лица, которые способствовали ее возникновению, будут преданы суду». Но и после этого ультиматума некоторые товарищи, в частности тов. Ногин, все еще стояли за продолжение переговоров с Рябцевым и мечтали мирным путем уладить конфликт с ним.

Некоторые члены ВРК — большевики (Муралов) — даже протестовали против использования артиллерии в борьбе с белогвардейцами и бросания бомб с аэропланов в войска противника [3]). Но большинством голосов ультиматум Рябцева был «категорически отвергнут» [4]), и бои на территории всей Москвы возобновились и продолжались 2 дня: 10 и 11 ноября (28 и 29 октября). В ночь с 11 на 12 ноября (с 29 на 30 октября), по инициативе Викжеля снова было заключено перемирие на одни сутки.

[1]) Сборник «Советы в Октябре», стр. 32—33.

[2]) Архив Истпарта, протоколы Моск. обл. бюро.

[3]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 77.

[4]) Там же, т. XXIII, стр. 68.

Как видим, в Москве предложение Викжеля нашло благоприятную почву благодаря наличию группы правых большевиков, влияние которых не парализовалось, как в Питере, авторитетом Ленина, и которые поэтому сумели отстаивать свою линию против большинства партии на несколько дней больше, чем в Питере.

В переговорах с Викжелем ясно вырисовалось, что меньшевики и правые эсеры пытаются использовать эти переговоры в своих интересах. Их предложение о конструкции правительства фактически означало ликвидацию всех завоеваний Октябрьской революции. Они предлагали, чтобы правительство было ответственно не перед ВЦИКом, а перед так называемым «Народным Советом», в котором преобладали бы представители старого ВЦИКа, Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов старого состава, городских дум, не переизбранных армейских комитетов и т. п. Образовать правительство меньшевики и эсеры предложили тут же, на совещании в Викжеле, избрав специальную комиссию, которая и установит персональный состав правительства. Далее они заявили категорический протест против участия в Совнаркоме «персональных виновников Октябрьского переворота (?!) Ленина и Троцкого», — выдвинув на пост министра-председателя кандидатуры Чернова и Авксентьева.

Большевики, участвовавшие в переговорах с Викжелем во главе с Каменевым, хотя и не дали прямого согласия на все эти меры, но и не возражали против них особенно резко. В частности Каменев заявил, что в Совнаркоме уже имеется председатель — Ленин, но категорически на его кандидатуре не настаивал и принял участие в обсуждении других кандидатур. Содержание переговоров с Викжелем может быть кратко формулировано так: «Партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг» [1].

Такое положение вещей пришлось обсуждать расширенному заседанию ЦК партии 14 ноября с участием представителей ПК, профсоюзов, военной организации и т. д.

На этом заседании вопрос о соглашении с мелкобуржуазными партиями был поставлен во всю ширь как принципиальный, больше того — как программный вопрос.

Точка зрения большинства ЦК была четко формулирована Лениным. «Политика Каменева должна быть прекращена в этот же момент, — заявил он. — Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву». «Нужно уничтожить колебания колеблющихся и стать самим решительными» [2]. Следует отметить одну характерную черту в аргументации Ленина. Он строго различал теории мелкобуржуазных п а р т и й от настроения мелкобуржуазных м а с с. Исходя из того, что восемь месяцев революции уже разоблачили меньшевиков и эсеров, что «з а н а м и большинство рабочих и крестьян и армии», он предлагал вести беспощадную борьбу с мелкобуржуазными партиями и верхушечными организациями, вроде Викжеля, уже не отражавшими действительного настроения мелкобуржуазных масс.

---

[1]) Протоколы ЦК, протокол № 31, стр. 149.

[2]) Протокол ЦК от 14 (1) ноября, стр. 152.

Наоборот, «правые большевики» теперь, как и накануне Октября, считали, что пролетариат не может рассчитывать на поддержку крестьян в социалистической революции. Каменев и Зиновьев стояли на той точке зрения, что масса городской и сельской мелкой буржуазии «стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам» [1]), и что поэтому пролетариат может рассчитывать на поддержку большинства крестьянства только в буржуазно-демократической революции, но не в процессе строительства социализма или социалистической революции [2]).

В то время как ЦК и вся партия, изолировав за восемь месяцев революции меньшевиков и эсеров от трудящихся масс и завоевав симпатии этих масс на сторону пролетариата, считали, что налицо е с т ь основные условия для успешного строительства социализма, оппозиция доказывала, что за мелкобуржуазными партиями еще идет громадная масса трудящихся, и что большинство населения России, и в первую очередь крестьянство, не поддержит пролетарской диктатуры. Об этом говорил Ногин на заседании ЦК 6 ноября, за день до восстания. Это еще резче формулировал Каменев, доказывая недопустимость разрыва с Викжелем. «Разрыв соглашения ставит нас под верный удар. В руках Викжеля большая сила. Бороться можно только с Викжелем, но не против него. Соглашение необходимо и во время победы» [3]).

Точка зрения правых, точка зрения неверия в возможность укрепления пролетарской диктатуры и успешного социалистического строительства в России была четко формулирована Рязановым и Милютиным. Милютин поставил вопрос так:

«Будем ли мы настаивать на том, чтобы удержать власть исключительно в наших руках? Если да, то все эти переговоры ни к чему. Но если мы не будем слишком увлекаться... то нам станет ясно, что дальнейшую гражданскую войну мы выдержать не сможем».

Рязанов высказался еще резче:

«Я шел на эти переговоры (с Викжелем. *Ред.*), чтобы выйти из того положения, в которое мы попали против нашей воли... М ы у ж е с д е л а л и о ш и б к у, к о г д а в о з г л а в и л и п р а в и т е л ь с т в о и заостряли на именах... Если мы сегодня отказываемся от соглашения, то мы остаемся без левых эсеров, без всего, остаемся перед фактом, что обманули массы (?!), обещав им советское правительство» [4]).

Что конкретно предлагали Каменев и его группа? Ответить на этот вопрос можно только сравнив их п р е д-октябрьские заявления с позицией, занятой в п о-октябрьские дни. Выступая против подготовки восстания, они в известном письме «К текущему моменту» писали:

«При правильной тактике мы можем получить т р е т ь, а то и больше мест в Учредительном Собрании... В Учредительном Собрании мы будем настолько сильной о п п о з и ц и о н н о й партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу, либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу».

---

[1]) «К текущему моменту». См. также статью Зиновьева «Наша победа и наши задачи», Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 365—369.

[2]) См. речь Каменева на апрельской конференции.

[3]) Протокол ЦК № 31.

[4]) Там же.

О какой «нашей» программе идет здесь речь? О программе социалистической революции? Нет! Левые эсеры в октябре — ноябре 1917 г. колебались; они настаивали на допущении в правительство меньшевиков и правых эсеров, они выступали во ВЦИКе против закрытия буржуазных газет, против диктатуры пролетариата. Только неуклонность и твердость большевистской линии завоевала на некоторое время левых эсеров для революции. «Правящий блок» в Учредительном Собрании, в котором была бы лишь треть большевиков, осуществил бы, может быть, «нашу программу» Каменева и Зиновьева, но ленинской программы социалистической революции он осуществить не мог.

Настаивая на «коалиции всех советских партий вплоть до народных социалистов» группа Каменева в ноябре по существу повторяла свою дооктябрьскую ошибку, — коалиция с меньшевиками и правыми эсерами означала отказ от коренной ломки буржуазного строя, отказ от строительства социализма. Соглашение с меньшевиками, правыми эсерами и энесами было возможно только при одном условии—признания их программы, ограничения русской революции буржуазными рамками. Ибо даже самые левые меньшевики считали невозможным социалистическое строительство в отсталой крестьянской России без мировой революции.

Ярко формулировал эту мысль Суханов:

«Правомочное участие мелкобуржуазных, меншевистско-эсеровских групп в строительстве нового государства вместе с пролетариатом и крестьянством... не означало окончательного разрушения старого государства, не означало ликвидации экономических и социальных основ всего старого общества».

Политику ЦК партии, курс на строительство социализма и упрочение пролетарской диктатуры Суханов считал ошибочными по тем же мотивам, что и Каменев —

«силами одной своей партии, пролетарского авангарда, окруженного миллионами случайных и ненадежных попутчиков, они хотят создать новое, невиданное пролетарское государство и новый невиданный социально-экономический строй. Они хотят сделать это в нашей разоренной полудикой, мелкобуржуазной, хозяйственно-распыленной стране» [1])... —

так неудачно издевался он над линией ЦК.

А вот как оценивал линию Каменева другой классовый враг:

«У победителей настроение как после пирровой победы, и уже определяются течения, кто за большевистскую власть, кто за более широкую, складывается новый центр общесоциалистический и общедемократический, и признание будет за ним» [2]) —

телеграфировал Питерский округ Ставке 8 ноября. Подчеркнутые строки говорят о том, что разбитые на улицах Питера белогвардейцы не только пытались создать в Ставке новое правительство и сбросить большевиков вооруженной силой, но и делали ставку на правые элементы внутри партии, поддерживали их, использовали их в своих интересах.

После долгих прений ЦК партии постановил 14 (1) ноября «разрешить членам нашей партии, ввиду уже состоявшегося решения ЦИКа, принять сегодня

[1]) «Записки о революции», т. VI, стр. 253.

[2]) Архив русской революции, т. VII, стр. 312—313.

участие в последней попытке левых эсеров создать так называемую однородную власть, с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти».

Особого внимания заслуживают последние слова резолюции ЦК — большевики шли на переговоры не с целью образования правительства, а для того, чтобы разоблачить несостоятельность этой попытки и окончательно прекратить дальнейшие переговоры о коалиционной власти.

В этом духе и был составлен ультиматум левым эсерам, оглашенный, как резолюция большевиков, в тот же день, 14 (1) ноября, на заседании ВЦИКа. «Считая соглашение социалистических партий желательным, ЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях...» и дальше перечислялась та же программа: сохранение пролетарской диктатуры, подтверждение всех декретов II съезда советов и т. д.

Характер этого ультиматума был еще более подчеркнут резолюцией, предложенной Лениным и принятой ЦК на следующий день:

«ЦК подтверждает, что не изменяя лозунгу власти Советов РС и КД, нельзя перейти к мелкому торгашеству за присоединение к Советам организаций не-советского типа, т. е. организаций не добровольного объединения революционного авангарда борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс» [1]).

В следующих четырех пунктах излагалась история переговоров с левыми эсерами о вхождении их в правительство, причем ЦК подчеркивал, что «абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти», «будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами», и что «вся ответственность за несостоявшееся соглашение лежит на левых эсерах».

ЦК большевиков не отказывался от коалиции с левыми эсерами при условии согласия их проводить политику строительства социализма и беспощадного подавления врагов пролетарской диктатуры. Он делал уступки крестьянству, соглашался «на переходные меры, предлагаемые трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами, если эти меры не вредят делу социализма» [2]); шатания же левых эсеров в сторону соглашения с правыми эсерами и меньшевиками, в сторону отказа от строительства социализма — решительно отсекались большевиками.

«Победа социализма и в России и в Европе обеспечивается только неуклоннейшим продолжением политики теперешнего правительства», гласит резолюция ЦК 15 (2) ноября. Во всех выступлениях Ленина и резолюциях ЦК этого периода особенно подчеркивается социалистический характер Октябрьской революции, из него выводится необходимость «величайшей твердости и неуклонности» пролетарской социалистической линии.

Твердая линия большевиков вызвала новые шатания левых эсеров. Вечером 15 (2) ноября на заседании ВЦИКа они выступили с декларацией, в которой

[1]) «Правда» № 180 от 17 (4) ноября 1917 г.

[2]) См. Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 34.

заявляли, что «мы в качестве победителей должны действовать более снисходительно и предложить демократии более приемлемые условия соглашения» [1]).

Это заявление вызвало, как и рассчитывали левые эсеры, среди части большевиков растерянность. Через несколько недель, на первом Всероссийском съезде левых эсеров, один из лидеров партии, Малкин, прямо заявил: «Мы задались целью разъединить большевиков и привлечь к себе колеблющихся из большевиков» [2]).

Огласив на заседании ВЦИКа резолюцию ЦК партии (см. выше), тов. Зиновьев прибавил, что эта резолюция фракцией ВЦИКа еще не обсуждалась; по его просьбе был объявлен перерыв на 1 час, чтоб «фракция могла обсудить резолюцию ЦК партии». Протокола фракции не сохранилось; известно только, что тт. Каменев и Зиновьев провели ряд поправок к резолюции ЦК, в частности — по вопросу о численном и персональном представительстве большевиков в правительстве. Уступая правым социалистам в ряде существенных вопросов, допуская представительство в законодательные органы представителей городских дум и т. п. — резолюция фракции означала по существу срыв постановления Центрального Комитета. (Своеобразное понимание партдисциплины: фракция отменяет решение Центрального Комитета партии!!!) Но, чтобы сохранить видимость верности резолюции ЦК, Каменев в своей речи, мотивируя резолюцию, резко напал на предложения Викжеля.

Однако резкость тона Каменева не изменила факта уступчивости фракции. Эта уступка была радостно встречена левыми эсерами, заявившими, что «эта резолюция большевиков является шагом в сторону соглашения» и поэтому они голосуют за эту резолюцию. Резолюция, оглашенная Каменевым, была принята ВЦИКом. Соглашательские настроения части большевиков победили во ВЦИКе.

Не следует однако думать, что эти соглашательские настроения существовали только у некоторых членов ЦК партии, примыкавших к Каменеву и его группе. Московский комитет партии, например, прямо заявлял, что он стоит на позиции соглашения не только с левыми эсерами, но и с правыми социалистическими партиями — вплоть до народных социалистов. «Москвичи [3]) требуют соглашения с меньшевиками и социалистами-революционерами. Необходимо дать отпор», — так излагалась точка зрения Ленина на заседании Петербургского Комитета 15 (2) ноября [4]).

Представитель МК тов. Владимирский излагал точку зрения МК на образование власти следующим образом: Московский Комитет мыслит орган, сконструированный на определенной платформе, которую должны признать все входящие в нее организации. Имея в виду конструкцию центральной власти, мы предлагаем включить в орган власти (в Москве. Ред.) представителей от ЦБ профсоюзов, представителей города и земств и т. д. Правда, тут же он дополнил, что из 15 членов этого руководящего органа

---

[1]) Протоколы ВЦИКа II созыва, стр. 20—21.

[2]) «Историк-марксист», VI, 30.

[3]) Имеются в виду представители МК.

[4]) «Первый легальный ПК», стр. 340.

большевикам должно быть обеспечено 8—9 мест, т. е. абсолютное большинство. Приглашение участвовать в обсуждении вопроса об организации власти было послано в Москве «всем социалистическим партиям, входящим в Совет рабочих депутатов», т. е. и правым эсерам и народным социалистам [1]).

Наоборот, Московское Областное Бюро на заседании 18 (5) ноября солидаризировалось с мнением большинства Центрального Комитета [2]). В открывшихся прениях обнаружились две точки зрения: часть товарищей отстаивала чисто большевистское правительство, другие — «однородное интернационалистское правительство со включением в состав народных комиссаров левых эсеров и с.-д.-интернационалистов». О блоке с правыми эсерами и меньшевиками никто и не заикался. При голосовании ни одна точка зрения не собрала большинства, и вопрос был поставлен иначе: какой состав власти может считаться тем минимумом, который приемлем для нас? Вопрос этот единогласно был разрешен следующим образом: министерство из партий советского большинства (т. е. без правых социалистов), в котором наша партия имеет обеспеченное большинство; ЦИК остается верховным органом власти и не пополняется представителями Викжеля, городских дум, земств и т. д.

В Петербург был послан специальный товарищ — член Московского областного бюро Стуков, «чтоб он довел до сведения ЦК точку зрения Московского Областного Бюро» и «для поддержания левой части ЦК».

«Каменевские» настроения существовали и кое-где в провинции и также встречали отпор большинства партийных организаций. Так в Нижнем-Новгороде на совещании ответственных партработников вечером 7 ноября наметилось два течения,— одни стояли за немедленный захват власти и организацию ВРК, другие были против этого. Вопрос был отложен до заседания Совета Р. и К.Д. на следующий день, на котором большевистская фракция подавляющим большинством осудила шатания части руководителей и вынесла решение о создании ВРК.

Однако шатания части руководителей Нижегородской организации на этом не прекратились. Уже в процессе работы ВРК они выступали против роспуска контрреволюционного Комитета спасения революции. На пленуме Совета Р. и С.Д. 15 (2) ноября резолюция, предложенная большевиками и принятая Советом, гласила: «власть должна принадлежать ВРК, ответственному перед Исполнительным Комитетом Совета РС и КД, пополненным представителями городской думы, профсоюзов и т. д.».

По вопросу о центральной власти Нижегородский Совет принял решение, что правительство должно состоять из представителей всех социалистических партий, исключая народных социалистов, но включая правых эсеров и меньшевиков, причем представители большевиков должны иметь большинство.

В Кинешме, по соглашению между Советом Р. и С.Д. и местными органами самоуправления, власть была передана так называемому Народному Совету при Совете Р. и С.Д., в составе представителей Советов, земской управы, городской думы, профсоюзов и т. д.

Таковы отдельные примеры соглашательской политики некоторых партийных организаций, зараженных каменевщиной. Однако подавляющее большин-

[1]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 120—121.

[2]) Архив Истпарта, Протоколы МОБ.

ство парторганизаций в этом вопросе стояло на позиции Центрального Комитета. Иваново-Вознесенск, Смоленск, Тула, Орел, Западный фронт и др. организации категорически отвергли соглашение с меньшевиками и требовали твердой и неуклонной социалистической линии.

Капитулянтские настроения правых во главе с Каменевым и Зиновьевым встретили и в Петербурге решительный отпор со стороны ЦК партии и Ленина.

На следующий день после срыва решения ЦК фракции ВЦИКа, 16 (3) ноября, Ленин написал меньшинству ЦК известный ультиматум и, пригласив к себе в кабинет по одному всех членов ЦК, предложил подписать его. Подписали его десять человек. Тогда ультиматум был послан меньшинству [1]). Ввиду исключительного интереса этого документа, приведем из него несколько выдержек:

«Представители меньшинства, как до вчерашнего заседания ЦК, так и после заседания, вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии, и деморализуют наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность».

Переходя к срыву постановления ЦК фракцией ЦИКа, Ленин писал:

«Такое неслыханное нарушение дисциплины, совершенное членами ЦК за спиной ЦК, делает для нас очевидным, что оппозиция намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции.

За такое положение дел мы не можем и не хотим нести ответственность.

Обращаясь к меньшинству ЦК с настоящим заявлением, мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиняться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции т. Ленина».

В случае нежелания меньшинства ЦК подчиниться линии большинства, подписавшие этот ультиматум товарищи заявляли, что они обратятся ко всей партии для разрешения вопроса о том, какую тактику партия считает верной.

«Мы не сомневаемся, что партия одобрит единственно возможную революционную линию, выраженную во вчерашнем решении ЦК, — продолжал ультиматум, — и тогда партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации. Иного исхода нет и быть не может. Разумеется, раскол был бы фактом крайне прискорбным. Но честный и открытый раскол сейчас лучше внутреннего саботажа, срывания своих собственных решений, дезорганизации и прострации».

Одновременно ЦК партии и Совнарком продолжали беспощадную борьбу с контрреволюцией.

16 (3) и 17 (4) ноября в Питере был арестован ряд членов кадетской партии и просто черносотенцев, вроде Пуришкевича, подготовлявших контрреволюционный заговор. Тогда же было закрыто несколько буржуазных газет, агитировавших против Советов. Одновременно меньшевики раскрыли свои карты

---

[1]) Историю появления этого документа см. в статье Бубнова в «Известиях ВЦИК» от 7 ноября 1927 г.

и открыли свои контрреволюционные планы. На совещании при Викжеле 16 (3) ноября Абрамович выступил с программным заявлением, что, прежде чем приступить к действительным переговорам о создании власти, необходима отмена политического террора. Без этого соглашение, даже если оно будет достигнуто, останется пустым звуком. «Нельзя приглашать народных социалистов в министерство, — заявил он, — когда их орган закрыт, а редакция разгромлена».

При таких условиях левые эсеры, объединившись с шатающимися большевиками, сделали попытку дать бой ленинскому большинству партии на заседании ВЦИКа 17 (4) ноября. Дело началось с того, что член ВЦИКа Ю. Ларин внес предложение об отмене декрета Совнаркома о закрытии контрреволюционных газет.

В противовес этому предложению фракция большевиков внесла резолюцию, одобряющую закрытие буржуазных газет:

«ВЦИК категорически отвергает всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддерживает в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии».

После горячих прений, в которых большевистскую точку зрения защищал, между прочим, В. И. Ленин, — эта резолюция была принята 34 против 24 при одном воздержавшемся.

Тогда левые эсеры огласили декларацию об отказе от сотрудничества с большевиками:

«Фракция левых эсеров, оставаясь в составе ЦИКа, как правомочного органа революционной демократии, для того, чтобы защищать интересы рабочих и крестьян, которых она представляет, не желает ни в какой мере нести ответственность за гибельную для революции систему террора и отзывает всех своих представителей из Военно-Революционного Комитета, из штаба и со всех ответственных постов» заявили они.

Вслед за тем Ногин от имени группы большевиков, членов Совнаркома, огласил декларацию об уходе со всех ответственных постов.

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий,— гласила декларация.— Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя пред ЦИКом звание народных комиссаров».

Одновременно пять членов ЦК — Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин — подали заявление об уходе из ЦК, мотивируя этот уход тем, что только соглашение со всеми социалистическими партиями и образование социалистического правительства, «от большевиков до энесов», предотвратит дальнейшее кровопролитие, надвигающийся голод, разгром революции калединцами и т. д.

Интересно, что «москвичи» и в вопросе о свободе печати занимали соглашательскую позицию.

На заседании Московского ВРК 17 (4) ноября некоторые товарищи высказались «за полную свободу буржуазных газет» и разрешение свободного выхода всех газет; другие говорили о том, что вообще «цензуру нельзя вводить» [1]). Постановление, принятое 19 (6) ноября, носило промежуточный характер.

«Восстанавливая свободу печати, ввиду того, что приближающиеся выборы в Учредительное собрание предполагают свободу агитации для всех без исключения партий и направлений», ВРК вместе с тем предупреждал, что «никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допущены не будут. Органы печати, где появятся подобные воззвания, будут конфискованы, авторы же их будут преданы революционному суду» [2]).

Между тем Каменев и Зиновьев продолжали свою раскольническую тактику. Уже после заявления от 18 (5) ноября об уходе с ответственных постов, они, не ограничиваясь критикой внутри партии, выступали против линии ЦК и вне рамок партии, на заседании Петербургского совета, в профсоюзах и т. д., «внося колебания в ряды борцов незаконченного еще восстания».

Это их поведение заставило ЦК

...«повторить свой ультиматум и предложить либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиняться решениям ЦК и во всех выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты в рабочем движении, вплоть до партийного съезда.

Отказ дать одно из этих двух обязательств поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии» [3]), —

писал Ленин в новом обращении к Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину от имени ЦК.

Еще резче поставил вопрос руководящий орган Московской областной организации — Московское Областное Бюро. На заседании его 21 (8) ноября были предложены 2 резолюции: 1) в ультимативной форме предложить товарищам вернуться обратно в состав ЦК и Совнаркома; 2) исключить всех ушедших из состава партийных организаций. Большинством голосов было принято второе предложение. На следующем расширенном заседании пленума Московского Областного Бюро 22—23 (9—10) ноября предложение об исключении дезорганизаторов из партии было принято 6 против 2 при одном воздержавшемся. Такое мнение Московского Областного Бюро было доведено до сведения ЦК т. Стуковым, специально посланным в Питер «для поддержания левой части ЦК» [4]). В архиве ЦК сохранилась такая его записка.

«По поводу ухода Каменева, Зиновьева и др. с ответственных постов в критический момент для революции заявляю от имени М. Обл. К., что М. Обл. К. в реагировании на этот поступок не останавливается и перед требованием исключения из партии вышеупомянутых лиц. Ин. Стуков».

Что касается самих ушедших товарищей, то они на ультиматум ЦК реагировали по-разному. Каменев, Рязанов, Ларин, Дербышев и Милютин заявили, что они целиком и полностью остаются на своих прежних позициях.

---

[1]) «Красный архив», т. XXIII, стр. 99—100.

[2]) Там же, стр. 124, 128.

[3]) Архив ЦК ВКП (б). Опубликовано в брошюре «Партия против штрейкбрехерства Каменева и Зиновьева».

[4]) Архив Истпарта, Протоколы МОБ.

«Мы считаем одновременно совершенно недопустимым, — писали они дальше, — создание особого режима для отдельных членов партии как в смысле трактования их в погромном стиле прокламации ЦК против нас, так и в смысле требования от нас каких-то особых подписок. Ваше же требование «во всех выступлениях проводить политику ЦК», с которой мы в корне несогласны, представляет из себя неслыханное требование выступать против собственных убеждений. Отстранение же нас от всякой работы может быть произведено лишь специальным постановлением Ц. К-та» [1]).

Наоборот, Зиновьев предпочел капитулировать. 20 (7) ноября он послал в Центральный Комитет и вслед за тем опубликовал в «Правде» «Письмо к товарищам», в котором призывал всех своих единомышленников «подчиниться дисциплине и воссоединиться с нашими старыми товарищами по борьбе».

Специальное обращение «От Центрального Комитета РСДРП ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», написанное Лениным, довело до сведения всех членов партии о дезертирстве нескольких членов руководящих органов партии и советской власти.

«Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Наша партия, партия советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией попрежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществлять во что бы то ни стало победу мира и победу социализма!» [2]) — писал Ленин.

На следующий день 21 (8) ноября ЦК принял постановление об отстранении Каменева от председательствования во ВЦИКе, «с принципиальной мотивировкой. — Основной мотив — несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева» [3]). На заседании ВЦИКа вечером этого же дня левые эсеры лишний раз продемонстрировали свою солидарность с правыми большевиками, высказав сожаление по поводу отставки Каменева и голосуя против кандидатуры нового председателя ВЦИКа товарища Свердлова.

Через 3 недели Каменев и его группа сделали еще раз попытку вернуться в ЦК, подав соответствующее заявление. В этом заявлении они однако ни слова не говорили о своих ошибках, а наоборот, говорили о том, что ЦК пошел им на уступки и отказался от ряда ошибочных тактических шагов, сделанных во время переговоров с Викжелем.

ЦК по предложению Ленина отказался возвратить их в ЦК. Вся четверка осталась таким образом за пределами ЦК [4]).

«Партия большевиков оказалась непримиримой и поступила правильно, — писал позднее Ленин, — Мы сказали себе, что нам предстоит уничтожить врагов пролетариата, нам предстоят битвы по основным вопросам о войне и мире, о буржуазном представительстве, о советской власти. Во всех этих вопросах мы могли опираться только на свои силы, и мы поступили вполне правильно, когда не пошли на компромисс с мелкобуржуазной демократией [5]).

---

[1]) Архив ЦК ВКП (б). Дела ЦК за 1917 г. Опубликовано в брошюре «Партия против штрейкбрехерства Каменева и Зиновьева».

[2]) «Правда» № 182 от 20 (7) ноября 1917 г.

[3]) Протоколы ЦК за 1917—1918 гг., протокол № 32.

[4]) Протокол ЦК № 33 от 12 декабря (29 ноября).

[5]) Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 570.

Одновременно с ликвидацией соглашательских попыток в Питере и Москве происходит переход власти к Советам почти по всей России. Разбитая в столицах буржуазия, поддерживаемая мелкобуржуазными партиями, использовала в борьбе с Советами немногочисленные оставшиеся у нее опорные пункты: Ставку главнокомандующего в Могилеве, Украинскую раду в Киеве, Каледина на Дону и Учредительное Собрание в Петербурге. Завоевание и разрушение этих крепостей контрреволюции и было главной задачей советской власти и большевистской партии в ноябре — декабре 1917 г.

Первою из завоеванных большевиками контрреволюционных баз была Ставка. После Октябрьской победы в Питере она стала, если можно так выразиться, своего рода Меккой для всех врагов советской власти. 17 ноября в нее прибыл бежавший из Питера Чернов, затем другие вожди эсеров и меньшевиков — Скобелев, Гоц, Авксентьев и т. д. Так Ставка превратилась в военно-политический центр белогвардейщины.

Против Советов Ставка выступила под лозунгом «демократии». Она требовала

немедленного прекращения системы политического террора и восстановления всех гражданских свобод, безотлагательного созыва Учредительного Собрания и образования социалистического правительства — от большевиков до народных социалистов включительно» [1]).

Как видим, Ставка целиком восприняла программу и лозунги Викжеля. И это характеризует в равной мере и Ставку и Викжель; это доказывает, что лозунги Викжеля по существу играли на руку контрреволюционной Ставке, а Ставка, в свою очередь, могла делать свое контрреволюционное дело только под «демократическими» лозунгами Викжеля. Недаром в той же резолюции Общеармейского Комитета, которую мы только что цитировали, подчеркивается, что он вошел уже в соглашение с Викжелем.

«В целях ускорения создания власти» Общеармейский Комитет наметил даже кандидатуру в председатели Совета министров — В. М. Чернова и предложил всем войсковым организациям обсудить эту кандидатуру. Многие войсковые комитеты (непереизбранные, т. е. состоящие еще из эсеров и меньшевиков) поддержали кандидатуру Чернова, другие выдвинули кандидатуру Авксентьева [2]). Как видим, и здесь совпадение с кандидатурами Викжеля полное!!

Характерно однако одно «добавление» к программе Викжеля, содержащееся в резолюции Общеармейского Комитета. Наблюдая революционное настроение масс и понимая, что декреты II Съезда Советов отражают волю этих масс, эсеры и меньшевики принуждены были включить в свою программу требования «передачи земельным комитетам земельного фонда и немедленного предложения всеобщего мира» [3]). Мы имеем здесь интереснейший пример политической демагогии, попытку перенять большевистские лозунги, использовать эти лозунги против большевиков.

Не ограничиваясь аргументами «от демократии», Ставка пытается аргументировать против Советов и оружием, но попытка двинуть на Питер какие-либо

[1]) Из резолюции Общеармейского К-та 20 (7) ноября. Цитирую по книге Лелевича «Октябрь в Ставке», стр. 62.

[2]) См. «Бюллетень Ставки» № 15. Телеграммы 6-й, 8-й, 9-й армии, Лелевич, указ. соч., прилож., стр. 53.

[3]) Там же, «Бюллетень» № 5, стр. 11.

воинские части кончается крахом [1]). Тогда Ставка делает попытку заключить военный союз с Украинской Радой и Калединым, обладавшими некоторой воинской силой.

В Киеве, где находилась Рада, было в это время своеобразное двоевластие: рядом с мелкобуржуазной Радой существовал созданный Киевским советом Ревком, возглавляемый большевиками. Штаб округа, руководивший верными Керенскому войсками, был выбит из Киева восставшими рабочими и солдатами, причем Рада занимала (по крайней мере на словах) в этой борьбе Ревкома со штабом нейтральную позицию.

Однако вскоре Рада занимает явно антисоветскую позицию. 20 (7) ноября она принимает так называемый III Универсал, провозглашает независимость Украинской народной республики, входящей на федеративных началах в общероссийскую федеративную республику [2]). 22 (9) ноября Генеральный секретариат Рады обращается к Общеармейскому комитету в Ставке с «предложением взять на себя ведение переговоров по организации правительства», мотивируя это тем, что «правительство народных комиссаров Петрограда фактически не является правительством, признанным большей частью населения государства» и что «таким правительством... может быть только однородное социалистическое министерство» [3]). Ставка, исходя из этого обращения, вела переговоры с Радой о переезде в Киев и пыталась превратить Киев в свою базу для борьбы с большевиками.

Наоборот Каледин, еще до Октября сплотивший на Дону значительные контрреволюционные силы, на запрос Ставки, «не найдет ли он возможным направить их в Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевиков» — уклончиво ответил отказом [4]).

Таким образом непосредственно военных действий против Питера и Москвы Ставка предпринять не сумела. Между тем решительная борьба советской власти за мир обеспечила Советам сочувствие громадного большинства солдатской массы.

На требование Совнаркома — немедленно предложить всем воюющим державам мир, — Ставка ответила отказом. В этом ее поддержали представители союзников, заявившие 23 (10) ноября «единодушный энергичный протест» против «попытки заключения сепаратного мира или перемирия» [5]).

Тогда Совнарком объявил главнокомандующего Духонина смещенным, назначил на его место прапорщика Крыленко и предложил самим солдатам на позициях взять дело мира в свои руки. Против Ставки был двинут отряд под руководством Крыленко.

Здесь-то сказалось полное бессилие Ставки. 3 декабря (20 ноября) Могилев, где находилась Ставка, был б е з б о я занят советскими войсками.

---

[1]) О попытках Ставки двинуть карательные отряды на Питер см. «Красный архив», XXIII, стр. 160—176.

[2]) Окончательно отделение Украины от России было провозглашено четвертым Универсалом 25 января 1918 г.

[3]) «Бюллетень Ставки» № 15, ук. соч., 49—50.

[4]) А н т о н о в - О в с е е н к о, Записки о гражданской войне, т. 1, стр. 13.

[5]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 201—202 и 214—215.

Генерал Духонин был убит матросами и солдатами. Крупнейший оплот белогвардейщины пал.

Но еще до этого находившиеся в Ставке эсеры во главе с Черновым, убедившись в том, что силами Ставки большевиков не сбросишь, попытались использовать в борьбе с большевиками новую организацию — Всероссийский крестьянский съезд.

2-й ВСЕРОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД 11 НОЯБРЯ — 25 НОЯБРЯ 1917 Г.

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗДА.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ, СОЛДАТ И КРЕСТЬЯН!

ПО СГОВОРУ КРЕСТЬЯНСКОГО СЪЕЗДА С ЦИКом СОВЕТОВ 15 НОЯБРЯ БЫЛ СОЗДАН ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЦЕНТР — ИСП. КОМ. (ЦИК), В СОСТАВЕ:

От крестьянского съезда и ЦИКа Сов. раб. деп.	108
От армии и флота	100
От профсоюзов	35
От Викжеля (союза железнодорожников)	10
От союза почт и телеграфов	5

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗДА.

Левых социалистов-революционеров	10
Большевиков	3
Максималистов	1
Беспартийных	1

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ ДЕЛЕГАТОВ В ЦИКе ОТ КРЕСТЬЯНСКОГО СЪЕЗДА.

Левых социалистов-революционеров	82
Большевиков	15
Максималистов	3
Анархистов	1
Беспартийных	1

История этого съезда интересна однако не только с этой точки зрения; правым эсерам не удалось получить от него почти никакой поддержки; зато громадный интерес представляют шатания л е в ы х эсеров на нем, закончившиеся вступлением их в Совнарком.

Формально инициатива созыва Всероссийского крестьянского съезда принадлежала старому Исполкому Совета крестьянских депутатов во главе с

Авксентьевым. Местом созыва съезда правые эсеры намечали Могилев, ссылаясь на то, будто в Питере большевики немедленно арестуют руководителей Совета крестьянских депутатов — Чернова и Авксентьева. Наоборот, левые эсеры стояли за Питер. От того, уступят ли левые эсеры правым, по существу зависело, с кем в союзе пойдут они, — «с Лениным или с Черновым».

В этом вопросе левые эсеры не уступили. Чрезвычайный всероссийский съезд советов крестьянских депутатов открылся 24 (11) ноября [1]) в Питере. Также не уступили левые эсеры правым и в вопросе о составе съезда. Исполком Совета крестьянских депутатов приглашал только непереизбранные верхушечные крестьянские Советы, начиная с губернских. Съезд предоставил право голоса и уездным Советам, в большинстве своем уже переизбранным.

Но вслед за тем начались шатания левых эсеров, преобладавших на съезде. Их тактика на съезде определялась одной целью: какой бы то ни было ценой сохранить единство с правыми; наоборот, тактика большевиков преследовала цель — оторвать левых эсеров от правых, заставить их выбирать между революцией и контрреволюцией.

Приведем несколько примеров лево-эсеровских шатаний. В самом начале съезда они предложили предоставить право решающего голоса старому исполкому Совета крестьянских депутатов . Против этого решительно запротестовали большевики; предложение было провалено, причем сами левые эсеры голосовали против него. Тогда правые в знак протеста ушли со съезда; испугавшиеся (другого термина не подберешь) левые переголосовали вопрос и предоставили старому Исполкому право голоса. Правые эсеры вернулись.

Другой пример. В самом начале съезда тов. Невский от фракции большевиков предложил первым же вопросом съезда поставить доклад Совнаркома. Левые эсеры категорически запротестовали. «Если мы дадим слово народным комиссарам, — говорил их лидер Калегаев, — мы тем самым предрешим вопрос об образовании власти, признаем правительство большевиков» [2]). Ленину, как председателю Совнаркома, слова так и не дали, и когда позднее он все-таки выступил на съезде, то не как председатель СНК, а как рядовой делегат съезда, делегированный партией большевиков [3]).

Еще пример. Когда Чернов, убедившись, что в Могилеве он крестьянских депутатов не дождется, приехал в Питер и явился на съезд, левые эсеры предложили избрать его почетным председателем. Это вызвало резкую отповедь со стороны большевиков; тогда левые эсеры свое предложение сняли.

Но в конце концов большевикам удалось все-таки оторвать левых эсеров от правых. После долгих споров Чрезвычайный крестьянский съезд принял резолюцию о соглашении с большевиками. Но в его резолюции имелся следующий пункт: «2. Власть организуется Исполнительным Комитетом Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов из всех социалистических партий — от народных социалистов до большевиков включительно» [4]). Таким образом крестьянский съезд по этому важнейшему вопросу целиком повторил

[1]) По другим сведениям — 23 (10) ноября.

[2]) «Известия ВЦИК» № 225.

[3]) См. об этом красочный рассказ у Рида в «10 днях».

[4]) Резолюции съезда, стр. 19—20.

старые предложения левых эсеров и Викжеля о правительстве из представителей всех советских «партий», предложения, уже отвергнутые Центральным комитетом большевиков и вслед за ним — ВЦИКом. Ясно, что на этих условиях соглашение произойти не могло.

Последующие выступления большевиков сводились к тому, чтобы показать неосуществимость такого блока и заставить левых эсеров выбирать: с большевиками или с правыми, «с Лениным или с Черновым».

«Задача революции — порвать соглашательство, а порвать соглашательство — значит стать на путь социалистической революции... Если соглашательство будет продолжаться, то революция погибнет»,—

говорил Ленин [1]).

Твердая линия большевиков и здесь обеспечила победу революции. Они шли на уступки левым эсерам во многих вопросах, но пустить в правительство меньшевиков и эсеров категорически отказывались. Левые эсеры в конце концов согласились на вхождение в правительство и без правых. 28 (15) ноября состоялось объединенное заседание ВЦИКа II созыва и Чрезвычайного съезда крестьянских депутатов. Единогласно была принята резолюция о том, что власть принадлежит Центральному Исполкому Советов, пополненному представителями крестьянского съезда, представителями фронта и представителями профсоюзов, причем все эти группы объединяются между собой на платформе II Съезда Советов Р. и С.Д. Крестьянский съезд избрал народного комиссара земледелия — Калегаева, который был утвержден 30 (17) ноября членом Совета Народных Комиссаров. 30 же ноября между левыми эсерами и большевиками было заключено соглашение, в тот же день утвержденное ВЦИКом. Условия этого соглашения были:

1. Комиссариат земледелия передается партии левых эсеров.

2. Во все коллегии при Совнаркоме левые эсеры вводят своего представителя.

3. В Комиссариат земледелия большевики вводят своего представителя [2]).

Однако и после этого левые эсеры продолжали еще колебаться. Еще на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов (декабрь) левые эсеры в ряде случаев выступали с правыми: часть их голосовала за резолюцию порицания Совнаркома по поводу ареста кадетов — членов Учредительного Собрания (об этом подробнее дальше); когда правые эсеры ушли со съезда, левые неоднократно посылали к ним «ходоков» с просьбой вернуться и т. д. Но в основном блок с большевиками был уже заключен, — левые эсеры послали в Совнарком пять представителей; торговля из-за мест в Совнаркоме продолжалась однако еще несколько недель до самой середины января 1918 г. [3]).

---

[1]) «Правда» № 196 от 28 (15) ноября 1917 г.

[2]) Протоколы ВЦИКа II созыва, стр. 71.

[3]) Для истории взаимоотношений большевиков и левых эсеров в этот период см. «Знамя Труда», орган сперва «фракции левых эсеров II Съезда Советов», а потом ЦО партии левых эсеров, «Известия Чрезвычайного крестьянского съезда» №№ 1—15. Некоторая часть фактического материала обработана в статье т. Шестакова «Блок с левыми эсерами», «Историк-марксист» № 6.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УЧАСТИЮ В СОВНАРКОМЕ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

17 НОЯБРЯ СТ. СТ. 1917 ГОДА. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЦИК. КОМИССАРИАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПЕРЕДАЕТСЯ ПАРТИИ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ.

ВО ВСЕ КОЛЛЕГИИ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ ВВОДЯТ СВОИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ, В КОМИССАРИАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ БОЛЬШЕВИКИ ВВОДЯТ СВОИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. (Протоколы ВЦИКа II созыва, изд. ВЦИКа, Москва 1918 г., стр. 71.)

Калегаев.
Народн. ком. земл., утв. ВЦИК от 21 ноября 1917 г.

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ, ВВЕДЕННЫЕ В СОВНАРКОМ.

Штейнберг — Нар. ком. по дел. юстиции.
Трутовский. — Нар. ком. по местн. самоупр.
Карелин. — Нар. ком. имуществ республ.
Амосов. — Народн. ком. без портфеля.
П. Я. Михайлов. — Народн. ком. без портфеля.

Так была бита и эта карта черновцев — ставка на крестьянский съезд.

Вслед за тем главный удар большевиков, возглавлявших Советы, был направлен на Каледина, укрепившегося на Дону.

После разгрома Ставки на Дону собрались крупнейшие представители белогвардейщины, усилив тем самым ту естественную базу контрреволюции, какой являлось зажиточное казачество. На Дону собрались не только верхи контрреволюционного генералитета — Деникин, Алексеев, Корнилов, не только политические лидеры контрреволюции — Родзянко, Милюков, Шульгин, но и большое количество рядового офицерства. Подпольные «общественные организации» в Питере и Москве предоставляли материальную помощь и направляли на Дон всех желающих [1]). Все эти контрреволюционные элементы формировались в регулярные воинские части, сперва нелегально (так называемая, «алексеевская организация»), а затем и легально (Добровольческая армия) Украинская рада, заявляя о своем нейтралитете, пропускала на Дон все казачьи части и отдельных казаков, облегчая таким образом формирование контрреволюционных сил.

---

[1]) См. «Воспоминания Лукомского», Архив русской революции, т. V.

На соседней Кубани власть принадлежала контрреволюционной Кубанской раде; в Оренбурге восстание против Советов подняли казаки под руководством Дутова.

В начале декабря Совнарком принял декрет, объявлявший вне закона вождей контрреволюционного заговора. Одновременно на Дон были двинуты отряды Красной гвардии. Несмотря на то, что на Дону собрался цвет контрреволюции, калединщина была быстро ликвидирована.

Особо следует подчеркнуть громадную роль местного казацкого населения в ее ликвидации. Против Каледина выступали не только «иногородние», т. е. не входившие в казачье сословие крестьяне (большею частью малоземельные) и жители городов, но и значительная часть «чисто казацкого» населения, в том числе и зажиточного. Наивно было бы думать конечно, что это зажиточное, а порой и богатое казачество обладало социалистическим сознанием, боролось за социализм. Ничего подобного! Они поддерживали Советы за их мирную политику, за ликвидацию ряда феодальных пережитков, за то, что Советы избавляли рядовое казачество от власти и произвола старшин и атаманов. Беднота казацкая, и особенно «иногородние», шли за Советами еще и потому, что советская власть означала аграрную революцию, ликвидацию крупнейшего землевладения и наделение землей малоземельных.

В борьбе с Советами Каледин не мог рассчитывать на безусловную поддержку большинства казачества. Если бежавшие на Дон белые генералы Корнилов, Алексеев и другие организовывали отряды для борьбы с Советами, то Каледин, целиком сочувствуя им, под давлением казацких масс принужден был занять более мирную позицию и в частности, как мы уже говорили, ответил отказом на предложение Ставки двинуть войска на Москву. Это «миролюбие» Каледина легко объяснимо: казачество хотело мира, а мир был лозунгом Советов. Политика советской власти, направленная на заключение мира, не позволяла Каледину опереться на казацкую массу против Советов. Уже в середине января съезд фронтовых казаков в станице Каменской объявил войну Каледину; одновременно развивалось наступление на Дон Красной гвардии. Со стороны же белогвардейцев против Советов сражались почти исключительно офицерские отряды Добровольческой армии во главе с Корниловым; казацкая масса в своем громадном большинстве наоборот хотела мира и отказывалась воевать с большевиками.

«К утру 29 января (ст. ст.) генерал Корнилов сообщил генералу Каледину о том, что Добровольческая армия, не получая обещанной помощи, истекает кровью и вынуждена будет покинуть Донскую область. Донская власть, обсудив это известие, с грустью убедилась, что дать Добровольческой армии обещанную помощь она действительно не может, так как казаки на все воззвания атамана остаются спокойными и не спешат брать оружие на защиту родного края»[1])—

меланхолически замечает белый мемуарист. В тот же день, 11 февраля (н. ст.), Каледин застрелился. Вскоре красные войска занимают Новочеркасск и Ростов. Белая армия во главе с Корниловым отступает на юго-восток. Советская власть на Дону победила.

[1]) «Записки ген. Деникина». «Начало гражданской войны». Мемуары, стр. 83.

Так же быстро победила советская власть и на Украине. Характерна здесь своеобразная мелкобуржуазно-националистическая окраска контрреволюции. Во главе антисоветского движения стояла Украинская Рада. Ее главной базой была западная Украина и в частности Киев. Наоборот в Харькове и вообще в восточной Украине сильнее чувствовалось влияние пролетарского Донбасса.

Укреплению Советов в восточной Украине кроме того очень помогли красногвардейские отряды, шедшие из Питера и Москвы через Харьков на Дон против Каледина [1]). Среди местных большевиков наблюдались некоторые колебания.

Характерный пример колебаний части харьковских большевиков приводит в своих воспоминаниях командующий войсками, действовавшими против Каледина, Антонов-Овсеенко. В Харькове он наложил большую контрибуцию на крупную буржуазию для уплаты жалования рабочим, а впредь до ее внесения арестовал ряд видных капиталистов. Против этого резко запротестовала соглашательская городская дума; был недоволен и кое-кто из большевиков. Была даже послана жалоба в Смольный. Оттуда отвечали: «Наши симпатии целиком на стороне Антонова. Наркомнац Сталин». А Ленин прислал такую телеграмму:

«Харьков. Антонову. От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно приветствую и одобряю арест миллионеров-саботажников. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудниках. Еще раз приветствую вас за решительность и осуждаю колеблющихся. Л е н и н» [2]).

Оформление советской власти в восточной Украине произошло в середине декабря, когда в Харькове собрался Донецко-криворожский съезд Советов.

О взаимоотношениях, сложившихся в Киеве между Радой и большевистским Ревкомом мы уже говорили. В середине декабря отношения между ними резко обострились. 17 (4) декабря Совнарком, подтверждая право украинской нации на самоопределение и признавая Украинскую народную республику, предъявил Раде ультиматум — прекратить пропуск белогвардейцев к Каледину и разоружение Красной гвардии; в случае отказа или неполучения ответа в 48-часовой срок «Совнарком будет считать Раду в состоянии открытой войны против советской власти в России и на Украине», гласил ультиматум [3]).

Рада ответила уклончивой телеграммой, содержание которой было кратко формулировано Петлюрой таким образом: «Совнарком не хочет признать независимости Украины и объявляет нам войну» [4]).

---

[1]) Некоторые даже считают, что установление советской власти во всей восточной Украине произошло «при энергичном участии и частью по прямой инициативе прибывших с севера воинских частей и отрядов... главным образом из частей питерского и московского гарнизонов, двигавшихся через Харьков против Каледина». А у местных большевиков «нехватало ни сил, ни решительности... чтобы взять власть в свои руки». (П о п о в, История КП(б) У, стр. 144—145.)

[2]) А н т о н о в - О в с е е н к о, Записки о гражданской войне, т. I, стр. 180.

[3]) «Известия ВЦИК», № 244 от 6 декабря 1917 г.

[4]) Речь на Всеукраинском Съезде Советов 19 (6) декабря. Цитируем по Бош — «Год борьбы», стр. 79—80.

Самое характерное в этом заявлении — это использование националистической аргументации в контрреволюционных целях. Ведя переговоры с Калединым и антантовскими представителями о борьбе против Советов, Рада делала вид, что она только защищает национальную независимость Украины от великорусского шовинизма.

Однако большевики быстро парализовали эту агитацию. Происходившее в это время в Киеве Всеукраинское совещание большевиков заявило, что оно «признает факт существования независимой Украинской республики и призывает большевиков вести внутри Украины свою классовую политику» [1]). Такое же заявление сделал, как мы видели, и Совнарком Российской республики. Разгоревшаяся на Украине гражданская война была не национальной, а классовой войной.

Искусно подобрав делегатов, Рада получила большинство на Всеукраинском съезде Советов в Киеве (16 декабря н. ст.). Левые делегаты покинули съезд и вскоре переехали в Харьков, где слились со съездом Советов Донецко-криворожского бассейна. 24 (11) декабря в Харькове начались заседания Всеукраинского съезда Советов, составившегося из Донецко-криворожского областного съезда и отколовшихся делегатов Киевского съезда.

Всеукраинский съезд Советов принял постановление, что «Рада не выражает воли революционных слоев народа, пролетариата и беднейших слоев крестьянства» и избрал советское правительство Украины — ЦИК Советов (ЦИК УКА) и Народный Секретариат (Совнарком).

Таким образом на Украине оказалось два правительства, представляющие интересы разных классов: мелкобуржуазная Киевская Рада и большевистский Народный Секретариат, находящийся в Харькове. Эти два правительства и возглавляли разгоревшуюся на Украине гражданскую войну.

Но большевики не спешили с наступлением на Киев. Главное внимание было обращено в это время на борьбу с калединцами. Харьков был опорным пунктом в этой борьбе. Наступление на Киев было бы преждевременным; оно дало бы Раде лишний повод говорить о национальном угнетении украинцев, о том, что советская власть устанавливается на Украине не самими украинскими трудящимися, а русскими красными войсками. Необходимо было выждать некоторое время, дать развернуться революционному движению против Рады и в западной Украине.

Это движение разгорелось очень скоро.

Постепенно на сторону большевиков перешла значительная часть украинских войск, — крестьянские восстания против Рады охватили всю западную Украину, в самом Киеве вспыхнуло рабочее восстание.

Дни Рады были сочтены. Чтоб спастись, она заключает 8 февраля договор с немцами. Но было уже поздно. 9 февраля красные войска помогают восставшим киевским рабочим захватить власть в Киеве. Представители Рады бежали из него и отдались под покровительство немецкого империализма. Советская власть ликвидировала еще одного противника. Но здесь ей

---

[1]) Попов, История КП(б)У, стр. 141—142.

пришлось столкнуться с наступающим немецким империализмом. Благодаря немецкой поддержке Рада сумела через несколько недель вернуться, — немецкая поддержка позволила и преемникам Каледина на Дону свергнуть там власть Советов. Пройдя «триумфальным маршем» по всей стране, советская власть принуждена была временно отступить перед интервенцией германского империализма, но все это относится уже к следующему периоду партийной работы.

Одновременно с разгромом вооруженных сил контрреволюции на окраинах произошла ликвидация «последней ставки буржуазии» в центре страны — Учредительного Собрания. Что Учредительное Собрание было «последней ставкой контрреволюции в борьбе с Советами» [1]), признают теперь и наши враги. «Вопрос был поставлен так: или власть демократии и Учредительное Собрание — или диктатура пролетариата и власть Советов», пишет бывший секретарь Учредилки правый эсер Вишняк в статье, посвященной десятилетию ее бесславной смерти [2]).

Не имея реальной силы, которую можно было противопоставить Советам, мелкобуржуазная контрреволюция попыталась использовать «моральный авторитет» Учредилки. Лозунг «Вся власть Учредительному Собранию» был противопоставлен лозунгу «Вся власть Советам!». Сбылось старое предсказание Энгельса: в процессе социалистической революции «чистая демократия» приобрела на время значение в качестве крайней буржуазной партии, в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства [3]). Под лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию» сплотилась вся контрреволюция.

«Ход событий и развитие классовой борьбы... привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному Собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с советской властью... стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников» [4]).—Так определил положение Ленин.

Задача партии в этих условиях заключалась прежде всего в том, чтобы выбить из рук контрреволюции руководство предвыборной кампанией и подготовкой Учредительного Собрания. В начале декабря ВЦИК принял постановление о праве отзыва по инициативе трудящихся избранных представителей в Учредительное Собрание. Одновременно Совнарком назначил тов. Урицкого комиссаром н а д [5]) Всероссийской по выборам в Учредительное Собрание комиссией и объявил, что Учредительное Собрание будет открыто, как только в Питер соберется кворум не менее 400 делегатов. Старая комиссия не признавала назначенного Совнаркомом комиссара. «В настоящее время существуют две комиссии и собирают два учредительных собрания, которых невозможно соединить, так как они взаимно друг друга не признают», — так характеризовал положение тов. Урицкий на заседании ЦК 12 декабря [6]).

---

[1]) Формулировка ПК большевиков — «Первый легальный ПК», 355.

[2]) «Современные записки», XXXIV.

[3]) См. письма Маркса и Энгельса, М. 1923, стр. 291.

[4]) Л е н и н, Собр. соч., т. XV, стр. 48.

[5]) Это «н а д комиссией» особенно возмущало демократов из лагеря мелкобуржуазной контрреволюции.

[6]) Протоколы ЦК, протокол № 33, стр. 181.

Еще более усложнился вопрос об открытии Учредительного Собрания в связи со следующими обстоятельствами. 10 декабря несколько десятков кадетов, назвавших себя депутатами Учредительного собрания, ворвались в сопровождении вооруженных белогвардейцев и юнкеров в Таврический дворец и попытались провозгласить себя Учредительным Собранием, «создать» «законное» прикрытие для кадетско-калединского контрреволюционного восстания» [1]). Эта попытка была конечно быстро ликвидирована. На следующий день Совнарком принял декрет об объявлении кадетов врагами народа и изгнании их представителей из Учредительного Собрания. «Врагам народа, помещикам и капиталистам не должно быть места в Учредительном Собрании. Спасти страну может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплоатируемых классов народа», гласил декрет [2]).

Эсеры и меньшевики подняли отчаянные крики против этого декрета, «нарушающего волю демократии». Наоборот, ЦК левых эсеров на этот раз, хотя и с оговорками, но поддержал большевиков. В резолюции, принятой 16 (3) декабря, он заявлял: «В борьбе с буржуазной контрреволюцией власть не должна останавливаться перед всеми законными мерами репрессий против учреждений и лиц, не исключая и членов Учредительного Собрания» [3]).

Вопрос об отношении к Учредительному Собранию вызвал большие споры внутри нашей партии, причем ленинскому большинству ЦК пришлось бороться на два фронта — против критики и справа и «слева».

Группа Каменева-Зиновьева, еще накануне Октября выступавшая против восстания, предлагая ждать Учредительного собрания, которому должна принадлежать вся власть, и теперь попыталась занять примирительную позицию по отношению к нему.

Сущность разногласий заключалась в том, что часть товарищей считала Учредительное Собрание высшим органом власти и настаивала на «соглашении» с ним правительства народных комиссаров», т. е. по существу на передаче ему власти.

«Некоторые товарищи смотрят на Учредительное собрание как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не совершали бестактности и пр. Они против того, что члены Учредительного Собрания — большевики контролируют созыв, соотношение сил и пр.» —

так излагал позицию правых тов. Урицкий на заседании ПК 25 декабря [4]). Не ограничиваясь изложением точки зрения правых, Урицкий дал на этом заседании ПК и оценку их деятельности.

«Это то же течение, которое наблюдалось раньше в вопросе восстания... Товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным Собранием» [5]).

---

[1]) «Правда» № 202.

[2]) Там же.

[3]) «Известия Чрезвычайного съезда крест. деп.» № 13 от 5 декабря 1917 г.

[4]) «Первый легальный ПК», стр. 374.

[5]) Там же.

Как видим, тактика правых по отношению к Учредительному Собранию продолжала и подытоживала их октябрьскую и ноябрьскую борьбу против ленинского курса на социалистическую революцию.

На такой точке зрения стояли не только Каменев и Зиновьев, но и большинство фракции Учредительного Собрания. «Во фракции Учредительного Собрания воцарились настроения правого крыла», говорит об этом протокол ЦК от 24 декабря [1]). В состав бюро фракций входили Каменев, Милютин, Ларин, Сапронов, Рязанов и др. Фракция сделала даже попытку противопоставить себя Центральному Комитету партии, требовала созыва внеочередного партийного съезда или конференции и как первый шаг в этом направлении хотела вызвать в Питер всех членов Учредительного Собрания — большевиков, приписывая себе таким образом руководящую роль, помимо ЦК партии. ЦК призвал фракцию к порядку, признал нецелесообразным специальный созыв конференции и подчеркнул в своем постановлении, что право вызова местных партийных товарищей в Питер принадлежит только ЦК, а не фракции Учредительного Собрания. Интересно отметить шатания Зиновьева и в этом вопросе; он предложил не опротестовывать желания фракции — разослать телеграммы кандидатам, приглашая их в Питер».

Твердая линия ЦК быстро парализовала шатания фракции. Эта линия выявилась в следующих предложениях: 1) сместить бюро фракции, 2) изложить фракции наше отношение к Учредительному Собранию в виде тезисов, 3) составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений ЦК (предложение Ленина), 4) отобрать у всех кандидатов подписки о том, что они снимают себя со списка по требованию ЦК (предложение Свердлова).

Через несколько дней собрание фракции е д и н о г л а с н о приняло ленинские тезисы по вопросу об отношении партии к Учредительному Собранию и недопустимости уступок правым социалистам в вопросе об организации власти. Но партии пришлось здесь преодолевать не только правые уклоны, но и «левые».

«Левая» точка зрения по вопросу об Учредительном Собрании была очень четко формулирована тов. Стуковым на заседании Московского Областного Бюро 18 (5) декабря: «Учредительное Собрание как парламентарное учреждение не нужно и вредно», т. е. что его не нужно и собирать. Большинство МОБ солидаризировалось с этой постановкой вопроса [2]).

Иначе ставило вопрос ленинское большинство ЦК. Что советская государственная система принципиально выше парламентаризма, Ленин заявил уже в апрельских тезисах 1917 г. [3]).

«Недемократизм» Учредительного Собрания по сравнению с советской системой усиливался еще и тем, что выборы в него происходили по старым спискам, составленным за несколько месяцев до выборов и не отражавшим существующего теперь соотношения сил. Достаточно сказать, что правые и левые

---

[1]) Протоколы ЦК, протокол № 34.

[2]) Архив Истпарта, Протокол МОБ от 18 (5) декабря.

[3]) Л е н и н, Собр. соч., изд. 2-е, т. XX, стр. 80.

эсеры шли в Учредительное Собрание по одному списку. Задача, однако, заключалась в том, чтобы «доказать о т с т а л ы м м а с с а м, почему такие парламенты заслуживают разгона, «облегчить» успех их разгона, «облегчить» политическое изживание буржуазного парламентаризма» [1]).

Поэтому тезисы Ленина, принятые ЦК, а впоследствии и фракцией Учредительного Собрания, ставили вопрос так: «Созовем ли мы Учредительное Собрание? — Да, созовем! — Разгоним? — Да, может быть, — все зависит от обстоятельств» [2]). Однако разгон Учредительного Собрания имел смысл лишь после того, как оно показало бы широким массам свою контрреволюционную роль, отказалось бы от одобрения той социалистической политики, которую вела советская власть.

Состав Учредительного Собрания «отражал вчерашний день революции»: не считая кадет, объявленных еще в ноябре врагами революции и таким образом удаленных из состава Учредительного Собрания, меньшевики и правые эсеры имели 60% мест, а сторонники советской власти — около 40%.

Первое и единственное заседание Учредительного Собрания состоялось 18 (5) января 1918 г. В этот день «Союз защиты Учредительного Собрания» попытался организовать в Питере манифестации в честь Учредительного Собрания, но ему удалось вызвать на улицы лишь небольшое количество мелкой буржуазии.

Заседание Учредительного Собрания было открыто от имени ВЦИКа Я. Свердловым, выразившим надежду, что «истинные представители трудящегося народа, заседающие в Учредительном Собрании, помогут Советам покончить с классовыми привилегиями» [3]). Далее Свердлов огласил декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа и предложил Учредительному собранию принять ее. В этой декларации Учредительное Собрание должно было заявить, что «Россия объявляется Республикой Советов», и подтвердить основные декреты II Съезда Советов и Совнаркома: о земле, о мире, рабочем контроле, национализации банков и т. д.

Эсеровское большинство Учредительного собрания, во главе с избранным председателем В. Черновым, отказалось даже обсуждать декларацию, оглашенную Свердловым. Тогда большевики, огласив свою декларацию, покинули зал заседания. Вскоре вслед за ними ушли и левые эсеры.

Тактика меньшевистско-эсеровского большинства заключалась в том, чтобы, отвергнув соглашение с Советами, использовать большевистские лозунги против большевиков, заявить, что только Учредительное собрание даст народу мир и землю. После ухода большевиков эсеры приняли законы о мире и о земле, желая показать, что мир и землю народу даст только Учредительное Собрание. (Излишне говорить, что обещание земли и мира было в устах эсеров демагогией — 8-месячное пребывание их у власти доказало это достаточно хорошо.) Но эта демагогия оказалась бесполезной. Оставшимся в зале заседания Учредительного собрания меньшевикам и эсерам не пришлось ждать особенно

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XVII, стр. 149. Курсив наш.

[2]) См. «Первый легальный ПК», стр. 373.

[3]) Стенографический отчет о заседании Учредительного Собрания.

долго — пока матрос Железняк, командовавший караулом, подошел к Чернову и сказал: «Караул устал. Пора кончать». Так бесславно кончило свои дни Учредительное Собрание — последняя надежда мелкобуржуазной контрреволюции.

Следует отметить, что Ленин, опасавшийся, что революционные матросы проявят свою ненависть к учредиловцам, отдал караулу такое приказание:

«Товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного Собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов»[1]).

А на следующий день, 7 января, в 1 час 30 минут ночи, ВЦИК оформил особым декретом роспуск Учредительного Собрания.

Через несколько дней после роспуска Учредительного Собрания открылся III Всероссийский Съезд Советов, зачеркнувший в названии Совнаркома «Временное Рабочее и Крестьянское Правительство» слово «Временное». Но главным вопросом этого съезда был уже вопрос о мирных переговорах в Бресте. Партия и советская власть вступали в новый период своей деятельности.

---

[1]) Цитируем по статье т. Игнатова «Тактика большевиков и Учредительное Собрание», «Пролетарская Революция» № 76, стр. 48.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К V ГЛАВЕ.

БРЕСТСКИЙ МИР И СЕДЬМОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ.

I. Брестский мир и борьба в партии вокруг него.

1) Мир как одна из центральных проблем революции в этот период.
2) Внутреннее и международное положение страны. Настроение в рабочем классе, крестьянстве и армии.
3) Разногласия в партии по вопросу о мире.
4) Мир и левые эсеры.

II. Этапы внутрипартийных разногласий по вопросу о мире.

1) Позиция Ленина: вопрос о мире и революционной войне; вопрос о международной революции; вопрос о союзе с крестьянством и необходимости передышки.
2) Позиция Троцкого — «ни мира — ни войны»; связь этой позиции с теорией перманентной революции.
3) Позиция «левых» коммунистов — идеология «взбесившегося» мелкого буржуа,
4) Конкретные этапы разногласий в борьбе за мир.

Заключение.

Подписание мира. 7-й съезд и его место в истории партии. Вопрос о Бресте и о проблеме пролетарской революции в одной стране.

ЛИТЕРАТУРА:

Ленин, т. XV, стр. 58—64, 92—130, 573—589.
Протоколы VII съезда РКП(б).
Протоколы ЦК РСДРП за 1917—1918 гг. стр. 197—270.

ГЛАВА V.

БРЕСТСКИЙ МИР И VII СЪЕЗД ПАРТИИ.

Рабочий класс, придя в октябре 1917 г. к власти, осуществил ряд революционных актов величайшего исторического значения, привлекши на свою сторону широкие трудящиеся массы страны. В течение нескольких недель после прихода к власти рабочий класс проделал огромную работу по ликвидации всех пережитков феодализма и очистке «авгиевых конюшен» крепостничества.

Однако дальнейшая судьба революции зависела от того, сумеет ли пролетарская диктатура в России разрешить первоочередной вопрос — о выходе из империалистической войны. Без этого пролетариат и основная масса крестьянства не могли бы реализовать революционных завоеваний и приступить к строительству социализма, что было необходимо не только в «национальных» интересах пролетариата, но и в интересах международной революции. Диктатура рабочего класса в России являлась величайшим революционизирующим фактором мирового рабочего движения, но чтобы остаться таковым она не должна была закончиться яркой, но короткой вспышкой, а укрепиться, развернуть всю мощь социалистической организации и творчества трудящихся масс, становясь базой развивающейся международной революции:

Россия была связана с одной из воюющих групп «союзом», с другой — войной. Узы «сердечного согласия» были, однако, для диктатуры пролетариата едва ли не более отяготительны, чем отношения войны с Четверным союзом. За время войны зависимость России от союзнического империализма, и без того огромная, увеличилась еще более. Социалистическая революция была немыслима без полной ликвидации отношений политической и финансовой зависимости от союзников, без разрыва аннексионистских нитей, связывавших Россию с Антантой. Военно-политические и географические условия не дали возможности союзническому империализму немедленно начать интервенцию против Республики Советов. Подготовляя партию и массы к революции, Ленин заранее великолепно учитывал это обстоятельство как благоприятную и чрезвычайно важную предпосылку успеха революции.

«Соединение враждующих между собой англо-французского и германского империализма п р о т и в пролетарско-социалистической республики российской на практике н е в о з м о ж н о, а соединение английского, японского и американского империализмов против нас

до последней степени трудно осуществимо и нам вовсе нестрашно уже в силу географического положения России» [1] —

писал Ленин еще в сентябре 1917 г. Ни до, ни после Октября Ленин ни на минуту не забывал о неизбежности революционной войны и необходимости готовиться к ней. После прихода пролетариата к власти мы становимся оборонцами, — подчеркивал Ленин.

«О необходимости готовить революционную войну в случае победы социализма в одной стране и сохранении капитализма в соседних странах говорила наша пресса всегда. Это бесспорно» [2] —

говорил Ленин, но понимая это лучше левых, он тем более подчеркивал первостепенное значение передышки. Видя военную и хозяйственную разруху в России, Ленин тем не менее твердо верил в неисчерпаемые возможности революционной войны, но прежде всего нужно было путем мира с немцами получить передышку.

«Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики», — писал Ленин перед Октябрем.—«99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить весь мир» [3].

Этим определялось и всемирно-историческое значение передышки для неизбежной в будущем революционной войны с империализмом.

Необходимость скорейшего заключения мира диктовалась всем военно-политическим и экономическим положением страны. Борьба за армию, которую вела партия большевиков до Октября, закончилась победой большевиков. Однако старая армия, разложившаяся, бунтарски-настроенная, становилась из революционной силы источником всяческой анархии и одичания. Захлебнувшаяся в крови империалистской войны, усталая, отчаявшаяся армия разбегалась, грозила захлестнуть железные дороги и города беспорядочно демобилизующейся недисциплинированной солдатской массой.

О положении армии можно судить по донесениям с фронта.

В сводке донесений штаба верховного главнокомандующего с 15 по 30 ноября (ст. ст.) приводился характерный отзыв командующего 12-й армией о том, что армия представляет собой «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенную жаждой мира и всеобщим разочарованием». «Такая характеристика, — говорилось в донесении, — без особой натяжки может быть применима ко всему фронту вообще» [4]. Позднее, когда начались переговоры с немцами, разложение армии не прекратилось, а скорее усилилось. Телеграфное донесение из Минска от 14 января 1918 г. гласило: «Хлеба и фуража не поступает... Положение не улучшается. Остановить сепаратную демобилизацию, ввиду краха продовольствия, не представляется возможным» [5]...

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 124. Курсив наш.

[2]) Ленин, т. XV, стр. 92, ст. «О революционной фразе».

[3]) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 138.

[4]) «Красный Архив,» т. XXIII, стр. 247.

[5]) «Разложение армии в 1917 г.», Центрархив, 1925, стр. 190.

Телеграфное донесение из особой армии от 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) так, например, рисовало положение в ней:

«Особой армии боеспособность равна нулю. В 31-м корпусе жажда мира и неудержимое желание скорее по домам. 44-й корпус... жажда немедленного окончания войны при полном отсутствии дисциплины лишает возможности командный состав и комитеты предотвратить гибель корпуса и остановить повальное бегство солдат в тыл. Никакие приказания и распоряжения не выполняются [1]).

«В случае немедленной революционной войны,—писал Ленин позднее в тезисах о мире,—крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю, свергнет социалистическое правительство» [2]).

Солдаты-крестьяне — и в первую очередь из бедняцких слоев — жаждали поскорее вернуться в родные деревни, получить то, чего давно ждали от революции, покончить «с деревенскими буржуями, старым порядочком под новым флагом», как писал один солдат в своем письме.

Интересы пролетарской революции в деревне требовали скорейшего возвращения туда солдат-бедняков, являвшихся революционным бродилом в самых глухих углах деревни.

Не только в военной, но и в экономической области диктатура пролетариата получила в наследие тяжелейшую хозяйственную разруху.

Переходный момент в промышленности, связанный с утверждением экономической диктатуры рабочего класса в производстве, не мог не привести временно к новым потрясениям, особенно в связи со стихийным характером национализации промышленности, наблюдавшимся в первый период революции.

Демобилизация и эвакуация промышленности приводили к свертыванию производства и росту безработицы. Безработица особенно резко стала увеличиваться после демобилизации армии и заметно возросла в апреле — мае 1918 г.

К. Самойлова в брошюре «Современная безработица и борьба с ней», вышедшей в начале лета 1918 года, так характеризовала состояние безработицы.

«Если принять во внимание, что большое количество заводов и фабрик закрылось как раз за последнее время, с началом демобилизации армии и промышленности, то несомненно, что общее количество безработных в России теперь значительно превышает цифру, установленную фабричной инспекцией к декабрю 1917 г. (т. е. 168 670 рабочих)» [3]).

К половине мая 1918 года число безработных, зарегистрированных на биржах труда по разным районам Российской советской республики, достигало по преуменьшенным расчетам 325 тысяч.

Особенно велика была безработица в Петрограде и Москве. В Петрограде с началом демобилизации, как сообщает К. Самойлова, числилось до 100 тысяч безработных. К апрелю свыше 50 тысяч безработных разъехалось по провинции, деревням, большое число рабочих ушло в армию, на советскую работу и т. д.

---

[1]) «Разложение армии в 1917 г.», стр. 175.

[2]) Собр. соч., т. XV, стр. 63.

[3]) К. Самойлова, Современная безработица и борьба с ней, стр. 22. Курсив наш.

К апрелю — маю распыление пролетариата достигло серьезных размеров. В Москве к началу лета числилось на биржах труда 35 865 безработных.

Материальное положение рабочего класса в связи с продовольственным кризисом было особенно тяжело. О продовольственном положении можно судить по тому, что за время с 1 ноября 1917 г. по 1 августа 1918 г. было, по данным Наркомпрода, заготовлено советскими продорганами всего только 492 тыс. тонн хлеба.

а) МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Военное и экономическое положение чрезвычайно остро ставило вопрос о мире. Борьба за мир ставилась центром внимания рабоче-крестьянского правительства.

Декрет о мире, написанный Лениным и принятый II Всероссийским Съездом Советов, был грандиозной попыткой ставшего у власти пролетариата прекратить империалистскую войну и добиться всеобщего мира. Всероссийский Съезд Советов не рассматривал декрет о мире, как чисто декларативный акт, а стремился сделать его исходным пунктом переговоров о всеобщем перемирии. Вот почему предложение мира было направлено не только к народам, но и к правительствам. Предложение не носило ультимативного характера, чтобы не закрывать дороги к возможному соглашению воюющих стран на той или иной основе.

Советское правительство неоднократно официально обращалось к представителям союзников, их правительствам и народам с предложением начать переговоры, но союзники игнорировали эти обращения.

Борьба за мир была борьбой за власть. Демократическая контрреволюция, понимая, что заключение мира большевиками укрепит власть Советов, выбросила в борьбе против большевиков лозунг мира. Общеармейский Комитет, пытался использовать в борьбе против большевиков то обстоятельство, что большевистские обращения к союзникам с предложением заключить мир не находили у последних никакого отклика. В своем обращении «всем, всем, всем» Общеармейский Комитет писал, «что в сложившейся ныне обстановке единственным препятствием к заключению мира» является правительство большевиков. Свое обращение комитет заканчивал следующими словами: «Товарищи! Единодушно сплотите все ваши силы вокруг идеи достижения действительного мира и поручите решение этого вопроса новому правительству с Виктором Михайловичем Черновым во главе» [1]).

В условиях, когда борьба за мир являлась борьбой за власть, отказ от заключения мира привел бы к неминуемой гибели советской власти между молотом отечественной контрреволюции и наковальней международного империализма.

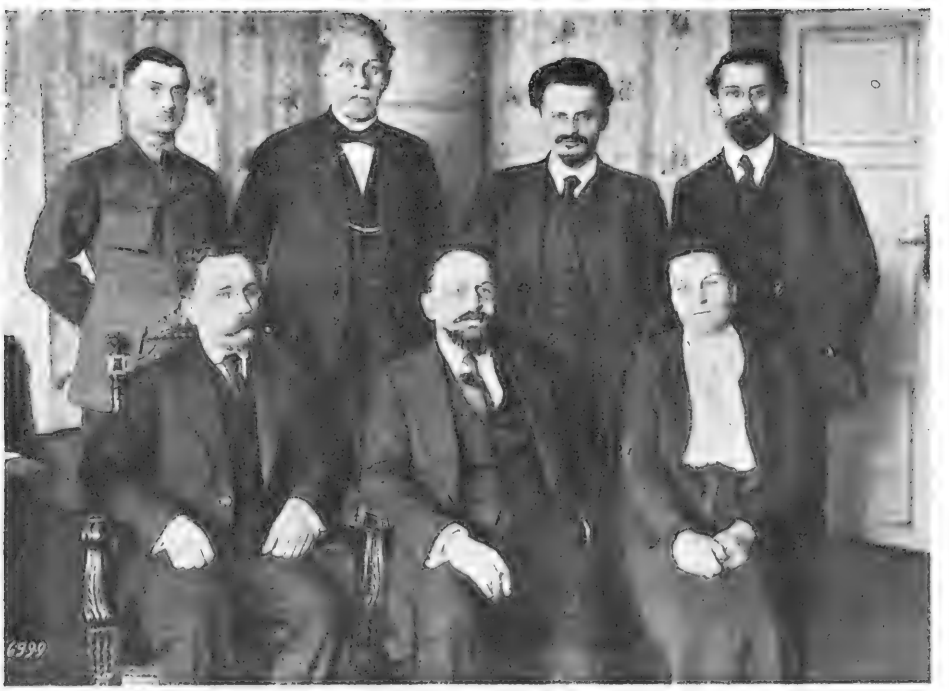
На предложение начать переговоры германская коалиция ответила согласием. Немецкое правительство стремилось к заключению мира потому, что тяга к нему среди народов центральных держав сильно возросла и к тому же все они, а в особенности Австрия, переживали тяжелый продовольственный кризис.

---

[1]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 196.

Правительство Германии, находясь под влиянием военной клики, надеялось еще выиграть войну. Русская революция, усилившая военное разложение России, укрепила надежды этих групп. Однако провал плана подводной войны, посредством которой германский морской штаб собирался разбить Англию на-голову к августу 1917 г., влияние русской революции на рабочий класс и народные массы Четверного союза, прогрессировавшее ухудшение продовольственного положения центральных держав, выступление Америки и переброска американских войск в Европу, — все это заставило германскую коалицию настойчивее добиваться мира.

Когда советское правительство предложило открыть мирные переговоры, правительство Германии решило использовать эту возможность. Военная пар-



Брестские переговоры, русская делегация. Стоят: Стучка, Троцкий, Карахан, Шнеур. Сидят: Каменев, Иоффе, Биценко.

тия в Германии надеялась посредством заключения мира на Востоке добиться здесь огромных территориальных приобретений и усилиться для борьбы на Западном фронте. Мир с Россией давал возможность освободить с Восточного фронта войска и перебросить их на Западный, где должен был решиться исход войны.

3 декабря (20 ноября) переговоры о перемирии начались. Советское правительство, вследствие отказа союзных держав присоединиться ко всеобщим переговорам о перемирии, вынуждено было начать сепаратные переговоры, намереваясь принять самые решительные меры к тому, чтобы впоследствии побудить правительства Антанты принять участие в мирных переговорах. Советская делегация и правительство сделали все, что было в силах, чтобы вовлечь в переговоры союзников, но все попытки заканчивались безрезультатно.

5 декабря (22 ноября) было заключено соглашение о приостановлении военных действий на Восточном фронте на 10 дней, с 7 по 17 декабря (24 ноября — 4 декабря). За время перерыва советское правительство снова делало попытки привлечь к переговорам союзников, но опять безрезультатно. Участие Америки в войне давало Антанте уверенность в том, что Германию удастся одолеть. Америка с успехом замещала Россию, о неспособности воевать которой союзники знали еще летом 1917 г.

Мирные переговоры с Германией начались 22 (9) декабря. Русская делегация при открытии переговоров предложила принять в основу условия мира, основанные на декрете о мире II Съезда Советов. Глава немецкой делегации Кюльман от имени Четверного союза в заявлении 25 (12) декабря выразил принципиальное согласие на эти предложения, «если бы все причастные к войне державы, без исключения и без оговорок, в определенный срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия» [1].

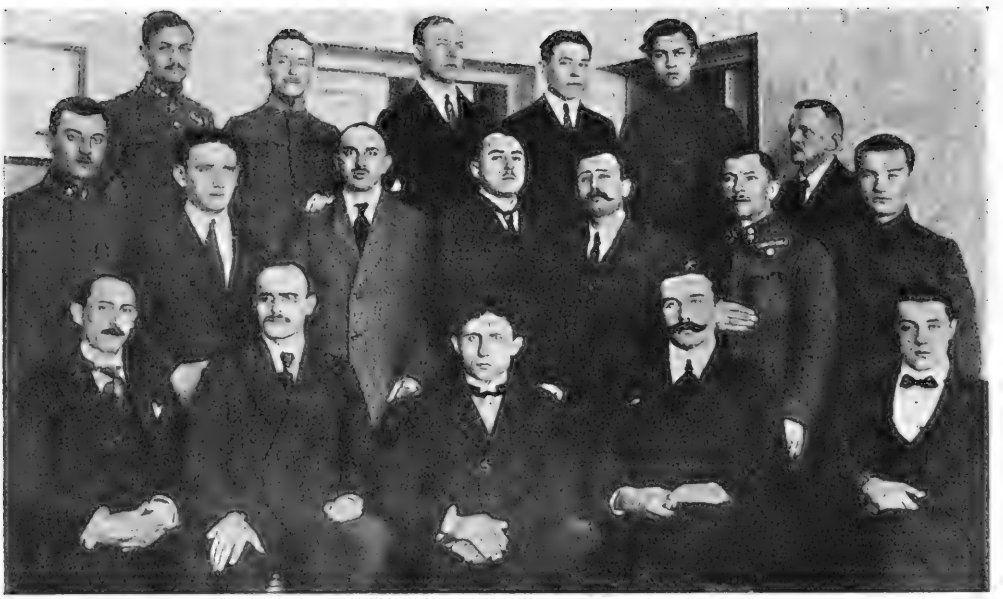
Мирная делегация Тройственного союза: ген. Гофман, граф Чернин, Галат-паша, фон-Кюльман.

Буржуазные дипломаты представляли себе дело таким образом, что для советской делегации демократические принципы являются чистой фразеологией и, отдав дань революционной добродетели на словах, советские представители отступят от основных принципов в дальнейших переговорах. С другой стороны, немецкая дипломатия, давая согласие на демократический мир, надеялась внести раскол в ряды союзников и сыграть на стремлении народных масс Антанты к миру. Сторонники восточной ориентации не хотели слишком портить отношения с Россией. Вот почему Кюльман шел на словесные уступки в своих декларациях, надеясь в то же время добиться от представителей Советов согласия на аннексионистский мир. Как только советская делегация потребовала у немцев, в виде доказательства их готовности на демократический мир, вывести войска из Польши, Литвы, Курляндии и других областей, немцы тотчас же обнаружили свои действительные планы. Они разъяснили, что судьбу Польши, Литвы и

[1]) «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, М. 1920 г., стр. 9.

Курляндии они определят путем непосредственного сношения с их представителями, так как де Польша и Курляндия заявили о своем выходе из состава русского государства. Переговоры в Бресте были прерваны по предложению русских до 4 января (22 декабря). Советская делегация уехала из Бреста. Известие об аннексионистских притязаниях Германии и тактика ультиматумов вызвали возмущение среди рабочих и наиболее передовых солдат Советской России.

В Германии борьба настроенных в пользу либеральной политики мира торгово-промышленных групп, с одной стороны, и представителей аграриев, тяжелой индустрии, военно-промышленного капитала и милитаристских клик — с другой, закончилась тем, что стала брать верх военная партия, партия сторонников разбойничьего насильственного мира. В начале января 1918 года Людендорф и Гинденбург послали Вильгельму II ультиматум с



Брест-Литовские мирные переговоры. Украинская делегация.

угрозой уйти в отставку, если не будет выполнено их требование о проведении в Брест-Литовске решительной аннексионистской политики и передачи руководства переговорами военному командованию [1]). Руководство мирными переговорами перешло к Гофману.

Аннексионистская тактика германской делегации совершенно определенно выявилась к этому времени. Попытки русской делегации еще до истечения условленного срока перерыва в мирных переговорах добиться перенесения конференции в Стокгольм или другое нейтральное место закончились безрезультатно. Пришлось подчиниться немецкому ультиматуму о приезде в Брест. Нежелание союзных правительств вступить во всеобщие переговоры давало Германии «благовидный» предлог для прекращения той фальшивой игры в «демократизм», которую она вела в первые дни, и облегчало ее откровенные солдафонские

[1]) П. Фрелих, Германская революция, Гиз, 1927 г., стр. 222.

действия. К тому же в Бресте начались переговоры немцев с делегацией предательской Украинской Центральной Рады. Немцы надеялись, с помощью радовцев, поставить на колени представителей советского правительства. На первых же пленарных заседаниях мирной конференции второго периода, открывшейся 9 января (27 декабря 1917 г.), фон-Кюльман подтвердил телеграфное заявление от 5 января о том, что согласие Четверного союза на условия мира, принципиально признанные им первоначально, а именно 25(12) декабря, теряют свою силу ввиду отказа союзников примкнуть к переговорам. Перемена в отношениях с нами объяснялась тем, что в Бресте находилась делегация Украинской Центральной Рады. Глава советской делегации Л. Троцкий с чрезмерной поспешностью и без всяких оговорок согласился на участие в переговорах в качестве самостоятельной делегации представителей Украинской Рады, дни которой уже были сочтены.

Ген. Гофман заявил о территориальных притязаниях Германии и наметил границу, по которой Польша и Литва, а также часть Латвии и Белоруссии переходили в руки немцев. Германия и Австро-Венгрия намеревались отрезать от бывшей России территорию свыше 150 тыс. кв. верст. Русская делегация, разоблачая аннексионистские планы немцев, в то же время всячески стремилась затягивать переговоры. Эта политика, проводимая в расчете на успехи братания с армией противника и революционного движения в Германии и Австрии и близкое падение власти Центральной Рады в связи с развитием рабоче-крестьянской революции на Украине, была вполне целесообразна. С целью затягивания переговоров русская делегация предложила 18 (5) января прервать переговоры до 29 января и вернулась в Питер. В Бресте осталась для работы подготовительная комиссия под председательством Иоффе.

Грубо-насильнические действия германской делегации резко противоречили политическому самочувствию представителей власти Советов. В декабре и январе господство Советов, благодаря могучему подъему революции во всей стране, повсеместно утверждалось с огромной быстротой. Одним из серьезных фактов, свидетельствовавших о политическом укреплении власти Советов, был удачно произведенный роспуск Учредительного Собрания.

Демонстрация, организованная 18 (5) января эсеро-белогвардейцами в защиту Учредительного Собрания, привлекла мелкобуржуазную интеллигенцию и лишь ничтожные группки рабочих, закончившись полным провалом. Роспуск Учредительного Собрания не вызвал сколько-нибудь серьезного движения в стране. Передовые элементы рабочих и армии приветствовали роспуск Учредиловки.

Советская власть утверждалась повсеместно. Всеукраинский Съезд Советов 27 декабря (н. ст.) и Сибирский Съезд Советов 17 января (н. ст.) провозгласили власть Советов и обещали вооруженную поддержку пролетарской диктатуре. 23 января (н. ст.) в станице Каменской, Донской области, был выбран Военно-Революционный Комитет области. Власть Каледина скоро пала. На Украине Центральная Рада в начале февраля была изгнана из Киева. Только в Брест-Литовске, под защитой германского империализма, представители Рады выступали как власть имущие.

1. ТЕРРИТОРИЯ, ОТХОДЯЩАЯ ОТ РОССИИ.
2. ТЕРРИТОРИЯ, ОТХОДЯЩАЯ К ТУРЦИИ ПОД ПРЕДЛОГОМ «САМООПРЕДЕЛЕНИЯ».
3. ТЕРРИТОРИЯ, ОСВОБОЖДАЕМАЯ ГЕРМАНИЕЙ ПОСЛЕ НАВЕДЕНИЯ ПОРЯДКА.
4. ТЕРРИТОРИЯ, ОСВОБОЖДАЕМАЯ ГЕРМАНИЕЙ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО МИРА.
5. ТЕРРИТОРИЯ, НА КОТОРУЮ ПРЕТЕНДУЕТ ФИНЛЯНДИЯ.
6. ТЕРРИТОРИЯ, НА КОТОРУЮ ПРЕТЕНДУЕТ УКРАИНА.

В феврале в Финляндии рабоче-крестьянская революция победила. Было создано Временное Революционное Правительство.

Развитие революционного движения в Австрии и Германии еще более укрепляло радужные иллюзии ноябрьско-январского периода, поддерживаемые «левыми» в рабочих массах.

Суровая действительность скоро, однако, показала преувеличенный характер надежд на близкую победу революции в Центральной Европе.

В середине января 1918 г. в Вене разразилась всеобщая стачка, вызванная обострением голода и возмущением рабочих аннексионистской тактикой центральных держав в Брест-Литовске. Стачка захватила почти всю страну, привела к образованию Совета рабочих депутатов. Даже вожди австрийской с.-д-тии выпустили манифест, в котором заявили, что рабочий класс не хочет вести войну с Россией для того, чтобы монархи Австрии и Германии аннексировали Польшу, Литву и Курляндию [1]). 22 января, однако, благодаря стараниям тех же с.-д. решено было работы возобновить. На улицах Варшавы происходили бурные демонстрации, дошедшие до кровавых столкновений трудящихся с полицией. Проезжавшие через Варшаву члены русской делегации были 18 января торжественно встречены населением. Несколько дней спустя разразилась стачка в Берлине, где, по официальным данным, бастовало 500 тыс. рабочих. Стачка перекинулась в другие города; и в Германии начали образовываться Советы рабочих депутатов. Бастующие требовали провозглашения республики и заключения мира. Однако в Германии, так же как и в Австрии, с.-д. помогли правительству подавить стачечное движение.

Насколько прав был Ленин, когда во всех своих выступлениях призывал не увлекаться иллюзиями относительно того, что германский империализм в случае неподписания мира «не посмеет», не решится наступать, можно судить на основании следующего утверждения ген. Людендорфа.

«23 января на совещании в Берлине генерал-фельдмаршал по моей просьбе заявил, что нам необходимо выяснить положение на Востоке, так как, пока это не будет достигнуто, мы должны держать там хорошие дивизии, вполне пригодные для действий на Западе. Если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено заключить мир» [2]).

Как известно, германское наступление началось 18 февраля, а между тем решение о наступлении на Восточном фронте, в случае затягивания большевиками переговоров, было принято раньше почти за месяц.

Таким образом «левые товарищи» непростительно переоценивали положение, когда заявляли в резолюции Московского Комитета от 24 (11) января: «на наших глазах развертывается революционное движение на Западе, убеждающее нас в правильности предвидения неизбежности в ближайшее же время

---

[1]) Отто Бауэр, История австрийской революции, X. 1925 г., стр. 98.

[2]) Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 127. Курсив наш.

социалистической революции в Европе» [1]). Из этой оценки левых вытекал ряд серьезнейших ошибок в их позиции.

Необходимость итти на сепаратный мир с немцами, против чего раздавались отдельные голоса еще на II Съезде Советов, а затем и аннексионистская тактика Германии вызвали острую внутрипартийную борьбу вокруг вопроса о мире. Первые проявления этой борьбы относятся еще к ноябрю. 14 (1) ноября на совещании ЦК с партработниками уже были предложения со стороны «левых» о немедленном разрыве с немцами и объявлении революционной войны [2]).

Выступления против «похабного мира» раздавались и на заседании ВЦИКа 23 (10) ноября, где обсуждалось обращение Совнаркома к армии о заключении перемирия с немцами путем непосредственных переговоров частей, стоящих на фронте.

20 (7) января Лениным были написаны для обсуждения среди активных работников «Тезисы о мире». Эти тезисы послужили основой для дискуссии о мире. К этому же времени Московское Областное Бюро являвшееся одним из главных спорных пунктов «левых» вынесло резолюцию, в которой требовало «прекращения мирных переговоров с империалистами Германии и разрыва всяких дипломатических сношений со всеми дипломированными разбойниками всех стран [3]).

В своих тезисах, обосновывая необходимость заключения мира, Ленин указывал, что республике Советов нужна передышка, дабы иметь «вполне развязанные руки для победы над буржуазией в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой организационной работы [4]).

Заключение сепаратного мира, — утверждал Ленин в тезисах, — укрепит положение диктатуры пролетариата (что признавала, между, прочим, и буржуазная печать) и гораздо менее усилит Четверной союз.

Положение Германии останется крайне тяжелым. Война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон». «Пример социалистической советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционизирующее действие этого образца будет гигантским».

В ответ на обвинение «левых» в том, что сепаратный мир с Германией превращает нас в ее агентуру, Ленин писал, что в данный момент «революционная война против Германии объективно поставила бы нас в положение агентов англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы».

«Заключая сепаратный мир, — писал Ленин в тезисах, — мы в наибольшей возможной для данного момента степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции» [5]).

---

[1]) «Социал-Демократ» № 7.

[2]) Ленин, Собр. соч., изд, I, т, XV, прим. 67.

[3]) Цитируя по кн. В. Сорина. «Партия и оппозиция», ч. 1, стр. 15.

[4]) Ленин, Тезисы о мире, Собр. соч., т. XV, стр. 54. Курсив наш.

[5]) Там же, стр. 63.

Брестский мир был компромиссом с империализмом, но это был компромисс «как раз такой и в такой обстановке, который был о б я з а т е л е н», писал впоследствии Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме».

«Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. Но тот, кто захотел бы выдумать для рабочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном» [1]).

Компромисс с германским империализмом был допустим, потому что «уступая пространство, мы выигрывали время», отдавая в руки империализма часть территорий, платя ему неимоверно дорогую цену, мы получали передышку для того, чтобы подготовиться к будущей борьбе с империализмом, к пересмотру договора при изменившемся соотношении сил, если бы этот договор, как это случилось, не был уничтожен ходом революции в Германии.

«Было бы ошибкой построить тактику социалистического строительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный короткий срок) или не наступит» [2]).

Тактика Ленина была пригодна и на случай победы и на случай поражения революции, политика же «левых» исходила только из мало обоснованного расчета на близкую победу пролетарской революции в центральных державах, победу на короткий срок. Далее Ленин указывал, что к моменту опубликования тезисов о мире создалось такое положение, при котором дальше тянуть с заключением мира невозможно, ибо Германия

«...п о с у т и д е л а у ж е п о с т а в и л а Р о с с и и у л ь т и м а т у м, с о д н я н а д е н ь с л е д у е т ж д а т ь... и е г о ф о р м а л ь н о г о п р е д ъ я в л е н и я. «Нужно выбирать немедленно между аннексионистским миром и революционной войной. Никакие средние решения по сути дела тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное» [3]).

В ответ на упреки в том, что, подписав мир с немцами, мы предадим Польшу, Литву, прибалтийские народы, Ленин отвечал: «Ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение» [4]).

Тезисы Ленина о мире были обсуждены впервые по требованию московских оппозиционеров на собрании активных работников, главным образом

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XVII, стр. 130.
[2]) Л е н и н, Собр. соч., т. XV, стр. 59, 60.
[3]) Там же, стр. 60.
[4]) VII Съезд РКП, стр 129.

делегатов III Всероссийского съезда Советов, 21 (8) января. На этом совещании выявились три основные точки зрения по вопросу о мире: 1) ленинская точка зрения необходимости заключения мира, 2) «левых» — за революционную войну и 3) средняя, промежуточная — Троцкого — войну прекратить, армию демобилизовать, мира не подписывать. На совещании сторонники заключения аннексионистского мира собрали 15 голосов, промежуточная точка зрения Троцкого — 16, сторонники революционной войны — 32. Таким образом последние получили перевес. Однако за предложение о немедленном разрыве с немцами голосовал лишь один «левый» (Стуков). По вопросу о допустимости заключения аннексионистского мира в случае разрыва переговоров или ультиматума немцев против голосовали только двое. По вопросу о том, надо ли подписать предложенный немцами мир, большинство левых воздержалось, таким образом, успех «левых» был довольно относительный, их позиция весьма неопределенной. Успехи стачечного и революционного движения в центральных государствах давали еще возможность затягивать дело заключения мира.

Надежды на близкую победу революции на Западе были так велики, что промежуточная точка зрения Троцкого — «мира не подписываем, из войны выходим, армию демобилизуем» — получила известный кредит. На заседании ЦК 24 (11) января предложение о призыве к революционной войне собрало меньшинство (за — 2, против — 11, воздержался — 1). Точка зрения Л. Троцкого собрала 9 голосов против 7, благодаря тому, что ее поддержали «левые». На этом же заседании, по предложению Ленина, было принято решение о затягивании момента заключения мира.

Потерпевши неудачу, сторонники революционной войны начали борьбу за созыв всероссийской партийной конференции. Тот факт, что ПК, МК, Московское Областное Бюро и значительное число провинциальных партийных комитетов стояли на точке зрения революционной войны, вселял в «левых» уверенность в победе их точки зрения. На заседании ЦК 1 февраля (19 января) представители «левых» выступили с предложением об экстренном созыве партийной конференции. Им была противопоставлена точка зрения созыва съезда партии. Это предложение защищали сторонники мира тт. Ленин, Свердлов и Сокольников. Предложение «левых» о созыве конференции было не случайным, так как в ряде организаций сторонники революционной войны, зачастую незначительным большинством голосов, укрепились в комитетах и других руководящих органах. Между тем иллюзии, поддерживаемые «левыми», рассеивались с каждым днем, и «левые» комитеты все менее и менее отражали мнение партийных масс. Вот почему Ленин и его единомышленники защищали необходимость созыва съезда, а не конференции комитетов. Вот почему Ленин и Свердлов указывали, что конференция комитетов, которую требуют «левые», не даст возможности выявить мнение масс так, как съезд. На этом заседании ЦК было решено созвать съезд 20 февраля [1]). 6 февраля (24 января) вопросу о съезде было посвящено специальное заседание, на котором была выработана повестка дня съезда.

---

[1]) Протоколы ЦК РСДРП (б) за 1917 — 1918 г.

6. ТАКТИКА ТРОЦКОГО В БРЕСТЕ. НАСТУПЛЕНИЕ НЕМЦЕВ И ПЕРЕЛОМ В ПАРТИИ И В МАССАХ.

30 (17) января в Брест-Литовске снова начались мирные переговоры, на которых советская делегация пыталась изменить соотношение сил путем введения в переговоры нового фактора в лице делегации Народного Секретариата Украины. Киевская Рада доживала последние дни. Делегатам Центральной Рады удалось проехать за границу лишь путем обмана пограничной охраны уверениями, что они присоединятся к делегатам Советской Украины. Немцы отклонили предложение Троцкого признать полномочной делегацию советской Украины. Немцам, проводившим политику расчленения Республики Советов, больше улыбалось иметь дело с бессильной, потерявшей почву под ногами и потому целиком зависимой, буржуазно-кулацкой Радой. Делегация Четверного союза вступила в переговоры с целью положить конец политике затягивания переговоров. Немцы стали решительно на путь ультиматумов. К этому времени германские империалисты покончили с забастовочным движением у себя дома, заключили договор с представителями Центральной Рады и решили и в переговорах с большевиками открыто поставить штык в порядок дня. Немцы предъявили условия мира, по которым они не только осуществляли свои аннексионистские планы, но и «выравнивали» границу с Россией, отрезая новые территории и создавая этим удобный плацдарм на случай войны с Россией. Так или иначе, советская делегация была поставлена перед ультиматумом.

Перед поездкой делегации в Брест Ленин в разговоре с ее председателем Л. Д. Троцким сговорился о следующем: «мы держимся до ультиматума немцев, а после ультиматума мы сдаем».

В Брест-Литовске, однако, Троцкий, вопреки условию с Лениным, не принял ультиматума немцев, а в соответствии с отстаиваемой им на заседании ЦК линией заявил 10 февраля о том, что советское правительство из войны выходит и объявляет состояние войны с Германией прекращенным, полностью демобилизует армию, но мира аннексионистского не подписывает. Расчеты Троцкого и «левых» были построены на том, что «немцы не будут наступать». На VII съезде партии Л. Троцкий так объяснял свою позицию:

«...я был одним из тех, которые думали, что германцы наступать не будут... Здесь было поставлено на карту очень много: поддержит ли нас европейский пролетариат или не поддержит. Во втором случае мы будем раздавлены» [1]).

Л. Троцкий в защиту своей позиции приводил соображения о необходимости показать всему миру, что у нас в переговорах с германцами «нет игры с заранее распределенными ролями»,— рассеять клевету буржуазии, будто бы диктатура пролетариата идет на поводу у германского империализма. Ради сомнительного психологического эффекта, из-за маловероятной надежды на то, что немцы не будут наступать, Троцкий шел на риск, связанный с возможной гибелью Республики Советов.

---

[1]) VII съезд РКП, стр. 81.

16 февраля ген. Гофман заявил о прекращении перемирия, начиная с 18 февраля, и возобновлении войны. Немцы даже не соблюли условия о предупреждении противника о наступлении за 7 дней вперед. 18 февраля немцами был занят Двинск, 20—22 февраля Полоцк, Орша, Вольмар, Венден. Целью нового похода была объявлена борьба против революции, уничтожение большевизма.

Делая подобные заявления, немецкие империалисты надеялись добиться соглашения с Антантой против большевиков. Угроза существованию Советов была самая непосредственная. Республика была на краю гибели, а между тем под влиянием Л. Троцкого и «левых» политика колебаний еще продолжалась. «Левые» и Троцкий выявили в решительный для судьбы революции момент отсутствие четкой политической линии в своей позиции, что грозило полной дезорганизацией масс в сложной обстановке брестского периода.

Чрезвычайно характерное голосование произошло 17 февраля вечером, когда еще не было вполне ясно, будут ли немцы наступать. 17 февраля резко был поставлен вопрос о революционной войне: «левые» отказались от участия в голосовании при подобной постановке вопроса, однако отказ на деле объяснялся не резкостью постановки вопроса, а просто пассованием «левых», в теории стоявших за революционную войну, перед «упрямыми фактами» действительности. Что дело было так, об этом свидетельствует дальнейшее голосование «левых» на том же заседании. По вопросу: «если после наступления мы не предлагаем мира, объявляем ли мы состояние войны возобновленным», «левые» воздержались, находясь в плену троцкистской позиции. Точно так же «левые» воздержались по вопросу о том, следует ли заключить мир, если немецкое наступление будет фактом, а революционного подъема в центральных державах не будет. Таким образом сторонники революционного действия во что бы то ни стало на практике обнаружили полную пассивность, подтверждая ленинскую характеристику «левых» как героев фразы и фанфаронов, а не политиков-большевиков, людей дела.

На заседании 18 февраля Ленин со всей резкостью подчеркивал гибельность продолжения троцкистской тактики: «ни мира, ни войны».

«Тактика неопределенная теперь неуместна, — говорил Ленин,— надо действовать. Если немцы ведут войну в связи с французами, то мы ведем революционную войну. Надо народу это ясно показать... тянуть — это затемнять сознание масс» [1]).

Политика Л. Д. Троцкого, как это правильно отмечает М. Н. Покровский, была целиком основана на своего рода психологизме, типичном для мелкобуржуазного революционизма.

Об этом ярко свидетельствовали и выступления Троцкого в ЦК.

«Тов. Троцкий (против посылки телеграммы с предложением мира) доказывает, что сейчас масса начинает только переваривать то, что происходит, подписание мира теперь же внесет только сумбур в наши ряды то же самое в отношении немцев, которые полагают, что мы только дожидаемся ультиматума, возможно, что они рассчитывают на психологический эффект (!!). Необходимо подождать, какой эффект... это все произведет на немецкий народ. В Германии

[1]) Протоколы ЦК РСДРП, заседание 18 февраля (вечером).

прекращение войны было встречено с радостью, не исключена возможность, что германское наступление вызовет серьезный взрыв в Германии эффекта и тогда еще можно предложить мир, если его не последует» [1]).

В изображении Троцкого наступление было чуть ли не положительным фактором. На первом заседании 18 февраля левые и троцкисты, по предложению Ленина решить вопрос о посылке или непосылке телеграммы с предложением мира, высказываются против посылки телеграммы, не решаясь в то же время стать на позицию объявления революционной войны. Предложение о возобновлении мирных переговоров было отклонено 7 против 6 голосов.

Вечером 18 февраля, когда стало известно о взятии немцами Двинска, снова состоялось заседание ЦК, на котором Ленин указывал на губительность неопределенной политики «ни войны, ни мира», банкротство которой жизнь очень быстро вскрывала. «ЦК голосовал против революционной войны, а мы не имеем ни войны, ни мира и втягиваемся в революционную войну», говорил Ленин. Немедленную революционную войну Ленин считал возможной только в том случае, «если бы немцы сказали, что требуют свержения большевистской власти», или если бы налицо было соглашение немецкого и англо-французского империализмов против советской власти.

Левые в своих выступлениях возлагали надежды на то, что крестьянин, которого наступающие немецкие войска начнут грабить, восстанет против немецкого империализма. Тов. Бухарин говорил на заседании: «Все социальные возможности у нас еще теперь не исчерпаны, мы можем и мужиков натравить на немцев». Эту мысль левые развивали и позже, на VII съезде партии. По существу говоря, левые ориентировались на мелкого собственника, а не на деревенскую бедноту, ради основных интересов которой важнее всего было сохранение власти Советов как единственной гарантии сохранения и развития в дальнейшем классовых революционных завоеваний. Тов. Сокольников, в своей речи на 7 съезде, приводил примеры, когда на фронте крестьяне, озверев, лезут с оружием на немцев, потому что немцы отбирают у них коров, лошадей, сапоги и пр. Точку зрения сторонников партизанской войны он правильно квалифицировал, как точку зрения крестьян, которые борются за свою собственность, и эти именно предпосылки лежат в основе теории революционной войны [2]).

Однако события развивались с такой быстротой, что вечером того же дня это решение пересматривалось снова. Если на первом заседании сообщалось о том, что 17 февраля над Двинском реяли немецкие аэропланы, то вечером шла речь о взятии Двинска и наступлении немцев на Украину.

На этом заседании 7 голосами против 5 при 1 воздержавшемся решено было обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира. На следующий день Совнарком обратился с соответствующим предложением к немецкому правительству. Однако немцы спешили выполнить с излишком свою программу захватов и продолжали наступление. В связи с этим на заседании Центрального Комитета 22 февраля обсуждалось предложение французской военной миссии о содействии нам в войне

[1]) Протоколы ЦК РСДРП (б), заседание 18 февраля (вечером).

[2]) Протоколы 7-го съезда, стр. 75.

с немцами. Ленин в письменном заявлении (ввиду отсутствия на заседании ЦК) подал свой голос «за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»[1]). Ленин считал возможным использовать существующие противоречия между двумя лагерями империалистов в интересах диктатуры пролетариата. Троцкий также стоял за принятие антантовской под-

ЗАСЕДАНИЕ ЦК РСДРП (б) 23 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА

держки, но при этом исходил из неправильной позиции, заключавшейся в противопоставлении советского государства пролетарской партии. Возражая Бухарину, доказывавшему недопустимость пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма, Троцкий говорил: «г о с у д а р с т в о

[1]) В связи с тяжелым продовольственным положением нам делались предложения о снабжении картофелем.

принуждено делать то, чего не сделала бы партия». Антиленинская сущность такого противопоставления совершенно ясна. Таким образом даже тогда, когда Троцкий на практике сходился по отдельным вопросам с Лениным, он исходил не из ленинских взглядов. Заседание 22 февраля, когда левые по принципиальным соображениям голосовали против предложения французской миссии, показало еще раз, что левые со своими разговорами о сопротивлении немцам являются лишь героями фразы.

23 февраля Ленин на заседании ЦК с необычайной резкостью поставил вопрос о заключении мира, грозя уходом из ЦК и из правительства, в случае непринятия условий мира, значительно ухудшившихся в результате политики революционной фразы.

«Ленин считает, что политика революционной фразы окончена: если эта политика будет теперь продолжаться, то выходит и из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия» [1]).

Всей силой своего авторитета Ленину удалось добиться необходимого решения. Предложение о согласии на немецкие условия было принято 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся (Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе).

От имени ряда членов ЦК и виднейших работников партии — тт. Бухарина, Ломова, Бубнова, В. Яковлевой, Пятакова и В. Смирнова — т. Урицкий огласил заявление об уходе их с партийных и советских постов.

На заседании 24 февраля снова было подано заявление от группы «левых» об уходе из Совнаркома. Однако в последний момент «левые», грозившие уходом с постов, заявили, что откладывают выполнение своего решения.

Форсированное наступление немцев вызвало довольно быстрое отрезвление в рядах партии и в тех слоях рабочих масс, которые еще не успели полностью отделаться от «левых» «революционно-наступленческих» настроений. Первоначально рабочий класс ответил на наступление взрывом негодования. Призыв Совета обороны к подготовке защиты страны встретил повсеместную политическую поддержку передовых рабочих масс. Повсюду возникали штабы, занимавшиеся формированием партизанских отрядов.

Однако при нежелании солдат-крестьян воевать и пассивности многих рабочих нельзя было, опираясь только на энтузиазм немногочисленных наиболее передовых, готовых жертвовать собой революционных рабочих, дать сколько-нибудь серьезный отпор немецкому наступлению. В подавляющем большинстве Советы и заводские собрания выносили резолюции об организации обороны. Когда стали известны новые, еще более насильнические, чем прежде, условия мира, которые навязывали нам немцы, многие Советы и исполкомы выносили резолюции, отвергавшие условия мира. Так, например, 28 (15) февраля в экстренном заседании Московского Совета Р. и С. Д. была принята резолюция, считающая германские условия мира абсолютно неприемлемыми. Заседание постановило: «продолжать мобилизацию революционных сил и подготовку социалистической армии для защиты завоеваний революции» [2]).

---

[1]) Протокол ЦК от 23 февраля.

[2]) «Социал-Демократ» № 36, I/III (16/II) 1918 г.

Wir Wilhelm,

von Gottes Gnaden

Deutscher Kaiser, König von Preußen

usw.

Urkunden und bekennen hiermit:

Uns vorgelegt und von Uns geprüft und in allen Stücken Unseren Absichten gemäß befunden worden ist, so erklären Wir, daß Wir den vorstehenden deutsch-russischen Zusatzvertrag genehmigen und ratifizieren, auch versprechen, ihn erfüllen und ausführen zu lassen.

Zu Urkund dessen haben Wir die gegenwärtige Ratifikationsurkunde vollzogen und mit Unserem Insiegel versehen lassen.

Gegeben Großes Hauptquartier, den 26. März 1918.

Ratifikationsurkunde

des deutsch-russischen Zusatzvertrages zu dem Friedensvertrage zwischen Deutschland, Österreich-Ungarn, Bulgarien und der Türkei einerseits und Rußland andererseits.

Против заключения мира и принятия немецких условий высказались Советы и исполкомы в Петербурге, Москве, Кронштадте, Нарве, Архангельске, Вятке, Ярославле, Воронеже, Пензе, Костроме, Иваново-Вознесенске, Шуе, Твери, Брянске, Калуге, Курске, Тамбове, Саратове, Самаре, Уфе, значительная часть Советов и исполкомов на Урале и т. д. Выносились даже отдельные резолюции, осуждавшие Совет Народных Комиссаров за принятие условий мира. Однако, как подчеркивал Ленин, все эти декларации не отражали действительного положения дел.

«С одним авангардом победить нельзя, — писал впоследствии Ленин. — Бросить один голько авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо по крайней мере благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс [1])».

3 марта советская делегация во главе с Г. Я. Сокольниковым подписала «похабный» мир, отказываясь от детального ознакомления с грабительскими условиями мира, которые делегация принимала, только подчиняясь насилию.

«Совершенно явно и бесспорно было, что ничего существенного добиться нельзя, что торжествующие победители, может быть, даже захотят уступить в каком-нибудь пустяке, чтобы скрасить неприкрытое безобразие империалистического насилия. Но это последнее было отнюдь не в наших интересах, в наших интересах была революционная ясность» [2]).

Решение о мире ЦК и Совнаркома, как это скоро стало выясняться, находило определенную поддержку в массах, между тем как «левые», все более и более теряя почву в массах, усиливали атаки против Центрального Комитета партии. В «Социал-Демократе» (№ 34 от 27 (14) февраля), в статье «Где выход», говорилось о том, что если не будет пересмотрен вопрос о мире, то необходимо будет добиваться создания нового руководящего органа партии. Однако «левые», терявшие политическое влияние в массах, скоро потеряли и свои организационные позиции в партии.

Перемене настроений в рабочей массе способствовало не только осознание угрозы, которую представлял собой форсированный марш немцев в глубь страны, но и желание поскорее прекратить дезорганизацию и политику раскола, к которым вела тактика «левых».

В начале марта, накануне VII съезда партии, состоялась общегородская конференция партии в Москве. Эта конференция показала, как велико расхождение между «левыми» и партийной массой, отражавшей подлинные настроения рабочего класса. Резолюция московской конференции одобряла подписание мира 3 марта советской делегацией, считая, что советская власть обязана воспользоваться передышкой, которую принесло заключение мира. «Московская общегородская конференция, — гласила резолюция, — выражает свое доверие ЦК партии, поручает своим делегатам на предстоящем партийном съезде отстаивать единство партии во что бы то ни стало и резко осу-

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 179, «Детская болезнь левизны в коммунизме».
[2]) Г. Сокольников, Брестский мир, Гиз, 1928, г., стр. 31.

ждает единичные попытки к расколу, имевшие место последнее время». Общегородская партийная конференция в Петрограде в резолюции, принятой 7(20) марта, еще резче осуждала политику «левых» и редакции «Коммуниста». «Конференция требут от сторонников «Коммуниста» прекращения обособленного организационного существования».

Нужно заметить, что этому решению петроградской конференции предшествовали решения районов, требовавших разрыва с политикой «левых». Общее собрание членов Выборгского района, например, потребовало, «чтобы все делегаты на партийном съезде голосовали за одобрение политики большинства ЦК и ни в коем случае не допускали раскола партии». Они требовали, чтобы «Коммунист» перестал считаться органом ЦК или прекратил существование.

в) ВНУТРИПАРТИЙНЫЙ КРИЗИС И ОТКРЫТИЕ VII СЪЕЗДА ПАРТИИ.

Основные вопросы VII съезда.

Экстренный съезд партии собрался в сложнейшей политической и внутрипартийной обстановке. Заключение тяжелейшего мира в Бресте дало уже возможность использовать несколько дней передышки. VII съезду предстояло решить, какой тактики в вопросе о мире держаться дальше. (См. табл. № 15). VII съезд собирался в таких условиях, когда, разумеется, не могло быть речи о широком представительстве организаций, развертывании большой повестки дня и слишком продолжительных прений, ибо «умиротворенный» враг попрежнему стоял у ворот, и важнее всего было решить основной вопрос существования Республики Советов. Этот съезд «левые» и до и после его окончания пытались изобразить как съезд недостаточно авторитетный, всячески умалить его значение, обесценить те решения, которые на нем были вынесены. Это объяснялось тем, что на съезде была довольно сильная оппозиция и решение о мире было принято 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся.

Е. А. Преображенский очень скоро после окончания VII съезда писал о нем в «Коммунисте» — органе Московского Областного Бюро:

«Я думаю, что даже те товарищи, которые остались чрезвычайно довольны результатами VII съезда партии в вопросе о ратификации мирного договора, вряд ли считают этот съезд особенно авторитетным как по количеству представленных на нем членов, так и по числу съехавшихся делегатов. Чрезвычайный съезд, собравшийся на основе совершенно непредвиденной уставом нормы представительства, при наличии трех с половиною десятков депутатов, не смог даже обсудить проекта новой программы, кроме того, после съезда в ходе событий были выдвинуты также вопросы тактики, для решения которых ЦК партии не может быть признан полномочным органом» [1]).

Однако ни во время самого съезда, ни после его окончания «оппозиции» не удалось его дезавуировать. Несмотря на немногочисленность представителей, съезд выразил подлинные настроения миллионов. Вот почему кампания «левых» за созыв нового съезда после окончания VII съезда потерпела полную неудачу.

---

[1]) «Коммунист» МОБ РКП(б) № 4, стр. 13, Е. А. Преображенский, «Съезд необходим».

На VII съезде партии присутствовало свыше 40 делегатов с решающими голосами, 8 с совещательными, представлявшие 135 тысяч членов партии. К моменту съезда, по расчетам т. Свердлова, насчитывалось до 300 тысяч членов партии, но не все организации были представлены. Так, например, на съезде не было ни одного делегата с решающим голосом от украинских организаций, не считая Донбасса, представленного 3 делегатами. Норма представительства на съезд была: от 3 до 5 тысяч — один делегат, свыше того — один делегат от каждых 5 тысяч.

На съезде насчитывалось около половины бывших делегатов VI съезда. Члены партии, вступившие после Октября, как разъяснила на съезде секретарь ЦК т. Стасова, «считаются не вполне равноправными членами организации, так что опасаться за перегружение съезда вновь испеченными с.-д. не приходится. В выборах на съезде могли принять участие только те товарищи, которые состояли в партии более 3 месяцев.

Наибольшие опасения о том, чтобы съезд не был затоплен «октябрьскими» большевиками, высказал т. Ленин, считая, что нужно максимально обеспечить выдержанную линию [1]).

Вот почему совершенно необоснованными являлись утверждения вроде тех, которые делались Радеком и Бухариным, что партия потеряла свою пролетарскую физиономию, стала «общенародной», «солдатской», «крестьянской», «мешечнической». На съезде были представлены в преобладающем числе пролетарские организации, к тому же, как докладывал т. Свердлов в организационном отчете ЦК, с октября по 25 декабря, сверх 205 организаций, насчитывавшихся к VI съезду, создалось новых 180 организаций, из них 100 рабочих, остальные солдатские. С января до съезда, разумеется, солдатские организации не могли очень быстро расти, ибо армия таяла, а к моменту съезда была демобилизована. На заседании ЦК 6 февраля (24 января), где обсуждался вопрос о съезде, т. Ленин предложил такую повестку дня: партийная программа, вопрос о мире, тактические вопросы. Повестка дня была, однако, утверждена в следующем виде:

1) Пересмотр программы, 2) текущий момент (положение внутреннее, внешнее, положение экономическое), 3) профессиональные союзы, фабзавкомы, 4) организационный вопрос. Однако, когда собрался съезд, то принята была повестка дня, близкая к той, которая была предложена Лениным. Вопрос о мире и войне был выделен особо, как предлагал Ленин, и, действительно, он занял на съезде главное место. Вопрос о программе не был решен на съезде, ибо он нуждался еще в специальной разработке, и с момента Октябрьских дней до съезда партия не могла уделить этому достаточного внимания, несмотря на неотложность и чрезвычайную важность вопроса. Организационный вопрос был снят с обсуждения, так как времени для его обсуждения не осталось.

Расхождения по вопросу о Брестском мире были связаны с более глубокими принципиальными разногласиями в партии. Они упирались в основной вопрос о характере нашей революции, и в этом отношении споры на VII съезде

---

[1]) Протоколы ЦК 6 февраля (24 января) 1918 г.

VII С'ЕЗД РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

6-8 МАРТА 1918 Г.

Порядок дня.

1. Отчет ЦК.
2. Вопрос о войне и мире.
3. Пересмотр программы с наименования партии.
4. Организационные вопросы
5. Выборы ЦК.

„С'ЕЗД ПОСТАНОВЛЯЕТ ИМЕНОВАТЬ ВПРЕДЬ НАШУ ПАРТИЮ „Р.С.Д.Р.П. БОЛЬШЕВИКОВ" РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ С ДОБАВЛЕНИЕМ В СКОБКАХ (БОЛЬШЕВИКОВ)."

РЕЗОЛЮЦИЯ

30 ЗА **4** ВОЗДЕРЖАЛОСЬ **12** ПРОТИВ

ЗА МИР

В. И. Ленин
член Ц.К.

Л. Д. Троцкий
член Ц.К.

Н. И. Бухарин
член Ц.К.

Г. Е. Зиновьев
Петроград

„С'ЕЗД ПРИЗНАЕТ НЕОБХОДИМЫМ УТВЕРДИТЬ ПОДПИСАННЫЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ ТЯГЧАЙШИЙ, УНИЗИТЕЛЬНЕЙШИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР С ГЕРМАНИЕЙ, ВВИДУ НЕИМЕНИЯ НАМИ АРМИИ, ВВИДУ КРАЙНЕ БОЛЕЗНЕННОГО СОСТОЯНИЯ ДЕМОРАЛИЗОВАННЫХ ФРОНТОВЫХ ЧАСТЕЙ, ВВИДУ НЕОБХОДИМОСТИ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВСЯКОЙ, ХОТЯ-БЫ ДАЖЕ МАЛЕЙШЕЙ, ВОЗМОЖНОСТЬЮ ПЕРЕДЫШКИ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ ИМПЕРИАЛИЗМА НА СОВЕТСКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ."

М. С. Урицкий
член Ц.К.

Ф. С. Сергеев Артем
Донбасс.

К. Радек
Петроград.

Я. М. Свердлов
Урал.

А. С. Бубнов
член Ц.К.

М. В. Владимирский
Москва.

В. Володарский
Петроград.

Г. Я. Сокольников
член Ц.К.

Т. В. Сапронов
Москва.

А. М. Коллонтай
член Ц.К.

до известной степени предвосхитили будущие разногласия, вокруг которых в партии неоднократно происходила борьба в последующие годы.

В своих построениях Троцкий и «левые» исходили из факта отсталости России, из того, по существу, что пролетарская революция в России пришла слишком рано, является историческим выкидышем.

« ...Обнаружилось известное несоответствие, корень которого лежит очень глубоко: в отсталости нашей страны... Она (наша революция. Ред.) не нашла на первой же стадии своего развития необходимой поддержки. Отсюда все те глубочайшие тактические затруднения, перед которыми мы стоим... Спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция» [1]).

В соответствии с теорией перманентной революции и «левые» считали, что если даже диктатура пролетариата сумеет удержаться, то все равно она без международной революции обречена на упадок и вырождение, потому что в технически и экономически отсталой России без помощи западноевропейского пролетариата не может начаться подлинный подъем хозяйства. Отсюда выход — тактика революционного авантюризма, перенесение революции на Запад методами вооруженной борьбы, «полевой революции».

Так, например, тов. Осинский в статье «Гражданская война и коммунизм» в петроградском «Коммунисте» № 4 от 8 марта писал:

«...Только вмешательство международного социализма, только помощь рабочих, стоящих на более высокой ступени развития, может создать абсолютный подъем русского хозяйства. (Дословное повторение идей Троцкого. Ред.) Иного выхода нет вообще, и только превращением такой гражданской войны в мировую можем мы добиться необходимой для нас «передышки».

Остроумный «левый» товарищ, заметим кстати, предлагал добиться «передышки» путем... отказа от «передышки».

Строительство социализма в России «левые» считали почти бесплодным занятием, прозябанием советской власти до той поры, пока не наступит революция на Западе.

«Заранее обреченные на неудачу попытки устроить «социализм в сторонке» от большой дороги европейской революции — только на это сможет он (русский пролетариат. Ред.) направить свою революционную энергию», писал В. Смирнов в статье «Мир и война» в № 1 «Коммуниста».

«Левые» и Троцкий, сходясь на том, что интересы грядущей мировой революции превыше интересов сохранения нашей Республики Советов, приходили к совершенно диким выводам о том, что наша гибель может ускорить революцию на Западе.

« ...Именно гражданская война с германским империализмом, и м е н н о з а д у ш е н и е м о ж е т п о д н я т ь р е в о л ю ц и ю н а З а п а д е», говорил т. Ломов-Оппоков на заседании ЦК.

Ту же самую мысль Л. Троцкий выражал более замысловато и менее вульгарно на VII съезде партии, когда говорил:

«Для развития революционного движения в Европе победа буржуазии над нами будет ударом, но нельзя его отождествлять с тем, что было после Парижской Коммуны. Тогда французский пролетариат был авангардом революции, остальная же Европа не имела никаких

[1]) VII съезд, стр. 78.

революционных традиций, погрязла в политическом отношении в полуфеодальном варварстве, теперь — совершенно другое. Европейский пролетариат более, чем мы, созрел для социализма. Если бы даже нас раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской Коммуны» [1]). —

«утешал» съезд Л. Троцкий. Исходя из абстрактной, нежизненной, недиалектической постановки вопроса о международной революции, Троцкий готов был примириться с гибелью советской власти в России.

Эта позиция целиком выдавала чисто меньшевистскую, каутскианскую сущность взглядов Троцкого, несмотря на их левое облачение. Не понимая сущности ленинского закона о неравномерности развития капитализма, Троцкий формально-логически, доктринерски ставил вопрос о «зрелости» России для социалистической революции и для социализма. На чем было основано это великолепное презрение по отношению к русской революции? Только на том, что Россия является отсталой страной в смысле уровня развития производительных сил, и потому гибель русской революции не будет иметь серьезного значения для судьбы революции на Западе. Запад для социалистической революции вполне созрел, и потому победа революции на Западе вполне обеспечена, хотя бы русская революция погибла. Как и в формуле «ни мира, ни войны», которая не давала никакого решения вопроса, так и во взглядах, развиваемых Троцким на съезде, проглядывал меньшевистский в основе своей фатализм, преклонение перед «стихийностью», перед «объективным» ходом исторических событий.

Упреки, обращенные к Ленину, в том, что он, защищая русскую революцию, впадает в «национальную ограниченность», интересы русской революции ставит выше дела международной революции, били мимо цели, ибо Ленин готов был ради подлинных, а не воображаемых, интересов международной революции рисковать советской властью и революцией в России, но отличие его постановки вопроса от троцкистской заключалось в том, что он исходил не из отвлеченного соображения о «зрелости» европейского пролетариата для социализма вообще, а из анализа конкретного хода революции на Западе.

Ленин решительно отмежевывался от тех товарищей, которые подобно Г Зиновьеву, признавая необходимость заключения мира, в то же время утверждали, что «миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на Западе. А дальше виднеется другая перспектива — это гибель социалистической республики». Такая постановка являлась продолжением зиновьевско-каменевской линии в Октябре. Ленин ставил вопрос о международной революции не абстрактно, оторванно от вопроса Республики Советов, как первостепенного фактора развития революции. Ленин решительно подчеркивал, что если бы налицо в Германии уже было начало революции, тогда стоило бы даже рисковать нашей революцией, ибо, — как говорил Ленин на заседании ЦК 24 (11) января, — «германская революция по силе будет гораздо выше нашей, но суть в том, что там движение (речь шла о революции. Ред.) еще не началось» [2]).

---

[1]) VII съезд, стр. 85.

[2]) Протоколы ЦК 24(11) января.

Заключить мир, в первую голову необходимый в интересах беднейшего крестьянства, которое должно было на деле убедиться, что оно может получить нечто от революции, от власти Советов, и только после того дало бы живую силу для организации социалистической Красной армии, значило, по мнению «оппозиции», итти на поводу у крестьянства. Попытаться откупиться, пусть дорогой ценой, от войны с могущественным империализмом, что является единственно правильной тактикой более слабого Советского государства, — значило, по мнению героев фразы, итти по пути утраты пролетарской диктатуры, омужичивания Советского государства.

«Подписывая этот договор, мы можем пятиться назад, отказываться от одного завоевания за другим, оставаясь на словах пролетарско-крестьянским правительством, превратиться в правительство чисто крестьянское, правительство мелкобуржуазное» (Урицкий) [1]).

Этот псевдо-революционный аргумент был главным коньком всех противников Брестского мира. В основе здесь лежало неверие в то, что, опираясь на внутренние силы революции, диктатура пролетариата сумеет повести через все трудности, извилины и волчьи ямы пока еще одинокую страну пролетарской революции по пути к социализму.

Взгляды «левых» на характер революции в России обусловили их выступление против идеи «передышки», очень обстоятельно развитой Лениным на VII съезде партии.

Октябрьская революция могла победить так легко и быстро благодаря тому, «что наша революция, — говорил Ленин на съезде, — попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас»... [2]).

Несмотря на то, что в системе международных отношений, в лагере империализма имелся ряд моментов, главным образом интересы борьбы против большевизма и международной революции, которые создавали возможность объединенных выступлений воюющих держав, однако противоречия в лагере империализма были гораздо сильнее этих тенденций. «Левые» в лице т. Бухарина на съезде переоценивали тенденции враждующих империалистских держав к совместному выступлению против советской власти и возможность заключения мира между воюющими сторонами за счет революционной России путем ее раздела.

Глубочайшая диалектичность ленинской теории «передышки» заключалась в том, что расчет строился на возможности использования даже самой кратковременной передышки, над чем особенно «издевались» и «ехидничали» «горе-левые». Нужно пользоваться несколькими днями передышки для того, чтобы на случай возобновления войны с Германией хоть как-нибудь привести в порядок панически бегущую армию. Если же передышка окажется более длительной, то ее необходимо использовать для того, чтобы привести в порядок железные дороги, научить рабочих сражаться, наладить самодисциплину и порядок и заложить основы социалистической Красной армии, к фор-

[1]) VII съезд, стр. 53.
[2]) VII съезд, стр. 18.

мированию которой призывало воззвание главковерха Крыленко, изданное 23 февраля.

Со дня подписания мира к моменту съезда передышка дала уже себя чувствовать в том отношении, что можно было внести известное подобие порядка в почти стихийную демобилизацию армии. Укрепление диктатуры пролетариата, благодаря «передышке», и полная политическая победа над буржуазией внутри страны давали возможность подготовиться к революционной обороне и войне, в случае нападений международного империализма на Советскую республику, «исторически неизбежных в настоящий период начавшейся эры социалистической революции», как гласила резолюция, принятая VII съездом.

«Передышка» создает внешнеполитические предпосылки для победоносного строительства социализма. «Левые» и Троцкий указывали, что «передышка», если она даже будет, в чем они сомневались, ничего не даст, ибо за одной уступкой пролетариата международному империализму последуют другие, которые сведут советскую власть к пустой формальности.

«Тогда скажите, — говорил Троцкий на съезде, — что для революционного пролетариата советская власть является слишком тяжелой ношей, вот что это значит... Неужели мы, оставаясь властью, все же будем, считаясь с неопределенной длительностью передышки, все более отступать и будем итти на уступки за уступками, не ставя решительно никаких пределов, не давая никакой гарантии» [1]).

Троцкий не понимал, что предел уступкам определяется высшими интересами безоговорочного сохранения основных принципов диктатуры пролетариата. Сохранение диктатуры пролетариата исключает бесконечные уступки, однако использование «передышки» нисколько не противоречило этим принципам, способствуя укреплению классовой диктатуры пролетариата. Ленин резко возражал против того, чтобы связывать себе руки таким, например, решением, что мы не подпишем договора с Украинской Радой, как этого требовал Троцкий.

«Во всяком случае нельзя связывать себя тем, что мы никакого мирного договора не подпишем. В эпоху растущих войн, сменяющих одна другую, растут новые комбинации. Мирный договор есть одно живое маневрирование, — либо мы на этом условии лавирования стоим, либо заранее формально связываем себе руки так, что нельзя будет двинуться: нельзя ни мириться, ни воевать» [2]).

В основе непонимания идеи «передышки» у «левых» лежало то, что они революционную Россию приравнивали к колонии, не веря в силы пролетариата. Для них, как и для Троцкого, запоздание международной революции приведет к гибели, если не от крестьянства, то в результате перерождения диктатуры пролетариата и поглощению ее международным империализмом.

«Отлично всем известно, — говорил Осинский на съезде партии, — что при столкновении двух таких враждебных сил, как, например, старая и слабая Персия или Китай с экономически сильным организмом — происходит подчинение первой второму. Наше хозяйственное положение в значительной степени спустилось до этого уровня. При таком столкновении с мощным капитализмом европейской державы в мирное время очень быстро, по непреложным экономическим законам, происходит то, что начинается втягивание более слабой страны в орбиту

[1]) VII съезд, стр. 84.

[2]) VII съезд, стр. 141—142.

крупной, и она, волей-неволей, политически и экономически подчиняется последней. Власть более слабой страны рушится и заменяется властью страны более сильной» [1]).

Корни брестской тактики «левые» находили в том, что партия «обюрократилась», превратилась в рабочую бюрократию (Р а д е к)...

«Я слышал другие объяснения от т. Радека,—говорил т. Зиновьев на VII съезде партии.— Он говорил, что дело объясняется засилием чиновничества, расплодившегося вокруг нашего правительства. Он указывал, что как в Германии существует особый слой рабочей бюрократии, которая давит на официальных вождей, точно так же и у нас вокруг министерств расплодилась определенная каста чиновников, которые обычно делают политику. Мне кажется, что и то и другое утверждения слишком легкомысленны. Оба оперируют с недостаточными данными. Состав нашей партии ни на капельку не изменился» [2]).

Вполне понятно, что люди, разделявшие подобную точку зрения, шли по пути организационного обособления от партии. «Левые» коммунисты вели к созданию особой фракции с особой внутренней дисциплиной, с своим органом печати, докатываясь чуть ли не до конспирации с левыми эсерами, как рассказывал об этом впоследствии т. Бухарин.

Интересна попытка Л. Троцкого объявить виновником раскола в партии Ленина. В протоколах заседания ЦК от 24 февраля 1918 г. находим следующую запись. «Тов. Троцкий ссылается на статьи Ленина, которые первые внесли раскол (!!). Он указывает, что в партии сейчас два очень резко отмежеванных друг от друга крыла... Те разногласия, которые есть в партии, являются в мировом масштабе, и группы, поставившие их, несут за них ответственность...» [3]).

VII съезд партии показал, кто играет в раскол. На съезде партии тт. Крестинский и Иоффе внесли на съезд резолюцию, в которой предлагали одобрить действия делегации после предъявленного немцами ультиматума, в связи с тем, что «в речах Ленина сквозило резкое осуждение тактики» неподписания мира в Бресте 10 февраля. Съезд резолюцию отклонил. В связи с этим Л. Троцкий заявил о своем уходе со всех ответственных постов, которые возлагала на него партия. Затем Л. Д. Троцкий вносит при поддержке ряда «левых» на голосование резолюцию, в которой предлагал съезду прямо ответить, считает ли он заявление нашей делегации о неподписании мира ошибочным. Эта резолюция, разумеется, преследовала цель заставить съезд под угрозой раскола признать акт 10 февраля правильным. Тов. Зиновьев в своем выступлении правильно указал, что постановка вопроса Л. Д. Троцким не вызвана ничем, кроме потребностей раскола.

«Никакой другой прямой потребности нет. Нельзя насиловать съезд в таком вопросе. Мне, кажется, совершенно ясно, что в вопросе о том, были ли правильны действия Троцкого, как раз в этом вопросе у нас полное единодушие, что не надо было так действовать» [4]).

Резолюция о войне и мире, принятая VII съездом, гласила о необходимости использования передышки перед грядущим неизбежным наступлением

---

[1]) VII съезд, стр. 98—99.
[2]) VII съезд, стр. 58.
[3]) Протоколы ЦК от 24 февраля 1918 г.
[4]) VII съезд, стр. 154.

империализма на Советскую республику. Учитывая неизбежность военных наступлений империализма на Советскую республику, опасность которых может исчезнуть лишь после победы международной революции, съезд призывал к принятию «драконовских мер» для повышения трудовой дисциплины рабочих и крестьян, для всеобщего военного обучения трудящихся и заявлял о том, что пролетариат России «будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран».

г) СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ «ЛЕВЫХ» И ТРОЦКИСТОВ.

«Левые коммунисты» в тезисах, опубликованных в «Коммунисте» № 1 от 20 апреля 1918 г., пытались объяснить факт принятия мира большинством рабочего класса тем, что большинство это «составлялось из представителей усталой и деклассированной массы, из представителей части рабочих северной промышленной полосы России, где оторванность от нужных источников сырья, угля и хлеба, в связи с общей хозяйственной разрухой, создала голодание, усиленный распад промышленности, безработицу, перерывы в правильной производительной работе, а следовательно, и тенденцию к деклассированию пролетариата, к ослаблению его классового единства и сознательности, во всяком случае к понижению его классовой боеспособности... Рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга, юго-востока и Урала были в большинстве случаев за принятие боя, но они не дали перевеса»...

Несомненно, что известное влияние пацифистских настроений сказалось на рабочем классе в связи с тяжелым хозяйственным положением. Однако тезис о том, что готовность пойти на сепаратный мир была продуктом усталости и отчаяния, был неверен уже по одному тому, что «левые», как мы видели, сильно преувеличивали размеры распыления основной массы рабочего класса в месяцы до заключения мира. Совершенно необоснованно было также вульгарно-материалистическое противопоставление голодного севера сытому югу.

«Левые», потерпевшие поражение на VII съезде партии, пытались на Украине повести борьбу против Брестского мира, не считаясь с тем, какое это будет иметь влияние на взаимоотношения России с Германией. Однако «сытый» пролетариат Украины дорожил не менее своих северных братьев завоеваниями революции и властью Советов и иначе, чем «левые», отнесся к Брестскому миру. На II Всеукраинском Съезде Советов 18 марта была принята резолюция, одобряющая политику российского советского правительства, заключившего Брестский мир. Съезд заявил, что трудящиеся массы Украины в интересах сохранения и свободного развития завоеваний социалистической революции готовы подписать даже те тяжелые условия, которые устанавливались мирным договором Центральной Рады с Австрией и Германией [1]). На съезде Советов в Донской области, состоявшемся в начале апреля, большинство голосовало за заключение мира, несмотря на то, что здесь выступали такие лидеры левых эсеров, как Карелин и Мстиславский.

---

[1]) Е. Б о ш, Год борьбы, стр. 255; Н. И. П о п о в, Очерк истории КП (б) Украины, стр. 158.

Ленин в полемике против «левых» указывал, что на IV Всеукраинском Съезде Советов, состоявшемся тотчас же после VII съезда партии, при голосовании вопроса о мире на фракции большевиков, где присутствовали представители не только северных организаций, но и всех других районов, большинство стояло за заключение мира. На самом съезде Советов противники заключения мира не собрали и десятой доли голосов. Классовый анализ «левых» не выдерживал никакой критики.

«Если говорить о деклассированном элементе, то именно деклассированная интеллигенция была против мира. Но массы трудящихся оказались в вопросе о мире с нами» [1]).—

подчеркивал Ленин.

Позднее, в статье «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», Ленин подчеркивал, что тактика «левых» объективно служит интересам империализма. «А субъективная ваша психология есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает» [2]).

«Швыряться звонкими фразами — свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста... Наша тактика, если мы не хотим слушать крикунов: выжидать, оттягивать, избегать боя, отступать. Если мы отбросим прочь крикунов и «подтянемся», создав действительно железную, действительно пролетарскую, действительно коммунистическую дисциплину, то мы имеем серьезные шансы выиграть много месяцев» [2]).

Именно «левые» с их тактикой революционной войны, тактикой, являвшейся плодом неверия во внутренние силы революции, выражали настроения «взбесившихся мелких буржуа и деклассированных элементов рабочего класса». «Нет никакого другого выхода при теперешнем положении вещей, кроме создания из безработных кадров пролетарской Красной армии», заявлял тов. Бухарин на съезде. Об организации армии из безработных очень много говорилось на заседании военной организации при ЦК РСДРП(б) от 26 декабря 1917 г. (ст. ст.) [3]). Но такая Красная армия не могла стать орудием революционной войны против германского империализма.

Для мелкобуржуазной, немногочисленной, правда, прослойки рабочих настроения в пользу войны с немцами были своеобразным рецидивом оборончества. Для подавляющей же части противников Бреста среди рабочего класса «левизна» была лишь «детской болезнью», от которой легко было излечиться. Троцкий и его сторонники, занимавшие позицию «ни мира, ни войны», неоднократно заявляли себя условными сторонниками революционной войны. Но, если «левые» отражали прежде всего настроения собственнического крестьянства и патриотического мелкобуржуазной интеллигенции, но отчасти и бунтарские настроения деклассированных рабочих, то

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 231, «Доклад об очередных задачах советской власти». Курсив наш.

[2]) Ленин, т. XV, стр. 239, «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», стр. 239.

[3]) «Красная Летопись» № 11(25), 1928 г., стр. 129, 131.

сторонники промежуточной точки зрения Троцкого отражали по преимуществу психологию нереволюционных слоев мелкобуржуазной интеллигенции, городского мещанства. Эти промежуточные социальные группы, с одной стороны, не могли чувством пережить «унижения» России, но, преклоняясь перед могуществом германского империализма, разъедаемые интеллигентской раздвоенностью и скепсисом, неверием в силы русского рабочего класса, болтались между позицией мира и войны.

Нельзя понять причины временного преобладания в партии сначала точки зрения «левых», а затем и Троцкого, если не учесть давления деклассированных лево-эсеровских интеллигентов и шедших за левыми эсерами взбесившихся хозяйчиков на мелкобуржуазные элементы или недостаточно переварившихся молодых членов партии большевиков. Точка зрения Троцкого находила определенную поддержку у левых эсеров, для которых она служила прикрытием для их идейки об организации партизанской войны против германского милитаризма. Позиция левых эсеров как нельзя лучше подтверждала ту мысль, что промежуточная позиция служит фиговым листком для тактики партизанской войны.

Главная причина кризиса, переживаемого партией и диктатурой пролетариата, заключалась все же в том, что революция вступила в новую фазу своего развития. От красочных дней Октябрьского восстания и сравнительно легких успехов революционной войны против «гнилушек» Керенского, Корнилова, Каледина, от опьяняющей тактики наступления пришлось перейти к отступлению перед мощным германским империализмом; от пламенных разоблачительных речей и призывов ко всеобщему демократическому миру — к «капитуляции», как выражались «левые», «перед ботфортом прусского юнкера», к подписанию «похабного» «Тильзитского мира»; от деклараций о раскрепощении угнетенных народов — к «предательству» (тоже словечко «левых»!) Финляндии, Украины; от всепобеждающих ярких декретов Октября — к перспективе трудного повседневного хозяйственного строительства, к борьбе с голодом, тифом, к поднятию трудовой дисциплины рабочих, к борьбе с лодырничеством; от широкой расточительности дней переворота — к сбережению каждого гвоздя.

«Левые» переносили «октябрьско-ноябрьские представления периода триумфального шествия революции, создавшиеся в совершенно иную обстановку, на то время, когда пришлось иметь дело с могущественным германским империализмом и итти на «тягчайший и унизительнейший мир».

На съезде т. Бухарин приводил в виде доказательства своей правоты опыт восстания в Москве во время Октября, когда мы наступали, не имея организованных сил, которые организовывались в процессе войны, войны гражданской. То же самое (!!), несомненно, будет и в процессе войны с международным капиталом [1]). Между восстанием против Керенского и борьбой против международного капитала не делалось большого различия.

---

[1]) VII съезд, стр. 36. Курсив наш.

В ноябрьско-январский период революции рабочий класс, поддаваясь иллюзиям, порождаемым легкостью политических и экономических побед, когда в руки рабочего государства одно за другим переходили еще действующие предприятия, не видя еще всех трудностей борьбы против международного империализма и хозяйственного строительства, был настроен в пользу революционной войны с германским империализмом, если тот не пойдет на демократический мир. Это настроение особенно ярко проявилось с того момента, когда обнаружились первые открыто аннексионистские поползновения немцев до момента наступления. Но очень скоро, когда для рабочего класса стало ясно, что одними красногвардейскими отрядами нельзя дать отпор всесильному германскому империализму, рабочий класс осознал необходимость «передышки» в интересах создания Красной армии, серьезной подготовки революционной обороны и организации производства. С этого времени целиком обнаружилась полная беспочвенность, интеллигентское фразерство «левых» сторонников революционной войны, которое до того питалось до известной степени стихийным чувством протеста масс против насилия немцев. Блок «левых коммунистов» с левыми эсерами, которые полностью отражали настроения бунтующей против диктатуры пролетариата мещанско-кулацкой стихии, грозил полным отрывом и даже противопоставлением «левых» рабочему классу в лице его диктатуры.

Те слои партии и рабочего класса, которые на время поддались «детской болезни левизны», не будучи в состоянии освоить столь быстрый и резкий переход от периода «красногвардейской атаки на капитал» к унизительному отступлению перед германским империализмом, сравнительно быстро излечились от угара «фраз», выкриков «левых» интеллигентов. Но так как «левые» отражали настроения деклассированной интеллигенции и городского мещанства, патриотически-настроенной мелкой буржуазии и частью мелкобуржуазных элементов рабочего класса, поддававшихся влиянию империалистской буржуазии, то и после заключения мира «антибрестизм» не сложил оружия, являясь рупором буржуазного патриотизма. Мелкобуржуазные элементы рабочего класса, связанные с городской и сельской мелкой буржуазией, заметно оживились после ухода лучшей, наиболее сознательной части рабочего класса на работу советского строительства, в ряды Красной армии, а также в связи с усилившимся распылением рабочего класса в условиях растущего сокращения производства, безработицы и т. д. Эти, правда, крайне незначительные по своей численности элементы рабочего класса нередко попадались на эсеровско-меньшевистскую удочку демократии, Учредиловки, единого социалистического фронта. «Левые коммунисты» находили среди этих группочек рабочих известный отклик. Такоты были социальные корни «левых».

В своей тактике «левые» отходили от основ марксистской диалектики, которая требует точного учета классового, политического соотношения сил, понимания своеобразия переживаемого момента. Пользуясь ленинским выражением, можно было бы сказать о «левых», что они не учитывали живой жизни, точных фактов действительности, продолжая цепляться за лозунги вчерашнего дня. Они напоминали Ленину о том, что он во время империалистской войны и до октября 1917 г. неоднократно говорил о революционной войне про-

тив империализма, не понимая того, что нельзя в обстановке, когда старая армия разложилась, демобилизовалась, а революционная армия еще не создалась, требовать выполнения лозунга революционной войны. «Левые» не могли сочетать революционного наступления с тактикой отступления, неизбежной в условиях отлива революции.

«Приходится понять, — и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, — что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разбранили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить [1]).

д) ВОПРОСЫ О ПЕРЕСМОТРЕ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ И О ПРОГРАММЕ НА VII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ.

Вопрос о Брестском мире занял главное внимание съезда, поэтому изменение программы было отложено до следующего съезда, а вопрос организационный был снят с порядка дня. Нужно было готовиться к IV Съезду Советов, которому предстояло ратифицировать мирный договор. Темп политической жизни не позволял затягивать съезд, как бы ни были важны стоявшие перед ним задачи.

Вопрос о перемене названия партии не вызвал сколько-нибудь серьезных прений. Необходимость отбросить устаревшее название «социал-демократия» была ясна для всех. Этот вопрос был поднят Лениным еще во время войны и решительно поставлен в апрельских тезисах, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)» и в выступлениях Ленина на апрельской конференции. Предложение ЦК о переименовании РСДРП (большевиков) в РКП (б) прошло на съезде почти без прений.

Вопрос о программе занял гораздо большее внимание съезда. Настоятельная необходимость в скорейшей выработке и утверждении новой программы ощущалась чрезвычайно остро. Ленин подчеркивал, что лучше выработать программу, в которой будут ошибки, чем тянуть с ней. Интересы пролетарского международного движения требуют издания программы. Программа будет проведена на практике очень быстро, и тогда ее легко исправить.

Вопрос о пересмотре программы был поставлен Лениным вплотную еще в апрельских тезисах, наряду с предложением об изменении названия партии. Материалы, рассматривавшиеся в программной секции апрельской конференции, были изданы отдельной брошюрой для широкого обсуждения их в партии.

На VI съезде предполагалось поставить вопрос о программе. Программа обсуждалась в партийной прессе. Однако и на VI съезде вопрос о программе

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 121—122.

не обсуждался, ввиду недостаточной предварительной дискуссии по вопросу о пересмотре программы и неблагоприятной политической обстановки для работы VI съезда над вопросами программы. Быстро растущая и крепнущая партия пролетариата испытывала, однако, огромную необходимость в новой программе. На заседании ЦК 3 октября (20 сентября) обсуждался вопрос об экстренном съезде партии, на котором предполагалось обсудить вопросы о программе и организационном строительстве партии. Партийный съезд был назначен на 30 (17) октября, но скоро был отложен на короткое время, как решено было на заседании ЦК 5 (18) октября. На этом заседании ЦК была избрана программная комиссия [1]).

Эти факты ярко свидетельствовали о том, как велико значение теории, как велика актуальность вопроса о программе для партии пролетариата. Партия, идущая на восстание, когда классы разговаривают языком пушек, когда коренные вопросы борьбы решаются на баррикадах, не забывает о программе. Разговоры о программе в партии большевиков накануне восстания, — это не попытка отболтаться, увильнуть от вопросов борьбы и революционного действия. Вождь большевиков Ленин почти одновременно пишет брошюру «К пересмотру партийной программы», где идет теоретическая дискуссия по программным вопросам и такие огненные, звучащие, как набат, документы, как «Удержат ли большевики государственную власть», «Письмо в ПК и МК РСДРП», «Советы постороннего», документы, — призывающие к восстанию.

Экстренный съезд не удалось созвать перед Октябрем. Он состоялся после Октября, но опять-таки вопрос о программе не пришлось сделать центральным вопросом VII съезда.

Линия разногласий по вопросу о программе, выявившаяся на VII съезде партии, наметилась еще во время апрельской конференции. Во время дискуссии о программе, в связи с VI и предполагавшимся экстренным съездом, линия разногласий определилась вполне отчетливо. Группа московских товарищей в сборнике Московского Областного Бюро «Материалы по пересмотру партийной программы» и в журнале Московского Областного Бюро «Спартак» развивала ту точку зрения, что деление на программу-минимум и программу-максимум является устарелым, и что не следует в теоретической части программы давать общую характеристику капитализма, а лишь современного мирового капитализма, империализма [2]) (Н. Бухарин).

В. Смирнов в статье «О пересмотре экономической программы-минимум» указывал, что «место прежней программы-минимум должна занять программа ближайших мероприятий, осуществляемых пролетариатом в целях наиболее безболезненного перехода к социализму».

Новая программа должна отличаться двумя особенностями: 1) тем, что она будет сформулирована не как сумма требований, предъявляемых пролетариатом к буржуазии, а как программа мероприятий, которые должен осуществить сам пролетариат, идущий к власти, 2) она должна быть программой переходных мероприятий к социализму [3]).

---

[1]) Протоколы ЦК РСДРП (б) за 1917 г.

[2]) «Спартак» № 4, от 10 августа 1917 г.

[3]) «Материалы по пересмотру партийной программы», М. 1917, стр. 36.

В. Смирнов мотивировал свое предложение тем, что нужно ориентироваться не на обстановку господства буржуазии, которое приходит к концу, а на ту, которая создается с приходом к власти пролетариата.

Тов. Бухарин в своем выступлении подчеркивал, что центр тяжести при выработке общей части программы логически переносится на характеристику эпохи преобладания империализма, эпохи социальной революции. Необходимо «дать характеристику социалистического строя в его развернутом виде, дать характеристику коммунизма, а после этого у нас будет система переходных мероприятий». Ошибка «левых» заключалась в забвении того, что надстройка финансового капитала опирается на довольно значительную базу менее развитых форм капиталистических отношений. «Левые» переоценивали значение предельных тенденций капитализма, тенденций распада капиталистических отношений. Отсюда вытекал ряд неверных представлений о быстроте и характере краха мирового капитализма, непонимание того, что «мировая социалистическая революция не может так легко начаться, как началась революция в России» (Ленин), и что этим определяется своеобразие обстановки, в которой развивается социалистическая революция в России, все своеобразие переходных путей от капитализма к социализму в наших условиях.

«Левые» и в вопросе о развитии международной революции и в вопросе о переходе от капитализма к развернутому социалистическому строю перепрыгивали через ряд посредствующих этапов и звеньев.

«Левые» не понимали своеобразия русской революции и ее особенностей, характера строительства социализма в отдельной стране и механически ставили вопрос о развитии международной революции.

Ошибки «левых» в вопросе о выработке программы имели, как мы видим, тот же основной теоретический источник, как и ошибка в вопросе о Брестском мире и ошибочная позиция в тех вопросах, по которым «левые» дискуссировали с Лениным после VII съезда.

Прения о программе на VII съезде, несмотря на ряд глубочайших разногласий, все же показали, что расхождений по коренным программным вопросаму «левых» с партией все же нет. «Мне не думается, чтобы эти две точки зрения (т. е. точки зрения о построении программы, защищавшиеся Лениным и Бухариным Ред.) расходились коренным образом», говорил Ленин на съезде.

При выборах в Центральный Комитет снова создалось чрезвычайно острое положение, которое могло повести к расколу. «Левые» сначала отказались принимать участие в выборах в Центральный Комитет. И только после осуждения этого раскольнического шага съездом отказались от такой позиции, настаивая, однако, на своем отказе от участия в Центральном Комитете. Рассмотрение отказа «левых» от вхождения в ЦК было отложено до созыва послесъездовского пленума ЦК.

VII съезд, несмотря на то, что он не исчерпал всех существенных разногласий внутри партии, сыграл все же крупнейшую роль в сплочении партии на основе ленинизма. По вопросу о Брестском мире восторжествовала, несмотря на сильную оппозицию на съезде, ленинская линия, по вопросу о программе

также была принята в общем ленинская точка зрения. VII съезд показал, что сторонники революционной войны, имевшие одно время большинство в партии, оказались совершенно изолированными. Характерно, что на VII съезде, как это было отмечено на съезде, сторонники революционной войны лишь «скороговоркой», весьма неуверенно защищали свою позицию. Скоро после съезда правота Ленина в этом вопросе стала ясна целиком и полностью.

Свои атаки против ЦК «левые» перенесли в плоскость иных вопросов, но поражение «левых» на VII съезде обусловило их окончательное поражение в последующий период.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VI ГЛАВЕ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

I. Международное и внутреннее положение русской революции и предпосылки гражданской войны.

1) Роль иностранного капитала.
2) Влияние советов на западе и востоке.
3) Буржуазно-помещичий блок.
4) Роль крестьянства.
5) Роль окраин.
6) Мелкобуржуазные и национальные партии в период гражданской войны.

II. Основные фронты гражданской войны.

1) Буржуазно-помещичьи контрреволюционеры (Каледин, Колчак, Деникин, Юденич, Врангель).

2) Мелкобуржуазные (Самарская учредилка (Комуч), Зап.-Сиб. к-р, чайковцы, Кубанская рада, Махно).

3) Нац.-окраинные (Грузия, Азербайджан, петлюровцы, Закаспийский край, Дашнаки).

Заключение.

Итоги и уроки гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА.

Пионтковский — Гражд. война в России, хрест., стр. 208—209, 298—303, 195—201, 507—510; то же, стр. 183—187, 542—550, 635—636.

Вардин — Меньшевизм и большевизм, стр. 16—34, стр. 167—172, 252—255, 272—274.

ГЛАВА VI.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

I

Гражданская война в России была ответом мировой и русской буржуазии на Октябрьскую революцию. Октябрьская революция, уничтожающая и ниспровергающая власть владельцев средств и орудий производства и монопольных собственников земли, должна была не только привлечь к себе внимание всего мира, но и вызвать со стороны крупных собственников жесточайшую ненависть и вражду. На Октябрьскую революцию в России буржуазия тотчас же ответила понижением ценных бумаг. «Таймс» уже 13 ноября напечатал телеграмму, в которой сообщалось: «Тревожные сведения в России создали повышенное настроение, вызвавшее падение бумаг на бирже. Господствует всеобщее ожидание правительственных действий».

Противники Октябрьской революции составляли пестрое целое из мировой буржуазии, держащей в своих руках государственный аппарат, и собственнических группировок промышленников и землевладельцев разного ранга и вида, сброшенных в России революцией со своего пьедестала. И мировая и русская буржуазия и землевладельцы одинаково принимали участие в гражданской войне, одинаково являлись резервуаром, из которого черпался и людской состав,и материальное, и техническое обслуживание армий гражданской войны.

В России против революции выступал огромный фронт промышленной и торговой буржуазии и крупных землевладельцев, объединенный одним признаком — собственностью на средства и орудия производства. В него входили разные и в количественном и в качественном отношении слои. Выступая против Октябрьской революции единым фронтом, эти группы стремились путем уничтожения диктатуры пролетариата восстановить подорванные интересы собственников. Экономические и политические интересы всех этих групп исключали друг друга, они преследовали разные цели: феодально-землевладельческая группа ставила вопрос о политической реставрации дооктябрьских отношений. Аграрно-капиталистическая группа деревни торжество отношений собственности ни в коем случае не понимала в виде восстановления дореволюционной системы отношений в деревне. Она вступала в борьбу с советской властью во имя полной реализации завоевания буржуазно-демократической революции. Восстановление монополии на землю объединяло против себя и представителей аграрного капитализма американского типа и вообще широкие массы мелких товарных

производителей. Мелкие товарные производители были за полное уничтожение всякой рыночной монополии на землю и ставили перед собой задачу реализации полностью буржуазно-демократической революции в деревне, практически мыслимую лишь при диктатуре пролетариата. Группа промышленной буржуазии, заинтересованная в создании емкого внутреннего рынка, не стремилась к полной реставрации дореволюционной России и находилась в антагонизме с группой мелкой буржуазии города.

Единый фронт врагов диктатуры пролетариата в процессе успешного развертывания своей борьбы, а особенно в процессе реализации своих временных успехов: восстановления собственности на средства и орудия производства и монополии на землю, должен был внутри себя расколоться и развалиться. Единство существовало только в момент выступления против диктатуры пролетариата и нарушалось в тот момент, когда объединенный фронт приступал к реализации целей своей борьбы. Реставрация на практике прав промышленной и земельной собственности силами буржуазно-государственных образований превращалась в диктатуру тех групп собственников, которые больше и резче всего выражали в себе, как в классе, отношения собственности. Фронт собственников, начавшийся как единый массовый фронт против диктатуры пролетариата, превращался в диктатуру крупной буржуазии и землевладельцев, ведущих под флагом реставрации отношений собственности борьбу с диктатурой пролетариата и ведущих во имя реставрации этих же отношений борьбу с мелкобуржуазными группами деревни, поднявшими к власти крупную буржуазию. Тов. Ленин много раз отмечал эту характерную черту неминуемого краха всяких средних группировок. Летом 1919 г. на заседании ВЦИКа т. Ленин говорил:

«Всякая средняя линия приведет к господству буржуазии и монархии. Наилучшим доказательством этого служит Сибирь, где, несмотря на стремление установить царство Учредительного собрания, перешли к Колчаку и колчаковщине» [1]).

И то же повторил опять т. Ленин на Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры [2]).

«В капиталистическом обществе, когда оно развивается, держится прочно или когда оно погибает, все равно — может быть только одна из двух властей: либо власть капиталистов, либо власть пролетариата. Всякая средняя власть есть мечта».

Эволюция формы и объема осуществляемой на практике реставрации промышленной и земельной собственности на захваченных территориях определяла преемственность, определяла эволюцию форм самих государственных образований контрреволюции. Массы в начале выступления собственников идут под знаменем мелкой буржуазии, затем власть переходит к крупной промышленной и землевладельческой буржуазии и снова пытается вернуться в руки мелкой буржуазии в момент распада собственнического фронта. Так было в Архангельске, в Сибири и Поволжьи, в Закаспии, на юге — на Украине, на Дону.

Откалывавшаяся в процессе гражданской войны от единого фронта крупной буржуазии и землевладельцев масса сельской мелкой буржуазии частью прямо переходила на сторону диктатуры пролетариата, тем самым усиливая

[1]) Собр. соч.. т. XVI, стр. 266.
[2]) Собр. соч., т. XVI, стр. 297.

силы пролетариата, частью становилась только в оппозицию к диктатуре крупной буржуазии, объективно поддерживая тем самым стан контрреволюции. Через диктатуру крупной буржуазии и помещиков государственные образования контрреволюции снова возвращались к государственным образованиям мелкой буржуазии, показавшей уже в самом начале гражданской войны и подтвердившей в конце своего существования неспособность к самостоятельному государственному существованию. Мелкая буржуазия города, и особенно деревни, не способна к самостоятельному ведению организованной гражданской войны, неспособной к самостоятельному созданию устойчивых и длительных крепких мелкобуржуазных контрреволюционных государственных образований. Там, где в массах мелкой буржуазии были пролетарские элементы города, там мелкобуржуазная масса создавала, как промежуточный этап к диктатуре буржуазии и помещиков, свои собственные государственные образования. В районах же торговой буржуазии, крупного крестьянства она даже не доходила до создания устойчивых и сколько-нибудь длительных государственных образований, ограничиваясь монархически окрашенными антисоветскими, антипролетарскими более или менее длительными восстаниями и выступлениями.

Одним из главных участников гражданской войны в России являлась, таким образом, промышленная буржуазия и помещики всех рангов, приносящие с собой в эту войну не только физическую силу и материальные средства, но и дающие ей определенную форму. Другой силой, принимавшей участие в гражданской войне в России, дававшей ей материальную базу и крепкую организацию, являлась иностранная буржуазия. Она материально поставила на ноги российскую контрреволюцию, все время снабжала, поддерживала, руководила. Она посылала свои армии в Россию, вокруг которых уже вырастали армии российской контрреволюции. В момент революции капиталистический мир вел между собой жестокую борьбу. Весь мир находился в процессе империалистической войны. По отношению к диктатуре пролетариата обе боровшиеся в империалистической войне группировки, и франко-английская и германо-австрийская, занимали одинаково враждебное положение. Они одинаково боролись с диктатурой пролетариата, продолжая вести

борьбу и между собой. Интервенционные корпуса боролись за творчество той или другой политической линии, а тем самым, следовательно боролись друг с другом. Англо-французская интервенция вела борьбу не только с большевиками, но пыталась вести борьбу и с австро-германской коалицией. Австро-германская коалиция, захватив в свои руки Украину, не только пыталась уничтожить диктатуру пролетариата, но и создать себе прочную базу для продолжения борьбы с англо-французской коалицией. И даже тогда, когда волны империалистической войны уже начали затихать, борьба между двумя группами империалистов, двумя группами интервентов не прекращалась. Австро-германская и англо-французская группы одинаково посылали в армию Юденича свое вооружение, снбажение; у Юденича были части (ген. Ливена), созданные на германские средства и было английское вооружение, английские миноносцы, английские инструктора. Англо-французская коалиция мечтала о создании вокруг Советской России цепи подчиненных ей лимитрофов. К тому же самому стремилась и германо-австрийская коалиция, пославшая свой корпус в Финляндию для подавления пролетарской революции. Борьба велась здесь сразу и с диктатурой пролетариата России и пролетарским движением в своей собственной стране, борьба велась и за удержание тех позиций, которые были уже завоеваны, и за обеспечение возможности без помехи эксплоатации новых объектов, явившихся в результате войны 1914 года. Тов. Ленин в своей речи на VII Съезде Советов останавливался специально на роли и формах интервенции в гражданской войне, — различал два этапа в истории «вмешательства Антанты» первым была попытка «разделаться с Советской Россией при помощи ее собственных войск», вторым — заставить «воевать против России» лимитрофы.

Кроме общих обеим группировкам черт, интервенция, и англо-французская и германо-австрийская, имела свои специфические черты, причины и цели. В основе англо-французской интервенции лежала старая борьба между английским и русским капитализмом. За мнимое обещание передать в руки российского капитализма незавоеванный еще в 1916 г. Константинополь и проливы англичане добивались перехода в свои руки завоеванной уже Месопотамии. Это была не столько погоня за рынком, сколько погоня за нефтью. Продолжая и в процессе интервенции в России свою борьбу с русским капитализмом, англичане стремились к двойной цели. Для них был страшен большевизм, он грозил уничтожением господства Англии в Передней Азии, Персии и Индии. Война, потрясшая весь империалистический мир, расшатала господство английского капитализма в его колониях. Большевизм грозил прорваться из России в колониальные владения Англии, и уничтожив господство английского капитализма в колониях подорвать его могущество в метрополии. Стремясь избавиться от диктатуры пролетариата и большевиков, английский капитализм нисколько не был склонен к восстановлению буржуазной России в том ее виде, в каком существовала она до империалистической войны. Поддерживая русскую промышленную буржуазию и помещиков в борьбе с диктатурой пролетариата, организуя интервенцию в России, английский капитализм защищал себя и от пролетарской революции и от восстановления буржуазной России. Английский капитализм, организуя интервенцию, боролся за господство

в своих колониях, за приобретение новых колоний и рынков. Ему не столько нужно было создать государственно-буржуазное образование в России, сколько уничтожить большевиков или по крайней мере окружить свои колонии цепью непроходимых для пролетарской революции укреплений, захватить в свои руки новые районы, обеспечить себе новые возможности для развертывания капиталистических отношений. Английский посол в Париже лорд Берти в своих воспоминаниях в декабре 1918 г. записал:

«Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами» [1]).

Наедине с собой английский дипломат говорил более чем откровенно. Уничтожение буржуазной России он только приветствовал. Его цель была

уничтожить большевиков или по меньшей мере добиться санитарного кордона, своеобразной организации отделений английской охранки вокруг страны, захваченной диктатурой пролетариата. Английский капитализм больше всего боялся проникновения большевиков и диктатуры пролетариата в Среднюю Азию, Индию и Персию, это не скрывали и сами англичане. Командующий британской армией в Персии, организатор и руководитель английской интервенции — генерал Денстервилль — в своих записках, указывая на необходимость оккупации Персии и Кавказа, писал:

«Вся северная Персия превратилась бы в большевизию... остальная часть Персии соединилась бы с туркестанцами, и вся Центральная Азия и Туркестан оказались бы втянутыми в этот хаос. Этого именно добивались здесь немцы. (Под немцами английская буржуазия, так

[1]) Лорд Б е р т и, За кулисами Антанты, стр. 191.

же как и русская в эпоху 1918 года, подразумевала большевиков). И кровь стынет в жилах при мысли, как близко они были к этим гигантским успехам». [1])

Мировая революция грозила залить английские колонии и образовать сплошной революционный фронт из колониальных народов. Французское радио в январе 1920 г. подчеркивает эту причину английской интервенции:

«Если большевики прорвутся и начнут просачиваться в Персию, английское правительство боится, что его господство в Персии рухнет, так как и в Персии и на Кавказе уже и теперь созрело серьезное враждебное настроение против англичан. Если большевики просочатся сквозь Турцию, они могут оказаться серьезной угрозой для Месопотамии и могут прорезать железную дорогу Константинополь — Багдад» [2]).

Перед английским империализмом стояла задача, бросив русскую буржуазию и помещиков на борьбу с диктатурой пролетариата, самому занять такую позицию, которая давала бы возможность не только стратегически, но и технически защищать господство английского капитализма в Передней Азии и Индии. Стратегическая задача требовала не допустить просачивания большевиков в Азию, техническая же задача требовала укрепиться на подходящем рубеже. Для продления своего господства английский капитализм нуждался в этот момент в нефти, которая являлась двигательной силой английского флота. Таковы специфические черты английской интервенции. В одной из своих статей «Таймс», объясняя предпосылки и цели, которых стремились добиться англичане, участвуя в гражданской войне в России, писал:

«С того момента как мы приняли на себя ответственность за Месопотамию, безразличное отношение к средне-азиатским делам становится немыслимым, и в частности перешеек между Каспийским и Черным морями приобретает исключительное военное значение... Ленин, как передают, выразил мысль, что Баку и Мосул составляют ближайшую дорогу в Лондон. Пятьдесят лет тому назад наша индийская черепаха могла втянуть голову под свой щит. Теперь, с тех пор как мы приобрели Месопотамию, голова выставлена наружу для удара со стороны России и защитить мы можем ее только приобретением новой оборонительной заслонки в виде Закавказья» [3]).

Организуя интервенцию, посылая войска и подталкивая на войну вновь созданные мелкие государства, английская буржуазия преследовала сразу несколько целей: она отбивала удары врагов, грозящих ей полным уничтожением, стремясь уничтожить в лице Советской страны первую крепость, прорвавшую фронт империализма. Она стремилась защитить свое господство в колониях, т. е. обеспечить себе эксплоатацию Турции, Персии и Индии. Она стремилась присвоить себе новый объект эксплоатации в виде Закавказья. В Закавказьи лежали нефтяные поля, которые привлекали англичан. Судьба Кавказа для руководителей империалистических держав англо-французской группы была решена: Кавказ они не собирались выпускать из своих рук и передать в состав восстанавливаемой ими буржуазной России. Во время гражданской войны, снабжая добровольцев генерала Деникина, англичане упорно и настойчиво не пускали деникинцев на Кавказ. Они выслали всех добровольцев из Баку

[1]) Денстервиль, Поход на Персию и Кавказ, стр. 152.
[2]) Цит. по Раевскому: «Английская интервенция и муссаватское правительство», стр. 168.
[3]) Там же, 23—24.

в 24 часа. Они запретили добровольцам вход в Азербайджан. Они стремились распространить свое влияние на Грозный и Владикавказ, стремясь затруднить и туда путь добровольческой армии Деникина. Во время мирной конференции в июне 1919 г. делегаты Азербайджана обратились к президенту Соединенных штатов Вильсону по вопросу о судьбе Азербайджана. Вильсон дал классический ответ, вскрывший ясно, какие цели преследовала английская интервенция и как решила она будущую судьбу восстанавливаемой ею буржуазной России. Мирная конференция не хочет «делить мир на мелкие части», заявил Вильсон. Поэтому он предлагал бакинским делегатам образовать на Кавказе федерацию с тем, чтобы эта федерация «могла бы находиться под покровительством какой-нибудь державы по поручению Лиги Наций» [1]). Киты империалистического мира не хотели брать по мелочам и, организуя интервенцию в России, стремились, уничтожив первую страну диктатуры пролетариата, укрепить тем самым господство капитализма. Они стремились надеть ярмо английской эксплоатации на Кавказ, который был и стратегическим пунктом, и объектом эксплоатации, и основной платой за организацию гражданской войны в России английским капитализмом. Цель, приведшая Англию к интервенции в России, была таким образом сложна и многообразна.

Французская интервенция по своим причинам и целям мало отличалась от интервенции английской. Наличие империалистической войны ставило перед Францией так же, как и перед английским капитализмом, задачу раздуть империалистическую войну и удержать Россию в качестве участницы мировой войны. Эта общая задача объединила всех бывших союзников царской России и толкнула их на интервенцию. Окончание империалистической войны резче выявило другие причины и цели интервенции. Французский капитализм так же, как и капитализм английский, видел в диктатуре пролетариата непримиримого врага и, борясь за удержание своих позиций у себя дома, должен был бороться с диктатурой пролетариата. Французский

[1]) Цит. по Раевскому: «Английская интервенция и муссаватское правительство», стр. 53.

империализм так же, как и империализм английский, мало был заинтересован в восстановлении великой и неделимой России. Восстановление дореволюционной России особенно к концу гражданской войны вовсе не входило в задачи французского капитализма. В результате Версальского мира карта Европы переменилась. Исчез, спутанный по рукам и ногам Версальским договором, грозный призрак германского империализма. На востоке место буржуазной России заняла буржуазная Польша. «Великая и неделимая», как форпост французского империализма, потеряла свой смысл и значение. Но если «великая и неделимая» не являлась целью французского империализма, то французский империализм так же, как империализм английский, видел в остатках бывшей «неделимой» лакомый объект для своей эксплоатации. Уничтожение диктатуры пролетариата в России являлось мерой, не только обеспечивающей спокойствие и безопасность в своих собственных владениях, не только освобождающей от страшного призрака коммунизма, но и открывающей новое поле для эксплоатации. Естественно, что при таких условиях французский империализм не мог отказаться от интервенции в России. Он так же, как и империализм английский, искал себе здесь новых сфер приложения, новых рынков и новых колоний. Острота соперничества и столкновения в русском вопросе, бывшая между Францией и Англией до революции, в значительной степени сгладилась. И французский и английский империализмы одинаково дружно готовы были уничтожать большевиков, защищая тем самым свое собственное положение, стремиться к уничтожению диктатуры пролетариата, расчищая себе путь к новым объектам эксплоатации. Между французским и английским капитализмом был заключен договор о размежевке, договор, намечающий зоны влияния английского и французского капитализма на территории России. Английский капитализм брал себе Кавказ, Архангельск, французский капитализм стремился к украинскому черноземy и донецким угольным районам. Эта размежевка зон влияния и последующие попытки на практике провести интервенционные операции именно в этих районах с ясностью вскрывают интервенционные цели французского капитализма.

Для германо-австрийской коалиции, принимавшей участие в организации интервенции, кроме общих причин борьбы капиталистического мира с диктатурой пролетариата, были свои собственные причины. В Германии и Австрии волны революционной борьбы пролетариата поднимались вслед за русской революцией все выше и выше. В 1917 г. австрийский министр иностранных дел граф Чернин составил для австрийского императора секретный доклад, который неизвестно какими путями очутился в главной квартире англо-французских войск, о том, что Австрия воевать не может, что армия разваливается, растет недовольство, растет революционное движение среди солдат и рабочих. В Германии, где полуфеодальные группировки были далеки от мысли закончить войну, далеки от мысли о приближающейся революции, росло революционное пролетарское движение, росло революционное движение во флоте, росла разруха всей экономической жизни. Для германо-австрийской коалиции интервенция являлась возможностью пополнить свои исчезающие хозяйственные и технические ресурсы за счет России. Заключив соглашение с Украинской Радой и начав интервенцию в России, германо-австрийская коалиция предъявила к Раде требование о выдаче ей 980 тыс. тонн хлеба. По дополнительному договору с Германией контрреволюционная Украина брала на себя обязательство выдать Германии еще 1050 тыс. тонн хлеба, 11 млн. живого скота, 30 тысяч голов живых овец, 1 млн. гусей, 1 млн. прочей птицы, 65 тыс. тонн сахару, 980 тонн масла и жира, 3200 тонн ежемесячно мясных консервов, $1^1/_2$ тысячи вагонов яиц, 41 тыс. тонн сахарного песку и 20 тысяч литров спирта. Для Германии интервенция на Украину в первое время была походом за хлебом. Австро-германская интервенция на Украине дала возможность организоваться национально-буржуазной контрреволюции на Украине, но не дала немецкому империализму тех жизненных ресурсов, в погоне за которыми немцы пытались организовать интервенцию на Украину. Немцам удалось выкачать из Украины всего-навсего 9132 вагона хлеба или 30 млн. кило хлеба, т. е. почти что около 400 грамм на человека. За это немецкий империализм ввел в Украину 300-тысячную армию, которая обольшевичилась, стала организовывать Советы и вырвалась из рук командного состава. Австро-германская интервенция пригрела на своей груди национально-буржуазную контрреволюцию Украины и с чрезвычайной яркостью показала классовую солидарность всех собственников, ведущих борьбу с диктатурой пролетариата. Когда германское командование выводило свои обольшевиченные части, создавшие свои Советы рабочих депутатов, из Украины, когда Красная армия и Красная гвардия подошли вплотную к захваченному немецкой оккупацией району и германские части принуждены были уходить, то были случаи когда немецкое командование сдавало оружие добровольческой армии, т. е. той армии, которая была организована на средства англо-французского империализма и которая одной из своих целей ставила продолжение империалистической войны, войны с Германией. Германский командный состав в добровольческой армии видел близкую себе по классовому положению группу и предпочитал вооружить ее, не заботясь о том, будет ли это оружие направлено против Германии, но вполне уверенный в том, что это оружие будет направлено против общего врага всех эксплоататоров — большевиков и пролетарской России.

IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ.

15 — 16 МАРТА 1918 Г. В МОСКВЕ.

II

Меньшевики и эсеры начали гражданскую войну. Подытоживая роль, какую сыграли меньшевики и эсеры в гражданской войне, т. Ленин прямо называл их «пособниками белых». В своем письме к рабочим и крестьянам, по поводу победы над Колчаком Ленин, писал: «Называя себя социалистами,

меньшевики и эсеры на деле — пособники белых, пособники помещиков и капиталистов. Это доказали на деле не отдельные только факты, а две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина. Оба раза меньшевики и эсеры, на словах будучи «социалистами» и «демократами», на деле сыграли роль пособников белогвардейщины». [1]) Партия эсеров, а за ней и меньшевиков, являлась прикрытием, которое использовали интервенты, вводя свои войска на русскую территорию. С 9 по 18 декабря 1917 г. в Петрограде происходил IV съезд партии эсеров. На этом съезде партия признала своей непременной задачей борьбу с диктатурой пролетариата под флагом Учредительного Собрания.

Чернов в докладе на этом съезде грозил противопоставит большевикам все силы партии эсеров и использовать для борьбы с большевиками старый испытанный метод партии. Гоц в письме на имя президиума IV съезда писал, что если большевики разгонят Учредительное Собрание, «это высшее завоевание революции, тогда я уверен, партия социалистов-революционеров вспомнит о своей старой испытанной тактике, вдохновляемой лозунгом: «по делам вашим воздастся вам» [2]). В конце мая 1918 г. в Москве заседал VIII совет партии эсеров. Учредительное Собрание уже было разогнано, и диктатура пролетариата прочно утвердилась не только в центральных промышленных губерниях русской земли, но захватила юго-восток, север, Поволжье и Сибирь.

На VIII совете партии эсеров было решено, несмотря на то, что партия эсеров потерпела поражение в своей борьбе за Учредительное Собрание, продолжать борьбу с диктатурой пролетариата, опираясь на помощь иностранной буржуазии. Эсеры к маю 1918 г. испытали на практике центральный террор и готовились приступить к организации восстаний, опираясь материально, морально и организационно на помощь иностранной буржуазии.

В резолюции по международной политике VIII совет партии эсеров заявил:

«Перед союзниками лишь два пути — или перенести на территорию России с согласия законной власти (в качестве законной власти эсеры, повидимому, считали самих себя. Р е д.) достаточные вооруженные силы, которые дали бы возможность свергнуть германское засилье (под германским засильем вся буржуазия в первой половине 1918 г. понимала власть Советов и большевиков. Р е д.) и восстановить боеспособную армию и фронт. — Первый из этих путей является не только приемлемым, но и желательным для России». [3])

В тезисах для партийных агитаторов, развивая и объясняя свое решение, VIII совет партии эсеров писал: «Россия должна участвовать в войне, приступая к созданию новой добровольческой армии и опираясь на финансовую и техническую поддержку союзников».

От эсеров не отставали и меньшевики, в особенности правые, так называемые активисты. Меньшевики тоже ставили себе задачей борьбу с диктатурой

---

[1]) Собр. соч., стр. 305.

[2]) Цитирую по книге В. В л а д и м и р о в а «Год службы «социалистов»-капиталистов», стр. 104.

[3]) Там же, стр. 218.

пролетариата. Правое крыло Центрального Комитета — меньшевики-активисты — требовало организации восстания и вооруженной борьбы с диктатурой пролетариата. На всероссийской конференции меньшевиков, происходившей весной 1918 г., член Центрального Комитета меньшевиков Дан в докладе о

текущем моменте заявил, что единственным условием спасения России является уничтожение советской власти: «предварительное условие для возрождения народа — это решительная и беспощадная ликвидация советской власти». Как на непосредственную задачу политической борьбы, Дан указывал на свержение советской власти, немецкого ига и водворение демократизма. Таким образом представителей городской и части сельской мелкой буржуазии меньшевики и эсеры призывали к организации гражданской войны.

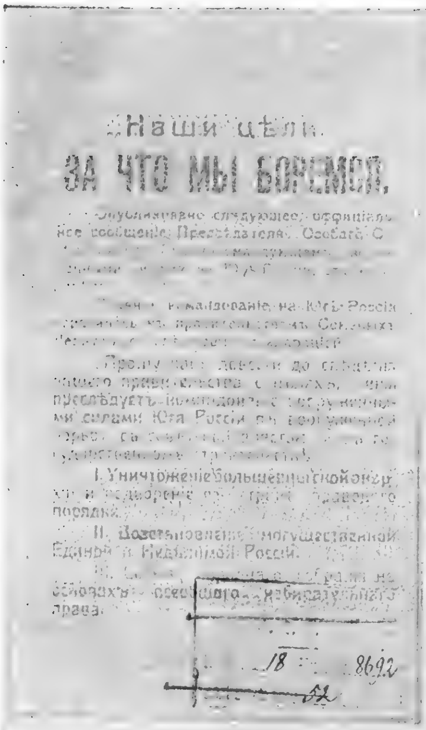
Эсеры открыто говорили о том, что гражданская война в России может и должна итти в тесном контакте с союзниками — Францией и Англией, должна опираться на помощь иностранной буржуазии.

Между представителями буржуазии Франции и Англии и партиями эсеров, меньшевиков и кадет с первой минуты нарождения советской власти не прерывались сношения и шли деятельные переговоры об организации борьбы с диктатурой пролетариата, о помощи иностранной буржуазии в этой борьбе. В этом отношении интересы буржуазии Франции и Англии и интересы русских промышленников и помещиков и мелкой буржуазии совпадали. Иностранная буржуазия готова была за избавление себя от угрозы мировой революции пойти на какие угодно расходы. А русская промышленная буржуазия и помещики, ставя перед собой задачу восстановить свои уничтоженные права, готовы были на все условия, на все требования тех, кто мог дать им для этой борьбы необходимые средства.

Организация гражданской войны в России велась французским и английским посольствами. Она велась в Москве в течение апреля, мая, июня, июля и августа 1918 г., т. е. до того момента, пока Советская страна не была охвачена кольцом фронтов и представители мирового империализма не были выброшены из Москвы. Тогда они стали продолжать руководить гражданской войной в России из дипломатических кабинетов Парижа и Лондона, через французских и английских консулов и генеральных представителей в каждой контрреволюционной армии, при каждом контрреволюционном правительстве.

Представители иностранной буржуазии взяли на себя организацию гражданской войны. Они давали деньги, под их контролем были выработаны политические цели борьбы. Под руководством иностранных специалистов был выработан стратегический план войны. В гражданской войне в России стремились принять участие и представители мелкой и крупной промышленной буржуазии и дворянско-феодальные группы. Представители французской и английской буржуазии всем им одинаково давали деньги, оружие, помогали в борьбе. Представители разных контрреволюционных партийных организаций дружно делили между собой полученные деньги. Так, например, были разделены между военной организацией Союза возрождения и военной организацией партии эсеров деньги, полученные от английского посольства.

Для осуществления на практике гражданской войны русские контрреволюционные группировки создали ряд организаций. Представители иностранной буржуазии энергично стремились к тому, чтобы эти организации соединились, столковались между собой, создали единый фронт. Под давлением послов Франции и Англии эсеры, кадеты и часть меньшевиков образовали в Москве так называемый «Союз возрождения». В состав центральной орга-



Наши цѣли.

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ.

[illegible]

I. Уничтоженіе большевицкой анархіи и водвореніе [illegible] порядка.

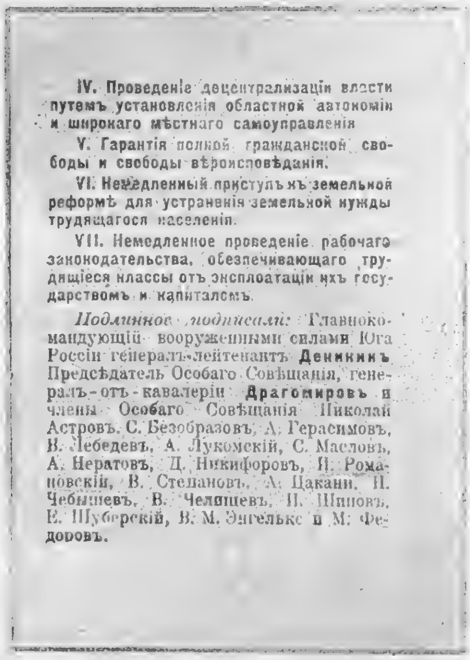
II. Возстановленіе могущественной Единой и Недѣлимой Россіи.

[illegible]

ГЕН. БРИГГС.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЫПУЩЕНА ПО НАСТОЯНИЮ И ПРОЕКТУ ГЕН. БРИГГСА.

ГЕН. ДЕНИКИН.



IV. Проведеніе децентрализаціи власти путемъ установленія областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія

V. Гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія.

VI. Немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія.

VII. Немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ.

Подлинное подписали: Главнокомандующій вооруженными силами Юга Россіи генералъ-лейтенантъ **Деникинъ** Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, генералъ-отъ-кавалеріи **Драгомировъ** и члены Особаго Совѣщанія Николай Астровъ, С. Безобразовъ, А. Герасимовъ, В. Лебедевъ, А. Лукомскій, С. Масловъ, А. Нератовъ, Д. Никифоровъ, И. Романовскій, В. Степановъ, А. Цакани, Н. Чебышевъ, В. Челищевъ, Н. Шиповъ, Е. Шуберскій, В. М. Энгельке и М. Федоровъ.

низации Союза возрождения вошло девять эсеров, три кадета, представители народных социалистов — Чайковский, Мякотин, Мельгунов, представители «Единства»—группы меньшевиков. Союз возрождения создан был по персональ-

ному принципу. Партии эсеров и меньшевиков официально в Союз возрождения не входили, но лидеры этих партий находились в тесной связи с союзом, входили в его состав. Союз возрождения окончательно сконструировался к середине апреля 1918 г. В Москве была выработана им и политическая программа. Он ставил своей задачей уничтожение диктатуры пролетариата, установление вместо нее военной диктатуры, восстановление права собственности на средства и орудия производства и помещичьей земельной собственности, возобновление войны с Германией и созыв нового Учредительного Собрания.

Это была программа русской и иностранной буржуазии, ставящей себе общую задачу — уничтожение первой страны диктатуры пролетариата.

В июне 1918 г. французский посол в Москве Нуланс, ведший переговоры с Совнаркомом, одновременно обратился с особой нотой к Союзу возрождения, в которой излагал взгляды «союзников» по отношению к России и указывал те задачи, какие, по его мнению, стоят перед ними. В ноте подтверждалась полностью политическая программа, выработанная союзом, и давалось обещание предоставить вооруженные силы для общей борьбы с большевиками.

Если физической силы представители французской и английской буржуазии дать пока не могли, то деньги от них полились рекой. Они взяли к себе на содержание всех членов Учредительного Собрания. Члены Учредительного Собрания, эсеры, получали из французской миссии по 500 рублей в месяц за организацию и руководство гражданской войной в России.

На организацию офицерских отрядов давались деньги из французских и английских посольств.

Для выработки стратегического плана гражданской войны в Москву специально из Парижа был прислан полковник генерального штаба. Он вместе с начальником французской военной миссии, с английским генералом Локкартом и двумя русскими академиками Генерального Штаба выработали стратегический план войны. «Союзники» думали поднять на окраинах — в Архангельске, на юге, в Поволжьи — офицерские восстания и окружить таким образом Советскую страну цепью контрреволюционных восстаний.

Не только стратегический план гражданской войны был выработан иностранной буржуазией, но и осуществление его на практике находилось под неусыпным наблюдением представителей французской и английской буржуазии.

В первый момент они пытались руководить операциями на фронте гражданской войны из Москвы. Бывший товарищ морского министра в правительстве Керенского эсер Лебедев в своих воспоминаниях рассказывает, что летом 1918 г. в период самарского восстания операциями чехов в Поволжьи руководили представители иностранной буржуазии из Москвы. Они посылали к чехам членов французской военной миссии, которые указывали, куда нужно двигаться и какие города нужно брать. По указанию из Москвы был взят Симбирск, двинуты войска на Казань и Саратов.

Создавая организацию и давая деньги, «союзники» дали и первые вооруженные отряды на помощь купленным ими русским белогвардейским отрядам. Французская и английская миссии выдали Национальному Совету чешских войск около 15 млн. рублей. Деньги были выданы в разные сроки представителями французского и английского посольств в России. На эти деньги был фак-

тически куплен чешский корпус, посланный в Центральное Поволжье и Сибирь, вокруг которого организовались массы мелкой буржуазии, начавшие гражданскую войну.

Самый характер гражданской войны в России зависел от социальной структуры той территории, на которой она развертывалась. Деньги «союзников» и чешские штыки могли с трудом организовать гражданскую войну в тех районах, где была большая компактная масса пролетарского населения и большая масса сельского пролетариата и деревенской бедноты.

Центральные промышленные районы, районы великорусских губерний, центральные земледельческие районы, районы с развитой промышленностью, с огромной массой пролетариата и деревенской бедноты являлись оплотом диктатуры пролетариата. От центра к окраинам шла диктатура пролетариата. От окраин к центру шла диктатура буржуазии и помещиков. Вокруг промышленных районов расположились аграрно-капиталистические районы — Украина, Дон, Кубань, Кавказ, Сибирь и т. п. Эти районы имели свои специфические черты; они были социально чрезвычайно пестрыми. В них имелись раскинутые небольшими островками крупные промышленные центры, бывшие центрами политической борьбы. Вокруг железных дорог, отдельных промышленных районов Украины, Дона и Кубани велись ожесточенные схватки гражданской войны. Основной фон составляло огромное крестьянское море, которое было сильно диференцировано, и в котором резко различались отличные друг от друга в социально-экономическом отношении пласты. На Украине промышленные города, великорусские по своему населению, противопоставлялись аграрно-капиталистической, украинской по национальному составу деревне. На Украине основные, противоречия гражданской войны обострялись национальным вопросом. «Существование капитализма без национального гнета» [1]) немыслимо. Формулировка, данная XI съездом, объясняет почему крестьянство временно шло за национальной буржуазией.

На Украине основная масса сельского населения — украинцы, города и промышленные центры населены великорусским населением. По данным переписи 1920 года, охватившей 7 губерний Украины, украинцы соста-

[1]) Резолюция по национальному вопросу XI съезда ВКП(б).

вляют в губернских городах 14,0% населения, а русские 44,0%, на селе же украинцы составляют 83,9%. Это в первый период революции привели к тому, что известные слои крестьянства, идя вслед за буржуазией, подняло к власти контрреволюционные государственные образования, одетые в национальную форму. Пролетариату здесь пришлось взять на себя две задачи — и борьбу за Советы и борьбу против национального гнета; выполнять, как формулировал XI съезд партии, «две стороны одного и того же процесса освобождения трудящихся от империалистической кабалы».

На Дону и Кубани, гражданская война имела своим содержанием борьбу с остатками феодализма, в виде казачества — господствующего населения, держащего в своих руках землю. Пришлое иногороднее население отличалось по своим правам и экономическому положению от коренного казачьего населения.

Социальная пестрота районов с развитыми аграрно-капиталистическими отношениями приводила к тому, что в этих районах рекрутировались основные кадры противников диктатуры пролетариата.

Крестьянские районы в процессе буржуазной революции давали большее число выступлений против пережитков дворянско-феодального строя, в процессе развертывания социалистической революции выступали первыми противниками утверждающейся диктатуры пролетариата. Социальная структура превращала эти районы в неустойчивых союзников русской буржуазии. Утверждение диктатуры буржуазии и помещиков, приводящее на практике к реставрации дворянско-феодальных отношений в деревне, восстановлению помещичьей монополии на землю, возвращало массу мелких производителей на сторону диктатуры пролетариата.

Социальная пестрота районов объясняет пути проникновения диктатуры пролетариата в захваченные контрреволюционными государственными образованиями области. Диктатура пролетариата быстрей, легче и крепче захватывала районы с преобладающим пролетарским населением, она восстанавливалась и держалась в промышленных центрах; от промышленного района к промышленному проникала советская власть в захваченные контрреволюцией области. Промышленные центры этих районов, узловые железнодорожные мастерские, отдельные копи и заводы, разбросанные в глубине крестьянского моря, стали основной базой, где укреплялись противники реставрации собственнических отношений, откуда и вокруг которых развертывалась борьба с диктатурой буржуазии. Представители аграрного капитализма помогали созданию единого фронта против диктатуры пролетариата, но свою борьбу неспособны были отлить в формы государственного образования. В зависимости от социальной структуры они или возвращались к основному ядру пролетариата, или распылялись в анархических выступлениях махновского типа, ведя борьбу и с диктатурой пролетариата, и с диктатурой буржуазии, и составляли отдельные повстанческие отряды и разбойничьи банды.

В гражданской войне в России принимали участие разнородные силы. Мелкая буржуазия города, мелкобуржуазная интеллигенция, верхушки рабочих, торговая буржуазия, верхушки аграрно-капиталистической буржуазии — помещики — стремились к созданию самостоятельных контрреволюционных государственных образований. Но без крупной промышленной буржуазии,

и особенно без силы интервенции, они на практике не могли создать таких образований. Крупная буржуазия и помещики в контрреволюционной борьбе надеялись на мелкую буржуазию, как на основную физическую силу, без которой они могли создать лишь отдельные классово-выдержанные отряды, неспособные играть крупной роли. Характерным примером является Ледяной поход генерала Корнилова. После падения Ростова-на-Дону и смерти Каледина отряд приблизительно в $1^1/_2$ тысячи штыков под командой Корнилова, Алексеева и Деникина ушел в Кубанские степи. Это знаменитый Ледяной поход, о котором очень много писали в белой литературе.

Классовый состав этой армии вскрыт чрезвычайно ярко самими участниками. Половцев — депутат-националист, участник этого похода — в своих воспоминаниях рассказывает, что армия состояла из представителей крупных

землевладельцев, детей промышленников, одним словом, из представителей крупной буржуазии.

Эта армия ознаменовала свой поход по Кубанским степям кровавыми расстрелами, проявляя, быть может, большое личное мужество, но весь ее поход не имел политического значения и результатов. После совершения Ледяного похода, потери Корнилова Добровольческая армия во главе с Деникиным отступила к степной станице Мачетинской, и только массовое восстание мелкобуржуазных донских казаков вывело эту армию на широкую арену общероссийской контрреволюции. Наличность боевых организаций крупной буржуазии и помещиков, наличность массового движения мелкой буржуазии еще были не достаточны для создания устойчивых государственных организаций контрреволюции. Для этого необходимо было участие интервентов.

Интервенционные корпуса, захватив в свои руки часть русской территории, расчищали своими штыками плацдарм для организации государственных

образований русской контрреволюции. Так было на севере — в Архангельске, так было на Дону, на востоке — во Владивостоке, в Сибири, в Поволжье. Русская буржуазия сама отлично понимала это. Собираясь поднять знамя гражданской войны, генерал Алексеев в начале января 1918 г. почтительно обращался во французскую военную миссию с просьбой оказать ему помощь штыками и дать возможность организоваться контрреволюции. В своем письме к начальнику французской военной миссии 27 января 1918 г. Алексеев писал:

«Я — генерал Алексеев. Донская область была избрана мною для формирования добровольческих армий как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими войсками, своими средствами и своими богатствами Юго-восточного союза».

Но удержаться на этой территории без помощи иностранных штыков Алексеев не мог.

«Без помощи, — пишет он, — мы будем вынуждены покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно, но безнадежно, добивался согласия направить на Дон если не всего чешско-словацкого корпуса, то хотя бы одной дивизии. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование Добровольческой армии» [1]).

Представители крупной буржуазии отлично понимали, что без интервенции в создании организационных форм гражданской войны им не обойтись. Вся последующая практика русской гражданской войны оправдала это мнение генерала Алексеева. Только после десанта англичан в Архангельске там была уничтожена советская власть и создано эсеровское правительство. Десант японцев во Владивостоке уничтожил советскую власть и укрепил положение ряда контрреволюционных правительств Дальнего Востока. Чехо-словацкие восстания в Сибири и Поволжьи открыли путь эсерам к власти.

Без помощи чехов эсеры не смогли бы завоевать власть и создать на территории Среднего Поволжья и Сибири контрреволюционные государственные образования мелкой буржуазии. Готовя контрреволюционный переворот, эсеры и меньшевики прежде всего натолкнулись на отсутствие сил. Пролетариат их не поддерживал. Стремясь к борьбе с диктатурой пролетариата или, как говорил в своей речи Жордания, предпочитая «империалистов Запада фанатикам Востока», эсеры и меньшевики искали физическую силу для уничтожения советской власти и диктатуры пролетариата, но, как рассказывает в своей торжественной речи в Самаре организатор и участник самарского восстания, член Учредительного Собрания эсер Климушкин, — силы они не нашли. Рабочие за ними не пошли, солдатская масса за ними не шла. Эсерам оставалось только одно — привлечь на свою сторону представителей городской буржуазии, перебросить мост в деревню и захватить за собой крестьянскую буржуазию. «Мы, — говорил Климушкин, — обратили внимание на солдатскую, главным образом офицерскую массу». «Наше внимание все больше и больше стало переноситься на деревню». Летом 1918 г. в деревнях, главным образом в аграрно-капиталистических районах, прокатилась волна

[1]) Цит. по книге В. Владимировой «Год службы «социалистов»-капиталистам», стр. 141.

кулацких восстаний. В середине июля в Приуралье и Среднем Поволжьи, Уфимской и Самарской губерниях, появились кулацкие банды, которые, как писал корреспондент «Правды», «занимают селения, разгоняют Советы, чинят варварские расправы, — живыми закапывают в землю сторонников советской власти». На эти кулацкие отряды и обратили внимание эсеры. Сам Климушкин в своей речи указывал, что их внимание к деревне было привлечено крестьянскими восстаниями. Но и среди крестьян организаторы восстания крупной силы не находили. И только помощь чехо-словацких штыков передала власть в их руки. «Отчаявшись уже в успехе восстания, мы,— рассказывал Климушкин,— в Самаре узнаем о выступлении чехов». К чехам поехал с. р. Брушвит. Чешское восстание было подготовлено и организовано теми контрреволюционными группировками, которые в Москве входили в Союз возрождения, с которыми вели переговоры представители Франции и Англии и для которых представители Генерального штаба Франции и Англии вырабатывали планы восстания. Восстание чехов передало Самару и Симбирск в руки эсеров. «Я должен, — рассказывает Климушкин, — сказать, что в первые дни мы встретились с великими трудностями. Несмотря на всеобщее ликование, реальная поддержка была ничтожна. К нам переходили не сотни, а только десятки граждан; рабочие нас совершенно не поддержали. И когда мы ехали в городскую думу для открытия Комитета под охраной, к сожалению не своих штыков, а штыков чехо-словаков, граждане считали нас безумцами. Но я скажу словами Горького: «безумству храбрых поем мы славу». При самом начале создания государственных контрреволюционных организаций мелкой буржуазии бросается в глаза отсутствие поддержки со стороны рабочих, со стороны беднейшего крестьянства и полупролетариев деревни. Силы, на которые опираются эти организации, — это мелкая буржуазия города, верхушки деревенской буржуазии, офицерские отряды, представители крупной буржуазии и силы французской и английской буржуазии в виде интервенционных корпусов, инструкторов и финансовой и материальной помощи.

Прикрываясь громкими фразами о демократизме и социализме, о всеобщем равноправии и Учредительном Собрании, опираясь на чешские штыки и деньги французов и англичан, эсеры и меньшевики захватили власть в свои руки. 8 июня 1918 г. Самара, 15 июня — Омск, 29 июня — Владивосток были заняты

чехами, 2—3 августа произошло восстание в Архангельске и занятие его англичанами. В Сибири, в Поволжьи, в Архангельске создается эсеровское правительство поддерживаемое меньшевиками, в Поволжьи меньшевики входили в состав правительства. Мелкая буржуазия на практике пробует доказать, к чему она способна и что может сделать. Естественно, что, захватив власть в свои руки при наличности очень небольшого количества сил, на которые можно было опереться, при наличности большого количества сил, готовых выступить против них, эсеры и меньшевики могли сплотить вокруг себя все собственнические группировки, только вполне удовлетворяя интересы торгового капитала, землевладельцев и промышленников и тем самым расчищая путь к власти крупным землевладельцам и промышленникам. Восстав с целью уничтожить советскую власть, эсеры и меньшевики немедленно ликвидировали советский строй, уничтожали советский аппарат и создавали новый аппарат власти, о котором они писали, что он является аппаратом, опирающимся на свободное волеизъявление народа, но который на практике превращался в единоличную диктатуру, опирающуюся на вооруженные до зубов классовые отряды буржуазии.

Первым шагом после захвата власти эсерами было уничтожение советского аппарата. Тотчас же после создания в Сибири Западно-Сибирского Комиссариата, и создании вслед за этим Сибирского Временного Правительства был издан 6 июля 1918 г. декрет, объявляющий все Советы распущенными, все декреты советской власти уничтоженными.

«Принимая во внимание, — сказано было в постановлении Сибирского Правительства, — что организации так называемых Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, составлявшиеся на основах, ничего общего с демократическими принципами не имеющих, в своей прошлой деятельности проявили враждебность государственному правовому порядку местной власти, вплоть до преступного посягательства на верховные права Всероссийского Учредительного Собрания и Сибирской Думы, а также ввиду того, что политические интересы населения достаточно представлены в политических партиях, а классовые — в профессиональных союзах, что Советы вызывают самую непримиримую ненависть населения, Временное Сибирское Правительство постановляет: 1. Все существующие Советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов закрыть. 2. Образование новых Советов или иного наименования организаций из представителей обществ и союзов профессионального или промышленного характера, но с задачами политическими, воспрещается».

Уничтожив полностью и целиком советский аппарат власти, правительство эсеров и меньшевиков спешило изъять из обращения всех носителей советской власти и особыми постановлениями объявило их вне закона, подлежащими суду и впредь до суда приказало содержать под стражей.

«Деятели советских учреждений, постановило Временное Сибирское Правительство 3 августа 1918 г., признанные Временным Сибирским Правительством опасными для государственного порядка и спокойствия, содержатся под стражей до созыва Всесибирского Учредительного Собрания».

Вслед за ликвидацией советского аппарата шла ликвидация всех декретов советской власти. Происходила полная социальная реставрация. Все декреты советской власти Комитетом членов Учредительного Собрания были объявлены недействительными. Особыми постановлениями аннулируются отдельные, особенно интересующие собственников, декреты, например декрет о земле. Земля,

как объявило Временное Сибирское Правительство, должна быть передана в заведывание «прежним владельцам» до созыва Учредительного Собрания. Национализированные предприятия возвращались промышленникам. Промышленники «восстанавливаются в правах», как гласило постановление о передаче владельцам предприятий.

Вслед за реставрацией всех отношений собственности, естественно, стоял вопрос о создании аппарата, регулирующего и обеспечивающего восстановленные отношения. И в Сибири, и в Архангельске, и в Среднем Поволжьи, в царстве эсеров, восстанавливался старый дооктябрьский аппарат власти. Но над ним создавалась новая надстройка, на практике являющаяся единственной властью, настоящей властью, создавался Комитет уполномоченных, устанавливались таким образом органы единоличной диктатуры на захваченной территории. В приказе об организации власти, изданном Комитетом членов Всероссийского Учредительного Собрания 6 июля 1918 г., власть на местах была подчинена особым уполномоченным, которые могли превратиться в единоличных диктаторов на всей территории, если бы имели достаточную военно-техническую базу. Их и создавали с целью удержать власть в руках центра и бороться с слишком ярким стремлением военных командиров к власти.

Крепкое рукопожатие.

«Губернский уполномоченный Комитета членов Учредительного Собрания является высшим в пределах губернии представителем названного Комитета, как органа центральной власти. Ему присваиваются все полномочия административной власти в губернии».

Таким образом, подняв знамя восстания во имя восстановления попранного большевиками народовластия, эсеры и меньшевики подходили к созданию единоличной диктатуры, к созданию военной диктатуры, опирающейся на отдельные классовые отряды и военные силы интервентов, приходили к созданию власти, ставящей своей единственной целью реставрацию всех отношений собственности.

Для укрепления и утверждения такой власти, для расширения территории, для уничтожения диктатуры пролетариата необходимо было создать орудие борьбы — армию. В создании армии больше, чем где бы то ни было, сказалась

оторванность эсеро-меньшевистских правительств от масс пролетариата и крестьянства. Народные армии, революционные армии, как их называли, созданные к тому же по принципу добровольчества, смогли втянуть в себя лишь небольшие однородные и крепко спаянные классовые группы бывших офицеров, представителей крупной аграрно-капиталистической и промышленной буржуазии. Широкие массы пролетариата и крестьянства в эти армии не шли. Когда, создав такой стержневой остов классовой армии, правительства эсеров и меньшевиков пытались захватить и повести за собой широкие массы пролетариата и крестьянства и от добровольчества переходили к принудительному набору, то пролетариат и крестьянство оказывали вооруженное сопротивление попыткам втянуть их в армию и сделать их орудием борьбы в руках контрреволюционных реставрационных группировок.

И в Сибири, и в Архангельске, и в Самаре, и в Грузии мелкобуржуазные контрреволюционеры, расчищая буржуазии и помещикам дорогу к власти, начали создавать вооруженные силы для упорной защиты и расширения только что созданной собственнической диктатуры. Создавая армию из среды, в которой сами они не имели корней, в обстановке гражданской войны эсеры и меньшевики должны были пытаться и пытались сразу же превратить армию в послушное орудие в своих руках. Состав армии не внушал им доверия, так как с основным ядром армии — пролетариатом и крестьянством — они не имели связи. Командный состав был чужой, самих с.-р. и меньшевиков было мало. Созданные народные армии превращались в армейские машины, связанные механической дисциплиной, которую осуществлял командный состав, являющийся противоположной основной массе армии классовой группировкой. Демократы и сторонники Учредительного Собрания прежде всего должны были изгнать из армии демократизм, если хотели превратить армию в послушное орудие в своих руках. Они объявили армию вне политики.

«Армия, — сказано было в приказе по войскам народной армии 30 июня 1918 года,— чтобы быть единой, не должна быть партийной, она не должна политиканствовать. Святой девиз армии — вне партии — был нарушен и принес тяжелые, незабываемые последствия. Много, много мы должны вынести из уроков недавнего прошлого. Эти уроки еще так свежи, и из них мы должны черпать материал для создания новой народной армии».

Армия вне политики, соблюдение строжайшей дисциплины — вот два кита эсеров и меньшевиков, на которых они пробовали построить армию. Эти два требования были основными требованиями тех офицерских отрядов, которые как военные специалисты и как непосредственные участники, практически осуществлявшие эсеро-меньшевистскую фразеологию, принялись за организацию армии. Но взяв в свои руки создание армии, представители буржуазии и помещиков тем самым взяли в свои руки и самих эсеров и меньшевиков, прикрываясь лишь их именем в глазах широких масс.

В народную армию ни рабочие, ни крестьяне итти не желали. И вот меньшевистско-эсеровское правительство открывает новый фронт. Оно борется не только с большевиками и диктатурой пролетариата, оно вступает в открытую борьбу с крестьянством и пролетариатом на занятой меньшевиками и эсерами территории. Демократическое народное правительство ведет борьбу с крестьянством и пролетариатом. Оно пытается насильно загнать крестьянство

в армию. Оно пытается внушить пролетариату и крестьянству, что реставрация помещичьей монополии на землю, денационализация промышленности и — это есть настоящая демократическая программа.

Попытки втянуть широкие кадры крестьянства в армию и вслед за этим на фронт вызывали жесточайшее противодействие. В армию крестьянство не шло, и члены Учредительного Собрания в народную армию сгоняли крестьян силой чешских штыков. В Самаре был устроен эсерами крестьянский съезд. На этом съезде представители целого ряда уездов Самарской губернии — Бугульминского, Бугурусланского — и ряда волостей заявляли об отказе крестьян от мобилизации. Докладчик Добрынской волости заявил: «Мобилизацию выправили при помощи вооруженных отрядов». Из Бугульминского уезда заявляли: «Мобилизованных вели с помощью отрядов». Из Наталинской волости мобилизованные, несмотря на постановление сельского схода, не пошли. «Приходили вооруженные отряды, происходили кровавые столкновения». Так повсюду. Крестьянство отказывалось нести кровавую дань в армию и пыталось вырваться из лап демократического правительства меньшевиков и эсеров. И в Самаре, и в Архангельске, и в Грузии — во всех государствах эсеров и меньшевиков производили мобилизацию крестьян в армию. В Самаре в войсках народной армии происходил ряд восстаний. И в Уфе, и в Самаре в войсках производились расстрелы. На севере, в Архангельске, при первой попытке отправить войска на фронт произошло в декабре 1918 г. восстание солдат, на подавление которого были двинуты все имеющиеся в городе русские и английские части. По восставшим был открыт огонь из бомбометов, и только таким путем армии была доказана необходимость быть вне политики. Во время выступления было выхвачено несколько десятков зачинщиков и тут же расстреляно.

Но набрать армию и, путем кровавых расстрелов превратить ее в послушное орудие еще не значило создать твердую и широкую базу вокруг эсеро-меньшевистского правительства. Чем больше разгоралась борьба на фронте, чем больше эсеро-меньшевистское правительство открыто связывалось с иностранной буржуазией, обслуживало иностранную буржуазию, тем больше вырастала пропасть между ним и пролетариатом и крестьянством. Развертывавшаяся гражданская война требовала сил, объединения всех буржуазных элементов, требовала переложения всех тягот гражданской войны на плечи трудящихся, требовала возмещения убытков пострадавшим собственникам путем эксплоатации широких

масс населения в интересах небольшой группы. Пролетариат, стоящий всецело на платформе большевиков, пытался сбросить эсеро-меньшевистское господство. Он устраивает ряд восстаний в Самаре — в Иващенкове, в Архангельске — в рабочих районах, в Сибири и в Грузии, а вслед за ними поднимается волна крестьянских партизанских выступлений. На эти восстания эсеро-меньшевистское правительство ответило кровавым террором. Война с крестьянством и пролетариатом шла повсюду. В Грузии меньшевистское правительство вооруженной рукой усмиряло попытки крестьян развязаться с остатками феодальных отношений в деревне. Грузинские меньшевики подвели даже теоретический базис под свою непрерывную борьбу с крестьянскими восстаниями и защиту грузинского дворянства:

«То, что сейчас происходит у нас, в деревнях,— говорил Жордания на заседании сейма 15 февраля, — не ново. То же самое просходило во всех революциях. Повсюду крестьянские массы выступали против демократии. Пора нам положить конец господству народнических крестьянских иллюзий. Социал-демократической партии пора вернуться к марксизму и твердо стать на страже революции против крестьянской реакции».

И во имя этой борьбы с крестьянской реакцией грузинские меньшевики жгли осетинские деревни, громили аулы абхазских крестьян. Руководитель борьбы с крестьянством Осетии социал-демократ-меньшевик Валико Джугели в дневнике с восторгом описывает подвиги своего отряда, озарившего пожаром грузинские деревни:

«Горит огонь... Дома горят... Все огонь и дым...» и дальше пишет: «Теперь всюду огонь... Горит и горит... Зловещий огонь... Какая-то страшная, жуткая фееричеcкая картина... И озираясь на этот ночной яркий огонь, один старый товарищ печально сказал мне: «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима». А огонь горит, всюду горит».

Такую же картину рисуют доклады о действиях грузинских отрядов в Абхазии. В Абхазии грузинское правительство организовало дворянские сотни, отряды из кубанских казаков. Все эти отряды, покоряя грузинские деревни, стремились с корнем выжить и выжечь из них большевизм. «Эти отряды, — описывает доклад, — по своим зверствам превосходили подвиги покорителей Абхазии после 1905 г.—отрядов царского генерала Алиханова». Напр., часть отряда

«...под непосредственным наблюдением Тухарели была занята разрушением бомбами домов тех лиц, на которых кто-либо доносил. Начальник грузинского отряда поручик Купуния, быв-

ший пристав города Поти, избил целый сход в селении Ацы, заставил всех лечь под пулеметный огонь и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя. Затем приказал сходу собраться в кучу, верхом, во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом...» [1]).

В совершении кровавых расправ над трудящимися грузинские меньшевики нисколько не уступали чехам. Грузинские меньшевики жгли осетинские и абхазские деревни; чешские отряды и русские белогвардейцы уничтожали крестьянские деревни в Среднем Поволжье и Сибири, арестовывали, били, насиловали, расстреливали. Вот описание подобных подвигов чешских отрядов в селе Красный Яр.

«Арестовали нас пять человек. Десять человек казаков повезли нас в Красный Яр, остальной отряд в 90 человек направился в Елховскую волость, захватив с собой нашего ка-

менского красноармейца Ивана Батаева. Как только выехали из села, то за каменским лесом расстреляли нашего Батаева и троих хорошевских, двух братьев Цыкиных и В. Соколова и бросили в овраг. В Елховской волости тоже секли и расстреливали крестьян, потом казаки переехали в Петропавловскую волость, высекли и расстреляли уездного комиссара Федорова и еще многих» [2]).

Практика эсеро-меньшевистского господства была одна и та же и в Поволжьи и на Кавказе. С пролетариатом и крестьянством эсеро-меньшевистское правительство вело жестокую борьбу за осуществление на практике интересов буржуазии. Сами представители буржуазии оценили работу меньшевиков и эсеров. Начальник одной из дивизий Комитета членов Учредительного Собрания Степанов рассказывает в своих воспоминаниях, что повсюду они вызывали к себе для переговоров

«представителей левой партии, как отлично знакомых с подпольной работой и организацией и имевших к тому же положительно везде либо ячейки, либо связь в виде отдельного представителя. Я старался использовать для абсолютного очищения местностей и городов

[1]) Шафир. Очерки грузинской Жиронды, стр. 45.
[2]) «Красная Быль» № 3.

от большевистского элемента. Они всегда давали сведения, не дорожить которыми было невозможно» [1]).

Меньшевики и эсеры служили в белогвардейской охранке, эсеро-меньшевистские правительство было базой контрреволюционного белогвардейского движения. Грузинские меньшевики снабжали армию Деникина оружием, припасами, представляли войсковой материал, помогали вербовать и отправлять к Деникину и Врангелю добровольцев, обслуживали контрреволюционную добровольческую армию своими складами, оружием, снарядами. Предпочтение «империалистов Запада фанатикам Востока» приводило на практике к поддержке махровой контрреволюции, к поддержке реставрационного движения крупных помещиков и капиталистов. Во время конференции меньшевиков с представителями Кубани и Деникина представители Кубани высказали желание воспользоваться грузинскими складами для хранения боевых припасов. На это известный меньшевик Гегечкори заявил: «Об этом вы поговорите с военным министром». А присутствующий здесь же министр с восторгом сообщил: «Наши склады к вашим услугам» [2]). Поддержка и помощь русской буржуазии была поддержкой и помощью мировой буржуазии. Иностранная буржуазия руководила всеми мероприятиями, всей жизнью эсеровско меньшевистских правительств. В Грузии англичане указывали грузинскому правительству, что надо делать, как надо делать, указывали, какую помощь за свое существование оно обязано оказать Деникину, казакам, Врангелю. В июне 1919 г. представитель грузинского правительства получил от командующего британскими военными силами в Закавказьи ноту, в которой англичане прямо и резко заявляли меньшевикам, что в случае невыполнения ими указанных требований они будут уничтожены силами Добровольческой армии, которой англичане разрешат раздавить меньшевиков.

«Закавказские государства, указано было в ноте, должны воздержаться от всяких агрессивных действий против Добровольческой армии и кооперировать с генералом Деникиным хотя бы по крайней мере доставкой ему нефти и других припасов и недопущением проникновения этих припасов к большевикам. Невыполнение этих условий повлечет за собой в будущем полное прекращение британского расположения и поставит правительство его величества в невозможность воспрепятствовать генералу Деникину перейти к югу от этой линии» [3]).

Такими же полными хозяевами были англичане и в Мурманске, и в Архангельске, и в Сибири. В Архангельске они по своему выбору подбирали командный состав для несения высших воинских должностей. Державший в своих руках весь край генерал Марушевский, бывший одно время командующим войсками правительства Чайковского, в воспоминаниях рассказывает о своем первом впечатлении в Мурманске: «Фактически полным хозяином края был британской службы генерал Мейнард, который командовал всеми оккупационными силами союзников» [4]). Связанное по рукам и ногам указаниями иностранной буржуазии, действующее по ее указке и по своей доброй воле меньшевистско-эсеровское правительство жалобно молило иностранную буржуазию о внимании, о помощи и признании. Временное Сибирское Правительство сейчас же после

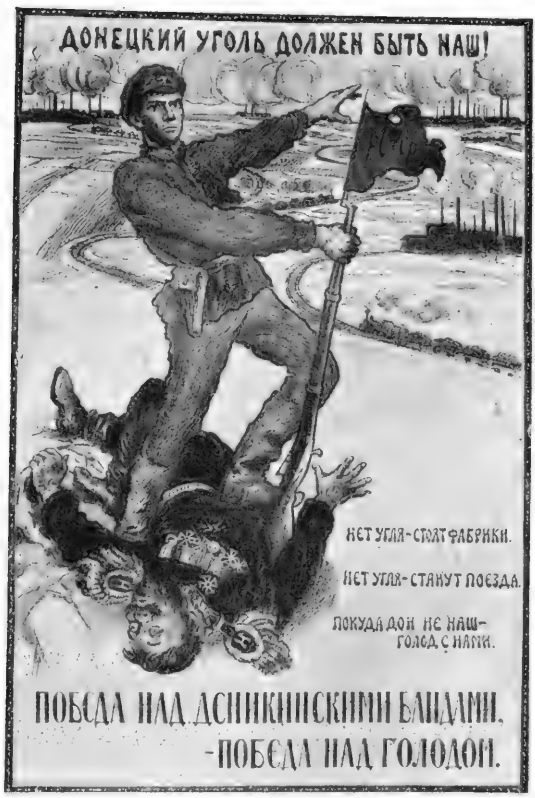
[1]) «Белое дело», т. I, стр. 87.

[2]) Ш а ф и р, Очерки грузинской Жиронды, стр. 141.

[3]) Там же, стр. 125.

[4]) «Былое Дело», т. 1, стр. 27.

взятия в свои руки власти послало о себе извещение Набокову, бывшему царскому послу в Лондоне, излагая свои цели и намерения, особенно подчеркивая стремление к «созданию общего с союзниками против Германии фронта». Самарское правительство эсеров, как только организовалось, обратилось с особой телеграммой в Париж, извещая «союзников» буржуазию, Франции и Англии, о своих целях и намерениях. Одну из своих задач эсеры видели в создании «братского боевого сотрудничества на нашем фронте союзнических войск». Эти попытки приводили лишь к тому, что широкие массы сельской мелкой буржуазии и пролетариата уходили от эсеров и меньшевиков, склонялись налево, к диктатуре пролетариата. Эсеры и меньшевики в своей борьбе с массами принуждены были все больше и больше опираться на чисто классовые собственнические группировки, на группировки той буржуазии, для которой меньшевики и эсеры являлись сами полубольшевиками.



Развертывающаяся борьба с пролетариатом и крестьянством на внешнем и внутреннем фронтах, после того как меньшевики и эсеры уничтожили диктатуру пролетариата, захватили в свои руки большие районы и провели социальную реставрацию, открывает путь к власти крупной буржуазии и помещикам. В их руках остается вооруженная сила, которую можно двинуть против широких масс пролетариата и крестьянства.

Мелкобуржуазная контрреволюция являлась знаменем, под которым организовалась и выросла диктатура крупной буржуазии землевладельцев и капиталистов. Эсеры и меньшевики, подняв знамя восстания против диктатуры пролетариата, в своей борьбе опирались на мелкобуржуазные группы города, на кулацкие верхушки деревни да на чисто контрреволюционные реставрационные группировки крупной городской и сельской буржуазии. Поднимая восстания во имя торжества демократических идей, восстанавливая городские думы и земства и разгоняя Советы, эсеры и меньшевики подошли к созданию взамен советского аппарата власти, опирающегося на широкие массы пролетариата и крестьянства, аппарата единоличной диктатуры. Они восстановили целиком и полностью все права крупных землевладельцев, домовладельцев, промышленников, отбросив тем самым от себя широкие массы пролетариата, крестьянской бедноты и крестьянина-середняка. Во имя борьбы за торжество демократических идей эсеры и меньшевики создали буржуазный войсковой аппарат, пе-

решедший всецело в руки контрреволюционных помещиков и буржуазных спецов. Обслуживая крупную буржуазию по линии борьбы с большевиками, по линии буржуазной охранки, расчищая дорогу диктатуре крупной буржуазии и помещиков своими мероприятиями социальной реставрации, эсеры и меньшевики все меньше и меньше становились нужными объединенным группам крупной буржуазии и помещиков. Они все больше и больше теряли почву под ногами, теряя последнюю опору среди масс городской и сельской мелкой буржуазии. Реставрация собственности на средства производства, на землю, реставрация всей капиталистической машины превращала эсеро-меньшевистское правительство не только в орудие борьбы в руках мировой буржуазии, которая во имя своих целей и желаний направляла, руководила и указывала эсерам и меньшевикам границы их действий и выступлений, но уничтожила их, — хозяином аппарата власти должны были быть и уже не только фактически, но открыто, т. е. юридически становились те, кто держал в своих руках основные рычаги капиталистического производства. Таким образом эсеры и меньшевики расчистили дорогу крупной буржуазии и помещикам. Выступления эсеров и меньшевиков лишь наглядно подтвердили всем трудящимся то, что не раз и не два писал и говорил т. Ленин.

«...сама буржуазия создает или отменяет демократию...» «...не может быть никакой речи о демократии вообще во время обостренной борьбы буржуазии с пролетариатом» [1]).

Те, кто разговаривают о демократии, лишь прикрывают стремления буржуазии, обманывая рабочих и крестьян. Середины нет и быть не может.

«Середины нет, — писал т. Ленин. — О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет, и быть не может. Либо диктатура буржуазии, прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и пр., либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот» [2]).

Крупная буржуазия сама неуклонно стремилась к власти. 18 ноября 1918 г. в Сибири власть перешла к адмиралу Колчаку. 30 апреля 1919 г. Архангельское правительство признало власть Колчака 12 июня признал власть Колчака генерал Деникин. И на севере, и на юге, и в Сибири, и в Архангельске, и в захваченных казаками областях, на Кубани и Дону, где у власти была казачья мелкая буржуазия, крупная буржуазия и помещики организовали ряд выступлений, стремясь к захвату власти. В своей борьбе за власть они опирались на штыки и материальную поддержку иностранных интервентов. В Сибири Колчака поддерживали англичане. На севере, в Архангельске, англичане поддерживали создание единоличной диктатуры. На юге «союзники» ультимативно потребовали от представителей казачьей буржуазии признания единоличной власти Деникина и установления единоличной диктатуры. Промышленники и землевладельцы считали, что единоличная власть — это есть единственно возможная форма власти в процессе гражданской войны. Это есть единственная форма власти, могущая обеспечить буржуазии победоносное окончание гражданской войны и осуществить полностью ее социальную программу. Меньшевики и эсеры расчищали ей дорогу к власти, а буржуазные

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 40.

[2]) Ленин. Собр. соч. т. XVII, стр. 300.

идеологи обосновывали необходимость единоличной диктатуры. Кадеты в своих газетах и на севере, и на юге, в «Единой России» и в «Заре», устами старого Струве и мало известного омского адвоката Жардецкого одинаково призывали к созданию единоличной власти, одинаково требовали создания

единоличной классовой диктатуры. «Гражданская война не может быть нечем иным, кроме войны, и нельзя допускать какую-нибудь иную организацию, кроме военной» [1]), заявлял Струве.

«Должно помнить уроки из истории Всероссийского Временного Правительства, — поучал омский кадет Жардецкий, — и не смешивать власти верховной с властью исполнительной, чтобы не внести смуту в умы населения. Они должны быть ответственны перед своей совестью, разумом, историей, и ни перед кем больше. Никакие представительные учреждения, созданные на предмет контроля, не должны иметь места [2]).

Требуя создания единоличной власти в момент гражданской войны, в период непосредственной борьбы за власть, буржуазия и помещики говорили о единоличной власти, как о такой форме власти, которую они намерены сохранить, добиваться и поддерживать в будущем. Стремясь к единоличной власти на захваченной контрреволюцией территории, буржуазия и помещики разрешали проблему власти и для будущих государственных образований, которые они надеялись создать вместо диктатуры пролетариата. Единоличная диктатура была для буржуазии и помещиков орудием для разрешения непосредственно стоящих перед ними задач—уничтожения диктатуры пролетариата и советской власти—и представляла организацию будущей власти. Буржуазия представляла ее как единоличную диктатуру, помещики как полную реставрацию дореволюционных форм власти. В вопросе о власти буржуазия вслед за помещиками готовилась фактически ликвидировать не только пролетарскую социалистическую революцию, для борьбы с которой она создавала единоличную диктатуру, но и буржуазно-демократическую революцию, так же как стремилась она ликвидировать все завоевания в рабочем и земельном вопросах. В этом отношении представители и носители власти буржуазии на захваченной контрреволюционными государственными образованиями территории в своих заявлениях, предназначенных не для печати, выражались вполне ясно и определенно. И на юге, и в далекой Сибири, и в момент начала контрреволюционного движения, и в тот момент, когда белогвардейская армия готовилась итти на Москву, буржуазия и помещики одинаково формулировали свою проблему будущей власти. Создав единоличную диктатуру для ведения гражданской войны, они готовились узаконить везде форму власти, обеспечивающую буржуазии полное господство. Генерал Алексеев в своем письме о политических чаяниях Добровольческой армии писал:

«Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица» [3]).

Те же самые мысли еще более резко, еще более наглядно формулировал в интимных разговорах со своими генералами адмирал Колчак. В середине 1919 г. года президент Вильсон обратился к Колчаку с вопросом относительно будущих форм власти. Сам Колчак рассказывал об этом своим генералам Дитерихсу и Иностранцеву. В своих воспоминаниях генерал Иностранцев записал об этой беседе:

---

[1]) Цитирую: Кина, «Деникинщина», стр. 70.

[2]) «Хроника гражданской войны в Сибири», стр. 207.

[3]) Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 130.

«Я им ответил, — рассказывал адмирал, — во-первых, что Учредительное Собрание или, вернее, Земский Собор я собрать намерен и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное Собрание за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу; — тут верховный правитель снова засмеялся. Наконец при выборе в настоящее Учредительное Собрание пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы и людей работоспособных и знающих, а не говорунов. Вот какой я демократ, — адмирал снова засмеялся и снова оглядел нас всех» [1]).

Таким образом в этой беседе Колчак еще яснее, чем Алексеев, указал те цели, к каким стремились буржуазия и помещики, указал, каким образом буржуазия мыслила разрешить проблему власти. Реставрация дореволюционных форм власти, переход власти в руки государственно-здоровых элементов, каковыми по терминологии буржуазии являлись они сами, — вот цели, к которым стремились промышленники и землевладельцы. Создавая единоличную диктатуру как орудие гражданской войны, буржуазия в то же самое время стремилась путем единоличной диктатуры, уничтожив пролетарскую социалистическую революцию, уничтожив советскую власть, ликвидировать вслед за ней и буржуазно-демократическую революцию, восстановив дореволюционную форму власти. Если на захваченных территориях, в период своей диктатуры буржуазия и не восстановила монархию, то она употребляла все силы на социальную реставрацию, на подготовлен е почвы, и ее монархические союзники — землевладельцы — открыто говорили о своих чаяниях. Буржуазия стремилась руками пролетариата и крестьянства довести гражданскую войну до конца. Она стремилась выкачать из пролетариата и крестьянства материальные средства и для ведения гражданской войны, и для полной реставрации буржуазной системы отношений. Мелкобуржуазные государственные образования своими денационализациями, своим разрешением рабочего и аграрного вопроса в значительной степени реставрировали систему собственнических отношений. Крупной буржуазии приходилось лишь доводить эти реставрационные мероприятия до конца, реализовать на практике результаты этой реставрации.

[1]) «Белое дело», т. I, стр. 108.

Одним из первых результатов этой политики было переложение тягот по ведению гражданской войны и по реставрации капиталистической системы отношений на плечи пролетариата и крестьянства. Это означало усиление эксплоатационного пресса, усиление налогового пресса, это означало, в случае продолжения сопротивления пролетариата натиску буржуазии оплатить его силами реставрацию, — полное физическое уничтожение старых кадров пролетариата. Буржуазия в своих органах печати определенно и ясно говорила о своих целях. В Сибири управляющий специальным отделом всероссийского съезда торговли и промышленности писал в кадетской газете «Свободная Сибирь» о необходимости увеличения рабочего дня.

«В целях, — говорил этот защитник интересов промышленности, — возрождения промышленности прежде всего необходимо согласовать продолжительность нашего рабочего дня с таковым же временем у наших соседей-иностранцев и затем, это самое важное, усилить производительность труда рабочих до высшего предела».

Лозунг «усиление производительности труда рабочих» влек за собой на практике уничтожение восьмичасового рабочего дня, уничтожение предпраздничного сокращения рабочего дня, уменьшение заработной платы. Публицисты промышленной буржуазии готовы были не только к увеличению рабочего дня, они требовали не только усиления эксплоатации, но они не останавливались перед мыслью полного физического уничтожения всего рабочего класса и создания новых кадров рабочих. Один из буржуазных публицистов в харьковской газете «Свободная Речь» заявлял:

«Развращенный заманчивыми перспективами социалистического рая, твердо уверовавший в то, что труд есть зловредное буржуазное изобретение, старый русский рабочий стал непригоден к несению промышленной службы. Врачевание этой моральной порчи может растянуться на ряд лет. И только энергичное вмешательство царя-голода может ускорить естественное течение этого процесса. Во всяком случае компромисса в этом вопросе быть не может. Если рабочие не сумеют найти в себе нравственной силы для самообуздания, придется создать новые рабочие кадры, быть может даже ввозить рабочих из-за границы» [1]).

Стремление к усилению эксплоатационного пресса, стремление переложить на плечи пролетариата расходы по реставрации буржуазной системы отношений естественно требовало со стороны буржуазии усиленного давления на рабочий класс. Буржуазия ставила перед собой задачу превратить рабочих в послушное орудие эксплоатации. Эту задачу не приходилось откладывать до того момента, когда будет целиком и полностью уничтожена во всей России советская власть. Буржуазия пробовала осуществлять на практике эту задачу в момент своего прихода к власти и теми средствами, какие были в ее руках. На рабочий класс велось жестокое наступление. И государственный аппарат и перешедшие вновь в руки собственников фабрики одинаково являлись орудием борьбы с рабочим классом, наступлением на рабочих. На фабриках предприниматели пробовали распылить состав рабочего класса. Буржуазия пробовала выбрасывать с фабрик неугодных ей политически активных пролетариев, составляющих основные кадры низовых рабочих организаций, фабрично-заводских комитетов, уполномоченных профсоюзов и т. д.

[1]) Цит. по кн. Кина «Деникинщина», стр. 144.

Вслед за захватом предприятий буржуазия начала пересмотр рабочего состава. Фабриканты выбрасывали рабочих с заводов за их разговоры во время большевиков, за их участие в рабочих организациях. Град репрессий сыпался на профсоюзные организации пролетариата. И на севере, в Архангельске, и в Сибири, от Челябинска до Владивостока, и на юге, в царстве Деникина — везде профсоюзные организации рабочего класса терпят жестокий урон. Профсоюзные организации закрываются, профессиональные работники арестовываются, разгоняются, ссылаются, расстреливаются. Из Владивостока и из Владикавказа, из Екатеринослава и из Томска — из всех городов, отовсюду, где были пролетарские массы, имеются сообщения о разгоне профсоюзов, об арестах и обысках. В Екатеринославе на собрании «полицейские чины запрещают употреблять слово «товарищ», угрожая разгоном» [1]). Во Владивостоке комендант города закрывает ряд профсоюзов: союз металлистов, деревообделочников и вольнонаемных служащих военного порта, за организацию забастовки. В Томске закрывается профсоюз печатников, и всем членам союза в случае продолжения забастовки грозят арестом и преданием военнополевому суду. В Архангельске для собрания профсоюза мало было иметь разрешения от власти, «нужно было получить разрешение от заводской администрации на помещение для собрания» [2]). И вслед за уничтожением рабочих организаций идет уничтожение и всех завоеваний рабочего класса. Рабочий день увеличивается, социальное страхование с буржуазии перекладывается на плечи самих рабочих, биржа труда принимает необязательный для предпринимателей характер. Борьба с безработицей не ведется. Наоборот, для буржуазии безработная армия является необходимой резервной армией, откуда она пытается черпать силы для замещения уничтожаемых самой буржуазией в процессе гражданской войны основных кадров рабочего класса. Вслед за реставрацией дореволюционных отношений за счет пролетариата, вслед за реставрацией дореволюционной системы отношений на фабриках идет реставрация дореволюционной системы отношений и в области земельного вопроса. В области земельного вопроса единоличная диктатура стремится выполнить не столько требования буржуазии, но и требования, предъявляемые аграрно-капиталистическими и феодально-землевладельческими группировками. Особенно сильный напор крупных землевладельческих группировок был на юге России, в царстве Деникина, на Украине, на Дону и Кубани. На Дону и Кубани борьба за землю велась между

[1]) «Бюллетень южных профсоюзов» № 2, 15 сентября 1919 г.

[2]) «1917 — 1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере», стр. 310.

иногородним, малоземельным и безземельным населением и сословно-землевладельческой группировкой казаков — своеобразными остатками феодализма. Борьба велась за уничтожение сословной землевладельческой казачьей монополии на землю и создание условий для свободного развертывания товарно-капиталистических хозяйств. В Ставропольской губернии, в Харьковской, Киевской, Полтавской, Екатеринославской, — украинских губерниях, входящих в состав царства Деникина, борьба велась между аграрно-капиталистическими группировками крестьянства, между безземельным и малоземельным крестьянством и монополистами на землю помещиками. Казачьи верхи и помещики боролись за сохранение монополии на землю, за сохранение остатков феодализма, в деревне, боролись против проведения буржуазно-демократической революции в деревне. Целью борьбы различных отрядов крестьянства было уничтожение сословно-землевладельческой монополии на землю, уничтожение крупного землевладения и развертывание мелкого товаропроизводящего хозяйства. На юге и в казачьих областях давление землевладельческой группировки на законодательство Деникина и областных правительств сказывалось сильнее и больше, чем в Сибири, где земельный вопрос не стоял так остро, как на юге. Законодательство Деникина, особенно проекты деникинских законов, больше стремились удовлетворить интересы помещиков и землевладельцев. Но и законы Колчака и законы Деникина, учитывая пестроту крестьянской массы и наличность в ней собственнических группировок, пытались, удовлетворяя интересы крупных собственников, захватить с собой, оторвав от крестьянства, верхушку деревни, буржуазную собственническую группировку, связать ее с интересами крупного землевладения. Они пытались в процессе гражданской войны произвести столыпинский маневр и создать вокруг крупного частного землевладения собственнический барьер. Удовлетворяя интересы своего класса, буржуазия не прочь была от заигрывания с мелкой буржуазией, но дальше заигрывания в своих попытках не шла. Особой декларацией по земельному вопросу, изданной правительством Колчака в апреле 1919 года, это правительство заявляло о своем стремлении разрешить земельный вопрос в интересах крестьянства. Но намеченные методы его разрешения обеспечивали лишь интересы крупных земельных собственников.

«Стремясь, — писал Колчак 8 апреля 1919 г., — обеспечить крестьян землей на началах законных и справедливых, правительство с полной решительностью заявляет, что впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут, и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться законному суду. Законодательные акты об упорядочении земельных отношений, о порядке временного использования захваченных земель, о последующем справедливом распределении их, наконец об условиях вознаграждения прежних владельцев последуют в ближайшее время. Общей целью этих законов будет передача земли из нетрудового пользования к трудовому населению, широкое содействие развитию мелких трудовых хозяйств без различия того, будут ли они построены на началах личного или общинного землевладения. Для содействия перехода земель в руки трудовых крестьянских хозяйств правительство будет широко открывать возможность приобретения этой земли в полную собственность».

В этой декларации, изданной правительством Колчака тогда, когда его армия перешла Уральский хребет и начала вторгаться в земледельческий район Среднего Поволжья, все обещания крестьянству сводя-

лись лишь к утверждению непрочности его теперешнего владения помещичьей землей, неизбежности выкупа земель у прежних владельцев, неизбежности судебных репрессий за самовольное разрешение крестьянского вопроса. Этой декларацией правительство Колчака могло заинтересовать в своей борьбе и привязать к себе лишь те собственнические группировки крестьянства, которые стремились к созданию крупного единоличного частного хозяйства. Этим хозяйствам правительство Колчака готово было обещать нечто вроде распродажи казенного имущества. Широкие же крестьянские массы в этой декларации не могли при всем своем желании найти ни одного пункта, реально обеспечивающего их интересы. Ликвидация разрешенного советской властью в интересах крестьян земельного вопроса, реставрация уничтоженных уже прав помещиков на землю, восстановление монополии на землю и всех вытекающих из этого положения следствий—практика этого в Колчаковии была чрезвычайно ярка. В Уфимской губ., напр. в селе Ивановском, крестьянам предложили вернуть все взятое в имении имущество—дальше действие развертывается быстрейшим темпом, крестьян начали арестовывать, судить, расстреливать и вешать. Через несколько дней ими было сожжено имение. В отместку штаб приказал сжечь село. Таких примеров земельной политики Колчаковии можно привести десятки,— вот что несла, что обещала декларация правительства Колчака. Это была ликвидация буржуазно-демократической революции в деревне, которая шла вслед за программой ликвидации всех завоеваний революции в области рабочего вопроса, в области организации власти. На юге, на Кубани, в области войска Донского, в районах, захваченных Деникиным, — разрешение аграрного вопроса в основном сводилось к уничтожению буржуазно-демократической революции в деревне, к реставрации частнособственнических, феодальных по существу отношений. Кубанское и Донское правительства успели издать особый земельный закон, в котором пытались провести на практике старую кадетскую земельную программу. Правительство Деникина

Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский и Ф. Кон.

издало несколько указов, разрешающих временно земельный вопрос, и выработало ряд проектов, какими оно намерено было руководиться при разрешении земельного вопроса в будущем.

Гражданская война, как всякая война — процесс непроизводительный, процесс расширенного отрицательного воспроизводства. Гражданская война разорвала территорию России на ряд отдельных государственных организмов, разорвала хозяйственные связи отдельных районов, оторвала производящие районы от потребляющих, оторвала промышленные районы от сельскохозяйственных и тем самым уже поставила эти замкнувшиеся в рамках контрреволюционных государственных образований районы в условия хозяйственного кризиса. А внутри контрреволюционных государственных образований непроизводительное потребление в виде гражданской войны предъявляло все новые и новые требования к ослабленному и подорванному народному хозяйству. В процессе гражданской войны средства и орудия производства терялись и уничтожались. Война потребляла основной капитал железных дорог Сибири, где не было ни паровозостроительных, ни вагоностроительных заводов. На юге России и на севере война потребляла в первую очередь паровозы и вагоны. Число больных паровозов катастрофически быстро росло. На южных дорогах в начале 1919 года процент больных паровозов составлял 34, а за время с 1 января по 1 сентября 1919 г. не только уменьшилось количество паровозов абсолютно, но и число больных паровозов, и абсолютно и относительно, возросло, дойдя до 54%. Исчезновение средств производства в виде железнодорожных составов влекло за собою еще большее ослабление хозяйственных связей между отдельными частями захваченных контрреволюционными государственными образованиями районов. Рос разрыв внутри этих районов между источниками сырья — сельскими местностями и районами потребления сырья и сосредоточения обрабатывающей промышленности. Источники сырья все более и более отрывались от промышленных центров. Промышленные центры, города, все более и более превращались в центры потребления, теряя характер центров производства. Производство замирало и падало. Количество товарной массы уменьшалось, она исчезала, и взамен выкачиваемых из деревни продуктов сельского хозяйства и сырья в деревню уже не прибывали продукты обрабатывающей промышленности. Города, в которых засели классово-подобранные отряды буржуазии, превращались в паразитические центры, живущие на счет окружающего населения. Отсутствие товарной массы влекло за собою увеличение денежной массы. Контрреволюционные государственные образования усиленно прибегали к денежному станку, увеличивая денежную массу и тем самым уменьшая ценность денег, расстраивая систему обмена, увеличивая спекуляцию и эксплоатацию крестьянского хозяйства. Рос разрыв цен на продукты между отдельными районами. Разница цен между производящими районами и районами потребляющими была колоссальная. В Сибири, например, даже на колчаковские деньги в Харбине японский ситец стоил 26—28 коп. аршин, в Семипалатинске тот же ситец стоил 10 рублей. Ботинки в Харбине стоили от 40 до 60 рублей, в Семипалатинске — 200 рублей. Кирпичный чай в Харбине стоил от 500—600 рублей, в Семипалатинске от 2 до 4 тысяч. Эта картина хозяйственного распада диктатуры буржуазии наблюдалась повсюду. Хозяй-

ственный разрыв производящих и потребляющих районов был везде. И в Сибири, и на севере, и на Украине города все более и более превращались в центры эксплоатации. Обмен между городом и деревней прекратился. Сельскохозяйственные районы все более и более становились объектами чистой эксплоатации. Из них выкачивалось сырье, выкачивались средства производства, выкачивался людской состав, а взамен присылали лишь инвалидов гражданской войны да карательные отряды. Экономический развал, оголяя классовые противоречия, вскрывал сущность и классовое содержание гражданской войны, — прежде всего при такой системе взаимоотношения между городом и деревней, между помещиками и крупной буржуазией и мелкобуржуазной массой. Аграрно-капиталистические районы, стре-

Екатеринослав. 1918 год.

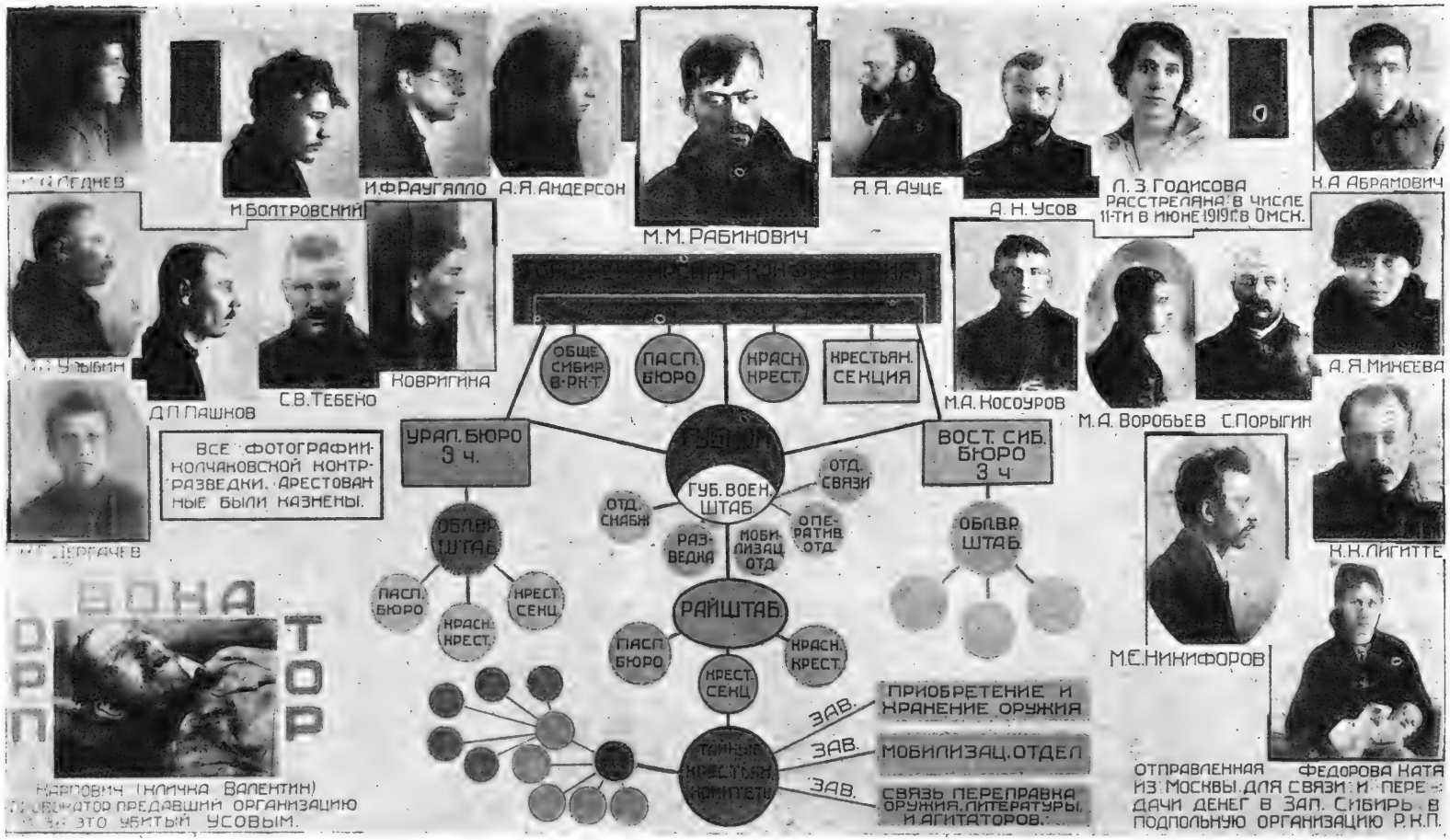
мящиеся к реализации помощью рынка результатов буржуазно-демократической революции, не только оказались оторванными от рынка, не только принуждены были тратить свой капитал на ведение гражданской войны, но видели себя перед угрозою восстановления в деревне дореволюционных феодальных пережитков, грозивших уничтожить все завоевания буржуазно-демократической революции.

Экономический развал контрреволюционной диктатуры, рост противоречий между городом и деревней, рост противоречий между потребляющими и производящими районами, превращение города в район, потребляющий продукты питания, выкачивающий из деревни живую силу, необходимую для ведения гражданской войны, — все это резко обостряло классовые противоречия. Необходимость и неизбежность на фоне хозяйственной разрухи обслуживать растущие потребности войны заставляли буржуазию и помещиков сплачиваться вокруг аппарата власти, стремиться использовать его как силу, которая может заставить пролетариат и крестьянство вести гражданскую

войну в интересах господствующих. Все это приводило не только к росту экономического развала, но и к изменениям самой формы власти, превращая ее на практике в диктатуру отдельных начальников отрядов, захвативших в отдельных пунктах власть, собравших вокруг нее классово-выдержанный войсковой аппарат, силами которого велась борьба с пролетариатом и крестьянством. Единоличная диктатура крупной буржуазии распадалась на единоличную диктатуру отдельных начальников и атаманов, являющихся единственными носителями власти в определенных районах и опирающихся лишь на небольшие классово-подобранные войсковые отряды. В Семипалатинске, Омске, Томске, по линии железных дорог к Иркутску, в Забайкалье расположился ряд отдельных атаманов, опирающихся на отряды войск и с помощью их держащих в своих руках власть. На территории Деникина сама деникинская власть пыталась регулировать процесс создания таких отрядов. Деникинское правительство издало Особое положение об организации специальных отрядов местной стражи, милиции, целью которых являлась поддержка господства диктатуры крупной буржуазии на местах. 9 октября (27 сентября) особое совещание при генерале Деникине постановило образовать во всех захваченных уездах особые дружины не менее, чем по 400 человек на уезд. В них было постановлено набирать надежных местных людей, т. е. пытались создать вооруженные отряды местной буржуазии для поддержки, защиты и укрепления аппарата власти.

Партийные организации на захваченных контрреволюцией территориях пытались сразу восстановить свою деятельность. Мелкобуржуазная контрреволюция и диктатура крупной буржуазии встречали со стороны партий жестокий отпор. После падения советской власти в Самаре партийный комитет возобновил свою работу и в резолюции по текущему моменту определил свое отношение к происходящим событиям в Среднем Поволжьи. Он ставил своей задачей восстановление партийного аппарата и подготовку и организацию борьбы против чехо-словаков и диктатуры мелкой буржуазии. На территории, захваченной диктатурой крупной буржуазии, на территории Деникина, Колчака, Архангельского правительства — партия вела упорную работу по организации и руководству пролетарским и крестьянским движением. Мелкобуржуазная контрреволюция, открывшая дорогу к власти диктатуре крупной буржуазии и помещиков, подготовившая реставрацию собственнических отношений, уничтожала в захваченных районах основной штаб революции — коммунистическую партию. С первого же момента контрреволюционных переворотов град ударов обрушился на партию. Свержение советской власти всюду сопровождалось уничтожением коммунистической партии, физическим уничтожением ее людского состава. Диктатура мелкой буржуазии объявляла коммунистов вне закона. Партийные организации потеряли довольно много сил, пока им удавалось восстановить уничтоженный партийный аппарат. В Сибири в июле-августе 1918 г. уже возникают подпольные организации в Томске, Красноярске, Челябинске, Барнауле. 18 августа 1918 г., когда у власти в Сибири номинально еще стояли эсеры, в Томске собирается нелегальная общесибирская конференция, на которой создается первый подпольный областной комитет из пяти лиц. Вслед за колчаковским переворотом 18—23 ноября 1918 года, т. е. уже тогда, когда диктатура крупной буржуазии всецело захватила власть в свои руки на огромных

ПОДПОЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РКП(б) В СИБИРИ ПРИ КОЛЧАКЕ И ПРОВАЛ ЕЕ В АПРЕЛЕ 1919 ГОДА.



пространствах Сибири, в Томске собирается вторая областная конференция РКП, на которой присутствуют делегаты от Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, Челябинска, Ново-Николаевска, т. е. вся Западная и Восточная Сибирь. На этой конференции был избран новый областной комитет, получивший название Сибирского Центрального Комитета. Под ударами колчаковской контрразведки часть этого комитета была арестована и погибла. 20—21 марта 1919 года в Омске состоялась третья всесибирская конференция, на которой принимали участие делегаты не только Западной и Восточной Сибири, но были представители партийных организаций Дальнего Востока, Владивостока, Благовещенска, Верхнеудинска, Красноярска, Томска, Омска, Челябинска и Тюмени. В начале апреля 1919 года областной комитет был вновь арестован колчаковцами и часть арестованных товарищей была расстреляна. В первых числах июля 1919 года оставшимися на свободе омскими партийными работниками была созвана в Омске новая партийная конференция. В Сибири, т. е. на территории диктатуры крупной буржуазии, быстро оправившись от первых ударов контрреволюции, партийные организации ни на минуту не прекращали работы. Они перешли на нелегальное положение, восстанавливали партийные комитеты, партийные организации и во весь период пребывания у власти диктатуры крупной буржуазии вели с ней упорную и ожесточенную борьбу. 15 сентября 1918 года на заседании подпольного областного комитета было постановлено вести борьбу за восстановление советской власти. Были выработаны организационные принципы и тактическая линия борьбы. Вторая областная конференция дала в своих постановлениях оценку общего положения в Сибири и выработала организационные формы борьбы с диктатурой контрреволюции. Сибирский областной комитет большевиков оценивал борьбу пролетариата и крестьянства с диктатурой крупной буржуазии в Сибири не как местное явление, а как явление общерусское и общемировое, как одно из звеньев мировой борьбы пролетариата с наступавшей на него реакцией и диктатурой крупной буржуазии. В своих резолюциях по вопросам тактики, оценивая общее положение в Сибири, областная конференция заявляла:

«Революционная борьба сибирского пролетариата и крестьянства, протекающая в условиях войны Советской России с силами остатков русской буржуазии и разрастающейся социалистической революции в Западной Европе, с одной стороны, и организующегося против мирового пролетариата Черного интернационала империалистической буржуазии, с другой стороны — является не борьбой за самостоятельную Сибирскую республику, а борьбой за победу единого русского и международного советского фронта. Поэтому целью революционной борьбы в Сибири одновременно с свержением гнета буржуазии, одновременно с расширением базы революции является уничтожение одного из серьезнейших контрреволюционных фронтов русской и международной буржуазии».

В своей борьбе с диктатурой Колчака сибирские коммунисты вполне правильно видели одно из звеньев международной борьбы пролетариата за свое освобождение, и, призывая сибирский пролетариат и крестьянство к восстанию против диктатуры буржуазии, они вели его, в полном смысле, на борьбу со всем буржуазным интернационалом. Колчака поддерживали против восставшего крестьянства японские, американские, английские, французские, итальянские, румынские, чешские и польские отряды, — словом, весь буржуазный интернационал

КАЗНЬ 26-ТИ БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ 20 СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

С.ОСИПЬЯН

А.АДАМЯН

Т.АМИРЯН

И.ФИОЛЕТОВ

Г. КОРГАНОВ

М.АЗИЗБЕКОВ

Я.ЗЕВИН

КОСТАНДЯН

ВЕЗИРОВ

БОГДАНОВ

БОГДАНОВ

И.ДЖАПАРИДЗЕ

Г.АВАКЯН

СТЕПАН ШАУМЯН

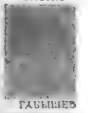
АЛЕША ДЖАПАРИДЗЕ

А.БОРИН

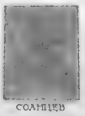
МИШИН

БАСИН

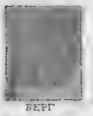
МЕЛИКЯН

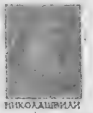

ГАБЫШЕВ

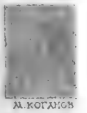
ПЕТРОВ


СОЛНЦЕВ

ПАВЛУХИН


БЕРГ


НИКОЛАШВИЛИ


М.КОГАНОВ

СЕМЬЯ КАЗНЕННЫХ КОМИССАРОВ

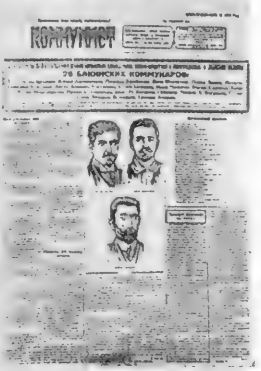
РАССТРЕЛ 26 БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ

ИЗ ГАЗЕТЫ
„ЗНАМЯ ТРУДА"
ОРГАНА БАКИНСКОГО К-ТА
ПАРТИИ СОЦ-РЕВОЛЮЦ-ОВ.
СРЕДА, 4-го ... 1919 г. № 140.

„СОГЛАШЕНИЕ НАШЕ С АНГЛИЕЙ ОБЕСПЕЧИВАЛО НАМ ВОЕННУЮ И ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ АНГЛО-ИНДИЙСКИХ ВОЙСК, КАК ИЗВЕСТНО, НЕ ЗАМЕДЛИЛА ЯВИТЬСЯ И, СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬСЯ, ТОЛЬКО ОНА СПАСЛА НАС ОТ НЕМИНУЕМОГО РАЗГРОМА СИЛАМИ НАШЕГО ТАШКЕНТСКОГО ПРОТИВНИКА. АНГЛИЧАНЕ ЖЕ ПОМОГЛИ НАМ НЕ ТОЛЬКО ВЫДЕРЖАТЬ НАТИСК ПРЕВОСХОДЯЩИХ НАС ВРАГОВ, НО И ТЕПЕРЬ, С ПОМОЩЬЮ НАШИХ СОЮЗНИКОВ, МЫ В СОСТОЯНИИ ГНАТЬ ИЗ ПРЕДЕЛОВ НАШЕЙ ОБЛАСТИ ОТРЯДЫ БОЛЬШЕВИКОВ."

ПОКАЗАНИЯ ФУНТИКОВА И СЕДЫХ

ГАЗЕТА „КОММУНИСТ" О КАЗНИ



ОРГАНИЗАТОРЫ УБИЙСТВА

ПОХОРОНЫ КАЗНЕННЫХ

Ф.ФУНТИКОВ

РЕЧЬ ЗИНОВЬЕВА НА ПОХОРОНАХ

имел своих представителей, имел свои войсковые отряды, вступавшие в борьбу с сибирским пролетариатом и крестьянством на защиту и восстановление власти буржуазии. Сибирские коммунисты ставили своей целью организацию и подготовку борьбы, организацию вооруженных восстаний рабоче-крестьянских и солдатских масс, поддержку этих восстаний, руководство партизанской войной, агитацию среди всех трудящихся Сибири, агитацию среди иностранных войсковых частей, попытку вырвать их из рук буржуазии, стремились организовать широкий фронт пролетарского сочувствия вокруг пролетарской диктатуры. Ставя себе целью борьбу за восстановление диктатуры пролетариата, сибирская областная конференция указывала и те силы, на какие в этой борьбе она опирается. Это — пролетариат и крестьянство. В своих резолюциях сибирский областной комитет указывал, как и каким образом нужно организовывать революционную работу в городе и деревне. В городе создается особый городской революционный штаб, основной задачей которого является организация и руководство восстанием. В деревне из сторонников советской власти создается революционный штаб из трех товарищей. Делегатские собрания этих деревенских штабов волости или района создают волостные или районные штабы. Эта схема намечала не только формы подготовки и организации повстанческой борьбы, но намечала и форму власти, выросшей из повстанческой борьбы с буржуазией. Партийным организациям удалось собрать в апреле 1919 года в Томске конференцию представителей партизанских отрядов и рабочих районов. Эта конференция разрешила вопрос о согласованности действий партизанских отрядов и о перенесении центра тяжести борьбы в деревню. Сибирские коммунисты на практике руководили повстанческим движением. Такая же огромная роль выпала на долю партийных организаций и на территории Деникина и Архангельского правительства. В Архангельске сейчас же вслед за уходом советской власти закончила легальное существование партийная организация: 2 августа 1918 года архангельский партийный комитет объявил о переходе на нелегальное положение. Переход власти в Архангельске в руки английской контрразведки и русской буржуазии привел к уничтожению не только советского аппарата, но и партийных организаций и партийных работников. Перед ушедшими в подполье отдельными партийцами стояла задача прежде всего возобновления партийной организации. В ноябре 1918 года архангельским коммунистам удалось создать в Архангельске и его районах ряд партийных ячеек и более или менее наладить работу. Всего в организации насчитывалось до 40 человек. Был создан революционно-партийный комитет. Работа организации протекала в крайне тяжелых условиях, под непрерывными ударами контрразведки. Целый ряд работников архангельской организации, почти вся активная головка, были в разное время и сроки арестованы контрразведкой и расстреляны. В мае 1919 года последние остатки архангельской большевистской организации были уничтожены, часть арестована и расстреляна, часть покинула город, — городская организация была разбита. Удалось сохранить только губернский центр, объединяющий партийные организации всего Архангельского района. Центр этот созвал в середине июля 1919 года в Шенкурске губернскую конференцию, на которой присутствовало около 40 делегатов, 32 с решающим голосом и 8 с совещательным. Конференция заслушала специальный доклад

о работе VIII съезда партии. На этой конференции был создан групповой комитет и были выработаны директивы организационных форм существования и работы. Архангельская организация за все время своего существования выпустила ряд прокламаций, пыталась поставить газету, пыталась выступать в отдельные моменты — в годовщину Февральской революции, 1-го мая, пыталась руководить профсоюзной работой, вела агитацию в войсковых частях, пыталась организовать восстание. Ей удалось наладить связь с Советской Россией, благодаря тому, что работник радио-телеграфа одного из стоящих в архангельском порту тральщиков входил в партийную организацию и в течение нескольких месяцев, до марта 1919 года, регулярно по радио отправлял известия в Советскую Россию о положении в Архангельске. Архангельская организация потеряла в этой борьбе весь свой руководящий кадр, но все же ей удалось долгое время вести борьбу и с английской и с русской контрразведкой, держа в страхе представителей диктатуры буржуазии в Архангельске.

УРАЛЬСКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

Э. С. Кадомцев, организатор боевых организаций народного вооружения.

Н. Д. Каширин, ком. южно-уральским отрядом партизан.

В. К. Блюхер, зам. ком. южно-уральским отрядом партизан.

И. Д. Каширин, ком. верхне-уральским стрядом.

М.В.Калмыков, ком. богоявленским отрядом.

1917 Г. 12 ДЕКАБРЯ I СЪЕЗД БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАРОДН ВООРУЖЕНИЯ, 1918 Г. 12 ЯНВАРЯ II СЪЕЗД, 1918 Г. 12 МАРТА III СЪЕЗД И 1918 Г. 12 АПРЕЛЯ IV СЪЕЗД.

Работа подпольных партийных организаций на юге России, в областях, захваченных диктатурой Скоропадского, а потом Деникина, протекала еще более пестро. Здесь не было единого центра. Для руководства партийной работой в этих областях — на юге России, на Украине, Дону, Кубани, Новороссийске — существовал особый зафронтовый комитет, который из Советской России пытался руководить партийной работой и повстанческим движением на Украине. Быстрая смена властей на Украине, быстрая смена форм диктатуры контрреволюции приводила к текучести, неустойчивости партийных организаций. Они все время шли под огнем, их постоянно уничтожали. Людской состав этих организаций уничтожался всевозможными контрразведками, и восстановить убыль было чрезвычайно трудно. В Харькове работа партийных организаций была восстановлена в августе 1919 года. С апреля 1918 г. харьковская организация большевиков вела неустанную борьбу с немцами,

Петлюрой, Скоропадским, Деникиным. В июле был восстановлен партийный комитет; он начал налаживать связи с заводами и фабриками: образовал революционный комитет — его основной задачей была подготовка и организация восстания. Рев. ком. находился в постоянной связи с Всеукраинским ревкомом в Курске. Ревком вел подрывную работу, руководил крестьянскими восстаниями. В ноябре, после появления Директории и начала восстания Петлюры против гетмана, в Харькове был образован областной ревком, задачей его было:

«организация восстания в пределах Харьковщины, установление связи и руководства всеми ревкомами рабочих центров Украины и организация выборов в Совет» [1]).

Работа ревкома шла чрезвычайно успешно.

«Достаточно было нашим товарищам, посланным ревкомом, появиться в том или ином уезде, как мгновенно они обрастали отрядами хорошо вооруженных партизан» [2]).

Под руководством большевиков Харьков был занят рабочими до прихода Красной армии 9 января 1919 г. Новая полоса работы наступила после занятия Харькова деникинцами в июле (25) 1919 г. Был организован подпольный ревком, наладили типографию и паспортное бюро, добыли деньги. В августе — сентябре движение против белых вылилось в организацию десятков крупных и мелких отрядов. Работа ревкома возросла. Ревком видел свою задачу в подрыве деникинского тыла. Но в ревком проник провокатор и после ряда провалов отдельных работников, основное ядро ревкома было арестовано и погибло. За время своего существования ревком послал работников в Екатеринослав, Луганск, Киев, Кременчуг, связался с партизанами, вел разведывательную работу. В Луганске, крупнейшем пролетарском центре, в течение нескольких месяцев не велось никакой работы. В Екатеринославе после провала организации почти не существовало. О борьбе большевиков-железнодорожников Екатеринослава (Днепропетровска), с немецкой оккупацией подробно рассказывает в своих воспоминаниях т. Иолос. На желдороге был организован ревповстачком; потом партколлектив связался с областкомом и ЦК КП (б)У и создал даже партийные организации в селе [3]). В Киеве, в Полтаве, в Кременчуге существовали организации, пытавшиеся связаться с рабочими профессиональными организациями, поддерживающие тесную связь с повстанческими отрядами. В Киеве после первого съезда КП(б)У в первые дни власти гетмана в Киеве был образован областной комитет партии, объединивший организации Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской губ. Все внимание он обратил на военную работу, организацию отрядов, вооружение и подготовку к восстанию. В ряде мест имелись повстанческие отряды против гетмана. Областной комитет собрал в Киеве губернский, а вслед за ним и областной съезд военно-революционных комитетов. Большую работу вели киевские большевики среди немецких оккупационных отрядов, издавали листовки и воззвания на немецком языке, организовывали спартаковские группы. Киевский краевой комитет имел

[1]) «1917 год в Харькове», сборник статей и воспоминаний, стр. 284.
[2]) Там же, стр. 291.
[3]) Иолас Т. А., Заметки о подполье и вооруженной борьбе 1918—1919 гг., Днепропетровск, 1922.

свой печатный нелегальный орган «Киевский Коммунист». После падения гетмана и прихода к власти Директории работа областкома продолжалась попрежнему, как сказано было в одной из листовок «за власть Советов в центре и на местах». Большевики организовывали и руководили стачками рабочих и повстанческим движением крестьян, собирали военную силу. В Кременчуге даже издавалась газета «Дело Революции». В Одессе подпольная партийная организация имела в своем распоряжении более 300 человек, членов партии. Одесский комитет издавал подпольную нелегальную газету «Коммунист» и старался заводить связи с расположенными в Одесском районе городами — Очаковом, Херсоном, Тирасполем, Николаевом, Вознесенском, Ананьевым. Организация этих районов завязывала в свою очередь связь с крестьянскими отрядами и руководила повстанческими движениями. В самом центре контрреволюции, в тех районах, где помещалось царство Деникина, — в Ростове, Таганроге, — велась подпольная работа и существовали партийные комитеты. В феврале 1919 года в Ростове состоялся нелегальный областной съезд. Ростовской организации удалось связаться с партизанским движением, была организована подпольная типография и начала выходить газета «Пролетарий». В Таганроге в 1919 году организация имела связи на заводах и в деревне, имела своих людей в войсковых частях, руководила стачечным движением и находилась в связи с Красной армией. Зафронтбюро в своем циркулярном письме указывало, что основной задачей всех партийных организаций является создание и руководство повстанческим движением. Необходимо организовать повстанческое движение, держать его в своих руках, руководить им, наносить белым удар с тыла, ударять по самым чувствительным местам.

«Необходимо, — писало Зафронтбюро в циркулярном письме, — организовать в кратчайший срок массовые партизанские действия, направленные на разрушение железнодорожных путей, крушение поездов, систематически прерывая телеграфные и телефонные провода, надо поставить под организованные удары крестьянских партизан хотя бы более важные железнодорожные узлы, чтобы совершенно лишить возможности противника передвигать грузы и войска и сноситься по телеграфу и телефону. Надо немедленно бросить десятки, сотни своих агентов, испытанных коммунистов-повстанцев по лесам и селам, где скрываются многочисленные партизанские отряды, ждущие сигнала и руководства нашей партии. Крайне важно под лозунгами, популярными среди крестьянства в переживаемый момент, организовать продовольственную блокаду городов, истребить появившихся помещиков и жандармов, поддерживающих кулаков, надо умело обострить и углубить классовые противоречия в деревне» [1]).

Таким образом диктатуре и мелкой и крупной буржуазии партия объявила жестокую борьбу. Под градом ударов, теряя людской состав, партия пыталась все время восстановить и восстанавливала свои организации, свои ряды. В лагере контрреволюции она пыталась воссоздать партийный аппарат, взять в свои руки руководство революционной борьбой пролетариата и крестьянства, организовать вооруженную борьбу, организовать и руководить гражданской войной пролетариата и крестьянства за восстановление советской власти и диктатуры пролетариата.

Оголение классовых целей буржуазии восстанавливало против нее миллионные массы пролетариата и крестьянства. Распад власти буржуазии и рост

[1]) Цит. по книге Д. Кина «Деникинщина», стр. 180.

классовых противоречии сопровождались усилением напора на аппарат власти буржуазии пролетариата и крестьянства. Там, где до появления диктатуры крупной буржуазии пролетариат шел за меньшевиками и эсерами, где среди пролетариата было сильно оппортунистическое течение, — под влиянием практики диктатуры крупной буржуазии меньшевики и эсеры теряли своих сторонников. Пролетариат уходил от них, переходил массами под знамя большевиков. Все слои пролетариата одинаково дружно шли и под знаменами большевиков. Пролетариат как класс весь целиком шел за большевиками, сочувствовал большевикам и поддерживал их. Колчаковская и деникинская охранка и охранка архангельского правительства внимательно следили за настроениями, которые намечались в среде рабочего класса и подчеркивали опасный для них процесс большевизации пролетариата. От Уфы до Иркутска повсюду колчаковская охранка отмечала процесс большевизации пролетариата. «В районе Белорецких заводов преобладающее настроение среди рабочих завода — большевистское», сообщает сводка колчаковской контрразведки в начале марта 1919 года. Районы от Красноярска до Иркутска находятся под влиянием большевиков. «Очагом большевизма, — указывает политический обзор Иркутска, — следует признать города: Красноярск, с 3 тысячами распропагандированных железнодорожных рабочих, станицы Еланская, Зима, Иннокентиевская и Черемховский каменноугольный район», т. е. все пространство от Красноярска до Иркутска находится под влиянием большевиков. В отдельных районах почти все рабочие идут за большевиками. По словам начальника гарнизона станции Зима, из 3 тысяч ремонтных и деповских железнодорожных рабочих 80% «безусловно большевики» [1]). В Архангельске влияние большевиков, по словам мемуаристов, среди рабочих стало быстро расти. «У меньшевиков стала ускользать почва из-под ног» [2]). Партии сочувствовали, ее поддерживали, помогали, к решениям и указаниям ее прислушивались и ими руководились. Рост большевизации пролетариата свидетельствовал о том, что в борьбу с диктатурой крупной буржуазии и помещиков пролетариат вступал весь целиком. Вслед за пролетариатом поднималась и масса крестьянства. Диктатура крупной буржуазии не только являлась основным потребителем и эксплоататором крестьянского хозяйства, но она разрывала связь крестьянского хозяйства с внутренним и внешним рынком, отбрасывая тем самым от себя капиталистические элементы, капиталистические элементы американского типа, употребляю терминологию Ленина.

А крестьяне, как писал Ленин:

«...особый класс. Как труженики, они враги капиталистической эксплоатации, но в то же время они собственники» [3]).

Это свойство объясняет колебания крестьянства. Собственнические тенденции приводили его к лагерю контрреволюции. и только опыт показывал крестьянству, что господство буржуазии может обеспечить ему непрерывную эксплоатацию, а не новые пути развития, пути переделки всего крестьянского хозяйства.

---

[1]) «Партизанское движение Сибири», стр. 100.

[2]) «1917 — 1920, Октябрьская революция и интервенция на Севере», стр. 311.

[3]) Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 215.

Реализация отношений собственности в деревне в интересах дворянско-феодальных — восстановление помещичьей монополии на землю — несла разрыв с крестьянством, сплачивая против диктатуры крупной буржуазии как элементы крестьянства, которые больше всего были заинтересованы в разрешении аграрного вопроса, так и те, хозяйство которых уже связалось с рынком. Деревенский пролетариат и полупролетариат, середняки и часть представителей аграрного капитализма — все были противниками реставрации дореволюционных отношений земельной собственности. Мелкий товарный производитель, теряя связь с рынком, внутренним и внешним, не мог не видеть угрозы, повисшей над ним в виде реставрации крупной помещичьей собственности. Выступив против диктатуры пролетариата во имя расширения возможностей реализации буржуазно-демократической

революции, представитель аграрного капитала или американского типа очутился перед угрозой нового восстановления тех отношений, которые так долго тормозили развитие производительных сил деревни.

«...мелкобуржуазные массы, — писал Ленин в 1919 г., — стоят между трудом и капиталом, и эти массы нужно 100 раз побить, чтобы они поняли, что необходимо уяснить себе одно, должна быть либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата» [1]).

Рост революционных сил в деревне шел интенсивно, но эти силы не были так монолитны, как силы пролетариата. Среди пролетариата росло влияние коммунистической партии, и он шел на борьбу за социалистическую революцию, крестьянские же массы подымались на борьбу под разными лозунгами. Крестьянская беднота, — полупролетарии и пролетарии деревни шли бороться с реставрацией капиталистической и феодальной эксплоатации, шли на борьбу за социалистическую революцию. Средняцкие элементы деревни, подымаясь на борьбу с диктатурой крупной буржуазии, шли на борьбу за реализацию буржуазно-демократической революции. Крестьянское движение было сложно и пестро. Оно преследовало разные цели, но объективно, уничтожая диктатуру крупной буржуазии, работало под знаменем социалистической ре-

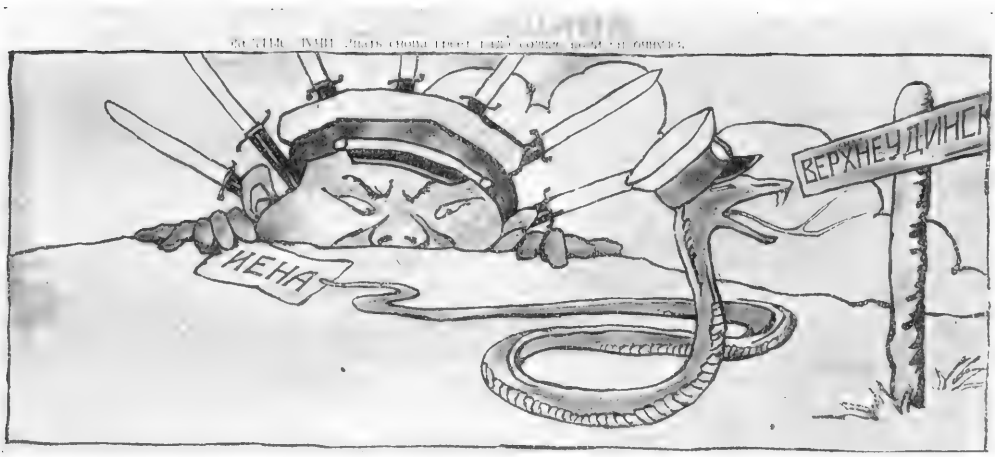
[1]) Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 173.

волюции, так как только диктатура пролетариата могла полностью и целиком очистить деревню от феодальных пережитков. Меньшевики и эсеры, пытавшиеся заставить диктатуру крупной буржуазии предоставить мелкой буржуазии легальные формы политического выявления, лишь поддерживали диктатуру крупной буржуазии и, естественно, не могли поднять и организовать на борьбу с ней ни пролетариат, ни крестьянство. Большевики, ставящие перед собой задачу уничтожения диктатуры крупной буржуазии во имя утверждения диктатуры пролетариата, вели за собой фабричных рабочих, пролетариат и полупролетариат деревни и руководили массами собственнических элементов деревни, боровшихся за торжество буржуазно-демократической революции и видевших путь к этому лишь через уничтожение диктатуры крупной буржуазии.

Классовая сложность крестьянского движения диктовала его специфические характерные черты. Отдельные классовые слои диктовали свои специфические формы крестьянских выступлений. Деревенская беднота и полупролетарские элементы, связанные с пролетариатом, продающие свою рабочую силу там, где имелся на нее спрос, естественно, являлись элементом подвижным, бродячим. Эти элементы вносили организацию и идеологию в крестьянские колонны. Середняцкие хозяйственные слои, привязанные к своим хозяйствам, мобилизовали сразу огромную армию на борьбу, но также быстро разваливались при сопротивлении, возвращаясь в свои хозяйства. Эта армия была неподвижная, она оперировала в определенных, резко очерченных районах, не удаляясь от своих насиженных, политых потом мест. Движение середняцких масс носило локальный характер, оно было неустойчиво, быстро вспыхивало и быстро погасало. Организационным ядром движения была партийная организация. Руководителем пролетариата, бедноты и всех революционных сил была коммунистическая партия.

Повстанческое движение развернулось повсюду, где у власти была диктатура крупной буржуазии. В Архангельской области, в Сибири, на юге России — везде крестьянство под руководством пролетариата и партии уходило в партизаны, подымало восстания против власти буржуазии. Зачастую те самые районы и области, которые давали силу для подъема к власти мелкой буржуазии, являлись первыми, подымавшими знамя восстания против диктатуры крупной буржуазии. Это вполне естественно, так как именно эти районы были наиболее дифференцированы в классовом отношении, наиболее сложны в хозяйственном, и практика диктатуры крупной буржуазии, в виде власти Колчака и Деникина, прежде всего и больше всего ударяла как раз по ним, разрывая их хозяйственные связи и подкашивая их экономическое благосостояние. Партизанское движение против диктатуры крупной буржуазии, особенно в Сибири и на Украине, принимало грандиозные размеры. Сама диктатура крупной буржуазии видела в нем огромную опасность для своего существования. На севере повстанческое движение выразилось в ряде восстаний отдельных войсковых частей и отдельных областей. В Сибири партизанщина шла сплошной полосой от центра вплоть до Дальнего Востока. Вся центральная Сибирь, Дальний Восток, Забайкалье, Приамурская и Приморская области были охвачены партизанским движением. Во всех этих областях и районах существовали партизанские отряды, штабы,

шла организация партизанских армий, которые вели отчаянную борьбу с колчаковским правительством и его атаманами, захватывая в свои руки обширные территории. Внутри самой Сибири существовал ряд фронтов, где диктатура буржуазии принуждена была вести плановые и систематические операции, куда она принуждена была отправлять регулярные войска и боевых генералов. Против партизан Восточной Сибири на протяжении от Томска до Иркутска были сосредоточены интернациональные части чехов, румын, поляков, итальянцев, сербов, большие отряды колчаковских войск. Все они вели систематические операции против партизан, защищая от их набегов железную дорогу — единственную артерию, соединявшую глубокий тыл Колчаковии с фронтом, питавшую фронт техническими и боевыми припасами. Выступление партизан, охватившее Алтайскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, грозило самому существованию колчаковской диктатуры. В то же самое время партизаны Забайкалья, Приамурья и Приморья вели упорную борьбу с колчаковскими



атаманами и ставленниками японского империализма — Калмыковым, Семеновым и т. п. Соединенные удары всех партизанских отрядов грозили разорвать сообщение колчаковской армии с империалистическим миром и, окружив Колчаковию с тыла, сомкнуть вокруг нее кольцо пролетарских, повстанческих и красноармейских армий. Само колчаковское правительство чувствовало тяжесть партизанских ударов и опасалось разрыва своего сообщения и полного окружения.

«Если, — писал министр путей сообщений Устругов в секретном докладе Колчаку, — положение на Томской дороге коренным обртзом не изменится и разбойничьи банды будут действовать по прежнему, то дорога, в лучшем случае, едва справится с угольными перевозками, и положение с транспортом безусловно кончится катастрофой. Докладывая изложенное, полагал бы необходимым настаивать перед союзными правительствами о выполнении ими своих обязательств в отношении охраны дорог и в особенности Томской».

Партизанское движение заюватывало в свои руки целый ряд районов и упорно в них держалось. Оно окружено было со всех сторон массовым сочувствием всего населения. Население поддерживало партизан материально, снабжая их пищей, одеждой, средствами передвижения. «Население, —

доносила иркутская местная бригада, — поддерживает его (Щетинкина) припасами, деньгами, людьми и лошадьми» [1]). Население поддерживало тесную связь с партизанскими отрядами, предупреждая их о всех намерениях и передвижениях правительственных войск. «Почти в каждом селении, — доносил начальник штаба войск, действующих против партизан в Тасеевском районе, — красные имеют своих агентов, которые немедленно сообщают им о всех наших передвижениях» [2]). Партизанское движение протекало в организованных формах.

Начинали партизанское движение, начинали и организовывали восстания уцелевшие после разгрома и торжества контрреволюционных восстаний и установлениявласти сначала мелкой буржуазии, а потом капиталистов и помещиков, отдельные партийцы, советские работники, рабочие, большевистсконастроенные элементы. Яковенко в своих записках рассказывает, как он вместе со своими товарищами после эсеровского восстания убежал из Тасеева в тайгу и прожил в тайге и на полях около села Тасеева несколько месяцев. Первое время этим отдельным сохранившимся большевикам приходилось прятаться в тайге, жить в лесу, в подполье. И только когда крестьянство достаточно ознакомилось с практикой диктатуры буржуазии и помещиков, настроение масс повернулось снова к большевикам, и вокруг уцелевших большевиков и советских работников, стоящих на партийной платформе, стали собираться отдельные отряды и начали организовываться крестьянские выступления. Первое время, рассказывает Яковенко о своей жизни,

«...жизнь в тайге была далеко невеселой, жили мы на нелегальном положении. Связью же с Тасеевым служил местный крестьянин, Егор Абрамов. Наступила зима. Морозы доходили до 40°, а жить приходилось под открытым небом. В декабре я переселился в деревню Междуреченскую, Фаначетской волостии, жил у одного крестьянина в подполье. Атмосфера в это время была благоприятная для ведения пропагандистской работы. Начав подготовку местного населения к вооруженной борьбе, я все время продолжал держать связь с Астафьевым и еще с некоторыми из товарищей» [3]).

Восстания начинали отдельные партийцы. В Енисейской губернии, например, в Ачинской волости на заседание волостной земельной управы явилась местная учительница и начала призывать к восстанию. В Канском уезде инициаторами восстания были сторонники советской власти и старые советские работники. То же было в Степноболжийской волости и в ряде других местностей. По словам донесений колчаковской контрразведки, инициаторами восстаний в Енисейской губернии были приезжие коммунисты. В Красноярской губернии инициаторами восстания были одиночки-агитаторы. В Минусинском районе и районе Тайшета организатором восстания была местная интеллигенция: заведующий Ачинским продовольственным пунктом Кравченко, бывший председатель Ачинского исполкома и один из членов этого исполкома. Центром, руководящим восстаниями по всей Западной и Восточной Сибири, по мнению колчаковской контрразведки, была Красноярская тюрьма. Заключенные в Красноярской тюрьме большевики являлись для колчаковской контрразведки источником всех

[1]) «Партизанское движение Сибири», т. I, стр. 78.

[2]) Там же, стр. 97.

[3]) Яковенко, Записки партизана, стр. 18.

страхов. «Центр всех большевистских заговоров — в Красноярске, в чем имею доказательства», доносил начальник Красноярского района. В политическом обзоре по району Иркутской дороги указывалось, что руководителями партизанского движения и организаторами повстанческой борьбы в Сибири являлись большевики и центр их — Красноярск. Что большевики руководили повстанческим движением, это несомненно. Интересно здесь то, что и показания самих участников и показания колчаковской контрразведки одинаково подтверждали, что организаторами, поднимавшими знамя восстаний, собиравшими силы крестьянских и рабочих масс на восстания, являлись отдельные большевики, отдельные советские работники, руководители советского аппарата, которые, выждав время, уцелев после разгрома, призывали к восстанию и организовывали повстанческое движение в Сибири.

Это повстанческое движение начиналось с выступления отдельных отрядов, отдельных, не связанных между собой групп, которые потом росли в процессе боев, росли количественно, росли качественно в процессе самой борьбы. Яковенко в своих воспоминаниях рассказывает, что первый отряд, им сорганизованный, заключал в себе 8 человек, и с такими двумя отрядами в 8 и 10 человек, которые ему удалось организовать, он начал восстание и захватил в свои руки село Тасеево. В других местностях тоже начаты были восстания небольшими отрядами, небольшими кучками, вокруг которых быстро вырастали партизанские армии, причем в зависимости от характера района эти армии принимали тот или другой вид. В районах, где крестьянские массы были слабо связаны с внешним и внутренним рынками, где классовая диференциация была слабее, где экономически крестьянство мало страдало от диктатуры буржуазии, там в повстанческом движении принимали участие деревенская беднота и полупролетариат. Оно выливалось в форму отдельных, подвижных, не связанных с местом небольших повстанческих отрядов, не выливавшихся в организованные формы, не приобретавших формы устойчивого государственного существования. Наоборот, в районах же с сильно развернутыми аграрно-капиталистическими отношениями повстанческие отряды насчитывали в своих рядах десятки тысяч. Армии повстанцев были устойчивы, локально связаны, существовали продолжительное время и отливались в организованные формы. Уже колчаковская контрразведка отмечала в своих донесениях различную степень организации повстанческих отрядов. По словам колчаковской контрразведки, партизанское движение в Енисейской губернии Ачинского, Красноярского, Канского уездов, по своей организованности стояло выше партизанских выступлений Минусинского района. Можно определенно утверждать, что партизанское движение Алтая, партизанское движение между Красноярском и Иркутском и партизанское движение Минусинского края было гораздо организованнее и устойчивее партизанского движения Томской и Тобольской губерний. Здесь партизанское движение, партизанские армии существовали продолжительное время. Они вбирали в свои ряды большие массы участников, они вели систематическое наступление и систематическую борьбу с колчаковским правительством. Руководителями повстанческого движения повсюду были большевики. Эсеры и меньшевики не дали ни одного повстанческого отряда и ни одного руководителя повстанческим движением. Среди

повстанцев намечалось два течения: с одной стороны, течение, которым руководили большевики, выливавшееся в форму советских организаций, и с другой стороны, анархическое течение, подобное тому, что было на Украине в виде отрядов Махно. Анархично настроена была, не всегда однако, формулируя определенную анархическую идеологию, громадная часть крестьянства, стремившаяся лишь к уничтожению тех тягот, которые падали на крестьянство. Элементы сибирской махновщины были в минусинском крестьянском движении, принимавшем определенные организованные формы, были и в отдельных отрядах, принимавших участие в партизанской борьбе Западной Сибири. Но это не было характерным для всего партизанского движения Сибири. Сибирское крестьянство разных районов, борясь под организованным руководством партии большевиков, боролось, в значительной степени субъективно, за интересы буржуазно-демократической революции, объективно своей борьбой расчищая и подготовляя путь пролетарской социалистической революции. Между партизанским движением Алтая и партизанским движением Западной Сибири существовало, несомненно, социальное различие. Алтайское партизанское движение по большей части рекрутировалось из буржуазных группировок. В нем сливались и представители сельской буржуазии, и представители деревенского пролетариата. Эти районы были связаны крепкими узами и с внутренним, и с внешним рынками, и колчаковщина больно хлестнула прежде всего и больше всего по их хозяйственному укладу. Отсюда борьбу с колчаковщиной за торжество буржуазных начал начали экономически сильные алтайские крестьяне, в то время, как за торжество пролетарской революции здесь боролся деревенский пролетариат и полупролетариат. Обе эти социальные струи слились в одну армию под руководством коммунистической партии. Борьба шла частью с остатками феодального прошлого, в виде привилегированного казачьего землевладения, частью с остатками дворянского феодального прошлого, в виде существующих земельно-мощных старожильческих группировок, частью с диктатурой крупной буржуазии, несущей в деревню лишь налоги и тяготы, поборы и насилия. Эта борьба по своим целям была борьбой за буржуазно-демократическую революцию, но шла она планомерно и организованно под руководством партии, отдельных партийцев, объективно выливаясь в борьбу за торжество пролетарской социалистической революции. Самый успех борьбы зависел от слияния в борющейся армии пролетарских элементов с крестьянством. Крестьянские отряды росли в борьбе. Количественный рост предъявлял к ним новые требования, качественно меняя их. Вырастая из отдельных отрядов в огромные армии, они, естественно, должны были создать свои собственные организации. Удовлетворяя в первую голову боевые потребности, эти организации принуждены были распространять сферу своего действия на ряд вопросов и ряд областей, непосредственно не связанных с боями. Боевые потребности требовали устойчивого управления, устойчивых организаций для организации технического снабжения и материального обеспечения потребностей во всех областях. Вырастающая количественно армия прежде всего требовала устойчивых боевых организаций. Вслед за устойчивыми боевыми организациями необходимо было обеспечить армии тыл, обеспечить ее продовольствием, боевыми припасами, снабдить ее экономически. В крестьянских армиях и на захваченных повстанческим движе-

нием территориях существовали различные организации. На Канском фронте, например, был создан военно-революционный трибунал. Действия этого трибунала определялись инструкцией, своего рода кодексом законов, регулирующим все стороны жизни партизанских армий и населения Канского фронта. В этой инструкции было 64 пункта [1]). Интересно содержание этих пунктов и их расположение. Тут идут рядом статьи, карающие за нарушение боевых приказаний, со статьями, карающими за нарушение дисциплины на постое, карающими за нарушение интересов населения со стороны отдельных армейцев, и здесь же рядом идут статьи, определяющие положение и самого этого населения. «Кто не исполнит приказ или распоряжение во время боя, не имея на то уважительных причин, подвергается наказанию от 1 месяца общественно-принудительных работ до смертной казни», указано, например, в § 22. «Кто посредством бегства наведет панику в рядах нашей армии или в частях — от месяца общественно-принудительных работ до трех лет», сказано в § 35. А в § 14 указано наказание ворам-рецидивистам, в § 12 за убийство с целью грабежа, в § 45 за спекуляцию, в § 47 за выгонку самогона, в § 49 за пьянство и в § 58 опять за самовольное оставление поста без уважительных на то причин и т. д. Нормы наказаний за чисто боевые проступки, за проступки во время боя, мешаются здесь с нормами наказания за проступки по отношению к мирному населению, с нормами, регулирующими отношения мирного населения вообще. Это указывает на происхождение документа, но это указывает и на происхождение всей организации повстанческих армий. Количественный рост армии менял ее качественно; из отдельных небольших ударных отрядов она превращалась в устойчивую планово-организованную армию, ведущую систематическую борьбу, имеющую свою территорию, свой тыл, свои организации, а это усложняло действия крестьянской армии, заставляло определять положение и обязанности самих ее участников, ее отношение к окружающему населению, заставляло определять положение самого этого населения. Отсюда и вырастали организации крестьянских армий, организации партизанских армий, военных партизанских отрядов. Крестьянские партизанские армии пытались обслужить себя технически, создавая на захваченных территориях заводы для производства снарядов, военные школы для подготовки командного состава, создавали гражданские организации, аппарат советской власти, волостные суды, собирали крестьянские съезды, на которых разрешались вопросы руководства и организации жизни на захваченных территориях, ставились вопросы не только о военных мероприятиях, но и об организации экономической жизни. Например, 28 и 29 апреля 1919 г. на собрании представителей рот и отрядов Тасеевского фронта обсуждался вопрос о продовольствии, о весеннем засеве полей, об организации военного трибунала, о санитарном положении солдат, доклады с мест, организованные армейскими отделами и т. д. От этой советской власти, державшей в своих руках руководство всем партизанским движением, издавались постановления и приказы, касающиеся экономических вопросов. Армейские советы Канского фронта регулировали цены на продукты. Крестьянский съезд в ноябре 1919 года издал список твердых цен и ставки на рабочие руки. Осенью 1919 года Высший совет народного хозяйства Тасеев-

[1]) Напечатаны в книге Яковенко В. Т. «Записки партизана», стр. 94—97.

ского района, заметив, что жители увлекаются сбором ягод, не закончив хлебной уборки, издал объявление:

«Ввиду того, что на полях не убрано много хлеба и овощей, а некоторые жители села Тасеева ходят собирать ягоды, Высший совет народного хозяйства просит граждан села Тасеева прекратить сбор ягод и употребить это время на более полезное и более нужное, — на уборку хлеба и овощей. За нарушение настоящего распоряжения виновные будут караться по всей строгости законов военного времени».

Коммунистические организации крестьянских отрядов выработали свой устав, который указывал права и обязанности членов партии. В этом уставе, состоящем из 23 параграфов, указывалось, что должен делать и какую работу должен вести коммунист. «Каждый, вступивший в число членов партии, сказано было в этом уставе, должен служить нравственным примером окружающей его среде и во всем вести себя честно, безукоризненно. Он должен быть предан своей партии настолько, чтобы в интересах партии не жалеть своей жизни». И этот пункт устава был не пустым звуком, не декламационным выступлением, — он осуществлялся все время на практике, поскольку как раз на коммунистов, руководивших борьбой повстанческих отрядов на захваченных диктатурой крупной буржуазии территориях, пала вся тяжесть и организации борьбы и идеологического руководства.

Партизанское движение в Сибири наносило страшные удары колчаковской армии, и диктатура крупной буржуазии не останавливалась ни перед чем в своей борьбе с повстанческим движением. Ликвидировать во что бы то ни стало, уничтожить, разбить, раздавить повстанческое движение, — к этому направлены были соединенные усилия и чешских отрядов и колчаковских генералов. Повстанцы, по мнению представителей крупной буржуазии, подлежали полному уничтожению, нужно было раз навсегда отучить пролетариат и крестьянство от восстаний, а для этого, по мнению диктаторов, хороши были все средства. Колчак лично приказал покончить во что бы то ни стало с повстанческим движением, не останавливаясь ни перед чем. Незадолго перед этим Япония, ведя борьбу с партизанским движением, начала сжигать целые селения жителями. Верховный правитель 20 марта 1919 года приказал:

«Покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими, мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван повидимому самой необходимостью добиться успеха в трудной партизанской войне в лесистой местности» [1]).

Командующий войсками борющимися против партизан Сибири, приказал брать из населения заложников, собирать всех способных к бою мужчин и запирать их в каком-нибудь здании, а в случае выступления партизан — расстреливать. Дома заложников предписано сжигать, а самих заложников расстреливать. Но ни расстрелы, ни сжигание целых селений, ни обстрел снарядами с удушливыми газами не останавливали партизанского движения, и оно все больше и больше росло. Партизанские армии принимали устойчивый организованный характер, и в одном из донесений колчаковский генерал с

[1]) «Партизанское движение», т. I, стр. 113.

ужасом указывал, что он имеет перед собой организованные и устойчивые армейские отряды.

«Приходится иметь здесь дело не с бандами, а с организованной частью старых солдат, которые бывают иногда достаточно храбры и выстраивают такие штучки, которые нельзя было от них ожидать» [1]).

На борьбу с партизанским движением в Сибири диктатура буржуазии бросала свои лучшие кадровые части, но все, что она могла сделать, — это удержать в своих руках тонкую линию железной дороги. Повсюду во всех остальных местностях власть ускользала из рук диктатуры крупной буржуазии; города превращались в крепости. Буржуазия находилась среди восставшего и бурлящего партизанского моря. Партизанское движение оказалось устойчивым и крепким. Оно организационно росло, оно давало отпор, разлагая и уничтожая отряды колчаковской армии. Оно вступило в борьбу вслед за войсковой организацией русской буржуазии с войсковым аппаратом мировой буржуазии, ведя ожесточенную борьбу на Дальнем Востоке с японскими интервентами, сражаясь с чешскими отрядами, приковывая к себе большие силы колчаковской армии, препятствуя и разрушая связь между колчаковским тылом и фронтом и облегчая наступление идущей с Урала Красной армии. В Сибири все крестьянское движение шло под знаменем коммунистической партии, шло с лозунгом «восстановление советской власти»; отдельные слои крестьян вели борьбу за буржуазно-демократическую революцию, но все крестьянство целиком одинаково противопоставляло диктатуре буржуазии диктатуру пролетариата, боролась за социалистическую революцию, на защиту которой оно мобилизовало тысячные армии.

Партизанское движение рабочих и крестьян Украины было пестрей социально и пестрей идеологически.

Крестьянское движение на Украине не дало таких устойчивых и резко выраженных форм, какие давало крестьянское движение в Сибири, но оно шло не менее интенсивно. Крестьянское движение в украинских губерниях переживает два периода в зависимости от истории самой контрреволюции на Украине. Торжество украинской директории и немецкой оккупации, принесшей за собою в деревню поборы, выкачку хлеба, выкачку сырья немецкими оккупантами,— вызвало широкую волну крестьянского движения, шедшего частью под флагом национально-демократического, петлюровского, движения, а в большей своей части — под флагом советской власти. Организатором и руководителем крестьянства в ряде районов — Екатеринославском (Днепропетровском), Одесском — выступали большевики. Это движение вылилось в ряд партизанских выступлений, истреблявших отдельные мелкие немецкие отряды, вылилось в почти поголовное восстание крестьянства Украины против немецкой оккупации и гетмана Скоропадского. В борьбе с немецкой оккупацией и властью Скоропадского слились две струи. Крестьянство боролось против реализации земельных законов Скоропадского, восстанавливающих помещичью монополию на землю и против немецких оккупантов, выкачивающих из крестьянского хозяй-

[1]) «Партизанское движение в Сибири», т. 1, стр. 87.

ства сырье. Падение Скоропадского и уход оккупационных войск из Украины передали большую часть украинской территории в советские руки. Но навстречу советской лавине, на смену Скоропадскому и оккупантам двигалась армия «великой и неделимой» под командою Деникина. В занятых Деникиным областях крестьянское движение принимает новый характер. Здесь частью сохраняются те отряды, которые выступали против немецкой оккупации, в виде отрядов Махно, которые то ведут во имя торжества мелкого крестьянского хозяйства борьбу с Деникиным, то вступают в борьбу, во имя тех же начал, и с диктатурой пролетариата. На Украине движение, возглавляемое Махно, приняло устойчи-

Махно и его штаб. Гуляй-поле, март 1919 г.

вый характер, охватив ряд аграрно-капиталистических районов Украины. Здесь крестьянское хозяйство фермерского типа выставило многочисленные крестьянские отряды, ведущие борьбу с целью реализации и осуществления на практике вольных организаций мелких товарных производителей, освобожденных как от господства крупной промышленной буржуазии и помещиков, так и от диктатуры пролетариата. В казачьих районах, на Дону и Кубани, в период торжества там контрреволюционных государственных образований, устойчивого крестьянского движения не наблюдалось. Связанные с диктатурой пролетариата отряды крестьянской армии в момент торжества контрреволюции попытались отступить организованным порядком с Кубани и Дона, а компактная казачья масса, поддерживающая контрреволюционные государственные образования на Дону и Кубани, долго не давала развиться и развернуться крестьянскому

движению в этих областях. Выявление перед широкими массами истинной сущности деникинской диктатуры, привело к тому, что противниками диктатуры становились не только пролетарско-крестьянские массы Украины, но и казачья масса начала колебаться и расслаиваться, а внедрение деникинских войск в районы центрально-великорусские приводило к тому, что не только вокруг Красной армии группировались все новые и новые массы защитников диктатуры пролетариата, но и в тылу росло количество выступлений против диктатуры буржуазии. Начали колебаться бедняцкие слои казачества, пришло в движение по всей Украине крестьянство, и диктатура Деникина, не имея экономических корней и не имея вокруг себя сил, за исключением классово-подобранных отрядов буржуазии, начала падать и разваливаться, быстро оставляя захваченные ею территории и возвращаясь к морю.

Последний момент контрреволюционных выступлений и в Сибири, и на севере, и на юге России дает однообразную картину экономического распада. Диктатура крупной буржуазии приводила к тому, что от нее отслаивались все большие и большие массы мелкой буржуазии деревни и города. Против нее выступали компактным строем пролетариат, полупролетарии и пролетарии деревни и огромная масса крестьянского середняка. Диктатура крупной буржуазии и помещиков прежде всего уничтожалась сама собою экономически, но, отступая, падая под натиском ударов пролетарско-крестьянской армии, диктатура крупной буржуазии и помещиков повсюду уступала власть мелкой буржуазии города и фермерской верхушке деревни с тем, чтобы под знаменем и покровом демократических формул расширить плацдарм своей власти и перейти вновь в наступление. В Сибири в то время, когда пролетариат и крестьянство заполняли собою партизанские отряды и уничтожали диктатуру Колчака, в тот момент, когда колчаковская армия была загнана в таежные снега, мелкая буржуазия города, меньшевики и эсеры, снова пытаются выйти на сцену и создать организацию, цель которой — собрать силы для борьбы с диктатурой пролетариата. Специфические международные условия борьбы на Дальнем Востоке давали возможность мелкой буржуазии, эсерам и меньшевикам, опираясь на международную обстановку в тот момент, когда внутренние фронты гражданской войны всецело подошли уже к границам старой России, вновь выплыть на сцену. Попытка создания сначала политического центра в Иркутске, а потом буферной республики на Дальнем Востоке, была попыткой меньшевиков и эсеров, опираясь на международную обстановку, расчистить для себя плацдарм для борьбы с диктатурой пролетариата.

Ту же самую картину приходится наблюдать и на севере,— в Архангельске, и на юге. Под ударами Красной армии рассыпался фронт Архангельского правительства, и интервенционный корпус принужден был очищать захваченные им области Севера. В тот момент, когда Красная армия переходит в наступление и диктатура буржуазии на севере в лице генерала Миллера терпит поражение, эсеры пытаются собрать обломки Учредительного Собрания и под покровом демократических фраз вновь организовать силы для борьбы с диктатурой пролетариата, поддержать и укрепить разваливающееся здание диктатуры буржуазии и помещиков. И та же самая картина наблюдается на далеком юге, в кубанских

степях. Когда удары Красной армии отбросили Деникина от Москвы и загнали в кубанские степи, генерал Деникин слагает свою власть. Остатки же Кубанского областного правительства пытаются создать среди всеобщего развала новое демократическое правительство, т. е. опять выдвигают на сцену мелкую буржуазию и под ее покровом и с ее поддержкой пытаются сформировать новые силы для борьбы с диктатурой пролетариата. Диктатура крупной буржуазии теряет массы мелкой буржуазии, мелких товаропроизводителей, идущих за ней. И в тот момент, когда эти массы всецело переходят на сторону диктатуры пролетариата, представители аграрно-капиталистической верхушки деревни, торговый капитал города, меньшевики и эсеры вновь выходят на сцену, вновь подчеркивают свою непримиримую борьбу с диктатурой пролетариата. Меньшевики и эсеры как в начале движения контрреволюции и гражданской войны, так и в конце гражданской войны пытаются расчистить путь крупной буржуазии и помещикам. Они играют чисто контрреволюционную роль, прикрываясь фразами о народовластии. Противопоставляя народовластие диктатуре пролетариата, они все время пытаются помочь сорганизоваться и выступить армиям крупной буржуазии. Путь российской контрреволюции начинается и заканчивается, открытым выступлением меньшевиков и эсеров. Окончание гражданской войны связывается с уничтожением всех контрреволюционных государственных образований на российской территории. Подойдя вплотную к внешним границам республики, гражданская война из войны внутренней переходит в войну внешнюю. Против диктатуры пролетариата выступает мировая буржуазия, уже не в виде интервенционных корпусов, а в виде открытой армии непосредственных агентов и слуг мировой буржуазии, ведущих борьбу с диктатурой пролетариата. Против диктатуры пролетариата выступает Польша и рядом с Польшей вместе, как бы демонстрируя и подчеркивая тесную связь российской контрреволюции с мировыми империалистами, на сцену выступает правительство Врангеля, созданное в Крыму силою французских и английских штыков и польского выступления. В лице правительства Врангеля и Польши диктатура пролетариата имеет общего врага, имеет планомерно организованную гражданскую войну, перерастающую из войны внутренней — внутри страны, в войну внешнюю — в которой против диктатуры пролетариата выступают войска мировой буржуазии и русских контрреволюционеров..

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VII ГЛАВЕ.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ КАК ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА.

I. Маркс и Энгельс и Ленин об экономической политике в период пролетарской диктатуры — общая постановка вопроса.

1) Экономическое положение перед Октябрем и программа экономической политики нашей партии накануне Октябрьского переворота.

2) Экономические мероприятия соввласти до «военного коммунизма» (анализ основной линии экономической политики партии в первый период после захвата власти).

3) Причины перехода к «военному коммунизму».

II. «Военный коммунизм» как хозяйственная система и его сущность.

1) Анализ экономики и экономполитики «военного коммунизма» в городе и в деревне. Неизбежность в этих условиях «потребительского коммунизма».

2) Историческая заслуга «военного коммунизма» (в каком смысле политику «военного коммунизма» можно считать ошибочной).

3) Причины перехода к нэпу.

ЛИТЕРАТУРА.

Ленин, т. XIV, ч. II, «Грядущая катастрофа и как с ней бороться».
Его же, т. XVIII, ч. I, «Речь на Московской губ. конференции».
Его же, т. XVIII, ч. I, «Речь на II Всероссийском съезде политпросветов».
Коммунистический манифест Маркса и Энгельса.
Крицман, — Героический период русской революции.

ГЛАВА VII.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ КАК ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА.

а) ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ ОТ ОКТЯБРЯ ДО ПЕРЕХОДА К «ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ».

«Теоретически не подлежит сомнению, — говорил Ленин, — что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом» [1]).

Эти строки были написаны осенью 1919 г., в самый разгар гражданской войны, когда крепла система так называемого военного коммунизма.

Но тактика борьбы коммунизма с капитализмом не может быть одной и той же на различных этапах этой борьбы. Она определяется всей совокупностью обстановки, в том числе и тактикой самого противника.

Завоевание власти Советами отнюдь не должно было означать немедленного перехода к социализму. Не

«введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов»,

писал Ленин по своем приезде в Россию в тезисах о задачах пролетариата в данной революции, в апреле 1917 г.

«Никаких преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, не «вводит» и не предполагает «вводить» и не должна вводить»,

говорил он в другой своей программной работе «О задачах пролетариата в нашей революции».

В вышеприведенных цитатах точно формулируется неизбежность и необходимость медленного постепенного движения к социализму. Но в то же время только движение к социализму могло вывести страну из того кризиса, который она переживала в результате империалистической войны и начавшегося сабо-

---

[1]) Ленин, «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», т. XVI, стр. 347. Все цитаты из Ленина приведены по 1-му изданию 1924 г.

VII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ
РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ 5—9 ДЕКАБРЯ 1919 Г.

тажа промышленников, приступивших к выполнению провозглашенной Рябушинским программы удушения революции костлявой рукой голода. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал в середине сентября 1917 г.:

«Стоять на месте нельзя в истории вообще, во время войны в особенности. Надо итти либо вперед, либо назад. Итти вперед в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, н е л ь з я не и д я к социализму, не делая ш а г о в к нему (шагов, обусловленных и определенных уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести в земледелие крестьян», его нельзя отменить в сахарном производстве). А если бояться итти вперед, — э т о з н а ч и т итти назад, чем господа Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются» [1]).

В качестве мер, являющихся шагами к социализму, партией выдвигалась «национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или по крайней мере установление немедленного контроля над ними Совета рабочих депутатов». Эти меры, однако, отнюдь не означали еще «упразднения капитализма». Национализация банков и синдикатов не уничтожала капиталистических отношений, ибо ни предприятия, ни их капиталы не национализировались: в руки нового рабочего государства передавался лишь мощный аппарат, контролирующий в основном всю капиталистическую экономику. Ленин приводил в одной из своих позднейших речей пример с декретом о монополии на объявления как показатель того, что советская власть не упразднила частные коммерческие объявления, а лишь монополизировала их помещение в печати, а следовательно, не упразднила и ту экономику, которая в этих объявлениях нуждалась.

Равным образом говоря о деревне, Ленин указывал, что национализация земли не будет еще означать упразднения капитализма.

«Помещики будут свергнуты, потому что народ этого хочет, но к а п и т а л и з м остается: его свергнуть гораздо труднее, к свержению его ведет другой путь: это — путь самостоятельных отдельных организаций сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян. Вот что наша партия выдвигает в первую голову» [2]).

Партия, руководимая Лениным, отчетливо сознавала неизбежность сохранения в известных, и весьма значительных, пределах капиталистической экономики, капиталистических отношений. Мало этого, перед партией стояла задача — использовать эту экономику для дела постепенного перевода всего хозяйства на новые, социалистические рельсы. Экономическая действительность была такова, что многое еще нужно было доделать, чего не смог доделать капитализм.

Хотя новейший этап капиталистического развития — империализм — и знаменовал далеко зашедший процесс концентрациии и централизации производства и капитала, хотя он и означал установление господства монополий, но нигде, ни в одной стране нет и не может быть «чистого» монополистического капитализма, как нет и «чистого» капитализма вообще. Монополии существуют наряду со свободной конкуренцией; создание монополистических объединений не может уничтожить анархии капиталистического способа производства; капитализм попрежнему остается окруженным докапиталистическими группами,— остатками прежних хозяйственных форм. Монополии подготовляют переход к социализму. «Империализм есть полнейшая материальная подготовка социализма» (Л е н и н). Замена капиталистического управления монополиями означает, что «монопольная организация перестает быть капиталистической». Но

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 208.

[2]) Речь на I съезде крестьянских депутатов, Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 171.

в то же время остаются не объединенные предшествующим процессом более мелкие капиталистические группы, и, что особо важно, остаются докапиталистические слои, крестьянство. Отсюда — неизбежность переходного периода и всей его трудности.

Еще основоположники научного социализма Маркс и Энгельс указывали на необходимость медленного, постепенного преобразования экономики после захвата власти пролетариатом. Говоря о мероприятиях, которые должны быть предприняты победившим пролетариатом (экспроприация земельной собственности, высокий прогрессивный налог, уничтожение прав наследства, конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, централизация кредита в руках государства), Энгельс пишет: «Все эти мероприятия нельзя, разумеется, провести сразу. Но одно из них будет влечь за собой другое». Даже о самой экспроприации он также говорит очень осторожно: «Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и морских судов частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно — путем выкупа ассигнатами» («Принципы коммунизма», — «Коммунистический манифест», изд. Института Маркса и Энгельса, стр. 316). В одной из последних своих работ — «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» — Энгельс указывает на необходимость постепенного преобразования разрозненного сельского хозяйства на новых коллективных началах.

«Мы решительно стоим, — говорит Энгельс, — на стороне мелкого крестьянина и будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится. В том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке» [1]).

Наиболее трудны задачи, встающие перед пролетариатом в переходный период в такой стране «мелкого и мельчайшего» крестьянского хозяйства, как Россия, где наряду с последним словом капиталистического развития — капиталистическими монополиями — сохранилось еще и «патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное хозяйство».

«В России преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, — пишет Ленин в своей работе «О левом ребячестве и мелкобуржуазности», — от которого и к государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов» [2]).

Отсюда вывод, что капиталистические отношения под контролем пролетарского государства могут и должны быть использованы для преодоления мелкобуржуазной стихии, пытающейся срывать общегосударственные планы.

Пролетариат еще не умеет сам управлять хозяйством, он только контролирует, чтобы постепенно заменить прежних хозяев. Рабочий контроль, установленный после революции, являлся лишь первым шагом пролетариата к упра-

[1]) Разрядка наша. — Ред.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 268.

влению промышленностью. Рабочий класс еще должен был учиться, а следовательно, платить за науку.

И Ленин прямо ставит вопрос:

«Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, даже если бы... мы заплатили больше, чем теперь, ибо заплатить «за науку» стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью — важнее всего, ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно, тогда как уплата большой дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму» [1]).

Но всего за $4^1/_2$ месяца до этой брошюры Ленин внес в бюро ВСНХ проект декрета «О социализации народного хозяйства», где первым пунктом было: «Все акционерные предприятия объявляются собственностью государства»,—декрет, на первый взгляд как будто бы находящийся в противоречии со всей позицией Ленина. Здесь пред нами пример того, как тактика противника заставляет рабочий класс итти дальше, чем хотелось бы. Желание использовать капиталистические отношения упиралось в позицию, которую занимала буржуазия и ее соратники. Это был период самого острого саботажа как со стороны промышленников, так и интеллигенции. Он вынуждал к ответу, и советская власть была принуждена продолжить прямое наступление на капиталистическую собственность. Но вот саботаж сломлен, и в той же брошюре «О левом ребячестве», полемизируя с левыми коммунистами, Ленин пишет:

«Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью», без умения правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого уменья нельзя» [2]).

И как мы уже указывали, в этой брошюре Ленин развернул план движения социализма путем использования капиталистической экономики. Но этот план был сорван развернувшейся гражданской войной. Спор с буржуазией пошел не о том, сколько ей должен заплатить пролетариат за науку, а по вопросу о власти. Укрепление под защитой германского империализма контрреволюции на Украине, восстание по прямой директиве Антанты чехо-словаков — толкнули буржуазию на отказ от всякого соглашения с рабочей властью. Буржуазия начала разговаривать языком орудий и пулеметов.

«Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали» [3]).

б) «ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ» КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА.

Первым ответом в области экономической политики со стороны советской власти на новое выступление контрреволюции был декрет о национализации

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 266.

[2]) Стр. 262.

[3]) Ленин, Речь на Московской губ. партконференции, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 393.

промышленности. Буржуазия отказалась от предлагаемого сотрудничества и перешла к вооруженной борьбе. Это вынудило рабочий класс к новому наступлению на частную собственность. Нельзя было оставлять предприятия в руках врага, перешедшего к прямой борьбе. Как в период саботажа наступление на капиталистическую собственность было одним из главных орудий борьбы с нашей стороны, так и сейчас ответом на гражданскую войну было новое наступление на капитал — национализация капиталистической промышленности. И «в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты», как гласит из-

данный 28 июня 1918 г. декрет Совета Народных Комиссаров, все крупные предприятия были объявлены собственностью государства.

Активным союзником крупной буржуазии был деревенский кулак. Еще до начала гражданской войны богатый крестьянин начал проводить тактику измора революции. Теперь он не только усилил эту тактику, но и выступил как прямой участник борьбы, как ядро белых армий и организатор восстаний. Поэтому наступление на капитал не могло не быть наступлением на кулака. Уже в мае 1918 г. мы приступили к формированию рабочих продовольственных отрядов и созданию комитетов деревенской бедноты. Затем следует переход к обязательному товарообмену, что явилось уже началом продразверстки.

Мы не будем излагать в исторической последовательности, как развивалась система «военного коммунизма», и лишь отметим некоторые важнейшие этапы. 21 ноября 1918 г. выходит Положение об организации снабжения, по которому на Наркомпрод возлагалось распределение среди населения по твердым

ценам не только продуктов сельского хозяйства, но и промышленных товаров. 5 августа 1919 г. издается декрет «о товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов». Приведем некоторые пункты этого знаменательного декрета.

«Народному Комиссариату Продовольствия и Высшему Совету Народного Хозяйства по их соглашению поручается распубликовать список продуктов сельского хозяйства и промыслов, подлежащих в той или иной губернии обязательной сдаче.

Народный Комиссариат Продовольствия и его органы, а, в подлежащих случаях, по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства и его органов, устанавливают для каждой губернии и района в отдельности количество продуктов сельского хозяйства и промыслов, подлежащих обязательной сдаче, и количество товаров, отпускаемых для снабжения сельского населения».

Так получила свое завершенное выражение «продразверстка», бывшая основой системы «военного коммунизма».

«Мы решили,— говорит Ленин,— что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [1]).

В соответствии с этим строилась и вся система народного хозяйства. После декрета о национализации вся крупная и средняя промышленность перешла в руки государства. К 1 ноября 1920 г. из общего количества 6 908 предприятий, состоявших на учете в ВСНХ, было национализировано 4 547, т. е. 65,7%. Постановлением ВСНХ от 29 октября 1920 г. дополнительно были объявлены национализированными все частные предприятия с числом рабочих свыше 5 при механическом двигателе и 10 — без такового. Управление промышленностью было организовано по так называемой системе главкизма. Она состояла в следующем: при ВСНХ было создано 42 главка и центра, возглавлявших управление той или иной отраслью промышленности. На местах были организованы их отделения, являвшиеся хозяевами предприятий данной отрасли промышленности в этом районе. Эти отделения подчинялись непосредственно главкам при ВСНХ, а за местными совнархозами оставалось только право наблюдения, что обычно приводило к полному устранению мест от влияния на производство, ибо все вопросы разрешались в центре. У местных совнархозов осталась лишь мелкая промышленность, и то преимущественно по второстепенным отраслям. Главки являлись и органами распределения продукции подведомственной им промышленности. Отношения между отдельными промышленными предприятиями были построены не на основе денежного расчета, а на основе непосредственного снабжения через главки по системе ордеров и нарядов необходимым сырьем и полуфабрикатами. Во время гражданской войны, в условиях острой нехватки самых необходимых предметов, постоянных кризисов с сырьем и топливом, — строгая централизация была неизбежна.

Таково же было положение и с распределением продуктов и предметов широкого потребления среди населения, которые распределялись по всем памятной к а р т о ч н о й с и с т е м е. Как мы уже упоминали, все дело снабжения населения и армии было сосредоточено в органах Комиссариата Продовольствия,

[1]) Л е н и н, Речь на II съезде политпросветов, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 372.

частью которого стала и кооперация. Была проведена обязательная приписка населения к кооперативам, и кооперация превратилась в простой аппарат распределения Наркомпрода.

Одновременно берется курс на отмирание денег. В связи с национализированием промышленности, введением государственного распределения и перехода торговли на нелегальное положение прямые и косвенные налоги перестали играть сколь-либо значительную роль в государственном бюджете. Если еще в 1918 г. прямые налоги составляли 68,9% всех бюджетных поступлений, то их значение в доходной части бюджета в 1919 г. упало до 5,7%. Косвенные же налоги в том же году составляли 8,9% всех поступлений. Самой значительной статьей денежного дохода государства были поступления по операциям снабжения населения (36,9%). Но так как это снабжение происходило по твердым ценам, которые были значительно ниже цен вольного рынка (в 1920 году твердые цены были ниже вольных в 46 раз), то значение и этих поступлений было крайне невелико.

Этот курс на быстрое отмирание денег отразил в своей «Экономике переходного периода» тов. Бухарин. Он пишет:

«Связи кредитно-денежного и финансово-капиталистического типа рвутся при завоевании власти пролетариатом целиком, бесповоротно и навсегда. При захвате банков кредитные отношения лопаются, и ни о каком «восстановлении кредита» не может быть и речи, ибо нарушена вся основная система привычных отношений, исчезло всякое «доверие», а государство пролетариата представляется в буржуазном сознании как коллективный бандит» (стр. 79).

И при всем том деньги и при «военном коммунизме» продолжали существовать. Мало того, всем памятен тот поток бумажных денег, который наводнял страну в то время.

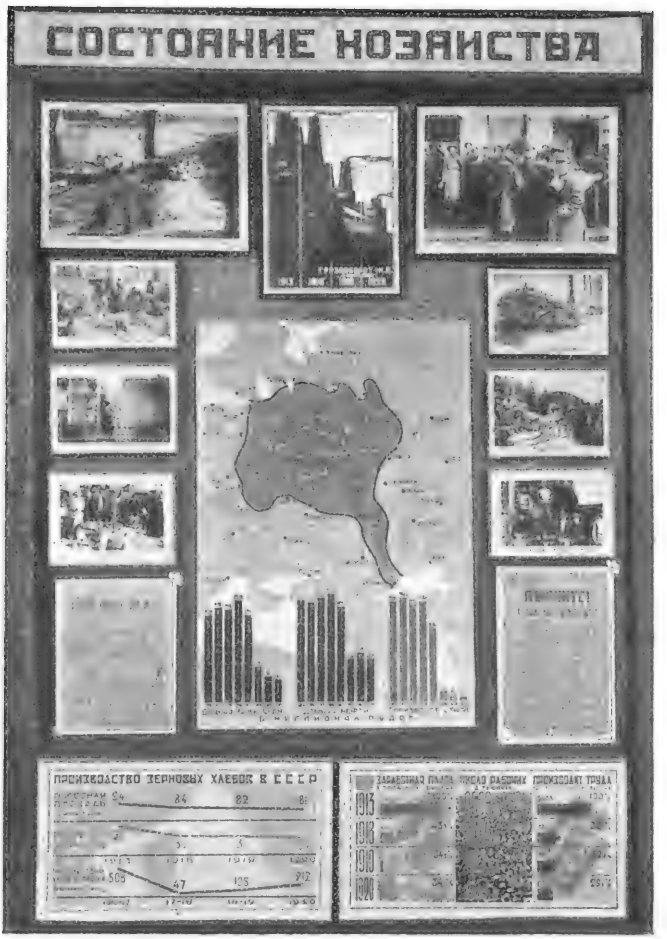
Что же являлось причиной этого? Ответом на это было состояние государственного снабжения населения. Тов. Ленин в своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» приводит следующую таблицу, показывающую состояние производства и снабжения хлебом за 1918 г. по 26 губерниям Советской России [1]).

26 губерний Сов. России	Население (млн.)	Производство хлеба (без семян и без кормов)	Доставлено хлеба		Все количество хлеба, коим располагало население	Потребление хлеба на душу (пуд.)
			Компродом	Мешочниками		
		(В млн. пудов)				
Производящие губернии . . .	Города 4,4	—	20,9	20,6	41,5	9,5
	Села 28,6	625,4	—	—	481,8	16,9
Потребляющие губернии . . .	Города 5,9	—	20,0	20,0	40,0	6,8
	Села 13,8	114,0	12,1	27,8	151,4	11,0
Всего (26 губ.) .	52,7	739,4	53,0	68,4	714,7	13,6

[1]) Собр. соч., т. XVI, стр. 350.

«Итак, — говорит он, — приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешочники».

Вот эта необеспеченность населения необходимыми продуктами сельского хозяйства и фабрикатами и заставляла обращаться к вольному рынку и подпольной торговле и была причиной того, что денежные отношения не могли быть уничтожены.



Путем выпуска бумажных денег совершалось дополнительное изъятие продуктов у их производителей. Это изъятие главным образом происходило не через государственные органы, а в процессе рыночных взаимоотношений лиц, получающих деньги от государства в виде заработной платы, с продавцами хлеба. Так как государство не могло даже в минимальной степени обеспечить снабжение населения, то оно вынуждено было сохранить денежные формы заработной платы. Тов. Крицман в своей работе о «военном коммунизме» приводит следующие данные об удельном весе государственного снабжения в общем бюджете рабочего (в процентах):

В 1918 г.	41
» 1919 »	63
» 1920 »	75 [1])

Следовательно, даже в 1920 г. 25% своего бюджета рабочий расходовал на вольном рынке. Как же происходило изъятие продуктов сельского хозяйства?

[1]) Крицман, Героический период русской революции. М. 1925, стр. 135.

Извлечено продуктов

(в млн. довоенн. руб.)

Годы	Развесткой	Эмиссией
1918/19	127	523
1919/20	253	390
1920/21	451	200 [1])

Эти данные говорят о том, какую крупную роль сыграли бумажные деньги в тот период. Они же объясняют нам, почему при всей решительности, при всей борьбе с мешочничеством мы все же были вынуждены терпеть «Сухаревку» [2]).

При сокращении денежных поступлений государство вынуждено было нажать на печатный станок, ибо дефицитность бюджета возрастала. С 66% в 1918 г. до 89,9% в 1920 г. расходная часть бюджета покрывалась за счет дополнительного выпуска бумажных денег. Хотя государство через свои продовольственные органы охватывало все в большей мере снабжение рабочих и служащих, но в связи с падением бумажного рубля эту, правда все уменьшающуюся по своему ценностному выражению, часть расхода оно должно было покрывать все возрастающей денежной эмиссией. Падение рубля характеризуется следующими данными: золотой рубль в 1918 г. равнялся 7 руб. 85 коп. бумажным, а в первой половине 1921 г. — 11 300 бумажным рублям.

---

[1]) Крицман, указ. соч., стр. 139.

[2]) Сухаревка — рынок в Москве, воплощение вольной торговли эпохи «военного коммунизма», был закрыт в конце 1920 г.

Вместе с тем идет и падение производительных сил во всем нашем хозяйстве. Контрреволюция отрезала главнейшие области снабжения хлебом (Украина, Северный Кавказ и Сибирь), а также центры снабжения нашей промышленности топливом и металлом (Баку, Грозный, Донбасс, юг Украины). Но этот процесс развала нашего хозяйства происходил не только под влиянием гражданской войны. Прежде всего чрезвычайно скверно отражалась на всем нашем хозяйстве размычка между городом и деревней. Вместо помощи крестьянскому хозяйству в период «военного коммунизма», мы кредитовались у крестьянина. «В условиях кризиса, бескормицы, падения скота крестьянин должен был оказывать кредит советской власти во имя крупной промышленности», говорил Ленин на X съезде партии. Если в довоенное время крестьянство потребляло около 711 млн. метров мануфактуры, то в 1920 г. для снабжения деревни было направлено всего 127 млн. метров. Даже в области цен, несмотря на голод в городах, отношения складывались не в пользу деревни. Об этом свидетельствует, например, выступление одного депутата крестьянина на VIII Съезде Советов:

«Я отдал государству пуд хлеба, а мне нужны грабли. Я иду в государственное учреждение, в кооператив, где мне дают грабли, и я плачу за них 65 руб., значит — полтора пуда хлеба. Почему так? Это значит, что государственное учреждение не сумело дать мне грабли по такой самой мерке, по которой берет хлеб, следовательно, в основу оценки не положен принцип затраты труда» [1]).

Тов. Вайсберг в своей работе «Деньги и цены» приводит следующие данные относительно темпа роста цен на различные товары на вольном рынке в Москве:

Темп движения цен по Москве.

(Во сколько раз цены каждого последующего месяца увеличились по отношению к ценам предыдущего месяца, принятым за единицу.)

Название продукта	За 1920 год											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Печеный хлеб . .	1,08	1,02	1,13	0,98	1,38	1,24	1,12	1,13	0,88	1,08	1,17	1,55
Ситец . . .	—	1,0	1,59	1,37	1,33	1,81	1,37	1,96	1,00	1,24	1,23	1,05

Крестьянин начинает сокращать посевную площадь, урожайность падает, и уменьшается количество скота. Наша попытка регулировать сверху крестьянское хозяйство, путем административного и общественного воздействия заставить крестьянина увеличить посевную площадь (посевкомы), не увенчалась значительным успехом. Крестьянин, как мелкий производитель, должен быть лично заинтересован в поднятии производительных сил сельского хозяйства. Этой личной заинтересованности в период «военного коммунизма» с его продразверсткой быть не могло. И

[1]) Стенографический отчет, стр. 136.

к 1921 г. общий уровень сельского хозяйства составлял всего лишь около 60% от довоенного (некоторые экономисты считают, что падение сельского хозяйства было еще больше). В особенности сократилась товарность сельского хозяйства. В то время как под хлебом посевная площадь сократилась на 25%, под техническими культурами она сократилась на 56%. Сельское хозяйство все более становилось потребительским, обслуживающим личные нужды крестьянина.

В то же время период «военного коммунизма» подравнял деревню. Значительно ослабла деревенская верхушка, а беднота поднималась на ноги. Об этом свидетельствуют цифры, приводимые тов. Теодоровичем на VIII Съезде Советов:

(по 26 губерниям)

	1917 г.	1919 г.		1917 г.	1919 г.
	(в процентах)			(в процентах)	
Беспосевные	12	6	Безлошадные	28	25
От 1 до 2 дес.	20	32	С 4 и более лошадьми	2	0,5
До 6 дес.	68	59	Бескоровные	18	15
Свыше 6 дес.	6	1			

Но в особенности остро процесс падения производительных сил выявился в городах. Уже в начале 1920 г. на III Съезде Советов народного хозяйства тов. Рыков отмечал, что из 4 тысяч национализированных крупных предприятий работают только около 2 тысяч, или 50%. Продукция промышленности сократилась еще более, и к концу 1920 г. составляла всего 18% довоенной. В особенности сильно пала производительность в тяжелой индустрии. Например, выплавка чугуна на Урале в 1920 году составляла всего 8% довоенной, выработка полупродукта — 12%. Топливный кризис, отсутствие сырья и голод в городах были причиной такого сильного падения производительности. Средняя месячная заработная плата рабочего уже в 1919 г., составляла всего 6,7 золотых рублей. В связи с тем, что денежная плата составляла незначительную долю в общем снабжении рабочего, которое производилось натурой вне зависимости от квалификации, заработная плата по различным категориям рабочих подравнялась. Все это привело к сильному падению производительности труда и к бегству пролетариата из городов. Несмотря на то, что в то время работало только 50% предприятий с незначительной программой работ, остро ощущалась нехватка рабочей силы. По данным Отдела учета и распределения рабочей силы в 1920 г. на рынке труда было записано безработных 91 тысяча, предложено мест 146 тысяч, послано 81 тысяча, принято 22 тысячи (данные в среднем за месяц). Тов. Рыков на том же съезде совнархозов говорил:

«В отношении к фабрично-заводской промышленности особое значение имеет кризис живой рабочей силы, ибо даже в тех отраслях промышленности, которые снабжают нашу армию, мы все время бьемся из-за отсутствия квалифицированных рабочих» [1]).

Хотя промышленность того времени и была сугубо централизована, и мы пытались проводить тогда строгий план, но планирование не могло иметь успеха,

[1]) Рыков, Статьи и речи, стр. 151.

ибо все народное хозяйство шло под гору. Мы потребляли значительно больше, чем производили. На VIII съезде советов тов. Рыков приводит следующие данные, говорящие о происшедшем сокращении запасов в стране [1]):

	Имелось к 1918 г.	Налицо
Металла	44 млн. пуд.	9 млн. пуд.
Тканей	1 500 » арш.	40 » арш.

Нужно признаться, что сугубая централизация отнюдь не способствовала изживанию этих кризисов, а наоборот, часто способствовала их возникновению. «Советское государство вынуждено было непосредственно управлять громадной массой самого разнообразного типа предприятий, обслуживание которых далеко не соответствовало всем сырьевым и продовольственным ресурсам, которые находились в нашем распоряжении»,— так расценивал нашу систему управления промышленностью впоследствии наказ Совета Народных Комиссаров от 9 августа 1921 г.

Конец гражданской войны породил надежду на возможность хозяйственного подъема. В самом деле, в конце 1920 г. промышленность начинает увеличивать продукцию. В связи с этим на 1921 г. намечается почти двойное увеличение программы производства.

	Выработано в 1920 г.	Предполагалось в 1921 г.
Дров и лесных материалов	10 500 000 куб. саж.	19 000 000 куб. саж.
Угля	431 714 000 млн. пуд.	718 000 000 пуд.
Нефти	71 000 000 » »	298 745 000 »
Спичек	609 196 ящиков	1 228 300 ящиков
Хлопч.-бум. ткани	135 000 тыс. арш.	780 000 тыс. арш.

(Тезисы т. Рыкова к докладу на VIII Съезде Советов.)

Но вслед за кратковременным подъемом уже в начале первой четверти 1921 г. разразился жестокий кризис. Промышленность вновь резко сократила свою продукцию.

Продукция в процентах к первой четверти 1920 г. [2]).

(Первая четверть 1920 г. принята за 100)

	1920 г. IV четв.	1921 г. I четв.	1921 г. II четв.
Уголь	134	137	111
Нефть	216	99	70
Дрова	115	89	39
Чугун	114	127	87
Спички	118	107	86
Хлопок, пряжа .	248	244	66

Этот кризис знаменовал крах всей системы военного коммунизма.

«Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе — эта политика мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весною 1921 г.» [3]).

[1]) VIII Всероссийский Сеъезд Советов, М. 1921, стр. 194.

[2]) Сарабьянов, Экономическая политика, стр. 250.

[3]) Ленин, Речь на II съезде политпросветов, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 373.

в) ЗНАЧЕНИЕ И УРОКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА.

Итак гражданская война вынудила нас к отказу от первоначальной тактики постепенного строительства социалистического хозяйства, сорвала попытку использовать капиталистическую экономику и заставила перейти к системе военного коммунизма. Но было бы неверным рассматривать военный коммунизм лишь как систему мероприятий, направленных к успешному завершению вооруженной борьбы, как это делает, например, Радек в своей статье «Пути русской революции», напечатанной в «Красной нови» в декабре 1921 г. Военный коммунизм был не только системой, введенной для того, чтобы подавить вооруженное сопротивление буржуазии и обеспечить более или менее регулярное снабжение армии — он означал *иную тактику в самом строительстве социалистического общества*. *Система военного коммунизма была штурмом остатков капитализма, была попыткой непосредственного перехода к социализму*. Вот что говорит об этом Ленин:

«Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения» [1]).

В самом деле, если бы все дело сводилось только к обеспечению военного успеха, то были бы непонятны решения IX съезда партии о едином хозяйственном плане. IX съезд партии, хотя и отмечал угрозы новой борьбы (в это время шли переговоры с Польшей, кончившиеся, как известно, нападением Польши), но определил задачу текущего момента как *переход к хозяйственному строительству*. В соответствии с этим была принята резолюция «Об очередных задачах хозяйственного строительства», в которой намечался план восстановления нашего хозяйства. Как уже указывалось выше там намечалась следующая последовательность:

«В соответствии с глубиной хозяйственной разрухи и прямым обнищанием страны хозяйственный план естественно распадается на ряд последовательных, друг друга обусловливающих коренных задач:

а) в первую голову улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимейших запасов хлеба, топлива и сырья,

б) машиностроение на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба,

в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления,

г) усиленное производство продуктов массового потребления».

Тут нет ни слова об изменении нашей тактики в вопросах строительства социалистического хозяйства. План выдержан в духе военного коммунизма. Сначала получим от крестьянина хлеб, топливо и сырье, развернем на этой основе тяжелую индустрию, и лишь на последнем этапе разворачивается производство предметов потребления. Последовательность в развертывании отдельных отраслей была необходима, ибо приходилось считаться с ресурсами, коими располагала страна. Но последовательность, намечавшаяся единым

[1]) Речь на Московской конференции, октябрь 1921 г., т. XVIII, ч. I, стр. 391.

хозяйственным планом 1920 г., строилась не на основе экономической смычки с крестьянством, а на основе дальнейшего кредитования у крестьянина. Этот план целиком укладывался в схему «военного коммунизма», как ее кратко обрисовал тов. Ленин в уже цитированных строках:

«Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение [1]).

Точно так же в то время, когда уже была окончена война с Польшей и предрешена судьба Врангеля — 29 октября 1920 г., ВСНХ издает декрет, распространяющий национализацию на всю так называемую цензовую промышленность (до 5 рабочих при двигателе и 10 рабочих без такового). И наконец на VIII Съезде Советов в декабре 1920 г. принимается декрет о посевкомах, являющийся попыткой непосредственного регулирования крестьянского хозяйства. Ведь это была попытка заставить крестьянина не только дать, но и произвести нужное количество хлеба опять же методами «военного коммунизма» — путем непосредственного государственного воздействия. Все это говорит о том, что «военный коммунизм» был не только суммой мероприятий, необходимых для военного разгрома противника, но и попыткой перехода к коммунистическим отношениям более быстрым темпом, минуя ряд переходных ступеней. Это вовсе не означало, что мыслилось сразу всю страну сделать коммунистической, сразу насадить коммунизм, ибо оставалось мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство, которое коммунистическим сразу не сделаешь. Намеченные декретом ВЦИКа в феврале 1919 г. мероприятия по переводу сельского хозяйства на новые рельсы путем развития совхозов, коммун и артелей были рассчитаны на постепенность развития социалистических элементов деревни. На VIII Съезде Советов, говоря о посевкомах, Ленин прямо указывал:

«Надо понять другую трудность: убедить беспартийных крестьян. Крестьяне социалистами не являются. И строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не понимать наших задач, значит не научиться за три года соразмерять наши программы и проводить наши начинания в соответствии с той нищей, подчас убогой действительностью, в которой мы находимся [2]).

Поэтому и «военный коммунизм» не может быть рассмотрен иначе как своеобразный переходный период, и недаром Ленин и в 1919 г. подчеркивал неизбежность переходного периода между капитализмом и социализмом, как мы уже писали. Но его своеобразие состояло в том, что исключалось использование капиталистических отношений [3]), исключались рыночные отношения, как форма связи между социалистическим и мелкотоварным участками нашего хозяйства. «Военный коммунизм» означал «непосредственный коммунистический под-

[1]) Ленин, Речь на II Съезде политпросветов. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 372.

[2]) Стенографический отчет, стр. 21.

[3]) Первой брешью в системе «военного коммунизма» были концессии, ибо, допуская концессии, мы возвращались к идее использования капиталистической экономики для дела строительства социализма.

ход к задачам строительства в городе» (Ленин) и превращение крестьянина в непосредственного поставщика государству излишков продукции своего хозяйства, т. е. попытку уничтожения его как товаропроизводителя при невозможности быстрого уничтожения самого мелкого производства.

Оценка Радеком «военного коммунизма» лишь как системы, необходимой для обеспечения военного разгрома контрреволюции, вытекает из его основного взгляда на значение и задачи русской революции. По его мнению, не могло быть речи о более быстром переходе к социалистическим отношениям, ибо строительство социализма вообще невозможно до победы социалистической революции в промышленно-развитых странах. Он пишет:

«Власть в руках рабочего класса России есть средство для планомерного уничтожения капитализма. Будучи изолированной в России, эта власть не может преодолеть капитала... До этой победы пролетарской революции в промышленных странах Русская советская республика имеет своей задачей удержать власть рабочего класса, чтобы Россия не стала резервуаром человеческих и материальных сил для контрреволюции» [1]).

Мы не будем здесь разбирать этот вопрос, служивший основной темой внутрипартийной дискуссии последних лет, и напомним лишь, что в цитированной уже нами работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин говорил именно о «перестройке общественного хозяйства». Нельзя сомневаться, что Ленин говорил о социалистической перестройке.

«Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и проч. против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся» [2]).

Этот ленинский взгляд на характер русской революции, как революции социалистической, установка партии из того, что у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом, если нас не задавят извне военной силой, позволили выдержать тяжелую борьбу и предпринять героическую попытку строительства коммунизма более быстрым темпом в момент, когда был порван первоначальный план движения к социализму. Мы уже отмечали, что переход к военному коммунизму был вынужден как с точки зрения военной, так и в смысле изменения первоначального плана построения социалистического хозяйства. Буржуазия стала на путь борьбы за власть, и пролетариат от попыток «использования ряда мер для постепенного осторожного перехода к экономическим преобразованиям» вынужден был предпринять героическую попытку собственными силами «штурмовым способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производ-

[1]) «Красная Новь», кн. 4, 1921 г., стр. 196.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 350.

ства и распределения» (Л е н и н). Эта попытка была ответом капиталистам на их отказ от соглашения.

«А что могли сказать мы? — говорил Ленин: — «Вы, господа капиталисты, нас не испугаете. Мы и в этой области вас побьем дополнительно, после того как вы оказались побиты на поприще политическом вместе с вашей учредилкой». Иначе мы поступить не могли. Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций» [1]).

И заслуга пролетариата Советского государства состояла не только в том, что он сумел победить несравненно лучше вооруженные и лучше снабженные белые армии, но и в том, что он не сдал своих позиций и в тягчайших условиях гражданской войны продолжал дело строительства социалистического общества. Но, говоря о том, что «военный коммунизм» «надо поставить нам в заслугу», Ленин в то же время подчеркивает:

«Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [2]).

Если в вооруженной борьбе мы еще раз, — и на сей раз окончательно, — разбили внутреннюю буржуазию, то наша попытка непосредственного перехода к социалистическим отношениям производства и распределения окончилась неудачей.

«На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, раньше нанесенное нам Колчаком, Деникиным и Пилсудским» —

говорит Ленин на съезде политпросветов (1921 г.) [3]). В связи с этим Ленин и выдвигает вопрос об ошибочности «военного коммунизма» .

«... Не весьма длинный опыт привел нас к убеждению, — говорит он, — в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе капитализма к социализму, к убеждению, что, не пройдя через период социалистического учета и контроля, подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя» [4]).

---

[1]) Л е н и н, Речь на Московской губпартконференции. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 395.

[2]) Там же, стр. 214.

[3]) Там же, стр. 373.

[4]) Там же, стр. 372. В связи с обсуждением проекта программы Коминтерна за последнее время возникли споры о том, должны ли европейские страны после установления диктатуры пролетариата обязательно пройти через период «военного коммунизма». Неизбежность политики военного» коммуннизма» т. Варга, поднявший этот вопрос, мотивировал тем, что неизбежна острая форма классовой борьбы, и пролетариат вынужден будет в области экономической политики перейти к военно-коммунистическим методам. Программа Коминтерна, учитывая опыт нашей страны, указывает, что пролетариат и других стран после завоевания власти может быть вынужден для защиты пролетарской диктатуры перейти к политике «военного коммунизма»,но это будет лишь временной мерой, направленной к тому, чтобы сломить сопротивление буржуазии и обеспечить военную победу новому рабочему государству над своими противниками, а не средством непосредственного перехода к социалистическим отношениям. Наличие докапиталистических слоев, мелкого производителя и невозможность быстрого перевода его хозяйства на новые коллективные начала требует сохранения рыночной связи, т. е. такой экономической политики, за которой исторически закрепилось наименование «нэп». Только нэп является политикой, обеспечивающей экономическую смычку пролетариата с основной массой мелкого производителя — крестьянина. Поэтому, учитывая опыт русской революции,

Но какой смысл имеет это указание Ленина на ошибочность «военного коммунизма»? Оно отнюдь не означает, что политику «военного коммунизма» не надо было проводить. Мы уже говорили, что переход к ней был вынужден. Он был вынужден не только для чисто военных целей, но мы должны были — раз буржуазия отказалась от сотрудничества и вновь начала вести обостренную борьбу, — не сдавать позиций, а попытаться победить ее в решительном штурме капиталистической экономики. В той обстановке политика «военного коммунизма» была необходима.

«Логика борьбы, — говорил Ленин на московской конференции, — и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской войны, которая разоряла Россию три года» [1]).

Из борьбы с буржуазией за власть мы вышли с честью. Но этот период в то же время доказал, что таким путем социализма не построишь, ибо политика военного коммунизма не дает возможности установить правильную хозяйственную смычку с крестьянством. Мы так далеко зашли в нашей попытке перехода к социалистическим отношениям, что оторвались от крестьянства и поэтому вынуждены были отступить. Это отступление, конечно, вызвало недоумение в некоторой части партии, недоверие к новой линии, как чуть ли не измене делу революции. Учитывая эти настроения, которые только мешали успешности перехода на новые рельсы, Ленин и заострил вопрос об ошибочности военного коммунизма. Проводя параллель с военными операциями, Ленин говорит в той же речи на московской конференции:

«То, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики, в развитии операций, которые должны были пойти теперь совершенно по-иному» [2]).

В этом признании ошибки нет упрека старой линии. В свое время эта линия была единственно правильна и необходима, но она не давала и не могла дать удовлетворительного разрешения всех задач, которые мы перед собой ставили. Старая тактика помогла нам окончательно сломить военное и политическое сопротивление буржуазии, она заставила буржуазию отказаться от вооруженной борьбы с советской властью и пойти с ней на экономическое «сотрудничество». Следовательно, тактика «военного коммунизма» обеспечивала нам возможность возвращения к той линии, которая в основном намечалась Лениным в первый период существования советской власти, — к линии на постепенное построение социализма с использованием переходных форм. Но в то же время она давала урок пролетариату, как он должен строить новое общество. Она указывала, что к социализму нужно двигаться постепенно, крепя хозяйственный союз с крестьянством, борясь с капитализмом иными методами — от штурма перейти к политике систематической осады.

пролетариат других стран должен после своей победы стремиться к тому, чтобы создать хозяйственный союз с крестьянством и рассматривать политику «военного коммунизма», если буржуазия вынудит его к таковой, лишь как временную необходимость.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 389.

[2]) Там же, стр. 395.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VIII ГЛАВЕ.

ПАРТИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА».

Введение.

Международное положение русской революции.

Внутреннее положение русской революции: экономическое состояние страны в период гражданской войны.

См. гл. VI «Гражданская война».

I. Партия в эпоху гражданской войны.

1) Программные вопросы на VIII съезде партии,
2) Вопрос о характеристике капитализма в программе РКП(б),
3) Вопрос о крестьянстве в программе РКП(б),
4) Национальный вопрос.

Тактика партии в эпоху гражданской войны. Отношение к среднему крестьянству.

Партия и государственный аппарат.

Вопросы партстроительства (демократизм и централизм в партии в эпоху «военного коммунизма»: назначенство и выборность, партмобилизация, милитаризация партии и т. д.

ЛИТЕРАТУРА.

К п. III. Ленин, т. XVI, стр. 111—116, т. XVI, стр. 121—122.
Ленин, т. XVI, стр. 116—121.
Максимум — то же, стр. 130—139.
Ленин, т. XVI, стр. 158—161.
Ленин, т. XVII, стр. 72—76, 78—81.
Ленин, т. XVII, стр. 62—66, 95—100.

II. Экономическое и политическое положение советской власти после окончания гражданской войны. Рабочий класс и крестьянство в этот период (экономический и политический кризис. Кронштадтское восстание как симптом этого кризиса) Необходимость нэпа.

1) Партия накануне нэпа.
2) Дискуссия о профсоюзах,
3) Анархо-синдикализм в партии,
4) Точка зрения Троцкого, ее связь с теорией перманентной революции, ошибки.
5) «Буферная» позиция т. Бухарина,
6) Платформа «10-ти», связь этой платформы с оценкой задач периода.

III. Внутрипартийный кризис и его значение. X съезд партии об единстве.

Заключение

Переход к нэпу.

ЛИТЕРАТУРА.

Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 105—111 и 116—123.
Ленин, т. XVIII, ч. I (изд. 1-е), стр. 111—114 или 2-е изд. — стр. 102—105.
Ленин, т. XVIII, ч. I (изд. 2-е) и изд. 1-е — стр. 7—22, макс (1) 38—72 и 2-е изд. — 35—67.
Ленин, т. XVIII, ч. I (1-е изд.) —28—37, или 2-е изд. 27—35.

ГЛАВА VIII.

ПАРТИЯ В ГОДЫ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА».

Политическая обстановка, сложившаяся к началу 1919 года, характеризовалась значительным укреплением позиции партии как вовне, так и внутри страны. Тяжелые времена Брестского мира остались позади. Германская революция, вспыхнувшая в ноябре 1918 года, уничтожила договор, отразивший силу немецкого империализма и слабость Советской России в первые месяцы ее строительства. Ликвидация Брестского договора означала не только ликвидацию тяжелых обязательств, на которые в свое время согласилась партия. Ликвидация Бреста была концом Брестского п е р и о д а. Германская революция устраняла и з о л я ц и ю Советской России. Международный империализм потерпел серьезное поражение; это поражение открывало возможность расширения плацдарма международной социалистической революции. Глухие подземные удары революции доносились из стран-победительниц, а во время заседаний VIII съезда партии было получено сообщение об установлении советской власти в Венгрии. Параллельно улучшалось положение и внутри страны.

Летом 1918 года, наряду с такими осложнениями, как лево-эсеровский мятеж, который поставил партию лицом к лицу с угрозой оккупации немцами Москвы, целой серией белогвардейских и кулацких восстаний в Ярославле, Муроме, в Гомеле и т. д., Советская Россия все теснее и теснее окружалась кольцом врагов. Успешное продвижение чехо-словаков на востоке, облегченное изменой левого эсера командующего Муравьева, захват немецкими оккупационными войсками Украины, Финляндии и Западного края, победа Краснова на Дону — грозили сократить пределы молодой Советской республики едва ли не до размеров «Московской губернии», отрезанной от источников сырья, продовольствия и топлива. В начале 1919 г. советская власть ликвидировала белогвардейские восстания. Чехо-словаки были отброшены далеко за Волгу, советской стала Украина, Красная армия нанесла ряд поражений донской контрреволюции. «Что же это значит?»— спрашивал Ленин, разъясняя питерским рабочим успехи и трудности советской власти, и отвечал:

«Это значит, что мы подошли к углю и хлебу, без которых мы гибнем, так как из-за недостатка угля останавливаются железные дороги и фабрики, из-за недостатка хлеба рабочие в городах и вообще неземледельческих местностях испытывают муки голода» [1]).

[1]) Ленин, т. XVI, стр. 85.

Отбив наступление контрреволюции на фронтах, партия сумела — пока вчерне — построить здание советского государства. На смену разрозненным партизанским отрядам, составлявшим главную вооруженную силу в начале 1918 г., пришли регулярные части Красной армии, использовавшие опыт военных специалистов — бывших офицеров царской армии.

Организовывался и приобретал все более и более четкие формы советский государственный аппарат. Вместе с партизанщиной 1918 г. отошли в прошлое независимые губернские, уездные, а иногда и волостные республики со своими совнаркомами. «Власть на местах» — явление, исторически неизбежное в первый период организации Советской республики, — заменялась централизованной системой советской государственности. Сепаратные реквизиции и контрибуции — эта финансовая политика первого года революции — вытеснялись общегосударственным налогом и продовольственной разверсткой. Укреплялась революционная законность: в январе 1919 г. были упразднены уездные чрезвычайные комиссии — «черезчурки» — как метко окрестила их народная речь.

Словом, бурный и беспорядочный поток революционной лавы отливался в те новые формы, которые ощупью и наугад находила партия. В такой обстановке собрался VIII съезд партии.

а) VIII СЪЕЗД ПАРТИИ.

Период 1918—1919 гг. благоприятно отразился и на самой партии. За время от VII до VIII съезда партия выросла больше, чем в $2^1/_2$ раза: на VII съезде было представлено 135 000, на VIII — около 350 000 членов партии. Окреп партийный аппарат, хотя далеко еще не была налажена регулярная связь губернских организаций с Центральным Комитетом. Бурный рост партии и условия первого периода строительства советской власти принесли с собой и ряд моментов отрицательного порядка. Еще до съезда партийная пресса отмечала, что внутрипартийная работа сокращается, а в иных организациях и вовсе замирает, уступая свое место советской. Указывалось также и на случаи отрыва коммунистов от массы, на рост бюрократизма. Но эти отрицательные явления не были характерной особенностью периода. Они полностью покрывались не только количественным ростом партии, вбиравшей в себя лучшие элементы рабочего класса, но и ее идейной консолидацией. Фракция левых коммунистов, которая в 1918 г. имела в своих руках одну из важнейших организаций — московскую — и угрожала партии расколом, была ликвидирована организационно и идейно. Последний всплеск левого коммунизма был, правда, и на VIII съезде партии, — выступления Бухарина и Пятакова по вопросу о программе, дискуссия по вопросам военного строительства отразили именно этот всплеск. Но те, кто еще не целиком изжил лево-коммунистические настроения, на VIII съезде держались в строгих рамках партийной дисциплины, да и идейная платформа их представляла собой значительно «сокращенное» издание платформы 1918 года. «Левый» коммунизм для партии был уже вчерашним днем. Жизнь быстро показала ошибочность позиции левых коммунистов, — Осинский в январе 1919 г. признавал, что передышка, вызванная раздорами империали-

стов, «уже существует». Гражданская война с железной неумолимостью отбросила в сторону шатания и колебания отдельных слоев партии: необходимость жесткой централизации и дисциплины, необходимость союза с крестьянством, использования специалистов для организации победы на фронтах, для самого существования советской власти,— все это до такой степени стало очевидным, что не оставляло никакой почвы для левого коммунизма.

Дискуссия о программе.

Программный вопрос был основным вопросом, по которому на съезде разгорелась дискуссия. Разногласий по вопросу о типе программы, о ее установке не было. Комиссия для выработки проекта программы, созданная VII съездом партии, сходилась на том, что новая программа должна дать анализ эпохи империализма и пролетарских революций и анализ нового типа государства — государства Советов. Не вызывал сомнений также и тип программы. Новая программа отбрасывала разделение на программу-минимум и программу-максимум, которое было в программе РСДРП. После завоевания политической власти пролетариатом о таком разделении не могло быть и речи, потому что отпала необходимость выставлять какие бы то ни было требования к капиталистическому государству.

«У нас нет требований, которые выставляются «в пределах капиталистического строя», — говорил т. Бухарин. — Социализм стоит у нас в порядке дня, ниспровержение буржуазии есть совершившийся факт. Наша задача не в том, чтобы завоевать такие условия, опираясь на которые нам легче будет вести дальнейшую борьбу за социализм, наша задача в том, чтобы строить социализм. Отсюда вытекает существенная особенность нашей программы. Она не есть прежняя двуединая программа, в которой одна часть рассчитана на то, что возможно осуществить при капитализме, а другая говорит о социализме. У нас одна программа, программа боевого революционного и организационного строительства коммунистического общества» [1]).

Еще на VII съезде партии наметились две точки зрения, Ленина и Бухарина, по вопросу о том, следует ли включать в новую программу теоретический анализ капитализма доимпериалистического периода. В этом же направлении развернулась и дискуссия на VIII съезде. Большинство комиссии, составлявшей проект программы, во главе с т. Лениным, считало необходимым включить в введение программы теоретический анализ капитализма, как он был дан старой программой РСДРП. Против этого возражал т. Бухарин, считавший, что целесообразно анализировать только эпоху империализма, так как «у нас теперь существует финансовый капитализм, а не капитализм вообще».

Защищая точку зрения большинства комиссии, т. Ленин квалифицировал позицию т. Бухарина как желание «выскочить из действительности». «Программа, — говорил Ленин, — должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное». Но ограничиться в программе анализом одного только империализма значило отказаться от этого тезиса, потому что абсолютно непререкаемым являлся тот факт, что в конкретной действительности существовал не «чистый» империализм, а империализм, сосуществующий с ка-

[1]) VIII съезд, стр. 35.

питализмом домонополистического периода. Тов. Ленин обращал внимание на то, что империалистическая война, разрушившая в огромной степени производительные силы, в ряде случаев смела финансово-капиталистические наслоения, воскресив «целый ряд элементарнейших основных явлений капитализма».

«Взять хотя бы крах транспорта, который мы так хорошо или, вернее, так плохо на себе испытываем. Это ведь есть и в других странах, даже в странах-победительницах. А что значит крах транспорта в империалистской системе? Возвращение к самым первоначальным формам товарного производства.

В целом ряде областей России, которые были более отрезаны друг от друга, чем прежде, мы переживаем возрождение капитализма и развитие его первой стадии» [1]).

Дискуссия по поводу теоретической части программы ни в коей мере не носила формального характера, как это думал т. Бухарин. Замена многоцветного анализа эпохи книжной, выдуманной абстракцией «цельного» империализма грозила партии потерей реальной перспективы. Ошибки в теоретической части программы должны были повлечь за собой искажение практики партии, искривление ее тактической линии; «левая» ретушь стирала многочисленные т р у д н о с т и, стоявшие на пути строительства социализма, трудности, которые своими корнями упирались в доимпериалистическую подпочву.

«Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности».

Ленин был далек от какой-либо недооценки империализма, «коренные вопросы, — говорил он, — можно рассматривать только с точки зрения империализма».

Но необходимо было за империалистическими тенденциями капитализма не проглядеть и тенденции возрождения домонополистических форм хозяйства.

«... только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек. Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству, — тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли» [2]).

Что пренебрежение «азбукой капитализма» грозит большими ошибками в деле изучения «азбуки коммунизма», это вскоре было продемонстрировано с исключительной ясностью.

Опасность «набить себе много шишек» в случае подмены действительности вскрылась при обсуждении н а ц и о н а л ь н о г о вопроса в программе партии.

---

[1]) Т. XVI, стр. 113.

[2]) Там же, стр. 116.

Тов. Бухарин считал необходимым устранить из программы требование права наций на самоопределение. Право наций на самоопределение, утверждал т. Бухарин, противоречит принципам пролетарской диктатуры, так как нация есть совокупность классов. Следовательно, говоря о самоопределении наций, партия должна будет признать это право также и за буржуазией.

Тов. Бухарин считал возможным оставить лозунг самоопределения наций только для колоний, в которых классовые противоречия еще недостаточно остры, в которых пролетариат еще не отдиференцировался от буржуазии. В качестве общего тезиса программы т. Бухарин предлагал лозунг самоопределения трудящихся классов каждой национальности.

Еще дальше, чем Бухарин, шел т. Пятаков, утверждавший, что лозунг «право наций на самоопределение» стал на практике во время социалистической революции, лозунгом, объединяющим все контрреволюционные силы. Защищая необходимость полной централизации революционного движения, Пятаков высказался даже против лозунга «право трудящихся на самоопределение». По мнению Пятакова, необходимость централизации диктуется экономической целесообразностью и в тех странах, где пролетариат уже победил.

«... раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один Высший Совет Народного Хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т. д., то все это пресловутое «самоопределение» не стоит выеденного яйца. Это или просто дипломатическая игра, которую в некоторых случаях нужно играть, или это хуже, чем игра, если мы берем это всерьёз»[1]).

Позиция тт. Бухарина и Пятакова в национальном вопросе не представляла собой чего-либо приниципиально нового. Левые взгляды, изложенные на VIII съезде, в основном повторяли ту оценку национального вопроса, которая была выдвинута еще перед войной 1914 года. Мало изменилась и аргументация левых. Говоря на VIII съезде — в 1919 году, — что лозунг «право наций на самоопределение» имеет логическое сродство с лозунгом «защиты отечества», т. Бухарин слово в слово повторял то, что писал в 1913 г. т. Пятаков. И в 1919 г. еще в большей степени, чем в 1913 г., вскрывалось, что «левая» точка зрения представляет собой «карикатуру» на марксизм.

Позиция тт. Пятакова и Бухарина упиралась в сплошную, недиалектическую оценку «чистого» империализма. В самом деле — «чистый» империализм предполагал полное устранение национального вопроса. С другой стороны, отрицая право наций на самоопределение, тт. Пятаков и Бухарин подменяли марксистско-ленинскую теорию эпохи войн и революций «левым» тезисом об одновременном взрыве социалистической революции во всех странах, что, в свою очередь, означало отрицание возможности победы социалистической революции в одной стране. Эти выводы были сделаны самим автором «левой теории», т. Пятаковым.

«Теперь, — говорил т. Пятаков, — когда мы строим боевой интернационал диктатуры пролетариата... в момент всеобщего восстания пролетариата в различных странах, которое возможно только как централизованное восстание,— нельзя допустить, чтобы пролетариат отдельных наций мог и имел право определять свою судьбу, свою

[1]) VШ съезд РКП, стр. 69—70.

линию поведения или свою связь с остальными восстающими частями рабочей партии самостоятельно и независимо» [1]). (Разрядка наша. — Р е д.)

Но так как в действительности социалистическое государство должно было с о с у щ е с т в о в а т ь с капиталистическими странами, то левая позиция в национальном вопросе неизбежно должна была притти к мысли о насильственном экспорте социалистической революции за пределы социалистического государства: поскольку пролетариат и буржуазия в той или иной стране не были достаточно диференцированы, — эта диференциация при отрицании права наций на самоопределение могла быть привнесена только извне. И недаром Пятаков, приводя гипотетический случай недостаточно капиталистически развитой страны, в которой пролетарское меньшинство высказывается за объединение с какой-нибудь другой страной, а буржуазное и м е л к о б у р ж у а з н о е большинство стоит за отделение, доказывал, что «мы, если у нас имеется на это достаточно сил, должны поддержать борющийся пролетариат, меньшинство нации, хотя бы большинство нации и было против». В этой части аргументации Пятакова особенно ярко сказывалась троцкистская подоснова «левой» теории: насильственное объединение национальностей против воли мелкобуржуазного большинства означало прежде всего насилие со стороны пролетариата по отношению к крестьянству.

Именно в эпоху социалистических революций лозунг самоопределения наций приобретал исключительное по своей важности значение.

Признание права наций на самоопределение р а з о б л а ч а л о в глазах пролетариата империалистическую буржуазию и социал-патриотов и тем самым облегчало процесс классовой диференциации. Конечно, признание права наций на самоопределение не было для Ленина абсолютом, исключавшим, например, возможность войны Советской республики против малой нации.

«... мы должны сказать другим нациям, — говорил Ленин, — что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций. Это нисколько не исключает войн. Война — это другой вопрос, вытекающий из сущности империализма. Если мы воюем с Вильсоном, а Вильсон превращает маленькую нацию в свое орудие, то мы говорим, мы боремся с этим орудием» [2]).

Насильственное вмешательство сыграло бы роль задерживающего, тормозящего фактора.

«Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет диференциация внутри наций» [3]).

Отрицание права наций на самоопределение, возбуждая недоверие нации, тормозило бы процесс классовой диференциации. Необходима осторожная и выжидательная тактика партии, учет своеобразных путей развития революции в разных странах.

«Осторожность, — повторял Ленин, — особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала во всех других нациях бешеную ненависть».

---

[1]) VIII съезд РКП, стр. 68.

[2]) Т. XVI, стр. 138.

[3]) Там же, стр. 119.

Что же касается вопроса относительно воли нации к отделению, то Ленин считал необходимым считаться с конкретной обстановкой:

«... надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к демократии пролетарской» [1]).

Ошибкой была апелляция Пятакова к хозяйственному единству. Для того чтобы ускорить процесс классовой диференциации, — а именно в этом было главное значение лозунга права наций на самоопределение, — партия могла и должна была пойти на ряд уступок в этом вопросе. Уступок, которые противоречили требованиям экономической действительности сегодняшнего дня, но которые были необходимы, как неизбежные «издержки пролетарской революции» в целом. Хозяйственного единства нужно было, по словам Ленина, добиваться «проповедью, агитацией, добровольным союзом». Борясь против возможности какого бы то ни было насилия по отношению к малым нациям, Ленин протестовал против того, чтобы малым нациям навязывались те или иные формы объединения. Осторожно, смягчая категоричность формулировки пункта о федерации советских государств, как о переходной форме к полному единству, Ленин характеризовал федерацию «как одну из переходных форм», подчеркивая, что партия не связывает себе руки в решении этого вопроса.

Съезд принял программу, отвергнув изменения, предлагавшиеся тт. Бухариным и Пятаковым.

Программа РКП, утвержденная VIII съездом, констатировала, что Октябрьская революция, осуществившая диктатуру пролетариата в России, и ход развития революционного движения международного пролетариата показали, что «началась эра пролетарской коммунистической революции». Вслед за характеристикой капитализма, заимствованной из прежней программы РСДРП, следовала характеристика империализма, как экономической системы монополистического капитализма. Программа указывала далее на превращение империалистической войны в войну гражданскую, которая с неизбежностью должна привести к победе пролетарской коммунистической революции.

В качестве непременной предпосылки возможно большего единства революционных действий пролетариата программа указывала на необходимость решительного принципиального разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных, с.-д. и социалистических партий — с оппортунизмом и социал-шовинизмом.

Общеполитическая часть программы была посвящена разоблачению классовой природы буржуазной демократии и характеристике советской системы, как строя, осуществляющего диктатуру пролетариата.

Военный, экономический, сельскохозяйственный и другие разделы программы были сформулированы в плане конкретных задач, которые партия ставила перед собой.

Но в то же время программа 1919 года целиком и полностью отразила идеологию партии периода военного коммунизма. Документ эпохи — программа — представляет собой теоретическую формулировку опыта партии, приобретенного в первый период революции, когда, по словам Ленина:

---

[1]) Т. XVI, стр. 119.

«Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране» [1]).

В период надвигающейся международной революции партия естественно могла ограничить свой анализ только той ступенью, на которой стоял империализм к началу 1919 года. Именно этим объясняется, что программа отрицает, возможность для буржуазных правительств заключить сколько-нибудь «устойчивый мир» и признает неизбежность непосредственного превращения империалистической войны 1914—1918 гг. в войну гражданскую.

В программе не нашел достаточного отражения союз с середняком, декларированный на VIII съезде. Так например, военный раздел программы, исходя из необходимости классового характера Красной армии, ограничивает ее состав исключительно пролетариями города и полупролетарскими слоями крестьянства.

В области непосредственно экономической во главу угла ставится увеличение количества необходимейших для населения продуктов.

Само собой разумеется, что такая постановка вопроса мотивировалась в 1919 г. почти полным уничтожением капиталистического производства и хозяйственной разрухой в стране. Наконец перенесение центра тяжести в части программы, касающейся сельского хозяйства, на организацию совхозов и коммун, стремление заменить торговлю централизованным распределительным аппаратом, ориентация на подготовку уничтожения денег, — все это показывает, в какой степени программа отражала иллюзии военного коммунизма.

Принятие съездом программы было шагом первостепенной важности. Для партии новая программа означала завершение большого исторического пути. Большевистская фракция в РСДРП, большевистская партия фактически с 1912 года, наконец, Российская коммунистическая партия с 1918 г. впервые противопоставила свою особую программу программе всех социалистических партий. Ленинское учение об империализме, диктатуре пролетариата и советской системе впервые были сформулированы в программе партии, взявшей власть в октябре 1917 года.

Отношение к среднему крестьянству.

Вопрос об отношении к среднему крестьянству был поставлен всей историей революции. Ликвидация помещичьего землевладения была произведена всем крестьянством под руководством пролетариата. Но для того, чтобы закрепить власть, пролетариат должен был революционизировать деревню, — на очереди стояло выделение деревенского пролетариата и полупролетариата, объединение их с пролетариями города для совместной борьбы против кулака, который, в свою очередь, активно сомкнулся с буржуазной контрреволюцией. Организация комитетов бедноты в 1918 г., перераспределивших в деревне землю и сельскохозяйственный инвентарь, и выражала этот новый этап революции. Среднее крестьянство в общем занимало

[1]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 369.

нейтральную позицию, а лозунг «ограбь кулака, не обидь середняка, дай бедняку» формулировал задачи, которые ставила перед собой партия в деревне. Положение вскоре изменилось. Если после дискуссии с левыми коммунистами теоретических шатаний в вопросе об отношении к среднему крестьянству и не было, то практическая политика партии в деревне грозила изменением нейтральной позиции середняка в сторону, неблагоприятную для пролетариата. Комитеты бедноты часто экспроприировали не только кулака, но и середняка; чрезвычайный налог, который по своей идее должен был затронуть капиталистические элементы деревни, в значительной степени коснулся и среднего крестьянства; ориентация на немедленное обобществление сельского хозяйства нередко истолковывалась на местах, как принудительный «загон в коммуну». По словам Ленина, «удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство». Росло недовольство середняка, которое в 1918 г. проявилось в участии среднего крестьянства в некоторых антисоветских кулацких восстаниях. Положение было тем более тревожно, что на очереди стоял вопрос об организации обороны против наступавшей контрреволюции. Красноармейские отряды 1918 г., состоявшие в своей массе из рабочих и полупролетариев, развертывались в настоящую миллионную армию, ряды которой, чем дальше, тем в большей степени должны были впитывать в себя середняцкую массу.

А чтобы такая Красная армия — в большинстве своем середняцкая — выполнила возлагавшиеся на нее задачи, необходимо было от плохой нейтрализации середняка перейти к привлечению его на сторону пролетариата. Нейтральный крестьянин и красноармеец, активно борющийся против буржуазной контрреволюции, — эти два понятия исключали друг друга.

Линия партии по отношению к среднему крестьянству была выправлена на VIII съезде. Съезд формулировал социально-экономическую природу среднего крестьянства, как группы, не извлекающей прибыли из чужого труда.

«Такой мелкий производитель не может потерять от социализма, а, напротив, выигрывает в очень сильной степени от свержения капитала, эксплоатирующего его тысячью способов во всякой, даже в самой демократической, республике».

Съезд подчеркнул необходимость соглашения пролетариата со средним крестьянством и обратил внимание на м е т о д ы сотрудничества с середняком.

«Больше всего, — говорил Ленин, — мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание... Действовать здесь насилием, — значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания.

... Нет ничего глупее как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства [1]).

Какое бы то ни было принуждение с целью заставить середняка перейти к общественному хозяйству категорически отвергалось. Съезд декларировал всемерное облегчение середняка от налогов (в частности была смягчена тяжесть чрезвычайного налога для среднего крестьянства) и государственную помощь середняцкому хозяйству.

[1]) Т. XVI, стр. 150—151.

Резолюция съезда об отношении к среднему крестьянству представляла собой шаг огромной принципиальной важности. Впервые на основе опыта русской революции была указана недостаточность лозунга нейтрализации середняка и необходимость соглашения пролетариата со средним крестьянством.

Не менее существенным было и практическое значение резолюции. Постановление VIII съезда обеспечивало возможность создания и укрепления военно-политического союза пролетариата и среднего крестьянства, союза, без которого была бы немыслима победа пролетариата в гражданской войне.

Организационный вопрос.

Отзвуки левого коммунизма на VIII съезде партии сказались также в дискуссии по организационному вопросу. Осинский и Сапронов, выступавшие в защиту демократического централизма, обвиняли ЦК в недостатке руководства, в отсутствии политической линии.

Они протестовали против роста вертикальной — по столбикам — централизации и бюрократизации советского аппарата, выступая в защиту прав местных исполкомов. Причины роста бюрократизма и отмены широкой коллегиальности управления т. Осинский усматривал, с одной стороны, в спешности государственного строительства, с другой, — в гражданской войне.

«Мы переживали, — говорил он, — период самой острой гражданской войны, когда необходимо было быстро решать все вопросы без длительного «парламентского» обсуждения, сразу и единодушно, а такие решения могут выносить только маленькие коллективы» [1]).

Но когда силы буржуазии уничтожены и вчерне построен советский аппарат, военно-командные формы должны уступить место росту демократических форм.

В этих выступлениях вчерашних левых коммунистов и завтрашних демократических централистов отчетливо звучали нотки мелкобуржуазной оппозиции той жестокой централизации, которую несла с собой гражданская война. Съезд отверг предложения Осинского. В резолюции по организационному вопросу съезд обратил внимание на необходимость улучшения качественного состава партии, строгого централизма и дисциплины, установления большей связи партийцев с массами. Резолюция разграничивала функции партийных комитетов и Советов, которые нередко стирались и смешивались в первый период советского строительства.

Военный вопрос.

Наиболее острые разногласия возникли при обсуждении военного вопроса. Тезисы Центрального Комитета, защищавшиеся т. Сокольниковым, ставили во главу угла необходимость перехода от партизанских и полупартизанских отрядов к организации регулярной и централизованной Красной армии. Командный состав должен был комплектоваться путем воспитания новых рабоче-крестьянских командиров и путем привлечения военных специалистов — коман-

[1]) VIII съезд, стр. 263.

диров старой армии. Осуществление партийно-политического контроля над специалистами возлагалось на комиссаров.

Тезисы Центрального Комитета встретили серьезную оппозицию со стороны ряда армейских делегатов. Возражения оппозиции затрагивали основные вопросы строительства Красной армии — вопрос о командном составе, о функциях комиссаров, о правах и обязанностях коммунистов в Красной армии. Оппозиция исходила из того положения, что старые военспецы, представители враждебного пролетариату класса, не могут стать органическим элементом строящейся Красной армии. В доказательство представители оппозиции приводили ряд случаев измены военспецов, занимавших ответственные командные посты в Красной армии. Выход из положения оппозиция видела в том, чтобы функции комиссаров были расширены за пределы политического контроля. Комиссары, утверждали представители оппозиции, должны получить право голоса в оперативных вопросах. Оппозиция настаивала также на расширении прав партийных организаций в Красной армии, протестуя против бюрократических методов политической работы, осуществляемой политотделами.

«Политический отдел, — говорил Смирнов, содокладчик от оппозиции, — состоит из заведующего отделом и целого ряда канцелярий при нем — общей, военно-учетной, военно-организационной и т. д. Никакого намека на коллегиальность, на созыв партийных конференций, на обсуждение возникающих вопросов в проекте нет. Может ли такое учреждение вести работу? Конечно нет. Это лишь канцелярия по информации и агитации... Единственный способ — это отделаться от бюрократизма и строить политическую работу в армии на основе товарищеской спайки коммунистов, путем комбинации начал назначения и самобытности» [1]).

Наконец оппозиция высказывалась против введения формальной дисциплины (уставов, обязательного приветствия и т. п.) в армии по тем мотивам, что эта «мелочная регламентация» наряду с привилегиями, «устанавливаемыми для комсостава», будет «дразнить крестьянина» и затруднять воспитание сознательного бойца-красноармейца.

Выступления военной «оппозиции» были самым сильным отзвуком левого коммунизма на VIII съезде. Фактический отказ от привлечения военных специалистов означал в действительности отказ от строительства дисциплинированной армии. Оппозиция аргументировала случаями измены военспецов, но эти случаи были частными явлениями. Основным же, главным, было то, что Красная армия, в которой нехватало до 60% специалистов, не могла успешно сражаться с противником, оставаясь прежней неорганизованной армией. Неудачи на Южном фронте демонстрировали это с исключительной наглядностью — корпус Врангеля в 15—20 тысяч заставил отступить более чем 100-тысячные красноармейские отряды именно в силу их недисциплинированности и слабой организации.

Вопрос о привлечении специалистов в Красную армию точно так же, как и вопрос о спецах в промышленности, мог быть разрешен только путем привлечения этих сил, п е р е д е л к и их при неизбежных затратах на саботаж, измены и т. д. Отказываясь от этой задачи, оппозиция обнаружила непонимание ленинского тезиса о постройке коммунистического общества руками не-комму-

[1]) VIII съезд РКП (б), стр. 136—137.

нистов. Эту связь вопроса о военспецах с общими вопросами партийной линии подчеркнул Ленин.

«Когда вы предлагаете тезисы, которые целиком направлены против военспецов, вы нарушаете всю общепартийную тактику», говорил он по адресу оппозиции.

Мелкобуржуазная сущность оппозиционных взглядов особенно ярко сказалась в вопросе о внешней дисциплине в войсках, которую тезисы оппозиции квалифицировали как «самодержавно-крепостнические» порядки, вводимые в Красной армии.

«Наша военная политика, — говорил по этому поводу Смирнов,— не учла того, что основу армии представляет среднее крестьянство, которое всеми силами мы должны привлечь на свою сторону, а не отпугивать такими формами, которые напоминают старую армию».

За этой «левой» фразой скрывалась фактическая сдача позиций мелкобуржуазной стихии, протестовавшей против твердой дисциплины. Политика пролетариата по отношению к крестьянству должна была умело сочетать методы убеждения и принуждения.

Против обвинений в установлении «самодержавно-крепостнических» порядков в армии резко выступил Ленин.

«Если вы пишете такие вещи, — говорил он, — а вначале говорите, что мы имеем дело с средним крестьянином,—вы хотите иметь дело не с средним крестьянином, а хотите лить воду на мельницу эсеров и меньшевиков... Конечно, политика идейного воздействия необходима, но оно не может быть достаточным, так как пролетарская часть армии невелика. Тут нужна железная дисциплина. А если вы будете говорить, что это самодержавно-крепостнический порядок и протестовать против отдавания чести начальникам, вы не получите армии, в которой среднее крестьянство будет бороться. Без дисциплины железа, без дисциплины, осуществляемой, между прочим, пролетариатом над средним крестьянством, ничего сделать нельзя» [1]).

Все предложения оппозиции, отказ от привлечения спецов точно так же, как и протесты против государственной пропаганды коммунизма, против формальной дисциплины в армии, были направлены к возрождению партизанщины. Точку зрения оппозиции по отношению к организации армии наиболее ярко выразил Голощекин — «...будет ли у нас централизованное управление, будет ли у нас управление и командование всеми силами республики? — говорил он, — я утверждаю, что этого не будет».

Партия не могла построить боеспособную Красную армию, не преодолев оппозиции по военному вопросу. Оппозиция тянула партию назад, к временам Брестского периода, кустарничества, всеобщей расхлябанности и неорганизованности. Как раз на это Ленин обращал особое внимание.

«В чем тут дело? — спрашивал он. — В чем вся подкладка? Подкладка в том, что старая партизанщина живет в вас... пора уже изжить эти остатки советской партизанщины, которые были необходимы в определенный период: вся ошибка оппозиции в том и состоит, что вы, будучи связаны с этой партизанщиной своим опытом, будучи связаны с этой партизанщиной теми традициями героизма, которые будут памятны, вы не хотите понять, что теперь период другой. Теперь на первом плане должна быть регулярная армия».

---

[1]) Архив Истпарта. Стенограмма речи Ленина по военному вопросу.

Дискуссия по военному вопросу показала удельный вес лево-коммунистических настроений в партии. Оппозиция по военному вопросу располагала на съезде значительным меньшинством. В военной секции съезда тезисы оппозиции получили большинство — 37 из 57 голосовало за тезисы Смирнова. Вожди фракции левых коммунистов 1918 г. оказались руководителями военной оппозиции на VIII съезде. Достаточно назвать таких товарищей, как В. Смирнов, Пятаков, Сорин, Бубнов, Ярославский, Сафаров.

Что самая сильная вспышка «лево-коммунистических» настроений на съезде произошла в дискуссии по военному вопросу — было не случайным явлением. Традиции партизанщины глубже всего гнездились как раз в армии. И как раз в Красной армии, где пролетарская прослойка испытывала наибольшее давление мелкобуржуазной стихии, эти традиции партизанщины с трудом поддавались искоренению. Партия же в целом преодолела лево-коммунистическую идеологию. Это показали результаты голосования по военному вопросу: подавляющим большинством голосов съезд принял тезисы ЦК, тезисы оппозиции собрали несколько более $^1/_3$ голосов.

Значение VIII съезда

VIII съезд был в сущности первым съездом партии после Октябрьской революции, обсуждавшим очередные партийные задачи (повестка дня VII Экстренного съезда была ограничена двумя вопросами — о Брестском мире и о переименовании партии). Съезд показал прежде всего идейную и организационную консолидацию партии. От левого коммунизма остались лишь слабые следы, и принципиальные разногласия между большинством съезда и товарищами, защищавшими лево-коммунистические взгляды, развернулись на чрезвычайно узком, по сравнению с 1918 г., базисе. Тогда не было ни одного сколько-нибудь важного вопроса, в котором левые коммунисты были бы солидарны с партией, теперь — дискуссия с левыми затронула лишь вопросы о теоретической части программы, национальный вопрос и перспективы военного строительства, да и по этим вопросам разногласия не были так обострены, как в период Бреста.

Программа партии, резолюция по вопросу о среднем крестьянстве были приняты единогласно. Решения съезда по организационному вопросу намечали взаимоотношения между Советами и партией. Таким образом партия встретила новый натиск контрреволюции, как единая организация, определившая свою тактику в важнейших вопросах.

б) IX СЪЕЗД ПАРТИИ.

Конец 1919 и начало 1920 г. принесли с собой новые победы Красной армии на фронтах и соответственное улучшение международного положения Советской России. В декабре была ликвидирована колчаковщина, в марте — деникинщина, в феврале — с занятием Архангельска — северная контрреволюция; подписание мирного договора с Эстонией обеспечивало положение на северо-западе. 27 марта Польша согласилась на открытие мирных переговоров и на частичное перемирие в Борисовском районе. Таким образом «огненное кольцо» фронтов было уничтожено целиком, если не считать укрепившегося в Крыму Врангеля

и все еще непрекратившихся боевых действий на польском фронте. Развитие революции на Востоке — борьба турецких националистов, образовавших центр в Ангоре, революционный переворот в Хиве, на западе — гражданская война в Германии, возникшая в результате Капповского путча, война, в ходе которой образовались красные армии немецкого пролетариата под руководством коммунистов,— все это создавало для Советской России благоприятную международную обстановку.

Как только обозначились контуры новой ситуации, партия поставила в порядок дня вопросы борьбы с разрухой, вопросы хозяйственного строительства. Три даты показывают, с какой быстротой партия определила необходимость перехода на хозяйственные рельсы. В начале января Красная армия, добивая Деникина, заняла Царицын, Новочеркасск, Ростов. 18 января в газетах появились телеграммы о решении Верховного Совета союзников снять с России блокаду, а 22 января — спустя всего 4 дня — ЦК партии опубликовал тезисы о мобилизации индустриального пролетариата для борьбы с хозяйственной разрухой, о милитаризации всего хозяйства и использовании воинских частей для хозяйственных нужд. Разъясняя новые задачи, встающие перед партией, Ленин, правда, не забывал указать на необходимость величайшей осторожности — враг, хотя и потерпевший поражение в борьбе с Советской Россией, «не знает, что он будет делать дальше». «Наши шаги к миру, — говорил Ленин, — мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности, безусловно не разоружая нашей армии».

Этот, по выражению Ленина, «н е з а к о н ч е н н ы й переходный момент от войны к миру», который переживала Советская Россия, наложил свой отпечаток на задачи, поставленные партией, и на методы их проведения. Партия ставила в порядок дня вопросы хозяйственного строительства, но именно в силу невозможности целиком и полностью разоружиться и перейти на мирные рельсы, милитарный момент продолжал занимать немалое место во всей работе, которую проводила партия. Мысль о сочетании нового хозяйственного содержания с милитарными формами была так быстро воспринята партией еще и потому, что именно военные методы показали свою пригодность в предшествовавший период, им с полным правом могла быть приписана значительная доля победы в гражданской войне, эти методы были прочно усвоены партией, их применение на хозяйственном фронте обещало такие же победы, которые были достигнуты на фронтах гражданской войны.

Новые задачи были сформулированы партией на IX съезде, собравшемся 29 марта 1920 г.

На первом месте стояли вопросы о милитаризации пролетариата и крестьянства, о едином хозяйственном плане. Суть милитаризации заключалась в том, что использование не только материальных средств, но и использование людей подчинялось единому хозяйственному плану, и с этой целью — методы принуждения, применявшиеся в армии, военный режим должны были быть максимально использованы на хозяйственном фронте.

Необходимость единого хозяйственного плана выдвигалась в качестве непременного условия для хозяйственного возрождения страны. Тов. Гусев, впер-

вые подчеркнувший идею единства хозяйственного плана, приводил следующие аргументы в его защиту:

«Я сравнивал наше государственное хозяйство с колоссальным зданием в десятки этажей и десятки тысяч комнат,— писал Гусев в своей брошюре, выводы которой легли в основу соответствующих решений IX съезда. — Все здание полуразрушено. Крыша местами провалилась, стропила подгнили, потолки обваливаются, провода порваны, водопроводы лопнули, печи разваливаются, половицы расшатались и проваливаются, наконец, стены и фундамент также расшатаны, и зданию грозит обвал. Как приступить к ремонту этого здания, по какому хозяйственному плану?— спрашивал я. На этот вопрос обитатели различных этажей и даже различных комнат в одном и том же этаже — будут отвечать разно. Те, которые живут в верхнем этаже, будут кричать, что стропила подгнили, потолки протекают и обваливаются, что жить в этом этаже дальше невозможно, что необходимо немедленно, в первую очередь, поставить новые стропила и покрыть крышу. И с своей точки зрения они будут глубоко правы. Да, жить дальше в этом этаже невозможно. Да, действительно, ремонт крыши необходим.

Обитатели одного из следующих этажей, в котором лопнули водопроводные трубы, будут кричать о том, что без воды жить нельзя, а поэтому в первую очередь необходимо починить водопроводные трубы. И они также с своей точки зрения будут глубоко правы, ибо без воды жить никак нельзя.

Обитатели того этажа, где развалились печи, будут настаивать на починке печей в первую очередь, ибо они и их дети мерзнут от холода, ибо не на чем сварить для детей кашу или вскипятить воду. И они будут правы.

Но из-за этих справедливых требований, которые тысячами несутся со всех сторон, нельзя забывать главного, что расшатался фундамент, что зданию грозит обвал, который погребет всех обитателей дома, что поэтому единственным первоочередным делом является укрепление фундамента и стен. Необходима совершенно исключительная твердость, необходимо величайшее мужество, чтобы не только не смущаться криками и стонами стариков, женщин, детей и больных, несущимися со всех этажей, но решиться даже на то, чтобы отнять у обитателей всех этажей необходимые для укрепления фундамента и стен инструменты и материалы, чтобы заставить их бросить свои углы и каморки, которые они всеми силами пытаются привести в жилой вид, чтобы выгнать их на работу по укреплению фундамента и стен» [1]).

Съезд установил ряд ступеней единого хозяйственного плана, по которым в порядке строгой последовательности должно было развиваться хозяйство:

1) улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимейших запасов хлеба, топлива и сырья;

2) машиностроение на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба;

3) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления;

4) усиленное производство продуктов массового потребления.

Как технический базис плана резолюция съезда выдвигала электрификацию народного хозяйства. Проведение плана связывалось с применением мобилизации квалифицированных рабочих для работы по их специальности, с массовыми мобилизациями населения по трудовой повинности и использованием воинских частей для хозяйственных задач.

Единый хозяйственный план, поскольку он обеспечивал максимальную экономию, жесткую централизацию и наиболее целесообразное использование материальных средств и людей, был необходимым в условиях хозяйственной разрухи — анархия производства и управления способствовала бы только усилению разрухи.

[1]) «Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат», Харьков, 1920, стр. 5—6.

Но вместе с тем план страдал колоссальными дефектами, как типичное произведение военного коммунизма, как план, рассчитанный на непосредственный переход к коммунизму, без какого бы то ни было «опосредствования». Прежде всего, план был в значительной степени голой абстракцией, лишенной связи с конкретным положением хозяйства Советской России 1920 года.

Основной дефект плана был на съезде метко схвачен т. Рыковым. «Этот план так, как он написан, — говорил Рыков на IX съезде, — мне кажется применимым для всех стран, народов, государств, для любого строя; требуется только наличие разрушенного хозяйства».

План, по словам т. Гусева, должен был быть «до последней степени прост, ясен, груб, прямолинеен, беспощаден». Сама идея единого хозяйственного плана, как утверждал Гусев, родилась у военных товарищей, привыкших на войне отбрасывать мелочи, не забывать главного и бороться с политикой «затыкания дыр». Но как раз эта прямолинейность, явившаяся результатом опыта гражданской войны, не учитывала своеобразия хозяйственного строительства, отличия хозяйственного фронта от фронта боевого. При отсутствии необходимых машин и квалифицированной рабочей силы, при катастрофическом недостатке предметов широкого потребления, ступени плана на практике не могли следовать одна за другой в намеченном порядке.

Единый хозяйственный план был принят съездом без особых возражений.

Дискуссия о методах управления хозяйством.

Объектом дискуссии явились методы управления хозяйством и, в частности, вопрос о коллегиальном и единоличном управлении. В защиту коллегиального принципа выступили главным образом тт. Осинский, Максимовский, Сапронов, опубликовавшие перед съездом свои тезисы. Полемика этих товарищей, которые к X съезду составили группу демократического централизма с большинством не ограничилась вопросом об управлении промышленностью. В области взаимоотношений партии и Советов, организации самой партии представители будущей группы демократического централизма занимали особую позицию еще со времени VIII партсъезда. На VIII партийном съезде Осинский, говоря о происходящем «перерождении партии», настаивал на коллегиальном руководстве, на «демократизации форм пролетарской диктатуры» и демократическом централизме. Сапронов тогда же, солидаризуясь с Осинским, протестовал против вертикального централизма, приобретавшего все большее и большее значение в системе партийного и советского руководства. Идеи демократического централизма были ярче всего сформулированы Осинским. Интересно, что мысли, высказывавшиеся Осинским, стояли в тесной связи с ошибочной оценкой момента, с переоценкой передышки.

Еще 15 января 1919 г. Осинский, правильно объясняя рост «единоличных, иерархических и авторитарных форм организации» военно-боевыми задачами Советской России, доказывал, что партия и Республика вступили в мирный период развития и должны стать на путь ограничения командного принципа. Центр тяжести и тогда уже переносился Осинским на коллегиальные методы управления, но, не ограничиваясь этим, он находил также возможным допустить

участие в Советах партий, «не призывающих к прямому низвержению советской власти». Командный принцип, поскольку полностью не удалось подавить контрреволюцию, Осинский считал возможным допустить в армии и, может быть, на транспорте. Те же мотивы звучали в речи Осинского на VIII съезде партии; и в марте 1919 г. исходным пунктом для защиты принципа коллегиальности и «демократизации форм пролетарской диктатуры» было утверждение, что «мы со своими врагами внутри страны справились в значительной мере» [1]). Гражданская война, не закончившаяся, а крайне обострившаяся после VIII съезда, поставила на первый план «командный принцип». Его господство казалось настолько бесспорным, что вплоть до конца 1919 г., когда перед партией стали вновь вырисовываться перспективы мирного строительства, демократические централисты не подымали голоса. Но уже 28 декабря Осинский вновь поставил вопрос о демократизации форм диктатуры пролетариата в той же плоскости, что и год назад. Правда опыт гражданской войны кое в чем сказался: милитарным приемам Осинский отводил место не только в армии и на транспорте, но и в заготовительной работе и — в меньшей степени — на фабриках. Наконец на IX съезде «демократические централисты» резко выступили против Центрального Комитета. Максимовский обвинял ЦК в «бюрократическом централизме».

«Говорят, что рыба начинает вонять с головы. Партия сверху начинает поддаваться влиянию этого бюрократического централизма. В этом заключается суть дела и этим объясняются многие рассуждения об единоличии в таких формах, которые для нас и для кого угодно неприемлемы — с точки зрения программы, принятой нашей партией» [2]).

О «диктатуре партийного чиновничества» говорил Сапронов, утверждавший, что стремление ввести единоличное управление в промышленности опасно своей тенденцией единоличного управления в уездных и губернских исполкомах, во ВЦИКе, обвинявший ЦК в том, что он проводит политику подавления центром мест, систему вертикального централизма. Представители демократического централизма выдвигали тезис о том, что коллегиальность составляет необходимую основу демократизма. Осинский характеризовал коллегиальность как «высшую ступень школы управления», как систему, обеспечивающую бо́льшую компетентность в деле руководства хозяйством. В речах Осинского и Сапронова явственно звучали и антиспецовские нотки.

«Единоличного управления добиваются для того, чтобы дать ход специалистам. Против специалистов я ничего не имею... Но вот в чем вопрос: будет ли единоличное управление специалистами наиболее компетентным во всех смыслах, не только в техническом? Конечно, нет. При нынешних условиях весь вопрос в том, кто окажется наиболее смекалистым практиком-хозяином, и притом практиком с определенным социальным инстинктом. Всего лучше может управлять тот, кто хорошо разбирает, куда ветер революции дует, кто умеет и с рабочими столковаться и быстро разыскать топливо, сырье и прочее. Тут хороший техник и заводский администратор подчас ровно ничего не сделают, а толковый рабочий с делом справится», говорил Осинский [3]).

---

[1]) VIII съезд, стр. 163.

[2]) IX съезд, стр. 42.

[3]) IX съезд, стр. 104.

Тов. Ленин вскрыл основную ошибку защитников демократического централизма. Сапронов, Осинский и Максимовский смешивали вопрос о господстве класса с вопросом о демократическом централизме. Господство класса определяется экспроприацией частной собственности у капиталистов и помещиков. Демократический централизм — это лишь система управления, практикуемая господствующим классом, — так ставил вопрос Ленин. Коллегиальность не является непременным условием демократического централизма. «Демократический централизм, — говорил Ленин, — значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять». Коллегиальность характеризовалась Лениным, как приготовительный класс школы, отразивший период 1918 года, когда господствовал «хаос и энтузиазм». В 1920 же году перед партией стояла задача наладить централизованное, дисциплинированное руководство хозяйством. Для организации хозяйства необходимо было использовать выходцев из буржуазии. «Мы должны управлять с помощью выходцев из того класса, который мы свергли, — выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с тем мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса», говорил Ленин. Таким образом вопрос о единоличии и коллегиальности, «поставленный на ноги», терял характер абсолютного принципа, превращаясь в вопрос наибольшей целесообразности. Борьба против разгильдяйства, против безответственности требовала жестокого централизма,— последний, в свою очередь, был тесно связан с системой единоличного управления.

Демократический централизм можно считать своеобразным остатком «левого коммунизма», который на время гражданской войны приобрел и другую базу. В основе рассуждений представителей демократического централизма было то же мелкобуржуазное недовольство жесткими формами пролетарской диктатуры, которое проявилось в свое время у левых коммунистов. И не даром Ленин, полемизируя с защитниками коллегиальности, цитировал свою брошюру «Очередные задачи советской власти», написанную в 1918 г., против мелкобуржуазной распущенности. Опасность этого мелкобуржуазного влияния не устранялась переходом на мирные рельсы еще и потому, что партии пришлось вести борьбу с всероссийской Сухаревкой. Мелкобуржуазная стихия была особенно сильна в тех областях, где, как, например, в Сибири, на Украине, Кубани, недавно укрепилась советская власть. Рецидив левого коммунизма, таким образом, объяснялся в первую очередь возрождением мелкобуржуазных настроений, заглушенных в период гражданской войны и прорывавшихся в тот момент, когда перед партией вновь открывались перспективы мирного строительства. Причина второго порядка заключалась в некотором отрыве части местных работников, в их попытке поставить интересы мест выше интересов всей республики в целом. Характерно, что демократический централизм нашел свою базу на мелкобуржуазной Украине и в Московской губернской организации, где столкновения губернского центра с республиканским были наиболее остры.

Съезд дал решительный отпор представителям демократического централизма. Если против так называемых «деловых» защитников коллегиальности — представителей части хозяйственников и профессионалистов — выдвигались только аргументы целесообразности того или иного способа управления, то

выступления Сапронова, Максимовского квалифицировались делегатами как «упадочные настроения», как выступления, потакающие меньшевистским тенденциям. В резолюции об очередных задачах хозяйственного строительства съезд одобрил тезисы ЦК о милитаризации хозяйства и отметил необходимость приблизить управление промышленности к единоличию. В качестве общего принципа устанавливалась точная ответственность определенного лица за порученную ему работу.

Вопрос о профсоюзах.

По вопросу о профессиональных союзах на съезде не развернулась сколько-нибудь большая дискуссия. Но все же в прениях по докладу т. Бухарина выявились те тенденции, которые потом оформились к X съезду партии. В выступлениях тт. Лутовинова и Киселева отчетливо звучали нотки, которые впоследствии вылились в «мотив» рабочей оппозиции.

Тов. Рязанов отстаивал независимость профсоюзов, рассматривая задачу профсоюзов исключительно в плане охраны рабочей силы.

«И в коммунистическом строе, — говорил т. Рязанов, — все общественное производство является результатом двух основных факторов: с одной стороны, мертвого инвентаря, машин, топлива, сырья, а с другой — живой рабочей силы... Ведение всеми делами общественного производства принадлежит Совнархозу, принадлежит советским органам, органам диктатуры пролетариата, которые берут на себя ответственность за ведение всего этого дела. Профсоюзы имеют другую задачу: они заведуют рабочей силой, занимаются ее охраной, ее воспитанием, занимаются повышением ее квалификации... Это ясная, точно ограниченная задача» [1]).

Ставя перед профсоюзами такую ограниченную задачу, т. Рязанов вычеркивал организационно-хозяйственную задачу профсоюзов. Принципиальное изменение значения пролетариата в советском государстве заключалось в том, что пролетариат становился хозяином, владельцем средств производства. Следовательно и функция профсоюзов изменилась. Профсоюзы должны были принять участие всеми своими аппаратами в этой напряженнейшей, наиболее трудной борьбе за хозяйственное возрождение. Отвергая противопоставление профсоюзов, как экономической организации рабочего класса, Советам, как его политической организации, съезд требовал и от профсоюзов воспитания масс и активного участия в организации производства. Эта роль не должна была ограничиваться выдвижением кандидатур в совнархозовские органы.

Именно в этом плане съезд выдвигал перед профсоюзами задачу подготовки офицерского кадра нашей промышленности из рабочих, т. е. дело профтехнического обучения, трудовую пропаганду. В соответствии с общим курсом партии съезд считал необходимым внести в профсоюзную работу «дух строжайшей деловитости и дисциплины, а равно и полную ответственность за выполнение всех и всяческих заданий».

Организационные задачи партии съезд формулировал в связи с общим курсом партийной политики. Организационный вопрос на съезде не вызвал сколько-нибудь серьезных разногласий. Правда демократические централисты и на этом съезде выступили с содокладом, но критика партийной линии со

[1]) IX съезд, стр. 210—211.

стороны демократических централистов по вопросу о борьбе с бюрократизмом значительно увяла по сравнению с VIII съездом. Год гражданской войны сыграл свою роль. Больше того, содокладчик по организационному вопросу Максимовский, утверждавший, что партия «восприняла характерные черты бюрократической организации, оторванность от центра, от мест, мелочную опеку центра над местами, ведомственность, единоличное управление», предлагал в то же самое время милитаризовать партийный аппарат. Это вызвало возражения докладчика ЦК Каменева.

В связи с переходом к мирному строительству съезд подчеркнул необходимость соответствующей перестройки партийных рядов и перераспределения сил под углом использования их в производственном процессе. Партийная пропаганда и агитация должны были быть приближены к выполнению хозяйственных заданий. В качестве главной задачи съезд наметил правильное распределение и использование 600 000 членов партии с тем, чтобы «все большие массы членов партии постепенно поднимались с работы менее ответственной и более узкой к работе более ответственной и более широкой».

Вопрос о кооперации.

По вопросу о кооперации на съезде были представлены целых четыре точки зрения: помимо докладчика ЦК, со своими тезисами выступили работники кооперации, ВСНХ, НКПрода. В сущности все докладчики, за исключением представителей кооперации, сходились на том, что потребительская кооперация должна стать техническим аппаратом коммунистического распределения, сельскохозяйственная и промысловая — аппаратом, помогающим увеличивать количество сельскохозяйственных продуктов. Возражая против стремления объединить всех крестьян в сельскохозяйственной кооперации, т. Крестинский — докладчик ЦК, ссылался на программу партии:

«Наша программа, — говорил он, — к вопросам сельскохозяйственной кооперации... подходит не с точки зрения объединения всего сельского населения в целом, как производителей, и создания, таким образом, экономической базы для коллективного производства, .. а лишь с точки зрения возможного увеличения количества сельскохозяйственных продуктов» [1]).

Крестинский считал, что объединение всех крестьян в сельскохозяйственной кооперации экономически нецелесообразно, так как задача поддержки крестьянского хозяйства возложена на Наркомзем и его органы. В тезисах т. Крестинского не последнее место занимали и соображения политического характера, — опасения, что особая система сельскохозяйственной кооперации, к тому же еще с ее контрреволюционным составом, может противопоставить себя советской власти: «политически создание всероссийской организации мелких производителей, объединенных именно как производители, шло бы вразрез с основной задачей нашей партии и советской власти — постепенно вовлекать крестьян в общие с рабочими политические и экономические организации» [2]). Тезисы Крестинского предусматривали сужение функций Центросоюза, ликвидацию его провинциальных контор и обновление верхушки.

---

[1]) IX съезд, стр. 251.

[2]) Там же, стр. 257.

Разногласия между Крестинским и другими докладчиками не носили принципиального характера — речь шла лишь о темпе фактической ликвидации кооперативной системы и о «наследстве», на которое претендовали ВСНХ, НКПрод и Наркомзем. Ряд товарищей заострял вопрос на необходимости немедленной ликвидации кооперативной системы. Подавляющее большинство выступавших на съезде делегатов высказывалось против существования кооперации как особой системы, настаивая на необходимости скорейшего ее огосударствления.

«Съезд считает вредным возрождение мелкобуржуазной утопии — выделение потребительской кооперации из общей системы советских экономических организаций и превращение ее в самодовлеющую универсальную организацию, охватывающую и распределение и производство. Выполнение этого привело бы к ненужному параллелизму в работе кооперативной и советской организации» [1],

говорилось в тезисах т. Милютина, а тезисы тт. Свидерского и Цюрупы отрицали возможность самостоятельного участия кооперации в заготовках на том основании, что

«при проведении разверстки наиболее резко противопоставляются друг другу интересы потребительских масс (главным образом рабочих) интересам производителей (главным образом крестьян), вследствие чего успешное проведение разверстки может быть обеспечено лишь классовыми политическими органами пролетариата, каковыми в настоящее время являются государственные органы» [2].

Против немедленного огосударствления кооперации выступил т. Ленин. Ленин предлагал сначала подготовить к огосударствлению кооперативную организацию, создать там коммунистическое большинство:

«Дух вашей резолюции, — говорил он, полемизируя с Милютиным, — подчинить волисполкому (в первом пункте так и говорится — «принять меры») — есть дух чекистский, неправильно внесенный в хозяйственный вопрос... [3].

Эта постепенность не снимала, конечно, необходимости бороться с контрреволюционными кооператорами методами Чека.

Съезд принял резолюцию Крестинского.

На съезде была представлена и принципиально противоположная огосударствлению кооперации позиция.

Тт. Мещеряков и Сольц в своих тезисах выдвинули положение о том, что роль кооперации коренным образом изменяется после установления диктатуры пролетариата. Старая кооперация мирно уживалась с капитализмом; ее существование не противоречило принципам частной собственности.

«Но, — напоминал т. Мещеряков, — уже в 60-х гг. при организации Интернационала Маркс выдвинул другое понимание кооперации, которое было забыто. Он говорил, что поскольку кооперация останется добровольным движением, поскольку кооператоры будут бороться самыми ничтожными средствами, — они ничего сделать не смогут. Есть одно средство борьбы с капитализмом, — это социальная революция и захват власти пролетариатом. Но, захватив власть, пролетариат должен использовать кооперацию и превратить ее в оружие осуществления социализма. Для этого кооперация должна охватить всю нацию и воспользоваться национальными средствами» [4].

---

[1]) IX съезд, стр. 265.
[2]) IX съезд, стр. 270.
[3]) IX съезд, стр. 344.
[4]) IX съезд, стр. 258.

Тт. Мещеряков и Сольц ставили перед кооперацией задачу объединения крестьян и обобществления сельского хозяйства.

«У нас ведь плугов недостаточно, — говорил т. Мещеряков, — и каждому Ивану, Сидору, Петру мы плуга дать не можем. Тогда мы будем действовать так: мы даем на Гореловку 10 плугов, и пусть преимущество будет дано тем, кто будет вести коллективные запашки. Тогда мелкие узенькие полоски исчезнут и начнется коллективная обработка земли. А при коллективной обработке земли возможно будет применение помощи техников, более усовершенствованные способы обработки земли, применение удобрения. А это повлечет за собою усиление производительности земли... и мы будем их приучать к коллективной обработке... Это совсем еще не коммунизм, но это переходная ступень к нему. Тов. Ленин был прав, когда говорил, что мы должны «врастать в коммунизм». Этот процесс врастания был невозможен. Это было утопией до пролетарской революции, а теперь этот процесс может начинаться» [1]).

С этой целью кооперация, по предложению тт. Мещерякова и Сольца, должна была остаться самостоятельной организацией, работающей под контролем и по заданиям госорганов.

Тезисы тт. Мещерякова и Сольца представляли собой по существу зародыш того кооперативного плана, который был развернут Лениным в 1922 году. Почему же этот план в 1920 г. не встретил никакой поддержки, и даже авторы его, соглашаясь в практических вопросах с Крестинским, скромно сводили роль своих тезисов лишь к теоретическому дополнению тезисов Крестинского?

Что тезисы Мещерякова и Сольца прошли незамеченными для партсъезда, — было понятно. Экономическая политика военного коммунизма исключала кооперативный план, даже в его эскизном наброске. Дело заключалось не только в том, что кооперация 1920 г., в особенности ее руководящие кадры, была более близка к контрреволюции, нежели к Советам. Кооперация, как ее истолковывали в 1920 г. тезисы Мещерякова-Сольца, а в 1923 г.— статья о кооперации Ленина — была посредствующим звеном для объединения мелких производителей в систему социалистического хозяйства. Специфические черты идеологии военного коммунизма как раз предполагали непосредственный переход к коммунизму. По отношению к крестьянству это означало объединение мелких производителей методами государственного принуждения. Самостоятельная кооперативная система была несовместима с политикой разверстки (т. е. принудительного отчуждения излишков) и централизованного государственного снабжения — в таких условиях единственно возможным для партии был курс, принятый резолюцией IX съезда — постепенное и осторожное превращение кооперации в аппарат «снабжения населения на коммунистических началах».

Резолюция о переходе к милиционной системе.

Вопрос о переходе к милиционной системе был разрешен IX съездом в том же плане перехода к мирному строительству, как и другие вопросы порядка дня съезда, с обеспечением необходимых гарантий ввиду возможного возобновления гражданской войны. Резолюция, принятая съездом по докладу Троцкого, ста-

[1]) Там же, стр. 260—261.

вила во главу угла постоянный переход к милиционной системе по производственному принципу, иными словами, территориальное распределение милиционных частей должно было соответствовать «территориальному размещению промышленности так, чтобы промышленные очаги с окружающей их и тяготеющей к ним сельскохозяйственной периферией образовывали основу для милиционных частей» [1]).

Значение IX съезда.

IX съезд партии собрался в то время, когда гражданская война подходила к концу. Передышка обещала быть на этот раз более длительной, чем в 1918 г. Но сознание незаконченности гражданской войны наложило свой отпечаток на решения съезда. Все они, ориентируясь на переход к мирному строительству, обеспечивают в то же время готовность к вооруженному отпору международной контрреволюции. Взяться за молоток, не выпуская из руки винтовку, применив на хозяйственном фронте те же военные методы, которые обеспечили победу на боевых фронтах, — вот целевая установка резолюций IX съезда.

Именно поэтому IX съезд представляет собой кульминационную точку военно-коммунистической идеологии в нашей партии.

Внутри страны пролетариат победил в гражданской войне. Что касается международной обстановки, то период Sturm und Drang'а социалистической революции на Западе позволял надеяться на крупные победы международного пролетариата в ближайшем будущем.

Непосредственный переход к коммунизму — эта перспектива нашла свое четкое выражение в решениях IX съезда.

в) ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В 1919 — 1920 гг.

Задачи, которые были поставлены перед партией гражданской войной, потребовали не только напряжения всех сил для организации победы над контрреволюцией, не только новых тактических маневров, но и приспособления партийной организации к новым задачам.

Война наложила сильный отпечаток на содержание и формы партийной работы. Это влияние прежде всего сказалось на системе руководства партией. В продолжение почти 15 лет большевистская партия строилась на принципах демократического централизма — выборности нижестоящими организациями вышестоящих с последующим подчинением снизу вверх по вертикали. (От этого принципа, разумеется, приходилось отступать тогда, когда партия уходила в подполье.) Гражданская война заменила демократический централизм военным централизмом. Это изменение системы партийной организации стояло в теснейшей связи с изменением содержания партийной работы. Война требовала максимальной концентрации всех сил и средств, максимальной централизации руководства, точности и быстроты выполнения приказаний, суровой дисциплины. Какое бы то ни было кустарничество местных организаций, медлительность в выполнении приказаний центра, халатность и расхлябанность грозят в войне поражением. Партия, руководившая гражданской

[1]) IX съезд, стр. 395.

войной, с железной необходимостью должна была перестроить свои ряды в соответствии с новыми требованиями. И также неизбежно военный централизм, характерный для всей системы военного коммунизма, с наибольшей законченностью, с наибольшей твердостью был проведен в партии.

Новая организация распространялась по направлению от фронта к тылу. Еще в начале января 1919 года вопрос о «работе по-военному» партийных организаций на фронте был поставлен партийцами, работавшими в армии. Развивая мысль о неприменимости тыловой схемы партийной организации в условиях фронтовой работы, т. Гусев писал:

«О централизованной, расчлененной демократической организации, по образу и подобию тыловой, на фронте нечего и думать. Централизованное в армейском комитете руководство работой полковых и ротных организаций, выборное начало, резолюции, общие собрания ячеек, съезды, посылка делегатов, — все это превращается в фикцию, значится на бумаге, а на деле не существует».

И набрасывая картину новой системы парторганизации в армии, т. Гусев предлагал построить ее следующим образом:

«Парторганизация в армии перестраивается по образу и подобию армии, демократический централизм заменяется военным централизмом, вся работа строится на принципах военной дисциплины, вместо выборов — назначение, вместо резолюций — предписания и донесения. Партийные организации — ротные ячейки — теряют все свои «политические права». У них остается только одно право — право работать, право — «неукоснительно» выполнять предписания и инструкции политотдела, проявляя при этом в рамках инструкций и предписаний максимальную самодеятельность, гибкость, изобретательность и инициативу... на войне по-военному» [1]).

Эти организационные принципы не были личным мнением автора цитированной статьи, — инструкция ЦК РКП партийным ячейкам красноармейских частей формулировала идеи, изложенные в статье т. Гусева.

Структура гражданских партийных организаций мало в чем отличалась от военных. Гражданские партийные организации зачастую работали в боевых условиях. В те дни, когда успешность снабжения страны определялась успехами продовольственных отрядов и армий, в дни повсеместных белогвардейских заговоров и контрреволюционных восстаний, — грань между фронтом и тылом стиралась. Тыл, основной задачей которого была поставка снаряжения, продовольствия и людского материала для армии — представлял собой лишь участок фронта.

Прежде всего применение выборности, основного элемента демократического централизма, на практике оказалось сведенным до минимума. В особо ударных участках работы нормальные партийные организации уступали место назначенным сверху политотделам, отвечавшим за всю политическую работу в данной отрасли. Политотделы прежде всего были созданы в Красной армии как органы государственной пропаганды коммунизма, руководившие политической и партийной работой в армии. Впоследствии политотделы создавались как временные организации, и в промышленности, в особенности в

[1]) «Правда» 1919 г. № 2, 3(1).

наиболее разрушенных ее отраслях, а также там, где профессиональные организации были слабы, и где государственное вмешательство и необходимость чрезвычайных мер и методов принуждения были особенно велики. Так, например, были созданы политотдел Донбасса, Главполитпуть — политотдел транспорта.

IX съезд поставил перед Главполитпутем задачу организованным воздействием испытанных коммунистов, лучших представителей рабочего класса, немедленно улучшить состояние транспорта и в то же время укрепить профессиональную железнодорожную организацию, влить в нее лучших работников, которых Главполитпуть направляет на дороги, помочь самому профсоюзу установить в своей организации железную дисциплину и тем самым сделать железнодорожников незаменимым орудием дальнейшего поднятия железнодорожного транспорта [1]).

Фактическая отмена выборности объяснялась необходимостью жесткой экономии сил. Не могло, конечно, и речи быть, о том, чтобы в условиях гражданской войны ожидать «естественного» роста и отбора руководящей верхушки на местах. Наличные кадры были чрезвычайно скудны, в особенности, по сравнению с тем колоссальным требованием на работников, которое выдвигала развертывающаяся советская работа и война.

«Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу, — этот слой в России неимоверно тонок, — говорил т. Ленин на VIII съезде. — Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли эти 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе неимоверную тяжесть управления страной, никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил» [2]).

Перед партией, таким образом, стоял вопрос о целесообразном распределении наличных сил, которое по необходимости должно было быть централизованным. А централизованное распределение и означало назначенство. С другой стороны нельзя было и думать о регулярных собраниях руководящих партийных инстанций, коллегиальном партийном руководстве, когда нередко после очередной мобилизации из всего партийного комитета оставался один секретарь. Этот же недостаток сил заставил партию распространить принцип ударности, практиковавшийся при распределении материальных средств, и на распределение людей. Такой формой явились переброски и мобилизации.

В партийной работе переброски и мобилизации играли первостепенную роль. Первые мобилизации были проведены в ответ на наступление чехо-словаков; в июле — августе 1918 г. было мобилизовано 20% общего числа коммунистов, главным образом, столичных парторганизаций. Чем дальше развертывалась гражданская война, тем скорее партийные мобилизации превращались в систему. Между мартом — маем 1919 г. ЦК провел мобилизацию партийцев на фронт: в большинстве организаций было мобилизовано до 20% членов партии, в прифронтовой полосе — 50%, и, наконец, организации,

---

[1]) IX съезд, стр. 380.

[2]) Т. XVI, стр. 107.

находившиеся в местах, непосредственно угрожаемых неприятелем, уходили на фронт целиком. За время от VIII до IX партийного съезда ЦК было мобилизовано 25 000 членов партии. Но помимо мобилизаций, проводившихся ЦК, инициатива мобилизаций исходила и от местных организаций. Каждый очередной боевой фронт — топливный, продовольственный, транспортный — вызывал необходимость новой мобилизации, новые потоки свежих сил вливались в угрожаемый сектор. Непрерывные мобилизации обескровили партийные ряды. Так, например, Петербургская организация, в которой осенью 1918 г. было пятнадцать с половиной тысяч членов партии, год спустя насчитывала 7 389, а после перерегистрации в сентябре 1919 г. — всего 5 тысяч. Потребности же страны требовали все новых и новых кадров пролетариев-коммунистов.

Положение резко изменилось после того, как партия обратилась к использованию резервов, к привлечению в свои ряды передовых рабочих и крестьян. В грозные дни наступления Юденича на Петербург и Деникина на Орел Петербургская партийная организация объявила партийную неделю. Рабочие и красноармейцы призывались вступать в партию для того, чтобы организовать отпор контрреволюции. Формальности, связанные с приемом в партию, сокращались во время партийной недели до минимума. Трудности политической обстановки тех дней заменили стаж в организации сочувствующих и другие испытания, которые партийный устав в обычное время ставил перед вновь вступающим в ряды партии.

«... совпадение партийной недели в Москве с трудным моментом скорее для нас выгодно, ибо для дела полезнее, — писал Ленин.— Нам нужна партийная неделя не для парада. Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от «примазавшихся», есть наша партия, партия революционного рабочего класса... И теперь, когда производится усиленная мобилизация на фронт, партийная неделя хороша тем, что не дает соблазна желающим примазаться» [1]).

Результаты партийной недели не замедлили сказаться. Петербургская организация увеличила свои ряды более чем вдвое — с 5 тысяч до 13 тысяч. Пример Петербурга вскоре был повторен Московской, а затем и другими организациями с «неожиданным и невероятным, по словам Ленина успехом»— в дни партийной недели одна лишь Московская организация пополнилась 14 тысячами новых членов партии.

«... Из пролетарской массы, которая видела «успехи» Деникина и знала все трудности, тяжести, опасности, связанные как раз со званием и должностью коммунистов, поднялись тысячи и тысячи для подкрепления партии коммунистов, для взятия на себя столь невероятно трудного бремени государственного управления. Успех советской власти, успех нашей партии прямо-таки замечательный» [2]).

Постоянный приток сил обусловил усиленный рост партии в годы гражданской войны. Партия, в начале 1918 г. насчитывавшая в своих рядах 115 000 че-

---

[1]) Т. XX, ч. II. Государство рабочих и партийная неделя, стр. 345.

[2]) Т. XX, ч. II. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи, стр. 351.

ловек, выросла через год до 251,1 тысяч, в 1920 г. до 431,4 тысяч, и, наконец, ко времени ликвидации гражданской войны — до 585,6 тысяч человек.

И, что особенно важно, партия за три года сумела переварить, переработать и воспитать 470 тысяч новых членов.

Конечно столь быстрый рост партии не мог не сказаться на ее качестве. Среди десятков тысяч преданных революции рабочих неминуемо должны были оказаться единицы «примазавшихся» к партии, должны были оказаться люди, желавшие использовать пребывание в господствующей партии в личных целях. Следует также сказать, что за время гражданской войны в партию вступило значительное количество выходцев из других партий — помимо одиночек, в организованном порядке были приняты партии и группы с.-д. интернационалистов, революционных коммунистов (организация, выделившаяся из партии левых эсеров), большая часть союза максималистов, бундовцев, боротьбистов, группа бывших меньшевиков. Не всех пришельцев партия сумела «освоить».

Проблема очищения партии от инородных элементов была поставлена еще в начале 1919 г., и в продолжение последующих лет этот процесс очищения партии шел параллельно с вовлечением новых слоев. Боевая революционная работа, которую выполняла партия, способствовала оздоровлению ее рядов. Мобилизации и субботники оказались своеобразной и успешной по своим результатам формой партийной чистки — нежелание итти на фронт было более чем достаточной характеристикой случайного «коммуниста». Помимо этого, партия несколько раз проводила специальные чистки и перерегистрации, освобождавшие партийные ряды от балласта.

Мобилизации и субботники, чистки и перерегистрации улучшали качественный состав партии, но они не могли избавить ее от ряда болезненных явлений, коренившихся в самой обстановке работы. Имели место явления отрыва членов партии от масс, бюрократизма. Вопросы о борьбе с этими болезнями подымались еще на VIII съезде партии. В резолюции VIII съезда по организационному вопросу отмечалось, что «расширение численного состава партийных организаций ни в коем случае не должно покупаться ценой ухудшения их качественного состава. К приему в партию нерабочих и некрестьянских элементов следует относиться с большим разбором». Резолюция обязывала членов партии выполнять ту или иную партийную работу и предлагала повести решительную борьбу против явлений бюрократизма и отрыва от масс.

Все же эти отрицательные явления продолжали усиливаться и после VIII съезда партии. Обострение гражданской войны не только не позволяло перейти к режиму внутрипартийной демократии, но, наоборот, усиливало элементы военного централизма. Ударный принцип снабжения ставил в данный отрезок времени определенный участок борьбы и работавшую там группу людей в наиболее благоприятные, по сравнению с другими, условия. Неизбежным результатом этого был рост неравенства среди рабочих, а также и среди членов партии. Эта разница в жизненном уровне, в связи с распределением членов партии по различным отраслям работы, некоторым сокращением чисто партийной работы за счет советской, развивала тенденцию к обособлению отдельных групп членов партии («советские» коммунисты — работники советских учреждений, «военные»

коммунисты, «центровики» и «местные»). На этой базе и вырос вопрос о в е р х а х и н и з а х, получивший большое значение в 1920 г.

«Верхи и низы» были лишь заглавием, обобщавшим недовольство по поводу перегибов, а частью — неизбежных следствий организационной практики военного коммунизма. Нарекания на излишнюю «главкократию»,— уклонения вертикального централизма — сливались в один общий поток с трениями между отдельными группами работников (например, массы фронтовых коммунистов и фронтовой партийной верхушки), с антиспецовскими и зачастую — махаевскими настроениями. Вопрос о «верхах и низах» был поставлен в специальном циркулярном письме ЦК (от 4/IX 1920 г.), а затем на сентябрьской партконференции 1920 г. Всероссийская партийная конференция, отметив неизбежность выделения ударных ведомств, что делало невозможным установление абсолютного равенства среди коммунистов, призвала партию к устранению какого бы то ни было разделения на «верхи и низы», на рабочих и интеллигентов. Конференция наметила ряд мер, которые также должны были помочь оздоровлению партии. Предлагалось чаще созывать собрания с ответственными работниками, усилить партийную нагрузку последних, организовать публичные партийные конференции и пленумы губкомов, усилить самокритику и обратить внимание на сглаживание материального неравенства между членами партии. На партийной конференции впервые была избрана временная центральная контрольная комиссия, которой было поручено наблюдать за оздоровлением партийной организации.

Перечисленные отрицательные явления в партийной жизни были только неизбежным наносом, который вырос из объективных условий военного коммунизма. Победа партии в гражданской войне была не только результатом правильной тактики и усвоения соответствующих организационных принципов. Далеко не на последнем месте здесь стояли и те внутренние качества, без которых тактические резолюции и организационные формы партии бессильно повисли бы в воздухе.

Партия в годы гражданской войны обнаружила исключительную дисциплинированность и величайшее единство. Невероятные трудности, которые принесла с собой гражданская война, были преодолены благодаря строжайшей координации партийных сил, подчинения — сознательного, а не слепого — каждой единицы — члена партии — воле единого центра.

«Только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,— только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить» [1]), — говорил Ленин.

Партия, в годы гражданской войны когда пролетарская база в стране была чрезвычайно узка,—по отношению к массе крестьянства, пролетарским базисом (по подсчетам Ю. Ларина в феврале 1919 г. насчитывалось 1,171. тысяч рабочих),

[1]) Собр. соч., т. XVII, стр. 64.

представляла собой незначительную величину, сравнительно со 100-миллионным населением СССР. В моменты наибольшего роста партии отношение партийцев к беспартийным было 1 : 166. Но дисциплинированность и единство в сочетании с героизмом, проявленным партией в годы гражданской войны, обеспечивали партии исключительный качественный перевес. Только такая партия смогла поднять на борьбу с контрреволюцией широкие массы, сумела организовать их, преодолеть мелкобуржуазную рыхлость и раздробленность и через ряд неудач и поражений привести их к окончательной победе.

Железная дисциплина партийных рядов сочеталась с исключительным героизмом и самопожертвованием, проявленными коммунистами в годы гражданской войны. Члены партии, как правило, были первыми на самых опасных, самых боевых участках наших фронтов. Нередко коммунистические части обеспечивали победу там, где обычные красноармейские отряды терпели поражение. Разложившиеся, небоеспособные воинские части становились крепкими революционными отрядами после того, как красноармейские ряды насыщались коммунистами. Главное командование не раз настаивало на присылке коммунистов для укрепления боеспособности красноармейских частей. Так, например, один из докладов главнокомандующего Красной армией и флотом констатировал недостаток в политработниках, «в руках которых можно было бы сосредоточить все политвоспитание войсковых частей, без которого немыслима никакая боевая деятельность революционных войск».

На фронтах, по ту сторону фронтовой линии, в подполье, в голодном, раздетом тылу коммунисты были в первых рядах. На них же в первую очередь обрушивались все ужасы белогвардейского террора. Коммунистов, как правило, не брали в плен, — их уничтожали без пощады. Поэтому самоубийство в случае угрозы плена было среди коммунистов обычным явлением. За время гражданской войны десятки и сотни тысяч членов партии погибли геройской смертью в борьбе с контрреволюцией. Блестящий агитатор Володарский и один из первых чекистов Урицкий, убитые белогвардейскими террористами, вожди Азербайджанского пролетариата Степан Шаумян и Джапаридзе, расстрелянные в числе 26 бакинских комиссаров эсерами под диктовку английских интервентов, взорванный бомбой анархистов и левых эсеров секретарь Московского комитета партии Загорский,—это только единицы из бесчисленного списка жертв, которые понесла партия в гражданской войне.

Партия показала пример неслыханного пролетарского интернационализма. Мадьярские, венгерские, польские, латышские коммунисты героически сражались в рядах Красной армии, образуя интернациональные коммунистические отряды.

Такой же героизм был проявлен партийцами и в тылу. Это нашло свое выражение в организации так называемых «субботников». Летом 1919 г. ЦК РКП издал циркулярное письмо о «работе по-революционному» для преодоления хозяйственной разрухи. Инициатива новых методов работы исходила от ряда партийных организаций, главным образом на железных дорогах. Так, например, одной из первых организаций, поставивших субботники в порядок дня,

был подрайон Московской-Казанской железной дороги в Москве, общее собрание партийцев которого единогласно вынесло следующую резолюцию:

«Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, т. е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать шесть часов физическим трудом, дабы произвести немедленно реальную ценность. Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоевания революции — работу производить бесплатно. Коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком».

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН.

Интенсивность труда участников первого субботника 10 мая 1919 г. на 270% превосходила нормальную. Вскоре субботники получили широкое распространение — помимо производственных ячеек в субботниках приняли участие военные и советские ячейки а затем и беспартийные рабочие, красноармейцы и служащие.

«Великий почин» — так назвал субботники т. Ленин, призывавший ко всемерной поддержке начинания железнодорожников, в котором он видел не только пример героизма, но росток нового общества, фактор, укрепляющий доверие крестьян к Советскому государству.

«... голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно, без всякой платы, и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?» [1])

спрашивал Ленин, предлагавший, между прочим, использовать субботники для очистки партии от примазавшихся.

[1]) Т. XVI, стр. 254.

г.) ДИСКУССИЯ 1920 ГОДА.

На IX съезде партии Ленин, набрасывая картину политического положения РСФСР, как оно сложилось к весне 1920 г., предостерегал партию от и з л и ш н е г о увлечения мирными перспективами.

«Мы сейчас, — говорил он, — переживаем может быть один из самых крупнейших, резких н е з а к о н ч е н н ы х (разрядка наша. Р е д.) переходных моментов от войны к миру... тех рельс, на которых поезд стоит, тоже никто не знает еще» [1]).

Действительность не замедлила оправдать эти предостережения. Всего лишь месяц спустя после закрытия IX съезда, прошедшего под знаком мирного хозяйственного строительства, гражданская война вновь была в полном разгаре. В начале мая развернулось наступление поляков, сломленное несколькими неделями позднее, лето принесло резкий перелом на польском фронте, — начался поход Красной армии на Варшаву, возобновились боевые действия на врангелевском участке, — белогвардейские войска нового «главнокомандующего русской армией» барона Врангеля угрожающе выдвигались из горлышка Крымской «бутылки». Так или иначе мирные перспективы вновь, на этот раз больше чем на полгода, повисли в воздухе. На смену мобилизациям на транспорт пришли мобилизации на польский фронт. Передовые, еще недавно обсуждавшие вопросы единого хозяйственного плана, уступили свое место призывам бросить все силы против «панской Польши» и «белого барона». «Опять вся наша работа продвинулась к военным задачам», говорил Ленин на X съезде, подводя итоги пройденному этапу.

Положение резко изменилось к концу года. 12 октября был подписан прелиминарный мир с Польшей. Освободившись от угрозы с запада, партия смогла направить все усилия на ликвидацию Врангеля. Эта задача была выполнена с успехом. 30 октября Красная армия взяла Перекоп, а 15 ноября последние врангелевские транспорты отплыли по направлению к Константинополю. Крым стал советским. В ноябре же были ликвидированы охвостья вооруженной контрреволюции — махновщина, остатки петлюровщины, банды Булак-Балаховича. Гражданская война закончилась. После неудачных попыток перейти на мирные рельсы в весенние месяцы 1918, 1919 и 1920 годов перед партией впервые открывалась р е а л ь н а я возможность мирного строительства всерьез и надолго. Переход от войны к миру означал изменение всей системы военного коммунизма, изменение, связанное с серьезными потрясениями в экономической и политической жизни страны. Партия — своеобразный сейсмограф социально-экономических колебаний — и на этот раз, как раньше в 1918 г., отметила эти глубинные изменения дискуссией, развернувшейся в ноябре 1920 г. и продолжавшейся 4 месяца вплоть до X съезда партии.

Что вопрос о профсоюзах стал центральным и едва ли не единственным вопросом предсъездовской дискуссии — это было не случайно. В сложной системе Советского государства профсоюзы были тем приводным ремнем, который связывал партию с широкими массами рабочего класса, и немудрено, что именно

[1]) Т. XVII, стр. 68 — 69.

этот передаточный механизм наиболее быстро реагировал на новые настроения в рабочем классе накануне ликвидации военного коммунизма.

Перспективы мирного строительства ставили вопрос о новых методах руководства массами. В дискуссии о профсоюзах выдвинулся целый ряд особых точек зрения, на обсуждение партии было представлено 8 платформ. Многие из них оказались «однодневками», и дискуссия велась по существу лишь по трем из них: троцкистской с ее ответвлением — так называемым «буфером», платформой рабочей оппозиции и платформой 10-ти — ленинской.

Исходной точкой позиции Троцкого было утверждение, что профсоюзы переживают «тягчайший кризис», который выражается

«в ослаблении связи с массами, в постоянных трениях с хозяйственными органами и партийными организациями, в топтании союзов на месте, в неопределенности стоящих перед ними задач и происходящей отсюда идейной сумятице, которая отбрасывает некоторых работников профессионального движения на тред-юнионистские позиции. принципиально давно ликвидированные партией» [1]).

Но режим гражданской войны, обескровивший профсоюзы и ограничивший самодеятельность рабочих организаций, не обусловил, по мнению Троцкого, именно профсоюзного кризиса. Специфичность кризиса профсоюзов заключается в том, что «профсоюзы не могут выполнить основной своей задачи — не могут организовать производство, не отказавшись от тех навыков мысли, методов и приемов работы, которые господствуют в профсоюзах, как наследие прошлого. Перед партией стоит задача скорейшего превращения профсоюзов в производственные организации трудящихся потому, что «задача организации труда в рабочем государстве может иметь только производственную [2]) основу и цель... организация труда и организация производства должны совпасть».

«В рабочем государстве не может быть организационно отделенных друг от друга специалистов по организации производства и специалистов по профессиональному движению», так как «то, что составляло существо профсоюза в буржуазном обществе, отпало: в рабочем государстве профсоюз не может вести классовой экономической борьбы».

Те, кто считает, что профсоюзы и при диктатуре пролетариата должны отстаивать материальные и духовные интересы рабочего класса,— советские тредюнионисты, консервативные профессионалисты. А если профсоюзы не имеют с п е ц и ф и ч е с к и х задач, отличных от задач хозяйственных органов, то необходимо сделать шаг по пути к полному огосударствлению профсоюзов, необходимо начать с р а щ и в а н и е союзного и хозяйственного аппарата. Практически сращивание должно проводиться путем включения в состав всех хозяйственных и профессиональных ячеек, начиная с самых низших единиц и кончая президиумом ВСНХ и ВЦСПС, от $^1/_3$ до $^1/_2$ общих членов; ВЦСПС и ВСНХ должны совместно разрешать все принципиальные вопросы организации хозяйства и в том числе организации труда. Для выполнения новых задач профсоюзы должны быть реорганизованы, — личный состав следует «перетряхнуть с песочком», выдвигая и воспитывая хозяйственников, производственников и

---

[1]) Черновой набросок тезисов, внесенный Троцким в ЦК РКП 9/XI 1920 г., и тезисы Троцкого к X съезду. См. сборник. «Дискуссия 1920 г.», стр. 6, 27.

[2]) «Каша» приписал В. И. на полях брошюры против этого тезиса.

организаторов. Вся перестройка союзов и дальнейшая их работа должна итти под лозунгами «производственной демократии».

Платформа-брошюра Троцкого подверглась жестокой критике со стороны Ленина. В чем заключались теоретические и политические ошибки Троцкого? Прежде всего глубоко ощибочен и неверен был подход Троцкого к вопросу о профсоюзах. Троцкий говорил только о специфических сторонах профсоюзного «кризиса», он рассматривал вопрос о профсоюзах изолированно, вне связи с окружающей обстановкой. «Подход (Троцкого. Р е д.) к оценке «роли и задач профсоюзов», потому не марксистский, — разъяснял Ленин, — что нельзя подходить к столь широкой теме, не вдумавшись в особенности текущего момента с его политической стороны». Именно поэтому неверно было противопоставление Троцким хозяйственного подхода политическому.

« ...т. Ленин требует от себя и от других рассматривать отношение к профсоюзам под политическим углом зрения... Эта точка зрения — верна она или не верна — совершенно вне хозяйственных, производственных задач, — говорил Троцкий. — Я предлагаю ставить вопрос о профсоюзах под углом зрения производства... В этом различие подхода к вопросу» [1]).

Троцкий здесь недопустимо спутал вопросы хозяйственной политики и политической обстановки, — вторая определяла первую. А политическая обстановка конца 1920 г. характеризовалась исключительными особенностями, которые упорно не желал замечать Троцкий.

«Анализируя текущий политический момент, — так определял Ленин обстановку, — мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства» [2]).

Специфическим для данного момента был не профсоюзный «кризис», а переход к мирному строительству, связанный с изменением всей хозяйственно-политической системы военного коммунизма. Правда, нэп, как целостная перспектива новой экономической политики, еще не был декларирован партией, но часть членов ЦК, и в первую очередь Ленин, видели, что переход к хозяйственному строительству связан с новыми методами руководства массами рабочих и крестьян.

Глубоко ошибочным было также то, что Троцкий забывал особые, специфические задачи профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата. Эта специфичность задач происходила из самого существа профсоюза, как организации, почти п о г о л о в н о охватывающей пролетариат, негосударственной, массовой рабочей организации, стоящей, таким образом, м е ж д у партией и государственной властью. Профессиональная организация в условиях диктатуры пролетариата, вопреки утверждению Троцкого, должна была вести не классовую, но экономическую борьбу. Наряду с участием в хозяйственном строительстве

---

[1]) Выступление Троцкого на дискуссионном собрании фракции VII съезда Советов 30/XII 1920 г. Сб. «Дискуссия 1920 г.» стр. 77.

[2]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 19.

обязанностью профсоюзов была защита материальных и духовных интересов рабочего класса. Всякое иное толкование этих обязанностей было бы абстрактным, потому что на деле государство пролетарской диктатуры, — это рабочее государство с бюрократическим извращением.

«Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профсоюзам нечего защищать, можно обойтись без них, без защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного? — спрашивал Ленин и отвечал: — Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» [1]).

Исчезновение профсоюзов, как организаций рабочего класса со специфическими задачами, могло произойти лишь в отдаленном будущем. Действительность же диктовала сохранение профсоюзов, как особых организаций. На первый план выдвигался вопрос о методах руководства массой. «Сейчас дело в том, как к массе подойти, овладеть ею, с нею связаться, как сложные приводы работы, работы по осуществлению диктатуры пролетариата наладить» [2]). И здесь четко вырисовывались две противоречащие тенденции: троцкизм, не видя особенностей момента и своеобразия задач, стоявших перед профсоюзами, выдвигал на первый план метод принуждения, отсюда шло стремление решить задачи профсоюзной работы «военным налетом». Перетряхивание сверху, которым была проникнута брошюра-платформа Троцкого, бюрократический подход к вопросу о профсоюзах, выражавшийся в том, что Троцкий заострял вопрос на «подборе» работников, а не на «уровне развития и условиях жизни массы, миллионов»,— все это показывало, что Троцкий делает политическую ошибку. Ошибка заключалась не в применении военного опыта.

«Есть ценный военный опыт, — говорил Ленин, — героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте» [3]).

Троцкий сам ярко формулировал свою ошибку. Возражая на дискуссионном собрании коммунистической фракции VIII съезда Советов т. Зиновьеву, Троцкий упрекал его в том, что

«Зиновьев слишком пропагандистски подходит к каждому практическому деловому вопросу, забывая, что тут не только материал для агитации, но и вопрос, который надо решить административно» [4]).

Неверная оценка роли профсоюзов повлекла за собой ошибочное определение методов овладения массой. В самом деле, если бы профсоюзы были государственной организацией, то преобладание метода принуждения не вызвало бы никаких сомнений. Именно поэтому подход автора тезисов-платформы—был подходом администратора к кризису в профорганизации, к двум «тенденциям» в профсоюзах, к «советскому тредъюнионизму», к «производственному воспита-

[1]) Собр. соч., т, XVIII, ч. 1, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 10.
[3]) Там же, стр. 23.
[4]) Разрядка наша. Ред.

нию», к «сращиванию». Совсем иначе разрешался вопрос при ленинском определении профсоюзов, как «организации воспитательной, организации вовлечения, обучения, школы управления, школы хозяйничания, школы коммунизма». В этом случае администраторский подход оказывался не у места. «В этой области, — говорил Ленин, — специфическое и главное есть не управление, а «связь» между центральным (и местным, конечно, тоже) «государственным» управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, как говорит наша программа партии, § 5 экономической части посвященный профсоюзам».

Но принуждение и администраторский подход были неправильны не в силу специфического характера профсоюзной организации, а в силу той политической обстановки, о которой говорил Ленин. Партия и переходя к хозяйственному строительству не отказывалась вовсе от принуждения. Но, как напоминал Ленин, «мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения». Убеждение в необходимости самопожертвования и лишений для победы в гражданской войне было для широких масс рабочих и крестьян уже пройденным этапом. В продолжение больше чем двух лет наша агитация и пропаганда били по этой цели. Соответствующая агитационно-пропагандистская обработка и на одну сотую не была проделана на экономическом фронте, — в таких условиях перегиб в сторону голого принуждения мог быть чреват опасными последствиями. Опыта в области участия профсоюзов в производстве также не было.

«А с политической точки зрения подготовка именно масс есть самое важное. Подготовлен ли вопрос, изучен ли, обдуман ли, взвешен ли с этой стороны? Далеко нет. В этом коренная, глубочайшая и опасная политическая ошибка, потому что тут больше, чем в каком угодно вопросе, надо действовать по правилу: «семь раз примерь, один отрежь», а тут принялись резать ни разу не примерив» [1]).

Наконец, троцкистское переадминистрирование и установка на завинчивание гайки потуже на деле означали перепрыгивание через крестьянство. Профсоюзы были одним из передаточных ремней, связывавших партию с рабочим классом, но такая сеть передаточных механизмов, своеобразный ряд зубчатых колес не только связывал партию с рабочим классом, но партию и пролетариат с крестьянством. Троцкистские тезисы означали, что методы принуждения будут определяющими не только для профсоюзной шестеренки, но и для всего механизма в целом. А переход на мирные рельсы менял всю установку партии как раз в обратном направлении. Недаром Ленин настойчиво напоминал о том, что «отношение пролетариата к крестьянству изменяется». «Как изменяется? К этому надо присмотреться, а из ваших тезисов этого не выходит. Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать» [2]). Нэп во всей его сложности не был еще ясен ни для руководящих кругов партии, ни для Ленина. Но изменение отношений, а следовательно, и метода руководства было бесспорно. «Завинчивать гайку» в то время, когда эти новые отношения еще не определились, значило итти на возможный разрыв с крестьянством.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 20.

[2]) Там же, стр. 19.

«Буферная» концепция, выдвинутая тов. Бухариным, стремилась примирить точку зрения Ленина и Троцкого. Задачу буфера Бухарин видел в соединении хозяйственного и политического подходов к вопросу о профсоюзах.

«Перед нами уже выкристаллизовались, — говорил он, — две точки зрения: одна, которая рассматривает вопрос о профессиональном движении под углом зрения исключительно политическим, другая — исключительно под углом зрения развития производительных сил и поднятия нашего хозяйства». (Сб., «Дискуссия 1920 г.» стр. 79.)

Бухарин не усматривал никакого противоречия между тенденциями, которые выражал Троцкий — с одной, и Ленин, с другой стороны. Спор этот напоминал ему спор между людьми, один из которых утверждает, что стакан — это стеклянный цилиндр, а другой столь же категорически заявляет, что стакан — инструмент для питья.

«Тов. Ленин говорил, что профсоюзы — школа коммунизма, а т. Троцкий говорил, что — это административно-технический аппарат управления производством. Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе, верны оба эти положения и соединение обоих этих положений. Верно то, что профсоюзы есть одновременно и школа коммунизма и в то же время в возрастающей степени административно-технический аппарат по управлению производством» (Сб., стр. 80).

Практическая платформа «буфера» мало чем отличалась от тезисов Троцкого. Бухарин так же, как и Троцкий, выдвигал на первый план необходимость форсированного сращивания профессиональных и хозяйственных органов. В качестве же методов работы в профсоюзах предлагалась производственная демократия, включающая подбор профработников с точки зрения пригодности их к хозяйственной деятельности, производственную пропаганду и производственное воспитание членов профсоюзов. Само сращивание трактовалось авторами буферных тезисов настолько расширенно, что их толкование участия профсоюзов в хозяйственном строительстве приближалось к платформе рабочей оппозиции. Буфер настаивал на о б я з а т е л ь н о с т и кандидатур товарищей, выдвигаемых профсоюзами на хозяйственную работу, и требовал

«...усилить участие профсоюзов в образовании управления промышленностью, вплоть до поручения отдельному союзу организации управления данной отраслью хозяйства на основе обязательности общегосударственных программ и заданий и в зависимости от конкретного состояния данного союза и данной отрасли хозяйства» (Сб. «Дискуссия 1920 г.», стр. 109).

Буферную платформу Ленин называл «верхом идейного распада». Прежде всего эклектической была попытка буфера «соединить» политический и хозяйственный подход к вопросу. Эклектизм Бухарина был чрезвычайно ярко показан Лениным. Бухарин оперировал с формально-логическими определениями, отказываясь от к о н к р е т н о г о анализа задач профсоюзов, не выясняя, с к а к о й и м е н н о с т о р о н ы вопрос о профсоюзах смыкается с потребностями данного периода. Но хозяйственный подход был подчинен, зависел от политического.

«...вопрос стоит (и по-марксистски м о ж е т стоять) л и ш ь так, — утверждал Ленин: — без правильного п о л и т и ч е с к о г о подхода к делу данный класс не удержит

своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»[1]).

Но если хозяйственный подход был функцией политического, то нельзя было механически объединять тезисы Троцкого с платформой Ленина.

«Не «с одной стороны — школа, а с другой — нечто иное», а со всех сторон, при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничания, школа управления. Вместо того, чтобы понять и исправить эту коренную ошибку т. Троцкого, т. Бухарин дал смешную поправочку: «с одной стороны, с другой стороны» [2]).

Такой же, по выражению Ленина, «пустышкой» был общий для Троцкого и Бухарина лозунг «производственной демократии». Лозунг теоретически неверный — так как всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка, служит в конечном счете производству и определяется в конечном счете производственными отношениями данного общества — был ошибочен и в его практическом применении. Выдвигая на первый план выборы в профсоюзах, под углом зрения хозяйственных и административно-организаторских способностей кандидатов, защитники «производственной демократии» оставляли в стороне роль профсоюзов (как раз в этом верхушечном подходе и сказывалось непонимание значения профсоюзов) как воспитательной организации, как школы коммунизма. С другой стороны, производственная демократия могла бы быть истолкована «в смысле отрицания диктатуры и единоначалия».

Наконец требование обязательных кандидатур было лишь повторением синдикалистской платформы рабочей оппозиции:

«Если профсоюзы, т. е. на $^{9}/_{10}$ беспартийные рабочие, назначают («обязательные кандидатуры») управление промышленностью, тогда к чему партия? И логически, теоретически и практически то, до чего договорился Бухарин, означает раскол партии, вернее, разрыв синдикалистов с партией» [3]).

Еще в начале дискуссии Ленин разоблачил троцкистскую сущность «буфера». «Буфер» не боролся против ошибок той или иной основной платформы. Наоборот, замалчивая теоретические и политические ошибки Троцкого, представители буферной точки зрения прикрывали троцкистскую платформу, играя роль «пособника худшей и вреднейшей фракционности». Что «буфер» сыграл роль прикрытия для троцкистов, выразилось особенно четко накануне X съезда, когда троцкисты и «буфер» объединились на одной платформе.

С особой платформой выступили представители группы демократического централизма. Демократические централисты считали, что вопрос о профсоюзах «в настоящий момент не имеет ни особо крупного объективного значения, ни особой теоретической сложности». Уже в этом отрицании крупного объективного значения дискуссии о профсоюзах заключалось непони-

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 51.
[2]) Там же, стр. 62.
[3]) Там же, стр. 35.

мание значения профсоюзов в системе диктатуры пролетариата и тех изменений, которые были неизбежны на переломе от военного режима к мирному строительству — непонимание, которое роднило демократических централистов с троцкистами. Общим для демократических централистов и троцкистов было также утверждение о том, что профсоюзы переживают глубокий кризис. Что же касается практической платформы, то демократические централисты ставили во главу угла усиление роли губисполкомов и ВЦИКа, как своеобразного арбитра между хозяйственными и профессиональными органами, и последовательное проведение принципа демократического централизма и рабочей демократии. В то же время платформа демократических централистов требовала расширения прав профсоюзов в производстве, в частности в вопросе о составлении коллегий хозяйственных органов рекомендовала «руководствоваться, как общим правилом, необходимостью совместительства некоторой части членов коллегии, работающих в хозяйственных и союзных органах». Демократические централисты не только обнаружили полное непонимание сущности вопроса (отсюда путаница в их платформе, указание на бюрократическое омертвение профсоюзов и насквозь бюрократические предложения о задачах профсоюзов), но и внесли те же ошибки демократического централизма, которые были проявлены еще на IX съезде. Ленинскую и троцкистскую платформу демократические централисты считали двумя течениями «одной и той же группы бывших милитаризаторов хозяйства». Таким образом демократические централисты вновь противопоставляли «демократию» «милитаризму», скатываясь на оппортунистические позиции. «Если взять это всерьез, — говорил Ленин, по поводу цитированной части тезисов демократических централистов, — это худший меньшевизм и эсеровщина». Платформа демократических централистов и близкая к ней платформа игнатовцев не сыграли сколько-нибудь существенной роли в дискуссии и не обсуждались на X съезде.

Рабочая оппозиция 1920 г. возникла не вдруг. Рабоче-оппозиционные взгляды высказывались Шляпниковым и рядом других товарищей еще задолго до X съезда партии. Весной 1919 г., на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, была внесена резолюция, которая предлагала профессионалистам стать во главе растущего недовольства масс. Тогда же А. Шляпников, возрождая антиспецовские настроения времен «левого коммунизма», утверждал, что одной из важнейших опасностей переживаемого момента является лозунг «все спецам». Уже в то время Шляпников выдвинул, хотя и в скрытой форме, теорию перерождения, которая впоследствии вошла в «железный инвентарь» рабочей оппозиции. «В начале Октябрьской революции, — писал Шляпников, — мы все были полны стремлениями к общности с рабочей массой и фактически опирались на самодеятельность ее. Полтора года работы оторвали, разделили нас и наши учреждения от непосредственной активности масс, и только этой оторванностью можно объяснить появление подобных идей спасения через специалистов». Современные советские специалисты, заявлял Шляпников, «могут быть только могильщиками, а отнюдь не созидателями нового порядка» [1]).

[1]) «Правда» № 66, от 27 марта 1919 г.

Уже в 1919 г. Шляпников противопоставил свою точку зрения позиции Ленина. Цитированная статья Шляпникова появилась 27 марта. А на следующий день на страницах той же «Правды» Ленин ставил перед партией задачу привлечения беспартийной интеллигенции к делу советского строительства, говорил о необходимости сближения работников умственного и физического труда. Осенью 1919 г. Шляпников

«сформулировал свою платформу, тезисы, в которых говорил, что партия и советская власть должны заниматься политикой, а профсоюзы должны заниматься областью экономики. Тогда т. Бухарин в статье поблагодарил Шляпникова, говоря, что заниматься политикой без экономики — это значит ничем не заниматься» [1])

рассказывал на IX партийном съезде т. Томский.

Анархо-синдикалистские элементы рабочей оппозиции появляются также в 1919 г. 1 августа 1919 г. президиум ВСРМ [2]), председателем которого был Шляпников, принял в основу проект тезисов, предложенный тт. Гастевым и Гольцманом — кстати сказать бывшими анархо-синдикалистами. «Необходима организация подотчетности всех ведомств ВЦСПС, а некоторых из них — непосредственно тем или иным крупным союзам», — так гласил один из пунктов проекта.

Шляпников был устранен от профессиональной работы за проведение синдикалистских тенденций [3]). На IX съезде РКП Лутовинов говорил, что «ответственным лицом каждой отрасли промышленности, по нашему мнению, может быть только производственный союз, а всех отраслей промышленности в целом — ВЦСПС, иначе и быть не может» [4]). Лутовинов протестовал против вмешательства партийных комитетов во внутреннюю жизнь профсоюзов. Другой представитель рабочей оппозиции, Киселев, резко обвинял ЦК в том, что последний не боролся с бюрократизмом и не проводил политики орабочения центров, зажимал рот партии.

« ...у нас, — говорил Киселев, — за последнее время отмечается тот факт, что существует большое стремление наших центров убить, уменьшить, ослабить всякую партийную мысль на местах... наши партийные мнения низводятся на-нет... Поскольку начинают пробовать отстаивать положения VIII съезда, то вас объявляют и анархистами, и синдикалистами, и махаевцами. В нашей программе говорится, что профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, но когда была попытка опереться на этот пункт и защищать его, то поднялась самая усиленная демагогия против этого» [5]).

Представители рабочей оппозиции резко выступали против партийной линии в дискуссии о верхах и низах осенью 1920 г. и на сентябрьской конференции. Наконец во время профсоюзной дискуссии оппозиция выступила с тезисами «О задачах профсоюзов». Наиболее законченная и полная формулировка платформы рабочей оппозиции была представлена в брошюре Коллонтай.

Противопоставляя свою платформу точке зрения партийного большинства, рабочая оппозиция не ограничивалась одним вопросом о профсоюзах. Роль

[1]) IX съезд РКП. Речь Томского, стр. 201.

[2]) Всероссийского союза рабочих-металлистов.

[3]) «Правда» № 204, от 14 сентября 1919 г., ст. Бухарина «Рабочая аристократия или сплочение рабочих масс».

[4]) IX съезд, стр. 219.

[5]) Там же, стр. 52.

партии, Советов и профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, классовая природа советского государства, взаимоотношения с крестьянством — все эти вопросы были затронуты рабочей оппозицией. Представители рабочей оппозиции утверждали, что партия не представляет интересы рабочего класса, так как, будучи государственной партией, РКП должна лавировать между различными классовыми группировками. «Отчетливая классовая политика нашей партии, — писала Коллонтай, — в процессе отождествления себя с советским госаппаратом, превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально-разрозненного, смешанного состава населения» [1]). Если партия и вбирает в себя авангард класса, то она распыляет его по различным хозяйственным учреждениям, где коммунисты «разлагаются в общей атмосфере рутины и бюрократизма, каким проникнуты аппараты, ведающие у нас «хозяйственным творчеством». Влияние этих товарищей стирается, ослабляется, творчество их глохнет». «Партия перерождается», заявил Шляпников на X съезде, а представитель рабочей оппозиции Антонов на V Всеукраинской партконференции в ноябре 1920 г. утверждал, что ЦК продал пролетариат крестьянству «за чечевичную похлебку».

Если партия не выражает, по мнению рабочей оппозиции, интересов пролетариата, то тем более это относится к Советам — органам бюрократической государственности. Советский аппарат, по словам Коллонтай, — это «чиновничье-бюрократический и социально-смешанный коллектив, с сильным привкусом дельцов и «строителей» старого капиталистического закала, ум которых засорен мусором капиталистической рутины». Государство так же перерождается, как и партия: «...рабочий класс... играет все меньшую роль в Советской республике, все слабее окрашивает мероприятия своего же правительства, все менее руководит политикой и влияет на работу и на направление мысли центральных органов власти». Государственная власть балансирует между классами, выбирает среднюю линию. Следовательно, Советы не есть орган пролетарской диктатуры, — такой логический вывод следовал из положений рабочей оппозиции. И недаром рабочая оппозиция предлагала отодвинуть партию от непосредственного участия в советской работе для того, чтобы обеспечить «чистоту» классовой политики партии.

Итак, ни партия, ни Советы не отражают интересов пролетариата. Единственный

« ...орган, который меньше всего подвергся за эти три года разлагающему влиянию скрещивающихся, посторонних, непролетарских интересов (крестьянства и приспособившихся к советскому строю буржуазных элементов), уродующих наши советские учреждения и уводящих нашу политику из четкого классового русла в болото «приспособленчества» — это профессиональные союзы». «...Здесь классовый состав гуще, подбор сил однороднее, задачи, стоящие перед коллективом, тесно слиты с непосредственными бытовыми и трудовыми интересами самих производителей...»

Из такой оценки системы пролетарской диктатуры представители рабочей оппозиции делали вывод о необходимости передать организацию управления

[1]) Коллонтай, Рабочая оппозиция, 1921, стр. 15.

народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы.

Платформа рабочей оппозиции была платформой синдикалистского уклона. Рабочая оппозиция обнаружила полное непонимание марксистского учения о роли и значении партии в системе диктатуры пролетариата. Дело было не только в меньшевистских обвинениях партии в перерождении, в надклассовой политике и т. д. Рабочая оппозиция подменяла синдикалистским вымыслом действительное представление о классе. Пролетариат — это «...класс, как единая нераспыленная социальная единица, с едиными однородными классовыми запросами, задачами, интересами, а, следовательно, и однородной, выдержанной, четко-ясной политикой», писала Коллонтай. Само собой разумеется, что квалифицируя пролетариат как абсолютно однородное целое, рабочая оппозиция не могла не ревизовать марксистского учения о политической партии, как авангарде класса, — такая однородность автоматически исключала самое понятие об авангарде. И немудрено, что представители рабочей оппозиции отводили партии подчиненную роль, ограничивая ее функции участием в революционном перевороте и отрицая руководство партии рабочим классом. «Совершать революцию может авангард класса, — писала Коллонтай, — создавать экономическую основу господства нового общества может только весь класс в будничной практической работе своего основного классового коллектива». Рабочая оппозиция пришла таким образом к отрицанию роли партии, как высшей формы организации пролетариата, объединяющей его экономическую и политическую борьбу.

«Коллонтай, — писали американские анархо-синдикалисты из союза «Индустриальных рабочих мира», переиздавшие в Америке брошюру Коллонтай «Р. О.», — удалось убедить нас, что Ленин, Троцкий и Зиновьев вместе с другими большевиками — лидерами и рядовыми — все время делали ошибку, пытаясь решить социальную проблему сверху. Она выражала уверенность, что решение проблемы должно итти снизу, но ей не удалось привести ни одного логического оправдания в пользу того, чтобы какая-нибудь политическая партия могла направлять такое движение» [1]).

Явно синдикалистским было требование передачи управления производством съезду производителей. Сам термин «производитель» характеризовал мелкобуржуазность рабоче-оппозиционной идеологии. Марксизм употреблял это понятие лишь по отношению к бесклассовому коммунистическому обществу (Энгельс). Только мелкобуржуазный анархизм оперировал понятием «производителя» применительно к обществу классовому.

«Нет трудящихся вообще или работающих вообще, — говорил Ленин, — а есть либо владеющий средством производства мелкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические, которые и не могут быть другими, либо наемный рабочий» [2]).

Синдикализм рабочей оппозиции сказался и во взглядах ее на советское государство. Противопоставляя профсоюзы как классовую организацию пролетариата — социальной «мешанине» — партии и советскому государству, рабочая оппозиция в сущности лишь повторяла синдикалистское отрицание

[1]) Сб. «Рабочая оппозиция, материалы и документы», Гиз, 1926.

[2]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 144.

диктатуры пролетариата. Ведь такое противопоставление означало отказ от возможности использования государственной власти для уничтожения классов, отрицание гегемонии пролетариата, как господствующего класса. В эту синдикалистскую идеологию вплетались элементы международного и русского меньшевизма. Рабочая оппозиция так же, как и меньшевики, видела лишь одну перспективу — разрыв пролетариата с крестьянством и объявляла фантазией политику, направленную на укрепление рабоче-крестьянского союза.

«Мы в Советской России принуждены убеждать себя и весь рабочий класс, что мелкая буржуазия, мещанство (не говоря уже о крестьянстве в образе хозяйственного и трудолюбивого среднего) великолепно могут ужиться под общей вывеской «вся власть Советам», забывая, что именно в ежедневной практике интересы рабочих и пропитанного мелкобуржуазной психологией мещанства и крестьян неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и искажая ее классовую четкость»,

писала Коллонтай, высказываясь между прочим против принятого VIII съездом курса на середняка, как против «опасного уклона» от классовой линии.

Наконец тезисом, роднившим рабочую оппозицию с троцкизмом и меньшевизмом, было утверждение о невозможности победы пролетарской революции в отсталой крестьянской России. Синдикализм высказывался против диктатуры пролетариата, — и меньшевизм отрицал возможность последней в России. И Коллонтай была вполне последовательна, когда от синдикалистского тезиса переходила к тезису Мартова и Дана, утверждая, что «прежде всего экономическая отсталость России и преобладание в ней крестьянства создает эту пестроту (влияний. Р е д.) и неизбежно отклоняет в практике политику партии от ее твердо-выдержанной в принципе, в теории линии».

Анархо-синдикалистская платформа оппозиции включала также ряд практических предложений по вопросам партийного строительства. С целью очистки партии от всех некоммунистических элементов рабочая оппозиция предлагала «прекратить доступ в партию непролетарских и некрестьянских элементов, за исключением тех, кто работал в ней до ликвидации лево-эсеровского восстания, т. е. до средины 1918 г.», произвести перерегистрацию и удалить из партии нерабочих и некрестьян, вступивших в партию после этого срока, предоставив им право в трехмесячный срок подавать заявления об обратном приеме. Эти предложения были лишь иной формулировкой махаевского тезиса о принципиальной враждебности интеллигенции пролетариату. На практике предложения рабочей оппозиции были бы равносильны отказу от приема в партию крестьян, передовых красноармейцев, молодежи, показавшей свою преданность партии на фронтах гражданской войны. Другими словами, рабочая оппозиция предлагала отказаться от закрепления партийного влияния на крестьянство и Красную армию. Здесь помимо махаевщины налицо была та же синдикалистская цеховщина, взятая в своем организационном плане. Очищенная от непролетарских элементов партия должна была, по предложению рабочей оппозиции, подвергнуться радикальной демократизации. Рабочая оппозиция возводила партийную демократию в священный, неприкосновенный абсолют: «...во все времена, а не только во время передышки, необходима система широкого развертывания демократии...», свобода

Цѣна 5 марокъ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Народное Дѣло

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСКЪ.

Пятница, 5 марта 1921 года

Возстаніе во всей Россіи развивается.

Кронштадтъ въ рукахъ возставшихъ.

Матросы и гарнизонъ выдвинули платформу соціалистовъ-революціонеровъ.

Образованъ временный Революціонный Комитетъ.

Воззваніе кронштадтскаго гарнизона и флота ко всему трудящемуся народу.

Предсѣдатель кронштадтскаго совѣта, комиссаръ Балтійскаго флота и другіе представители совѣтской власти арестованы.

Во всѣхъ крупныхъ городахъ сильное возбужденіе.

Во Псковѣ распространяется воззваніе соціалистовъ-революціонеровъ.

Совѣтское правительство упорно и сознательно замалчиваетъ событія.

Совѣтская пресса лживо обвиняетъ агентовъ Антанты въ подготовленіи возстанія.

Петроградъ и вся губернія объявлены на осадномъ положеніи.

Телеграммы.

Возстаніе въ Кронштадтѣ.

Въ Московскихъ „Извѣстіяхъ" и „Правдѣ" отъ 3-го марта помѣщено оффиціальное сообщеніе о событіяхъ въ Кронштадтѣ.

Сообщеніе начинается съ утвержденія, будто событія эти подготовлены французскими бѣлогвардейцами вмѣстѣ съ правыми эсерами. Указывается, что съ 13-го февраля французскими бѣлогвардейцами уже распространялись извѣстія о мятежѣ кронштадтскихъ матросовъ этимъ лишь немного предъ[illegible]тія, очевидно уже находившіяся въ процессѣ подготовки. Затѣмъ извѣщеніе говоритъ, что въ концѣ февраля появились въ Петроградѣ и Кронштадтѣ „бѣлогвардейско-эсеровскія прокламаціи; 28 февраля вспыхнули безпорядки на броненосцѣ „Петропавловскъ"; на самочинномъ митингѣ матросовъ произносились „бѣлоэсеровскія" рѣчи и принята въ духѣ ихъ резолюція; на слѣдующій день, 1-го марта опять имѣлъ мѣсто митингъ, закончившійся принятіемъ такой же резолюціи; 2-го марта съ ранняго утра произошло выступленіе заговорщиковъ. Мятежемъ руководитъ генералъ Козловскій съ съ тремя офицерами, имена которыхъ пока неизвѣстны. Они арестовали комиссара Балтійскаго флота Кузьмина, предсѣдателя кронштадскаго совѣта Васильева и многихъ другихъ должностныхъ лицъ. „Такимъ образомъ"—гласитъ сообщеніе—„ясно, что за эсеровскими заговорщиками стоятъ царскіе генералы". Въ виду всего этого Совѣтъ Труда и обороны постановляетъ: 1) объявить вышеупомянутаго ген. Козловскаго съ его соучастниками внѣ закона; 2) объявить Петроградъ и Петроградскую губ. на осадномъ положеніи, и 3) всю высшую власть надъ петроградскимъ укрѣпленнымъ райономъ передать Совѣту обороны Петрограда.

Сообщеніе помѣчено 2-мъ марта и подписано Предсѣдателемъ Совѣ-

дискуссий и т. д., безусловная выборность, свобода критики партийных решений, заявляла Коллонтай.

«Очевидный уклон в сторону от партии, в сторону от коммунизма», так характеризовал взгляды рабочей оппозиции тов. Ленин. Какие же причины обусловили появление анархо-синдикалистского уклона в партии? Анархо-синдикализм ни в малейшей степени не был

в традициях русского рабочего движения, — вряд ли в какой-либо другой стране анархизм пользовался столь незначительным, ничтожным влиянием, как в России. Понадобились специфические условия, чтобы синдикалистские настроения получили известное распространение и даже проникли в партию. Эти специфические условия и были характерны для 1920—1921 гг. Гражданская война и тяжелый экономический кризис повлекли за собой распыление рабочего класса. Сотни тысяч, главным образом передовых, рабочих ушли в Красную армию, продотряды. Многие покинули город и осели в деревне. Только за полгода — с августа 1918 до февраля 1919 — количество рабочих по РСФСР уменьшилось на 229 тысяч [1]); этот процесс продолжал в повышающейся прогрессии усиливаться в 1920 г. Пролетариат деклассировался. Остановившиеся, консервированные или с перебоями работавшие фабрики превращались для рабочего из производственных центров в снабженческие. На фабрике выдавался паек, на фабрике же рабочие изготовляли — каждый для себя — различные мелкие фабрикаты («зажигалки») для продажи на рынке, либо такой обмен совершался не отдельным рабочим, но всей фабрикой. В систему организованного голода вклинился рынок, — Сухаревка связывалась с рабочим, который превращался в кустаря, мешочника. Распад производственного процесса в сочетании с голодом, невероятной усталостью и истощением рабочего класса обусловил распад производственной психологии, которая вытеснялась психологией неорганизованного потребителя, т. е. мелкобуржуазной психологией. Волна мелкобуржуазной стихии шла и из деревни. Крестьянское хозяйство было подорвано сильнейшим кризисом и экономической политикой военного коммунизма. Крестьянство реагировало на кризис стихийными восстаниями. Кронштадтский мятеж в наиболее четкой форме концентрировал напор мелкобуржуазной стихии. В конце 1920 г. определилось направление волны, которая вынесла на своем гребне рабочую оппозицию, — анархо-синдикалистская идеология как нельзя лучше отражала мелкобуржуазные настроения. «Рабочая оппозиция, — говорил Ленин, — которая скрывается за пролетарской спиной; и есть мелкобуржуазная анархическая стихия, точно так же как и демобилизованный красноармеец».

Деклассированный рабочий, как мы уже говорили, прежде всего был заражен потребительской психологией. И недаром «Дополнение к тезисам о рабочей оппозиции в профсоюзах», написанное во Владимирской губернии и одобренное А. Г. Шляпниковым, квалифицировало политику партии как «консервативный курс, видящий только производственную сторону».

Анархо-синдикалистское отрицание партии и диктатуры пролетариата, безоглядный демократизм Шляпникова и Коллонтай целиком и полностью отвечали мелкобуржуазному протесту против железной дисциплины и централизованной организации военного коммунизма. Ведь никто другой, как партия и руководимый ею советский аппарат проводили жесткую «разверстку», трудовые мобилизации и повинности, преследовали свободную торговлю.

---

[1]) «Правда» № 84 от 18 апреля 1919 г., ст. Ларина «Фабрично-заводские рабочие».

И, наконец, неотъемлемым элементом мелкобуржуазных деклассированных слоев пролетариата были цеховые интересы, стремление обособиться от государственной власти, отстраниться от тяжелой обязанности руководителя советского государства. И здесь анархо-синдикалистская аполитичность вместе с махаевским и антиспецовским «гарниром» и узкой профессиональной ограниченностью оказались пригодными для идеологов цеховщины. Утверждения, что рабочая оппозиция — это «классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата» (К о л л о н т а й), возмущение против «мещанского» влияния, слова о «творчестве» пролетариата, о «форсированном марше» к коммунизму были лишь

Штаб кронштадтских мятежников.

левой фразеологией, плохо скрывавшей истинную подоплеку рабоче-оппозиционных взглядов. За всей этой словесностью четко вырисовывалась физиономия «деревенской Матрены», олицетворявшей напор мелкобуржуазной стихии на партию и диктатуру пролетариата накануне ликвидации военного коммунизма. И характерно, что рабочая оппозиция имела н а и м е н ь ш и й успех в тех парторганизациях, где пролетарское ядро было н а и б о л е е закалено и свободно от мелкобуржуазных примесей. База рабочей оппозиции оказалась на Урале, на Украине, отчасти в Сибири, в Самарской губернии, т. е. там, где влияние мелкобуржуазных настроений было всего сильнее. Рабоче-оппозиционные настроения проникли в партию еще и потому, что как раз в годы гражданской войны партия приняла в свои ряды сотни тысяч молодых «новобранцев», недостаточно закаленных в борьбе.

Разоблачая анархо-синдикалистскую сущность рабочей оппозиции, ошибочность и опасность ее взглядов для партии и диктатуры пролетариата, партия считала, что «болезненным извращениям бюрократизма должна быть объявлена решительная борьба». Для лучшей организации этой борьбы Ленин предлагал одновременно с решительным противодействием анархо-синдикалистскому уклону, «который погубит партию, если не вылечиться от него окончательно», отсеять от рабочей оппозиции здоровые ее элементы.

«Платформа десяти», подтверждая решение IX съезда партии и пункты программы о перенесении центра тяжести профсоюзной деятельности в область организационно-хозяйственную и воспитательную, указывала, что участие союзов в организации производства должно усилиться с переходом на мирное строительство. Платформа отрицала наличие кризиса в профсоюзах: « ...то, что переживают профсоюзы теперь, является не кризисом и не распадом, а симптомом роста». Центр тяжести профсоюзной работы платформа видела в воспитательной деятельности профсоюзов. «Профсоюзы, говорилось в платформе, втягивают отсталые слои в хозяйственную и общесоветскую работу, подымают от беспартийности к коммунизму». Подтверждая необходимость увеличения государственных функций профсоюзов, платформа в то же время категорически отрицала «искусственное ускорение темпа огосударствления профсоюзов», которое, «нисколько не улучшая хозяйственного положения республики, привело бы только к тому, что роль профсоюзов как школы коммунизма была бы затруднена».

Платформа констатировала вырождение политотделов — Главполитпути и Цектрана, — временно заменявших профсоюзы, в «органы, оторванные от союзной массы и все более заменяющие методы нормальной демократии в союзе методами бюрократическими», и рекомендовала съезду упразднить Главполитпуть и выправить политику Цектрана.

Главным методом профсоюзной работы платформа признавала метод убеждения. Указывая на то, что в случае необходимости профсоюзы должны практиковать и пролетарское принуждение, платформа указывала на нецелесообразность механического перенесения военных методов в область хозяйственной работы.

«Красную армию нельзя было построить, не уничтожив выборных комитетов старого типа. А народное хозяйство, наоборот, нельзя поднять на должную высоту, не развивши и не подняв в то же время организацию профсоюзов. Методы, примененные в Красной армии, вполне оправдали себя, дав победу над контрреволюцией», и открыли стране возможность приступить к хозяйственному строительству. Чтобы успешно справиться с хозяйственными задачами, партия должна суметь применить в этой области соответствующие данной работе методы рабочей демократии».

Профсоюзная дискуссия ведет свое начало от V Всероссийской конференции профсоюзов, на которой Троцкий выступил с лозунгом «перетряхивания» профсоюзов. «Громадной ошибкой» членов ЦК Ленин на этом этапе борьбы считал то, что члены ЦК проглядели тезисы Рудзутака о производственных задачах профсоюзов, принятые V конференцией. «Это самый важный документ в споре», говорил Ленин.

На пленуме ЦК 9 ноября 1920 г. вопрос о профсоюзах вновь был поставлен Троцким, который внес черновой набросок тезисов «Профсоюзы и их дальнейшая роль». На пленуме выяснилось, что в ЦК нет твердой линии по вопросу о профсоюзах. Именно поэтому преобладающей на пленуме оказалась буферная группа, голосами которой было принято постановление о том, что дискуссия не должна выйти за пределы Центрального Комитета. ЦК отклонил тезисы Троцкого, принял тезисы Ленина и избрал профессиональную комиссию в составе Зиновьева, Томского, Рудзутака, Троцкого и представителей фракции V Всероссийской конференции профсоюзов (Андреева, Шляпникова, Лозовского и Лутовинова). Троцкий отказался принять участие в работах комиссии. Это и было первым шагом на пути фракционности.

«Почему я в комиссию не входил, об этом я в ЦК ясно сказал, — объяснял впоследствии Троцкий свое поведение, — до тех пор, пока не будет разрешено мне наравне со всеми другими товарищами этот вопрос в полном объеме поставить в партийной печати, до тех пор я не жду никакой пользы от келейного рассмотрения этих вопросов, а стало быть и от работы в комиссии... Я утверждал тогда, что решение ЦК, урезывавшее свободу обсуждения по такому вопросу, было абсурдно.... Я заявил, что я готов работать в комиссии при условии если будет одновременно дана возможность апеллировать к широким кругам партии» [1]).

Таким образом Троцкий отказался подчиниться решению ЦК о невынесении разногласий на широкое обсуждение и тем сорвал возможность обойтись без широкой дискуссии. «Неучастие Троцкого в профкомиссии, — писал Ленин, — фактически означает продолжение борьбы и вынесение ее за пределы ЦК» [2]).

На пленуме ЦК 7 декабря вновь обсуждался вопрос о профсоюзах, который обострился к этому времени ввиду раскола Цектрана — профсоюза транспортников, руководимого Троцким. Представители рабочих водного транспорта высказались против «цектрановских» методов работы и обвиняли руководителей

[1]) Сборник «Дискуссия о профсоюзах», стр. 14.
[2]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 31.

профсоюзов в том, что они не провели в жизнь постановлений всероссийской конференции и пленума ЦК о необходимости перехода от специфических методов работы на транспорте к методам, сближающим его с другими профсоюзами.

На пленуме ЦК Ленин и его сторонники оказались в меньшинстве. 24 декабря ЦК разрешил свободу дискуссии, а 25 декабря появилась брошюра-платформа Троцкого «Роль и задачи профсоюзов».

«С точки зрения формального демократизма Троцкий имел безусловное право выступить с платформой, ибо ЦК 24 декабря разрешил свободу дискуссии. С точки зрения революционной целесообразности это было уже громадным преувеличением ошибки, с о з д а н и е м ф р а к ц и и на ошибочной платформе» [1]).

Фракционным было предложение предстоящему съезду «выбирать между двумя тенденциями в области профдвижения», насквозь фракционным духом были пропитаны огульные обвинения профработников в невыполнении резолюции IX съезда, в тредъюнионизме и т. д. Наконец, фракционность ярче всего выразилась в самом факте выступления одного из 19 членов ЦК, подобравшего группу вне Центрального Комитета вокруг особой платформы.

Буферная группа Бухарина замалчивала фракционный характер выступлений Троцкого, подвергая критике выступления одних лишь сторонников Ленина.

«Я считаю политической ошибкой буферной группы с Бухариным во главе, — говорил Ленин, — что они не поняли задач буферов... они именно с точки зрения «буфера» должны были с бешеной энергией выступать против широкой дискуссии, за перенесение дискуссии в профкомиссию».

Дискуссия развернулась еще шире в заседании фракции VIII Съезда Советов 30 декабря. На этом же собрании Шляпниковым была оглашена платформа рабочей оппозиции. Дискуссионная лихорадка вскоре охватила всю партию. Петроградская организация выступила с особым «Обращением к партии», в котором она резко критиковала позицию Троцкого и предлагала поддержать точку зрения Ленина. Одновременно петроградская организация призывала произвести выборы на X съезд по платформам (что и было разрешено Центральным Комитетом). Московская организация, после некоторых колебаний в Московском Комитете, подавляющим большинством (80%) высказалась за платформу 10-ти. Вскоре появились новые платформы и тезисы. В московской организации их насчитывалось до 8, но фактически дискуссировались только 3 платформы: 10-ти, Троцкого и рабочей оппозиции. Во время дискуссии троцкистская оппозиция и рабочая оппозиция широко развернули фракционную деятельность. Так, например, фракционные организации троцкистов существовали на Урале, где екатеринбургский губком, поддерживавший платформу Троцкого, односторонне вел газету, не допускал распространения литературы платформы 10-ти, в частности статей и брошюр Ленина. Сторонники платформы 10-ти должны были перепечатывать ленинские брошюры и статьи на гектографе. В дискуссии 1920 года троцкисты поставили партию лицом к лицу с опасностью раскола.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 31.

Фракционное выступление Троцкого в 1920 г. было первой — после Октября — атакой троцкизма против большевистской партии. Троцкизм в дискуссии 1920 г. обнаружил не диалектический, механический подход к решениям важнейших тактических задач партии. Троцкизм противопоставил ленинскому учению о руководстве со стороны партии пролетариатом и крестьянством «переадминистрирование», на практике означавшее прыжок через крестьянство.

В области организационной троцкизм противопоставил единству и дисциплине большевистской партии фракционность, пренебрежение революционной целесообразностью ради формальной демократии и свободы дискуссии.

Развертывание широкой дискуссии в исключительно тяжелый переломный период, накануне перехода к нэпу, накануне восстания в Сибири и Кронштадтского мятежа было «совершенно непозволительной роскошью», тем более что вопрос не был основным вопросом момента. Троцкизм в 1920 г. неверно оценил политическую обстановку. «Несоответствие между профсоюзом, как он есть, и союзом, как он должен быть, выросло сейчас в самое большое противоречие внутри рабочего государства», утверждал Троцкий.

«Неверно», — такформулировал Ленин на полях брошюры Троцкого свое мнение по поводу этой тезы. Насколько правильно было это короткое замечание, показали ближайшие месяцы. Противоречия в профсоюзах, взятые сами по себе, были лишь мелочью по сравнению с теми большими противоречиями, которые обнаружились во всей хоз.-политич. системе военного коммунизма.

«Допустив такую дискуссию, — говорил Ленин на X съезде, — мы несомненно сделали ошибку. Не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили на первое место вопрос, который по объективным условиям не может стоять на первом месте, что мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед нами вопроса о том же самом кризисе».

«Такое выступление перед тяжелой весной было вредно» [1]).

Все же дискуссия 1920 года принесла и свои положительные результаты. Широкие партийные массы уяснили необходимость выдержки и дисциплины, необходимость полного единства партийных рядов в борьбе с антипартийными троцкистским и анархо-синдикалистским уклонами. «Партия учится и закаляется, — писал Ленин, — в борьбе с новой (в том смысле, что после Октябрьского переворота мы о ней забыли) болезнью — фракционностью» [2]).

С другой стороны, дискуссия помогла партии более или менее безболезненно перейти к нэпу. Если необходимость нэпа, в принципе декларированная Лениным еще в 1918 г. и настойчиво подтвержденная гулом кронштадтских орудий в 1921 г., была без сколько-нибудь серьезных колебаний признана партией, то этим партия была обязана дискуссии 1920 г.

Нэп, взятый в своем политическом плане, означал новые пути экономической политики, в плане организационном — новые методы руководства со стороны партии рабочим классом и крестьянством.

---

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 123.

[2]) Там же, стр. 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие Ем. Ярославского 3

Вопросник-план к I главе 9

Глава I. Характер и перспективы Февральской революции 11
а) Расстановка классов перед Февралем. 11
б) Буржуазная оценка Февральской революции. 23
в) Февраль в оценке мелкой буржуазии. 32
г) Пролетарская концепция Февральской революции. 40
д) Февраль в оценке Троцкого. 58

Вопросник-план ко II главе. 71

Глава II. Тактика партии от начала революции до корниловщины. 72
а) Большевики в февральско-мартовские дни. 72
б) Приезд Ленина в Россию. Апрельские тезисы. Разногласия партии вокруг апрельских тезисов 83
в) Травля большевиков и апрельская демонстрация. 95
г) Апрельская конференция 109
д) Борьба против коалиционных иллюзий. 121
е) Первый съезд советов. Июльская демонстрация. Наступление 1 июля (18 июня) 135
ж) Революция на переломе. Партия в июльские дни. 145
з) VI съезд партии и курс на вооруженное восстание. 166

Вопросник-план к III главе. 178

Глава III. Октябрьская революция 179
а) Корниловщина и ее следствия. 179
б) Демократическое совещание 188
в) Вопрос о прогнозе революции в ЦК. 191
г) Подготовка восстания 205
д) Октябрьское восстание 207
е) Партия большевиков в дни Октябрьской революции. 218
ж) Октябрьская революция по России. 221
з) II съезд советов. 227
и) Меньшевики и Октябрьская революция. 232
к) Эсеры и Октябрьская революция. 237
л) Смысл и содержание Октябрьской революции. 238
м) Уроки Октября. 241
н) Большевики и подготовка III Интернационала. 249

Вопросник-план к IV главе. 254

Глава IV. Партия от Октября до Бреста. 255

Вопросник-план к V главе. 286

Глава V. Брестский мир и VII съезд партии. 287
а) Мирные переговоры 290
б) Тактика Троцкого в Бресте, наступление немцев и перелом в партии и в массах. 300
в) Внутрипартийный кризис и открытие VII съезда партии. Основные вопросы VII съезда 307
г) Социальные корни «левых» и троцкистов. 315
д) Вопросы о пересмотре названия партии и о программе на VII съезде партии 319

Вопросник-план к VI главе. 323

Глава VI. Гражданская война 324

Вопросник-план к VII главе. 383

Глава VII. Военный коммунизм как хозяйственная система. 384
а) Экономическая политика партии от Октября до перехода к военному коммунизму 384
б) Военный коммунизм как экономическая система. 388
в) Значение и уроки военного коммунизма. 392

Вопросник-план к VIII главе. 402

Глава VIII. Партия в годы военного коммунизма 403
а) VIII съезд партии. 404
б) IX съезд партии 413
в) Партийная организация в 1919—1920 гг. 425
г) Дискуссия 1920 г. 435